ДЖОН
КРИСТОФЕР

СМЕРТЬ ТРАВЫ
ДОЛГАЯ ЗИМА
У КРАЯ БЕЗДНЫ

СМЕРТЬ ТРАВЫ
ДОЛГАЯ ЗИМА
У КРАЯ БЕЗДНЫ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ДЖОН
КРИСТОФЕР

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

JOHN

CHRISTOPHER

ДЖОН КРИСТОФЕР

Смерть травы

Долгая зима

У края бездны

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44
К82

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Сергеева

Художник В.Ненов

Перевод с английского: А. Полуда («Смерть травы»), А. Кабалкин («Долгая зима», «У края бездны»)

**Подписано в печать 24.04.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 8000 экз. Заказ № 870.**

Кристофер Д.

К82 Смерть травы. Долгая зима. У края бездны: Фантаст. романы: Пер. с англ. / Д. Кристофер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 637, [3] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-014115-7

Джон Кристофер — признанный классик английской научной фантастики, дебютировавший еще в 50-е годы XX века и впоследствии по праву занявший высокое место в мировой фантастике.

Отечественному читателю творчество Кристофера знакомо в основном по переведенным еще в 60-е—70-е годы рассказам, однако истинную славу ему принесли РОМАНЫ. Романы, достойно продолжающие традиции классической британской «фантастики катастрофы», идущие еще от Герберта Уэллса. Романы, сравнимые по силе воздействия только с произведениями Джона Уиндэма...

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44

© Перевод. А. Полуда, 2002
© Перевод. А. Кабалкин, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Смерть травы

Долгую семейную размолвку, как порой случается, примирила смерть.

Когда в начале лета 1933 года Хильда Кастэнс овдовела, она в первый раз за тридцать лет замужества написала отцу.

Настроения их были созвучны — Хильда тосковала по родным холмам Уэстморленда, устав от мрачного Лондона, а одинокий старик мечтал перед смертью увидеть единственную дочь и незнакомых внуков.

Мальчиков на похоронах не было. В свой маленький домик в Ричмонде они приехали, когда начались летние каникулы в школе, а уже на следующее утро вместе с матерью отправлялись в дорогу.

В поезде Джон — младший из братьев — спросил:

— А почему мы раньше никогда не ездили к дедушке? Ты с ним поссорилась, да, мама?

Хильда задумчиво смотрела в окно. Тусклые унылые предместья Лондона колыхались в раскаленном воздухе душного летнего дня.

— Трудно понять, почему так бывает, — неопределенно сказала она. — Начинаются раздоры, потом наступает отчужденность, молчание, и никто не хочет нарушить его первым.

Теперь, когда прошло столько лет, Хильда уже без волнения вспоминала о той буре чувств, в которую она окунулась после тихой беззаботной девичьей жизни в долине. Тогда, ослепленная обидой, она была уверена, что никогда не пожалеет о своем поступке, какое бы несчастье ни ожидало ее в чужих краях. Но судьба подарила ей счастливое замужество и замечательных детей. Она даже удивлялась, как могла раньше, в детстве, не замечать грязи, нищеты и

убожества их жизни в долине. Конечно, отец был прав. Он все прекрасно понимал.

— А кто начал ссору? — спросил Джон.

«Почему двум людям так трудно понять друг друга?» — с горечью подумала Хильда. Они с отцом были очень похожи, и кто знает — может, все было бы иначе, если бы не ее гордость.

— Теперь это уже не важно.

Дэвид отложил номер «Бойз Оун-Пейпер». Будучи на целый год старше своего брата, он не намного обогнал Джона в росте. Внешне мальчики были очень похожи, и их даже часто принимали за близнецов. Другое дело — характер. Медлительный в движениях и в мыслях, Дэвид всегда отличался практической хозяйской жилкой. Джон вечно витал в облаках.

— Мамочка, а какая она — долина? — спросил Джон.

— Долина? Она прекрасна. Она... Нет, пусть для вас это будет сюрпризом. Ее невозможно описать словами.

— Ну пожалуйста, мамочка, — канючил Джон.

— Мы ведь увидим ее из поезда? — глубокомысленно изрек Дэвид.

Хильда рассмеялась:

— Из поезда? Мы не увидим даже ее начала. От Стейвли еще почти час езды.

— Такая большая? — удивился Джон. — И вся окружена холмами, да?

Она улыбнулась:

— Увидите.

В Стейвли их встретил Джесс Хиллен, сосед старого Беверли. Погрузив вещи в машину, они отправились в путь. День уже близился к концу, и лучи заходящего солнца рассыпались из-за холмов, окружавших Слепой Джилл.

Долина напоминала глубокую тарелку с высокими краями — голые скалы и поросшие вереском холмы взмывали вверх, точно хотели дотянуться до неба. Роскошная красота долины казалась еще великолепнее в столь унылом однообразном окружении. Теплый летний ветерок ласкал пшеничные колоски, вдали ярко вырисовывалась сочная зелень пастбища.

Вход в долину едва ли мог быть еще уже. Слева, ярдах в десяти от дороги, высилась скала. Справа, у самой обочины, пенилась Лепе. Дальний берег реки закрывал другой путь в долину.

Хильда повернулась к сыновьям.

— Ну как?

— С ума сойти! — воскликнул Джон. — Река... Откуда она взялась?

— Это Лепе. Тридцать пять миль в длину и двадцать пять из них — под землей, как говорят. Во всяком случае, вытекает она в долине действительно из-под земли.

— И наверно, глубокая?

— Да. И течение очень быстрое. Так что купаться здесь нельзя. Ее даже специально обнесли проволокой, чтобы ненароком не свалилась какая-нибудь корова.

— Мне кажется, такая река должна зимой выходить из берегов, — заметил Дэвид.

— Да, так всегда и было, — кивнула Хильда. — А сейчас, Джесс?

— Прошлой зимой нас отрезало на целый месяц, — сказал Джесс. — Но теперь это не так страшно, ведь у нас есть радио.

— Ужас какой, — воскликнул Джон. — Совсем-совсем отрезаны? А нельзя было забраться на холмы?

Джесс усмехнулся:

— Пытались тут некоторые. Но по скалам не очень-то поднимешься. Так что лучше сидеть дома, когда Лепе разливается.

Хильда взглянула на старшего сына. Дэвид пристально всматривался в долину, утонувшую в вечерних сумерках. Виднелась ферма Хилленов, дом Беверли стоял повыше.

— Ну и что ты об этом думаешь, Дэвид?

С трудом оторвавшись от чарующего зрелища, мальчик повернулся к матери и, глядя ей прямо в глаза, сказал:

— Я бы хотел здесь жить. Всегда.

В то лето мальчикам было настоящее раздолье в их затеях. Во всей долине — полмили шириной и около трех в

длину — было только две фермы да диковинная река, вытекавшая прямо из южной скалы.

Несколько раз братья забирались на скалу и, стоя на вершине, смотрели на косматые холмы, густо поросшие вереском. Внизу зеленела крошечная долина. Джон упивался высотой, одиночеством и... властью. Фермерские дома сверху выглядели игрушечными. Казалось, можно было наклониться и поднять их с земли. Утопающая в зелени долина напоминала чудесный оазис среди пустынных гор.

Дэвиду не нравились эти восхождения, и после третьего раза он отказался от новых подъемов — в долине ему было интереснее. Большую часть времени братья проводили порознь. Пока Джон бродил по окрестностям долины, Дэвид оставался на ферме, к великой радости деда.

На исходе второй недели теплым пасмурным днем дед с внуком отправились к реке. На ходу старик то и дело срывал пшеничные колоски и внимательно изучал их, держа на вытянутых руках — он страдал дальнозоркостью. Мальчик наблюдал за ним.

— Похоже, будет отменный урожай, — сказал Беверли, — если, конечно, глаза меня не подводят.

Рядом бурлила река.

— А мы еще будем здесь, когда созреет урожай? — спросил Дэвид.

— Не знаю. Может, и будете. А ты сам-то хочешь?

— Очень, дедушка!

Они замолчали, лишь грохот волн тревожил тишину. Старик задумчиво смотрел на долину. Полтора столетия возделывал ее род Беверли.

— Почему бы нам не узнать друг друга получше? — сказал он, повернувшись к внуку. — Скажи, ты хотел бы стать фермером в долине, когда вырастешь?

— Больше всего на свете.

— Тогда все это будет твоим. Земле нужен только один хозяин, а твой брат, как мне кажется, не в восторге от такой жизни.

— Джон хочет стать инженером.

— Наверно, нельзя так говорить, но я не представляю, какая другая жизнь может доставлять столько радости. Это очень

хорошая земля. Развернешь собственное дело. Не жизнь, а сказка. На Верхнем Лугу с древности сохранилось несколько каменных плит. Под землей. Говорят, когда-то долина служила крепостью. Тебе, конечно, вряд ли придется обороняться здесь против пуль и аэропланов. Но знаешь, всякий раз, когда я выхожу из долины, у меня возникает странное чувство, будто невидимая дверь затворяется за спиной.

— Я тоже почувствовал, — сказал Дэвид.

— Мой дед, — продолжал Беверли, — настоял, чтобы его похоронили здесь. Они были против. Черт бы их подрал! Каждый человек имеет право быть похороненным в своей собственной земле.

Он посмотрел на зеленые всходы пшеницы.

— Только смерть может разлучить меня с долиной.

На следующий день, вдоволь насладившись вершинами холмов, Джон спускался в долину.

Бурлящий стремительный речной поток стискивал южные склоны. Вдруг Джон заметил в скале расщелину. «Вот здорово! Это наверняка пещера», — подумал он и решил во что бы то ни стало добраться до нее. Мальчик спускался быстро, ловко, но осторожно. Смышленый и юркий, Джон вовсе не был безрассудно храбрым.

Вот наконец и трещина. До темного водоворота реки — футов пятнадцать. Правда, Джона ждало разочарование — никакой пещеры не было, трещина да и только. Прямо над кромкой воды нависал большой камень, что-то вроде выступа. «А что, если попробовать забраться туда и посидеть, свесив ноги в воду? — вдруг подумал Джон. — Конечно, не так интересно, как пещера, но все-таки какое-никакое, а приключение».

Джон осторожно опустился на четвереньки и стал ползком подбираться к краю выступа. Внизу рычала и грохотала река. Когда он был почти у цели, оказалось, что камень весьма ненадежная опора, слишком мало места. Но не отступать же на полдороге? Джон решил: «Опущу в воду только одну ногу». Он скорчился в неудобной позе, чтобы расстегнуть сандалию, и попытался удержаться, но схватиться было не за что. Он сорвался вниз, и свирепые, холодные даже в разгар лета воды Лепе захлестнули его.

Джон неплохо плавал, но бороться с неистовым потоком было бессмысленно. Течение волокло его вниз, к глубинам канала. Этот канал река промыла за сотни лет до того, как Беверли, да и вообще кто-либо, поселились на ее берегах. Волны вертели мальчика, точно камешек. Джон не чувствовал ничего, кроме величественного могущества реки и своего прерывистого пульса. Внезапно он увидел, что тьма вокруг ослабевает, уступая солнечным лучам. Свет пробивался сквозь воду — стремительную, но уже не столь глубокую. Сделав отчаянное усилие, Джон вынырнул и, судорожно вздохнув, увидел, что находится почти на середине реки. Долина кончилась. Отсюда течение немного успокаивалось, и Джон, собрав последние силы, поплыл к берегу. «Надо же, как далеко унесло, — подумал он, — и как быстро». Вдруг мальчик услышал скрип повозки, а чуть погодя — голос деда:

— Эй, Джон! Купаешься?

Ноги мальчика наконец коснулись дна, и он медленно, спотыкаясь, побрел к берегу.

— Ты весь дрожишь, парень! Что, сорвался? — спросил Беверли, помогая внуку забраться в двуколку.

Запинаясь и едва дыша от усталости, Джон рассказал, что с ним случилось. Старик выслушал не перебивая.

— Похоже, ты в рубашке родился, — сказал он, когда мальчик закончил. — Тут и любой взрослый не справился бы. Так, говоришь, ты почувствовал дно еще на глубине? Когда-то мой отец рассказывал об отмели на середине Лепе, но никто не пытался это проверить.

Он взглянул на мальчика — Джон трясся как в лихорадке.

— Заболтался я совсем! Тебе же надо вернуться домой в сухой одежде. Давай-ка, Ручеек!

Старик немного сердился, и Джон торопливо проговорил:

— Дедушка, ты ведь не скажешь маме, правда? Пожалуйста!

— Как же не сказать? Она и сама увидит. Ты промок до костей.

— Я высохну... на солнце.

— Высохнешь, только не на этой неделе. Погоди-ка... Ты не хочешь, чтобы мама узнала о твоих подвигах? Боишься, заругает?

— Да.

Их глаза встретились.

— Ну хорошо, парень, — сказал дед. — Есть один выход. Поедем-ка мы с тобой на ферму Хилленов. Должен же ты где-нибудь высушиться. Идет?

— Да, — ответил Джон. — Я согласен. Спасибо, дедушка.

Колеса повозки скрипели по каменистой дороге.

— Ты ведь хочешь стать инженером? — первым нарушил молчание старик.

— Да, дедушка, — сказал Джон, с трудом отрывая зачарованный взгляд от могучего течения реки.

— А фермером, значит, не хочешь?

— Не особенно, — осторожно произнес Джон.

— Думаю, не хочешь, — спокойно сказал старик. Он хотел что-то добавить, но передумал. Только почти у самой фермы Беверли наконец снова заговорил: — Я рад. Больше всего на свете я люблю эту землю. Но есть одна вещь, которой она не стоит. Самая прекрасная земля в мире может стать бесплодной, когда в ней посеяна вражда между братьями.

Он остановил пони и крикнул Джесса Хиллена.

1

Четверть века спустя братья стояли на берегу Лепе. Дэвид поднял трость и показал на склон холма:

— Вот они!

Проследив за взглядом брата, Джон засмеялся.

— Дэви, как обычно, задает темп, но бьюсь об заклад, что выносливость Мэри победит и она будет Первой-На-Вершине.

— Не забывай, что она года на два старше.

— Ты — плохой дядя — слишком явно благоволишь к племяннику.

Оба усмехнулись.

— Мэри — славная девчушка, — сказал Дэвид, — но Дэви... просто Дэви есть Дэви.

— Тебе бы жениться и завести своих собственных.

— Мне никогда не хватает времени на ухаживания.

— Я думал, вы тут, в деревне, совмещаете это с посадкой капусты, — заметил Джон.

— Я не выращиваю капусту. Сейчас нет смысла заниматься чем-либо другим, кроме пшеницы и картофеля. Я делаю только то, чего хочет правительство.

Джон взглянул на него с изумлением:

— Мне нравится твоя искренность, начинающий фермер. Ну а что с твоими коровами?

— Думаю, с молочным стадом придется расстаться. Коровы занимают больше земли, чем того стоят.

Джон покачал головой:

— Не могу представить долину без них.

— Это устаревшая иллюзия горожанина, будто бы деревня не меняется. Она меняется больше, чем город. Изменения в городе сводятся лишь к замене зданий, которые становятся еще выше и еще уродливее, вот и все. Деревня же всегда меняется фундаментально.

— Можем поспорить, — возразил Джон. — В конце концов...

— Анна идет, — перебил его Дэвид и добавил, когда Анна была совсем близко: — И ты еще спрашиваешь, почему я никак не женюсь?

Анна положила руки им на плечи.

— Что мне нравится в долине, — сказала она, — так это высокий класс деревенских комплиментов. Дэвид, ты действительно хочешь знать, почему ты не женишься?

— Он говорит, что у него не хватает времени, — сказал Джон.

— Ты просто гибрид, — объявила Анна, — в тебе достаточно от фермера, чтобы считать жену своей собственностью, но, будучи новомодным типом с университетским образованием, ты с изяществом испытываешь от этого чувство неловкости.

— И как же, по-твоему, я буду обращаться со своей женой? — спросил Дэвид. — Впрягу ее в плуг, если сломается трактор?

— Все зависит от жены, сможет ли она с тобой справиться.

— Скорее всего она сама впряжет тебя в плуг, — засмеялся Джон.

— Тебе придется подыскать мне такую милашку. У тебя ведь есть приятельницы, способные справиться с уэстморлендской твердыней?

— Слушай, — сказала Анна, — сколько уже было таких попыток?

— Брось! Они все были либо плоскогрудые дивы в очках, с грязный ногтями и «Нью Стэйтмэн» под мышкой, либо особы в твидовых костюмчиках нелепых цветов, нейлоновых чулках и туфлях на высоких каблуках.

— А как насчет Нормы?

— Норме, — ответил Дэвид, — очень хотелось понаблюдать за случкой жеребца и кобылы. Она, вероятно, считала это чрезвычайно интересным и полезным опытом.

— Ну что же тут плохого для фермерской жены?

— Не знаю, — сухо ответил Дэвид. — Но это шокировало старого Джесса. Наши понятия о приличиях отличаются от общепринятых, хотя, может, они и смешны.

— Я как раз об этом и говорила, — сказала Анна, — ты еще недостаточно цивилизован и всю жизнь проживешь холостяком.

Дэвид усмехнулся:

— Хотелось бы знать, можно ли надеяться, что Дэви когда-нибудь спасет меня от окончательной деградации?

— Дэви собирается стать архитектором, — сказал Джон. — Ты бы видел чудовище, которое я сейчас помогаю ему строить.

— Дэви сделает так, как сочтет нужным, — заметила Анна.

— А пока, мне кажется, он готовится стать альпинистом. А Мэри? О ней вы забыли?

— Не представляю Мэри архитектором, — сказал Джон.

— Мэри выйдет замуж, — добавил Дэвид, — как любая женщина, которая чего-нибудь стоит.

Анна изучающе посмотрела на них:

— Вы оба настоящие дикари. По-моему, все мужчины такие. Только у Дэвида налет цивилизованности почти совсем облупился.

— Что плохого в том, если я считаю замужество само собой разумеющимся для женщины? — спросил Дэвид.

— Я не удивлюсь, если Дэви тоже женится, — сказала Анна.

— В университете я знал одну девушку из Ланкашира. Она сбежала от своего отца в четырнадцать лет, и ей было совершенно все равно, куда бежать. Училась она лучше всех нас, но, так и не закончив курс, вышла замуж за американского летчика и уехала с ним в Детройт.

— И поэтому, — заметила Анна, — теперь вы не представляете для своих дочерей иной судьбы, кроме неизбежного замужества за американским летчиком из Детройта.

Дэвид улыбнулся:

— Что-то вроде этого.

Анна сердито взглянула на него, но удержалась от комментариев. Некоторое время они молча шли вдоль берега реки. Стоял теплый майский день. По лазурному небесному пастбищу неспешно брели облака. В долине всегда как-то по-особенному ощущалось небо, словно обрамленное окружающими ее холмами.

— Какая мирная, спокойная земля! — воскликнула Анна. — Тебе повезло, Дэвид!

— Оставайтесь, — предложил он. — Нам нужны лишние руки — ведь Люк болеет.

— Мое чудовище зовет меня, — сказал Джон. — Да и дети не станут делать задание на каникулы, пока они здесь. Боюсь, нам придется вернуться в Лондон в воскресенье, как намечали.

— Такие богатства вокруг! Посмотрите на все это, а потом вспомните о несчастных китайцах.

— Ты слышал какие-нибудь новости перед отъездом?

— Увеличилось количество судов с зерном из Америки.

— А что слышно из Пекина?

— Официальных сообщений нет. Но похоже, Пекин в огне. А в Гонконге пришлось отражать атаки на границе.

— Очень благородно, — насмешливо произнес Джон. — Вы когда-нибудь видели старые фильмы о кроличьей чуме в Австралии? Изгороди с колючей проволокой в десять футов высотой, и кролики — сотни, тысячи кроликов. Сгрудив-

шись возле заграждения, они давят на него, напрыгивая друг на друга, пока в конце концов не перелезут через изгородь или она сама не рухнет под их тяжестью. То же самое сейчас творится в Гонконге. Только, давя друг друга, через изгородь перелезают не кролики, а человеческие существа.

— По-твоему, это так же плохо? — спросил Дэвид.

— Намного хуже. Кролики движимы только слепым инстинктом голода. А люди обладают разумом, поэтому, чтобы остановить их, придется приложить гораздо больше усилий. Я думаю, патронов для ружей у них предостаточно, но, если бы даже их было мало, ничего бы не изменилось.

— Думаешь, Гонконг падет?

— Уверен. Давление будет расти до тех пор, пока не уничтожит его. Людей можно расстреливать с воздуха из пулемета, бомбить, поливать напалмом, но на месте каждого убитого тут же окажется сотня из глубинки.

— Напалм! — воскликнула Анна. — Нет!

— А что же еще? Для эвакуации всего Гонконга нет кораблей.

— Но ведь в Гонконге нет достаточного количества продуктов, и если они действительно захватили его, им придется вернуться несолоно хлебавши.

— Верно. Но что это меняет? Люди умирают от голода. В таком положении человек способен на убийство из-за куска хлеба.

— А Индия? — спросил Дэвид. — Бирма и вся остальная Азия?

— Бог знает. В конце концов, они получили какое-никакое предупреждение на примере Китая.

— Как же они надеются сохранить это в тайне? — спросила Анна.

Джон пожал плечами.

— Они отменили голод с помощью закона — помнишь? И потом, вначале все выглядит просто. Вирус был изолирован в течение месяца, когда уже поразил рисовые поля. Ему даже придумали изящное название — вирус Чанг-Ли. Все, что от них требовалось, — найти способ уничтожить вирус, сохранив растение, либо вывести вирусоустойчивую поро-

ду. И наконец, они просто не ожидали, что вирус начнет распространяться так быстро.

— Но когда урожай уже был уничтожен?

— Они боролись с голодом — честь им и хвала — в надежде продержаться до весеннего урожая. К тому же они были убеждены, что к тому времени справятся с вирусом.

— Американцы считают, что смогут решить эту проблему.

— Им удастся спасти остальную часть Дальнего Востока. Спасать Китай уже слишком поздно — отсюда и Гонконг.

Анна смотрела на склон холма. Маленькие фигурки по-прежнему карабкались к вершине.

— Дети умирают от голода, — сказала она, — ведь наверняка можно что-нибудь сделать?

— Что? — спросил Джон. — Мы отправляем продукты, но это капля в море.

— И мы спокойно разговариваем, смеемся, шутим на плодородной мирной земле, — сказала она, — когда творится такой кошмар.

— Что мы можем сделать, дорогая моя, — ответил Дэвид. — И раньше было достаточно людей, умирающих каждую минуту. Смерть есть смерть — случается ли это с одним человеком или с сотней тысяч.

— Наверно, ты прав, — задумчиво проговорила Анна.

— Нам еще повезло, — сказал Дэвид. — Вирус мог уничтожить и пшеницу.

— Но тогда результат был бы менее плачевным, — возразил Джон. — Мы ведь не зависим от пшеницы, как китайцы, да и вообще все азиаты — от риса.

— Ничего утешительного. Наверняка — нормированный хлеб.

— Нормированный хлеб! — воскликнула Анна. — А в Китае миллионы борются за горстку зерна.

Наступило молчание. В безоблачном небе сияло солнце. Слышалась звонкая песня дрозда.

— Бедняги, — сказал Дэвид.

— Как-то в поезде я видел одного парня, — заметил Джон. — Так он с явным удовольствием разглагольствовал: дескать, китаезы получили то, что заслужили, мол, так им, коммуни-

стам, и надо. Если бы не дети, я бы поделился с ним своим мнением по этому поводу.

— А разве мы намного лучше? — спросила Анна. — Мы чувствуем сожаление только сейчас, а в остальное время забываем о них и продолжаем как ни в чем не бывало заниматься своими делами.

— Нам ничего другого не остается, — сказал Дэвид. — Тот парень в поезде — я не думаю, что он постоянно злорадствует. Так же и мы. Не так плохо, пока мы понимаем, как нам повезло.

— Разве?

Легкий ветерок раннего лета донес слабый крик. Они взглянули на вершину холма. На фоне неба вырисовывалась человеческая фигурка. Через несколько минут рядом появилась еще одна.

Джон улыбнулся:

— Мэри первая. Выносливость победила.

— Ты имеешь в виду возраст, — сказал Дэвид. — Давайте покажем, что мы видим их.

Они помахали руками, и два крошечных пятнышка замахали им в ответ.

— Мне кажется, Мэри решила стать врачом, — сказала Анна, когда они продолжили свою прогулку.

— Ну что же, разумная идея, — заметил Дэвид. — Она может выйти замуж за другого врача и организовать совместную практику.

— В Детройте, да? — усмехнулся Джон.

— Это одно из полезных занятий, по мнению Дэвида, — сказала Анна. — Так же, как и хорошая кухарка.

Дэвид ткнул тростью в ямку.

— Когда живешь среди простых вещей, — сказал он, — всегда больше ценишь их. Я разделяю полезные занятия по степени важности на первые, вторые и третьи. А уж потом можно взяться и за небоскребы.

— Но если у тебя не будет инженеров, способных соорудить достаточно вместительное приспособление, чтобы втиснуть туда министерство сельского хозяйства, куда же вы, фермеры, тогда денетесь?

Дэвид не ответил на насмешку. Они дошли до места, где справа от тропинки начиналась болотистая земля. Дэвид наклонился и выдернул несколько стебельков — они легко поддались.

— Ядовитые сорняки? — спросила Анна.

Дэвид покачал головой:

— Oryzoides рода Leersia семейства Oryzae.

— Пожалуйста, без своих ботанических заморочек, — сказал Джон. — Это ничего не значит для меня.

— Очень редкая для Британии трава, — продолжал Дэвид. — Весьма необычная для здешних мест, изредка ее можно найти в южных графствах — Хэмпшире, Сари и так далее.

— Похоже, листья гниют, — сказала Анна.

— И корни — тоже, — добавил Дэвид. — Oryzae включает два вида — Leersia и Oryza.

— Звучит как имена прогрессивных женщин, — усмехнулся Джон.

— Oryza sativa, — сказал Дэвид, — это рис.

— Рис! — воскликнула Анна. — Тогда...

— Трава риса, — кивнул Дэвид.

Он достал длинное лезвие и срезал травинку, сплошь испещренную темно-зелеными с коричневой серединкой пятнышками неправильной формы. Последний дюйм стебелька уже разлагался.

— Вот это и есть вирус Чанг-Ли, — объявил Дэвид.

— Здесь, в Англии? — удивился Джон.

— Да, на нашей славной зеленой земле, — ответил Дэвид. — Я знал, что он достигнет Leersia, но не ожидал, что так скоро.

Анна зачарованно смотрела на грязную гниющую траву.

— Слава богу, что у него избирательный вкус, — сказал Дэвид. — Эта чертова штуковина прошла полмира, чтобы прицепиться к маленькому пучку травы — может, единственному на несколько сотен таких же во всей Англии.

— Да, — произнес Джон. — А ведь пшеница — тоже трава, правда?

— И пшеница, — ответил Дэвид, — и рожь, и овес, и ячмень, не говоря уже о корме для скота. Так что все может обернуться гораздо хуже, чем сейчас у китайцев.

— Для нас, — не выдержала Анна. — Ты ведь это имеешь в виду? А о них мы опять забыли. И через пять минут найдем какой-нибудь новый предлог, чтобы вовсе не вспоминать.

Дэвид смял траву в руке и бросил в реку.

— Ничего другого мы сделать не можем, — сказал он.

2

К началу девятичасовых новостей Анна машинально включила радио. Джон долго медлил со следующим ходом, хмуря брови поверх карт, и они никак не могли закончить третью партию. Роджеру и Оливии не хватало всего тридцати очков, чтобы выиграть роббер*.

— Ну, давай, старина! — нетерпеливо сказал Роджер Бакли. — Как насчет того, чтобы наконец исхитриться с этой девяткой?

Роджер был единственным из старых армейских друзей Джона, с которым он поддерживал близкие отношения. Анна невзлюбила Роджера с первой минуты знакомства, да и потом просто терпеливо мирилась с его присутствием. Ей не нравилось его мальчишество и странные минуты жесточайшей депрессии. Но еще больше ей не нравилась необычайная твердость его натуры в сочетании с этими качествами.

Анна была абсолютно уверена, что Роджер знает о ее чувствах и не обращает на них никакого внимания — так же, как и на многие другие вещи, считая их несущественными. Когда-то это еще больше усилило ее неприязнь, а одно обстоятельство послужило причиной, из-за которой она даже хотела отлучить Джона от его дружбы с Роджером.

Этим обстоятельством была Оливия. Вскоре после их знакомства Роджер привел довольно крупную спокойную, застенчивую девушку и представил ее своей невестой. Несмотря на удивление, Анна была уверена, что эта помолвка, как и несколько предыдущих, о которых рассказывал Джон, никог-

* Роббер — третья партия в карточных играх, когда участники уже выиграли по одной.

да не кончится женитьбой. Но она ошиблась. Сначала она думала, что Роджер бросит Оливию в затруднительном положении. Потом, когда свадьба уже не вызывала никаких сомнений, она искренне жалела Оливию и хотела защитить ее, будучи уверенной, что теперь-то Роджер покажет свое истинное лицо. Но постепенно Анна обнаруживала, что Оливия не нуждается ни в ее жалости, ни в ее покровительстве, а напротив — очень счастлива в союзе с Роджером. Да и сама Анна оказалась в большой зависимости от теплого спокойного участия Оливии. Поэтому, по-прежнему не любя Роджера, она более или менее примирилась с ним из-за Оливии.

Джон наконец пошел маленькой бубнушкой на короля. Оливия спокойно покрыла восьмеркой. Джон, поколебавшись, бросил валета. С торжествующим хихиканьем Роджер накрыл все это дамой.

Из радиоприемника послышался голос с характерным произношением дикторов Би-би-си:

— Чрезвычайный Комитет Объединенных Наций в своем очередном рапорте из Китая сообщает, что, по самым заниженным оценкам, число смертей в Китае достигает двухсот миллионов...

— А черви-то у них слабоваты, — пробормотал Роджер. — Надо воспользоваться...

— Двести миллионов! Невероятно! — воскликнула Анна.

— Что такое двести миллионов? — сказал Роджер. — Этих китаезов пруд пруди, через пару поколений наплодят кучу новых.

Анна хотела было что-то возразить на циничные слова Роджера, но передумала, поглощенная мрачными картинами, которые рисовало ее воображение.

— В дальнейшем, — продолжал радиокомментатор, — в рапорте говорится о том, что в экспериментах с изотопом-717 достигнут почти полный контроль над вирусом Чанг-Ли. Опыление рисовых полей этим изотопом должно стать немедленной акцией вновь созданного Авиаполка Воздушной Помощи Объединенных Наций. Предполагается, что запасов изотопа хватит для незамедлительной защиты всех рисовых полей. Те, что находятся в угрожающем состоянии, будут обработаны в течение нескольких дней, остальные — в течение месяца.

— Слава богу хоть за это, — сказал Джон.

— Когда ты наконец закончишь молиться Деве Марии, — перебил его Роджер, — тебя не затруднит покрыть это маленькое сердечко?

— Роджер, — мягко запротестовала Оливия.

— Двести миллионов, — продолжал Джон. — Памятник человеческой гордыне и упрямству. Если бы над вирусом поработали шестью месяцами раньше, они были бы теперь живы.

— Кстати, о памятниках человеческой гордыне, — вставил Роджер, — и пока ты думаешь, как бы вывернуться и не пойти этим чертовым тузом, как там твой собственный Тадж-Махал? Ходят слухи о проблемах с рабочей силой?

— А есть хоть что-нибудь, о чем ты не слышал?

Роджер был инспектором по общественным связям в Министерстве промышленности. Он жил в мире сплетен и слухов, которые, по мнению Анны, питали его природную жестокость.

— Ничего существенного, — сказал Роджер. — Как думаешь, поспеете к сроку?

— Передай своему министру, — ответил Джон, — пусть его коллега не боится — плюшевый гарнитур для него будет готов без опоздания.

— Вопрос в том, — заметил Роджер, — будет ли коллега готов для гарнитура.

— Опять сплетни?

— Я бы не назвал это сплетнями. Может, конечно, его шея неуязвима для топора, интересно было бы взглянуть.

— Роджер, — не удержалась Анна, — ты что, получаешь огромное удовольствие от вида людских страданий?

Она тут же пожалела о сказанном. Роджер посмотрел на нее изумленным взглядом. У него было обманчиво мягкое лицо с безвольным подбородком и большими карими глазами.

— Я — маленький мальчик, я никогда не вырасту, — дурачась, сказал он, — если бы ты была в моем возрасте, ты бы наверняка хохотала над толстяком, поскользнувшимся на банановой кожуре. Но тебе жалко смотреть, как они ломают себе шеи, жалко их несчастных жен и кучу голодных

ребятишек. Так что, уж будь добра, позволь мне играть в свои игрушки.

— Он безнадежен, — сказала Оливия. — Не обращай внимания, Анна!

Она говорила с поразительным спокойствием, словно терпеливая мать с непослушным ребенком.

— Все вы, взрослые чувствительные люди, — продолжал Роджер, по-прежнему глядя на Анну, — должны зарубить себе на носу: сейчас сила на вашей стороне. Вы живете в мире, где все говорит в пользу чувствительных и цивилизованных людей. Но это очень ненадежно. Возьмите хотя бы древнейшую цивилизацию Китая и посмотрите, что из этого вышло. Когда начинает урчать в животе, забываешь о хороших манерах.

— Я все-таки вынужден согласиться, — сказал Джон, — ты просто атавизм, Роджер!

— Иногда мне кажется, что они со Стивом ровесники, — сказала Оливия.

Стив был девятилетним сыном Бакли. Роджер слишком любил его, чтобы отпустить в школу. Невысокий для своего возраста, явно недоношенный, мальчик был подвержен странным приступам внезапной жестокости.

— Но Стив-то повзрослеет, — заметила Анна.

Роджер усмехнулся:

— Тогда он не мой сын.

Когда дети вернулись домой на каникулы, семейства Кастэнсов и Бакли отправились на уик-энд к морю. Обычно для таких поездок они в складчину брали напрокат трейлер. Одна машина тянула домик на колесах на пути к морю, другая — на обратном пути. Трейлер служил домом для четверых взрослых, дети спали рядом в палатке.

Чудесным субботним утром они лежали на нагретой солнцем гальке. Рядом тихо плескалось море. Дети ловили крабов вдоль берега. Джон, Анна и Оливия просто грелись на солнышке, Роджер — более непоседливый по натуре — сначала помогал детям, потом тоже лег. Он явно казался чем-то обеспокоенным.

Когда Роджер уже в который раз посмотрел на часы, Джон не выдержал:

— Ну ладно, надо чем-то заняться.

— Интересно, чем? — спросила Анна. — Может, хочешь приготовить обед?

— Лучше спустимся-ка мы с Роджером в деревню, — ответил Джон. — Они сейчас откроются.

— Они уже полчаса как открылись, — заметил Роджер. — Возьмем твою машину.

— Ленч в час, — объявила Оливия. — Опоздавшим ничего не достанется.

— Не волнуйся.

Глядя на стоявшие перед ним стаканы, Роджер сказал:

— Так-то лучше. На море меня всегда мучит жажда. Должно быть, из-за соленого воздуха.

— Ты немного раздражен, Родж, — сказал Джон, отпив из своего стакана. — Я еще вчера заметил. Тебя что-то беспокоит?

Они сидели в баре. Через открытую дверь виднелась дорожка, посыпанная гравием, и широкая полоса ровно подстриженной травы рядом с ней. Воздух был теплым и влажным.

— Раздражен, говоришь? Возможно.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Роджер пристально посмотрел на него.

— Первая обязанность инспектора по общественным связям — это преданность, вторая — благоразумие и третья — луженая глотка и хорошо подвешенный язык. Моя беда в том, что я всегда держу пальцы скрещенными, когда клянусь в верности и благоразумии тем, кто вовсе не является моими друзьями.

— Что случилось?

— Будь ты на моем месте — ни за что бы не рассказал. Поэтому я прошу тебя помалкивать. Даже Анна не должна знать. Оливии я тоже не говорил.

— Если это так серьезно, может, лучше не рассказывать?

— Откровенно говоря, было бы умнее, если бы они держали все в тайне, хотя и это не важно. Все равно, так или иначе, люди узнают.

— Слушай, ты меня заинтриговал!

Роджер осушил свой стакан, подождал, пока Джон сделает то же самое, и пошел к стойке за новой порцией. Вернувшись, он долго молчал, потягивая пиво.

— Помнишь изотоп-717? — наконец сказал он.

— Это та дрянь, которой опрыскивали рис?

— Да. Было разработано два предложения, как справиться с вирусом Чанг-Ли. Первое — найти что-либо, способное убить его. Второе — лучшее — вывести вирусоустойчивую породу риса. Второе средство требовало явно больше времени и поэтому привлекло меньше сторонников. Когда ухватились за первый способ, оказалось, что 717-й очень эффективно действует против вируса. Тогда он был запущен в работу.

— И вирус действительно был уничтожен, я видел фотографии.

— Из того, что я слышал, выходит, будто вирусы — какие-то забавные глупые зверушки. Так вот, если бы они вывели вирусоустойчивый рис, проблема была бы решена полностью. Почти всегда можно найти вид, устойчивый к тем или иным вирусам, если хорошенько поискать.

Джон внимательно посмотрел на него:

— Продолжай.

— По-видимому, это был комбинированный вирус. К сегодняшнему дню идентифицировано пять разновидностей. Когда запустили 717-й, было найдено только четыре разновидности вируса, и 717-й убил их всех. А когда выяснилось, что вирус так и не уничтожен, обнаружилась пятая.

— Но в этом случае...

— Чанг-Ли далеко впереди по очкам.

— Ты имеешь в виду — на полях по-прежнему есть следы воздействия вируса? Но ведь это наверняка просто следы изотопа.

— Да, просто следы, — задумчиво произнес Роджер. — Конечно, может, нам и повезло и пятый не успел натворить столько бед, как четверо его предшественников. Хотя, судя по тому, что я слышал, он распространяется так же быстро, как оригинал.

— Вот мы и вернулись к тому, с чего начали, — медленно проговорил Джон. — В конце концов, если справились с четырьмя, то одолеют и пятый.

— То же самое я говорю и себе, — сказал Роджер. — Только есть одно «но».

— Ну?

— Пятый прикрывался другими, пока 717-й не начал работать. Я не понимаю, как это делается, но более сильные вирусы каким-то образом словно отодвинули его в тень на время. А когда 717-й уничтожил их, пятый вышел вперед и показал зубы. От своих старших братьев он отличается одной очень существенной особенностью.

Роджер глотнул пива. Джон молчал.

— Если Чанг-Ли имел весьма избирательный вкус и питался родом Oryzae семейства Gramineae, то пятый гораздо менее разборчив. Он прекрасно чувствует себя на всей Gramineae.

— Gramineae!

Роджер невесело улыбнулся:

— Я сам только недавно подцепил этот жаргончик, Gramineae означает — трава, вся трава.

— Нам повезло, — сказал Джон, вспомнив о Дэвиде. — Ведь пшеница — тоже трава.

— Пшеница, овес, ячмень, рожь — и это только начало. Потом — мясо, молоко, птица. Через пару лет мы будем сидеть на рыбе и чипсах, если не разжиреем настолько, чтобы лениться их жарить.

— Они найдут какой-нибудь выход!

— Да. Конечно, найдут. Ведь нашли же ключик к оригинальному вирусу, правда? Интересно, за что примется номер шестой — может, за картофель?

— Если они и хранят все в тайне, — сказал Джон после короткого молчания, — я имею в виду на международном уровне, так, наверно, потому, что решение у них уже в кармане.

— Это по-твоему. А по-моему, они ждут момента, чтобы пустить в ход пулеметы.

— Пулеметы?

— Они должны подготовиться к следующим двумстам миллионам.

— До этого дело не дойдет. На помощь будут брошены все мировые ресурсы. В конце концов, если бы китайцам хватило здравого смысла попросить помощи...

— Мы — блестящая раса, — заметил Роджер. — Мы научились использовать уголь и нефть, а когда показались первые признаки истощения их запасов, запрыгнули в коляску ядерной энергетики. Последние сто лет прогресс человечества явно стоит на месте. Если бы я был марсианином, то не поставил бы даже тысячу против одного на интеллект, побежденный таким пустяком, как вирус. Не подумай, что я пессимист, но я не стану держать пари, даже если ставки так заманчивы.

— Ну что ж, проживем на рыбе и овощах. Это еще не конец света.

— Проживем ли? Все? Только не с нашим сегодняшним запасом продуктов.

— Полезно иметь фермера в семье — узнаешь кое-какую полезную информацию. Один акр земли приносит пару центнеров мяса, тридцать центнеров хлеба. Но тот же акр земли может дать и десять тонн картофеля.

— Ты меня обнадежил, — заметил Роджер. — Теперь я верю, что пятый вирус не уничтожит все человечество. Мне остается только побеспокоиться о своем ближайшем окружении, отключившись от более глобальных проблем.

— Черт возьми! — воскликнул Джон. — Британия же — не Китай!

— Нет, — сказал Роджер. — Это страна пятидесяти миллионов, которая импортирует почти половину потребляемых ею продуктов.

— Значит, придется потуже затянуть пояса.

— Затянутый пояс довольно глупо смотрится на скелете.

— Я же сказал тебе: если посадить вместо злаков картофель, можно получать урожай в шесть раз больше.

— А теперь пойди и скажи это правительству. Только сначала хорошенько подумай. Что бы ни случилось, мне пока не хочется терять свою работу. И потом, если я близок к истине, ты имеешь существенное преимущество. Даже если

бы я был уверен, что ты — единственный человек, владеющий этой информацией, и что она могла бы спасти всех нас от голодной смерти, я все равно бы дважды подумал, прежде чем советовать тебе афишировать мои тайные слабости.

— Дважды, — сказал Джон, — но не трижды. Ведь это *может* стать и твоим будущим.

— А-а, — протянул Роджер, — но ведь кто-нибудь еще может владеть этой информацией, *могут* быть другие пути нашего спасения, вирус *может* исчезнуть сам по себе, даже небо *может* упасть на землю, а мне следует бросить работу просто так. Теперь переведи все это на язык политических терминов и на правительственный уровень. Конечно, если мы не найдем способ остановить вирус, единственным разумным решением будет посадить картофель на каждом клочке земли, где только возможно. Но на какой стадии станет ясно, что вирус нельзя остановить? А если мы превратим славную зеленую английскую землю в картофельные плантации и потом кто-нибудь в конце концов уничтожит вирус, ты представляешь, что скажут люди, когда в следующем году вместо хлеба им предложат картофель?

— Я не знаю, что они скажут. Но я знаю, что следовало бы сказать. Слава Господу хоть за то, что мы не скатимся до каннибализма, как в Китае!

— Благодарность — не самая бросающаяся в глаза национальная черта, если смотреть с политической точки зрения.

Джон задумчиво смотрел в открытую дверь. На зеленой лужайке деревенские мальчишки играли в крикет. Весело, словно играя с солнечными лучиками, звенели детские голоса.

— Наверно, мы оба немножко паникеры, — сказал Джон. — Ведь между сообщением о пятой разновидности вируса и перспективой картофельной диеты, голода или каннибализма — большое расстояние. С того времени, как ученые по-настоящему взялись за дело, прошло только три месяца.

— Да, — ответил Роджер. — Это-то меня и беспокоит. Любое правительство стремится успокоить народ подобными заверениями. Ученые еще никогда не подводили нас. Будем надеяться, что не подведут и на этот раз. А впрочем,

смотри на все с любовью, как в последний раз. — Он поднял свой почти пустой стакан. — Мир без пива? Невозможно! Давай выпьем и нальем еще по стаканчику.

3

Летом новости о пятой разновидности вируса Чанг-Ли все-таки просочились. Вскоре стало известно о беспорядках в районах Дальнего Востока, расположенных рядом с очагом заражения. Западный мир откликнулся благотворительной миссией. В пострадавшие районы отправляли зерно, но потребовались бронированные дивизии, чтобы сохранить его. Тем временем в лабораториях всего мира продолжалась борьба с вирусом. Фермерам под угрозой высокого штрафа было приказано держать в строжайшем секрете возможные признаки появления вируса, а за пораженные урожаи обещана хорошая компенсация. Обнаружилось, что «пятый», как и сам вирус Чанг-Ли, передается и по воздуху, и путем корневых контактов. Чтобы как-то приостановить распространение вируса до тех пор, пока не будет найдено верное средство против него, было решено применить тактику уничтожения зараженных растений и очищения земли вокруг них.

Однако эта политика большого успеха не имела. «Пятый», как и его предшественники, распространялся по всему миру. Правда, на Западе все-таки было собрано около трех четвертей урожая. На Востоке же дела обстояли не так хорошо. К августу стало ясно, что Индия находится перед угрозой голода — вирус уничтожил почти весь урожай. В таком же критическом положении оказались Бирма и Япония.

На Западе вопрос помощи пострадавшим районам неожиданно обернулся другой стороной. Весной, когда была оказана поддержка Китаю, резервные мировые запасы продовольствия сильно истощились. Теперь, когда и западный мир ожидала перспектива бедного урожая даже в наименее зараженных районах, вопрос отправки продовольствия стал предметом жарких дискуссий.

В начале сентября Палата Представителей Соединенных Штатов внесла поправку в президентский билль о продовольственной помощи, требуя Плимсольской линии для продовольственных запасов страны. Предполагалось сохранить в резерве определенную минимальную пошлину со всех без исключения продуктовых грузов для использования только в пределах Соединенных Штатов.

Анна не могла сдержать негодования:

— Миллионы людей голодают, а эти жирные старики отказывают им в помощи!

Они пили чай на лужайке перед домом Бакли. Дети развлекались на аллейке, обнесенной кустарником, оттуда то и дело доносились пронзительные крики и веселый смех.

— Если всякий, кто хочет выжить, — жирный старик, мне стоит обидеться, — сказал Роджер.

— Согласись, что это бессердечно, — заметил Джон.

— Допустим любой способ самозащиты. Проблема американцев в том, что они открыли карты. Другие производящие зерно страны просто будут молча сидеть на своих запасах.

— Не могу поверить, — проговорила Анна.

— Не можешь? Дай мне знать, когда русские пошлют свой следующий корабль с зерном на Восток. У меня есть пара старых шляп — их тоже можно съесть.

— Даже если так — ведь есть еще Канада, Австралия, Новая Зеландия.

— Нет, если они послушают британское правительство.

— С чего бы нашему правительству отказываться от помощи?

— Да потому, что мы сами этого захотим. Мы искренне, я бы даже сказал, отчаянно верим, что кровь гуще, чем вода, которая разделяет нас. Если вирус не будет побежден следующим летом...

— Но люди умирают от голода сейчас!

— Ну что ж, они получают наше глубочайшее сочувствие.

Анна посмотрела на него с откровенной неприязнью:

— Как ты можешь?!

Роджер спокойно выдержал ее взгляд.

— Мы уже однажды выяснили, что я — атавизм, помнишь? Если я раздражаю окружающих, не забывай, что

они, возможно, тоже раздражают меня. Я верю в самозащиту и не собираюсь дожидаться, пока нож воткнется мне в горло. Я не вижу смысла в том, чтобы отдавать последнюю корку хлеба, предназначенную детям, умирающему с голоду нищему.

— Последнюю корку... — Анна посмотрела на стол, на котором красовались остатки обильного чаепития. — Это ты называешь последней коркой?

— Если бы я отдавал приказы в этой стране, — ответил Роджер, — я бы не допустил, чтобы маленький хлебец ценился выше золота. Я бы не тратил зерно на азиатов. Господи! Когда же вы наконец обратите внимание на экономические проблемы этой страны!

— Если мы останемся в стороне и позволим миллионам умирать от голода, не пошевелив пальцем, чтобы помочь им, с нами случится то же самое, — сказала Анна.

— Мы? — спросил Роджер. — Кто — мы? Мэри, Стив и Дэви умрут от голода из-за моей бесчеловечности?

— По-моему, — сказала Оливия, — бессмысленно об этом говорить. Мы сами ничего не можем сделать. Надо просто надеяться на лучшее.

— Если верить последним новостям, — сказал Джон, — получено какое-то средство, показавшее хорошие результаты против «пятого».

— Именно! — воскликнула Анна. — Замечательное оправдание, чтобы не помогать Востоку! Ведь следующим летом мы, наверное, сядем на рацион?

— Хорошие результаты, — с иронией произнес Роджер. — А вы знаете, что обнаружены три новые разновидности вируса, помимо пятой? Я лично надеюсь только на одно — что вирус загнется сам, от старости. Иногда так бывает. Если только к тому времени останется хоть одна травинка.

Оливия повернулась, глядя на лужайку:

— Невозможно поверить. Неужели вирус действительно убьет всю траву?

Роджер сорвал стебелек и сжал его в кулаке.

— Меня обвинили в отсутствии воображения, — сказал он. — Неправда. Я отчетливо могу представить умирающих от голода индийцев. Бог с ними! Но так же хорошо я могу

представить себе эту землю голой и пустынной, я вижу детей, жующих кору деревьев.

Некоторое время все молчали. Тишину нарушали лишь отдаленное птичье пение и возбужденные, счастливые голоса детей.

— Пора собираться, — сказал Джон. — Нам надо вернуть машину, я и так задержал ее надолго. — Он позвал Мэри, Дэвида и добавил: — Знаешь, Родж, может, не все так мрачно!

— Я так же слаб, как и все вы, — ответил Роджер. — По-моему, настала пора брать уроки рукопашного боя и как лучше всего разделать человеческое тело на составляющие, чтобы приготовить жаркое.

Когда Кастэнсы возвращались домой, Анна внезапно воскликнула:

— Это позиция животных! Животных!

Джон предостерегающе кивнул в сторону детей.

— Хорошо, не буду, — сказала Анна. — Но это ужасно!

— Он просто болтает, — ответил Джон. — На самом деле это ничего не значит.

— Не думаю.

— Знаешь, Оливия права. Мы ничего не можем изменить. Надо просто ждать и надеяться на лучшее.

— Надеяться на лучшее? Уж не хочешь ли ты сказать, что поверил в его мрачные прогнозы?

Не отвечая сразу, Джон взглянул на разбросанные по аккуратной пригородной травке осенние листья. Машина проехала еще одно печальное поле битвы с «пятым» — на протяжении десяти — пятнадцати ярдов трава была вырвана с корнем.

— Нет, — наконец сказал Джон. — Я не верю.

В конце осени новости с Востока становились все мрачнее. Сначала в Индии, потом в Бирме и Индокитае начался голод и варварство. Япония и восточные районы Советского Союза шли немного позади. Пакистан предпринял отчаянную попытку захвата западных территорий. И хотя участвовали в этом лишь голодные безоружные бродяги, остановить их удалось только в Турции.

Государства, сравнительно мало пострадавшие от Чанг-Ли, смотрели на происходящее с легковерным ужасом. Официальные новости подчеркивали масштабы голода, твердя о том, что любая помощь — только капля в этом океане горя, но избегали вопроса об оказании фактической помощи жертвам вируса. Тех, кто призывал к отправке продовольствия, было гораздо меньше, и это меньшинство становилось все менее популярным по мере того, как количество жертв вируса росло и его распространение в западном мире не вызывало никаких сомнений.

Еще до наступления Рождества на Восток вновь отправились суда с зерном. Этому способствовали новости о том, что в Австралии и Новой Зеландии вирус взят под контроль. Лето там выдалось просто великолепное, и, по прогнозам, урожай ожидался лишь немного ниже среднего уровня.

Вслед за такой радостной вестью пришла новая волна оптимизма. Стало совершенно очевидно, что несчастье на Востоке произошло по вине самих азиатов. Дескать, чего от них еще ждать? Может, конечно, и не удастся полностью избежать проникновения вируса на поля, но австралийцы и новозеландцы доказали, что его можно держать в руках. И поэтому, проявив ту же бдительность, Запад сможет продержаться какое-то время. А пока в лабораториях продолжается борьба с вирусом. Каждый день приближает момент триумфа над неведомым врагом. В этой атмосфере здорового оптимизма семейство Кастэнсов отправилось в свою обычную поездку на север, чтобы встретить Рождество в долине Слепой Джилл.

В первое же утро Джон с братом прогуливались по окрестным фермам.

Менее чем в сотне ярдов от дома они неожиданно наткнулись на небольшой участок земли без единой травинки. Черная замерзшая зияющая рана беззащитно смотрела в зимнее небо.

Джон задумчиво шел вокруг участка, Дэвид за ним.

— И много таких здесь? — спросил Джон.

— Может, около дюжины.

Трава, растущая по краям, выглядела вполне здоровой.

— Похоже, ты считаешь это нормальным?

Дэвид покачал головой:

— Ничего не значит. Это лишь прекрасное доказательство того, что вирус распространяется в сезон роста, но никто не знает, как он будет воздействовать на растения в другое время. Бог знает, что принесет весна. Почти все участки, пораженные чумой, засеивались поздно.

— Значит, ты не заразился официальным оптимизмом?

Дэвид резко ткнул палкой в сторону голой земли:

— Я вижу вот это.

— Они справятся с ним. Просто обязаны.

— Вышел закон, — сказал Дэвид, — по которому вся земля, ранее засеянная зерновыми, должна быть отдана под картофель.

Джон кивнул:

— Я слышал.

— Так вот, закон только что отменен. Сообщили в новостях прошлой ночью.

— Наверное, они уверены, что все налаживается.

Дэвид усмехнулся:

— Они могут быть уверены, в чем им угодно. Следующей весной я посажу картофель и свеклу.

— А пшеницу, ячмень?

— Ни акра.

— Если к тому времени вирус уничтожат, зерно сильно поднимется в цене, — глубокомысленно изрек Джон.

— Как будто другие об этом не думали. Знаешь, почему закон аннулировали?

— Если запретят посадки зерна, а вирус будет уничтожен, стране придется покупать зерно за границей по фантастическим ценам.

— Какая азартная игра, — ответил Дэвид. — Жизнь страны против повышения налогов.

— Ставки, должно быть, очень хороши!

Дэвид покачал головой:

— Но не для меня. Я ставлю на картофель.

К их разговору Дэвид вернулся в канун Рождества. Мэри и Дэвид-младший вышли на морозный воздух поразмяться после обильного рождественского обеда. Трое взрослых, предпочитая более спокойный способ перева-

ривания пищи, удобно устроились в креслах, наслаждаясь симфонией Гайдна.

— Как твое чудовище, Джон? — спросил Дэвид. — Успел вовремя?

Джон кивнул:

— Меня чуть не стошнило, когда я рассмотрел его со всех сторон. Но это еще цветочки по сравнению с тем, что мы делаем сейчас. Думаю, он станет чемпионом в конкурсе уродов.

— И ты ничего не можешь изменить?

— Мы — люди подневольные. Даже архитектор вынужден приспосабливаться к прихотям «денежных мешков», а я — всего лишь инженер.

— Но ведь ты — лично ты — ничем не связан?

— Только нуждой в деньгах.

— Слушай, ты бы мог взять годичный отпуск, если бы захотел?

— Конечно. Только есть одна загвоздка — как спасти семью от сточной канавы.

— Я хочу, чтобы ты приехал сюда на год.

Джон даже привстал от волнения:

— Что?

— Ты оказал бы мне огромную услугу. О финансовой стороне не беспокойся. Есть только три вещи, которые фермер может сделать со своими дурно нажитыми доходами: купить новую землю, прокутить или положить в кубышку. Я никогда не хотел иметь землю вне долины, да и транжира из меня неважный.

— Вирус? — медленно проговорил Джон.

— Может, это и глупо, — сказал Дэвид, — но мне не нравится, как обстоят дела. А еще я видел хронику о восточной эпидемии.

Джон взглянул на Анну.

— Но ведь это Восток, — сказала она. — Наша страна более дисциплинированна. Нехватка продуктов, пайки — все это у нас уже было. А сейчас даже нет никаких признаков какой-либо реальной опасности. Спрашивается, не слишком ли — Джон бросает все дела, мы приезжаем сюда, жи-

вем за твой счет целый год — и все только из-за того, что дела, *может быть*, повернутся к худшему?

— Вот мы, — ответил Дэвид, — мирно сидим у огня, с полными желудками. Я понимаю, так очень трудно представить будущее, которое, может, никогда и не наступит.

— Никогда еще не было такой болезни, — сказал Джон. — Будь то болезнь растений или животных, эпидемия которой не прекратилась бы сама по себе. И никогда не было случая полного уничтожения того или иного вида. Вспомни хотя бы чуму!

Дэвид покачал головой:

— Только предположения. Мы не знаем наверняка. Что убило гигантских рептилий? Ледниковый период, борьба за существование? А может, вирус? И что, по-твоему, произошло со всеми растениями, останки которых мы находим сейчас? Почему они не оставили «потомства»? Если за короткое время наблюдений мы не столкнулись с подобным вирусом, это еще ничего не значит. Человек может прожить всю жизнь, ни разу не увидев комету, но это вовсе не означает, что комет не существует.

— Все это очень хорошо, Дэйв, — произнес Джон, давая понять, что тема исчерпана, — но я не смогу приехать. Моя работа меня вполне устраивает, хотя результаты ее меня, похоже, не интересуют. Вот скажи, как ты представляешь себе этот год? Я буду сидеть на твоей шее?

— Я бы сделал из тебя фермера за месяц.

— Из Дэви — возможно.

На стене усыпляюще тикали часы. Анна вдруг подумала, что здесь разговоры о страшных последствиях победы вируса даже более странны, чем в Лондоне.

— В конце концов, — произнесла она вслух, — мы всегда можем приехать сюда, если дела действительно станут так плохи. Но сейчас, по-моему, в этом нет необходимости.

— Когда мы впервые приехали в долину, — сказал Дэвид, — и гуляли с дедушкой Беверли возле ущелья, он признался мне, что, выходя из долины, всегда чувствует, словно за его спиной захлопывается невидимая дверь.

— Да, я тоже ощутила что-то подобное.

— Если катастрофа все-таки наступит, — продолжал Дэвид, — в Англии будет не так уж много безопасных мест. Долина может стать одним из таких убежищ.

— Значит, картофель и свекла, — сказал Джон.

— И более того, — добавил Дэвид, пристально взглянув на них. — Вы видели кучу бревен у дороги?

— Для новых зданий?

Дэвид встал и подошел к окну.

— Нет, — сказал он, глядя на зимний пейзаж. — Для частокола.

Анна и Джон переглянулись.

— Частокол? — переспросила Анна.

Дэвид обернулся:

— Изгородь, если хотите. Необходимо сделать ворота, которые смогут противостоять натиску толпы в долину.

— Ты серьезно? — изумленно спросил Джон.

Он внимательно посмотрел на своего старшего брата, который никогда не отличался особым воображением и склонностью к авантюризму. Его манеры, как обычно, были бесстрастны и флегматичны. Казалось, Дэвида совершенно не волнует замешательство, вызванное его сообщением.

— Абсолютно серьезно, — ответил Дэвид.

— А если ничего не случится? — спросила Анна.

— Здешняя сельская публика будет просто счастлива найти новый источник насмешек, — ответил Дэвид. — Дескать, эти недоумки Кастэнсы... Мне хочется использовать шанс побыть в роли дурачка. Просто все косточки ломит от предвкушения.

Спокойная убежденность Дэвида поразила их. Анна вдруг почувствовала страстное желание остаться в долине, соорудить ворота, о которых говорил Дэвид, и отгородиться от абстрактной толпы, беснующейся снаружи. Но мимолетный порыв прошел, вновь вспомнились повседневные заботы.

— А школа... — вырвалось у Анны.

Дэвид проследил за ходом ее мыслей, но не выразил ни удивления, ни удовлетворения.

— Есть школа в Лепетоне, — сказал он. — Один год вряд ли принесет им большой вред.

Анна беспомощно взглянула на мужа.

— Всякое бывает, — начал он. — В конце концов, мы всегда можем приехать, если твои мрачные прогнозы подтвердятся.

— Поторопитесь.

Анна поежилась.

— Через год мы будем смеяться над своими страхами.

— Да, — сказал Дэвид, — может быть.

4

Временное затишье продолжалось всю зиму. В западных странах были разработаны, а в некоторых и применены программы нормирования продовольствия. В Англии исчезли пирожные и кексы, но хлеб был еще доступен всем. Пресса по-прежнему колебалась между оптимизмом и пессимизмом, правда, с менее резкими амплитудами. Самым главным и наиболее часто обсуждаемым вопросом стал промежуток времени, который потребуется для уничтожения вируса и возвращения жизни в нормальное русло.

Джон с беспокойством обратил внимание на то, что до сих пор никто не говорил о мелиорации зараженных земель в Азии. Как-то в конце февраля он упомянул об этом в разговоре с Роджером Бакли. Они обедали в «Сокровищнице» — клубе Роджера.

— Мы стараемся не думать о них, правда? — сказал Роджер. — Как будто отрубили весь остальной мир, кроме Европы, Африки, Австралии и Америки. На прошлой неделе я видел фотографии, сделанные в Центральном Китае. Они сделаны несколько месяцев назад, но до сих пор не опубликованы и, похоже, не будут опубликованы.

— Что там?

— Цветные фотографии. Композиции в коричневых, серых и желтых тонах, выполненные с огромным вкусом. На всех — голая земля и глина. Ты знаешь, это намного страшнее всех жутких картин голода, которые были раньше.

Подошел официант и, словно совершая старинный ритуал, поставил перед ними пиво. Когда он ушел, Джон спросил с сомнением:

— Страшнее?

— Да, они испугали меня. Я так и не понял, каким образом вирус сделал из этого участка земли совершенно голое, чистое пространство. По инерции продолжаешь думать, что хоть какая-то трава все-таки останется, пусть хотя бы несколько пучков. Но он не оставляет ничего. Конечно, это всего лишь исчезнувшая трава. Но когда задумаешься, какие огромные площади покрыты той или иной травой...

— Есть какие-нибудь слухи?

Роджер неопределенно покачал головой:

— Давай определимся: слухи в официальных кругах так же неопределенны и расплывчаты, как и в прессе, но они содержат нотку самонадеянности.

— Мой брат собирается забаррикадироваться, — сказал Джон. — Я тебе говорил?

С неожиданным оживлением Роджер спросил:

— Фермер? Что ты имеешь в виду — забаррикадироваться?

— Я ведь рассказывал тебе о его доме. Слепой Джилл окружен холмами, единственным выходом служит узкое ущелье. Так вот, он сооружает изгородь, чтобы изолировать долину полностью.

— Интересно. Продолжай!

— Да в общем-то это все. Дэвид обеспокоен будущим, я никогда не видел его таким. Во всяком случае, он отказался от посева пшеницы на своей земле. Он даже хотел, чтобы мы все приехали и провели там целый год.

— Пока не минует кризис? Да, это серьезно.

— И еще, — добавил Джон. — С тех пор я время от времени вспоминаю о нашем разговоре. Дэйв всегда был умнее меня, и я, по своей глупости, не принял всерьез предчувствия деревенского жителя — дескать, что он может понимать в таком деле. Здесь, в Лондоне, мы не знаем ничего, кроме того, что черпаем ложкой.

Роджер взглянул на него и улыбнулся:

— Что-то в этом роде, Джонни, но запомни — я тоже на стороне этих «черпающих». Слушай, а если я смогу предуп-

редить тебя о катастрофе заранее, у твоего братца найдется комната для нашего маленького трио?

— Думаешь, катастрофа неизбежна? — спросил Джон.

— Пока нет никаких признаков. Те, кому бы следовало быть в курсе, излучают тот же оптимизм, который ты находишь в газетах. Но мне нравится, как это звучит — Слепой Джилл, — словно страховой полис. Я буду держать ухо возле трубопровода. Как только на другом конце раздастся маленький звоночек-предупреждение, мы соберем свои семьи и махнем на север. Что ты на это скажешь? Примет нас твой брат?

— Да, конечно. — Джон задумался. — А сколько, по-твоему, должно быть таких звоночков?

— Достаточно. Я буду держать тебя в курсе. Можешь быть уверен. Мне не хотелось бы в один прекрасный день оказаться застигнутым врасплох голодом, сидя в Лондоне.

Рядом с их столиком прошел официант, толкая перед собой тележку, нагруженную сырами разных сортов. Полуденная дремота наполняла воздух столовой обычного лондонского клуба. Неясное бормотание голосов звучало приглушенно и ненавязчиво.

— Невозможно представить что-либо, способное нарушить все это, — сказал Джон.

— Согласен, это нерушимо, — ответил Роджер. — В конце концов, как нам часто напоминала пресса, мы не азиаты. Будет интересно понаблюдать за нами — британцами с плотно сжатыми губами, — когда начнут собираться грозовые тучи. Нерушимо. Но что случится, когда мы дадим трещину?

Официант принес отбивные. Это был маленький словоохотливый человечек, менее высокомерный, чем все остальные.

— Что касается меня, — продолжал Роджер, — то никакое, даже самое сильное, любопытство не заставит меня остаться здесь.

Весна запоздала — сухая и холодная сумрачная погода продолжалась до начала апреля. Когда наконец наступили теплые дождливые дни, стало совершенно очевидно, что вирус ничуть не потерял своей силы и действенности. По-

всюду — на полях, в садах, по обочинам дорог — стебли травы были испещрены грязно-зелеными пятнышками, переходящими в коричневую гниль. Началось второе нашествие вируса Чанг-Ли.

— Какие новости на твоем конце трубопровода? — спросил Джон у Роджера при встрече.

— Очень хорошие, как ни странно.

— Моя лужайка полна этой гадостью. Я начал было обрезать, но потом обнаружил, что по всей округе то же самое.

— У меня та же картина, — сказал Роджер. — Эдакий теплый гниющий оттенок коричневого. Кстати, наказание за малодушное уничтожение зараженной травы отменено.

— Тогда что ты называешь хорошими новостями? По-моему, все довольно мрачно.

— Читай завтрашние газеты. Комитет ЮНЕСКО объявил, что выход найден. Выведен некий вирус, который пожирает все разновидности Чанг-Ли.

— Иначе говоря, может наступить неловкий момент. Ты не находишь?

Роджер улыбнулся:

— Это было моей первой мыслью. Но бюллетень подписан людьми, которые вряд ли стали бы фальсифицировать результаты неутешительного эксперимента, чтобы спасти своих престарелых родителей от позорного столба. Это не подделка.

— Храни нас Господь, — медленно проговорил Джон. — Так или иначе, я не хочу думать, что случится нынешним летом в противном случае.

— А я не прочь подумать, — сказал Роджер. — Чтобы не быть застигнутым врасплох.

— Я интересовался, как будут отправлять детей обратно в школу. Кажется, теперь все в порядке.

— Надо думать, там лучше, — сказал Роджер. — Я почти уверен, что трудности с продовольствием неизбежны. Вряд ли удастся с помощью нового вируса спасти урожай этого года. И скорее всего Лондон почувствует нужду гораздо острее, чем другие города.

Отчет ЮНЕСКО предоставлял самую полную и подробную информацию. В то же время правительство опублико-

вало свою оценку ситуации. Соединенные Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия располагали запасами зерна и были готовы к введению нормирования продуктов для своего населения, предполагая использовать эти запасы зерна в период крайней необходимости. В Британии подобное, хотя и более строгое, нормирование зерна и мяса уже было введено.

Атмосфера немного разрядилась. Новости о победе над вирусом вкупе с введением нормирования продовольствия произвели ободряющий и обнадеживающий эффект. На этом фоне тон письма, пришедшего от Дэвида, звучал до смешного нелепо.

«В долине не осталось ни одного стебелька травы, — писал он. — Вчера я убил последнюю корову. Я знаю, кое-кто в Лондоне додумался подготовить холодильные камеры во время прошедшей зимы, но тех коров, что пойдут под нож в ближайшие несколько недель, будет недостаточно. Я свою говядину засаливаю. Даже если все будет хорошо, пройдет не один год, прежде чем страна узнает, что такое мясо, молоко или сыр.

Хотелось бы верить, что все наладится. Не подумайте, что я не доверяю официальному отчету — мне известна репутация людей, подписавших его. Но никакие отчеты не могут убедить меня, когда я смотрю кругом и вижу черное вместо зеленого.

Не забывайте, что вы можете в любое время собраться и приехать. Я всегда жду вас. За долину я абсолютно спокоен. Мы сможем прожить на корнеплодах и свинине — я сохранил свиней, потому что это единственное известное мне животное, прекрасно живущее на картофельной диете. Мы очень хорошо здесь устроимся. Но вся земля за пределами долины очень тревожит меня...»

Джон отдал письмо Анне и отошел к окну.

— Он все еще воспринимает это ужасно серьезно, — сказала Анна, дочитав письмо до конца.

— Очевидно.

Джон смотрел в окно на то, что раньше было лужайкой, а теперь превратилось в участок голой земли, с нелепо тор-

чащими редкими сорняками. Такой пейзаж стал уже привычным.

— Тебе не кажется, что, живя там, где нет никого, кроме Хилленсов и деревенских мужиков... — Анна не договорила. — Как жаль, что он так и не женился!

— По-твоему, он помешался? Но так думают многие.

— А чего стоит этот кусочек в конце? — продолжала она. — «Мне даже кажется, что в некотором роде было бы более *справедливо*, если бы победил вирус. Много лет мы относились к земле как к свинье-копилке, на которую можно постоянно совершать налеты. А ведь земля — это сама жизнь».

— Просто мы живем в искусственных условиях, — сказал Джон, — и никогда не видим много травы сразу. Поэтому для нас нет большой разницы, когда мы не видим ее совсем. В деревне, конечно, такие изменения намного ощутимее.

— Но ведь он словно *хочет*, чтобы вирус победил!

— Деревенский житель всегда недолюбливал и не доверял горожанину, представляя его этаким зевающим ртом на верхушке ленивого туловища. Наверное, большинство фермеров были бы вполне счастливы видеть горожанина попавшим в какую-нибудь небольшую передрягу. Только она не должна быть слишком серьезной. Я не думаю, что Дэвид действительно хочет победы вируса. Просто он очень переживает.

Анна некоторое время молчала. Джон взглянул на нее — Анна пристально всматривалась в погасший экран телевизора, крепко сжимая письмо Дэвида.

— Может, он просто стал паникером на старости лет. Так часто бывает с фермерами-холостяками.

— То предложение Роджера все еще в силе? — неожиданно спросила Анна.

— Да, конечно, — с удивлением ответил Джон. — Хотя пока, кажется, до этого не дошло.

— На него можно положиться?

— Ты сомневаешься? Если бы даже его не волновали наши с тобой жизни, неужели он наплевал бы на Оливию и Стива?

— Наверно, нет. Просто...

— Кстати, если бы действительно надвигалась катастрофа, нам не следовало бы надеяться на предупреждение Роджера, а заметить ее приближение за милю.

— Я думала о детях, — сказала Анна.

— С ними все будет в порядке. Дэви просто обожает американские консервированные гамбургеры.

Анна улыбнулась:

— Да, они нам пригодятся при отступлении.

Когда дети приехали домой на летние каникулы, Кастэнсы, как обычно, отправились к морю с семейством Бакли. Это было странное путешествие по голой, заброшенной, пораженной вирусом земле, мимо полей, засеянных корнеплодами вместо привычных злаков. Однако дороги были забиты машинами как никогда.

Стоял душный летний день, темные грозовые облака обещали вот-вот пролиться дождем.

На вершине какого-то холмика они расположились для привала. Отсюда открывалась широкая панорама Ла-Манша. Дэви и Стив тут же заинтересовались несколькими небольшими суденышками в паре миль от берега.

— Смэки*, — пояснил Роджер. — Они пытаются восполнить отсутствие мяса. А мяса нет потому, что нет травки для коровушек.

— И пайки с понедельника, — сказала Оливия. — Фантастика — нормированная рыба!

— Просто подошло время, — заметила Анна. — Цены становились прямо-таки смешными.

— Гладкий механизм британской национальной экономики продолжает плести свои сети все с той же молчаливой эффективностью, — сказал Роджер. — Нам говорили, что мы — не азиаты, и, ей-богу, они правы! Мы действительно от них отличаемся — ремень затягивается все туже и туже, и никто не жалуется.

— Какой прок в жалобах? — сказала Анна.

* Рыболовное одномачтовое судно.

— Все дело в том, что, по последним прогнозам, дела идут на лад. В противном случае мы вряд ли были бы настолько спокойны и хладнокровны.

— Раньше в школе рыбные котлеты всегда делали из банки анчоусов на двадцать фунтов картошки, — сказала Мэри, выглянув из окна машины. — А теперь — банка на двести фунтов. Как же назвать эти прогнозы, папочка?

— Картофельные котлеты, — ответил Джон, — и пустая консервная банка, курсирующая по столам, чтобы вы все фыркали носом. Это тоже очень питательно.

— Ну ладно, — сказал Дэви, — но я не понимаю, почему ограничили конфеты. Ведь их же не из травы делают, правда?

— Слишком много желающих, — ответил Джон. — И ты в том числе. А теперь у тебя есть своя собственная норма, да еще то, что Мэри не получает от твоей матери и от меня. Так что цени свою выгоду — ты мог бы быть сиротой.

— Ну и как долго все это протянется?

— Еще несколько лет, привыкай.

— Надувательство, — ворчливо сказал Дэви. — Даже никакой войны нет, а продуктов все равно не хватает.

Дети разъехались по школам, и жизнь в остальном вошла в свое обычное русло. После того памятного разговора Джон только один раз позвонил Роджеру. Больше они не встречались.

Ограничение продуктов мало-помалу становилось все ощутимее, хотя их было пока достаточно, чтобы противостоять настоящему голоду. Из некоторых стран, особенно тех, что были удалены от моря, доходили слухи о продовольственных бунтах. Лондон щеголевато реагировал на подобные сообщения, противопоставляя им хладнокровие и организованные очереди за продуктами. «Британцы вновь показали всему миру, — писал корреспондент «Дейли телеграф», — пример стойкости и непоколебимости в преодолении трудностей. И даже если нас ждут еще более тяжкие испытания, мы знаем: сила духа и спокойствие истинного британца помогут нам выстоять».

5

Джон приехал в Сити, где возводилось здание по их новому проекту. Возникли кое-какие проблемы с подъемным краном, и его попросили прибыть на строительную площадку.

Джон как раз находился в кабине крана, когда увидел внизу Роджера.

Повернувшись к сидящему рядом механику, Джон спросил:

— Как теперь?

— Немного лучше. Думаю, к обеду закончим.

— Я скоро вернусь.

Роджер ждал его у лестницы.

— Забежал посмотреть, какую кутерьму мы тут затеяли? — спросил Джон.

Роджер не улыбнулся. Оглядевшись вокруг, он сказал:

— Мы можем поговорить где-нибудь наедине?

Джон пожал плечами:

— Я бы, конечно, мог вытащить директора из его уютного гнездышка. Но здесь, прямо через дорогу, есть паб. Он, пожалуй, больше подойдет.

— Где угодно. Но немедленно, хорошо?

Лицо Роджера было, как обычно, невозмутимо, но голос выдавал волнение. Перейдя дорогу, приятели вошли в маленький уютный бар, совершенно пустой в такое раннее время.

Джон взял по двойному виски и отнес к столику в дальнем углу, который уже облюбовал Роджер.

— Плохие новости? — спросил Джон.

— Мы должны уехать, — ответил Роджер, глотнув виски. — Шарик запущен!

— Как?

— Ублюдки! — воскликнул Роджер. — Кровавые ублюдки! Мы не азиаты — точно, мы самые что ни на есть англичане, до мозга костей!

Его дикий гнев и непритворная горечь испугали Джона.

— Что случилось?

Роджер допил виски и заказал у проходившей мимо них официантки еще два двойных.

— Перво-наперво: матч с Чанг-Ли проигран.

— А как же контрвирус?

— Бесполезно.

— Когда это выяснилось?

— Бог знает! Не так давно, наверное. Они просто держат это в секрете, судорожно пытаясь уничтожить ядовитые растения.

— Но ведь они не отказались от дальнейших попыток, правда?

— Не знаю. Думаю, нет. Не важно!

— Очень важно!

— Последний месяц, — сказал Роджер, — страна живет на текущих поступлениях продовольствия, с постоянным запасом менее чем на полнедели. Фактически мы полностью надеемся на суда из Америки и колоний. Я и раньше знал об этом, но не придавал значения. Продукты даны нам в долг.

Официантка вернулась к стойке и принялась наводить глянец, насвистывая какой-то популярный мотивчик.

— По-моему, моя ошибка простительна, — сказал Роджер, понизив голос. — При нормальных обстоятельствах, конечно, долг был бы выплачен в срок. Но сейчас, когда слишком многое в мире уже докатилось до варварства, люди стремятся принести кое-что в жертву, чтобы спасти остальное.

Однако своя рубашка все-таки ближе к телу. Вот почему я сказал, что не имеет значения, будут продолжены опыты с контрвирусом или нет. Пойми, люди, у которых есть пища, не верят в победу над вирусом. И они хотят точно знать, что не умрут с голоду следующей зимой, если продукты станут отправляться в нуждающиеся страны. Последний пароход с продовольствием с той стороны Атлантики пришел в Ливерпуль вчера. Еще несколько, наверное, сейчас на пути из Австралии, но они могут быть отозваны домой еще до того, как прибудут к нам.

— Я понимаю, — сказал Джон. — Ты их назвал ублюдками. Но ведь они обязаны в первую очередь побеспокоиться о собственном народе. Конечно, для нас тяжело...

— Нет, — перебил Роджер. — Я имел в виду другое. Помнишь, я говорил тебе, что у меня есть трубопровод к верхушке? Это Хаггерти, секретарь премьер-министра. Несколько лет назад я оказал ему большую услугу. Теперь он сообщил мне всю подноготную происходящего. Все произошло на уровне правительственной верхушки. Они знали о том, что должно случиться, уже неделю назад и, пытаясь переубедить поставщиков продовольствия, надо полагать, надеялись на чудо. Но добились они только секретного соглашения о предоставлении полной свободы действий внутри страны в случае, если информация станет общеизвестной. Это устроило всех. Конечно, пока новости не просочились, по ту сторону океана предпримут какие-то свои меры, несравнимые с нашими.

— Что ты имеешь в виду?

— Вчера произошел дворцовый переворот. Место Лукаса занял Уэллинг, хотя Лукас все еще член Кабинета. Просто он не хочет пачкать руки в крови, вот и все.

— В крови?

— На этих островах живет около пятидесяти четырех миллионов человек, из них сорок пять миллионов — в Англии. Если треть из них сможет выжить на диете из корнеплодов — хорошо. Единственная сложность — как отобрать оставшихся в живых?

— По-моему, — сказал Джон, усмехнувшись, — это очевидно: они выберут себя сами!

— Слишком расточительный способ и к тому же верный путь крушения дисциплины и порядка.

— Уэллинг, — сказал Джон. — Я никогда не обращал на него внимания.

— Человека выбирает время. Я сам терпеть не могу этого нахала, но сейчас нечто подобное было необходимо. Лукас не способен решиться на что-либо. — Роджер смотрел прямо перед собой. — Сегодня в предместьях Лондона и всех крупных городов армия приводится в боевую готовность. Дороги будут перекрыты завтра на рассвете.

— Если это самое лучшее, что он мог придумать... — сказал Джон. — Никакая армия не сможет спасти его род от взрыва под давлением голода. На что он надеется?

— Время. Он надеется выгадать драгоценное время, чтобы подготовиться к следующему шагу.

— А именно?

— Атомные бомбы — для маленьких городов, водородные — для больших типа Ливерпуля, Бирмингема, Глазго, Лидса, и пара-тройка — для Лондона.

Несколько мгновений Джон молчал, потом медленно проговорил:

— Я не верю. На такое никто не пойдет.

— Лукас не пошел бы. Он всегда был премьер-министром для обыкновенного человека — провинциальная скромность, провинциальные предрассудки и эмоции. Но, оставшись членом Кабинета и умыв руки, Лукас будет спокойно стоять рядом. Чего еще ждать от обыкновенного человека?

— Они никогда не заставят ни одного летчика сесть в такой самолет.

— Преданность и верность — предметы роскоши цивилизации. С сегодняшнего дня прежние привязанности пойдут на убыль, а на их место придут свирепость и жестокость. Но если это единственный способ спасти Оливию и Стива, я согласен.

— Нет! — протестующе воскликнул Джон.

— Когда я говорил о кровавых ублюдках, — сказал Роджер, — я чувствовал к ним одновременно и отвращение, и восхищение. Впредь я собираюсь быть таким же, если потребуется, и надеюсь, что ты присоединишься ко мне.

— Но сбрасывать водородные бомбы на свой собственный народ...

— Да, вот для чего Уэллингу и нужно время. Я думаю, подготовка займет по меньшей мере двадцать четыре часа, может, сорок восемь. Не будь дураком, Джонни! Сейчас уже не то время, когда «свой собственный народ» был народом из твоей деревни. Собственно говоря, он может даже надеть на это деяние добрую маску великодушия.

— Великодушия? Водородные бомбы?

— Они все равно обречены. В Англии по меньшей мере тридцать миллионов умрет, пока остальные будут цепляться за жизнь. Какой путь лучше — голод и лишения, убиваю-

щие твое тело постепенно, или водородные бомбы? По крайней мере это быстрее. Таким образом, количество населения будет снижено до тридцати миллионов, а поля — сохранены для того, чтобы вырастить урожай и спасти оставшихся в живых.

С противоположного конца зала донеслась тихая музыка — официантка включила радио. Продолжалась обычная беззаботная жизнь.

— Ничего не выйдет, — сказал Джон.

— Я склонен согласиться, — ответил Роджер. — Думаю, информация все равно просочится так или иначе и города затрещат по швам сами, до того как Уэллинг соберется поднять в воздух свои бомбардировщики. Но я не тешу себя иллюзиями, что тогда будет лучше. По моим прикидкам, это означает пятьдесят миллионов умерших вместо тридцати и намного более варварское и примитивное существование для оставшихся в живых. Кто возьмет на себя смелость защищать картофельные поля от разъяренной толпы? Кто спасет посаженный картофель до следующего года? Уэллинг — свинья, но свинья-чистюля. В некоторой степени он пытается спасти страну.

— Ты думаешь, эти новости вырвутся наружу?

В его мозгу возникла картина охваченного паникой Лондона. Он представил себя и Анну попавшими в ловушку, отрезанными от детей.

Роджер усмехнулся:

— Страшно, правда? Забавно, но у меня есть идея. Мы будем меньше волноваться о многомиллионной лондонской команде, если уберемся как можно дальше отсюда. И чем быстрее, тем лучше.

— Дети... — начал Джон.

— Мэри в Бакингеме, а Дэви — в Хартфордшире. Я подумал об этом. Дэви мы можем забрать по пути на север. А твоя задача — поехать и забрать Мэри. Немедленно. Я все объясню Анне. Она упакует самое необходимое. Мы с Оливией и Стивом приедем к вам и будем ждать тебя. Когда ты вернешься с Мэри, мы соберем твою машину и тронемся в путь. По возможности надо успеть выехать из Лондона до наступления ночи.

— Мы *должны* успеть, — сказал Джон.

Роджер обвел взглядом уютный зал. Цветы в полированной медной вазе, календарь, чуть развеваемый легким ветерком, влажноватый пол.

— Скажи всему этому «прощай», — сказал он. — С сегодняшнего дня мы — крестьяне, и к тому же везунчики.

Бакингем, как говорил Роджер, был включен в список закрытых районов. Джона проводили в кабинет мисс Эррингтон — директрисы, и он остался там, поджидая ее. Обстановка комнаты еще в первую их встречу поразила его каким-то странным сочетанием строгости, даже аскетизма, с очаровательной женственностью.

Войдя в кабинет, мисс Эррингтон — обаятельная, довольно высокая женщина — приветливо кивнула Джону.

— Добрый день, мистер Кастэнс, — сказала она. — Мне очень жаль, что я заставила вас ждать.

— Надеюсь, я не оторвал вас от ленча?

Она улыбнулась:

— В такие дни это не самое страшное, мистер Кастэнс. Вы пришли к Мэри?

— Да. Я бы хотел забрать ее.

— Садитесь, пожалуйста. — Она взглянула на Джона со спокойным участием. — Вы хотите забрать ее? Почему?

Только теперь он почувствовал всю горечь тяжелого груза своей тайны. Он не имел права говорить об ужасной перспективе — Роджер настаивал на этом, и Джон согласился с ним. Их собственные планы, так же как и разрушительные планы Уэллинга, требовали сохранения тайны.

Значит, он должен бросить эту милую женщину в полном неведении, обрекая ее на верную гибель...

— Семейное дело... — произнес он неуверенно. — Один родственник, проездом в Лондоне. Вы понимаете...

— Знаете, мистер Кастэнс, мы стараемся свести подобные встречи к минимуму. Вы сами поймите, как это расстраивает. Другое дело — в выходные дни.

— Да. Я понимаю. Но речь идет о ее дяде. Он сегодня вечером улетает за границу.

— Правда? Надолго?

— Возможно, его не будет несколько лет, — продолжал Джон чересчур многословно. — Он очень хотел повидать Мэри перед отъездом.

— Вы, конечно, могли привезти его сюда, — заколебалась мисс Эррингтон. — Когда вы привезете Мэри назад?

— Сегодня вечером.

— Ну, тогда... Я попрошу кого-нибудь позвать ее. — Мисс Эррингтон подошла к двери и крикнула: — Хелена! Пожалуйста, попроси Мэри Кастэнс прийти сюда. К ней приехал отец. Ведь ей не нужно брать с собой вещи? — спросила она Джона.

— Нет, — ответил он. — Не стоит беспокоиться.

— Я очень довольна вашей дочерью, мистер Кастэнс. В ее возрасте девочки обычно разбрасываются — неизвестно, кем они станут. В последнее время Мэри делает большие успехи. Я надеюсь, что ее ждет прекрасное академическое будущее, если она, конечно, захочет.

«Академическое будущее, — подумал Джон, — удерживать крошечный оазис в пустынном мире».

Мисс Эррингтон улыбнулась:

— Хотя, возможно, сам этот вопрос носит чисто академический характер. Сомнительно, что знакомые молодые люди позволят ей жить такой бесплодной жизнью.

— Я так не считаю, мисс Эррингтон. Ваша жизнь наверняка очень интересна и насыщенна.

— Она оказалась лучше, чем я ожидала! — смеясь, сказала она. — Я уже начинаю подумывать о пенсии.

Вошла Мэри и, сделав книксен мисс Эррингтон, подбежала к Джону.

— Папочка! Что случилось?

— Отец хочет забрать тебя на несколько часов, — сказала мисс Эррингтон. — Твой дядя сейчас проездом в Лондоне. Он уезжает за границу и хочет повидаться с тобой.

— Дядя Дэвид? За границу?

— Да, совершенно неожиданно, — быстро проговорил Джон. — Я тебе все объясню по дороге. Ты готова прямо сейчас?

— Да, конечно!

— Тогда не буду вас задерживать, — сказала мисс Эррингтон. — Вы сможете вернуться к восьми, мистер Кастэнс?

— Я постараюсь.

Она протянула ему узкую изящную ладошку:

— До свидания.

Джон заколебался. Неужели он должен оставить эту обаятельную беззащитную женщину без малейшего намека на то, что ждет впереди? Но Джон так и не решился рассказать ей все, боясь, что она все равно не поверит.

— Если я не верну Мэри к восьми, — сказал он, — то только потому, что узнаю о какой-нибудь ужасной катастрофе, поглотившей Лондон. Поэтому, если мы не вернемся, я советую вам собрать девочек и уезжать в деревню. Что бы ни случилось.

Мисс Эррингтон взглянула на него с мягким изумлением, словно он сказал какую-то абсурдную и безвкусную глупость. Мэри тоже с удивлением посмотрела на отца.

— Да, но вы, конечно, вернетесь к восьми.

— Да, конечно, — печально произнес Джон.

Как только машина выехала со школьного двора, Мэри сказала:

— Ведь дядя Дэвид тут ни при чем, правда?

— Да.

— Что же тогда, папочка?

— Пока я не могу тебе сказать. Но мы уезжаем из Лондона.

— Сегодня? Значит, я не смогу вернуться в школу к вечеру? — Джон не ответил. — Что-нибудь ужасное?

— Достаточно ужасное. Мы будем жить в долине. Как тебе это понравится?

Она улыбнулась:

— Я бы не назвала это ужасным.

— Ужас, — медленно сказал он, — ждет других людей.

Домой они приехали после двух часов. Дверь открыла Анна. Она выглядела взволнованной и несчастной. Джон обнял ее.

— Все будет хорошо, дорогая. Не о чем волноваться. Роджер уже здесь?

— Вон его машина. Блок цилиндров барахлит или что-то другое. Роджер в гараже. Скоро все будет готово.

— Сколько у нас времени, как он считает? — спросил Джон.

— Около часа.

— Бакли тоже едут с нами? — спросила Мэри. — Что случилось?

— Беги в свою комнату, родная, — сказала Анна. — Я упаковала твои вещи, но оставила немного места. Возьми то, что посчитаешь наиболее важным. Но подумай хорошенько — места очень мало.

— Надолго мы едем?

— Наверно, да, — ответила Анна. — В общем, ты должна рассчитывать, что мы никогда сюда не вернемся.

Мэри внимательно посмотрела на родителей, потом сказала серьезно:

— А как же вещи Дэви? Мне посмотреть и их тоже?

— Да, дорогая, — сказала Анна, — посмотри, может, я забыла что-нибудь важное.

Когда Мэри ушла к себе наверх, Анна бросилась к Джону:

— Милый, ведь это неправда?!

— Роджер тебе все рассказал?

— Да. Но они не пойдут на такое! Просто не смогут!

— Разве? Я только что сказал мисс Эррингтон, что привезу Мэри вечером обратно. А ведь я уже все знал. Разве это намного отличается?

— Прежде чем все кончится, — сказала Анна, помолчав, — мы возненавидим сами себя! А если мы просто привыкнем к этому, во что же мы тогда превратимся?

— Не знаю, — сказал Джон. — Я не знаю ничего, кроме того, что мы должны спастись сами и спасти детей.

— Спасти детей? Для чего?

— Позже мы поймем, для чего. Конечно, сейчас кажется жестокостью — сбежать, не сказав ни слова тем, кто и понятия не имеет о будущем. Но мы не можем помочь им. А когда мы доберемся до долины, все изменится, и мы снова заживем нормальной жизнью.

— Нормальной?

— Будет трудно, но не так уж плохо, я думаю. Все в наших руках. По крайней мере там мы — сами себе хозяева, наша жизнь перестанет зависеть от государства, которое надувает и запугивает своих граждан, а потом, когда они становятся слишком обременительной ношей, просто убивает их.

— Ублюдки! — воскликнул Роджер. — Я заплатил им двойную цену за срочную работу, а теперь должен ждать уже три четверти часа, пока они отыщут свои инструменты.

Часы показывали четыре.

— У нас есть время выпить чашку чая? — спросила Анна. — Я как раз собиралась поставить чайник.

— Теоретически, — ответил Роджер, — все время мира в нашем распоряжении. Тем не менее это чаепитие мы пропустим. Здесь становится очень тревожно. Должно быть еще несколько утечек. Интересно, сколько? Во всяком случае, я почувствую себя гораздо более счастливым, когда мы уберемся из Лондона.

Анна кивнула:

— Хорошо. — И прошла на кухню.

Джон окликнул ее:

— Тебе помочь?

— Спасибо, — сказала Анна, обернувшись, — я просто оставила чайник под струей воды, теперь хочу убрать его.

— Вот наша надежда, — воскликнул Роджер, — женская стабильность. Уезжает из дома навсегда, но снимает чайник. Мужчина скорей бы хлопнул этим чайником об пол, а потом запалил дом.

Наконец они выехали. Машина Джона шла первой. Их маршрут лежал по Большой Северной дороге, за Уэлвин, и далее — на запад, к школе, где учился Дэви.

Проезжая мимо Большого Финчли, Джон услышал сзади автомобильные гудки, а через мгновение их обогнал Роджер.

— Радио! — крикнула Оливия, высунувшись из окна.

Джон включил радио.

— ...особенно подчеркиваем, что нет никаких оснований для слухов, распространяющихся в последнее время. Обстановка полностью контролируется, и запасов продовольствия в стране достаточно...

Машины съехали с дороги и остановились, встав бок о бок.

— Кто-то чересчур волнуется, — сказал Роджер.

— ...высаживается не зараженное вирусом зерно, — продолжал голос диктора. — В некоторых графствах Англии, Уэлса и Шотландии поздней осенью ожидается сбор урожая.

— Сеять? Это в июле-то! — воскликнул Джон.

— Гениальный ход, — сказал Роджер. — Голь на выдумки хитра. В такое время правдоподобие не имеет значения.

Голос комментатора чуть изменился:

— По мнению правительства, опасность только увеличится, если среди населения начнется паника. Поэтому немедленно вступают в силу некоторые предупредительные меры.

Первая связана с ограничением передвижений. Поездки из города в город временно запрещены. Надеемся, что к завтрашнему дню будет разработана система приоритета для наиболее важных перемещений, но пока запрещение распространяется абсолютно...

— Они все-таки сделали это! — воскликнул Роджер. — Надо прорываться. Может, еще не поздно.

Машины вновь тронулись в путь, через Северную Кольцевую дорогу, мимо Северного Финчли и Барнета. Голос из радиоприемника с неослабевающей убедительностью продолжал бубнить о каких-то регулирующих мерах. Потом начали передавать музыку из кинофильмов. На улицах продолжалась обычная жизнь — люди делали покупки в магазинах, просто гуляли. Здесь, на окраине, не было никаких признаков паники.

Первое заграждение они увидели сразу за Барнетом. По другую сторону блокировки виднелись фигуры в форме цвета хаки. Остановив машины невдалеке, Джон и Роджер подошли к заграждению. Там уже было человек шесть. Они о чем-то спорили с офицером. Еще несколько, видимо, отказавшись от пререканий, собирались разворачиваться.

— Каких-то десять чертовых минут! — сказал Роджер. — Надо торопиться — они понаставят еще уйму заграждений.

Офицер — симпатичный молодой парень с распахнутыми, словно удивленными глазами — искренне радовался

всему происходящему, как некоему новому виду строевых занятий.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Мы лишь выполняем приказ. Все выезды из Лондона перекрыты.

Грузный, еврейского типа мужчина лет пятидесяти, стоявший впереди группы спорщиков, воскликнул:

— Но моя фирма в Шеффилде! Я только вчера приехал в Лондон!

— Послушайте новости по радио, — сказал офицер. — Для таких, как вы, будут разработаны специальные правила.

— Здесь не проехать, Джонни, — тихо проговорил Роджер. — Мы не можем даже подкупить его, когда вокруг такая толпа.

— Не относитесь к этому как к официальной информации, — доверительно продолжал офицер, — но мне сказали, что введенные запреты — всего лишь маневр. Просто они пытаются предотвратить панику. Возможно, к утру все будет отменено.

— Если это всего лишь маневр, вы можете пропустить несколько человек. Ведь это не важно, правда?

Молоденький офицер усмехнулся:

— Извините. За невыполнение приказов на маневрах судят военным судом так же, как и в военное время. Советую вам вернуться в город и попробовать завтра.

— Весьма ловко придумано, — со злостью сказал Роджер, когда они с Джоном возвращались к машинам. — Неофициально, только маневр. Можно обойтись малыми силами. Интересно, они что — собираются сгореть вместе с остальными? Наверно, так.

— Может, стоит рассказать им о том, что происходит на самом деле?

— И нас тут же заберут за распространение ложных слухов. Одна из новых правительственных мер — ты ведь слышал?

— Что же делать? — спросил Джон, когда они подошли к машинам. — Может, попробовать пешком, через поля?

— Что происходит? — встревоженно сказала Анна. — Нас не пропускают?

— Они будут патрулировать поля. Может, даже с танками. Пешком не пройти.

— Что же делать?! — взмолилась Анна, она была на грани истерики.

Роджер, смеясь, посмотрел на нее:

— Не волнуйся, Анни! Все под контролем.

Джон был благодарен ему за этот разряжающий тон.

— Перво-наперво, — сказал Роджер, — нужно убраться отсюда подальше, пока мы не попали в пробку. — Сзади уже собирались машины. — Вернемся в Барнет. Знаете резкий поворот направо? Встретимся там. Мы придем первыми.

На тихой, почти пустынной дороге за Барнетом они остановились.

— Этим путем мы сможем добраться до Хатвилда, в обход Первой дороги. Но, по-моему, нет смысла даже пытаться. Наверняка заграждения уже установлены, и сегодня у нас нет шансов проскочить.

Мимо промчалась патрульная машина, следом — «остин». Джон узнал его — он был у первого заграждения. Роджер кивнул им вслед:

— Попытаются прорваться, но не смогут.

— Пап, давай разгромим какой-нибудь барьер, — сказал Стив. — Я в кино видел.

— Это не кино, — ответил Роджер. — Ночью станет поспокойнее. Мы оставим твою машину здесь. А мне надо вернуться в город — я забыл кое-что.

— Ты собираешься вернуться? — спросила Анна.

— Это необходимо. Я надеюсь уложиться в два часа.

Джон слишком хорошо понимал, что заставило Роджера изменить планы и что означает это «кое-что».

— Без этого никак нельзя обойтись? — спросил он. Роджер покачал головой. — Тогда я поеду с тобой. Вдвоем будет безопаснее.

Роджер задумался на минуту, потом сказал:

— Ладно, поехали!

— Но ведь вы не знаете, что в Лондоне, — сказала Анна. — Может, как раз сегодня все начнется. Неужели обязательно так рисковать?

— С сегодняшнего дня, — ответил Роджер, — если мы хотим остаться в живых, мы обязаны рисковать. Так вот, я собираюсь вернуться за оружием. События развиваются быстрее, чем можно было предположить. Но пока, если мы вернемся сегодня вечером, опасности нет.

— Я хочу, чтобы ты остался, Джон, — сказала Анна.

— Анна... — начал Джон.

— Чтобы погубить себя, — перебил его Роджер, — пререкания — самый лучший способ. Нашему маленькому отряду необходим лидер, и его слово должно быть решающим. Давай кинем монетку, Джонни.

— Нет. Бросай ты.

Роджер достал из кармана полкроны и подбросил:

— Загадывай!

Они смотрели на сверкающую никелем монетку.

— Решка, — сказал Джон.

Монетка звякнула о дорогу и покатилась к канаве. Роджер наклонился.

— Твоя взяла, — сказал он. — Ну?

Джон поцеловал Анну и сказал:

— Мы скоро вернемся.

— Должны успеть, — сказал Роджер. — Он не опускает жалюзи до шести. Совсем небольшое заведение — только владелец и мальчик-помощник. Но кое-какие полезные штуки у него есть.

К центру Лондона они подъехали в самый час пик. Привычная суматоха, регулировщики в белых перчатках, мелькание светофоров. Никаких признаков чего-то тревожного, необычного. Впереди зажегся зеленый свет. Какой-то неосторожный пешеход перебежал дорогу прямо перед машиной.

— Овцы для заклания, — горько произнес Джон.

Роджер взглянул на него.

— Смотри на это трезво. Несколько миллионов должно умереть. Наша задача — не оказаться в их числе.

Они свернули в узкий переулочек. Было без пяти шесть.

— Станет ли он обслуживать нас? — с сомнением спросил Джон.

Роджер остановил машину на обочине, напротив маленького магазинчика с образцами спортивного оружия на витрине. Он поставил машину на ручной тормоз, но двигатель не заглушил.

— Станет, — ответил он. — Так или иначе.

В магазине никого не было, кроме хозяина — маленького сгорбленного человечка с почтительным выражением лица, присущим всем продавцам, и несовместимыми с таким лицом настороженными глазами. На вид ему можно было дать лет шестьдесят.

— Добрый вечер, мистер Пирри, — сказал Роджер. — Только-только застали вас!

Руки старика лежали на прилавке.

— А-а, — протянул он. — Мистер Бакли, если не ошибаюсь? Да, я как раз закрывался. Чем могу служить?

— Ну-ка, дайте взглянуть, — сказал Роджер. — Пару револьверов, пару хороших винтовок с оптическим прицелом и патроны, конечно. Да, еще. У вас есть автоматы?

Пирри мягко улыбнулся.

— Ваша лицензия?

Роджер подошел к прилавку.

— Стоит ли волноваться о таких пустяках? — сказал он. — Я ведь не бандит. Мне просто нужен весь этот хлам, и как можно скорее. Я дам вам более чем хорошую цену.

Пирри медленно покачал головой, не сводя глаз с Роджера.

— Я не занимаюсь таким бизнесом.

— Ну а как насчет вон того, двадцать второго калибра?

Пирри проследил взглядом за рукой Роджера, и в ту же секунду Роджер бросился и схватил его за горло. Джон был уверен, что маленький тщедушный человечек не выдержит такого натиска, но уже через мгновение увидел, как Пирри вывернулся и отскочил назад. В руке у него был револьвер.

— Стойте спокойно, мистер Бакли, — сказал Пирри. — И ваш приятель — тоже. Собираясь совершить налет на оружейную лавку, вы, на свою беду, не учли, что сможете натолкнуться на человека, который кое-что смыслит в оружии и умеет с ним обращаться. Очень прошу вас не прерывать меня, пока я буду звонить по телефону.

Он отошел назад, нащупывая свободной рукой телефон.

— Минуту, — резко бросил Роджер. — Я хочу вам кое-что предложить.

— Сомневаюсь.

— Ваша жизнь?

Рука Пирри лежала на телефонной трубке, но он не спешил снять ее.

— Конечно, нет, — улыбнувшись, сказал Пирри.

— Неужели вы думаете, что я хотел прикончить вас? — спросил Роджер. — Даже будучи доведенным до полного отчаяния, я никогда бы не пошел на такое.

— Склонен согласиться с вами, — вежливо ответил Пирри. — Конечно, мне не следовало позволять кому бы то ни было нападать на меня, но разве можно ожидать такого отчаяния в простом государственном служащем. По крайней мере такого яростного отчаяния.

— Мы оставили свои семьи в машине, — сказал Роджер, — прямо на развилке перед Большой Северной дорогой. Если вы захотите присоединиться к нам, место найдется.

— Насколько я знаю, выезд из Лондона запрещен.

Роджер кивнул:

— Вот потому нам и необходимо оружие. Мы хотим выехать сегодня вечером.

— Но вы ведь не добыли оружие.

— Вы чертовски хорошо знаете, что это зависит от вас, — сказал Роджер.

Пирри наконец убрал руку с телефона.

— Может, вы будете так любезны и вкратце объясните мне столь срочную надобность в оружии и выезде из Лондона?

Он выслушал Роджера, не перебивая, и когда тот закончил, мягко спросил:

— Так вы говорите, ферма? В долине?

— Которая может быть надежно защищена полдюжиной против целой армии, — добавил Джон.

Пирри опустил револьвер.

— Сегодня в полдень мне звонили из местного полицейского управления, — сказал он, — и интересовались, не нужен ли мне здесь охранник. Они были чересчур озабоче-

ны моей безопасностью. А в качестве объяснения представили то, что, дескать, по городу ползут слухи, которые могут довести до беды.

— Он не настаивал на охране? — спросил Роджер.

— Нет. Я полагаю, если полицейские станут бросаться в глаза, будет еще хуже. — Он вежливо кивнул Роджеру. — Теперь вы понимаете, почему я так хорошо подготовился.

— А теперь, — спросил Джон, — вы верите нам?

Пирри вздохнул:

— Я верю, что вы верите в это. Кроме того, я спрашиваю себя, есть ли другие причины бегства из Лондона. Даже не доверяя полностью вашей истории, я не хочу, чтобы меня держали здесь принудительно.

— Хорошо, — сказал Роджер. — Какое оружие мы возьмем?

Пирри чуть повернулся и снял телефонную трубку. Роджер автоматически бросился к нему. Пирри взглянул на свой револьвер и бросил его Роджеру.

— Я звоню жене, — сказал он. — Мы живем в Роще Святого Иоанна. Полагаю, там, где смогут пройти две машины, пройдет и третья? Лишнее средство передвижения не помешает.

Он начал набирать номер.

— Будьте осторожны, — предупреждающе сказал Роджер.

— Привет, моя милая, — сказал Пирри в трубку. — Я уже собираюсь уходить. Послушай, а не заглянуть ли нам вечерком к Розенблюмам? Да, к Розенблюмам. Собери вещи. Я скоро буду.

Он положил трубку и пояснил:

— Розенблюмы живут в Лидсе. Миллисент все схватывает на лету.

Роджер взглянул на него с уважением.

— Я вижу, вы с женой сможете стать полезными членами нашей экспедиции. Кстати, мы еще раньше решили, что такое предприятие нуждается в лидере.

Пирри кивнул:

— Вы?

— Нет. Джон Кастэнс.

Пирри коротко оглядел Джона.

— Очень хорошо. Теперь — оружие. Я буду доставать, а вы начинайте переносить его в свою машину.

Они выносили последние боеприпасы, когда подошел полицейский констебль. Он с интересом посмотрел на маленькие ящички.

— Добрый вечер, мистер Пирри. Передаете товар?

— Это для ваших людей, — сказал Пирри. — Они просили. Присмотрите за магазином, хорошо? Мы вернемся чуть позже, чтобы забрать все остальное.

— Сделаю, что смогу, сэр, — с сомнением произнес полицейский. — Но я на службе, вы же знаете.

Пирри запер входную дверь на висячий замок.

— Маленькая шутка, — сказал он, — но ваши коллеги меня так напугали...

— Нам повезло, — сказал Джон, как только они отъехали, — что он не поинтересовался, кто мы такие.

— Род констеблей, — заметил Пирри, — очень любопытен, если разбудить их любопытство. В противном случае — беспокоиться не о чем. Теперь на Хай-стрит, в Рощу Святого Иоанна.

По дороге они обогнали какой-то старенький «форд».

— Миллисент! — громко крикнул Пирри. Машина остановилась, из нее вышла женщина и подошла к ним. Она была лет на двадцать моложе Пирри и почти одного с ним роста. В выражении ее смуглого красивого лица сквозила едва уловимая жестокость.

— Ты собралась? — спросил Пирри. — Назад мы не вернемся.

— Думаю, взяла все необходимое, — ответила она с легким акцентом кокни, довольно небрежно отнесясь к добавлению мужа. — А что это все значит? Я попросила Хильду присмотреть за кошкой.

— Бедняжка, — сказал Пирри. — Боюсь, нам придется проститься с ней. Я тебе все объясню по дороге.

Он повернулся к Джону и Роджеру:

— Я думаю, Миллисент присоединится к нам здесь.

Роджер уставился на антикварную рухлядь, стоящую напротив.

— Не хочу показаться грубым, — сказал он, — но не лучше ли вам перенести свои вещи к нам?

Пирри улыбнулся.

— Знаете развилку сразу за Ротам-парком? — спросил он. — Встретимся там, идет?

Роджер пожал плечами. Пирри с женой пошли к своей машине.

Роджер включил зажигание и медленно поехал мимо них. Каково же было удивление Роджера и Джона, когда мгновение спустя «форд» обогнал их с немыслимой скоростью, чуть притормозил на перекрестке и свернул на главную дорогу. Роджер поехал было за ним, но вскоре «форд» скрылся из вида, смешавшись с оживленным потоком машин. Встретились они только у Большой Северной дороги, и отсюда «форд» уже скромно следовал сзади.

Выехав из Лондона, они остановились поужинать. Пикник мог привлечь внимание, и они поставили машины на благоразумном расстоянии друг от друга.

Роджер предложил Джону свой план, и тот одобрил его. К одиннадцати часам дорога опустела, предместья Лондона отдыхали. Но до полуночи машины не трогались с места. Дети спали на задних сиденьях.

— Неужели действительно нет другого выхода? — спросила Анна. Она сидела рядом с Джоном.

— Не думаю, — ответил он, вглядываясь в темную туманную дорогу.

— Но ведь ты не способен на такое, правда? Эта идея абсолютно хладнокровного убийства скорее нелепа, чем ужасна.

— Анна, — сказал Джон. — Дэви в тридцати милях отсюда. Но с тем же успехом он мог бы быть и в тридцати миллионах миль, если мы позволим заманить себя в ловушку. — Он кивнул на заднее сиденье, где, свернувшись калачиком, спала Мэри. — И не только себя.

— Но силы слишком неравные.

Он засмеялся:

— Это как-нибудь влияет на моральную сторону? Фактически без Пирри вообще не было бы никаких шансов.

Думаю, сейчас без него не обойтись. Хороший стрелок — как раз то, что нам нужно.

— И ты способен на убийство?

— В целях безопасности... — начал он.

Рядом скрипнули тормоза — подъехал Роджер.

— Порядок? — спросил он, высунувшись из окна. — Мы оставили Оливию и Стива с Миллисент.

Джон вышел из машины.

— Запомни, — сказал он Анне. — Вы с Миллисент должны подкатить машины, как только услышите сигнал.

Анна пристально посмотрела на него:

— Желаю удачи!

— Не беспокойся.

Джон сел в машину Роджера, и они медленно тронулись с места. У последнего перед заграждением изгиба дороги Роджер притормозил. Джон и Пирри вышли и исчезли в ночи. Минут через пять Роджер газанул и на полной скорости помчался к заграждению.

Как показала разведка накануне вечером, блокпост охранялся капралом и двумя солдатами. Но сейчас у деревянного барьера стоял только один солдат, на плече у него висел автомат.

Машина резко затормозила. Охранник снял автомат и привел его в боевую готовность.

— Какого дьявола эта чертова хреновина делает посреди дороги? — крикнул Роджер, высунувшись из окна. — Передвинь-ка ее, парень!

Он говорил заплетающимся языком, притворяясь пьяным.

— Простите, сэр, — сказал охранник. — Дорога закрыта. Все дороги из Лондона закрыты.

— Ну так открой. По крайней мере эту. Я хочу проехать домой.

Из укрытия в канаве Джон наблюдал за происходящим. Странно, но он не испытывал никакого особого напряжения, а лишь с восхищением наблюдал за шумными разглагольствованиями Роджера.

Рядом с охранником появился второй, через минуту — третий. Передние фары автомобиля рассеянным светом освеща-

ли блестящую дорогу, смутно, но достаточно различимо обрисовывая три фигуры по другую сторону блокировки.

— Мы выполняем приказ, — произнес другой голос, принадлежавший, по-видимому, капралу, — и не хотим никаких неприятностей. Так что поворачивай назад, приятель. Идет?

— Черта с два! Кем твои чертовы оловянные солдатики себя вообразили? Понаставили тут заборов через дорогу!

— Довольно пререканий! — раздраженно сказал капрал. — Вам сказано: разворачиваться. Хватит болтать!

— Почему бы вам самим не попробовать развернуть меня? — спросил Роджер. — Слишком уж много развелось чертовых бесполезных военных в стране! Делают черт знает что, а пайки небось неплохие получают!

— Ладно, приятель, — сказал капрал. — Ты сам напросился.

Он кивнул солдатам:

— Пошли. Развернем машину этого горлопана, как он просит.

Они вышли из-за барьера и шагнули в полосу яркого света.

— Желаю успеха! — с издевкой произнес Роджер.

Внезапно напряжение парализовало Джона. Белая линия, бегущая по центру дороги, отделяла его территорию от территории Пирри. Капрал и один часовой находились на той стороне, третий солдат — ближе к нему. Охранники шли вперед, прикрывая глаза руками от ослепительного света.

Джон вдруг почувствовал на ладонях отвратительный пот. Он попытался успокоиться. Через какую-то долю секунды нужно было спустить курок и убить человека, невинного, ни о чем не подозревающего. На войне ему приходилось убивать, но никогда жертвой не был его соотечественник.

Пот струился по лбу, застилая глаза, но Джон не вытирал его, боясь сбить прицел. «Глиняные трубки в стране фей, — подумал он, — одна трубка должна быть разбита. Ради Анны, ради Мэри, ради Дэви». В горле его пересохло.

Голос Роджера вновь прорезал тишину ночи, но теперь он звучал пронзительно и трезво:

— Давай!

В ту же секунду прогремел выстрел, за ним еще два. Но Джон по-прежнему стоял, держа винтовку на прицеле, когда все три фигуры тяжело опустились на дорогу. Он не тронулся с места, пока не увидел Пирри. Тот вышел из своего укрытия и подошел к убитым. Только тогда Джон отбросил винтовку и выбежал на дорогу.

Роджер вышел из машины.

— Я должен извиниться за свое вмешательство, — сказал Пирри, взглянув на Джона. Голос его, как обычно, звучал четко и невозмутимо. — Они находились в такой хорошей позиции.

— Мертвы? — спросил Роджер.

— Конечно, — кивнул Пирри.

— Тогда сначала уберем их в канаву, — сказал Роджер. — Потом — барьер. Не думаю, что нас застигнут врасплох, но не помешает.

Джон тащил тяжелое тело. Сначала он избегал смотреть в лицо убитого, но потом все-таки взглянул. Парнишка лет двадцати — не больше. На юном лице — никаких следов, кроме маленькой дырочки в виске, забрызганном кровью. Роджер и Пирри уже бросили свои ноши в канаву и шли к барьеру. Когда они повернулись к Джону спиной, он наклонился и поцеловал мертвеца в лоб, потом мягко опустил его на землю.

Расчистка дороги не отняла много времени. Затем Роджер подбежал к машине и нажал на сигнал, не отпуская его несколько секунд. Резкий звук рассек воздух словно колокол.

Роджер подогнал машину к обочине и остановился. Через несколько минут послышался приближающийся шум двигателей. «Воксхол» шел первым, следом вплотную — «форд». Анна пересела, освобождая Джону место за рулем. Он сел в машину и до отказа нажал на акселератор.

— Где они? — спросила Анна.

— В канаве.

Несколько миль они проехали, не произнеся ни слова.

Рядом со Стэплфордом, на уединенном участке дороги решили остановиться на ночлег. Здесь, в лесу, под могучи-

ми дубами, они подкрепились какао из термосов, оставив включенным лишь свет в салоне одной из машин. «Ситроен» Роджера был превращен в постель, и все три женщины устроились в нем. Дети достаточно удобно улеглись на задних сиденьях двух оставшихся машин. Мужчины, взяв одеяла, легли под деревьями.

Пирри предложил выставить часового.

— Не думаю, что здесь есть повод для беспокойства, — заколебался Роджер. — А выспаться нам всем не повредит: завтра предстоит длинный день за рулем.

Он взглянул на Джона:

— Что скажешь, шеф?

— Ночной отдых — что может быть лучше?

Джон лег на живот — армейская жизнь научила его, что на неровной земле удобнее всего спать именно в такой позе.

Но сон долго не приходил. Только под утро Джон задремал.

6

Саксонский Двор, как и многие подобные подготовительные школы, представлял собой перестроенный деревенский дом и стоял на невысокой горке.

Посовещавшись, решили, что к школе подъедет только «воксхол» Джона, остальные машины припаркуются на благоразумном расстоянии. Несмотря на протесты Джона, за ним увязалась довольно большая компания — Стив, которому не терпелось увидеть приятеля, Оливия, Анна и Мари.

В кабинете директора не оказалось. Дверь была открыта, и создавалось странное ощущение, словно опустевший тронный зал с грустью смотрит на разоренный дворец. По коридору и вверх-вниз по лестнице носились мальчишки, но их громкие возбужденные голоса почему-то показались Джону неуверенными и беззащитными. Только из одного класса доносилось тихое бормотание латинских глаголов.

Джон уже собирался спросить какого-то малыша, где можно найти директора, как вдруг увидел его самого. Ди-

ректор торопливо спускался по лестнице. На последних ступеньках он заметил, что его ждут, и пошел более степенным шагом.

Доктор Кассоп был еще довольно молодым директором — лет около сорока. Несмотря на свою обычную элегантность и безукоризненность роскошной мантии и профессорской шапочки, он производил впечатление несчастного и очень встревоженного человека.

— Мистер Кастэнс и, конечно, миссис Кастэнс! — сказал он. — Но ведь, насколько я знаю, вы живете в Лондоне? Как вам удалось выехать?

— Мы провели несколько дней в деревне с друзьями, — ответил Джон. — Это миссис Бакли и ее сын. Мы хотим забрать Дэвида. По-моему, так будет лучше, пока все не утрясется.

— О да. Конечно, — с готовностью воскликнул доктор Кассоп. Его реакция была полной противоположностью твердости мисс Эррингтон. — Отличная идея.

— А еще кто-нибудь из родителей забрал детей? — спросил Джон.

— Кое-кто. Видите ли, большинство из них — лондонцы. — Он покачал головой. — Было бы легче всего, если бы всех мальчиков забрали домой, а школу на время закрыли. Новости...

Джон кивнул. Из радиоприемника в машине донесся голос диктора. В сводке новостей сообщалось о беспорядках в центре Лондона и в каких-то крупных «провинциальных городах». Эта информация совершенно недвусмысленно преподносилась как предупреждение о том, что любое нарушение общественного порядка повлечет суровое наказание.

— По крайней мере здесь довольно тихо, — сказал Джон, при этих словах гвалт вокруг усилился, вероятно, закончился урок, и из класса высыпала стайка мальчишек. — По части шума, — добавил он.

Доктор Кассоп не воспринял замечание ни как шутку, ни как намек на дисциплину в его школе. Он смотрел перед собой рассеянным взглядом, и вдруг Джон понял: это страх.

— Вы ведь больше ничего не слышали? — спросил директор с отчаянной надеждой. — Мне кажется, сегодня утром не было почты...

— Я думаю, пока положение не улучшится, вряд ли будет почта, — сказал Джон.

— Улучшится? — Кассоп беззащитно взглянул на Джона. — Когда? Как?

Джон почувствовал: еще немного, и он не выдержит. Беспричинная злоба вскипела в душе. Но неожиданно он вспомнил безмятежное юное окровавленное лицо парнишки, лежащего в канаве, и злость умерла.

Он хотел только одного — поскорее уехать отсюда.

— Если мы можем забрать Дэвида... — быстро проговорил он.

— Да, конечно. Я... А вот и он!

Дэви уже увидел их. Промчавшись по коридору, он с криком восторга бросился к Джону.

— Вы оставите Дэвида у ваших друзей? — спросил директор. — С миссис Бакли?

Джон положил руку на голову мальчика и потрепал его по каштановым волосам.

— Мы еще не совсем определились в своих планах, — сказал он, взглянув на Кассопа. — Не будем вас задерживать. Я уверен, что вы сделаете все от вас зависящее для этих мальчиков.

Директор кивнул, почувствовав налет жестокости в голосе Джона. Панический страх и отчаяние были так живо написаны на его лице, что казалось, Анна вот-вот не выдержит.

— Да, — пробормотал Кассоп. — Конечно. Я надеюсь... в лучшие времена... Что ж, до свидания.

Немного неуклюже поклонившись, он повернулся и пошел в свой кабинет, тихонько закрыв за собой дверь. Дэви с интересом наблюдал за ним.

— Парни говорят, что старина Кассоп струхнул. Как ты думаешь, пап, это правда?

«Рано или поздно они все равно узнают. И тогда... Страшно представить... Пройдет совсем немного времени, — подумал Джон, — Кассоп сломается и бросится спасать свою жизнь...»

— Может быть, — сказал он сыну. — Я бы, наверное, тоже струхнул, если бы имел дело с целой толпой таких сорванцов, как ты. Мы уезжаем. Ты готов?

— Чтоб мне провалиться! — воскликнул Дэви. — Мэри! Как будто каникулы, да? А куда мы едем?

— Дэви, ты не должен так выражаться, — урезонила его Анна.

— Да, мамочка. А куда мы едем? А как вы выбрались из Лондона? Мы слышали, что все дороги закрыты. Вы пробивались с боем?! Вот здорово!

— Мы отправляемся в долину на каникулы, — сказал Джон. — Вопрос в том, готов ли ты. Мэри взяла кое-что из твоих вещей. Поэтому ты мог бы поехать, как есть, если только нет чего-нибудь необходимого.

— Есть. Тихоня, — сказал Дэви. — Эй, Тихоня!

Тихоня — долговязый мальчишка, с отрешенным и беспомощным выражением лица, подошел к ним и что-то пробормотал. Слов разобрать было невозможно — все заглушало восторженное щебетание Дэви. Джон вспомнил, что о Тихоне Дэви писал чуть ли не в каждом письме. Настоящее его имя было Эндрю Скелтон. Оставалось загадкой, что связывало их. Но, может, столь противоположные натуры как раз и нуждались друг в друге?

— Папочка, можно Тихоне поехать с нами? — сказал Дэви.

— Его родители наверняка будут против, — сказал Джон.

— Нет. Тут все в порядке, правда, Тихоня? Отец у него в командировке во Франции, а мамы вообще нет. Она их бросила или что-то в этом духе. Так что все нормально.

— Ну... — начал Джон.

— Это совершенно исключено, Дэви, — резко прервала его Анна. — Ты прекрасно знаешь, что подобные вещи недопустимы, особенно в такое время.

Тихоня молча смотрел на них, он был похож на ребенка, которого всегда обманывали.

— Но старина Кассоп тоже согласится! — воскликнул Дэви.

— Иди и возьми все, что тебе необходимо в дорогу, Дэви, — сказал Джон. — Тихоня, наверное, захочет помочь тебе. Идите.

Мальчики ушли. Мэри и Стив бродили неподалеку.

— По-моему, его надо взять, — заметил Джон.

— Чушь, — сказала Анна.

— Кассоп наверняка скоро смоется. Не знаю, останется ли с ребятами кто-нибудь из учителей, но если даже останется, это лишь отодвинет несчастье. Что бы ни произошло в Лондоне, через несколько недель здесь будет пустыня.

— А почему бы не взять с собой всю школу? — раздраженно бросила Анна.

— Не всю школу, — мягко произнес Джон. — Только одного мальчика — лучшего друга нашего сына.

— Мне кажется, я только сейчас начинаю понимать, что нам грозит, — сказала Анна уже более спокойно. — Путь в долину нелегок, а ведь у нас уже двое детей.

— Пойми, Тихоня не выживет в надвигающейся катастрофе. Ты же видишь, как он слаб и беспомощен. Бросив его здесь, мы обрекаем мальчишку на верную гибель.

— А скольких мальчишек мы бросили в Лондоне? — резко спросила Анна. — Миллион?

— Жаль, что ты так уверена в своей правоте, дорогая, — сказал он, повернувшись к Анне. — По-моему, мы все меняемся — только каждый по-своему.

— Пока вы с Роджером и мистером Пирри будете изощряться в воинской доблести, дети останутся на мне, — словно защищаясь, ответила она.

— Я ведь не настаиваю, правда? — сказал Джон.

Анна взглянула на мужа:

— Когда ты рассказал мне о мисс Эррингтон, я ужаснулась. Но тогда я еще не понимала, что происходит. Теперь — другое дело. Мы должны добраться в долину и спасти детей. И мы не имеем права выстраивать на своем пути дополнительные преграды, в том числе и из этого мальчика.

Джон пожал плечами. Вернулся Дэви, держа в руке маленький чемоданчик. Мальчик буквально светился счастьем. Тихоня понуро плелся сзади.

— Я взял самые нужные вещи, — сказал Дэви. — Альбом с марками и запасные носки. — Он взглянул на Анну, ожидая одобрения. — Тихоня обещал присмотреть за моими

мышками, пока я не вернусь. Одна — беременная, и я разрешил Тихоне продать мышат, когда они появятся.

— Что ж, — объявил Джон. — Нам пора. — Он избегал робкого взгляда Тихони.

— Мне кажется, — сказала вдруг Оливия, до сих пор не принимавшая участия в разговоре, — Тихоня тоже мог бы поехать. Ты бы хотел поехать с нами, Тихоня?

— Оливия! — воскликнула Анна. — Ты же знаешь...

— Я имела в виду нашу машину, — примирительно сказала Оливия. — В конце концов, у нас только один ребенок. А насколько я понимаю, единственная проблема — в ночлеге.

Некоторое время обе женщины пристально смотрели друг на друга. Мимолетное выражение вины на лице Анны сменилось раздражением. «Будь поступок Оливии хотя бы малейшим признаком нравственного превосходства, — подумал Джон, — конфликт был бы неизбежен». Но Оливия излучала лишь застенчивость и доброту, и гнев Анны прошел.

— Делай как знаешь, — сказала она. — Только, может, все-таки посоветуешься с Роджером?

Дэви, ничего не понимая, с любопытством наблюдал за взрослыми.

— Дядя Роджер тоже здесь? — удивился он. — Вот здорово! Тихоня ему наверняка понравится. Тихоня ужасно остроумный, точь-в-точь как он. Скажи что-нибудь эдакое, Тихоня!

Тихоня уставился на них с агонизирующей беспомощностью. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Ничего страшного, Тихоня. — Оливия ободряюще улыбнулась ему. — Хочешь поехать с нами?

Он быстро-быстро закивал.

— Заметано! — завопил Дэви, схватив приятеля за руку. — Пошли! Теперь я помогу тебе собраться. — Вдруг он задумался. — А как же мышки?

— Мышки останутся здесь, — отрезал Джон. — Отдай их кому-нибудь.

Дэви повернулся к Тихоне:

— Как ты думаешь, мы сможем содрать с Баннистера шесть пенсов за них?

Джон взглянул на Анну за спиной сына, она улыбнулась.

— Мы отправляемся через пять минут, — сказал Джон. — Думаю, за это время вы успеете собрать вещи и уладить свои коммерческие дела.

— По крайней мере за беременную мы получим не меньше шиллинга, — задумчиво пробормотал Дэви.

Опасаясь военных постов на дорогах, они даже придумали для каждой из трех машин свою историю, объясняющую поездку на север. Интуитивно Джон чувствовал: нельзя производить впечатление целой колонны. Но никто не обращал на них никакого внимания, и, выехав на Большую Северную дорогу, они безостановочно гнали машины почти целый день.

Ближе к вечеру чуть севернее Ньюарка остановились перекусить. Весь день было пасмурно, а теперь белые башенки облаков унеслись на запад и засияло ласковое солнышко. По обе стороны дороги тянулись картофельные поля. В общем, если бы не голые, без единой травинки обочины, картина ничем не отличалась от привычного деревенского пейзажа прежних времен.

Мальчишки тут же придумали себе развлечение, забравшись на пригорок и с веселым визгом скатываясь вниз на какой-то древней деревяшке. Мэри насмешливо, хотя и не без некоторой зависти, наблюдала за ними. С того памятного восхождения на холм прошло уже два года, и она очень изменилась.

Мужчины собрались в «форде» Пирри обсудить дальнейшие действия.

— Если мы сегодня доедем до Рипона, — сказал Джон, — то завтра наверняка будем в долине.

— Сегодня можно проехать и дальше Рипона, — заметил Роджер.

— Можно. Но я сомневаюсь, что это разумно. Главное — объезжать населенные пункты. Если мы будем держаться в стороне от Западного округа, мы предохраним себя от всяких неожиданностей.

— Я, конечно, не раскаиваюсь в том, что присоединился к вам, — вмешался Пирри. — Но не думаете ли вы, что опасность насилия чересчур преувеличена? Все тихо. Ни в Грентаме, ни в Ньюарке мы не увидели никаких признаков близкой катастрофы.

— Питерборо закрыт, — сказал Роджер. — По-моему, те городки, которых пока не коснулся запрет на свободу передвижений, слишком рано празднуют победу. Вы видели очереди в булочных?

— Да, очень милые, аккуратные очереди, — пробормотал Пирри.

— Вся проблема в том, — сказал Джон, — что мы не знаем, когда Уэллинг приступит к решительным действиям. С тех пор как закрыты крупные города, прошло уже двадцать четыре часа. Когда посыпятся бомбы, начнется паника. Уэллинг надеется, что сможет контролировать ситуацию, но в первые несколько дней это невозможно. Поэтому я настаиваю: нам следует избегать крупных населенных пунктов.

— Бомбы, — задумчиво произнес Пирри. — Немыслимо...

— А я не удивляюсь, — отрезал Роджер. — Я довольно хорошо знаю Хаггерти. Он не мог солгать.

— Вы меня не так поняли, — пояснил Пирри. — Я вполне допускаю такой вариант по моральным соображениям. Но я имел в виду темперамент. Англичане, с их простым здравым смыслом и вялым воображением, без особых усилий согласились бы с мерами, которые повлекут за собой смерть миллионов людей. Но прямое действие — убийство в целях самозащиты — совсем другое дело. Трудно поверить, что они способны сами привести себя на бойню.

— Не такие уж мы беспомощные, — сказал Роджер и добавил, усмехнувшись: — Особенно вы!

— Моя мать, — просто ответил Пирри, — была француженкой. Но вы снова неверно поняли мою мысль. Я вовсе не хотел сказать, что англичане не способны на насилие. При благоприятных обстоятельствах они охотно пойдут на убийство, и даже с радостью. Но вот с логикой у них так же неважно, как и с воображением. До самого конца они будут сохранять иллюзии, а потом начнут бороться со свирепостью тигров.

— И когда вы до этого додумались? — спросил Роджер.

Пирри улыбнулся:

— Очень давно. Я понял, что все люди — друзья по выгоде и враги по выбору.

Роджер серьезно посмотрел на него.

— Но ведь есть нечто более надежное.

— Некоторые союзы держатся дольше других. Но тем не менее это всего лишь вынужденная мера. Вот наш союз, к примеру, чрезвычайно ценный.

— Новости! — услышали они вдруг крик Миллисент.

Один из радиоприемников постоянно работал.

— Похоже, что-то случилось, — сказала Анна, когда мужчины подошли к машине Роджера.

Голос комментатора был, как обычно, вежлив, но в интонации чувствовались едва уловимые угрожающие нотки:

— ...следующий чрезвычайный бюллетень выйдет, как только в этом назреет необходимость.

В центре Лондона вновь имели место восстания и мятежи, из предместий прибыли войска для поддержания порядка. В Южном Лондоне предпринята попытка разгрома военного поста, установленного вчера в целях временного запрета передвижений. Ситуация продолжает оставаться напряженной, для подавления беспорядков в этот район направлены дополнительные военные силы.

— Вот чего мы избежали, — сказал Роджер. — Дай бог, чтобы этим смельчакам удалось прорваться!

— Получены сообщения, — продолжал комментатор, — о более серьезных беспорядках на севере Англии. Репортажи о мятежах пришли из нескольких крупных городов, среди них — Ливерпуль, Манчестер, Лидс. Официальные контакты с последним прерваны.

— Лидс! — воскликнул Джон.

— Передаем правительственное заявление. В связи с беспорядками в некоторых районах страны правительство вынуждено предпринять ряд контрмер. Дальнейшие беспорядки представляют собой реальную опасность и могут завести страну в пучину анархии. Правительство обязано не допустить этого любой ценой. Долг каждого гражданина сегодня — спокойно заниматься своим делом и помогать

полиции и войскам в поддержании порядка в стране. Конец сводки.

Заиграла музыка, и Анна приглушила звук.

— Если ехать всю ночь, можно к утру быть в долине, — сказал Роджер. — Не нравится мне все это.

— Мы почти не спали прошлую ночь, — возразил Джон. — А ночной переезд через Моссдейл — это не увеселительная прогулка.

— На короткое время Анна и Миллисент могли бы сесть за руль, — предложил Роджер.

— Но ведь Оливия не умеет водить машину, — сказала Анна.

— За меня не беспокойся, — ответил Роджер. — Я запасся бензедрином*, так что, если понадобится, могу не спать хоть трое суток.

— Если мне будет дозволено сказать, — вмешался Пирри, — по-моему, прежде всего нам следует немедленно убраться из Западного округа, а уж потом решать, что делать дальше.

— Да, — подвел черту Джон. — Так и сделаем.

С вершины холма послышались крики мальчишек. Они возбужденно размахивали руками, показывая на небо. Донесся приближающийся рокот авиационных двигателей, но небо оставалось чистым. Наконец из-за кромки холма показались самолеты. Тяжелые бомбардировщики держали курс на север.

Не говоря ни слова, все завороженно смотрели в небо, пока могучие железные птицы не скрылись из виду. Оживленное щебетание мальчишек не могло разрядить страшного напряжения.

— Лидс? — еле слышно прошептала Анна.

Все молчали. Первым заговорил Пирри, голос его звучал ровно и спокойно:

— Возможно. Хотя не исключены и другие варианты. Но как бы то ни было, нам пора отправляться, или я не прав?

Отсюда первым в колонне пошел «ситроен», следом за ним — «воксхол», а замыкающим — «форд».

---

* стимулирующее средство, допинг.

Донкастер был закрыт, а объездные дороги надежно охранялись. Пойманные в сети растущих военных приготовлений, путешественники свернули на северо-восток, через крошечные мирные деревушки, разбросанные по равнинной земле Йоркской долины. Но не успели они вернуться на Северную дорогу, как были остановлены военным патрулем.

Сержант, дежуривший на посту, скорее всего был йоркширцем, может, даже уроженцем здешних мест.

— Первая дорога закрыта для всех машин, кроме военных, сэр, — сказал он, добродушно глядя на сидящего за рулем Роджера.

— С чего бы это?

— Кое-какие проблемы в Лидсе. А куда вы направляетесь?

— В Уэстморленд.

Сержант покачал головой, хотя и не столь категорично.

— На вашем месте я бы повернул назад, к Йоркской дороге. Если свернете прямо перед Селби, сможете проехать к Тадкастеру в объезд. Во всяком случае, я вам советую держаться подальше от Лидса.

— Ходят какие-то нелепые слухи... — сказал Роджер.

— Думаю, что не слухи.

— Пару часов назад мы видели несколько самолетов, летящих в этом направлении. Бомбардировщиков.

— Да. Они пролетели как раз над нами. Я всегда чувствовал: когда в верхах творятся такие дела, надо держать ухо востро. Забавно, не правда ли, ощущать себя не в своей тарелке, когда над твоей головой пролетают самолеты военно-воздушных сил родной страны? Улететь-то они улетели, но все же вам стоит держаться от Лидса подальше.

— Спасибо. Мы так и сделаем.

Распрощавшись с говорливым сержантом, они проехали назад, до ближайшей развилки, и повернули на северо-восток.

— Слушай, — сказала Анна, — мы будто в кошки-мышки играем, тебе не кажется? Сводки новостей, военные кордоны — это только одна сторона. А теперь вспомни, что такое деревня летом.

— Да, пустовато, — пробормотал Джон, глядя на голые, без единой травинки, обочины.

— Но ведь этого мало, чтобы оправдать голод, брошенные дома, убийства, бомбы... — она запнулась, — или нежелание спасти одного несчастного мальчишку.

— Теперь карты на столе. Хочешь не хочешь, надо приспосабливаться.

— Господи! — воскликнула Анна. — Я мечтаю только об одном — как можно скорее приехать к Дэвиду и захлопнуть за собой калитку.

— Завтра будем у него. Во всяком случае, я надеюсь.

Узенькая проселочная дорога неуклюжей извилистой лентой тянулась вдоль живых изгородей. Пирри с Роджером не на шутку увлеклись автогонками, а Кастэнсы на своем «воксхоле» плелись в хвосте. Впереди был железнодорожный переезд. Не успел Джон подрулить к нему, как шлагбаум медленно, словно нехотя, опустился.

— Проклятие! — Джон резко затормозил. — Знаю я эти деревенские переезды. Поезд еще неизвестно где, а они уже закрыли. Может, пропустят за пять шиллингов?

Он выскочил из машины и подошел к шлагбауму. Железнодорожное полотно хорошо просматривалось на несколько миль в обе стороны, но никаких признаков дыма на горизонте не было.

— Эй, есть кто живой? — крикнул он, вернувшись к сторожке обходчика, рядом с которой стояла машина.

Тишина. Он позвал снова, в ответ откуда-то из глубины дома донеслись чуть слышные сдавленные всхлипывания. Джон заглянул в окно, выходящее на дорогу, но ничего не увидел. Тогда он обошел вокруг и вгляделся в другое окно. В комнате царил страшный разгром. А на полу, среди обломков разбитых вдребезги настенных часов и груды немудреного барахла, вытряхнутого из комода, лежала женщина. Джон содрогнулся, глядя на нее: одежда изорвана, лицо залито кровью, одна нога чудовищно вывернута.

Во время войны в Италии ему приходилось видеть и не такое. Но здесь, в сельской глуши патриархальной Англии... Только сейчас он понял, что катастрофа действительно произошла.

Джон все смотрел и смотрел в окно, забыв обо всем. Наконец он очнулся — шлагбаум... Но ведь эта женщина не

могла закрыть дорогу... Кто же тогда? И зачем? Машины отсюда не было видно, и Джон, словно почуяв неладное, заторопился. И тут отчаянно закричала Анна. Он бросился бежать... Дверцы машины были распахнуты. На переднем сиденье Анна яростно отбивалась от бандита. Второй сидел сзади. Мэри Джон не заметил.

«Главное, чтобы меня не заметили раньше времени», — подумал Джон, пытаясь рассуждать хладнокровно. Оружие осталось в машине. Он быстро огляделся. У крыльца лежала увесистая дубинка. Пожалуй, подойдет. Джон наклонился и вдруг услышал рядом ехидный смешок. Выпрямившись, он наткнулся на жесткий взгляд мужчины, скрытого тенью крыльца. Не успел Джон опомниться, как чудовищной силы удар обрушился на его голову...

...Очнулся он от нежного прохладного прикосновения влажной материи. С трудом разлепил веки — на него смотрели кроткие, участливые глаза Оливии, носовой платок в ее руках потемнел от крови.

— Тебе лучше, Джонни? — спросила она.

— Анна, — выговорил он. — Мэри?

— Лежи спокойно. Роджер! Он очнулся!

Шлагбаум был открыт. Тут же у переезда стояли «ситроен» и «форд». Трое мальчишек, сгрудившись на заднем сиденье «ситроена», странно притихшие, выглядывали наружу. Из сторожки вышли Пирри, Роджер и Миллисент. Роджер был мрачен, Пирри — как всегда, невозмутим.

— Что случилось, Джонни? — спросил Роджер.

Джон рассказал им все. Голова раскалывалась. Нестерпимо хотелось спать.

— Мы хватились тебя уже на дороге в Лидс. Около получаса назад.

— Учтите, — заметил Пирри, — что полчаса — это миль двадцать. К тому же здешние места просто испещрены дорогами. Бандиты могли свернуть на любую.

Оливия бинтовала рану, от прикосновения ее нежных рук боль немного поутихла.

— Что будем делать, Джонни? — сказал Роджер. — Времени в обрез — надо решать.

— Возьми Дэви, — выговорил Джон, отчаянно пытаясь собраться с мыслями, — ты ведь знаешь дорогу?

— А ты?

Джон молчал. Что, если Пирри прав? Найдет ли он их? А когда найдет...

— Дай мне ружье, — сказал он. — Все оружие осталось в машине.

— Послушай, Джонни, — мягко произнес Роджер. — Уж коли ты наш предводитель, ты не имеешь права решать только за себя.

Джон покачал головой:

— Пойми, вы должны прорваться в Северный округ к вечеру. Это крайний срок. А я успею.

Пирри, не принимая участия в споре, скромно отошел в сторонку и равнодушно смотрел в небо.

— Да, ты успеешь, — взорвался Роджер. — Кем ты себя возомнил, черт подери! Помесью супермена с Наполеоном? Может, у тебя крылья выросли?

— Не знаю, поместитесь ли вы все в «ситроене»... — пробормотал Джон. — Вот если бы вы оставили мне «форд»...

— Нет уж! Вместе начали, вместе и закончим. — Роджер замялся. — Та женщина, в доме, умерла. Лучше тебе знать это.

— Возьми Дэви, — сказал Джон. — Больше ничего не прошу.

— Чертов осел! — закричал Роджер. — Ты думаешь, Оливия допустит такое, даже если я соглашусь? Мы найдем их, Джонни. Из-под земли достанем.

Пирри взглянул на них, чуть прищурившись.

— Вы что-нибудь решили? — поинтересовался он.

— Мне кажется, это касается только меня, — резко произнес Джон. — И вообще, мистер Пирри, пожалуй, сейчас как раз тот случай, когда союз теряет свою ценность, не так ли? Долина помечена на вашей дорожной карте. Если хотите, я напишу брату записку. Скажете ему, что мы немного задержимся.

— Я просто размышляю, — как ни в чем не бывало сказал Пирри. — Простите мне некоторую грубость, но я удивился их внезапному бегству.

— Выкладывайте, — резко бросил Роджер.

— Там они пробыли больше чем полчаса. — Пирри кивнул в сторону домика.

— Изнасилование? — глухо спросил Джон.

— Да. Скорее всего они догадались, что наши три машины связаны между собой. Умышленно отрезав дорогу отставшей, бандиты, естественно, боялись, что остальные вернутся сюда. Поэтому поспешили убраться.

— Что это нам дает? — спросил Роджер.

— Шлагбаум закрыт. Значит, они повернули назад, к Северной дороге. Но путь туда не близкий, и в пути не исключены новые остановки.

— Остановки? — переспросил Джон, взглянув в застывшее лицо Роджера, словно ища поддержки. Наконец он понял, что имел в виду Пирри.

— На пути отсюда до Первой дороги еще поворотов шесть, — сказал Роджер. — А эти головорезы будут теперь держать ухо востро, так что придется нам выслеживать их поодиночке и пешком, чтобы ненароком не спугнуть шумом двигателей.

— Но ведь каждая минута на счету! — в отчаянии воскликнул Джон.

— Джонни, я понимаю, как тебе тяжело, но наша спешка и горячность могут сыграть им на руку.

Молча подошли к машинам.

— Кто-то похитил Мэри и маму Дэвида? — спросил Тихоня, высунувшись из окна «ситроена».

— Да, — ответил Роджер. — Мы их догоним.

— А «воксхол» тоже бандиты угнали?

— Да, — раздраженно повторил Роджер. — Помолчи, Тихоня! Нам надо все обдумать.

— Да мы их запросто найдем! — крикнул Тихоня.

— Найдем-найдем, — проворчал Роджер, садясь за руль.

— Запросто? — удивленно переспросил Пирри. — Каким образом?

Тихоня показал на дорогу:

— По масляному следу.

Ничего не понимая, Пирри, Роджер и Джон уставились на шоссе — там и впрямь поблескивало несколько радужных пятен.

— Слепцы! — завопил Роджер. — Как мы проморгали! А может, это не «воксхол»? «Форд», наверное.

— Нет, — настаивал Тихоня. — Точно «воксхол». Где он стоял, натекла масляная лужица.

— Бог ты мой! — воскликнул Роджер. — Ты, часом, в школе не был главарем бойскаутов?

Тихоня покачал головой:

— Нет. Я никогда не был скаутом.

— Вперед! — ликовал Роджер. — Достанем этих ублюдков! Тихоня, заткни уши!

— Как скажете, — отозвался Тихоня невинным голоском. — Вообще-то я уже знаю это слово...

На каждом перекрестке приходилось останавливаться и искать еле заметную масляную ниточку. Возле третьей дороги, на окраине какой-то деревушки, след уходил вправо. Знак на повороте гласил: «Нортон 1,5 мили».

— Я думаю — пора, — сказал Роджер. — Больше медлить нельзя. Что, если попробовать открыть огонь, проскочить вперед на одной машине, а другой встать сзади? Зажмем их с двух сторон — никуда не денутся! Сейчас они скорее всего между этой деревней и следующей. Быстро смылись, ничего не скажешь.

— Это мысль, конечно, — задумчиво проговорил Пирри. — Хотя они наверняка будут бороться до конца, а в той машине — целый арсенал. Очень рискованно, ведь с ними ваши жена и дочь, Кастэнс.

— Как же быть?

Джон пытался собраться с мыслями. Тщетно. Лишь слепая ненависть, отчаяние и крохотная надежда.

— Местность здесь слишком равнинная. Вот если забраться на тот дуб, можно, наверно, увидеть их в бинокль, — сказал Пирри.

Дуб рос на обочине.

— Подсадите-ка меня, — сказал Роджер.

Он быстро взобрался почти на самую верхушку, где листва не была такой густой.

— Есть! — закричал он внезапно.

— Где они? — Джон едва сдерживался.

— Меньше мили отсюда. Тащатся в поле слева от дороги. Я спускаюсь.

— Мэри и Анна с ними?

Роджер соскочил с нижней ветки.

— Да, они там... — Он избегал взгляда Джона.

— Слева, значит... — пробормотал Пирри. — И далеко?

— За живой изгородью, почти напротив въезда в поле.

Пирри отошел к своему «форду» и вернулся с тяжелой спортивной винтовкой.

— Ровно через десять минут после моего ухода, — сказал он, — садитесь в машину и на полной скорости — вперед. Остановитесь в нескольких ярдах за въездом и откройте огонь. Только стреляйте не по ним, а вдоль дороги, назад. Остальное — мое дело.

— Десять минут! — воскликнул Джон.

— Вы хотите застать их живыми?

— А если мы спугнем бандитов?

— Вы услышите, если они начнут выбираться с поля. Только не мешайте им... — Пирри замялся. — Видите ли, в этом случае маловероятно, что ваши жена и дочь...

Он как-то неопределенно кивнул и пошел по дороге. Вскоре отыскал в живой изгороди щель и нырнул в нее.

— Не прозевать бы, — сказал Роджер. — Оливия, Миллисент, заберите детей в «форд». Пошли, Джонни.

Усевшись рядом с Роджером на переднем сиденье, Джон вдруг усмехнулся с горечью:

— Славный из меня предводитель, правда?

Роджер взглянул на него:

— Успокойся. Ты не виноват.

— Кровавые свиньи! Ведь в любую минуту... Один Бог знает, чем все это кончится для Анны. А Мэри, моя девочка...

— Успокойся, — повторил Роджер и снова посмотрел на часы. — Если удача на нашей стороне, этим ублюдкам осталось жить девять минут.

— Здесь рядом телефонная будка, видел? — Джон сам поразился такой неожиданной идее. — Никто даже не подумал, что можно вызвать полицию.

— Зачем? Речь идет о личных счетах, а не об угрозе общественной безопасности. Это месть.

Оставшееся время оба молчали. Когда наконец истекли показавшиеся вечностью десять минут, Роджер включил зажигание и до отказа нажал на акселератор. На предельной скорости машина проскочила просвет в живой изгороди, через который они мельком увидели «воксхол». Проехав еще ярдов пятьдесят, до изгиба дороги, Роджер резко осадил и развернул машину поперек.

Джон схватил автоматическую винтовку, выскочил из машины и, перегнувшись через капот, открыл огонь короткими очередями.

Выстрелы оглушительно гремели в мирной тишине летнего дня. Издали, словно в ответ, донеслось три сухих щелчка. Потом все смолкло.

— Я пойду туда, — сказал Джон. — Тебе лучше остаться.

Роджер кивнул. Нырнув в густые заросли, Джон продирался вперед, не обращая внимания на шипы терновника, впивавшиеся в кожу. Наконец изгородь кончилась. На дальнем краю поля Джон увидел Пирри. Он шел степенно, не торопясь. Вдруг вдалеке послышался чей-то стон. Не помня себя, Джон бросился бежать. Ноги скользили и разъезжались на мокром вспаханном поле.

Прямо на земле, рядом с машиной, сидела Анна, Мэри — у нее на коленях. Живы. Трое раненых бандитов лежали неподалеку. Джон подошел к ним. Один — щупленький, жилистый, с узким, заросшим рыжеватой щетиной лицом — чуть приподнялся, в руке он держал револьвер. Джон увидел, как Пирри быстро, но без излишней спешки вскинул винтовку. Слабый щелчок выстрела — и раненый упал, вскрикнув от боли. Какая-то пичуга вспорхнула с изгороди и унеслась прочь.

Взяв в машине плед, Джон заботливо укрыл жену и дочь.

— Анна, Мэри, родные мои, — шепотом, словно боясь даже голосом причинить им новую боль, сказал он. — Все позади.

Они не ответили. Мэри тихонько плакала. Едва взглянув на мужа, Анна отвернулась.

Подошел Пирри и бесстрастно, но точно пнул одного раненого. Тот пронзительно закричал.

Появился Роджер.

— Не такая хорошая работа, как в прошлый раз, — заметил он, взглянув на Пирри.

— Мне вдруг пришла в голову мысль, — сказал Пирри, — что это было бы несправедливо. — Он пристально посмотрел на Джона. — По-моему, казнить их — ваше право.

Один из бандитов был ранен в бедро. Он лежал скорчившись, зажимая рану ладонями. Лицо сморщилось от боли, как у обиженного ребенка. Услышав слова Пирри, он теперь смотрел на Джона с животной мольбой.

Джон отвернулся и тихо сказал, ни к кому не обращаясь:

— Прикончите их.

Револьвер Роджера кашлянул раз, другой. Последний выдох раненого...

— Роджер! — закричала Анна.

— Что такое, Анна? — мягко сказал Роджер.

Нежно отстранив дочь, Анна встала.

Джон бросился к ней. И тут произошло неожиданное. Не успел он опомниться, как Анна сорвала с его плеча винтовку.

Тот, что был ранен в бедро, еще дышал. Прихрамывая и стиснув зубы от боли, Анна подошла к нему.

— Мне очень жаль, миссис. Простите. — Отчаянная надежда чуть рассеяла мучительный страх на его лице. Говорил он с сильным йоркширским акцентом. Джон вдруг вспомнил, что такой же точно голос был у одного водителя на их заводе, когда-то давно, в Северной Африке. Того веселого маленького толстячка убили за Бизертой*.

Анна подняла винтовку.

— Нет! Нет, миссис! У меня дети...

— Не за себя, — сказала Анна совершенно ровным голосом. — За дочь. Когда вы... я поклялась убить вас, если только останусь жива.

— Нет! Вы не смеете! Это убийство!

Анна никак не могла справиться с оружием. Все еще не веря, раненый смотрел на нее снизу вверх, не отводя удивленного застывшего взгляда, даже когда пули начали рвать его тело. Словно не видя, что он уже затих навеки, Анна все

* Город в Тунисе.

стреляла и стреляла, пока не опустел магазин. Наступила тишина, лишь еле слышно всхлипывала Мэри.

— Браво, миссис Кастэнс, — спокойно сказал Пирри. — Теперь вам лучше отдохнуть.

Роджер сел в «воксхол» и резко подал назад, заднее колесо с размаху наехало на мертвое тело. Проскочив через брешь в изгороди, машина выбралась на дорогу.

— Готово! — крикнул Роджер.

Джон бережно поднял дочь на руки и пошел к машине. Анне помог Пирри.

Когда они подошли, Роджер несколько раз нажал на сигнал и вылез из машины.

— Принимай, — сказал он. — Надо поскорей убираться отсюда — вдруг кто-нибудь слышал выстрелы. Оливия потом позаботится о твоих.

— А эти? — Джон кивнул в сторону поля.

Три мертвых тела, распростертых на оголенной земле, были еще видны.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Роджер.

— Разве мы не похороним их?

Пирри сухо рассмеялся:

— Боюсь, для подобных актов милосердия у нас нет времени!

Подкатил «форд». Выйдя из машины, Оливия бросилась к Анне и Мэри. Пирри занял ее место за рулем.

— Мы потеряли слишком много времени, Джонни, — сказал Роджер. — Конечно, о похоронах не может быть и речи. Первая остановка сразу за Тадкастером. Идет?

Джон кивнул.

— Я буду замыкающим! — крикнул Пирри.

— Ладно! Трогаем.

7

Тадкастер напоминал пограничный город накануне вторжения. Страх и отчаяние ощущались повсюду. Владелец гаража, где они заправлялись, изумленно посмотрел на предложенные деньги, не имеющие теперь никакой цены. Там

же, в гараже, нашли номер «Йоркшир ивнинг пресс» трехдневной давности. Ничего нового — та же скучная торжественность официальных заявлений, едва скрывающая панику, что и в радиосводках.

За Тадкастером свернули с главной дороги. Мэри немного ожила, даже выпила чаю и поела. Но Анна не притронулась к пище. Она сидела в неестественно напряженной позе, не говоря ни слова, и Джон не знал, что скрывает ее молчание. Боль, стыд или горькое торжество. Он попытался было заговорить с Анной, но Оливия знаком остановила его.

Заняв всю узенькую дорогу, «ситроен» и «воксхол» встали рядом. Перекусили, не выходя из машин. Тихонько бормотало радио. Передача об архитектуре мавританского стиля скорее напоминала пародию на знаменитую английскую флегматичность. «Может, конечно, так и задумано, — подумал Джон, — только что-то не весело».

Внезапно звук оборвался. Сначала они решили, что приемник сломался. Джон включил свой. Ничего.

— Это у них, — сказал Роджер. — Слушай, я что-то не наелся. Давай откроем еще одну банку. А, командир, рискнем?

— Можно, конечно, — сказал Джон. — Но, по-моему, пока мы не выберемся из Западного округа, лучше не надо.

— Ясно. Ну что ж, затяну потуже ремень. Придется потерпеть.

И тут проклюнулось радио. Голос диктора, суровый и испуганный одновременно, с непривычным для Би-би-си выговором кокни, оглушительно грянул из обоих приемников:

— Говорит Чрезвычайный Гражданский Комитет из Лондона. Би-би-си захвачена. Через несколько минут будет передано важное сообщение. Приготовьтесь! Не выключайте радио!

— Чрезвычайный Гражданский Комитет! — взорвался Роджер. — Кто, черт подери, в такое время занимается революциями?

Оливия укоризненно взглянула на него из соседней машины.

— О детях не беспокойся, дорогая, Итон или Борстал* — такой вопрос теперь отпал сам собой. Несмотря на приличные манеры, наши дети будут выращивать картошку.

Из приемника вдруг раздался совершенно неуместный здесь перезвон Боу Бэлз**. Джон поймал взгляд Анны. На какие-то доли секунды колокольный звон перенес их в детство, невинное безмятежное детство в мире благоденствия. Очень тихо, чтобы слышала только она, Джон сказал:

— Это не будет продолжаться вечно.

Она безразлично посмотрела на него:

— Что — это?

Голос другого диктора, сменивший музыкальную паузу, был уже более типичен для радио, но все же немного раздражал какой-то непрофессиональной назойливостью:

— Говорит Лондон. Передаем заявление Чрезвычайного Гражданского Комитета.

По абсолютно достоверным сведениям, бывший премьер-министр Раймонд Уэллинг, человек, для которого защита своих сограждан должна была стать главной обязанностью, строил вероломные планы их уничтожения.

Мы располагаем следующими фактами. Запасы продовольствия в стране на исходе. Поставка из-за границы зерна, мяса и других продуктов прекращена. Рассчитывать придется только на внутренние резервы. Надежды на контрвирус, выведенный для того, чтобы противостоять вирусу Чанг-Ли, провалились.

В такое трудное для страны время преступный Кабинет утверждает не имеющий равных по своей жестокости план Уэллинга. Вот он. Самолеты британских ВВС сбрасывают атомные и водородные бомбы на крупнейшие города. И когда половина населения страны будет умерщвлена таким образом, появится возможность прокормить остальных.

— Боже мой! — воскликнул Роджер. — Разбудили Везувий!

— Лондонцы отказываются верить, что англичане способны поддержать чудовищный план массового убийства.

---

* Итон (от *англ.* Eton) — Итонский колледж, Борстал (от *англ.* Borstal) — исправительно-трудовая колония для малолетних преступников.

** Боу Бэлз (от *англ.* Bow Bells) — колокола лондонской церкви Bew Church, расположенной в районе лондонских кокни.

Мы призываем военно-воздушные силы, которые когда-то защищали этот город от настоящих врагов, не обагрять руки кровью невинных. Такое ужасное преступление запятнает не только тех, кто его совершит, но и весь их род на тысячи лет вперед.

Уэллинг и все члены грязного Кабинета скрываются на одной из баз ВВС. Мы требуем, чтобы они немедленно были преданы открытому суду народа.

Сохраняйте спокойствие и оставайтесь в своих домах. Запреты на передвижения, введенные Уэллингом, отменяются. Но мы убедительно просим всех граждан не поддаваться панике и не выезжать из Лондона. В настоящее время Чрезвычайный Гражданский Комитет делает все возможное для организации доставки в Лондон продуктов. Все продовольствие будет поделено по справедливости. Еще раз призываем вас к спокойствию и выдержке. Только если вся страна проявит истинную силу духа, мы выживем, какие бы беды и лишения ни ждали нас впереди.

И после недолгой паузы:

— Ждите новых сообщений. А пока послушайте музыку.

— А пока послушайте музыку! — передразнил Роджер, выключив приемник. — Каково? Да они просто сумасшедшие! Невменяемые! Этот Чрезвычайный Комитет — всего-навсего бесполезный триумвират, состоящий из профессионального анархиста, пастора и школьной учительницы с левыми взглядами. И надо ж было изловчиться собрать их в кучу, чтобы показать полное незнание человеческой природы.

— Они хотят быть честными, — сказал Джон.

— Вот-вот, честными. Как бывший инспектор по общественным связям, скажу тебе следующее: не надо много знать о человеческой природе, чтобы уяснить — честность бесполезна, а часто даже губительна.

— Здесь как раз — второе, — сказал Пирри.

— Будь проклята эта правда. Страна на пороге голода, вот премьер-министр и решил уничтожить крупные города; военно-воздушные силы никогда не пойдут на это, но мы все равно призываем их не пачкать руки в крови; вы, конечно, можете уехать из Лондона, но лучше не надо — и так

далее! А вывод только один — девять миллионов человек должны исчезнуть. Куда, как — неизвестно.

— Но ведь ты знаешь, что ВВС действительно никогда не пойдут на такое преступление? — спросила Оливия.

— Нет! — отрезал Роджер. — Не знаю. И не собираюсь испытывать судьбу. В общем, я даже допускаю, что ты права. Но *сейчас* это не имеет значения. Когда речь идет о водородных бомбах и голоде, я бы лично не вспоминал о человечности. Неужели ты всерьез воображаешь, что кто-то думает по-другому?

— Девять миллионов, — глубокомысленно заметил Пирри, — это, конечно, Лондон. Но ведь в Западном округе есть еще несколько больших городов, не говоря уже о северо-восточных промышленных районах.

— Да! — крикнул Роджер. — Клянусь Богом, их постигнет та же участь! Не так скоро, как Лондон, но тоже достаточно быстро. — Он взглянул на Джона. — Ну, шкипер, придется ехать всю ночь?

— Да, так безопаснее, — медленно проговорил Джон. — Главное — добраться до Харрогита, а там уже рукой подать.

— Надо продумать маршрут, — сказал Пирри. Он развернул дорожную карту и, водрузив на нос изящные очки в золотой оправе, принялся ее изучать. — Есть два варианта. Первый — от Харрогита повернуть на запад, и второй — по главной дороге через Рипон.

— Что скажешь, Роджер? — спросил Джон.

— Конечно, теоретически первый путь безопаснее: все-таки в объезд. Но я знаю эту дорогу через мэшемский верещатник* — хорошего мало. — Он глянул в окно. Смеркалось. — Тем более ночью. Я выбираю второй путь.

— Пирри? — спросил Джон.

Пирри пожал плечами:

— Как хотите.

— Тогда рискнем по главной дороге, через Старбек и Билтон. Харрогит и Рипон лучше обойти стороной. Теперь я поеду первым. Роджер будет замыкающим. Если вдруг отстанешь, обязательно посигналь.

Роджер усмехнулся:

* типичный для Англии ландшафт — торфяник, поросший вереском.

— Лучше я пущу пулю в бампер крошки Лиззи*.

— Для вас, мистер Бакли, — кротко улыбнулся Пирри, — я постараюсь не задавать слишком большой темп.

Машины мчались все дальше на север. На небе по-прежнему не было ни облачка. Уже засияли звезды, но луна долго не показывалась, и дорогу освещал лишь рассеянный свет фар.

Грохочущие колонны военных машин больше не появлялись. Время от времени издалека долетал какой-то шум — может, выстрелы... Джон скосил глаза влево. Даже небо, озаренное факелом ядерного взрыва, не удивило бы его сейчас. Но ничего не произошло. Лидс, Брэдфорд, Галифакс, Хаддерсфилд, Дьюсбери, Уэйкфилд и все остальные большие и маленькие города севера Мидленда**... Что с ними? Вряд ли все тихо и спокойно. Но даже если катастрофа и произошла, маленькой группки людей, спешащих к своему убежищу, это не касалось.

Джон смертельно устал. Только отчаянным усилием воли он заставлял себя вести машину. Анна сидела все в той же окаменевшей позе, не говоря ни слова и ни на что не обращая внимания. Свободной рукой Джон нащупал бензедрин и проглотил несколько таблеток, вспоминая Роджера добрым словом.

Поднимаясь в гору, он оборачивался, чтобы увидеть огни фар двух машин, идущих следом.

Укутанная одеялом, свернувшись калачиком, на заднем сиденье спала Мэри.

Вот уже Харрогит и Рипон остались позади. «А если это только дурной сон, — вдруг размечтался Джон. — Вот-вот мы проснемся и увидим, что мир остался прежним... Господи, неужели когда-нибудь вернутся залитые праздничным огнем, широкие улицы, полные миллионов куда-то спешащих людей, которые живут, не желая смерти ближнему своему; поезда, самолеты и автомобили; обильная разнообразная пища; неужели все это превратится в легенду?»

---

* маленький автомобиль (от *англ.* tin Lizzy), чаще всего «форд».

** Центральные графства Англии (от *англ.* Midland).

Мэшем — небольшой торговый городишко — стоял на берегах Эр. Дорога круто изгибалась сразу за рекой, и Джон чуть сбавил скорость перед поворотом.

Заграждение он увидел сразу. Для разворота дорога была слишком узкой, и Джону пришлось притормозить. Но едва он собрался дать задний ход, как в боковое окно просунулся ствол винтовки.

— Ну, вот и славно. Давай выходи, — сказал приземистый человечек в твидовом костюме.

— С чего бы это? — спросил Джон.

На полной скорости к повороту подлетел «форд». «Твидовый» чуть отступил, не снимая Джона с прицела. Джон увидел еще несколько человек. Они уже остановили «форд», а через несколько минут и «ситроен».

— Вот это да! — присвистнул «твидовый». — Целая колонна! И много вас еще?

Он говорил веселым добродушным тоном, произношение выдавало йоркширца.

— Мы едем на запад, — сказал Джон, толкнув дверцу, — через верещатники. В Уэстморленде живет мой брат, фермер. Мы направляемся к нему.

— И откуда же вы направляетесь, мистер? — спросил чей-то голос.

— Из Лондона.

— Смылись, значит. Да, Лондон теперь не самое подходящее местечко.

Роджер и Пирри вышли из своих машин, и Джон облегченно вздохнул, увидев, что они без оружия.

— Это что — капкан для танков? — Роджер кивнул на заграждение. — К вторжению готовитесь?

— Умен, ничего не скажешь, — одобрительно сказал «твидовый». — Угадали. Пусть знают, что с нашим маленьким городком будет не так-то легко справиться.

— Я вас понял, — сказал Роджер.

Во всей этой сцене было нечто искусственное, притворное. Джон насчитал на дороге уже больше дюжины человек.

— Поговорим начистоту, — сказал он. — Если я вас правильно понял, вы хотите, чтобы мы убрались отсюда и по-

искали дорогу в объезд. Это, конечно, досадно, но я вас понимаю.

— Еще бы, мистер! — прыснул кто-то из них.

Джон промолчал. Что, если попробовать прорваться? Нет, слишком рискованно. Ведь с ними дети и женщины... Он ждал.

«Твидовый» явно был главарем в этой шайке. Как назло, маленький «наполеончик» для своих побед выбрал именно Мэшем. На «двенадцатичасовую милость» рассчитывать не приходилось.

— Представьте себя на нашем месте, — начал «твидовый». — Ведь при первом же натиске мы не защитим сами себя. Так вот. Чем быть мишенью, лучше стать лакомой приманкой, вроде горшка с медом. Бедные несчастные мушки, бегущие куда глаза глядят от голода и атомных бомб, едут по главной дороге и попадают на нашу приманку, а мы потом живем за их счет. Вот и вся премудрость.

— Рановато для каннибализма, — заметил Роджер. — Или в здешних краях принято питаться человечинкой?

«Твидовый» человечек рассмеялся:

— Хорошо, что хоть вы сохранили чувство юмора. Не все потеряно, пока у нас есть над чем посмеяться, правда? Нам не нужно их мясо. Во всяком случае — пока не нужно. Но большинство из этих милых мушек всегда что-нибудь да везет, пусть даже только полплитки шоколада. Мы проверяем их багаж и забираем все лишнее.

— Потом вы нас пропустите? — резко произнес Джон.

— Ну-ну, не спешите. Может, и пропустим, в объезд. — Его маленькие цепкие глазки-бусинки пристально изучали Джона. — Теперь вы понимаете, как это выглядит с нашей точки зрения.

— Это грабеж, — сказал Джон. — С любой точки зрения.

— Может, и так. Только если на всем пути из Лондона самым худшим для вас был грабеж, можете считать себя везунчиками. Ладно, мистер! Попросите женщин вынести детей. Начнем обыск. Поторапливайтесь! Раньше начнем — быстрее закончим, как говорится.

Джон взглянул на Пирри и Роджера. Первый был, как обычно, невозмутим, Роджер едва сдерживал гнев.

— Ладно, — сказал Джон. — Анна, боюсь, Мэри придется разбудить. Вынеси ее из машины ненадолго.

Они молча смотрели, как «защитники» Мэшема рылись в салонах и багажниках. Оружие нашли сразу. С ликующим криком заросший недельной щетиной коротышка поднял автоматическую винтовку Джона.

— Оружие, да-а? — протянул «твидовый». — Такого улова мы и не ожидали!

— Там еще револьверы, — сказал Джон. — Надеюсь, вы их нам оставите.

— Ну посудите сами! Мы ведь обязаны защищать город? Обязаны. Складывайте все оружие в кучу! — крикнул он своим.

— Что вы еще возьмете? — спросил Джон.

— Все очень просто. Для начала оружие. Кроме того, продукты. И конечно, топливо.

— Почему топливо?

— А потому, что оно нам сгодится на дорогах внутреннего сообщения. Каково звучит, а? Прямо по-военному, как в прежние деньки. Вот, теперь и до нас докатилось...

— Нам осталось проехать восемьдесят — девяносто миль. «Форду» надо галлон* бензина на сорок миль, остальным — на тридцать. Я прошу только девять галлонов.

«Твидовый» усмехнулся и ничего не ответил.

— Шесть галлонов. Одну машину мы оставим.

— Шесть галлонов, — повторил «твидовый», — или один револьвер — все равно. Мы защищаем этот город, мистер, и поэтому не оставим вам ничего, что может хоть как-то угрожать его безопасности.

— Одна машина. И три галлона. Вы не возьмете на свою совесть жизнь трех женщин и четверых детей.

— Нет, — отрезал «твидовый». — Хорошо, конечно, толковать о совести. Но у нас есть собственные дети и жены. Так что пусть лучше о них голова болит.

— Желаю вам только одного, — вдруг сказал Роджер, — дожить до того дня, когда они подожгут ваш городишко, и насладиться этим зрелищем.

«Твидовый» пристально посмотрел на него.

* английская мера жидкости — 4,54 л.

— Вы ведь не хотите все испортить, мистер? Мы обошлись с вами достаточно любезно, но еще не поздно исправить эту ошибку.

Роджер чуть было не сорвался, но Джон остановил его:

— Ладно. Хватит, Родж, — и добавил, обращаясь к «твидовому»: — Теперь нам можно пройти через город, к Венсли?

— С вами, конечно, приятнее разговаривать, чем с вашим приятелем, мистер. Но я отвечаю обоим — нет. В город не войдет ни один человек. Мы патрулируем дороги, чтобы все остальные могли спокойно спать и работать. Поэтому ясно как день — мы вас не пропустим.

Джон снова взглянул на Роджера, сдерживая его.

— В таком случае скажите, как нам быть? И что можно взять с собой — одеяла?

— Да, пожалуй, одеял у нас достаточно.

— А карту?

Подошел один из шайки «твидового».

— Взяли все стоящее, мистер Спрюс, — доложил он. — Продукты, барахло. И оружие. Вилли сливает бензин.

— Ну, если так, — сказал мистер Спрюс. — Можете брать все, что хотите, без всяких церемоний. На вашем месте я бы не стал слишком нагружаться — тяжело все-таки. А вот там, — он махнул рукой направо, — самый лучший обходной путь.

— Спасибо, — сказал Роджер. — Вы нам так помогли!

Мистер Спрюс добродушно взглянул на него:

— Вам еще повезло. Вот когда начнется настоящая заварушка, у нас уже не будет времени судачить с каждым о том о сем.

— Вы слишком самонадеянны, — сказал Джон. — Не рассчитывайте, что все пройдет так легко.

— Поживем — увидим. Удачи, мистер!

Джон посмотрел на разграбленные машины. Вилли, совсем молодой долговязый парнишка, еще возился с бензобаком.

— Вам я желаю того же, — тихо ответил Джон.

— В первую очередь надо убраться отсюда, — сказал он. — А потом уж решать, что делать дальше. Из вещей предлагаю взять три маленьких чемодана с самым необходимым. Рюкзаки, конечно, удобнее, но их у нас нет. С одеялами, по-моему,

возиться не стоит. Слава богу, сейчас лето. Если вдруг похолодает, прижмемся друг к другу и согреемся.

— Свое одеяло я заберу, — сказал Пирри.

— Не советую, — бросил Джон.

Пирри улыбнулся и ничего не ответил.

Лениво перебирая добычу, мэшемцы безразлично поглядывали на них.

Наконец, отобрав все необходимое из оставшихся вещей, пустились в путь. Оглянувшись, Джон увидел, как мэшемцы толкают машины к заграждению. «Интересно, — подумал он, — если здесь и впрямь скопится много машин, их что, в реку начнут сбрасывать?»

В гору поднимались с трудом. Внизу еще виднелись крыши домов. Ничто не нарушало мирную тишину летней ночи.

— Отдохнем здесь немного, — сказал Джон. — Пора решать, что нам делать дальше.

Пирри бросил на землю скатанное в рулон одеяло.

— В таком случае я пока избавлюсь от этого, — сказал он.

— Наконец-то вы поняли, что несете бесполезный груз, — не удержался Роджер.

Не отвечая на колкость, Пирри принялся развязывать аккуратненькие узелки на веревке, стягивающей рулон.

— Те парни внизу... — сказал он, — потрудились на славу. Только вот одну маленькую деталь они все-таки упустили. У малого, что рылся в моей машине, наверно, не было ножа. Иначе его оплошность совершенно непростительна.

— Что у вас там? — удивленно спросил Роджер.

Пирри поднял глаза. Лицо его осветилось тусклым светом звездного неба.

— Когда-то давно, в молодости... я путешествовал по Ближнему Востоку — Трансиордания, Ирак, Саудовская Аравия... Минералы искал. Правда, без особого успеха. Там я выучился одному фокусу — как прятать ружье в рулон из одеял. Дело в том, что арабы воровали все без исключения, но ружья любили особенно.

Наконец он развязал последний узелок и, раскатав рулон, извлек оттуда свою спортивную винтовку.

— Чтоб я пропал! — Роджер расхохотался. — Наши дела не так уж плохи! Ай да Пирри!

— К сожалению, патронов только две дюжины, — сказал Пирри, доставая из того же тайника маленькую коробочку. — Но ведь это лучше, чем ничего?

— Еще бы! С ружьем не пропадем. Только бы подвернулась хорошая ферма с машиной и добрым запасом бензина.

— Нет. Больше никаких машин, — резко произнес Джон.

Наступила неловкая пауза. Первым не выдержал Роджер:

— Тебя что, Джонни, угрызения совести замучили? Тогда возьми это ружье и застрелись. Самый лучший выход! Думаешь, мне понравилось, как те ублюдки с нами обошлись? Только, по-моему, сама по себе идея верна. Сейчас все решает сила. Тот, кто не усвоит этого, рискует очутиться на месте кролика в клетке с крысами.

«Вот странно, — подумал Джон, — еще утром слово «совесть» не было для меня пустым звуком. А уж приказывать, считать свое мнение единственно правильным — сама мысль об этом казалась отвратительной. Но теперь...»

— Машины сейчас слишком опасная роскошь, — сказал он. — Нам еще повезло. Те парни могли сначала продырявить нас пулями, а только потом обчистить. Ну ничего, еще наверстают. А мы, если поедем на машине, рискуем нарваться на другой такой Мэшем. Автомобиль в любую минуту может стать ловушкой.

— Резонно... — пробормотал Пирри. — Очень резонно.

— Восемьдесят миль, — сказал Роджер. — Пешком? А лошадей поискать не хочешь?

Похоже, они находились на бывшем пастбище.

— Нет. Пойдем пешком. Скорее всего дорога займет дня три вместо нескольких часов, зато больше надежды выжить.

— А я все-таки за то, чтобы найти машину. Может, вообще не будет никаких помех на пути. Думаешь, много таких городов, как Мэшем, где все схвачено? Да и вряд ли кто еще до этого додумается! По-моему, если мы пойдем пешком, да еще с детьми, риска будет намного больше.

— Тем не менее мы пойдем пешком, — сказал Джон.

— А что думаете вы, Пирри? — спросил Роджер.

— Не важно, что он думает! — отрезал Джон. — Я, по-моему, ясно выразился: мы пойдем пешком.

— Но ведь он сохранил ружье. — Роджер кивнул на Пирри.

— Если хочет, пусть поменяется со мной местами. А пока решения здесь принимаю я. — Джон взглянул на Пирри. — Ну?

— Превосходно, — ответил тот. — Вы позволите мне взять ружье? Не хочу показаться нескромным, но, право же, я неплохо им владею. А что касается лидерства... У меня нет ни малейших претензий на эту роль и, уверяю вас, не будет впредь.

— Разумеется, ружье можете взять, — сказал Джон.

— Ура! Торжество демократии, — усмехнулся Роджер. — Так все-таки куда мы направляем свои стопы отсюда?

— До утра — никуда, — ответил Джон. — Нам необходимо выспаться. К тому же неразумно блуждать впотьмах по незнакомой местности. На всякий случай будем дежурить. Каждый по часу. Я — первый, потом ты, Роджер, Пирри, Миллисент, Оливия... — он запнулся, — и Анна. Как раз шесть часов отдыха мы можем себе позволить. Утром тронемся в путь и поищем какой-нибудь завтрак.

— Слава богу, хоть не зима, — сказал Роджер. — Эй, гвардия! — крикнул он мальчишкам. — Давайте-ка сюда! Ложитесь рядом.

...Сидя поодаль, на пригорке, Джон задумчиво смотрел на бескрайнее поле вереска. Из-за горизонта уже пробивались первые робкие лунные лучики. Нежный летний ветерок едва покачивал теплый воздух ночи.

«Только бы погода не испортилась! — подумал Джон. — Помолиться, что ли, торфяным богам? А может, им жертва нужна, чтобы сменили гнев на милость? — Джон взглянул на спящих детей. — Неужели они когда-нибудь дойдут до такого? Или их дети?»

Он вдруг почувствовал себя совершенно разбитым. Будто душа — одряхлевшая, измученная — предъявила счет за весь свой долгий век. А что дальше? Ведь уже теперь жизнь человеческая ничего не стоит. Почти четыре тысячелетия нравственные законы были, казалось, незыблемы и вот — всего за один день — превратились в ничто. А если кто-то еще не забыл язык любви в этом вавилонском столпотворе-

нии, они и дети их должны умереть, как умерли когда-то их далекие предки на римских аренах. «Было бы счастьем, наверное, умереть за такую веру, — вдруг подумал Джон. — Но...» Он посмотрел на горстку спящих людей, доверившихся ему, и понял — быть может, только теперь понял, что их жизни зависят от него.

Джон встал и подошел к Анне. Она лежала с открытыми глазами, бережно обняв спящую дочь.

— Анна, — тихо позвал Джон.

Она не ответила, словно вовсе не слышала. Чуть подождав, Джон отошел.

8

Во время своей вахты Миллисент видела, как небо на юге несколько раз озарилось далекими сполохами. Следом донесся долгий гром. Что это было? Ядерные взрывы? Неуместный вопрос! Вряд ли они когда-нибудь узнают, что там произошло. Судьбы людей, живущих в этой стране, больше не волновали их.

На рассвете пустились в путь. Чистое небо сияло лазурью, и, несмотря на утреннюю свежесть, день обещал быть жарким. По замыслу Джона, им предстояло сначала добраться в Ковердейл через мэшемский верещатник. Потом — карлтонский верещатник, дальше — на север, к Уэнслидейлу, и, наконец, в Уэстморленд. По пути, недалеко от ночной стоянки, попалась ферма. Роджер предложил взять ее штурмом, чтобы добыть какую-нибудь пищу, но Джон запретил, сославшись на то, что Мэшем еще слишком близко.

Около половины седьмого пересекли главную дорогу к северу от Мэшема. Воздух уже прогрелся. Мальчики едва удерживались от веселой беготни. Вообще, как ни странно, в этом походе было что-то от пикника, если бы не Анна. Она по-прежнему молчала, держась ото всех в стороне.

На каменистой тропке Джона догнала Миллисент.

— Зря Анна все принимает так близко к сердцу, Джонни, — сказала она. — Обычное дело.

Джон взглянул на нее. Чистенькая и аккуратненькая, Миллисент выглядела так, словно находилась на обычной загородной прогулке. Пирри шагал ярдах в пятидесяти впереди.

— По-моему, Анну больше мучит не то, что случилось, а ее собственный поступок.

— Так я о том же, — удивилась Миллисент. — Обычное дело! Знаете, мне понравилось, с какой твердостью вы все уладили ночью. Спокойно, без всяких там глупостей. Я люблю мужчин, которые знают, чего хотят, и умеют этого добиваться.

Джон вдруг понял, что ошибся, определяя ее возраст, — она была еще моложе. Он невольно залюбовался стройной фигуркой девушки.

— Кто-то ведь должен принимать решения, — коротко сказал Джон, отводя глаза. В ее улыбке читалось настолько прозрачное и откровенное предложение, что Джон обомлел.

— Поначалу я думала, вы — так себе, размазня. Но сегодня ночью поняла, что ошиблась.

Не похотливость как таковая покоробила его. Наверняка Пирри уже стал рогоносцем. Но одно дело в Лондоне, этом кроличьем садке, кишащем миллионами представителей рода человеческого. Что для него какая-то развратная бабенка? Одной больше, одной меньше. А здесь, где их зависимость друг от друга так очевидна, как пограничные линии на верещатниках, здесь скорее могла бы зародиться некая новая нравственность — предводитель выбирает любую женщину по своему желанию. Но устаревшие трюки с подмигиваниями, гнусными намеками и легкими тычками локтем теперь невоскресимо канули в Лету, как деловые конференции и вечера в уютной театральной ложе.

— Вам давно пора сменить Оливию, — резко произнес Джон.

Миллисент чуть изогнула брови:

— Как прикажете, шеф! Сделаю все, что вы пожелаете.

На краю уиттонского верещатника они неожиданно наткнулись на маленький, одиноко стоявший на пригорке, среди картофельных полей, фермерский домик. Над трубой

вился дымок. Джон вовремя сообразил — в таком глухом месте надо, наверно, даже летом жечь уголь, чтобы приготовить еду.

Он рассказал Пирри о своей задумке. Тот молча кивнул и потер переносицу тремя пальцами правой руки. Джон вспомнил — перед тем, как расправиться с бандой, похитившей Анну и Мэри, он сделал точно такой же жест.

К дому пошли Роджер и Джон. Они и не пытались прятаться, небрежно прогуливаясь, — эдакие праздные зеваки! В окне дернулась занавеска. Возле дома нежился на солнышке старый пес.

Дверной молоточек в форме бараньей головы тяжело звякнул о металлическую дверь. Вскоре послышались шаги. Роджер и Джон чуть отступили вправо. Дверь распахнулась. На пороге стоял крупный мужчина с обветренным красным лицом. В руках он держал дробовик.

— Ну, чего надо? — спросил он. Маленькие колючие глазки смотрели недобро. — Для продажи у нас ничего нет, если вы за продуктами.

За порог он не выходил.

— Спасибо, — ответил Джон. — Нам не нужны продукты. Мы хотим вам кое-что предложить.

— Проваливайте! — отрезал мужчина.

— В таком случае...

Джон резко отскочил от стены — фермер тут же шагнул за порог, держа палец на спусковом крючке.

— Если хочешь получить пулю в лоб... — начал он.

Прогремел выстрел, грузное тело дернулось назад, будто кто-то невидимый рванул его на себя, и тяжело опустилось на ступеньки. Палец все еще нажимал на спуск. Старый пес поднялся и тихонько заскулил. В доме закричала женщина. Потом все стихло.

Джон выдернул дробовик из-под мертвого тела. Кивнув Роджеру, он перешагнул через труп и вошел в дом. В тускло освещенной просторной гостиной он в первую секунду увидел лишь несколько закрытых дверей и лестницу, ведущую на второй этаж. А потом... В тени лестницы стояла женщина. Высокая, худощавая, она смотрела на них в упор, сжимая в руках ружье.

— Джонни, берегись! — крикнул Роджер.

Хлопок выстрела Джона прозвучал раньше, чем женщина успела даже шевельнуть рукой. Несколько мгновений она еще стояла, потом, вцепившись в перила, медленно опустилась на пол, крича высоким, словно задушенным голосом.

— Боже мой! — вырвалось у Роджера.

— Не стой столбом! — буркнул Джон. — Возьми у нее ружье. Надо обыскать дом. Что-то пока нам слишком везет.

Роджер с трудом заставил себя подойти к женщине и взять ружье.

— Господи, ее лицо... — ужаснулся Роджер.

— Ты посмотришь здесь, — оборвал его Джон. — Я — наверху.

Он пробежал по второму этажу, распахивая двери пинком. Наконец — последняя. Тут только Джон сообразил, что все это время был практически безоружным — в ружье оставался всего один патрон. Чуть поколебавшись, он распахнул дверь.

В маленькой спаленке на кровати сидела девочка лет пятнадцати — шестнадцати.

— Никуда не выходи отсюда. Поняла? — сказал Джон. — Тогда цела останешься.

— Выстрелы... — Девочка смотрела на него расширенными от ужаса глазами. — Мама... папа... Они не...

— Не выходи из комнаты, — холодно оборвал Джон.

В замке торчал ключ. Выйдя из комнаты, Джон запер дверь. Женщина внизу еще кричала, но уже тише. Роджер стоял рядом с ней.

— Ну? — спросил Джон.

Медленно, словно нехотя, Роджер перевел на него взгляд.

— Порядок. Никого нет. — Он снова посмотрел на раненую. — А на плите завтрак готовится...

Тихо вошел Пирри.

— Дело сделано? — сказал он, опуская винтовку. — Так у нее тоже было ружье? А еще есть в доме?

— Ружья или люди? — спросил Джон. — Оружия я не нашел. А ты, Родж?

— Нет, — отозвался Роджер.

— Наверху девчонка, — сказал Джон. — Дочь. Я ее запер.

— А эта? — Пирри носком ботинка ткнул в сторону женщины — та больше не кричала, только тихо постанывала.

— Она ранена... в лицо, — выговорил Роджер.

— В таком случае... — Пирри взглянул на Джона и вскинул винтовку. — Вы не возражаете?

— Лучше бы револьвер, конечно, — сказал Пирри, подойдя к раненой. Прогремел выстрел. Стоны стихли. — Не люблю тратить патроны попусту. Тем более что они нам еще пригодятся.

— Не такой уж плохой обмен — два дробовика на два патрона, — заметил Джон.

Пирри улыбнулся:

— Эти два патрона я ценю выше полудюжины дробовиков, уж простите мне мою слабость. Но, в общем, вы правы — обмен недурной. Теперь можно позвать остальных?

— Да, — ответил Джон, — думаю, можно.

— Все-таки надо, наверно, сначала убрать куда-нибудь трупы, — сказал Роджер. — Пока дети не пришли.

Джон кивнул:

— Пожалуй, — и перешагнул через мертвое тело. — Там, под лестницей, есть чуланчик. Стойте-ка, тут заряды для дробовиков. Сейчас я их достану. — Он вгляделся в темный уголок. — Все равно больше некуда. Давайте ее сюда.

Труп фермера смогли перетащить только втроем. Втиснули его туда же, под лестницу. Потом Джон вышел из дома и помахал рукой. Старый пес сидел на прежнем месте. Теперь Джон заметил, что он слеп. «Кому нужен сторожевой пес, — подумал Джон, — когда нечего охранять?» Но стрелять не стал — зачем переводить патроны?

Наконец все собрались. Дух пикника исчез — даже мальчишки притихли. Дэви подошел к отцу.

— Папа, кто стрелял? — спросил он чуть слышно.

— Видишь ли, сын, — сказал Джон, глядя мальчику прямо в глаза. — Сейчас такое время... Нам приходится бороться, чтобы выжить, бороться за все. Ты должен понять.

— Вы их убили?

— Да.

— А где они?

— Трупы мы убрали. Давай-ка заходи в дом. Надо позавтракать.

На пороге растеклась лужица крови, другая — у лестницы. Дэви заметил это, но промолчал.

Когда все собрались в гостиной, Джон сказал:

— Долго здесь задерживаться не будем. На кухне есть яйца и бекон. Еду можно приготовить быстро. Мы с Пирри и Роджером поищем, что взять с собой.

— Вам помочь? — спросил Тихоня.

— Нет. Оставайтесь здесь. Отдыхайте. Впереди тяжелый день.

— Их было только двое? — вдруг сказала Оливия.

— Наверху еще девочка — дочь. Я запер ее.

Оливия бросилась к лестнице:

— Господи! Она там одна! Она же испугается!

Джон взглядом остановил ее.

— Я ведь уже сказал — у нас нет времени на пустяки. Займись более важными делами.

Чуть поколебавшись, Оливия прошла на кухню. Миллисент — за ней. Анна по-прежнему стояла в дверях, держа дочь за руку.

— Хватит и двоих, — сказала она. — Мы пойдем на улицу. Здесь мне тяжело дышится.

— Как хочешь. — Джон кивнул. — Можешь поесть на улице.

Не ответив, Анна вышла, не выпуская руки Мэри. Тихоня, потоптавшись на месте, вышел за ними. Дэви и Стив забрались на старомодную софу у окна. Напротив мерно тикали старенькие настенные часы. Зачарованно разглядывая их, мальчики шепотом переговаривались друг с другом.

В доме нашли два больших рюкзака и один — поменьше. Набили их провизией — ветчиной, свининой, вяленой говядиной, домашним хлебом, сверху положили патроны.

После завтрака Оливия встала и начала было собирать тарелки. Миллисент засмеялась. Смутившись, Оливия поставила посуду на стол.

— Не нужно, — сказал Джон. — Уходим прямо сейчас. Место здесь, конечно, тихое, глухое. Но все-таки любой дом — ловушка.

Стали собираться.

— А как же девочка? — спросила Оливия.

Джон взглянул на нее:

— А что?

— Ведь мы не можем ее так бросить?

— Если это тебя так волнует, пойди и отопри ее. Скажи, пусть идет на все четыре стороны.

— Но мы не можем бросить ее! — Оливия махнула рукой в сторону лестницы. — С ними.

— Что ты предлагаешь?

— Мы могли бы взять девочку с собой.

— Не глупи, Оливия. Ты ведь знаешь — это невозможно.

Оливия пристально посмотрела на него. Вечная робость и неуверенность вдруг сменились решимостью и твердостью. «Как странно меняются люди в тяжкие минуты», — подумал Джон об Оливии и Роджере.

— Если нет, — сказала она, — я останусь с ней.

— А Роджер? — спросил Джон. — Стив?

— Если Оливия захочет, — медленно проговорил Роджер, — мы останемся вместе с ней.

— А кто пойдет открывать дверь, когда пожалуют новые гости? Ты или Оливия? А может, Стив?

Все молчали. Только часы размеренно отсчитывали уходящие мгновения летнего утра.

— Почему ты не хочешь взять девочку? — наконец сказал Роджер. — Ведь Тихоню мы взяли. Девочка вовсе не опасна.

— Как тебе только в голову пришло, что она согласится! — закричал Джон, потеряв терпение. — Мы убили ее родителей!

— Я бы, наверно, смогла ее уговорить, — сказала Оливия.

— Сколько ты собираешься ее уговаривать? Недели две?

Оливия и Роджер переглянулись.

— Вы идите, — сказал Роджер. — Мы догоним. Вместе с девочкой — если она согласится, конечно.

— Ты меня удивляешь, Родж! — воскликнул Джон. — Не хватает только из-за твоей дурости нам сейчас расколоться. — Он посмотрел на часы. — Смотри, Оливия. Даю тебе три минуты. Захочет она пойти — пожалуйста. Но учти — никаких уговоров. Идет? — Оливия кивнула. — Я поднимусь с тобой.

Джон пошел первым, отпер дверь. Девочка стояла на коленях, сложив руки в молитве. Джон пропустил Оливию в комнату, оставшись на пороге. Девочка едва взглянула на них, лицо ее было совершенно бесстрастным.

— Милая моя девочка, — сказала Оливия. — Мы хотим, чтобы ты пошла с нами. В одно безопасное место на холмах. Здесь тебе нельзя оставаться.

— Моя мама... Она кричала, я слышала... а потом...

— Она мертва. И отец — тоже.

— Вы убили их. — Девочка посмотрела на Джона. — Он убил.

— Да, — сказала Оливия. — У них были продукты, у нас — нет. Люди теперь вынуждены бороться, чтобы достать пищу. Мы победили, они проиграли. Ничего не поделаешь. Но я все равно очень хочу, чтобы ты пошла с нами.

Девочка отвернулась.

— Оставьте меня в покое, — глухо произнесла она. — Убирайтесь. Оставьте меня одну.

Джон взглянул на Оливию и покачал головой. Она подошла ближе и встала на колени рядом с девочкой, обняв ее за плечи.

— Мы не такие плохие люди, как ты думаешь. Просто мы пытаемся спастись сами и спасти своих детей. Время жестокое — приходится убивать. Но будут и другие люди — гораздо хуже. Они станут убивать не за кусок хлеба, а ради самого убийства.

— Оставьте меня одну, — повторила девочка.

— За нами, — сказала Оливия, — уже идут толпы людей. Они бегут из городов в поисках пищи. Ваш дом — лакомый кусочек. Твои родители все равно бы погибли через несколько дней. И ты — тоже. Ты веришь мне?

— Уходите. — Девочка не поднимала глаз.

— Я тебе говорил, — сказал Джон. — Мы не можем заставить ее. А насчет того, чтобы остаться с ней, ты ведь сама сказала, что это место — смертельный капкан.

Нехотя Оливия встала и вдруг, схватив девочку за плечи, развернула лицом к себе.

— Послушай меня! — сказала она. — Ты ведь просто боишься, правда? Скажи, правда?

Оливия смотрела девочке прямо в глаза. Словно завороженная ее взглядом, та медленно кивнула.

— Ты веришь, что я хочу тебе помочь?

Она вновь кивнула.

— Решено — ты идешь с нами. Мы собираемся перейти Пеннины. Есть в Уэстморленде одно местечко — там мы будем в полной безопасности. Бессмысленные жертвы и человеческая жестокость уйдут в прошлое и забудутся, как страшный сон. — Оливия больше не могла сдерживаться, горький гнев душил ее. — И ты пойдешь с нами. Да, мы убили твоих родителей. Но если мы спасем тебя, то сможем хоть чуточку оправдаться перед ними.

Девочка молча смотрела на нее.

— Подожди внизу, пожалуйста, — сказала Оливия Джону. — Я помогу ей одеться. Через пару минут мы спустимся.

Джон пожал плечами.

— Я посмотрю, все ли там готово, — сказал он. — Две минуты, запомни.

— Мы успеем.

Роджер вертел ручку настройки радиоприемника.

— Глухо, — сказал он, увидев Джона. — Север, Шотландия, Мидленд, Лондон — ничего.

— А Ирландия?

— То же самое. Вряд ли вообще можно что-нибудь поймать в такой глуши.

— Может, приемник не работает?

— Я поймал какую-то станцию. Что за язык — не понял. Похоже, где-то в Центральной Европе. Голос диктора такой напуганный...

— А короткие волны?

— Не пробовал.

— Дай-ка я. — Джон начал медленно поворачивать колесико настройки. Наконец, после долгого молчания, сквозь треск и помехи послышалась английская речь. Джон включил громкость до отказа.

— ...доказывает, что Западная Европа прекратила свое существование как часть цивилизованного мира. — Диктор говорил с американским акцентом. — Вчера вечером в Соединенные Штаты и Канаду прибыло несколько самолетов

с беженцами. По приказу президента всем предоставлено убежище. Среди прибывших — президент Франции и французское правительство, члены королевских семей Голландии и Бельгии. Как сообщили из Галифакса, Нова Скотия*, туда благополучно прибыли члены британской королевской семьи. В том же сообщении говорится, что, по заявлению бывшего премьер-министра Великобритании Раймонда Уэллинга, катастрофа произошла из-за распространившихся слухов о якобы планируемой атомной бомбардировке крупных городов в целях спасения оставшейся части населения страны от голода. Как подчеркнул Уэллинг, абсолютно беспочвенные слухи и породили панику. В ответ на сообщение Комиссии по атомной энергетике о ядерных взрывах, произошедших несколько часов назад, Уэллинг заявил, что допускает возможность применения подобных мер отдельными частями ВВС, но не отвечает за их действия.

— Он умыл руки и сбежал, — сказал Роджер.

— Передаем заявление президента, — продолжал голос диктора, — прозвучавшее сегодня по вашингтонскому радио в девять часов утра.

«Скоро наша страна будет оплакивать Европу, колыбель западной цивилизации. Не имея возможности помочь, мы сможем лишь скорбеть и ужасаться тому, что происходит по ту сторону Атлантики. Но это вовсе не значит, что нашу страну ожидает та же печальная участь. Запасов продовольствия у нас достаточно. Хотя не исключено, что в ближайшие месяцы нормы будут снижены. В скором времени мы одолеем вирус Чанг-Ли и известим об этом весь мир. А пока наш святой долг — сохранить человеческий облик хотя бы в пределах собственной страны».

— Звучит весьма обнадеживающе, — с горечью сказал Джон. Повернувшись, он увидел Оливию. Она спускалась по лестнице вместе с девочкой. Теперь, когда та была в платье, Джон видел, что она года на два-три старше Мэри. Девочка взглянула на Джона, потом — на кровавые пятна на полу. Лицо ее оставалось непроницаемым.

— Это Джейн, — сказала Оливия. — Она пойдет с нами. Теперь мы готовы, Джонни.

* Провинция в Канаде.

— Хорошо. Значит, можно отправляться.

— А можно мне взглянуть на них, хоть разочек? — спросила вдруг девочка, обращаясь к Оливии. Растерявшись, Оливия молчала.

— Нет, — резко бросил Джон. Он представил трупы, без всякого сожаления втиснутые в тесную каморку под лестницей. — Ни тебе, ни им это не поможет. Да и времени нет.

Он думал, что девочка будет настаивать. Но Оливия легонько подтолкнула ее вперед, и она повиновалась. Обвела прощальным взглядом комнату и вышла.

— Все, уходим, — сказал Джон.

— Еще один штришок, — небрежно заметил Пирри.

Радио еще работало. Диктор бубнил о каких-то способах распределения запасов продовольствия, голос звучал неровно, постоянно прерывался помехами. Подойдя к столу, Пирри резко смахнул приемник на пол. Стекло разбилось вдребезги, но этого Пирри показалось мало. Он пинал и топтал ящик приемника, пока тот не раскололся. Потом твердо припечатал каблуком и растер в порошок начинку, осторожно высвободил ногу и вышел из дома.

Оставшийся путь решили разделить на три дня. В первый — граница Уэнслидейла, во второй — через верещатники в Седберх и, наконец, в последний день — Слепой Джилл.

Джон понимал — отдаляться от главной дороги нельзя, да и машин уже вряд ли будет много. Примеру Мэшема наверняка последовал почти весь Северный округ.

Они спустились к опушке леса.

— А если раздобыть велосипеды? — сказал Роджер. — Как думаешь, Джон?

Джон покачал головой:

— Все равно опасно. Да и где взять десять велосипедов? Не станем же мы разделяться, если их будет меньше.

— А ты не собираешься разделяться? — спросил Роджер.

— Нет. Не собираюсь, — ответил Джон, взглянув на него.

— Я так рад, что Оливии удалось уговорить девочку пойти с нами. Страшно подумать, что было бы с ней там!

— Ты становишься сентиментальным, Родж!

— Нет. — Роджер поправил рюкзак. — Просто ты становишься жестче. Наверное, это хорошо.

— Наверное?

— Да нет, пожалуй, действительно хорошо. Ты прав, Джонни. Так и должно быть, если мы хотим добраться живыми.

— Да, — сказал Джон. — Так и должно быть.

Они проходили мимо запертых домов с наглухо закрытыми ставнями. Может, там и были люди, но сидели тихонечко, ничем не выдавая себя. По дороге почти никто не встречался, а редкие прохожие, издали завидев вооруженных людей, спешили обойти их стороной. Правда, дважды они видели группы, схожие со своей. Первая — пять человек, двое несли на руках совсем маленьких детей — прошла мимо, сохраняя безопасную дистанцию. Вторая была больше, чем их собственная — около дюжины человек, одни мужчины, многие вооружены. Случилось это днем, в нескольких милях восточнее Айсгарха. Шли они, похоже, в Бишопдейл. Увидев Джона и его спутников, остановились посреди дороги, наблюдая издали. Разговор, видимо, был неизбежен, и Джон тоже остановился ярдах в двадцати.

— Откуда вы? — крикнул один из них.

— Из Лондона, — ответил Джон.

— Здесь и без паршивых лондонцев полно народа. — В голосе звучала открытая враждебность.

Вместо ответа Джон поднял дробовик, Пирри и Роджер сделали то же самое. Несколько секунд стороны напряженно смотрели друг на друга.

— Куда вы идете? — наконец спросил тот же парень.

— В Уэстморленд, — сказал Джон, — через верещатники.

— Там не лучше, чем здесь. — Он с вожделением смотрел на ружья. — Если умеете обращаться с этими штуками, можем взять вас с собой.

— Умеем, — сказал Джон. — Но предпочитаем оставить все как есть.

— Сейчас надо кучковаться. Так безопаснее. — Джон промолчал. — И для ребятишек, и вообще...

— Мы сами о себе позаботимся, — ответил Джон.

Пожав плечами, парень махнул своим. Они пошли дальше. Сам он шел последним. На обочине дороги остановился и, обернувшись, закричал:

— Эй, мистер! Нового ничего не слышали?

— Ничего, кроме того, что мир стал честным, — ответил Роджер.

Парень рассмеялся:

— Ага, то-то же. Страшный суд скоро!

Новые знакомцы скрылись из виду, а они двинулись дальше, свернув от Айсгарха на юг. Местные жители, похоже, основательно приготовились к обороне. Теперь подобные картины уже стали привычными.

Разморенные полуденным зноем, решили немного отдохнуть. Вдали еще маячил город. Долина, прежде такая зеленая, цветущая, неприветливо чернела среди холмов. Вдруг Джону показалось, что на холме пасутся овцы. Он вскочил, пригляделся: нет, это всего лишь белые валуны. Конечно, откуда здесь овцы? Чанг-Ли потрудился на славу, ничего не забыв.

Мэри уютно устроилась рядом с Оливией и Джейн. Мальчишки, устав от беготни, теперь оживленно обсуждали достоинства быстроходных катеров. Анна сидела в стороне от всех, у дерева. Джон подошел к ней и опустился рядом на землю.

— Тебе лучше? — спросил он.

— Да.

Выглядела Анна очень уставшей, едва ли она спала прошлой ночью.

— Всего два дня, и тогда... — начал Джон.

— И тогда, — подхватила она, — мы забудем все как страшный сон и начнем жизнь сначала. Так, что ли?

— Нет. Конечно, мы вряд ли забудем все это. Ну и что? Главное — мы снова заживем нормальной жизнью. А из наших детей вырастут люди, а не дикари. Стоит постараться ради этого!

— И ты стараешься, да? Все взвалил на свои плечи.

— Пока нам везло, — мягко сказал Джон. — Как бы странно это ни звучало. Повезло вырваться из Лондона, повезло уйти так далеко на север, до первой серьезной передряги. Здесь тихо, потому что все местные попрятались по норам, а толпы народа еще не успели сюда добраться. Но учти: мы опередили их только на день, а может, и того меньше. А вот когда они придут...

Джон посмотрел на бушующую Эр. Как странно! Такая знакомая картина. Обычный летний солнечный день. Вот только зеленую краску невидимый художник почему-то забыл. Джон и сам до конца не верил в то, что говорил Анне, но знал — это правда.

— В Слепом Джилле в конце концов настанет мир, — устало сказала Анна.

— Но туда надо еще дойти...

— Я устала, — перебила Анна, — и не хочу говорить ни об этом, ни о чем другом. Пожалуйста, Джон, оставь меня.

Несколько секунд Джон молча смотрел на жену, потом повернулся и пошел прочь. Рядом, за деревом, он увидел Миллисент. Она, конечно, слышала весь разговор. Взглянув Джону прямо в глаза, Миллисент улыбнулась.

К Хавесу долина сужалась, холмы поднимались еще выше. В городе было довольно спокойно, но решили не рисковать и обойти его стороной.

На ночлег расположились у подножия Уиддейл Джилл, между железной дорогой и рекой. Рядом нашли картофельное поле. Оливия принялась готовить ужин — картошку с вяленым мясом. Ей помогали Джейн и Миллисент, правда, последняя — весьма вяло и равнодушно.

Солнце уже скрылось за Пеннинами, но было еще светло. Джон посмотрел на часы — почти восемь, конечно, не по Гринвичу, а по британскому летнему времени. Он усмехнулся — какая нелепая щепетильность!

Подошли мальчики.

— Папа, — сказал Дэви, — можно нам тоже сегодня подежурить?

Раньше Дэви никогда бы не обратился к отцу столь почтительным тоном. Их отношения всегда были дружескими, а настоящий «мужской» разговор отца с сыном всегда происходил на равных.

Джон взглянул на мальчишек. Дэви — порывистый непоседа, неуклюжий долговязый Тихоня, упитанный коротышка Стив. «Господи, — подумал Джон, — какие же они еще дети!»

— Благодарю за предложение, но мы справимся, — сказал Джон.

— Но мы уже все продумали! Конечно, стрелять мы толком не умеем, но ведь это не важно. Если кто-нибудь появится, мы такой шум поднимем! Мы сумеем, вот увидишь!

— Лучше всего, если вы не будете болтать после ужина, а сразу ляжете спать и как можно скорее заснете. Утром придется пораньше встать.

Джон говорил довольно беспечно, и в прежние времена Дэви непременно стал бы препираться. Но теперь он лишь беспомощно взглянул на друзей, и все трое побрели к реке.

Вернулся Пирри, ничего подозрительного он не заметил. После ужина Джон распределил часовые дежурства.

— А Джейн ты не считаешь? — спросил Роджер.

Джон засмеялся, приняв его слова за шутку. Но потом с удивлением понял, что Роджер вовсе не шутит.

— Нет. Не сегодня, — ответил Джон.

Девочка сидела рядом с Оливией, они вообще целый день не отходили друг от друга ни на шаг. Джон слышал, как они шептались о чем-то и Джейн даже один раз засмеялась. Она вопросительно посмотрела на Джона и Роджера.

— Ты ведь не собираешься прикончить нас спящими, правда, Джейн? — спросил Роджер.

Она покачала головой.

— Но все-таки лучше не давать тебе такую возможность, да? — добавил Джон.

Она отвернулась, но Джон успел заметить, что на свеженькой милой мордашке с пухлыми щечками написано скорее смущение, чем ненависть.

— Первая — Анна, — сказал он. — Остальным — постараться уснуть. Мальчикам задание — погасить огонь. Как следует затопчите все угольки.

Разбудил его Роджер. Джон встал, потирая затекшие ноги. Луна уже взошла и отражалась в реке серебристыми бликами.

— Слава богу, хоть тепло, — сказал Роджер.

— Видел что-нибудь?

— Что здесь может быть, кроме призраков?

— Ну, призраки так призраки. Видел?

— Да, самого осязаемого из всех. — Джон взглянул на Роджера с удивлением. — Поезд-призрак. Я готов присяг-

нуть, что слышал гудок, а минут через десять — далекий шум поезда.

— Поезд, говоришь? Может, военный? Хотя вряд ли.

— Я предпочитаю думать, что это все-таки был поезд-призрак. Доверху нагруженный фантомами жителей долин, призрачным углем или иллюзорными железными болванками. Как, по-твоему, долго еще протянут железные дороги? Двадцать лет? Тридцать? А потом? Мы будем рассказывать правнукам сказки о том, что, мол, когда-то, во время оно жили-были такие металлические монстры, которые пожирали уголь и выдыхали дым.

— Иди спать, — сказал Джон. — У тебя еще будет время подумать о своих правнуках.

Следить надо было за обеими сторонами железной дороги, особенно за северной. Там находилось шоссе. Сев на насыпь, Джон закурил, прикрывая рукой огонек сигареты. Может, такая предосторожность была излишней, но в памяти волей-неволей всплывали старые армейские привычки.

Джон задумчиво смотрел на тоненький белый цилиндрик сигареты. Та же привычка всегда подгоняла его, но теперь можно было не торопиться и покурить спокойно. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем расторопные американские изыскатели высадятся в этих Богом забытых гаванях и пойдут по стране, раздавая консервированную ветчину, сигареты и разбрасывая на своем пути семена устойчивой к вирусу травы? В любом местечке сродни Слепому Джиллу, где еще сохранились горстки уцелевших британцев, это было бы просто мечтой, рождественской сказкой. Даже легендой, которая, быть может, в конце концов заставит новоиспеченных варваров пересечь океан в поисках Земли Обетованной.

Он больше не верил, что роду людскому даровано временное облегчение. Сначала — Китай, потом — и вся Азия. Теперь — Европа. До остальных тоже очередь дойдет, верят они в это или нет. Сама Природа стирала одну за другой надписи на грифельной доске истории человечества. Те немногие, кто выживет на этом грешном шарике, впишут в пустые места какую-нибудь патетическую чушь.

По ту сторону полотна послышался легкий шорох. Джон встал и тихонько пошел туда. Дойдя до края насыпи, он увидел чью-то тонкую фигуру. Миллисент. Она протянула руку, и Джон помог ей взобраться.

— Какого черта вы тут делаете? — спросил Джон.

— Тс-с! Всех перебудите.

Она коротко оглянулась на спящий лагерь и как ни в чем не бывало пошла вперед. Джон — за ней. Он нисколько не сомневался, что означает этот визит. Столь откровенное бесстыдство взбесило его.

— Следующая очередь дежурить не ваша. Возвращайтесь и ложитесь спать. Впереди тяжелый день.

— Сигаретки не найдется? — спросила она. Джон вытащил из пачки сигарету и протянул ей. — Может, и прикурить дадите?

— Опустите сигарету и закрывайте ладонями, когда затягиваетесь.

— Вы такой предусмотрительный, такой умный.

Миллисент наклонилась, прикуривая от огонька зажигалки. Черные волосы переливались в лунном свете. Джон понял, что недооценил ситуацию. Нужно было тут же отослать ее. Миллисент выпрямилась.

— Я могу обходиться без сна, — сказала она. — Помню, однажды мы поехали за город на уик-энд, так я не поспала и трех часов с пятницы до понедельника. И была свежа как маргаритка.

— Не стоит хвастаться. Даром это не проходит.

— Разве? — Она помолчала. — А что все-таки случилось с Анной?

— Вы знаете то же, что и я, — холодно отрезал он. — Мне кажется, вас не должно волновать ни то, что с ней случилось, ни то, что она сделала потом.

— По-моему, это вовсе не повод сходить с ума. История, конечно, паршивая...

Джон затушил сигарету.

— Я не хочу говорить об Анне. И не хочу никакой любовной интрижки с вами. Вам ясно? Сейчас не время для подобных занятий, не говоря уже о сути.

— Если хочешь чего-нибудь, всегда можно найти время.

— Вы ошиблись. Я — не хочу.

Миллисент засмеялась низким хрипловатым смехом.

— Давайте поговорим как взрослые люди, — сказала она. — Я, конечно, могу в чем-то ошибаться, но только не в таких делах.

— Вы знаете меня лучше, чем я сам?

— Не пытайтесь поймать меня. Конечно, знаю. Да вот, пожалуйста: будь на моем месте Оливия, вы отправили бы ее обратно в два счета, без всяких пререканий. А кстати, почему вы шепчете? Или разбудить кого боитесь?

Джон и не заметил, как перешел на шепот. Смутившись, он чуть повысил голос:

— Вам пора идти, Миллисент.

Она снова засмеялась:

— Вы правы — зачем будить людей. Вряд ли они так же хорошо, как я, могут обходиться без сна. А вот вы — другое дело.

— Ну ладно. Я не собираюсь с вами спорить. Идите ложитесь спать и забудьте обо всем, что мы тут наговорили.

— Договорились, — кротко пролепетала Миллисент, затушив наполовину выкуренную сигарету. — Вот только испробую один тест. Всего одна крохотная искорка. Если вы не загоритесь, я сразу ухожу, как послушная девочка.

Она подошла совсем близко.

— Миллисент, не дурачьтесь, — сказал Джон.

— Только один дружеский поцелуй. Пожелайте мне спокойной ночи, а то я не усну. — Она прижалась к нему всем своим гибким, податливым телом. Джону пришлось обнять ее — они стояли на самом краю насыпи.

— Кажется, тест на искорку положительный, — сказала Миллисент.

Донесся шелест падающих камешков. Они обернулись. На рельсах, невозмутимо глядя на них, стоял Пирри. Винтовку он, как обычно, держал под мышкой.

— Вы не очень-то бдительны, Кастэнс, — укоризненно сказал Пирри. — Непростительно для часового. Я едва не застал вас врасплох.

Миллисент высвободилась из рук Джона.

— Что это ты шляешься среди ночи? — спросила она.

— Ты позволишь мне задать тебе тот же вопрос, дорогая? — сказал Пирри.

— А я-то думала, с тебя хватило того, что ты навидался, когда шпионил за мной. А может, это тебя возбуждает? — Она усмехнулась.

— Я терпел твои подвиги, надеясь, что ты будешь осмотрительнее. Единственное, чего я всегда боялся, — это прослыть рогоносцем.

— Не волнуйся, — сказала Миллисент. — Я и впредь буду осмотрительна.

— Пирри! — воскликнул Джон. — Между вашей женой и мной ничего не было! И быть не могло. Я обязан довести вас всех в Слепой Джилл целыми и невредимыми. Это главное.

— Вы знаете, — задумчиво проговорил Пирри, — я давно хотел убить ее. Но в нормальном обществе убийство всегда сопряжено с большим риском. Конечно, я мог строить планы, и даже весьма безопасные, но ни одного не довел бы до конца.

— Генри! Ты просто смешон!

Джон вздрогнул, увидев, как Пирри потер нос правой рукой. Знакомый жест.

— Все, хватит! — резко сказал он.

Медленно, аккуратно Пирри снял предохранитель. Джон вскинул дробовик.

— Не надо, — тихо сказал Пирри. — Опустите ружье. Вы ведь прекрасно знаете, что я успею выстрелить первым. Опустите. Мало ли что.

Джон опустил ружье. В любом случае смешно воображать Пирри героем трагедии времен королевы Елизаветы.

— Я, конечно, погорячился. Подумал черт знает что. Глупо, правда? Если бы вы действительно хотели избавиться от Миллисент, вы ведь могли оставить ее в Лондоне. Вот и все.

— Неплохая мысль, — пробормотал Пирри. — Но не убедительная. Зарубите себе на носу — да, я пошел с вами, но это не значит, что я до конца поверил в ту байку, которую тогда рассказал Бакли. И если я прорывался вместе с вами через полицейские кордоны, то лишь потому, что волен делать все, что хочу. Вот так-то.

— Вы, конечно, можете продолжать свою милую беседу, — вмешалась Миллисент, — а я иду спать.

— Нет, — мягко сказал Пирри. — Не двигайся. Стой, где стоишь. — Он поднял винтовку. — Я хотел оставить Миллисент в Лондоне. Но одно обстоятельство переубедило меня. Окажись все слухи об атомных бомбардировках лишь досужими вымыслами и ограничься все только гражданской войной, Миллисент наверняка бы предложила свои сексуальные услуги главарю какой-нибудь местной банды. Чересчур удачная карьера для нее.

— А вам не все равно? — удивился Джон.

— Я не из тех, кто легко сносит унижение. Можете считать мою слабость примитивной. Скажите, Кастэнс, вы согласны, что законы в этой стране больше не действуют?

— В противном случае нас всех ждет виселица.

— Совершенно верно. Значит, если бездействен государственный закон, что остается?

— Закон группы людей, для ее же защиты.

— А закон семьи?

— Если он не во вред той же группе людей.

— А глава семьи?

Миллисент засмеялась нервным, истерическим смехом.

— Веселись, моя милая. Люблю видеть тебя счастливой. Ну, Кастэнс? Мужчина — настоящий глава семейной группы, мы договорились?

— Да, — ответил Джон, не зная, как устоять против безжалостной логики. — Но здесь решения принимаю я. И последнее слово остается за мной.

— Последнее слово всегда за этим. — Пирри похлопал рукой по винтовке. — И я могу уничтожить всю вашу компанию, если захочу. Я — обманутый муж, Кастэнс. Притом ревнивый, а может, даже гордый. И у меня есть свои права. Надеюсь, вы не станете мне противоречить, зачем нам ссориться?

— Теперь вы знаете дорогу к Слепому Джиллу, — сказал Джон. — Но без меня вряд ли туда войдете.

— У меня есть неплохое оружие, и я умею с ним обращаться, так что не волнуйтесь за меня.

В наступившей тишине вдруг зазвенела птичья трель, и Джон не поверил собственным ушам — соловей!

— Ну? — спросил Пирри. — Вы признаете мои права?

— Нет! — закричала Миллисент. — Джон, останови его! Это жестоко! Он не может... Генри, я обещаю!..

— Кастэнс! Вы признаете мои права? Отвечайте!

Винтовка блеснула в лунном свете. Внезапно Джон испугался. Не за себя — за Анну и детей. Как далеко могла зайти неумолимая жестокость этого человека?

— Да, признаю, — ответил он.

— Нет! — закричала Миллисент.

Она бросилась к Пирри, неуклюже спотыкаясь о рельсы. Прогремел выстрел, отозвавшись далеким эхом с холмов. Почти в упор. Миллисент дернулась и упала на землю.

Пирри опустил винтовку. Джон подошел к нему и глянул вниз. Так и есть — все проснулись.

— Ничего страшного! — крикнул он. — Спите. Все в порядке!

— Кто стрелял? — закричал Роджер. — Кто там с тобой? Пирри?

— Да, — ответил Джон. — Ложитесь спать. Все нормально.

Пирри взглянул на него:

— Я, пожалуй, тоже пойду спать.

— Может, вы сначала поможете мне? — резко сказал Джон. — Нельзя же ее здесь оставлять.

Пирри кивнул:

— В реку?

— Слишком мелко. Да и вообще, пресная вода еще пригодится. Лучше под насыпь.

Они перенесли тело вдоль полотна ярдов на двести к западу и бросили в кустарник под насыпью. Блузка Миллисент белела сквозь густую листву.

Возвращались молча. Только подойдя к посту, Джон сказал:

— Теперь можете идти. Но я скажу Оливии разбудить вас к часу дежурства вашей жены. Нет возражений?

— Конечно, — коротко ответил Пирри. — Как прикажете. — Он пристроил винтовку на обычное место, под мышку. — Спокойной ночи, Кастэнс.

— Спокойной ночи.

Глядя, как Пирри не торопясь идет к лагерю, Джон подумал: а ведь ее можно было спасти — и сам удивился, насколько это ему безразлично.

9

Наутро Джон объявил, что Пирри застрелил Миллисент. Случайно. Несчастный случай. Только Роджеру он рассказал все как было.

— Поразительная жестокость! — Роджер покачал головой. — А ведь мы видели это еще в самом начале?

— Да, — ответил Джон. — Видели.

— Думаешь, будет хуже?

— Если дать ему волю. К счастью, его запросы, кажется, довольно скромны. Он уверял меня, что имеет право убить собственную жену.

Позже, когда Джон мылся в реке, к нему подошла Анна. Она стояла рядом, задумчиво глядя на волны, бегущие наперегонки.

— Куда вы дели тело? — спросила она. — Сейчас дети пойдут купаться.

— Не волнуйся. Далеко отсюда.

Анна взглянула на него.

— Может, ты расскажешь мне, что произошло, — равнодушным голосом сказала она. — Пирри не из тех, кто убивает без всякой причины. А уж в несчастный случай просто невозможно поверить.

Джон рассказал ей все, не пытаясь ничего утаить.

— А если бы Пирри не пришел? — спросила Анна.

Он пожал плечами:

— Отправил бы ее назад, наверно. Что я еще могу тебе сказать?

— Думаю, ничего. Теперь это не имеет значения. Почему ты не спас ее? — вдруг спросила она.

— Не мог. Схлопотал бы пулю в лоб. Пирри вдолбил себе в голову, что убьет Миллисент, и никто не смог бы ему помешать.

— Ты ведь здесь главный, кажется, — горько сказала Анна. — Неужели ты собираешься молча наблюдать, как люди убивают друг друга?

Джон взглянул на нее.

— Я думал, — сказал он холодно, — что для тебя и детей моя жизнь значит больше, чем жизнь Миллисент. И я по-прежнему так думаю, согласна ты или нет.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза. Потом Анна бросилась к мужу. Джон обнял ее.

— Любимый, — прошептала Анна, — прости меня! Ты ведь знаешь, как ты мне дорог! Но все это так ужасно. Убить свою жену... Что же дальше будет?

— Когда мы придем в Слепой Джилл...

— Пирри останется с нами, да? Джон, милый, разве мы не можем как-нибудь избавиться от него?

— Ты напрасно волнуешься, — нежно сказал Джон, — Пирри довольно законопослушен. А жену он ненавидел уже много лет. Да, крови пролилось немало. Пусть это останется на его совести. В долине все будет по-другому. Мы установим свои законы, и Пирри волей-неволей будет им подчиняться.

— Будет ли?

Он погладил ее руку:

— Ну а ты? Как ты теперь? Уже лучше?

— Да, лучше. Может, и правду говорят, что все проходит. Даже воспоминания.

К семи часам собрались в путь. Небо сплошь затянуло тучами, только кое-где проглядывали голубые лоскутки.

— Погода не шепчет, — сказал Роджер.

— Вот и хорошо, — отозвался Джон. — Зато не жарко. Нам ведь в гору подниматься. Все готовы?

— Я бы хотел, чтобы Джейн шла со мной, — вдруг объявил Пирри.

Все уставились на него в недоумении. Требование было столь же странным, сколь и бессмысленным. Джон не считал необходимым разбиваться в каком-то строгом порядке. Поэтому каждый шел с тем, с кем ему хотелось. Джейн не отходила от Оливии.

— Зачем? — спросил Джон.

Пирри спокойно оглядел всех:

— Может, я хочу изменить свою жизнь. Вот я подумал-подумал и решил: а не жениться ли мне на Джейн? Конечно, если это слово сейчас что-нибудь значит.

— Не будьте смешным! — воскликнула Оливия с неожиданной для нее резкостью. — Об этом не может быть и речи.

— Не вижу никаких преград, — невозмутимо сказал Пирри. — Джейн — девушка незамужняя, я — вдовец.

Джейн широко раскрытыми глазами смотрела на него. О чем она думала?

— Мистер Пирри, — сказала Анна. — Ночью вы убили свою жену. Разве это не достаточная преграда?

Мальчишки, затаив дыхание, смотрели на них во все глаза. Мэри отвернулась.

— Нет, — ответил Пирри. — Я не считаю это преградой.

— Вы убили отца Джейн, — не выдержал Роджер.

Пирри кивнул:

— Печальная необходимость. Я уверен, что Джейн все правильно поняла.

— Пусть пока все останется как есть, — вмешался Джон. — Джейн слышала ваше предложение, пусть подумает день-другой.

— Нет. — Пирри протянул руку. — Иди сюда, Джейн.

Она не двинулась с места.

— Оставьте ее в покое! — крикнула Оливия. — Не касайтесь ее! Вы и так уже достаточно сделали.

— Иди сюда, Джейн, — повторил Пирри, не обращая внимания. — Конечно, я не молод, да и не красавец. Но в подобных обстоятельствах смогу позаботиться о тебе лучше, чем любой молодой Аполлон.

— Позаботиться? А потом убить, да? — сказала Анна.

— Миллисент уже не раз изменила мне, — ответил Пирри. — Этот случай просто перевесил чашу терпения. Вот единственная причина ее смерти.

— Вы рассуждаете так, будто женщины — низшие существа, — заметила Анна.

— Весьма сожалею, если вы именно так восприняли мои слова, — учтиво ответил Пирри. — Джейн! Иди со мной!

Девочка медленно подошла к нему. Все молчали.

— Я думаю, нам будет очень хорошо вместе, — сказал он, взяв Джейн за руку.

— Нет! — крикнула Оливия. — Джейн, не надо!

— А теперь, — спокойно заявил Пирри, — можно отправляться.

— Роджер! Джон! — не сдавалась Оливия. — Остановите же его!

Роджер взглянул на Джона.

— По-моему, это нас не касается, — сказал тот.

— А если бы на ее месте была Мэри? — спросила Оливия. — Джейн имеет равные с нами права.

— Ты напрасно теряешь время, Оливия, — сказал Джон. — Мир стал совсем другим. Девушка пошла с Пирри по доброй воле. Не о чем больше говорить. Пора идти.

Анна шла рядом с Джоном. Путь их пролегал вдоль железной дороги. Впереди долина резко сужалась, и дорога поворачивала на север.

— Все-таки в Пирри есть что-то жуткое, отталкивающее, — сказала Анна, поежившись. — Это равнодушие, жестокость. Страшно подумать, что будет с такой юной девушкой.

— Ее никто не неволил.

— Да она просто испугалась! Этот человек — убийца.

— Мы все не лучше.

— Да нет же! Ты ведь понимаешь, что я имею в виду. А почему ты даже не попытался остановить его? Вы с Роджером могли помешать ему. Что же ты? Ведь на этот раз все было не так, как с Миллисент, — ты стоял всего в двух шагах от Пирри.

— Да, и я, и Роджер могли застрелить его.

— Так в чем же дело?

— Даже если бы была не одна, а десять таких Джейн и Пирри возжелал бы их всех, клянусь, он бы их получил! Он нам сейчас просто необходим.

— А если бы это была Мэри?

— Да он бы просто убил меня еще до того, как объявить об этом. Он мог ухлопать меня еще ночью, ты знаешь. Может, я здесь и главный, но мы все еще вместе по обоюдному согласию. Не важно, вызвано это согласие страхом или чем

другим, лишь бы сохранилось подольше. Мы с Пирри не собираемся запугивать друг друга, потому что каждый прекрасно понимает — ему без другого не обойтись. От него зависит, придем мы в долину или нет.

— А как ты собираешься поступить с ним потом?

— Поживем — увидим. А что касается этого... — Джон улыбнулся.

— Чего?

— По-моему, Джейн не из тех, кто долго боится. Она скоро оправится, вот увидишь. А уж тогда... На месте Пирри я бы не рискнул доверяться ей ночью, если он, конечно, собирается затащить ее в постель. Да и вообще, неужели Пирри настолько легковерен? Хотя с одной женой он уже промахнулся.

— Что она сможет сделать? Он сильнее.

— А уж это решать вам с Оливией, правда? Ножи-то в вашем хозяйстве.

Анна внимательно посмотрела на мужа, пытаясь понять, шутит он или нет.

— Но не раньше, чем мы придем в долину, — добавил Джон. — До тех пор ей придется смириться со своей судьбой. В любом случае.

Дождь настиг их на вершине Моссдейл-Хэд. Черное штормовое небо висело над верещатником. Дождь усиливался. В рюкзаках были четыре легкие накидки, и Джон отдал их женщинам. Мальчики, конечно, вымокли, но, к счастью, дождь был теплым.

Хлынул настоящий ливень. За полчаса все вымокли до нитки. Эта горная дорога была знакома Джону. Когда-то давно он проезжал здесь на машине. Но даже тогда при взгляде на унылое однообразие верещатника его не покидало чувство невыносимого одиночества, а теперь и подавно.

«Какими заброшенными, несчастными кажутся рельсы, — подумал Джон, — когда знаешь, что по ним никогда уже не пройдет поезд. Да и сами верещатники. Печальное зрелище. Ни единой травинки. Лишь вереск да серые камни, торчащие словно зубы в пасти скелета».

Время от времени в пути им встречались маленькие горстки людей. И снова взаимное подозрение, снова страх.

Однажды мимо них прошла группа беженцев. Нехитрые, стянутые ремнем пожитки тащил... осел. Джон с изумлением глядел на чудом сохранившееся животное.

— Вариант собачьей упряжки, — сказал Роджер. — Используешь, сколько можно, а потом кушаешь бедных собачек.

— Вряд ли они с ним далеко уйдут, — усмехнулся Джон.

— Может, поможем? — спросил Пирри.

— Нет, — ответил Джон. — Не стоит. Мяса у нас достаточно. А Слепой Джилл уже завтра. Зачем лишний груз?

Оливия заметила, что Стив чуть прихрамывает. Она осмотрела ногу мальчика — пятка пузырилась кровавыми мозолями.

— Стив! — ужаснулась Оливия. — Почему ты сразу ничего не сказал?

Стив виновато смотрел на лица взрослых вокруг, и вдруг бравая уверенность десятилетнего мальчишки оставила его. Стив разревелся.

— Ну-ну, старичок, не плачь, — сказал Роджер. — Мозоли, конечно, штука неприятная, но ведь не конец света?

В рыданиях мальчика чувствовались какие-то недетские переживания. Он что-то сказал, Роджер не расслышал.

— Что ты сказал, Стиви?

— Если я не смогу идти — бросьте меня.

Роджер и Оливия переглянулись.

— Никто не собирается тебя бросать, — сказал Роджер. — Как только тебе такое в голову пришло?

— Мистер Пирри ведь бросил Миллисент.

— Ему нельзя идти, — вмешался Джон. — Будет хуже.

— Я его понесу, — сказал Роджер. — Тихоня, возьмешь мое ружье?

— Конечно, — обрадованно закивал тот.

— По очереди понесем, Родж, — сказал Джон. — Не волнуйся, все будет нормально.

— Это наш сын. — Оливия нахмурилась. — И мы с Роджером понесем его сами.

После истории с Пирри и Джейн она не разговаривала с Джоном.

— Оливия, здесь командую я, — отрезал Джон, — поэтому будет так, как я скажу. Стива понесем мы с Роджером. А ты будешь брать у нас рюкзаки.

На секунду глаза их встретились, и Оливия отвернулась.

— Порядок, старина, — сказал Роджер сыну. — Забирайся на меня.

Удивительно, что поначалу их скорость даже возросла. Но Джон не обманывался. Пассажир на руках, пусть даже такой маленький мальчик, — все-таки обуза.

Ветер стих, но дождь еще моросил.

— Костер вряд ли разгорится, — сказал Джон. — Так что сегодня — холодный обед. Ну и отдохнем немного.

— Может, поищем место посуше? — предложила Анна.

Ярдах в пятидесяти виднелся небольшой дом.

— Я тебя понял, — ответил Джон. — А если там кто-нибудь есть? По-моему, не стоит рисковать только ради того, чтобы полчаса отдохнуть.

— Но Дэви совсем промок, — сказала Анна.

— За полчаса он все равно не высохнет. А времени в обрез. Как ты, Дэви? — крикнул он сыну. — Промок?

Дэви кивнул:

— Да, папа.

— Попробуй сухо рассмеяться!

Это была их старая шутка. Дэви слабо улыбнулся. Джон подошел к нему и погладил по мокрым волосам.

— Ты молодец, — сказал он. — Настоящий боец.

Западный подступ к Чарсдейлу лежал через полосу великолепной пастбищной земли, усеянной фермерскими домиками. Дождь превратил землю в непроходимую грязь. Внизу раскинулся Седберх. Над городом клубился дым. Седберх горел.

— Бандиты, — сказал Роджер.

— Уже с северо-запада идут, — пробормотал Джон, глядя на город в бинокль. — А я-то надеялся, что тут еще спокойно... Скверно...

— Лучше всего, по-моему, — сказал Роджер, — прямо отсюда повернуть на север. Может, в Лунной долине будет получше.

— Если пал такой город, как этот, — заметил Пирри, — в округе ничего хорошего не жди.

Оставался еще один путь — в Кендал, через верещатники. Правда, тогда все равно пришлось бы пересекать Лунную долину, да и что ждет в Кендале — тоже неизвестно.

Пирри вопросительно посмотрел на Джона.

— Мне кажется, мы недостаточно вооружены, чтобы идти дальше, — сказал он. — Зря мы отпустили тех чудаков с ослом — у них было оружие.

— Может, мы напрасно паникуем? — сказал Роджер. — Попытка — не пытка. Рискнем?

— Не знаю, не уверен, — задумчиво проговорил Джон. — Можно угодить в переделку. Тогда будет слишком поздно.

— Но ведь здесь нельзя оставаться, правда? — настаивал Роджер. — И назад пути нет. Значит, надо идти вперед.

Джон взглянул на Пирри и вдруг понял, что давно уже безотчетно полагается именно на его мнение и рассчитывает только на его выдержку и хладнокровие. А ведь Роджер был лучшим другом Джона...

— Я думаю, у нас мало оружия, — сказал Джон. — Да и людей — тоже. Дальше так идти нельзя. Что скажете?

Пирри кивнул:

— Пожалуй, верно. Трех человек недостаточно.

— Что же делать? — с раздражением воскликнул Роджер. — Повесить плакат «Требуются новобранцы»?

— Я предлагаю остановиться здесь, — сказал Джон. — Пока мы на перевале — будем встречать всех проходящих через Пеннины.

— Можно устроить засаду, — предложил Пирри.

— Нас маловато для отряда вербовщиков, — возразил Джон. — Будем надеяться на добровольцев, даже если они окажутся сильнее нас.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросил Роджер. — Разбить лагерь на обочине дороги?

— Да, — ответил Джон, оглядев всех. — Надеюсь, ненадолго.

Прежде чем показалась первая группа, прошло около часа. Но долгое ожидание не было вознаграждено. По дороге еле-еле, с трудом поднимались восемь человек. Четыре

женщины, двое детей — мальчик лет восьми и девочка помладше, двое мужчин толкали детские коляски, доверху нагруженные домашним скарбом. Когда они были уже ярдах в пятидесяти, из одной коляски выпала кастрюля и со звоном покатилась по дороге. Женщина, шедшая сзади, остановилась и устало нагнулась за ней.

— Похоже, здесь ловить нечего, — сказал Пирри, глядя на измученных и насмерть перепуганных людей.

Он, Джон и Роджер стояли посреди дороги. Каждый держал ружье. Дети и женщины отошли к стене из плоских каменных глыб неподалеку.

Джон кивнул:

— К сожалению, вы правы. И оружия у них, видно, тоже нет. Если только водяной пистолет у мальчугана.

Заметив наконец на дороге трех вооруженных людей, маленький отряд в нерешительности остановился. Но, оглянувшись назад и посоветовавшись тихонько, путники медленно двинулись дальше. Первым шел мужчина лет пятидесяти. Он изо всех сил пытался выглядеть безразличным, но тщетно — страх прочно поселился в каждой его клеточке. Девочка заплакала. Одна из женщин яростно и в то же время украдкой, словно боясь выдать себя, одернула малышку. Джон молча глядел на проходящих мимо людей.

— Как, по-вашему, далеко они уйдут? — тихо спросил Роджер.

— Может, до Уэнлидейла. Не знаю. Если повезет, так протянут еще неделю.

— Повезет? Или наоборот?

— Да. Скорее всего наоборот.

— Они возвращаются, — сказал Пирри.

Джон проследил за его взглядом. Уже пройдя ярдов семьдесят, несчастные погорельцы развернулись и пошли назад, толкая перед собой никчемные коляски. Дождь хлестал им в лицо. Плащ, завязанный у девчушки на шее, развязался, и она безуспешно теребила его неумелыми пальчиками.

Они остановились чуть поодаль.

— Мы вот подумали, — сказал мужчина, шедший первым, — если вы тут чего-то ждете, может, мы вам что скажем?

Джон оценивающе взглянул на него. Это был человек, всю свою жизнь занимавшийся тяжелым физическим трудом, скорее всего рабочий. Теперь шансов выжить у него почти не было. Разве только примкнуть к какому-нибудь гангстеру — маленькому «наполеончику» долин, который оценит его преданность, закрыв глаза на бесполезность. Но в таком окружении гасла даже эта слабая надежда.

— Нет, — сказал Джон. — Вам нечего сказать нам.

— Мы идем через Пеннины, — не унимался мужчина. — Может, в тех краях будет поспокойнее. Найдем какую-нибудь ферму, подальше от дороги, где нам дадут работу и немного еды. Нам ведь много не нужно.

Еще несколько месяцев назад несбыточной мечтой было выиграть семьдесят пять тысяч долларов, поставив на футбольную команду. Такие же ничтожные шансы были теперь у этого бедняги. Джон посмотрел на женщин — только одна из четырех была достаточно молода, чтобы выкупить свою жизнь ценой собственного тела. Дети отошли к стене. На мальчике вместо ботинок были надеты насквозь промокшие парусиновые туфли на резиновой подошве.

— Значит, вам надо спешить, — резко ответил Джон.

— Вы думаете, мы найдем такое место? — спросил мужчина.

— Возможно.

— А куда вы идете? Тоже в Йоркшир?

— Нет, — сказал Джон. — Оттуда.

— А мы и не раздумывали, куда идти. Просто решили, что за Пеннинами будет потише.

— Да, может быть.

— Отец хотел сказать, нельзя ли нам присоединиться к вам? — вмешалась женщина — мать малышей. — Вместе и с бедой справиться легче. Ведь вы тоже ищете спокойное место. Сразу видно, вы — порядочные люди, не то что те — внизу. А в такое время порядочные люди должны держаться вместе.

— В этой стране около пятидесяти миллионов, — сказал Джон. — И наверно, сорок пять из них — люди порядочные, и все ищут спокойное, тихое место. Только вот мест таких маловато.

— Да, поэтому и надо людям вместе собираться. Порядочным людям.

— Как давно вы идете? — спросил Джон.

— Мы вышли сегодня утром — увидали пожары в Седберхе. Они сожгли ферму Фоллингов, а это в трех милях от деревни.

— А мы вышли на три дня раньше вас. И мы больше не порядочные люди. На пути сюда мы убили несколько человек, и не исключено, что нам придется снова убивать. Так что лучше вам идти одним, как и шли.

Они пристально посмотрели на него. Наконец, словно очнувшись, мужчина торопливо проговорил:

— Наверное, у вас просто не было другого выхода. Человек должен идти на все, чтобы спасти себя и свою семью. Меня заставляли убивать во время войны, а ведь тогда фрицы не сжигали ни Седберх, ни ферму Фоллингов...

Джон не ответил. Дети уже подружились и затеяли шумную возню. Подошла Анна.

— Можно нам пойти с вами? — спросил мужчина. — Мы сделаем все, что вы скажете. Если понадобится, я тоже буду убивать. Нам все равно, куда вы идете. Я всю жизнь прожил в Карбеке, только в армию уходил. Теперь вот пришлось покинуть насиженные места, и мне все равно, куда идти.

— Сколько у вас ружей? — спросил Джон.

Он покачал головой:

— У нас нет оружия.

— У нас три ружья, чтобы защитить шестерых взрослых и четырех детей. Но даже этого недостаточно. Поэтому мы и ждем здесь. Нам нужно оружие. Мне очень жаль, но мы не можем брать пассажиров.

— Мы не будем пассажирами! Я умею делать все. Могу стрелять, если вам удастся заполучить еще оружие. Я отлично стреляю, поверьте!

— Вас одного мы, может, и взяли бы. Но всех... Это невозможно.

Дождь перестал, но небо еще хмурилось, и было довольно холодно. Совсем молодой парнишка — наверно, сын этого

мужчины, зябко поежился, поплотнее завернулся в грязный плащ.

— У нас есть продукты! — в отчаянии воскликнул мужчина. — В коляске целый кусок бекона.

— Продуктов у нас хватает. Мы убивали, чтобы добыть их, и можем убить снова.

— Не отсылайте нас, — взмолилась мать. — Ведь с нами дети. Хоть их пожалейте.

— Я забочусь о своих детях, — отрезал Джон. — И не могу думать о миллионах других. На вашем месте я бы поторопился. Если хотите найти тихое спокойное местечко, надо спешить, пока толпа не подоспела.

Они молча смотрели на Джона, понимая его слова, но все еще отказывались поверить.

— Разве мы не можем взять их? — спросила Анна. — Ведь дети... — Джон взглянул на нее. — Да, я не забыла. Я помню, что говорила о Тихоне. Но я была не права.

— Нет, — ответил Джон. — Права. Сейчас нет места жалости.

— Не говори так, — ужаснулась она.

Джон махнул рукой в сторону долины, окутанной гарью и дымом.

— Жалость всегда была роскошью. Хорошо наблюдать за трагедией издалека. К примеру, сидя в удобном кресле кинотеатра. Другое дело, когда эта трагедия касается тебя лично.

Подошла Оливия. Джейн встала рядом с Пирри. Он коротко взглянул на девушку, но ничего не сказал.

— Я не понимаю, почему ты против, — сказала Оливия. — Пусть идут. А может, они нам даже пригодятся.

— Они позволили мальчишке идти в такую погоду в парусиновых туфлях, — ответил Джон. — Мне казалось, Оливия, что ты уже поняла — сейчас выживут только сильнейшие. Эти люди нам ничем не помогут, а будут только мешать.

— Я говорила ему про ботинки, — сказала мать мальчика. — А когда хватились, было уже рискованно возвращаться.

— Понятно-понятно, — устало сказал Джон. — Теперь многое забывается. Если вы не обратили внимания на ноги

сына, значит, можете не заметить что-нибудь более важное. А в результате любой из нас может погибнуть.

— Роджер... — сказала Оливия.

Тот покачал головой:

— За три дня все изменилось. Когда мы с Джонни бросали монетку, я не воспринимал это всерьез. Но теперь он — командир, правда? Он принял все на свою совесть. И он, наверное, прав... в любом случае.

Видя, что рухнула последняя надежда, мужчина отвернулся, горестно качая головой.

Но мать двоих ребятишек не сдавалась.

— Тогда мы сами пойдем, — сказала она. — Подождем, когда вы отправитесь дальше, и пойдем за вами следом. Вы не сможете нам запретить.

— Лучше вам идти сейчас, — ответил Джон. — Больше не о чем говорить.

— Нет! Мы остаемся! Вы не заставите нас уйти!

— Заставить вас уйти мы, конечно, не можем, — сказал Пирри. — А вот заставить остаться здесь после нашего ухода, пожалуй, можем. — Он коснулся винтовки. — Думаю, разумнее вам уйти сейчас.

— Вы не сделаете этого, — ахнула женщина.

— Он — сделает, — горько сказала Анна. — Мы сами от него зависим. Вам лучше уйти.

Мгновение женщина смотрела на них, потом отвернулась и закричала:

— Бесси! Уилф!

Дети неохотно оторвались от игры. Неужели придется расстаться с новыми друзьями? Анна смотрела на них.

— Прошу тебя... — сказала она Джону.

Он покачал головой:

— Я должен думать о нас. Других — миллионы. Ведь эти — лишь капля в море.

— Но милосердия просят именно они.

— Я уже сказал тебе: милосердие, жалость — все это в прошлом, да и то из области налоговой политики.

— Кастэнс! — сказал Пирри. — Смотрите.

По дороге меж холмов шла группа людей — семь или восемь мужчин, женщины и несколько детей. Они уверен-

но шагали вперед, и даже издалека в руках мужчин были видны блестящие предметы, похожие на ружья.

— То, что надо, — удовлетворенно произнес Джон.

— Станут ли они с нами разговаривать? — заметил Роджер. — Возьмут да и выстрелят первыми. Может, нам лучше спрятаться пока?

— Нет, тогда уж они точно выстрелят первыми.

— А ты не боишься за детей?

— Их женщины и дети тоже открыты.

— Можно нам остаться с вами, пока не пройдут эти люди? — умоляюще глядя на Джона, спросил пожилой мужчина. Несчастные беженцы все еще были здесь.

Джон уже собирался отказать, как вдруг поймал взгляд Пирри. Тот едва заметно кивнул, и Джон понял — мол, пусть остаются. Не для дела, так хоть для видимости пригодятся.

— Как хотите, — равнодушно бросил он.

Все молчали. Теперь, когда новый отряд подошел ближе, было видно, что почти все мужчины вооружены. Джон уже различал пару армейских винтовок, винчестер и несколько дробовиков. Да, с таким подкреплением им сам черт не страшен! Но как переманить их на свою сторону?

Вот они уже совсем рядом. Спокойно, уверенно проходят мимо. Крупный мужчина с красным обрюзгшим лицом, явно главарь, поравнявшись с Джоном, окинул его равнодушным взглядом и, не останавливаясь, пошел дальше.

— Минуту, — окликнул Джон.

Краснолицый остановился и вопросительно посмотрел на него.

— Что надо? — У него был характерный йоркширский выговор.

— Меня зовут Джон Кастэнс. Мы идем в одно местечко на холмах. Там, в долине, живет мой брат. Он так надежно защитил свою землю, что можно не бояться даже целой армии. Вас это не интересует?

— А от нас-то вы чего хотите? — спросил краснолицый, чуть помедлив.

— Там внизу, — Джон махнул рукой в сторону долины, — дела совсем скверные. Тем более для такого маленького отряда, как наш. Мы ищем компаньонов.

Краснолицый усмехнулся.

— А вот мы не ищем. Нам и так неплохо.

— Это сейчас, — сказал Джон. — Пока в земле есть картошка, а на фермах — мясо. Но долго так не будет. Мясо кончится. А на следующий год вы не найдете на полях ни одной картофелины.

— Поживем — увидим. Авось не помрем.

— Я скажу вам, как можно выжить. Каннибализм. Устраивает?

Главарь еще был настроен враждебно и презрительно, но Джон заметил, что в прежде дружных рядах его спутников уже поселились сомнение и смута.

— Почему я должен вам сразу поверить? — проворчал краснолицый. — Может, мы еще подумаем...

— Ваше дело, — ответил Джон. — Те, что не смогут найти клочок земли и удержаться на нем, превратятся в дикарей, если вообще выживут. Может, вам это и подходит, а нам — нет.

— Я скажу вам, что мне не подходит, мистер, — много болтовни. У меня никогда времени не было для таких трепачей.

— Через несколько лет у вас вообще отпадет нужда разговаривать, — сказал Джон. — Будете изъясняться при помощи знаков и нечленораздельных звуков. А я говорю, потому что знаю. И если у вас сохранилась хоть капля здравого смысла, вы поймете, что в ваших интересах выслушать меня.

— В наших интересах, говорите? Как будто вас это не волнует!

— Конечно, волнует. Я же не дурак. Но вам-то это больше нужно. Мы просто ищем помощи, чтобы обезопасить себя в дороге. Временно. А вам предлагаем место, где вы сможете жить более или менее спокойно. И дети ваши вырастут людьми, а не дикарями.

Краснолицый обвел взглядом своих спутников, словно оценивая, какое впечатление произвели на них слова Джона.

— Все это одна болтовня, — буркнул он. — Думаете, мол, наймемся мы к вам на службу и потащимся за какой-то несбыточной мечтой?

— У вас есть другой вариант? А вообще-то вы знаете, куда идти? Чего вы боитесь, почему не хотите пойти с нами?

Краснолицый враждебно уставился на Джона, но взгляд его был уже не столь уверенным.

— Что скажете? — наконец пробурчал он, повернувшись к своим.

Ответ можно было прочесть по лицам.

— Давайте пойдем. Сами все увидим, что плохого? — сказал смуглый коренастый мужчина. По рядам пробежал одобрительный шепот.

— Ладно. — Главарь смотрел на Джона. — Валяйте, ведите нас в вашу долину. Дальше видно будет. Кстати, где это?

Вовсе не собираясь открывать расположение Слепого Джилла и даже называть его, Джон хотел было дать какой-нибудь уклончивый ответ, как вдруг вмешался Пирри.

— Вам незачем это знать, — холодно сказал он. — Это касается только мистера Кастэнса. Здесь командует он. Делайте то, что он скажет, и довольно с вас.

Джон услышал, как испуганно ахнула Оливия. Он и сам испугался, не понимая оскорбительной, высокомерной выходки Пирри. Столь наглое заявление могло испортить все дело. Наверно, надо было как-то сгладить ситуацию. Но Джон молчал — все равно исправить уже ничего нельзя, а самое главное — он был уверен, что Пирри затеял ссору неспроста.

— Вот так, значит? — сказал краснолицый. — Мы должны делать то, что скажет Кастэнс. А вы хорошо подумали? Здесь приказываю я. И если вы хотите объединиться с нами, вас это тоже касается.

— Вы такой солидный мужчина. — Пирри бросил на него оценивающий взгляд. — Но тут, знаете ли, мозги нужны. А по этой части у вас, как мне кажется, негусто.

— Я не привык терпеть оскорбления паршивых маленьких ублюдков только потому, что они маленькие, — пугающе ласково сказал краснолицый. — Теперь нет полицейских. А у меня свои законы. И первый закон — к себе я требую вежливого обращения.

С этими словами он похлопал по револьверу на ремне. В тот же миг Пирри вскинул винтовку, и не успел красно-

лицый достать револьвер, как он выстрелил. Пуля с силой отбросила тело на дорогу.

Закричала женщина. Джон молча смотрел на стоящих перед ним людей. Первым его желанием было поднять ружье, но он удержался и облегченно вздохнул, увидев, что Роджер тоже стоит не шелохнувшись.

Все произошло так внезапно и стремительно, что никто не успел ничего толком сообразить. Кто-то из отряда краснолицего поднял ружье, но тут же опустил, когда Пирри безразлично направил на него свою винтовку.

— Очень жаль, что так вышло, — сказал Джон, взглянув на Пирри. — Но прежде чем угрожать кому-то, всегда надо быть уверенным, что сумеешь выстрелить первым. Так или иначе, но предложение остается в силе. Каждый, кто захочет, может присоединиться к нам.

Одна из женщин упала на колени рядом с мертвым телом.

— Он мертв, — прошептала она.

Джон чуть кивнул.

— Так что вы решили? — спросил он.

Тот же смуглый крепыш заговорил первым:

— По-моему, все, что он тут говорил, — его личное дело. Я иду с вами. Парсонс меня зовут. Элф Парсонс.

Очень медленно, словно совершая какой-то ритуал, Пирри опустил винтовку, подошел к телу, вытащил из-за пояса револьвер и протянул Джону. Потом повернулся и объявил:

— Моя фамилия Пирри, справа — Бакли. А мистер Кастэнс, как я уже сказал, здесь главный. Тех, кто пожелает примкнуть к нашей маленькой экспедиции, я прошу подходить к мистеру Кастэнсу, пожать ему руку и назвать себя. Идет?

Первым подошел Элф Парсонс, остальные выстроились в очередь за ним.

Формальное рукопожатие превратилось в странный торжественный обряд. Словно подданные присягали на верность своему господину. Теперь Джон понимал, что значит власть. Одно дело — случайное лидерство в небольшой группе. Шутка, игра. Здесь — все иначе. Джон с удивлением признался самому себе, что рабская преданность этих лю-

дей и вообще дух какого-то феодального господства не только не были ему омерзительны, а, напротив, даже приятны.

Новички по очереди пожимали ему руку и называли себя: Джо Харрис... Джесс Окрайт... Билл Риджс... Энди Андерсон... Уил Секомб... Мартин Фостер.

Женщины не участвовали в церемонии знакомства. Их представляли мужья. «Моя жена Элис», — проговорил Риджс. «Моя жена Хильда и дочь Хильдегард», — представил Фостер — худощавый мужчина с седыми волосами.

— А это Эмили, жена Джо Эштона, — сказал Парсонс. — Я думаю, она быстро успокоится. Он никогда не обращался с ней по-человечески.

Когда обряд рукопожатия закончился, к Джону подошел пожилой мужчина.

— Вы не передумали, мистер Кастэнс? — спросил он. — Может, мы все-таки останемся с вами?

Упиваясь властью, Джон мог теперь позволить себе жалость к более слабым, хотя бы для того, чтобы потешить тщеславие. После коронации умоляющие нотки несчастных просителей казались вдвойне сладкозвучными. Это было забавно.

— Можете остаться, — сказал он. — Держите. — Он бросил мужчине дробовик. — Как видите, нам все-таки удалось заполучить оружие.

— Мое имя Ной Бленнит, мистер Кастэнс, — представился тот. — А это мой сын Артур. Жена Ирида, ее сестра Нелли, моя младшая дочь Барбара и старшая — Кейти. Ее муж работал на железной дороге. Он был на юге, когда остановились поезда... Мы вам так обязаны, мистер Кастэнс. Мы будем верно служить вам.

Кейти смотрела на Джона с тревогой и надеждой.

— Давайте все выпьем чаю, — сказала она. — У нас есть большой бидон, чай и немного сухого молока. А воду можно из ручья взять.

— Неплохо бы, — ответил Джон. — Только вот одна загвоздка — едва ли в радиусе двадцати миль найдется хотя бы пара сухих веток.

В ее взгляде, сквозь отступавший страх, мелькнула застенчивая радость.

— Нет проблем, мистер Кастэнс. У нас есть примус.

— Тогда — вперед. Выпьем чаю, прежде чем идти дальше. — Он взглянул на тело Джо Эштона. — Но сначала, может, кто-нибудь уберет это?

И тут же двое подданных бросились исполнять приказание своего господина.

10

Некоторое время спустя они возобновили свой путь. Пирри шел рядом с Джоном. Джейн, повинуясь его молчаливому знаку, скромно семенила шагах в десяти сзади. Теперь Джон занял место Джо Эштона, возглавив колонну, состоявшую уже из тридцати четырех человек — дюжины мужчин, дюжины женщин и десяти детей. Джон отобрал четверых мужчин, которые шли с ним в голове колонны, еще пятеро вместе с Роджером замыкали шествие. Пирри находился как бы на особом положении.

Подойдя к дороге в долину, Пирри и Джон оказались немного в стороне от остальных.

— Все обернулось очень хорошо, — сказал Джон. — Правда, небольшой риск все-таки был.

Пирри покачал головой:

— Не думаю. Вот не убить его было бы действительно рискованно. Да еще как! Даже если бы удалось убедить его перейти в ваше подчинение, доверять ему было бы нельзя.

Джон взглянул на него:

— Разве так уж важно, будут подчиняться мне или кому другому? В конце концов, самое главное — добраться в Слепой Джилл.

— Согласен. А что будет, когда мы доберемся туда?

— Не понимаю.

Пирри улыбнулся:

— Может, ваша долина и вправду уединенное тихое местечко, но она наверняка будет защищена. Другими словами — на осадном положении. Поэтому должно быть нечто вроде закона военного времени и кто-то, стоящий во главе.

— Зачем? Не понимаю. Какой-нибудь комитет с выборными членами... или что-нибудь подобное... Разве этого не достаточно?

— Мне кажется, время комитетов прошло.

Его слова неожиданно совпали с тем, о чем Джон и сам думал.

— Значит, снова вернется эпоха пэров, так, по-вашему? — раздраженно сказал он. — Разве мы не можем справедливо и демократично решать все проблемы?

— Вы так думаете, мистер Кастэнс? — спросил Пирри, слегка подчеркнув «мистер», давая понять, что заметил, как после убийства Джо Эштона это обращение непостижимым образом превратилось в настоящий титул. «Мистер Кастэнс» — именно так, и никак иначе, обращались теперь к Джону. Только он удостоился такой чести. Небольшая деталь, но не такая уж пустяковая. «Интересно, — подумал Джон, — передается этот титул по наследству или нет? Может, Дэви тоже станет «мистером», когда вырастет?» Невесть откуда взявшаяся мысль взбесила его.

— Если даже и необходим такой человек, — резко произнес Джон, — им будет только мой брат. Долина — его, и он лучше всех разбирается в фермерских делах.

Пирри дурашливо поднял руки.

— Сдаюсь. Не стоит горевать о кончине комитета, — сказал он. — Вот и еще одно очко в вашу пользу. Кому, как не вам, быть главарем? Вы так правильно все понимаете.

Они спустились в долину. Кругом виднелись следы бессмысленной жестокости. Не поддаваясь искушению обратиться за помощью к вооруженным людям, беженцы избегали их.

Ближе к Лунной долине они увидели одинокую ферму. Из дома доносился высокий продолжительный крик отчаяния и боли. Возле крыльца в вальяжных позах сидели несколько вооруженных мужчин. Крики еще долго слышались в отдалении.

На окраине Седберха они бросили коляски Бленнитов, разделив пожитки в неуклюжих тюках на шесть человек, которые не скрывали своей радости, когда Джон объявил привал у края верещатника, на вершине Лунной долины.

Тяжелые грозовые тучи превратились в пушистые перистые облачка и взлетели высоко в небо, освещенные лучами заходящего солнца.

— Верещатник — завтра утром, — сказал Джон. — По моим расчетам, мы сейчас где-то в двадцати милях от Слепого Джилла. Не больше. Но путь будет нелегким, хотя я и надеюсь, что завтра к вечеру мы доберемся. А теперь о ночлеге. По-моему, это вполне подходящее место. — Он показал на дом с закрытыми ставнями, стоявший на пригорке. — Пирри, возьмите парочку человек и разведайте обстановку, договорились?

Ни секунды не колеблясь, Пирри выбрал Парсонса и Риджса. Они взглянули на Джона, словно спрашивая его согласия, и только потом подошли к Пирри. Пройдя ярдов двадцать, Пирри сделал знак рукой своим спутникам, и те укрылись в мелкой канаве. Неторопливо прицелясь, Пирри выстрелил по окну на втором этаже. Зазвенело стекло. Потом все стихло.

Выждав минуту, Пирри встал и пошел к дому. Подойдя к двери, он пинком распахнул ее и исчез внутри дома.

И снова Джон невольно восхитился этим человеком. Поразительное хладнокровие! Идти одному в пугающую неизвестность заброшенного дома... Были ли у него вообще нервы?

Лицо Пирри мелькнуло в окне второго этажа и исчезло. Они ждали. Наконец он вышел и неторопливой степенной походкой пошел по тропинке. Парсонс и Риджс пристроились по дороге.

— Ну как? Порядок? — спросил Джон.

— Сносно. Даже трупов нет. Наверно, хозяева убрались раньше, чем пришли грабители.

— А что, похоже, там побывали грабители?

— Да. Непрофессионалы.

— Теперь у нас есть ночлег, — сказал Джон. — Кровати — для детей, а мы устроимся на полу.

Пирри посмотрел вокруг, словно прикидывая что-то:

— Тридцать четыре. А дом-то невелик. Думаю, мы с Джейн рискнем заночевать на свежем воздухе. — Он кивнул, и девушка подошла к нему. Ее глуповатое деревенское личико по-прежнему не выражало ничего, кроме покорности неминуе-

мой судьбе. Пирри взял ее за руку и улыбнулся. — Да, так и сделаем.

— Как хотите, — бросил Джон. — Сегодня можете быть свободны от ночного дежурства.

— Спасибо, — ответил Пирри. — Спасибо, мистер Кастэнс.

На верхнем этаже Джон нашел комнатку с двумя детскими кроватями и позвал Мэри и Дэвида опробовать их. Здесь же была ванная, и он отправил детей мыться. Оставшись один, Джон сел на кровать и взглянул в окно. Отсюда открывался великолепный вид на долину. «Такую землю нельзя не любить, — подумал Джон. — Кто бы ни жил здесь раньше, наверняка был очень привязан к долине. Но это не помешало им бросить родные места».

Его невеселые раздумья прервало появление Анны. Она выглядела усталой.

— Отдохни. — Джон кивнул на кровать напротив. — Я отправил детей почистить перышки.

Словно не слыша, она стояла неподвижно, пристально глядя в окно.

— Женщины замучили меня вопросами, — сказала она. — Какое мясо мы будем есть вечером?.. Можно ли готовить всю картошку, надеясь, что завтра будет еще?.. Варить ее в кожуре или чистить?.. Почему они меня об этом спрашивают?

Джон взглянул на нее:

— А почему нет?

— Потому что если ты теперь что-то вроде хозяина, это не значит, что я хочу быть хозяйкой.

— Ты отправила их?

— Отослала со всеми вопросами к Оливии.

Джон улыбнулся:

— Ну что ж, как и подобает настоящей госпоже, ты поручила заботы об ужине другим.

Она промолчала. Потом воскликнула с неожиданной горячностью:

— Зачем мы объединились со всеми этими людьми? Превратились в целую армию! Неужели в этом была такая необходимость?

Джон покачал головой:

— Нет. Бленнитов брать не стоило, но ведь ты же сама хотела, разве не так?

— Неправда. Просто... это так ужасно — бросать детей на верную гибель. Но ты меня не понял — против них я ничего не имею, но зачем все остальные?

— Только с Бленнитами наши шансы добраться в Слепой Джилл были бы ничтожны. А теперь мы надежно защищены и легко дойдем туда.

— Под предводительством генерала Кастэнса. И его главного убийцы Пирри.

— Ты недооцениваешь Пирри, если считаешь его только убийцей.

— Мне безразлично, хорош он или нет. Он убийца, и я терпеть его не могу.

— Я тоже убийца. — Джон взглянул на нее. — И многие другие — те, что раньше и не подозревали в себе таких способностей.

— Не надо оправдывать его. Пирри — совсем другое дело.

Джон пожал плечами:

— Пока нам без него не обойтись. Вот придем в долину...

— Я больше тебе не верю.

— Но это правда.

— Джон. — Их глаза встретились. — Ты очень изменился, и все это из-за него. Ты превратился в какого-то главаря банды гангстеров. Уже дети начинают бояться тебя.

— Если я и изменился, — мрачно ответил Джон, — то Пирри здесь вовсе ни при чем. Так сложилось. Я вынужден так поступать, чтобы целыми и невредимыми довести вас в безопасное место. И ничто меня не остановит. Ты хоть понимаешь, как нам удалось пройти такой длинный путь? Все, что ты видела сегодня, ерунда по сравнению с тем, что происходит на юге. Нам осталось пройти совсем чуть-чуть. А вот когда доберемся до места...

— И что тогда?

— Я уже говорил тебе, — терпеливо ответил Джон. — Мы снова научимся жить нормальной жизнью. Разве ты не веришь, что я этого хочу?

— Не знаю. — Она отвернулась к окну. — А где Роджер?

— Роджер? Понятия не имею.

— Им с Оливией пришлось нести Стива по очереди, с тех пор как ты с головой ушел в командование своей армией. Поэтому они отстали, и теперь под ночлег им досталась только буфетная.

— Почему Роджер не пришел ко мне?

— Не хотел тебя беспокоить. Когда ты позвал Дэви наверх, Тихоня остался внизу. Он и не помышлял о том, чтобы подняться вместе с друзьями, а Дэви не осмеливался попросить тебя об этом. Они боятся тебя.

Не отвечая, Джон вышел из комнаты и крикнул:

— Родж! Поднимись сюда, старина! И Оливия с детьми, конечно.

— Теперь ты снизошел, — сказала Анна, когда он вернулся. — Вряд ли это поможет.

Джон подошел к жене и ласково обнял ее.

— Завтра вечером все будет позади. Я передам все дела Дэйву и буду брать у него уроки картофелеводства. Ты увидишь, как я превращусь в скучного, вечно зевающего старичка с вымазанными землей пальцами.

— Если бы я могла поверить тебе...

Он поцеловал ее:

— Так и будет.

Вошел Роджер, из-за его спины выглядывали Стив и Тихоня.

— Оливия поднимается, Джонни, — сказал Роджер.

— Какого черта ты обосновался в буфетной? — спросил Джон. — Здесь полно места! Можно сдвинуть кровати и положить на них всех детей. А для нас и пол сгодится, тем более что в спальнях великолепные ковры — наши хозяева, наверно, жили в роскоши. А вон в том шкафу есть одеяла.

Джон вдруг сам почувствовал, насколько фальшив его тон. Он говорил с чрезмерной, насквозь лживой сердечностью, но уже не мог остановиться. Что-то изменилось в его отношениях с Роджером, и не в их власти было вернуть близость и теплоту прежней дружбы.

— Это очень кстати, Джонни, — сказал Роджер. — В буфетной в общем-то очень мило, если не считать тараканов. Эй вы, двое. — Он повернулся к мальчикам. — Вы-

катывайтесь отсюда и поищите ванную, смотреть на вас тошно.

— Они идут, — сказала Анна, глядя в окно.

— Они? Кто? — спросил Джон.

— Пирри и Джейн. Прогуливаются перед обедом.

В комнату вошла Оливия. Она хотела что-то сказать, но, взглянув на Джона, осеклась.

— Пирри — воздыхатель, — усмехнулся Роджер. — Забавно: в его-то годы.

— У тебя все ножи, — сказала Анна, глядя на Оливию. — Проследи, чтобы за ужином Джейн получила нож поострее, и как бы между прочим заметь ей, что можно не спешить возвращать его.

— Нет! — крикнул Джон. Это вырвалось непроизвольно, он тут же взял себя в руки. — Пирри нам нужен. Девчонке повезло, что она его заполучила. Если уж на то пошло, ей вообще повезло, что жива осталась.

— Может, наконец объяснимся? — сказала Анна. — Я так надеялась, что завтра вечером все кончится. Ты действительно думаешь, что Пирри так необходим для нашей безопасности, или ты просто сам от него без ума?

— Я ведь уже говорил тебе, Анна, — устало ответил Джон. — Я не хочу полагаться на случай. Может, завтра Пирри нам и не понадобится, но это вовсе не значит, что я с радостью соглашусь дать девчонке нож, чтобы она ночью перерезала ему горло.

— Если подвернется подходящий случай, — заметил Роджер, — она может попытаться и без нашей подсказки.

— И как ты поступишь с ней? Будешь судить за измену?

— Нет. Просто выгоню.

Анна внимательно посмотрела на него:

— Да, наверно, ты можешь.

— Он убил Миллисент! — не выдержала Оливия.

— И мы не выгнали его, да? Ты это хочешь сказать? — с раздражением произнес Джон. — Разве вы не понимаете, что справедливость и прочие красивые слова сейчас всего лишь пустой звук?! От Пирри пользы больше, чем от всех нас вместе взятых. Джейн, так же как и Бленниты, только

пассажир, тормоз. Она сможет остаться, пока не решит, куда идти, но не дольше. Я предупредил.

— Он и вправду вождь. Обратите внимание, как он уверен в своей правоте, — сказала Анна.

— Но ведь это правда! — воскликнул Джон. — Ну, попробуй, переубеди меня!

— Бесполезно. — Анна посмотрела на него. — Ты всему найдешь оправдание.

— Родж! — крикнул Джон. — Ты-то хоть видишь в этом смысл?

— Да, вижу, — ответил Роджер и, словно извиняясь, добавил: — Но в словах Анны я тоже вижу смысл. Я не обвиняю тебя, Джонни. Конечно, досталась тебе работенка... Я понимаю, что в первую очередь ты должен думать о нашей безопасности. Но Пирри... Он стал твоей правой рукой, и только его слово для тебя решающее.

Джон уже приготовил какой-то убедительный ответ и вдруг, посмотрев на лица трех людей, стоявших перед ним, вспомнил, как родилась их дружба. Он вспомнил морские прогулки, долгие уютные вечера, проведенные вместе за бриджем. И внезапно Джон понял, кто он и кто они для него: Анна — его жена, Роджер и Оливия — самые близкие друзья.

— Да, — сказал он. — Кажется, я тоже понимаю. Слушайте, Пирри для меня ни черта не значит.

— А по-моему, значит, — сказал Роджер. — Ты изменился. Это его рук дело. Джонни, не подумай, что я в чем-то обвиняю тебя. У меня бы вообще никогда духу не хватило для такого дела. Но, будь я на твоем месте, я бы не изменил своего мнения о Пирри.

Джон долго молчал, прежде чем ответить:

— Чем быстрее мы дойдем, тем лучше. И тогда все станет хорошо.

Оливия внимательно посмотрела на него. В ее огромных застенчивых глазах он прочел настойчивый вопрос.

— Ты уверен, что хочешь этого, Джонни?

— Да. Совершенно уверен. Но если бы у нас был в запасе не один день, а еще целый месяц, я не был бы так уверен.

— Все, что мы сделали, так ужасно, — сказала Анна. — Можно ли это забыть когда-нибудь?

— Худшее уже позади, — ответил Джон. — Теперь все будет легко и просто.

Из ванной, громко крича и смеясь, выбежали Мэри и Дэвид.

— Эй, вы там, потише! — прикрикнул Джон. Ему казалось, что он говорит в своей обычной грубовато-шутливой манере. Раньше такое замечание не возымело бы ни малейшего действия. Теперь дети мгновенно замолчали и уставились на него.

Джон повернулся к сыну:

— Завтра вечером мы уже будем у дяди Дэвида. Здорово, да?

— Да, папочка, — ответил Дэви с какой-то слишком старательной радостью.

Ранним утром Джона разбудил звук выстрела. Когда он встал, выстрел повторился откуда-то издали. Джон достал револьвер и позвал Роджера.

— Что это было? — спросила Анна.

— Скорее всего ничего страшного. Какой-нибудь бродяга. Вы с Оливией оставайтесь здесь и присмотрите за детьми. А мы пойдем посмотрим, что там.

Дежурил Джо Харрис. Джон нашел его внизу в доме, хотя караульный должен был находиться во дворе. Харрис напряженно вглядывался в окно. Его глаза чуть поблескивали в лунном свете.

— Что случилось? — спросил Джон.

— Я был во дворе и увидел их, — ответил Харрис. — Они шли из Седберха. Я подумал: а вдруг они свернут сюда? И решил вернуться в дом и понаблюдать отсюда.

— Ну и?..

— Они свернули к дому. Я выстрелил.

— Попал?

— Нет. Наверно, нет. Они выстрелили в ответ, потом спрятались в кустарнике. И пока не выходили оттуда, мистер Кастэнс.

— Сколько их?

— Темно, сказать точно не могу. Может, дюжина, а может, и больше.

— Так много?

— Поэтому я испугался. А вдруг они прорвутся?

— Родж! — позвал Джон.

— Да. — Роджер уже стоял в дверях В комнате собралось еще несколько человек. Все молчали.

— А где остальные?

— Здесь, в коридоре, — донеслись голоса.

За спиной Джон услышал голос Бленнита:

— Здесь мы с Артуром, мистер Кастэнс.

— Одного отправь наверх в спальню, — сказал Джон Роджеру. — Пусть встанет к окну и будет начеку. И по два человека — в нижних спальнях. Ну а вы можете занять позицию у окна на кухне. Даю всем время на подготовку. Потом, по моему сигналу, даем залп. Может, этого с них хватит. А если не поможет, готовьте прицелы. У нас есть территориальное преимущество. Детям и женщинам, конечно, лучше отойти от окон подальше.

Стали расходиться. Джон услышал, как Роджер распределяет посты. В соседней комнате заплакал ребенок. Это была Бесси Бленнит. Джон заглянул туда.

— Вам лучше унести ее в дальнюю часть дома, — сказал Джон, глядя на мать девочки. — Там не будет так шумно.

Джон сам поразился мягкости своего голоса.

— Да, — ответила Кейти Бленнит. — Я так и сделаю, мистер Кастэнс. Ты тоже иди, Уилф. Все будет хорошо. Мистер Кастэнс присмотрит за тобой.

Он подошел к Харрису и встал на колени рядом с ним.

— Что-нибудь видно?

— Да, мне померещилось какое-то движение. Может, тень?

Джон напряженно всматривался в густую листву сада, освещенную лунным сиянием. На небе, усыпанном бесчисленными звездами, не было ни облачка. Внезапно мелькнула чья-то тень. Может, показалось? Но когда лазутчик был уже ярдах в пятнадцати от дома, Джон больше не сомневался.

— Давай! — завопил он.

Он выстрелил в темноту наугад. Залп прогремел почти одновременно. Джон услышал крик боли. Неуклюже споткнувшись, человек упал. Джон отскочил от окна, опасаясь ответного выстрела. Он не заставил себя долго ждать — затрещал расколотый кирпич, потом все стихло, слышались лишь стоны раненого да чье-то неясное бормотание.

Должно быть, столь мощный отпор неприятно удивил мародеров. Они не ожидали, что этот одинокий домик так надежно защищен. Поставив себя на место главаря, Джон решил, что немедля увел бы своих людей, окажись он в подобной ситуации. Но, с другой стороны, они сидели в надежном укрытии. Правда, выходить оттуда при ярком свете луны было опасно. Джон вдруг подумал, что совершил тактическую ошибку. Зачем он устроил эту демонстрацию силы? Может, противник превосходил их и числом, и оружием. Два-три метких выстрела спугнули бы их наверняка. Вот если бы Пирри был здесь... Но его нет — свободой где-то наслаждается.

Джон услышал чьи-то шаги на лестнице.

— Джонни! — тихо позвал Роджер.

— Да, — ответил он, отрываясь от окна.

— Что дальше? Начнем выкуривать их оттуда или подождем, пока сами уберутся?

Джон больше не хотел стрелять первым. Теперь они знали его силу, и было бы слишком расточительно тратить драгоценные патроны попусту.

— Подождем, — ответил он. — Надо выждать немного.

— Ты думаешь... — начал Роджер.

— Поддай-ка им! — раздался вдруг в ночной тишине дикий вопль. Джон отпрыгнул от окна. И вовремя. Целый шквал выстрелов обрушился на дом. Зазвенели разбитые стекла. С верхнего этажа грянул ответный выстрел.

— Порядок! — крикнул Джон. — Шуруй наверх, и будьте там поосторожнее. Если эта шайка передумает и решит прорываться, не мешайте им.

Испуганно заплакал ребенок. «Если они прорвутся...» — невесело подумал Джон.

Пользуясь временным затишьем, он крикнул в открытое окно:

— Мы не хотим вам зла. Если вы уйдете, мы не станем стрелять!

Он едва успел отскочить. Словно в ответ на его слова, прогремело два выстрела. Пули ударились о стену напротив окна. Кто-то засмеялся, и Джон выстрелил туда, откуда слышался смех.

Приглядевшись повнимательнее, он различил в темноте человеческую фигуру и снова выстрелил. Что-то пронеслось в воздухе, ударившись о стену дома.

— Ложись, Джо! — закричал он.

Взрывом разбило только ставни, и тут же из дома грянул целый шквал огня.

«Гранаты, — с тоской подумал Джон. — Как я сразу не догадался! Теперь, когда деревенские дома превращены в настоящие оружейные склады, добрый запас гранат так же необходим, как и винтовки. А может, эти люди — бывшие солдаты. Во всяком случае, воюют они со знанием дела. Да, они, конечно, сильнее. Ну ладно, эта граната не попала в цель, еще несколько промахов. Но ведь в конце концов они могут стать более точными. Гранаты все меняют».

Он резко повернулся к Харрису:

— Гони наверх и скажи: пусть продолжают огонь, сколько возможно. Но стрелять прицельно, а не как попало. Как только кто-нибудь высунет руку — жарьте прямо туда. Нельзя допустить, чтобы гранаты попали в дом.

— Хорошо, мистер Кастэнс, — ответил Джо. Он казался совершенно спокойным. Может, плохо представлял себе, что значат гранаты, а может, просто целиком полагался на Джона. «Да, Пирри славно потрудился, — подумал Джон. — Беспрекословное подчинение. Чуть ли не в рот смотрят. Но сейчас я бы с радостью променял все это на самого Пирри. Для него и ночь — не помеха. Верная пуля всегда найдет свою жертву».

Джон наудачу выстрелил в мелькнувшую внизу тень, с верхнего этажа подхватили. Из сада тут же ответила автоматная очередь. Вдогонку ей понеслась граната, ударила о стенку, не причинив большого вреда, как и первая. Джон снова выстрелил. Обмен «любезностями» продолжался. Сквозь гвалт слышались крики раненых.

Джон чуть приободрился, но надеяться на счастливый исход было слишком рано. Едва ли налетчики упали духом после двух-трех удачных выстрелов из дома.

Град пуль не утихал. Осторожно выглянув в окно, Джон увидел, как из-за укрытия поднялась рука с занесенной для броска гранатой. И вдруг — исчезла вместе со своим смертоносным посланием. Через мгновение грянул мощный взрыв. Похоже, несчастный вояка был весь увешан гранатами. Истошно закричали раненые. Джон выстрелил. На этот раз ответа не было.

Увидев, как они поднимаются и бегут вниз по склону холма, стараясь пригибаться как можно ниже к земле, Джон удивился. Он не ожидал такой быстрой победы. Но, слава богу, все было позади. Он выстрелил вслед отступавшим. Сколько же их все-таки было? Человек пятнадцать — двадцать... И несколько осталось на поле битвы.

В комнате понемногу собиралось его войско. Джон смотрел на лица женщин, мужчин, детей — спокойные, счастливые... Все смеялись, оживленно болтали, перебивая друг друга. Стоял такой галдеж, что Джону пришлось кричать:

— Джо! Надо бы тебе подежурить еще полчаса. Удвоим посты на остаток ночи. Ной, вы сейчас пойдете с ним. Потом Джесс и Роджер, за ними — Энди и Элф. Я пойду с Уиллом. А теперь играем отбой.

— Мистер Кастэнс, вы же понимаете, — канючил Джо Харрис, — я надеялся, что они пройдут мимо...

— Да-да, я понял, — ответил Джон. — Все остальные могут отдыхать.

— Кто-нибудь видел Пирри с его женщиной? — спросил Парсонс.

— Джейн нигде нет... — отозвалась Оливия.

— Они вернутся, — сказал Джон. — Идите спать.

— Если они попали в такое пекло... — начал Парсонс.

Джон подошел к окну и крикнул:

— Пирри! Джейн!

Тишина. Ни звука. Лунный свет, словно летний иней, окутывал сад.

— Может, пойти поискать? — спросил Парсонс.

— Нет, — ответил Джон. — Выходить нельзя. Неизвестно, как далеко убрались эти парни с гранатами. Может, за оружием. Все. Теперь спать. Давайте уйдем отсюда, пусть Бленниты отдыхают. Нужно набраться сил — завтра тяжелый день.

Расходились молча. Джон с Роджером поднялись наверх, вслед за Анной и Оливией с детьми. Джон зашел в ванную, Роджер ждал его в коридоре.

— Я уж подумал, нам крышка, — сказал он.

— Ты о гранатах? Это точно.

— По-моему, нам просто сказочно повезло. Но я все-таки не совсем понял, что произошло. Нам действительно повезло — ведь наверняка у них были еще гранаты. Тогда почему они отступили? Одна неудачная атака еще не повод для бегства. Странно все это.

— Странно не странно, но они ушли, — ответил Роджер, зевая. — А что ты думаешь о Пирри и Джейн?

— Либо они так далеко ушли, что не слышали выстрелов, либо их заметили, и тогда... Эти парни неплохие стрелки.

— Они блуждали по тропам любви, до выстрелов ли тут? — усмехнулся Роджер.

— Я уверен, Пирри непременно бы вернулся, если бы мог. Не услышать такого грохота было просто невозможно.

— Есть другой вариант, — предложил Роджер. — Джейн могла без нашей подсказки припрятать нож. Скажем, в подвязке. Такие идеи обычно спонтанно приходят в женские головки.

— Где же теперь Джейн?

— Перебежала к нашим дружкам. Или испугалась, что ее рассказ о том, как она потеряла мужа в первую брачную ночь, не возымеет здесь успеха.

— Я думаю, у нее достаточно здравого смысла, чтобы понимать, что сила женщины в ее слабости.

— Все-таки забавные создания эти женщины, — сказал Роджер. — В девяноста девяти случаях из ста они без колебаний поступают разумно. А на сотый — ставят все с ног на голову с не меньшим энтузиазмом.

— Что-то ты развеселился не на шутку, Родж!

— Немудрено — после такой передряги. Вторая граната свалилась в паре шагов от моего окна.

— И ты, конечно, не расстроишься, если Пирри действительно погиб?

— Не особенно. Откровенно говоря, совсем нет. Думаю, я был бы даже рад. Ты напрасно так превозносишь его. Жемчужина рождается только в раковине больной устрицы.

— По-твоему, мир — больная устрица?

— Знаешь, я устал. Мне не хочется продолжать этот спор. Ты ведь понимаешь, что я имел в виду. Вечные ценности утеряны для этого мира. Я только молю Господа, что не навсегда.

— Но ведь раньше-то Пирри был вполне мирным обывателем. И когда все войдет в нормальное русло, он снова станет прежним.

— Ой ли? Никто не может положить жемчужину обратно в раковину. И ты в том числе. Мне не очень нравится перспективка нашей будущей жизни в долине. Могу себе представить, как Пирри будет вечно торчать за твоей спиной и дергать тебя за локоть.

— Если уж так необходим хозяин в долине, то им будет Дэвид. Ты же знаешь. Не я, не Пирри, а только Дэвид.

— Я никогда не видел твоего брата, — сказал Роджер. — И очень немного о нем знаю. Но ему не пришлось тащить свою семью и толпу прихлебателей через всю страну, как тебе.

— Это ничего не меняет.

— Нет? — Роджер опять зевнул. — Я устал. Иди спать. Я уже все равно не успею — скоро дежурить. Пойду только взгляну, уснули ли ребятишки.

Они подошли к двери. Анна и Оливия лежали у окна, на одеялах. Анна подняла глаза, но ничего не сказала. Дети спали все вместе на сдвинутых кроватях: Мэри, свернувшись калачиком, — у стенки, Стив и Дэви, обнявшись, — в середине, Тихоня — с краю. Он не спал, неподвижно глядя в потолок. Без очков лицо мальчика казалось странно повзрослевшим.

— Ты не думай, — сказал Роджер. — Я, конечно, благодарен Пирри, но мы наконец поняли, что можем обойтись без него. И я очень рад этому.

Уже светало, когда Джон и Уилл заступили на вахту. Джон вышел в сад и осмотрел поле недавнего сражения. Ярдах в пятнадцати от дома лежал молодой мужчина лет двадцати пяти, с простреленной головой. Другого убитого граната превратила в развороченное месиво. Зрелище было ужасное. Джон подозвал Секомба, они оттащили трупы подальше от дома и спрятали за грудой бревен.

Секомб с отвращением посмотрел на свои руки.

— Иди в дом и умойся, если хочешь, — сказал Джон. — Я один побуду. Все равно скоро подъем.

— Спасибо, мистер Кастэнс. Грязная работенка. Нет ничего хуже войны.

Когда он ушел, Джон еще раз обогнул дом. Оружия он не нашел — только несколько гильз да искореженную винтовку. Никаких следов Пирри и Джейн не было. Унылая пустынная долина простиралась вдаль, утопая в предрассветной дымке. Джон хотел было крикнуть еще раз, но передумал. Бесполезно.

Вернулся Секомб. Джон взглянул на часы:

— Ладно. Можешь будить всех.

Завтрак был почти готов, уже проснулись дети, как вдруг...

— Боже мой! — воскликнул Роджер.

Джон посмотрел в окно. По садовой дорожке неторопливо шагал Пирри, по обыкновению зажав винтовку под мышкой. Следом за ним шла Джейн.

— Пирри! — закричал Джон. — Черт подери, где вы были?

Пирри слегка улыбнулся.

— Не кажется ли вам, что это не совсем деликатный вопрос? — Он кивнул в сторону сада. — Вы уже навели порядок?

— Вы все слышали?

— Трудно было не услышать. Гранаты не попали в дом?

Джон покачал головой.

— Я так и думал.

— Они смылись, когда стало слишком жарко, — сказал Джон. — Только я не понял — почему.

— Может, их разочаровал огонь со стороны? — невозмутимо спросил Пирри.

— Со стороны?

Пирри махнул рукой на небольшой холмик справа от дома.

— Так, значит, вы стреляли оттуда?

— Конечно!

— Конечно, — повторил Джон. — Теперь мне все ясно. А я-то думал: кто из нас мог попасть в такую мишень почти в темноте? Да еще так точно попасть. — Он взглянул на Пирри. — Значит, вы слышали, как я вас звал, когда все уже кончилось? Почему вы не ответили?

— Я был занят, — усмехнулся Пирри.

Этот день прошел спокойно, они продвигались дальше без всяких препятствий, разве что довольно медленно. Теперь путь лежал в основном через верещатники. Иногда приходилось сворачивать с дороги и продираться сквозь заросли вереска, идти берегом какой-нибудь речушки или ручья.

Солнце палило нещадно, и Джон объявил привал на обед пораньше, а потом велел женщинам отвести детей в тень густой листвы платанов.

— Разве нам не надо торопиться? — спросил Роджер.

Джон покачал головой:

— Отсюда уже рукой подать. До наступления темноты будем на месте. А дети очень устали.

— Я тоже, — сказал Роджер. Он лег на сухую каменистую землю, сцепив руки под головой. — А вот Пирри, похоже, не устал.

Пирри что-то объяснял Джейн, показывая на юг.

— Она не прирезала его, — добавил Роджер. — Еще одна сабинянка. Интересно, на кого будут похожи маленькие Пиррята?

— У Миллисент не было детей.

— Может, из-за него. Но скорее всего она сама не хотела. Миллисент была из той породы женщин, которые не очень-то стремятся обременять себя детьми. Ребенок спутал бы ей все карты.

— Кажется, что вся история с Миллисент была очень-очень давно, — сказал Джон.

— Время — странная штука. Сколько прошло с тех пор, как я вытащил тебя из кабины крана на твоей стройке, помнишь? А кажется, будто прошло уже полгода.

К северу от Кендала их взору предстали ставшие уже привычными мрачные свидетельства того, в какого хищного зверя может превратиться человек. Горящие дома, крики страданий и дикого ликования, обезображенные трупы... Повсюду стоял солоновато-сладкий запах разлагавшейся плоти...

Они шли все дальше и дальше. Вокруг простирались унылые, без единой травинки верещатники. В безоблачном небе щебетали жаворонки. Однажды ярдах в трехстах они вдруг увидели оленя. Пирри бросился наземь, чтобы получше прицелиться. Но не успел он выстрелить, как олень умчался прочь и скрылся из виду. Даже издалека было видно, как он истощен.

Часов около пяти они вышли к реке. Голые каменистые берега стискивали бурные стремительные воды. Анна стояла рядом с Джоном. Впервые с тех пор, как они покинули Лондон, она выглядела спокойной и даже счастливой.

— Дома. Наконец-то.

— Осталось мили две, — сказал Джон. — Ворота покажутся еще раньше. А знаешь, вверх по течению есть брод — почти до середины реки выложены камни. Мы с Дэйвом в детстве там ловили рыбу.

— Я и не знала, что в Лепе рыба водится.

Джон покачал головой:

— В долине рыбы нет. Во всяком случае, нам ни разу не попадалась. Вряд ли она заплывает так далеко. А здесь, внизу, много форели. — Он улыбнулся. — Будем ловить ее сетью. Надо же разнообразить свое меню!

Анна улыбнулась ему в ответ:

— Да, дорогой. Теперь я верю, что все наладится. Мы опять будем счастливы.

— Конечно! Я ни одной минуты не сомневался в этом!

— Вот она — долина Слепой Джилл, — объявил Джон. — Ну, молодец Дэйв. Солидно, ничего не скажешь.

Мощный бревенчатый забор начинался сразу от края воды, перекрывал дорогу и тянулся к холмам.

Джон и Пирри шли чуть впереди остальных.

— Великолепная работа, — сказал Пирри, с уважением разглядывая частокол. — Когда мы будем по ту...

Резкая пулеметная очередь оборвала его на полуслове.

Джон растерялся.

— Дэйв! — закричал он, когда прошла минутная оторопь.

В ответ — новый шквал огня.

«Дети!» — Опомнившись, Джон бросился прочь от ворот.

— Все — в канаву! — крикнул он.

Мэри уже прыгнула в придорожную канаву, таща за собой Дэви и Тихоню. Джон подбежал к ним и лег рядом.

— Что происходит, папочка? — спросила Мэри.

— Откуда стреляли? — Анна испуганно смотрела на него.

Джон кивнул на частокол:

— Оттуда. Все здесь? А кто там на дороге? Пирри!

На дороге лежала маленькая щуплая фигурка.

Джон рванулся вперед, но Анна схватила его за руку:

— Нет! Не смей. Подумай о детях, обо мне!

— Я только оттащу его с дороги. Они не станут стрелять.

Всхлипывая, Анна позвала дочь, и они с двух сторон вцепились в куртку Джона. Пытаясь вырваться, он увидел, что кто-то выскочил из канавы на дорогу.

— Джейн! — изумился он.

Даже не взглянув на частокол, девушка подхватила Пирри за плечи, легко приподняла его и потащила к канаве. Бережно опустив суженого на землю, она уселась рядом и положила его голову себе на колени.

— Он... мертв? — спросила Анна.

Из виска сочилась кровь. Джон осмотрел рану. Ничего страшного — пуля лишь содрала кожу, хотя и с достаточной силой. Пирри был без сознания.

— Будет жить, — объявил Джон. Взглянув на него, Джейн заплакала. — Возьми у Оливии бинт и вату.

— Но почему? — Анна с тревогой и недоумением смотрела на мрачную стену. — Почему они стреляли? Что случилось?

— Это ошибка, — отозвался Джон. — Конечно, ошибка. Сейчас все выяснится.

11

— Не пущу! Они убьют тебя! — закричала Анна, увидев, как Джон привязывает к кончику палки белый носовой платок.

Джон покачал головой:

— Нет, они не будут стрелять.

— Они только что выстрелили в нас без всякого повода.

— Без повода, говоришь? Целая банда, вооруженная до зубов, по-твоему, не повод? Я тоже хорош — мог бы сообразить, что всем нельзя показываться.

— При чем тут они? А Дэвид?

— Его там нет, наверное. Едва ли Дэвид постоянно дежурит у забора. Одному Богу известно, кто стрелял. Но безоружный парламентер с белым флагом — совсем другое дело. У них нет причин стрелять в меня.

— Но они могут!

— Нет.

Уже на дороге его вдруг охватило странное чувство. Какая-то лихорадочная веселость и вместе с тем чудовищная усталость. Нечто подобное бывает иногда при сильной простуде. Джон принялся отсчитывать в уме шаги. Один, два, три, четыре, пять... Из отверстия в заборе у самой вершины, на высоте добрых десяти футов от земли, торчал ствол пулемета. «А пулемет, похоже, на платформе стоит», — догадался Джон.

В нескольких футах от забора он остановился, глянул вверх и вдруг услышал:

— Что надо?

— Я бы хотел поговорить с Дэвидом Кастэнсом! — крикнул Джон.

— Неужели? Он занят. Да и не о чем говорить.

— Я — его брат.

— Его брат в Лондоне, — ответил невидимка после некоторого раздумья. — Как, говорите, вас зовут?

— Джон Кастэнс. Нам удалось вырваться из Лондона. Могу я увидеть брата?

— Минуту. — Приглушенное неразборчивое бормотание — и: — Ладно, ждите. Сейчас пошлем за ним.

Джон прошел несколько шагов вдоль забора и остановился, глядя на реку. Слышно было, как от ворот отъехала машина, шум двигателя растворился вдали. «Интересно, — подумал Джон, — сколько у них бензина? Мало, наверно. Да и какая разница? Чем скорее люди привыкнут к миру, где автомобили заменены недавно забытой вьючной скотиной, тем лучше».

— Можно моим людям выйти из канавы? — крикнул Джон. — Вы не будете стрелять?

— Пусть остаются на месте.

— Но ведь это бессмысленно. Что тут плохого?

— Канава — вполне подходящее место.

Джон хотел было поспорить, но передумал. Кто знает, может, им еще жить с этим парнем. Хочет казаться важным — на здоровье! Довольно и того, что они так быстро согласились позвать Дэвида. Джон немного успокоился — смутные подозрения рассеялись. Все хорошо — Дэвид еще имеет здесь власть.

— Я схожу к своим пока. Объясню им все, — сказал Джон.

— Как хотите, — отозвался равнодушный голос. — Только пусть на дорогу не выходят.

Пирри внимательно выслушал Джона, но промолчал.

— И ты думаешь, все будет в порядке? — спросил Роджер.

— А почему нет? Конечно, они не очень-то гостеприимны, ну и что? Главное — мы добрались. Считайте, что мы уже дома.

— Похоже, там не больно-то нам рады, — сказал Парсонс.

— Они только выполняют приказ. Ну-ка! Слышите?

Подъехала машина.

— Это Дэвид! — Джон вскочил. — Анна, пойдем со мной, поговоришь с ним.

— А это не опасно? — спросил Роджер.

— Не думаю. Теперь там Дэвид.

— Дэви, конечно, тоже захочет пойти. И Мэри, — сказала Анна.

— Обязательно, — ответил Джон.

— Нет, — вдруг тихо, но очень твердо сказал Пирри.

— Почему? — Джон удивленно посмотрел на него. — Что такого?

— Мне кажется, здесь они будут в безопасности, — ответил Пирри. И, помолчав, добавил: — По-моему, вам не стоит идти всем вместе.

Секундная оторопь прошла, и Джон все понял. Только Пирри мог говорить с таким цинизмом.

— Ладно, — наконец выдавил он из себя. — По крайней мере узнаю, как вы будете себя чувствовать на моем месте. Точно?

Пирри улыбнулся.

— В чем дело? — встревожилась Анна.

Джону вдруг показалось, что он слышит голос брата.

— Ничего страшного, — ответил он. — Не бери в голову, Анна. Вы останетесь здесь. А я быстренько все улажу с Дэвидом и вернусь за вами.

Джон надеялся, что ворота сразу откроются, как только он подойдет, но потом сообразил — ведь они его не видят.

— Дэйв! Это ты? — крикнул он.

— Конечно, я! Откройте же! Как, черт вас подери, он войдет, если вы его не впускаете?

Ворота медленно приоткрылись. Первое, что увидел Джон, было винтовочное дуло. Он протиснулся в узкую щелочку. Вот и Дэвид. Братья пожали друг другу руки. Ворота захлопнулись.

— Как тебе удалось прорваться? — спросил Дэвид. — Где Дэви, Анна, Мэри?

— Остались там. В канаве прячутся. Твой чертов пулеметчик едва не перебил нас всех.

— Не могу поверить! — воскликнул Дэвид, не отрывая от него глаз. — Я предупреждал о тебе часовых, но, честно говоря, не надеялся. Сначала — запрет на передвижения, потом голодные бунты. А эти ужасные слухи о бомбардировках... Я уже смирился с тем, что никогда не увижу тебя.

— Это длинная история, — сказал Джон. — Потом расскажу. Давай я сначала приведу всю свою команду.

— Команду? Ты имеешь в виду... Мне передали, что на дороге целая толпа.

Джон кивнул:

— Точно. Тридцать четыре человека, из них десять детей. Мы шли все вместе. И я привел их сюда.

Только однажды он видел на лице брата такое выражение — когда, после смерти дедушки, они узнали, что все имущество завещано Дэвиду. Это были смущение и вина.

— Видишь ли, Джонни, есть некоторые затруднения... — пробормотал Дэвид.

— В чем?

— Здесь уже битком. Когда дела пошли совсем плохо, сюда начал стекаться народ из окрестных мест. Вот Риверсы, например, из Стоунбека. Это их парень на пулемете. Он служил где-то под Уиндермером и привел с собой еще троих или четверых. Места больше нет, долина все-таки не резиновая. Мы, конечно, постараемся, но мало ли что. Начнутся разборки с картофелем или еще что — всего не предугадаешь.

— Да, нас, конечно, многовато, — сказал Джон. — Но они будут зарабатывать свой хлеб. Головой ручаюсь.

Оба замолчали. Лишь неистово бурлящий речной поток нарушал тягостное молчание.

— Что же нам делать, по-твоему? Вернуться в Лондон? — Джон зачем-то понизил голос, хотя рядом никого не было.

Дэвид порывисто схватил его руку:

— Да нет же, господи! Не дури! Я только пытаюсь втолковать тебе, что смогу выделить место для вас с Анной и детьми, но не для остальных.

— Дэйв, ты можешь и должен пустить их!

Дэвид покачал головой:

— Если бы я мог... Неужели ты не понимаешь — они не первые, кому нам пришлось дать от ворот поворот. Были и другие, даже родственники тех, кто уже жил здесь. Согласен, это жестоко. Но другого выхода не было. А о своей семье не беспокойся. Тут проблем не будет. Но тридцать четыре человека!.. Немыслимо. Допустим даже, я соглашусь, но остальные?

— Ты здесь хозяин.

— У этой земли больше нет хозяина. Все решает большинство. Джонни, я понимаю, тебе тяжело их бросить. Но что делать? Выбора нет.

— Всегда есть выбор.

— Не теперь. Иди за Анной и детьми — придумаем что-нибудь. А остальные... У них ведь есть оружие? Найдут другое место, не волнуйся.

— Ты не знаешь, *как* там.

Их глаза встретились.

— Я все понимаю, — сказал Дэвид. — Но что же делать? Прежде всего ты должен думать о своей семье.

Джон засмеялся. Те двое на платформе посмотрели в их сторону.

— Надо же! — воскликнул Джон. — Пирри как в воду глядел! Великий психолог!

— Пирри?

— Один из моих людей. Вряд ли нам удалось бы прорваться без него. Я хотел сейчас сразу пойти с Анной и детьми. Просто, без всякого тайного умысла — им так хотелось поскорее тебя увидеть. Но Пирри не позволил. И они остались. Я понял — он боялся предательства. Представляешь, какое праведное возмущение охватило меня? А теперь... что же получается? Если бы мы пошли все вместе, как бы тогда это называлось?

— Да, задачка... А нельзя его как-нибудь обмануть?

— Кого угодно — только не его. — Джон задумчиво смотрел на долину, уютно устроившуюся под защитой холмов.

— Ты прогоняешь их, — медленно сказал он, — значит, и нас. И Дэви — тоже.

— Этот Пирри... Ладно, я попробую... Может, они согласятся взять еще одного. Сам-то он клюнет?

— Не сомневаюсь. Только вот как скрыть от всех остальных? Они сразу поймут, как только я скажу, что все надежды рухнули и вход в райскую долину заказан. Как тогда мне быть?

— Господи, но ведь наверняка есть какой-нибудь выход!

— Я уже сказал: всегда есть выход. Хотя мы больше не союзники. — Он пристально взглянул на брата. — Теперь мы, пожалуй, враги.

— Нет. Мы найдем выход. Может... Давай так. Ты возвращаешься, а я посылаю за тобой наших людей, будто в погоню.

Пулемет будет наготове. Ты незаметно шепнешь Анне и детям лечь на землю, а мы прогоним всех остальных.

— Не выйдет. — Джон улыбнулся. — Канава — вполне надежное укрытие, пулемет их не испугает.

— Тогда... Я не знаю. Но выход точно есть.

Джон посмотрел на долину. Поля дали неплохие всходы, в основном картофель.

— Надо возвращаться, — сказал он. — Анна будет волноваться. Ну так как, Дэйв?

Он уже принял решение, поэтому нерешительность брата ничуть не трогала его.

— Я поговорю с ними, — выговорил Дэвид. — Приходи через час. А если нет, может, за это время еще что-нибудь придумаем, а? Ты уж постарайся, Джонни, ладно?

Джон кивнул:

— Я постараюсь. Пока, Дэйв!

Дэвид виновато смотрел на него:

— Передай привет всем... и Дэви.

— Конечно, передам. — Выходя из ворот, на брата он не взглянул.

Вернувшись, Джон сразу понял по выражению лиц, что его спутники и не ждали хороших вестей. Иначе почему же закрыты ворота?

— Как дела, мистер Кастэнс? — спросил Бленнит.

— Неважно. — Он рассказал им все, без утайки. Правда, о предложении Дэвида упомянул небрежно, вскользь.

— Я понял, — сказал Роджер. — Дэвид может взять тебя с семьей, так?

— Он *сам* ничего не может. Все решает большинство.

— Ты должен согласиться, — сказал Роджер. — Джонни, мы пошли с тобой по доброй воле и ничего не потеряли. Глупо упускать такую счастливую возможность только потому, что ею не могут воспользоваться все.

По рядам прошуршал тихий шепоток. «А если прямо сейчас, — подумал Джон, — пока они загипнотизированы собственным великодушием, взять Анну, детей — и уйти? Ведь никто не остановит!» Он посмотрел на Пирри. Тот спокойно выдержал взгляд, умиротворенно сложив на прикладе винтовки руки с безукоризненными ногтями.

— Честно говоря, — сказал Джон, не сводя глаз с Пирри, — по-моему, нет никакой надежды, что брату удастся уломать их впустить всех. Им пришлось отказать даже своим родственникам. Если так — остается два пути: либо уйти и искать пристанища где-нибудь еще, либо пробиваться в долину с боем.

— Нет! — закричала Анна.

— Папочка, — сказал Дэви, — неужели ты собираешься воевать против дяди Дэвида?

Все молчали.

— Не обязательно решать прямо сейчас, — сказал Джон. — Можно найти какой-нибудь мирный выход. Вы должны все хорошенько обсудить, пока я еще раз схожу к Дэвиду.

— Я настаиваю, чтобы ты принял предложение брата, Джонни, — сказал Роджер.

— А что вы сами думаете, мистер Кастэнс? — спросил Парсонс.

«Быстро же они успокоились, — с горечью подумал Джон. — Конечно, о чем волноваться — господин позаботится о своих вассалах!»

— Свое мнение я скажу после того, как вернусь, — ответил он. — Обдумайте все как следует.

Пирри молча улыбнулся. Забинтованная голова, очки в тонкой золотой оправе, невинная улыбка — эдакий благостный старичок.

— Я надеюсь, вы там все разложите по полочкам, — сказал он наконец, когда Джон уже собирался уходить.

— Обязательно.

Если у него еще теплилась какая-то надежда, то она погасла, как только Джон увидел лицо брата. Дэвида сопровождали человек пять — видно, на подмогу часовым. На заборе Джон заметил телефон. Сколько предосторожностей!

— Они против, Джонни, — сказал Дэвид. — Я ничего не могу сделать.

Джон кивнул. Теперь он ясно видел, что Дэвид больше не хозяин в долине.

— Значит, придется нам уйти ни с чем. Да, я передал Дэви твой привет. Очень жаль, что ты его не увидел.

— Послушай, — встрепенулся Дэвид. — Я все обдумал — выход есть. Ты им скажешь: мол, ничего не вышло и придется искать другое пристанище. Но сегодня ночью никуда не уходите. Устрой так, чтобы вы с Анной и детьми спали в стороне ото всех. А потом незаметно возвращайтесь сюда. Вас впустят. Я останусь у ворот на всю ночь.

Если бы не Пирри, Джон, не раздумывая, ухватился бы за этот план. Но с ним...

— Да-да, — задумчиво проговорил он. — Может, и выйдет. Во всяком случае, стоит попробовать. Только как бы твои молодчики не зацепили детей в темноте.

— Не бойся, — порывисто сказал Дэвид. — Как только выйдете на дорогу, дай мне наш старый детский сигнал — помнишь? Свист кроншнепа. Только бы луна помогла!

— Да, — повторил Джон. — Пусть будет так.

12

— Попасть туда миром мы не сможем, — сказал Джон, спрыгнув в канаву. — Они непробиваемы. Брат пытался уговорить, но все без толку. Значит, есть два пути, я уже говорил — уходить или пробиваться с боем. Как вы решите?

Первым заговорил Парсонс:

— Здесь решаете вы, мистер Кастэнс. Как скажете, так мы и сделаем.

— Хорошо, — сказал Джон. — Первое. Мы с братом очень похожи. Он одет в голубой комбинезон и серую, в белую клетку, рубашку. Присматривайте за ним. Я не хочу, чтобы с Дэвидом что-нибудь случилось.

— Значит, все-таки будем пробиваться, мистер Кастэнс? — спросил Джо Харрис.

— Да. Ночью. А сейчас надо спокойно, без суеты убраться отсюда. Главное — усыпить их бдительность. Пусть думают, что мы смирились. Единственная наша надежда — внезапность.

Они выкарабкались из канавы и вышли на дорогу. Джон шел последним, Пирри и Роджер — рядом с ним.

— Я убежден, что ты поступил неправильно, Джонни, — сказал Роджер.

— Думаю, это будет непросто, — задумчиво проговорил Пирри, — даже если мы нападем неожиданно. — Он взглянул на Джона. — Может, вы знаете путь в долину через холмы?

— Нет. Это невозможно. Здесь очень крутые холмы. А если нас заметят — камень сорвется или еще что — мы превратимся в прекрасную мишень.

— Надеюсь, вы не намерены штурмовать стену? — спросил Пирри.

— Нет. — Джон пристально посмотрел на него. — Как вы себя чувствуете?

— Нормально.

— Достаточно хорошо, чтобы пройти полмили вброд по горной реке, очень холодной даже летом?

— Да.

Пирри и Роджер недоуменно глядели на него.

— Дэвид возвел эту стену между холмом и рекой, — сказал Джон. — Значит, реку он считал достаточно серьезной преградой — слишком большая глубина и очень сильное течение. Здесь утонуло много людей. Но почти на середине реки есть отмель. Давным-давно, когда мне было одиннадцать, я сорвался с обрыва и упал в воду. Если бы не эта отмель, я бы наверняка утонул.

— Ты предлагаешь перейти реку вброд? — спросил Роджер. — Да нас сразу засекут! А выходить как будем? Ты же сам говоришь — у берегов очень глубоко?

Но Пирри, как и предвидел Джон, уже все понял.

— Моя задача — обезвредить пулемет, так? — сказал он. — А остальные?

— Я пойду с вами, — ответил Джон. — Конечно, стрелок из меня никудышный, но сделаю, что смогу. Роджер, ты должен быть начеку. Оказавшись под огнем с тыла, они тут же развернут пушки, и тогда вы перелезете через стену.

— Думаешь, получится? — с сомнением сказал Роджер.

— Да. Мне кажется, получится, — ответил Пирри.

Джон стоял рядом с Анной, задумчиво глядя на спящих детей. Дэви, Тихоня и Стив лежали, тесно прижавшись друг

к другу, Мэри — чуть в сторонке. Она спала, положив голову на сложенные ладошки. Джон вполголоса рассказал жене о плане Дэвида.

— Почему ты не согласился? — спросила Анна, когда он закончил. — Неужели только из-за Пирри? Господи, ну отделались бы от него как-нибудь. — Она поежилась. — Да убили бы, в конце концов! Сколько невинных людей уже погибло. И снова жертвы? Почему ты отказался? Может, еще не поздно?

Солнце уже зашло. В густых сумерках трудно было разглядеть выражение лица.

— Пирри меня вполне устраивает, — сказал Джон.

— Устраивает?!

— Да. Его хладнокровие лишь убедило меня, что я сделал правильный выбор. Да, мы добрались сюда страшной ценой. Да, все, что мы сделали, — грязно и отвратительно. Но я не ищу оправданий. Я только надеюсь, что в долине все будет по-другому.

— Так и будет.

— Дай-то бог. Вот почему я не стану платить за вход предательством.

— Предательством?

— Да. Бросить всех остальных сейчас — предательство.

— Я не понимаю тебя. А разве не предательство по отношению к Дэвиду то, что вы задумали?

— Дэвид связан по рукам и ногам. Он больше не хозяин в долине. Его слово здесь ничего не значит. Иначе мы были бы уже там. Подумай, Анна! Бросить Роджера, Оливию, Стива, Тихоню! Что ты скажешь сыну? А все эти бедолаги? Джейн... Пирри, да, и он тоже. Какое бы отвращение ты к нему ни питала, именно Пирри мы обязаны тем, что дошли сюда живыми.

— Я думаю только об одном, — ответила Анна, глядя на спящих детей. — Сегодня ночью мы уже могли быть в безопасности. И без кровопролития.

— Но с грязными воспоминаниями.

— Так или иначе, они у нас уже есть.

— Это совсем другое.

— Ты ведь здесь главный, кажется? — сказала Анна, помолчав. — Средневековый вождь. Так ты определил свой титул?

Джон пожал плечами:

— Разве это имеет значение?

— Для тебя — да. Теперь я вижу. Больше, чем наша безопасность и безопасность детей.

— Анна, родная моя, — нежно сказал он. — Что ты говоришь?

— Долг. Так это называется, да? Вовсе не Роджер с Оливией и не Стив с Тихоней, как ты тут расписал. Не их жизнь тебя волнует, а твоя собственная честь — честь вождя. Ты ведь теперь не просто человек. Ты — главарь.

— Завтра все будет позади. И мы забудем этот кошмар.

— Нет. Я чуть было не поверила тебе. Теперь мне все ясно. Ты изменился и никогда не станешь прежним.

— Это неправда.

— Интересно, — сказала она, — когда ты станешь королем Слепого Джилла, из чего тебе сделают корону?

Джон знал: самый опасный отрезок пути — между изгибом реки и точкой ярдах в пятидесяти от стены. Здесь тень холма не заслоняла лунный свет. Нужно было во что бы то ни стало проскочить это место, пока не взойдет луна, иначе все рушилось. В таком ярком свете они стали бы отличной мишенью.

Так и случилось. Почти двадцать ярдов Джон и Пирри были совершенно открыты. Оставалось только молиться, чтобы караульные не посмотрели в их сторону раньше, чем закончится полоса предательского света. Пирри шел первым, держа винтовку над головой. Вода доходила ему до груди. Река оказалась еще холоднее, чем ожидал Джон. Каждый шаг давался с неимоверным трудом. Несколько раз Пирри оступался на скользких камнях, и Джон поддерживал его. К счастью, шум реки заглушал все другие звуки. Наконец лунная дорожка оборвалась, растворившись в длинной узкой тени холма. Отсюда хорошо просматривались дорога и стена. Это было им на руку — иначе не помогла бы

даже меткая стрельба Пирри. Ярдах в десяти от стены Пирри остановился.

— Что случилось? — спросил Джон.

— Я устал, — тяжело дыша, выговорил тот.

Джон вдруг вспомнил, что Пирри — слабый пожилой человек. К тому же нелегкий переход и недавнее ранение, конечно, давали знать о себе. Джон обнял его за талию.

— Отдохните немного. Может, вернетесь? Я все сделаю сам.

Несколько секунд они стояли неподвижно. Пирри вздрагивал. Наконец он чуть отстранился и выпрямился:

— Все в порядке.

— Вы уверены?

Не ответив, Пирри пошел вперед. Вот и стена осталась позади. Джон обернулся. В мягком лунном сиянии четко обрисовывались фигуры часовых. Трое стояли на платформе, возле пулемета, и еще трое или четверо спали на земле.

— Здесь? — прошептал Джон.

— Пройдем еще ярдов двадцать, — ответил Пирри.

Голос его, казалось, окреп. «Все-таки железный старик», — подумал Джон, из последних сил продираясь через бурлящую воду. Сильное течение удваивало и без того чудовищную усталость.

Пирри встал, развернувшись против течения. Они уже продвинулись ярдов на двадцать пять в глубь долины.

— Видите вон того, справа? — показал Пирри. — Он ваш. А я разберусь с остальными двумя.

— Сначала — пулемет, — сказал Джон.

Пирри и не думал отвечать. Он поднял винтовку и прицелился. Чуть помедлив, Джон сделал то же самое. Выстрел резко и зло рассек тишину. Часовой у пулемета скорчился, вскрикнув от боли, упал, покатился к краю платформы и сорвался вниз. Джон выстрелил по своей мишени и промахнулся. Но самое удивительное, что Пирри, выстрелив во второй раз, тоже промахнулся. Опомнившись, часовые бросились к пулемету, судорожно пытаясь развернуть его. Новый выстрел Пирри достиг цели, и один часовой рухнул как подкошенный. Снова выстрел. Мимо. Внизу, под платформой полусонные защитники долины лихорадочно искали винтовки. Застучал пулемет. Стаккато звуков и огня взреза-

ло тишину. После нескольких неудачных попыток Пирри все же подстрелил свою третью жертву. Пулемет захлебнулся. Те, внизу, наконец открыли стрельбу.

— Лестница... — сказал Пирри, задыхаясь. — Не пускай их на платформу... — Ловким привычным движением он перезарядил винтовку, тщательно прицелился и уложил еще одного — уже на ступеньках платформы.

Джон вслушался — где Роджер? Им уже пора быть здесь. Внезапно он очнулся, услышав обессиленный голос Пирри:

— Возьми. — Он протянул винтовку.

— Зачем... — начал Джон.

— Дурак, меня зацепило!

Рядом жалобно просвистела пуля. Тут только Джон увидел, что рубашка на плече Пирри разорвалась и намокла от крови. Он бросил ружье в воду и взял протянутую винтовку.

— Держитесь за меня!

— Брось. Смотри за лестницей!

По ступенькам уже кто-то поднимался. Джон выстрелил, перезарядил винтовку, снова выстрелил. Человек на лестнице упал. Джон повернулся:

— Вот...

Но Пирри исчез. Джону показалось, что тело его мелькнуло в нескольких ярдах по течению. Нет, не видно — слишком темно. Он отвернулся к стене — наконец-то. На вершине вырисовывались неясные силуэты. Кто-то из его отряда уже добрался до пулемета и направил дуло вниз.

Джон увидел, как побросали ружья защитники крепости. Только сейчас он почувствовал, как сильно устал, и, дрожа от холода, стал пробираться к берегу.

13

Много лет назад, когда умер старый Беверли, в эту комнату они вошли вместе с Дэвидом, бок о бок, крепко держась за руки, испуганные, притихшие перед великим таинством смерти. С тех пор комната мало изменилась. Дэвид вообще не любил никаких новшеств...

— Милый, — сказала Анна. — Ты прости меня. Я ночью наговорила лишнего. — Он не ответил. — Теперь все изменится. Ты был прав.

...Вечером того бесконечного дня из Лепетона приехал стряпчий. Огласили завещание. Джон вспомнил, как смутился Дэвид, узнав, что земля и все деньги старика перешли к нему...

— Джон, не мучь себя, — говорила Анна. — Ты не виноват.

Джон вдруг вспомнил слова матери:

«Ты ведь не расстроишься? Правда, мой хороший? Ты не думай — дедушка тебя очень любил, он мне сам говорил. Просто он знал, что Дэвид хочет стать фермером, а ты — нет. А все деньги, что оставил твой отец, — твои. Ты сможешь получить прекрасное образование и стать инженером. Ты ведь хочешь этого, правда?»

Он кивнул, слегка обескураженный странной настойчивостью и серьезностью матери. Он всегда знал, что именно Дэвид станет хозяином Слепого Джилла, и ничего другого не ожидал. А тогда он вообще не мог думать о наследстве. Какие деньги? Какая земля?.. Что это в сравнении со смертью дедушки? Когда закончилась наконец отвратительная церемония похорон, Джон хотел только одного — как можно скорее забыть этот кошмар.

«Ты не будешь ни в чем нуждаться», — говорила мать. Джон нетерпеливо кивал, едва слыша ее, и мечтал, чтобы тягостный разговор поскорее закончился. Голос Хильды чуть дрогнул, но Джон не придал этому значения — за последний год она очень похудела. Он еще не знал тогда, что жить матери осталось совсем немного. И не догадывался, что сама она уже знает об этом...

— Джонни. — Анна подошла ближе и положила руки ему на плечи. — Выброси все из головы...

«А потом, — думал Джон, — каникулы с тетушками, внезапная смерть матери...» Утрата очень сблизила их с братом. Неужели, несмотря на все это, в его душе всегда таилась обида на Дэвида, даже ненависть к нему, в которой он никогда бы не признался и самому себе? И только из-за того, что Дэвид имел то, что имел? Нет, не может быть! Но неотвязчивая мысль раздражала и не давала покоя...

— Все будет хорошо. — Голос Анны доносился словно издалека. — Пусть все летит в тартарары, пусть даже мир превратится в руины, зато наши дети будут жить спокойно. Дэви станет возделывать землю... Ведь Дэвид так хотел этого, — тихо добавила она, взглянув на мертвое тело на кровати.

— И даже больше чем возделывать, — наконец ответил Джон. — Он будет ею владеть. А землица-то какая хорошая! Правда, Каин оставил Еноху побольше.

— Не говори так! Его убил Пирри. Ты не виноват.

— Разве? Не уверен. Конечно, легче всего обвинить Пирри во всех грехах, да? Он сгинул, тело унесло рекой. И наступил рай — молочные реки и кисельные берега. И никто не виноват!

— Джон! Это Пирри!

Он смотрел на нее.

— Пирри отдал мне винтовку. Он, наверно, уже знал, что с ним покончено. Потом, когда все было позади, я хотел выбросить ружье. Мы прошли через всю Англию, поливая дорогу кровью — кровью, пролитой выстрелами из этого ружья. Я еле выбрался на берег, оно мешало мне, я чуть не утонул, но не бросил ружья.

— Так в чем же дело — выброси сейчас. Ты не обязан его хранить.

— Нет, Пирри был прав — нельзя бросаться хорошим оружием. — Джон взглянул на винтовку, мирно лежащую на столе. — Подрастет Дэви, ему пригодится.

— Нет! — Вздрогнув, Анна отпрянула от него. — Когда Дэви вырастет, наступит мир.

— Енох был мирным человеком, — сказал Джон. — Он жил в городе, который выстроил для него отец. Но отцовский кинжал всегда носил на поясе.

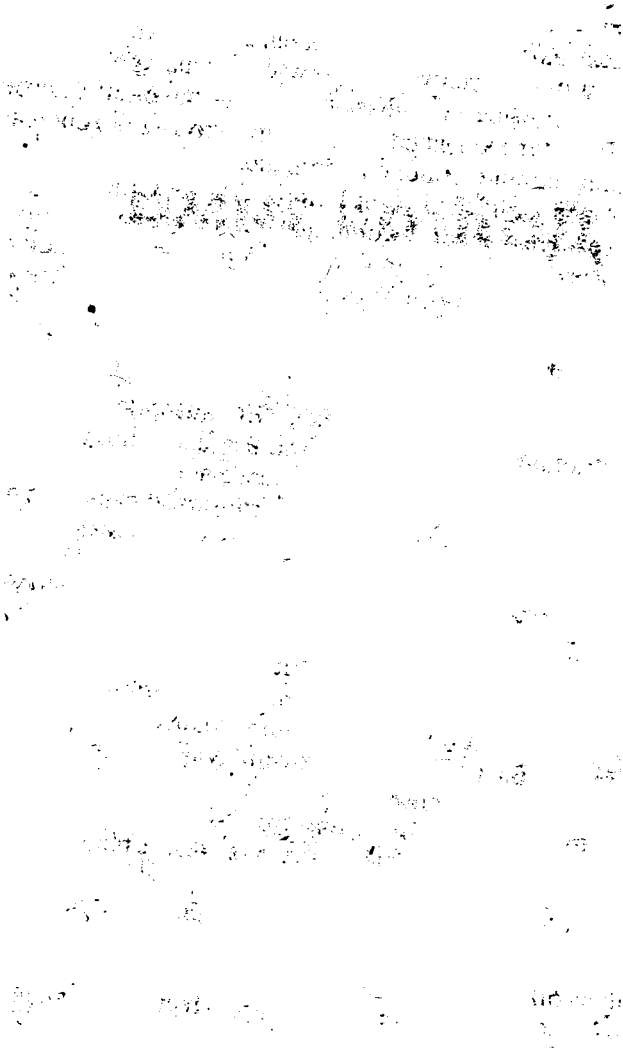
Джон подошел к кровати, наклонился и поцеловал мертвого брата.

Вдруг он вспомнил того убитого парнишку в канаве. Сколько времени прошло с тех пор? Несколько дней? Или века?

Джон выпрямился и пошел к двери.

— Куда ты идешь? — спросила Анна.

— Я должен построить город, — ответил он.

Долгая зима

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Человеку, зашедшему в читальный зал с улицы, в первую минуту казалось, что он попал в тепло, но это впечатление быстро рассеивалось. Чтобы как можно дольше протянуть на оставшихся запасах топлива, помещение отапливали скудно. Холод, настоявшийся под высокими сводами, обрушивался на скрючившихся за столами закутанных в пальто людей, с трудом переворачивающих страницы неуклюжими пальцами в перчатках. Ноги у некоторых были укрыты одеялами. Время от времени кто-нибудь вскакивал с места, чтобы восстановить кровообращение, принимался размахивать руками и притопывать тяжелыми башмаками по натертому паркету. Остальные еще больше погружались в свои книги с угрюмой решительностью людей, готовых пожертвовать всем, что любили, и смело взглянуть в лицо смерти.

Подняв голову и оглядев соседей, Эндрю Лидон приложил ладони к викторианской серебряной грелке для рук, подаренной ему женой. Мадлен раскопала ее в антикварном магазине и преподнесла Эндрю в день рождения вместе с кульком древесного угля, которым грелку полагалось топить. Однако теперь древесный уголь иссяк, и короткий срок службы нелепой вещицы, последовавший за долгим прозябанием без дела, подходил к концу. Эндрю подул в крохотные отверстия грелки и увидел оживший огонек. Скрип чьего-то стула заставил его снова обвести взглядом читателей. Он почувствовал жалость, смешанную с завистью. В самом недалеком будущем все они исчезнут в ледя-

ном водовороте; недолго осталось болтаться, подобно пробкам на поверхности тихой заводи: подводное течение скоро затянет в страшную воронку. Однако людям не было до всего этого дела. Седовласого человека с покрасневшими глазами, сидевшего по другую сторону прохода перед стопкой томов «Короля Артура», можно было застать здесь в любое время на одном и том же месте, всегда с одними и теми же книгами. Скоро ему наступит конец, но никто не заинтересуется судьбой исчезнувшего читателя, даже если прибравшая его смерть примет небывалые доселе формы, как ею не заинтересовались бы и в былые времена, когда причиной освобождения места в читальном зале стала бы пневмония, сердечный приступ или рак. Скоро зал совсем опустеет, а потом сюда неминуемо ворвутся мародеры, чтобы унести всю оставшуюся древесину и книги, которые пойдут на растопку. Наиболее редкие издания уже перекочевали в библиотеки Каира, Аккры, Лагоса, Йоханнесбурга; в ближайшие недели за ними последуют остальные. Однако мародерам все равно останется чем поживиться. Здешние читатели были вовсе не так глупы, чтобы рассчитывать на отсрочку приговора — что для библиотеки, что для самих себя. Эндрю завидовал их рассудительности.

В зале погас свет — экономия электроэнергии. Остались гореть лишь лампы на столах; через окна просачивалось промозглое серое мерцание. Эндрю подумал об Африке: раскаленное солнце, нескончаемые пляжи вдоль синего океанского прибоя, зелень деревьев и травы. Трудно поверить, что они окажутся там всего через десять дней. И все-таки это будет. Скоро им предстояло вознестись над замерзшими просторами и взять курс на теплый юг. Там будет нелегко, зато тепло и безопасно. Человеку не больше одного, от силы двух раз в жизни позарез требуется везение. Сейчас настал именно такой момент.

Читатель с русой нечесаной бородой, запахнувшийся в грязный плащ, протопал по проходу и, остановившись перед Эндрю, вежливо осведомился:

— Нет ли у вас, случайно, лишней спички?

— Кажется, курить здесь все так же запрещено? — отозвался Эндрю. — Или изменились правила?

Просящий покачал головой:

— Я не курю. Это чтобы разжечь дома камин. У меня есть обо что чиркнуть. — Он выудил из кармана пустой спичечный коробок. — Мне хватило бы всего одной спички.

— К сожалению, нет.

Эндрю мог бы одолжить ему зажигалку; она не понадобится до возвращения домой, а у Мадлен была своя. Но так можно лишиться почти полностью заправленной газовой зажигалки — слишком ценной вещи, чтобы идти на риск.

— Простите за беспокойство, благодарю вас, — сказал бородач и зашагал дальше по проходу.

Эндрю видел, как он обращается со своей просьбой еще к нескольким читателям. Ответ был неизменно отрицательным. Бородач остановился в дверях, оглядел напоследок зал с безнадежной мольбой во взгляде и скрылся. Эндрю чуть было не сорвался с места и не поспешил за ним с зажигалкой в вытянутой руке. Все равно ведь останется еще одна, и этого будет достаточно на несколько дней до отъезда; бедолаге же придется возвращаться в промерзшую комнату, простившись со всякой надеждой на тепло. Но Эндрю так и остался сидеть. Вдруг Мадлен потеряет свою зажигалку или в ней кончится газ? В эти дни было слишком опасно идти на риск. Холод препятствовал милосердию.

Эндрю снова взялся за толстую подшивку «Таймс». Будучи одним из редакторов программы, он обычно не занимался розысками материалов самостоятельно, однако теперь все пошло наперекосяк. Популярной программе «На сон грядущий» предстояло показать зрителям прощальный документальный сюжет — о том, что же все-таки стряслось и почему. Пройдет еще день-другой, и передатчики отключатся, экраны погаснут. Только к тому времени он уже будет в Африке...

Напряжения не хватало, и лампочки светились вполнакала. Эндрю неуклюже перелистывал подшивку, всматриваясь в даты и заголовки и погружаясь во времена, когда неуверенным догадкам и сомнительным прогнозам отводились скромные места, а заголовки звучали примерно так: «Информация со спутника подтверждает снижение солнечной активности». Все началось гораздо раньше; люди же как ни

в чем не бывало продолжали умирать, любить, убивать, появляться на свет, становиться жертвами предательства. Связи между мировыми катастрофами и событиями в жизни отдельных людей почти не просматривалось. В день гибели Хиросимы кто-то праздновал день рождения, кто-то венчался, кто-то, наблюдая, как издыхает на лужайке любимый пес, прощался с детством...

Наконец он нашел то, что искал: сообщение о невразумительном докладе неизвестного итальянского ученого на малозначительной конференции. У сообщения не было даже заголовка, только пояснение: «Предположение о цикличности солнечной активности». Доклад Фрателлини излагался всего в пяти строках; дальше в заметке речь шла о магнитных полях Земли.

Какая маленькая стрелка, подумал Эндрю с иронией, а ведь она указала на довольно крупные события — на гибель всего мира и на то, как у него самого выросли рога.

2

Сейчас, оглядываясь назад, было почти невозможно вспомнить, хорошим ли выдалось последнее лето. Статистика говорила о четвертом месте по засушливости и о третьем — по солнечным дням за все столетие. Однако предыдущие годы, с которыми можно было бы сравнить последнее лето, безнадежно перемешались в памяти. Лишь одно воспоминание до сих пор звучало в сердце мощным мажорным крещендо — любовь, ставшая водоразделом, как будто взметнувшимся над сумрачной долиной забытья... Погода ощутимо портилась лишь дважды — в июле и в начале сентября. Остальное время небо оставалось безмятежно голубым, а ненастья казались лишь паузами, в которых природа готовила людей к еще более лучезарным дням. Европа, от Сицилии до скалистых фьордов Норвегии, нежилась на солнышке.

В жизни Эндрю все представлялось в те дни не менее ясным. Работа соответствовала сразу трем критериям, га-

рантирующим удовлетворение: она была Эндрю по душе, он не сомневался в своих профессиональных способностях, к тому же его труд благосклонно одобрялся начальством. Тылом была семейная жизнь, наполненная всем, о чем только может помыслить мужчина.

Лидоны состояли в браке одиннадцать лет и имели двух сыновей, десяти и восьми лет. К моменту замужества Кэрол была удивительно красивой девушкой; она не утратила красоты и к тридцати с небольшим годам. У нее были густые каштановые волосы, голубые глаза, чистая кожа, тронутая румянцем, а черты лица не только отличались правильностью и соразмерностью, но и сулили мужчине довольство и покой. Последнее впечатление оказалось обманчивым: в ее натуре обнаружилось куда больше эгоизма и лени, нежели великодушия. Однако ее пороки не выходили за пределы терпимого, жизнь с нею не становилась из-за них труднее. Кэрол брала простотой и естественностью, не изменявшими ей ни в кризисные моменты, ни при обычных осложнениях, какими изобилует семейная жизнь. Эндрю справедливо полагал, что все это с лихвой компенсирует ее недостатки. Его влекло к жене, ее тело по-прежнему его возбуждало. Самое главное, Эндрю гордился ее красотой, самим ее присутствием рядом с ним, и даже спустя одиннадцать лет не переставал удивляться своему семейному счастью. Он никогда, даже на мгновение, не сожалел о сделанном выборе, никогда не чувствовал к другим женщинам ничего, кроме мимолетного желания.

К сыновьям Эндрю относился с непредубежденной, трезвой привязанностью. Старший, Робин, был агрессивным, непоседливым ребенком, способным на блестящие результаты в учебе при условии, что предмет ему интересен. Робин внешне был похож на отца: высокий, худой, слегка сутулый. Эндрю замечал, что Робин чувствует себя одиноким, однако не решался прийти к нему на помощь из опасения, что потерпит неудачу.

Джерими был совсем другим: широким в плечах, с замедленными движениями, целеустремленным, добродушным и немного вялым. У него были глаза и лоб Кэрол, а волосы каждое лето выгорали добела. Он нравился взрос-

лым, а мальчишки его возраста автоматически признавали в нем лидера.

Оба учились в интернате. Эндрю всегда заранее предвкушал их возвращение домой в конце триместра, а потом на протяжении нескольких дней после их отъезда с трудом привыкал к порядку и тишине в доме; однако все остальное время он чувствовал себя вполне счастливым, погрузившись в обычную работу на телевидении и общение с друзьями. Кэрол писала детям каждую неделю; Эндрю иногда приписывал что-нибудь от себя.

Спустя неделю после отъезда мальчиков на Михайлов триместр* Мак-Кей, главный редактор, зашел в кабинет Эндрю, когда тот что-то диктовал секретарше. Мак-Кей был щуплым рыжеволосым человечком с личиком хорька и белесыми ресницами; у него была напористая манера разговора, призванная, по всей видимости, компенсировать недостатки внешности, в остальном же он был вполне приветлив. Эндрю легче работалось с ним, чем с прежним телевизионным начальством, так как он умел быстро принимать решения и в дальнейшем старался не вмешиваться в служебную деятельность подчиненных.

— Ничего, если я прерву вас? — спросил Мак-Кей. — Что-нибудь важное?

— История в Торпли, — ответил Эндрю.

Так называлась деревушка в графстве Суффолк, где разгорелся скандал с канализацией, которым собиралась заняться их программа: две тамошние коммунальные службы спихивали друг на друга ответственность и отказывались что-либо предпринимать. Тем временем некоторых местных жителей успели выселить в лачуги на окраине.

— Мы все равно не сможем воспользоваться этим материалом на текущей неделе — слишком мало прошло времени после Литтл-Шиптона. Ладно, Сью, думаю, ты можешь собирать манатки.

Они дождались, пока секретарша — спокойная, неглупая девушка, одевавшаяся с неизменным вкусом, — соберет бумаги и выйдет из кабинета.

---

* Осенний триместр, названный по Михайлову дню — 29 сентября. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Мы приглашены в одно местечко, — сообщил Мак-Кей.

— Куда и насколько? — спросил Эндрю. — Если надолго, то мне надо позвонить домой. Этот вечер должен был быть у меня свободным, помнишь?

— «Уинстон и Пек», с пяти тридцати до семи, но ты можешь улизнуть и через полчаса.

Это было название издательства средней руки, специализировавшегося на документальной и научной литературе, хотя иногда грешившего и неплохой беллетристикой. Эндрю озадаченно наморщил лоб:

— Стоящее дело? Что-то не припомню, чтобы у них ожидалось что-нибудь завлекательное.

— Мемуары лорда Бенчитта.

— Нам там нечем поживиться?

— Я думал сперва поручить Керли поколдовать над этим, но потом решил, что даже плохая реклама — слишком щедрый подарок для этой старой бестии. Нет, просто там будет один тип, с которым я хотел тебя познакомить. Некто Картвелл из министерства внутренних дел.

Эндрю знал, что Мак-Кей считает его большим специалистом по части общения с разными людьми и выуживания из них ценной информации. Собственные способности в этом деле Мак-Кей не без основания считал весьма скромными и уже неоднократно выставлял вперед Эндрю. Надо бы выяснить, что он задумал на этот раз.

— Так, вообще или для чего-то конкретного?

— И то, и другое. Такой человек всегда может оказаться полезным. Для начала попробуй выведать, знает ли он что-нибудь вот об этом.

Мак-Кей протянул Эндрю вечернюю газету и указал пальцем на статью, вызвавшую у него интерес.

— Видел, — кивнул Эндрю. — Нас ждет холодная зима. Разве Картвелл может располагать какими-то особенными сведениями?

— Солнце выделяет меньше тепла. Чем не сенсация?

— Различие весьма невелико, его улавливают только особо чувствительные приборы.

— Важна идея. Мы полностью зависим от солнца. Может получиться любопытный материал.

— И нам требуется мнение министерства внутренних дел?

— Вдруг им известно что-то еще? — Мак-Кей посмотрел на Эндрю и пожал плечами. — А может, и нет. Но тебе все равно не мешает познакомиться с Картвеллом. Теперь, после ухода Прайса в промышленность, у нас не осталось своего человека в министерстве внутренних дел.

В его голосе звучало раздражение. Эндрю усмехнулся:

— Очень неосмотрительный поступок. Всего-то удвоенная зарплата, сколько угодно денег на расходы, самая высокая пенсия. Какая ерунда!

Мак-Кей тоже улыбнулся.

— Ерунда, — подтвердил он.

— В любом случае я буду рад туда зайти, — сказал Эндрю. — В последний раз «Уинстон и Пек» порадовали хорошей выпивкой.

— Как всегда. Хотя Бенчитту стоило бы поднести яду.

Фирма «Уинстон и Пек», подобно многим своим конкурентам, долго путешествовала по разным адресам, пока не осела окончательно в новом офисе в Мейфэре, на одинаковом расстоянии от Керзон-стрит и от Гайд-парка. У двери поблескивала скромная медная табличка, служившая единственным указанием на то, что это не жилой дом. Аналогичные таблички висели и на всех окрестных зданиях; поблизости практически не было жилья. Напитки ждали гостей на втором этаже, в комнате, имевшей форму буквы «L». Когда-то здесь была гостиная, а теперь благодаря передвижным перегородкам размещались три директора. Из помещения временно удалили всю мебель, и взору посетителей предстала дюжина стульев в стиле регентства и два дивана. Эндрю и Мак-Кей застали почти всех гостей в сборе. Большинство напоминали пишущую братию, и поспешность, с какой они опрокидывали спиртное, свидетельствовала о солидной доле неудачников и алкоголиков среди приглашенных.

— А, это вы, Картвелл! — обрадовался Мак-Кей. — Вот, познакомьтесь: Эндрю Лидон, составитель программы.

Процедура представления в его нервозном исполнении свидетельствовала о полном отсутствии уверенности в собственных способностях по части цивилизованного общения.

— Рад познакомиться, — улыбнулся Картвелл. — Я уже говорил Мак-Кею, что всегда смотрю ваши передачи, когда выпадает такая возможность. Это одна из трех телевизионных программ, нечасто вызывающих рвотный рефлекс. Я бы даже сказал, лучшая из трех.

Во всех движениях этого невысокого улыбчивого брюнета сквозила природная живость. Костюм на нем был добротный, но, на взгляд Эндрю, чересчур светлый; на шее красовался галстук-бабочка, что тоже не вызвало у Эндрю одобрения.

Представив их друг другу, Мак-Кей воспользовался первой возможностью, чтобы улизнуть. Он поступал так и раньше — Эндрю находил это трогательным и в то же время слегка действующим на нервы.

— Иэн говорит, что вы служите в министерстве внутренних дел...

— Стоит ли уточнять? Разве грубая внешность не выдает государственного чиновника?

Эндрю улыбнулся:

— Не сказал бы.

— Слава богу! — Картвелл схватил бокалы с подноса у проходящего мимо официанта. — А то я уже встаю в оборонительную стойку. Надо будет за собой последить.

— Значит ли это, что вы не любите свою работу или считаете, что ее не следует любить?

— Скорее и то, и другое, но только понемножку. — Он заинтересованно взглянул на Эндрю. — Но вы верно мыслите.

Вместо того чтобы кружить в толчее, они проговорили, не отходя друг от друга, до конца приема. Дэвид Картвелл оказался, на взгляд Эндрю, хорошим собеседником, умеющим внимательно слушать. Что еще более ценно, он был наделен даром задушевности, не переходящей в навязчивость.

Когда пришло время расставаться, Эндрю сказал:

— Надо будет встретиться как-нибудь еще.

Картвелл кивнул:

— Знаете что, приходите пропустить рюмочку в воскресенье. Часиков в одиннадцать устроит? С женой. Денхэм-Кресент, семнадцать — знаете, где это?

— За угол от станции метро «Саут-Кенсингтон»?

— Вот-вот.

— Что ж, благодарю. С радостью придем.

Лишь когда они распрощались и Эндрю шагал по Парк-Лейн к автобусной остановке, он припомнил, что Мак-Кей поручал ему выведать у Картвелла что-нибудь насчет уменьшения солнечной активности, предвещавшего холодную зиму. Он слегка разозлился на себя за забывчивость. Единственным утешением служила явная пустячность поручения.

Кэрол попыталась было возразить против визита на основании шапочного знакомства. Она не любила входить в контакт, не имея возможности оценить, что за люди новые знакомые. В воскресенье она еще поговаривала о том, чтобы уклониться от встречи и заставить Эндрю принести за нее извинения. Однако, как следовало из откровенного признания Кэрол, прежние аргументы отошли в тень благодаря неприкрытому восхищению, которое всегда вызывали у нее дома на Денхэм-Кресент — стиль регентства, белая штукатурка и итальянские портики: ей не терпелось взглянуть, каковы они изнутри.

Их впустила в дом розовощекая брюнетка — нечто большее, чем гувернантка, и нечто меньшее, чем au pair* — проводившая их в гостиную с окнами, выходящими на улицу. Утро выдалось солнечным, и темная листва подстриженного кустарника томно лоснилась в маленьком садике у парадного.

Кэрол оглядела обстановку.

— Кое-что очень даже ничего, — заметила она. — Вон тот пузатый сундучок в углу...

Ей пришлось умолкнуть, потому что в гостиной появилась худенькая блондинка. Ей можно было дать лет двадцать пять. Она оказалась очень простенькой, что вызвало у Эндрю некоторое удивление: он ожидал, что у Картвелла будет более изысканная супруга.

До них донесся ее нервный, хрипловатый голосок:

— Мистер и миссис Лидон? Я Мадлен Картвелл. Дэвид сейчас спустится.

---

* домработница-иностранка, приехавшая в Англию для изучения языка (от *фр.* «на равных»).

Она чуть-чуть улыбнулась, готовая улизнуть, но в этот момент раздались стремительные шаги, и перед ними предстал Дэвид Картвелл. Он и сейчас выглядел франтом: на нем были модные серые брюки и бордовая шелковая рубашка; последняя вызвала у Эндрю не меньшее осуждение, чем его галстук-бабочка на приеме. Кэрол также не одобряла франтов. Оставалось надеяться, что это не отпугнет ее раньше времени: обычно первое впечатление перерастало у нее в стойкое предубеждение.

— Вы, кажется, не заблудились, — сказал Дэвид. — Здравствуйте, Энди. Миссис Лидон?

— Кэрол, — сказал Эндрю. — А это Дэвид.

Здороваясь с Кэрол за руку, Картвелл посмотрел на нее пристальным взглядом, после чего повернулся к Эндрю:

— Вы осознаете, какая у вас красивая жена? Надеюсь, что да. Хотя возможно, что и не до конца. Длительное обладание перерастает в привычку.

Кэрол слегка улыбнулась. Казалось, ее забавляет этот разговор.

— Не смущайтесь и не обращайте на него внимания, — приободрила гостей Мадлен.

Улыбка Кэрол обрела уверенность.

— Не буду, — пообещала она.

— Нет, просто писаная красавица, — не унимался Дэвид. — Ты согласна, Мадди? — Он перевел взгляд на Эндрю. — Я немного балуюсь цветной фотографией. Вот бы запечатлеть вашу жену! Не возражаете?

— Конечно, нет, — со смехом ответил Эндрю. — Ей придется раздеться прямо здесь, или у вас наверху есть студия?

Дэвид расхохотался:

— Я ограничиваюсь лицами. Взгляните — портрет Мадди. Моя работа.

Эндрю подошел поближе, чтобы разглядеть фотографию. Мадлен была снята в профиль, с чуть повернутой головой, на фоне чего-то расплывчатого, в коричневатых тонах. Даже такая искусная работа не смогла сделать ее ни красивой, ни даже просто хорошенькой, однако портрет выхватил изысканность отдельных черточек ее облика — лба, подбородка, нежной линии шеи; Эндрю вынужден был отметить про себя,

сравнивая фотографию с оригиналом, что последний обладает всеми этими достоинствами в полной мере.

— Да, — сказал он, — запечатлейте, сделайте одолжение. Только не забудьте дать один экземпляр мне.

— Непременно, — ответил Дэвид. — Так, что мы пьем? «Тичерс», «Хейг»? Джин, водка? Кажется, с прошлого Рождества у нас осталось немного шерри.

Кэрол уговорила Мадлен провести ее по дому, и мужчины остались одни. Девушка, впустившая гостей в дом, внесла серебряный сосуд с орешками и поставила его на миниатюрный столик. Дождавшись ее ухода, Эндрю сказал:

— До чего розовощекая девушка!

— Результат жизни в высокогорье, — ответил Дэвид. — Она из деревушки в Итальянских Альпах. Заберитесь на высоту полутора тысяч метров — и вы станете таким же. Разрыв мелких капиллярных сосудов — то ли от пониженного давления, то ли от зимнего холода. Возможно, от того и другого одновременно.

— Да, да, я вспоминаю, как много видел горящих лиц в Зерматте.

— Конечно. Приятная особа, вам не кажется?

Эндрю кивнул:

— Вполне.

— И соблазнительная. Если бы не ее простодушная католическая добродетель, пока еще, по-моему, не подвергшаяся порче, ее присутствие было бы обременительным для Мадди.

Речь Картвелла отличалась откровенностью, заставившей Эндрю пересмотреть свое первоначальное впечатление. Он мысленно перебрал в памяти знакомых, которые уделяли бы женщинам столь неприкрытое внимание, как Дэвид — Кэрол, хотя бы только на словах; нет, развратники действуют не так прямо, предпочитая обходные маневры. Однако замечание Дэвида в адрес гувернантки, в особенности его тон, вынудили Эндрю присмотреться к нему повнимательнее.

Отчасти для того, чтобы не поддерживать нового поворота беседы, отчасти в порядке вызова он молвил:

— Мадлен показалась мне очень милой.

— Еще бы! — согласился Дэвид. — Прямо не знаю, как ей удается меня выносить.

Та же тема всплыла неделю-другую спустя, когда мужчины встретились, чтобы хлебнуть пива за ленчем. К этому времени Картвеллы уже успели нанести ответный визит Лидонам в Далидж; состоялся также совместный поход в театр. Все указывало на то, что общению предстоит стать тесным. Дэвид достаточно нравился Эндрю и в смешанной компании, однако в отсутствие женщин он преображался: успокаивался, забывал о напыщенных речах. Пока они попеременно подносили ко рту тяжелые кружки, возвышающиеся на сверкающей дубовой стойке, Эндрю подумал, удивляясь собственной мысли: этот человек мог бы стать его другом. Подобное чувство ни разу не посещало его за последние десять лет. Со времени женитьбы он познакомился со многими людьми, но ни с кем не подружился.

— Мне нравится этот паб, — сказал Дэвид. — Потому, наверное, что здесь за стойкой всегда стоит мужчина, а не женщина.

— А чем тебе не угодили барменши?

Картвелл усмехнулся:

— Мадди зовет это атавизмом. Древняя, глубоко гнездящаяся потребность время от времени ускользать от женского пола. В любом из нас сидит вольный каменщик.

— В общем-то да. Хотя не могу сказать, что недоволен, когда женская рука наливает мне пива.

— Мой протест чрезмерен? Что ж, ты прав. Чаще всего я не могу устоять перед женскими чарами; отсюда и потребность в передышках.

В его признании не было слышно ни печали, ни хвастовства.

— Бывают мании похуже, — сказал Эндрю.

— Похуже, но не сильнее. Хочешь пообедать как следует или просто перекусить? У них тут сносные сосиски.

— Вот и отлично.

Дэвид подозвал бармена и заказал сосиски и булочки с маслом. Удостоверившись, что их кружки почти пусты, он добавил:

— И еще по пиву. — Он полез в карман за мелочью. — Все перерастает в привычку — тошнота, суета, все. Спустя год после того, как я пристрастился к пиву, я уже не мог переносить его вида. Сохранилось только стремление не отставать от других парней. Даже потом, когда я стал более выносливым, с меня всегда хватало одной пинты. Однако со временем мне стал нравиться этот вкус. Теперь я даже не замечаю, как пиво льется в желудок.

— Вот тут позволь тебе возразить. Конечно, многое утратило былое очарование, но глоток доброго пива — совсем другое дело!

Дэвид неожиданно расплылся в улыбке:

— Неплохие у них тут запасы, верно? Ладно, не обращай внимание на разочарованное бурчание, свойственное людям не первой молодости. Слишком много удовольствий и так мало озарений.

— Это ко мне подходит.

— И ко мне. В том-то и беда.

Выпивать на пару в середине дня два-три раза в неделю стало для них привычным. Кроме того, время от времени Дэвид затаскивал его к себе на Денхэм-Кресент, чтобы пропустить еще по рюмочке, а то и закусить. Обычно это происходило по вторникам и пятницам, когда транслировали «На сон грядущий». Сперва Эндрю беспокоился, не будет ли Кэрол возражать. Но стоило ему заикнуться об этом с нотками покаяния в голосе, как он услыхал:

— Господи, Энди, чего ради я стану возражать? Мне нравятся Картвеллы. — Она улыбнулась. — И я не буду подозревать, что ты ухаживаешь за Мадлен.

Настал его черед улыбнуться.

— Нет. Это весьма маловероятно.

— Разве что совсем чуть-чуть...

Минула еще неделя, и Дэвид, встретившись с Эндрю за ленчем в пятницу, сказал:

— Ты собирался заскочить вечерком, да?

— Если я приглашен.

— А что, тебе непременно подавай открытку с монограммой? Понимаешь, меня самого не будет.

— Что ж, тогда в другой раз.

— Нет, — сказал Дэвид, — ты должен прийти. Мадди будет тебя ждать.

— Если окажусь поблизости, загляну.

— Мне бы хотелось, чтобы ты обязательно зашел, — настаивал Дэвид.

— Это так важно? — удивился Эндрю.

— Дело в том, что моя вечерняя задержка — непредвиденное осложнение. Твое присутствие поможет ей взбодриться.

Эндрю пожал плечами:

— Раз ты так считаешь, то конечно...

— Я еще не принес ей своих супружеских извинений. Позвоню, когда вернусь в офис. И скажу, что ты зайдешь.

В тени стоящих полукругом разноцветных домов и густых деревьев царила прохлада, приятно контрастировавшая с жарой и гамом на Денхэм-стрит. Дверь отворила сама Мадлен. На ней были белые брюки и светло-голубая блузка, волосы гладко зачесаны назад. Эндрю не мог не заметить в который уже раз, что в ее неброской внешности чувствовалась какая-то свежесть, а от острых скул, обтянутых нежной кожей, трудно было оторвать взгляд.

— Входите, Энди, — сказала она. — Рада вас видеть. Прошу в гостиную. Джин, еще что-нибудь?

— А вы?

Она показала на свою рюмку, стоящую на столике:

— Чинзано с содовой.

— Мне то же самое.

Он наблюдал, как Мадлен наполняет бокал. Потом она вышла в кухню. Донесся звук открываемой дверцы холодильника, хлопок. Хозяйка вернулась и опустила в бокал кубик льда.

— Я точно не создаю вам хлопот таким приходом?

Она с улыбкой покачала головой.

— Вы виделись с Дэвидом за ленчем?

— Да.

— Он сказал вам, что задержится допоздна?

— Сказал. Я собрался было отложить визит, но он убедил меня, что вы не станете возражать.

— И объяснил почему?

— Почему вы не станете возражать?

— Почему он сам не придет.

— Нет. Я решил, что у него что-то неотложное на службе.

Она подала ему бокал, и Энди взял его со словами благодарности. Мадлен осталась стоять, глядя на него со странным выражением на лице, которое ему не удавалось расшифровать. Нечто смешанное с усталостью.

— Раньше я думала, что мужчины всегда доверяют друг другу свои тайны. Эту уверенность в меня вселил знакомый юноша, когда мне было девятнадцать лет. Он, во всяком случае, поступал, как выяснилось, именно так.

— Тайны? Насчет женского пола?

Мадлен уселась в кресло напротив и положила ногу на ногу. На ногах у нее были кожаные тапочки без каблуков с замысловатым золотым узором.

— «Женский пол» — какое милое выражение! Именно это мне в вас и нравится, Энди, — некоторая старомодность.

— Ладно, — буркнул он, — а теперь объясните, что я сделал не так.

— Дэвид вам действительно ничего не сказал?

— Значит, у вас тут проблемы? — неуклюже вырвалось у него.

— Ваша старомодность мне действительно по душе. Нет, он и не должен был ничего говорить, учитывая обстоятельства. — Она сделала ударение на последнем слове. — Ничего особенного — если разобраться. Дэвид встречается... с одной женщиной.

— Он сам вам об этом сказал? — удивленно спросил Эндрю.

— Нет. На этой стадии он обычно ничего не говорит. Никогда не могла понять, в чем тут дело — то ли он взаправду воображает, что обманывает меня, то ли попросту избегает неприятных разговоров.

Эндрю сделалось немного не по себе. Его все это не касалось, и вообще не стоит вести подобные беседы. Было

бы понятнее, если бы Мадлен поделилась своими неприятностями с Кэрол.

Он промолчал, и Мадлен продолжила:

— Вы не видите разницы, да? Обычно я не говорю о таких мелочах, Энди. — Она помялась, словно собираясь что-то добавить. — Ладно, не обращайте внимания.

Он был тронут ее несчастным видом.

— Мне очень жаль. — Эндрю запнулся. — Что вы имеете в виду, говоря об «этой стадии»?

Она пожала плечами:

— Дэвид рассказывает мне о своих увлечениях уже потом, когда все благополучно завершается. Так он понимает честность. И так добивается отпущения грехов.

— Вы его, конечно, прощаете.

— Конечно. — В ее голосе звучала легкая ирония. — Разве могут быть хоть малейшие сомнения?

— Все это, разумеется, просто детство, но взрослые иногда ведут себя как дети. Это несерьезно.

— Несерьезно? — Мадлен посмотрела на него в упор. — Несерьезно?

— Как бы понарошку.

— Признайтесь, Энди, вы когда-нибудь изменяли Кэрол?

— Нет, — сказал он, — не изменял. Нам обязательно обсуждать меня и Кэрол?

— Нет. — Ее голос звучал жалостно. — Обсуждать вас и Кэрол нам не обязательно. Простите меня, Энди. Мне не следовало навязываться. Тем более что вы наверняка не в силах помочь. Жаль, что ему не хватает ловкости, чтобы скрываться получше. Счастливому неведению нельзя иногда не позавидовать.

Чувство осуждения, которое Эндрю только что испытывал по отношению к ней, перешло на Дэвида. Он представил его в этот самый момент с девушкой, смеющимся и болтающим, и оскорбился за Мадлен.

— Хотите, я с ним поговорю?

— Поговорите с ним? — Она широко раскрыла глаза. — О его увлечениях? Не думаю, чтобы от этого был какой-то толк.

— А вдруг?

Она усмехнулась:

— Уверена, что нет. Выбросьте это из головы.

— Хоть в чем-то я мог бы помочь!

Мадлен окинула его задумчивым взглядом и улыбнулась.

— Кажется, можете. Мне нечего вам предложить, кроме pasta sciutta и остатков салата. Можете пригласить меня поужинать, если хотите.

Эндрю кивнул:

— С большой радостью.

3

В середине октября погода неожиданно испортилась, и гипотезы Фрателлини снова попали в заголовки: метели, просвистевшие над североамериканским континентом, молниеносно преодолели Атлантику и закрутились над Европой. В первое же утро снегопада улицы Лондона покрылись трехдюймовым слоем снега. Вскоре нескончаемые потоки автомобилей превратили снег в грязь, однако небо оставалось таким же свинцовым — снегопад все усиливался. Среди домов завывал ледяной северо-восточный ветер. Еще не наступил полдень, а газеты уже трубили о «Зиме Фрателлини». К следующему утру погода не изменилась, что послужило поводом для пространных комментариев и всевозможных догадок. В кабинете Мак-Кея, куда Эндрю явился по срочному вызову, репродукция картины Утрилло, изображающая заснеженный Монмартр, уже была заменена девушкой кисти Ренуара, утопающей в высокой летней траве. Мак-Кей ценил в искусстве термальные свойства.

— Я проглядел ваши наметки насчет Фрателлини. Давайте дадим это прямо в пятницу.

Мак-Кей поручил ему поработать над этой темой несколько недель назад, не считая тогда задание особенно важным.

— Нам пока недостает материала, — возразил Эндрю.

— Какого же?

— Мы хотели снять самого Фрателлини и его обсерваторию. Этим должна была заняться бригада, которая отправилась снимать раскопки в Ватикане.

Худое лицо Мак-Кея сморщилось еще больше.

— Придется обойтись тем, что есть. Главное — что у людей на языке. Вдруг уже через неделю об этом все забудут? Десять минут получится?

— Надеюсь, да. На сколько минут выпускать Уингейта?

— Боже, снова он?

— Мы за него заплатили.

— Контракты на определенный срок — полнейшая чушь. Бывают лица и голоса, которые трудно долго выносить. У вашего Уингейта именно такое лицо и такой голос. Ладно, покажете его минуты три — только смотрите, чтобы он не больно расходился!

— Он свое дело знает.

— Вот это-то мне и не по нраву. Все мы в своем деле что-нибудь да смыслим, иначе не проживешь. Но мы по крайней мере признаем, что знания наши не очень-то глубоки. А эти журналисты-ученые болтают так, словно для них не осталось никаких загадок. Как бы мне хотелось, чтобы он дал петуха!

— Это не пойдет программе на пользу.

— Ну, тогда пускай ошибется в своей еженедельной проповеди в воскресной газете. Могу я доверить все это вам, Энди?

— Да. Послать бригаде в Рим телеграмму об отмене задания?

— Об отмене?

— Чтобы не снимали интервью с Фрателлини, раз у нас все равно не найдется для него времени.

Мак-Кей немного поразмыслил:

— Нет, давайте оставим как есть. Вдруг еще придется его куда-нибудь вставлять. Скажем, по весне. Ретроспектива «Зимы Фрателлини».

— Если таковая будет.

Мак-Кей пожал плечами:

— Тогда «Что стало с "Зимой Фрателлини"». Так или иначе сгодится. Кроме того, у Билла Дайсона в Милане подружка. Он никогда не простит мне, если я лишу его возможности нанести ей визит.

* * *

В выходные снегопад прекратился. В субботу вечером и в воскресенье хлестал дождь, а в понедельник установилась холодная, но ясная погода, и в зябком лазурном небе проносились только маленькие облачка. Хотя в баре, где Дэвид и Эндрю назначили встречу, было тепло, даже душно, если не считать сквозняков от поминутно распахиваемой двери.

— По рюмочке виски? — предложил Дэвид. — Чтобы быстрее кончалась эта проклятая «Зима Фрателлини».

— Разве что по одной: полно работы.

— Как и у меня. Но мне легче ее выполнять с затуманенной головой. Видел в пятницу твою программу.

— Ну и какие будут замечания?

— Распространяем тревогу и уныние? Вся эта болтовня о ледниковом периоде...

— Мы всполошили министерство внутренних дел?

— Официально — нет. Но подбросили пищи для разговоров. Говорят, на следующее утро в «Харродз»* было столпотворение за лыжами.

— Это все Трэвор Уингейт. Мы подписали с ним контракт на дюжину выступлений, так что теперь приходится с ним мириться, в противном случае — прощайте денежки. Лучше бы было махнуть рукой на деньги, но бухгалтерия никогда на это не пойдет.

— Не нравится мне его усмешка, — сказал Дэвид. — Уж больно издевательская.

— Он совершенно лишен телегеничности, но нам потребовалось несколько его выходов в эфир, чтобы это осознать. Иногда так случается. Все, что нам остается, — это выпускать его на самые острые сюжеты, способные захватить публику. Вот мы и подарили ему ледниковые периоды.

— Самые робкие из зрителей, должно быть, перепугались не на шутку.

— Но мы же подчеркивали, что это крайне маловероятно!

---

* Один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона.

— Так, между прочим. И крупным планом — сползающие с гор Уэльса ледники и белые мишки, нежащиеся на солнышке на льду Заводи*.

— Воздействие на воображение зрителя — предмет нашей гордости.

— Я кое-куда заглянул, — продолжал Дэвид. — Создается впечатление, что существует несколько теорий о причинах ледниковых периодов. Причем наиболее здравая из них основана на учете колебаний в уровне солнечной активности. Ее автор — некто Пенк. Ты отдаешь себе отчет, что повсеместное уменьшение средней температуры всего на три градуса приведет к тому, что север Шотландии скроется под ледниками?

— Учти, я тоже не терял времени даром, — сказал Эндрю. — В образовании ледовых шапок больше повинны осадки, нежели температура воздуха. Сибирь расположена так же далеко на севере, как Гренландия, и там не менее холодно, а ледников нет и в помине. Облака, несущие влагу, не забираются так далеко в глубь суши.

— Черт побери, над нашими островами, затерянными среди морей, как будто вполне хватает набухших от влаги облаков!

— Как бы то ни было, уменьшение солнечной активности пока незначительно. Фрателлини рассуждает о двух-трехпроцентном снижении количества солнечной энергии, достигающей внешних слоев атмосферы. Колебания в таких пределах — нормальное явление, вызванное локальной, временной изменчивостью солнечной активности.

— Но у нас станет прохладнее, это уже точно.

— Раз-другой предстоит встретить Рождество со снегом. Может, снова будем поджаривать на льду Темзы бычка... Большинство авторитетов как будто сходятся с Фрателлини во мнении, что колебания не продлятся долго — скорее всего не дольше шести месяцев.

— А вдруг все-таки дольше?

— За истекшие шесть с половиной столетий европейские ледники дважды наступали и дважды ретировались. В

* Лондонская Заводь (Пруд) — участок р. Темзы у Лондонского моста, выше которого не поднимаются океанские пароходы.

начале четырнадцатого века они принялись было расти в западных Альпах, но в пятнадцатом все пришло в норму. К концу шестнадцатого века льды снова перешли в наступление — в восточных и западных Альпах, а также в Исландии. Рост продолжался и в начале девятнадцатого века, но потом ледники поджали хвосты. С тех пор площадь паковых льдов сокращается по всему миру. Возможно, сейчас снова наступает их время.

— Так что можно ожидать переполоха на бирже в связи с ростом курса акций компаний, производящих нагревательные приборы?

— Переполоха — не исключено. Но если это всего лишь временное понижение температуры, к чему склоняются климатологи, то позднее может начаться обратный процесс. Тогда жди повышенного спроса на лосьоны для загара. В нашем столетии преобладала тенденция к повышению температуры.

— Я бы предпочел гипотезу вашей программы, — сказал Дэвид. — Белые медведи — это, конечно, перебор, но ты только представь себе ясный денек, замерзшую Темзу, звонкие голоса в неподвижном воздухе, звон бубенчиков на санях, скользящих по набережной Виктории...

— Не знал, что ты так сентиментален.

— Все мы, циники-реалисты, слеплены из одного теста. Это наше средство защиты от самих себя. Раньше я коллекционировал рождественские открытки с зимними сюжетами и снегом: крестьяне, собирающие хворост на закате, домики на опушке, постоялые дворы и все такое прочее...

— И дрозды.

— Нет, дроздов я не коллекционировал. У каждого свои пристрастия.

— Что случилось с коллекцией?

— Меня постигло разочарование. Мои престарелые тетушки либо поумирали, либо ударились в религию и стали присылать мне картинки из жизни святого семейства. Так что теперь у меня сплошь репродукции классиков и так называемый юмор. Продолжать прежнее занятие не было никакого смысла.

— В этом году я попробую пополнить твою коллекцию.

— Буду очень тебе благодарен.

Эндрю взглянул на часы:

— Мне пора. Как насчет того, чтобы по-холостяцки пройтись вечерком по пабам? Кэрол отправилась в Илинг — решила навестить какую-то мерзопакостную особу, свою бывшую одноклассницу.

Дэвид покачал головой:

— Сегодня не получится. Может, заглянешь к Мадди? Все веселее вдвоем.

— Возможно. Там будет видно.

Однако вечер сложился иначе. Эндрю познакомился с молодым нигерийцем из группы стажеров, который, бесцельно слоняясь из комнаты в комнату, спросил у него, в какую сторону сворачивать. Причем английский его был до того правилен, а тон — столь меланхоличен, что Эндрю неожиданно для себя пригласил его поужинать. Эндрю привел нигерийца в свой клуб в надежде встретить там секретаря, проторчавшего большую часть жизни в Индии и относившегося к представителям небелых народов с не меньшей антипатией, чем Эндрю — к нему самому. Надежде не суждено было сбыться, но наивность и пылкая признательность молодого негра пришлись ему по душе, и вечер получился вполне приличным. Вернувшись, Эндрю не застал Кэрол дома. Он лег в постель и уже сквозь сон услышал, как открывается входная дверь.

4

Эндрю предстояло провести неделю в Швеции, чтобы подготовить специальную получасовую программу из традиционного цикла, посвященного разным странам мира. Он послал Картвеллам открытку с адресом своего отеля и утром того дня, на который был намечен отъезд, получил ответ. Мадлен выражала надежду, что командировка пройдет весело, и после ее окончания приглашала в гости. Между строк читалась необъяснимая срочность, что поставило Эндрю в тупик. Однако он сунул открытку в карман и в предотъездной суете совершенно забыл о ней.

После подобных поездок Кэрол всегда приезжала за мужем в аэропорт. Эндрю поднялся в бар, где они обычно встречались, и увидел жену сидящей в одиночестве за столиком лицом к двери. У нее был напряженный вид — должно быть, что-то испортило ей настроение. Придется выяснить, что стряслось, и ненавязчиво попытаться приободрить.

— Хэлло, дорогая, — сказал он. — Как здорово возвращаться!

— Ты хорошо провел время? Отлично выглядишь.

— Сносно. Слишком много ел и пил. Хочешь еще посидеть, или лучше двинем домой?

Кэрол недолюбливала аэропорты и обычно старалась там не задерживаться. Поэтому Эндрю удивился ее просьбе:

— Пожалуйста, еще одну порцию. Джин и мятный тоник.

Эндрю принес джин и виски для себя, решив уступить женской прихоти и не задавать вопросов. Он все равно скоро узнает причину. Пристальный взгляд голубых глаз вселял беспокойство; Эндрю поднял свою рюмку, чтобы заполнить паузу.

— Я собираюсь уйти от тебя, Энди, — произнесла Кэрол.

Он почувствовал, как по его плечам и спине пробежал озноб; оставалось надеяться, что дрожь не бросилась ей в глаза. Девушка за стойкой бара крикнула что-то своей напарнице; ее пронзительный, почти визгливый голос резанул слух. Эндрю сделал попытку взглянуть жене прямо в глаза, но это оказалось свыше его сил.

— Мне очень жаль, — продолжила Кэрол. — Думаю, о таких вещах надо говорить без обиняков.

Он посмотрел на ее пальцы, на покрытый ярким лаком ноготь и вспомнил, как она делает маникюр, вспомнил сразу все мелочи, все интимные секреты. Теперь он будет видеть ее только такой — одетой и собранной. Они станут враждовать или, возможно, сохранят дружеские отношения, но отныне Кэрол для него — чужая.

— Кто он? — выдавил Эндрю.

— Дэвид.

Час от часу не легче!

— Дэвид? Дэвид Картвелл?

— Да.

— Так это с тобой он встречался на протяжении последних недель?

— Конечно! — выпалила Кэрол с нетерпением в голосе.

Он взял себя в руки, чтобы не произнести очевидную банальность, готовую сорваться с языка, и примирительно сказал:

— Дорогая, не торопись. Подумай.

Она покачала головой:

— Нет, тут не о чем думать.

Эндрю не почувствовал уколов ревности, когда услыхал о Дэвиде; теперь же в нем закипела обида за жену. Для Картвелла это просто очередное приключение; Кэрол же отнеслась ко всему куда серьезнее. Придется объяснить ей все это, не причинив обиды. Задача не из легких.

— Дэвид... — начал он. — Мне не хотелось бы отзываться о нем дурно, вовсе нет, но я уже передавал тебе слова Мадлен...

— Что с ним подобное случается постоянно? Я знаю. Теперь это в прошлом.

— Думаешь, он остановится?

— Связывая себя с человеком, всегда рискуешь. Как ты рискнул со мной.

— На протяжении одиннадцати лет я выигрывал. И сейчас не желаю уступать.

Теперь уже Кэрол попыталась поймать его взгляд, но тоже потерпела неудачу.

— Не стоит все усложнять, ладно? Я имею в виду развод. Можно развестись по причине моей неверности.

— Надо еще выпить, — решил Эндрю.

Не получив ответа, он взял обе рюмки и направился с ними к бару. На этот раз он заказал двойную порцию виски. К моменту возвращения за столик у него была готова подходящая тирада.

— Дэвид — изумительная личность. Наверное, по части секса он тоже не промах. Во всяком случае, хватка заметна сразу... Мы женаты уже давно. Поэтому неудивительно, что так случилось. — Кэрол попыталась прервать мужа, но он не дал ей раскрыть рта. — Я знаю, что тебе все это кажется

серьезным. Возможно, это действительно серьезно — и для него, и для тебя. Возможно, тебе даже удастся его изменить. Но давай немного повременим, а там будет видно, а?

Скрывая подступающую злость, Кэрол бросила:

— Не утруждай себя разумными объяснениями. Может, предложишь, чтобы я еще раз хорошенько обо всем поразмыслила на трезвую голову?

— Не вижу в этом никакого вреда. — Теперь был готов рассердиться и он. — Представь себе, мне это вовсе не кажется таким забавным.

— Мне нужен Дэвид, — проговорила Кэрол. — И я прошу тебя не ставить нам палки в колеса.

— А дети?

— Мне бы хотелось оставить их. Ты можешь видеться с ними в любое время.

Эти рассуждения окончательно вывели Эндрю из себя.

— А потом Дэвид сообразит, насколько это серьезно, и пойдет на попятную, как это уже с ним случалось, — что ты предпримешь тогда?

Она устало вздохнула:

— Мы любим друг друга. Неужели тебе не понятно?

— Мне понятно, что ты влюблена. И что ему хочется, чтобы ты была уверена во взаимности.

— Слушай, — сказала Кэрол. — Я знаю Дэвида. Возможно, даже лучше, чем когда-либо знала тебя. Мы — люди одного склада.

Эндрю показалось, что он понял смысл ее слов.

— Если ты немного побесилась до замужества, то это еще не значит, что ты — человек одного с Дэвидом склада. При твоей привлекательной внешности... Но с тех пор прошло почти двенадцать лет!

— Неужели?

— Возможно, тебя одолела тяга вернуться в юношеские годы. Так случается с каждым. Это не значит, что ты действительно снова повела бы такую жизнь, будь у тебя выбор.

— Ладно, — решилась она. — Придется открыть тебе глаза. Надо же, а я-то беспокоилась, как бы ты чего не заподозрил! Насчет Джорджа Прайса, например.

— Джорджа Прайса?

— И других. Я никогда не расставалась с прежней жизнью, Энди. Тебе невредно будет это усвоить. — Кэрол откинулась на спинку стула, сложив руки на коленях. — Думаю, это принесет тебе облегчение.

Он снова поневоле содрогнулся и почувствовал, как по спине и ногам течет пот.

— Сколько же их было всего?

— Трое. Или четверо. Но до Дэвида все это не стоило твоего внимания. — Голубые глаза вновь уставились прямо ему в лицо. — По-моему, я никогда прежде не выставляла тебя из постели. Однако теперь я не смогу больше с тобой спать.

Эндрю почувствовал дрожь в ногах. Он уже ни о чем не думал — только бы избавиться от этого кошмара.

— Чего ты от меня хочешь?

— Пока можешь поселиться в гостинице. Или, если тебе угодно, переберусь туда сама.

— Нет, — сказал он, — уйду я. Так будет лучше.

— Получили мою открытку? — спросила Мадлен. — Я сомневалась, что она дойдет до вашего отъезда.

— Да, получил, — кивнул Эндрю.

— Мне трудно было подобрать слова. Я знала от Дэвида, что за сюрприз вас поджидает, но, разумеется, не могла написать об этом напрямую. Думала, вам не захочется больше здесь появляться, поэтому и решила послать открытку.

— Я бы все равно пришел.

— Я рада. Как у вас дела — то есть, я хочу сказать, где вы живете?

— Пока в гостинице. Еще не успел как следует оглядеться.

Мадлен печально улыбнулась:

— Наверное, мне негоже брать вас к себе жильцом. За это не преминут ухватиться судьи.

— А где Дэвид?

— Приятель, уехавший в Испанию, сдал ему свою квартиру. Недалеко от Кингз-Роуд.

— Мадлен, я ничего не понимаю. — Эндрю взглянул на нее; смотреть ей прямо в глаза не составляло для него ни-

какого труда — не то что с Кэрол. — Неужели вы уже тогда все знали? Ну, когда говорили об «одной женщине»?

— Была уверена, хотя и не до конца.

— Кэрол открыла мне, что... что это у нее далеко не впервые.

— Я догадывалась. Отсюда и интерес Дэвида. — В ее словах звучала горечь. — Моего мужа не привлекают добродетельные женщины. Думаю, это свидетельствует в его пользу.

— Но влечение длится недолго. Что ж, тогда поведайте мне, сколько пройдет времени, прежде чем угаснет очередная вспышка. Вы знаете его привычки, я же, по-моему, имею право на такую информацию.

— Он тоже попросил меня о разводе.

Наступила тишина.

— Отчего же такая серьезность на сей раз?

— В самом деле, отчего? В былые времена я ждала этого со дня на день. Но мне казалось, что это будет кто-нибудь помоложе. Кэрол старше меня на шесть лет.

— На семь. В июне ей исполнится тридцать два.

— Дэвид сказал, что ей тридцать один. — Они посмотрели друг на друга, и Мадлен разобрал смех. — Вот глупость, правда? Как будто лишний год имеет значение.

— Можно я налью себе чего-нибудь?

— Можно, конечно. Принесите и мне. Лучше виски.

Поставив рюмки, Эндрю произнес:

— В общем, все ясно. Оба много лет занимались жульничеством, так что им был прямой смысл объединиться. Все прошло как по маслу. Я остался таким же слепцом, каким был и раньше. А вы, как всегда, изъявили готовность закрыть глаза на его делишки.

— Сколько ни называй их жуликами, это делу не поможет. Кроме того, даже у жуликов есть чувства. Я недостаточно хорошо знаю Кэрол, чтобы понять, почему она влюбилась в Дэвида, — мне просто известно о его привлекательности. Что же до него — ну, она очень красива. Красивее, чем особы, чьи сердца он покорял раньше. А потом, раз уж она ответила взаимностью... Да, он никогда не интересовался добродетельными женщинами. Для Дэвида суще-

ствовал только физический аспект отношений. Он был настолько увлечен своим умением покорять их тела, что до сердец дело просто не доходило. Лишь Кэрол привязалась к нему по-настоящему. Дэвид чувствовал бы себя виноватым, если б не ответил на ее любовь.

— А вы? Как насчет вины перед вами?

— Бывают разные степени вины, правда? Я сама подложила себе свинью, не следовало закрывать глаза на его проделки. Вина Дэвида словно бы уменьшилась после всех его прежних признаний. Бросая меня ради Кэрол, он смотрит на это просто как на более серьезный обман по сравнению с тем, что бывало раньше. Вот обмануть ее — значило бы совершить настоящее предательство. Кроме того, Дэвид утешается мыслью, что так будет лучше и для меня — ведь я лишусь дурного мужа. — Мадлен попробовала изобразить на лице улыбку. — Собственно, он уже говорил мне об этом.

— Да, похоже, вы хорошо его знаете, — сказал Эндрю.

— А вы избавляетесь от дурной жены. Нам обоим неслыханно повезло и надлежит испытывать благодарность: мне — к Кэрол, вам — к Дэвиду. Иначе это тянулось бы еще долгие годы. А то и всю жизнь.

— Не знаю, что теперь делать, — пробормотал он. — Идя к вам, я еще не понимал, до какой степени это серьезно — для него. Я думал, что надо просто подождать — и все само собой рассосется.

Поставив рюмки на столик, Эндрю опустился в кресло. Мадлен встала, подошла к нему и положила свои холодные сухие ладони ему на лоб, примостившись на подлокотнике.

— Бедненький Энди, — прошептала она, — какой удар... Вы теряете не только близкого человека, но и невинность. Я была бы рада вам помочь.

Направляясь к Мадлен, Эндрю думал о том, как будет сочувствовать ей, а она — ему, однако сейчас ему сделалось горько от ощущения ее близости, напомнившей об утрате. Не зная, куда себя деть, он встал и отошел к окну.

— Я плачу по ночам, — призналась Мадлен. — Наверное, женщины счастливее мужчин.

Он повернулся к ней лицом и попросил:

— Скажите что-нибудь еще.

— Что?

— Не имеет значения.

Она печально улыбнулась:

— Да, ни малейшего.

5

Дэвид уже сидел в баре, облокотившись о стойку, когда появился Эндрю.

— Привет! Тебе как обычно?

Секунду поколебавшись, Эндрю пожал плечами:

— Благодарю.

Перед ним немедленно появилась полная кружка, оставалось только поднести ее к губам. Дэвид ухватился за свою.

— За здоровье и благополучие! — провозгласил он и, поставив кружку на стойку, добавил: — Рад, что ты пришел. По чести говоря, сомневался...

— Во всяком случае, я пришел сюда не из удовольствия тебя видеть.

— А для чего? — спросил Дэвид с улыбочкой.

— Полагаю, нам надо выяснить кое-какие детали.

— Пусть этим занимаются адвокаты. Энди, мне и вправду жаль, что все так вышло. Возможно, тебе трудно в это поверить, но так оно и есть.

— Главное в тебе — даже не беспринципность, а безответственность, — произнес Эндрю с холодной яростью. — Ты не в состоянии понять, что у твоих действий могут быть последствия.

— Как раз в состоянии. Но я считаю, что следует спасать из развалин только то, что еще можно спасти.

— На твоих условиях?

Дэвид пожал плечами:

— На самых лучших, взаимосогласованных условиях.

— Уже несколько недель ты спишь с моей женой и продолжаешь встречаться со мной так, как будто мы остаемся друзьями.

— Никаких «как будто». У меня началось с Кэрол еще тогда, когда я тебя почти не знал — в первый же раз, когда вы пришли к нам пропустить рюмочку. Учти, что я разглядел в ней кое-что такое, чего ты за все время супружеской жизни так и не удосужился распознать.

— Ты очень откровенен насчет своей будущей жены, — с горечью сказал Эндрю.

— Да. Буду откровенен и насчет самого себя. Даже если бы ты тогда уже был моим другом, все вышло бы точно так же.

— Конечно. Ты всегда хватаешь желаемое, не считаясь с законным владельцем.

— Человек — не собственность. Мы вольны в своем выборе, Энди. Я — такой же противник насилия, как и все вокруг.

— Любящие дают друг другу обязательства. А обязательства предполагают ответственность.

— Ты слишком серьезно относишься к людям.

— Думаешь, это плохо?

— Наверное, все зависит от подхода. Когда речь шла о бессмертных душах и об опасности навечно угодить в пекло, приходилось поневоле относиться к самому себе без всяких шуток. Теперь угол зрения изменился.

— Угол зрения — еще не стандарт поведения.

— Но влияет на него. В тот самый момент, когда ты утрачиваешь веру в Ревнивого Бога и в заповеди Моисея, земля скрывается из виду, и каждый становится сам себе штурманом. Вот ты толкуешь об ответственности... Мы ответственны за себя, перед собой — вот и все. Еще за детей, которые могут у нас появиться, но это уже побочная ответственность. Когда интересы детей ставятся на первое место, это причиняет им больше вреда, чем пользы. Уж это-то я хорошо знаю: моя матушка была готова идти ради меня на любые жертвы.

— Ты прямо какой-то выродок, — не сдержался Эндрю.

— Да, причем в обоих смыслах этого слова. Наверное, этим и объяснялась степень ее самопожертвования. А еще я — реалист.

— Извини, не знал, — произнес Эндрю деревянным голосом.

— Я не пытаюсь тебя пристыдить, — усмехнулся Дэвид. — И извиняться тоже не буду. Мальчишки никогда меня не дразнили, а матушка была вполне состоятельной и выдавала себя за молодую вдову. Я находился в неведении, пока не поступил в Оксфорд. Там мне раскрыли глаза, но это не произвело на меня сильного впечатления. Тщательно все взвесив, я пришел к заключению, что в свободном плавании находятся не одни лишь выродки. Это — практика, распространяющаяся на всех.

— Однако существуют кое-какие правила, и некоторые их соблюдают.

— Возможно. Но не найдется и двоих людей, которые следовали бы одному и тому же кодексу. Да и откуда берутся правила? Вряд ли до сих пор сыщется достаточно много легковерных, готовых проглотить идею о скрижалях, сверкающих с горной вершины. Приходится выдумывать собственные правила. Да еще уважать законы страны. Но убери с улиц полицейских — и что получится?

— Кое-кто станет безобразничать. Поэтому остальным, большинству, придется создавать новые полицейские силы.

— Да. Чтобы обеспечить себе спокойную жизнь. Чтобы мирно спать по ночам. Абстрактное добро здесь ни при чем, Энди.

Ему была присуща откровенность, искренность, оставлявшая собеседника безоружным; в присутствии Дэвида становилось невозможным испытывать к нему антипатию. Он окинул Эндрю почти по-мальчишески невинным взглядом и заявил:

— Мы и дальше будем видеться, правда? И не только ради выяснения практических деталей.

Да, не только ради этого. Дэвид был единственной ниточкой, связывавшей его с Кэрол; порвать с ним означало потерять всякую возможность оставаться в курсе ее дел.

— Мак-Кей снова затеял сегодня утром старый разговор, — сказал Эндрю. — До него дошли слухи, что правительство стало относиться к «Зиме Фрателлини» более серьезно, поэтому он попросил вытянуть что-нибудь из тебя.

Пришлось воспользоваться старым предлогом, о котором уже давно не было речи, но ничего не поделаешь.

— Если наши встречи не прервутся, мне совершенно все равно, какова их причина. Что касается слухов, то, думаю, они исходят от ребят из ведомства энергетики и топливных ресурсов — хотят обезопасить себя от повторения истории 1947 года. Сейчас мы закупаем впрок американский уголь.

— Есть ли что-нибудь новенькое об уменьшении солнечной активности?

— Ничего из ряда вон выходящего. Активность продолжает падать. Американцы рассчитывают получить новую информацию с недавно запущенных спутников.

— И никто не тревожится всерьез?

— Думаю, в Совете по углю, наоборот, потирают руки. Было большое перепроизводство, едва отделались от излишков, а теперь нахватали новых заказов. Кстати, ты заметил, как взлетели акции нефтяных компаний?

— Это все дурь, больше ничего, — сказал Эндрю и с прежней горечью продолжал: — Холод неприятен только тогда, когда ты оказываешься в его власти незащищенным. А так даже любопытно понаблюдать из окна уютной натопленной комнаты за озябшими прохожими на улице.

После затянувшейся паузы Дэвид ответил:

— Не думаю, что так и будет, Энди. — Он приподнял кружку, демонстрируя, что она пуста. — Ну, поставишь мне еще?

Дети приехали домой на короткие каникулы, и Эндрю виделся с ними всего два раза. Все остальное время они провели с Кэрол. Однако провожать их на вокзал Ватерлоо явились оба.

Все ученики из их частной школы набились в один поезд; в окнах мелькали лица мальчиков и юношей в возрасте от восьми до восемнадцати лет, а на платформе толпились родители. Эндрю был из небогатой семьи и поэтому учился в обычной классической школе. Когда ему было лет тринадцать, он единственный раз видел такой же забитый важничающими мальчишками состав, и теперь подивился, насколько же все осталось по-прежнему. Системе удалось восторжествовать над средой. Он не знал, счастливы ли его сыновья; оставалось надеяться, что счастливы.

— Где мое письмо заведующей? — спросила Кэрол.

— Кажется, где-то здесь, — ответил Робин.

— Поищи получше.

Мальчик пошарил по карманам и нашел письмо.

— Все в пятнах от ириски, — всполошилась Кэрол. — Нет, не отойдет. Оставь в этом конверте, а когда приедешь в школу, переложи в чистый.

— Она решит, что я специально вскрыл письмо, если увидит на конверте мой почерк.

— Вряд ли. Там нет ничего особенного. Просто насчет снимков.

— Заведующая — ходячий ужас, — сказал Джерими.

— Хитрющая, — пояснил Робин.

— Тогда отдайте ей испачканный ириской конверт и объясните все как есть, — предложил Эндрю.

— Это вызовет у нее еще больше подозрений, — сказал Робин. — Что ж, придется попробовать. Кажется, мы сейчас тронемся.

Кэрол подставила лицо для поцелуя. Мальчики потрясли Эндрю руку.

— Будьте молодцами, — напутствовал их Эндрю.

— И вы, — откликнулся Робин. По его лицу пробежала тень сомнения. — Наверное, лучше мы станем писать вам обоим? По отдельности?

— Можете черкнуть мне пару словечек, когда выдастся время, — сказал Эндрю. — В студию, у меня пока нет постоянного адреса.

— Ясное дело, — кивнул Робин.

— Нам повезло, что у нас такие смышленые дети, — сказал Эндрю, когда они покидали платформу.

— Да.

Он подал контролеру перронные билеты.

— Может быть, выпьем чего-нибудь, прежде чем разбежаться?

Кэрол неуверенно подняла на него глаза:

— Ну, не знаю...

— Ладно, ладно, даю слово, что не стану ничего подсыпать в твой джин.

— Хорошо, — улыбнулась она.

Идя рядом, они соблюдали точно отмеренную дистанцию: достаточно большую, но не слишком, чтобы не вызвать удивленных взглядов. Его рука время от времени касалась ее руки, и он бормотал слова извинения, думая, что проходит полезную практику в ведомстве жизненных нелепостей.

Эндрю поставил рюмки на маленький столик у двери буфета. Стол был довольно грязным, на нем громоздился поднос с использованной посудой. Рядом полная женщина громогласно призывала к порядку троих откормленных отпрысков.

— Есть ли в Британии хоть один вокзал, где бы можно было спокойно посидеть и выпить в приличной обстановке? Ненавижу вокзалы!

— Думаю, мы станем в конце концов просто друзьями, Энди, — сказала Кэрол. — Но пока слишком остра память о разрыве. Если мы будем часто видеться, ты обязательно станешь демонстрировать обиду.

— А если мы не видимся, то я будто и не обижаюсь?

— Хотя бы не показываешь обиды.

— Тут есть существенная разница?

— Я и без того буду мучить себя упреками. Может, не так настойчиво, зато я по-прежнему буду тебя уважать.

— Это крайне важно. Ты даже представить себе не можешь, до чего это важно!

— Ну вот, демонстрируешь обиду... Я эгоистка, да?

На Кэрол был голубой шерстяной костюм, под цвет глаз. Высокий ворот закрывал шею, гладкая ткань облегала грудь. До Эндрю донесся запах незнакомых духов — скорее всего подарок Дэвида. С каждым днем она все больше отдалялась от той жизни, какой они жили недавно вдвоем; с каждым днем возвращение становилось все более немыслимым.

— Я вижусь с Дэвидом. Вот когда, наверное, обида должна проявляться больше всего. Или ты воображаешь, что в счастливом будущем, нарисованном твоим воображением, я смогу дружить с тобой, оставив побоку твоего мужа?

— Пусть Дэвид сам разбирается с этим. Но не думаю, чтобы твоя обида стала заботить его столь же сильно, как

меня. Да и ты не сможешь слишком долго глядеть на него зверем.

Эндрю был вынужден согласиться.

— Очарование беспринципности, — определил он. — Мечта всякой женщины.

— Ты снова за свое! Если бы я на это реагировала, то только рассерженно. А Дэвид умеет обратить все в шутку. Ты бы просто покатился со смеху.

А он еще питал надежду на сближение! Ничего конкретного, никаких чувств — просто прощупать, не утратила ли страсть частички недавнего накала, просто обрести хотя бы призрачную надежду, что путь назад не заказан. Теперь Эндрю понимал, насколько тщетными были его мечты, и предпочитал помалкивать.

— Я рада, что вы с ним встречаетесь, — сказала Кэрол. — И что ты видишься с Мадди.

Она употребила то же уменьшительное имя, которым пользовался Дэвид, — еще один намек на ее близость с другим и на его, Эндрю, отверженность. Бог знает, была ли это любовь, но он еще никогда в жизни так ее не хотел. Эндрю припомнил их первую встречу, на летней вечеринке: на Кэрол было красное платье с кисеей, и она флиртовала со Стивом Уилтширом. Молва считала их любовниками. Эндрю вспомнил и желание, и обжигающую ревность, и ясное осознание того, что он ей совершенно не пара. Только на этот раз все было во сто крат хуже.

— Итак, дела устраиваются наилучшим образом, верно? — саркастически произнес он.

Кэрол встала и натянула белые шелковые перчатки.

— Не поможет, Энди. Мне пора. Спасибо за угощение.

6

В первых числах ноября началась вьюга, а следом, когда еще не успел растаять снег, скопившийся в канавах и в садах, разразилась еще одна, куда более свирепая и ледяная. Потом снег валил уже без сопровождения ураганного ветра,

зато почти не переставая. К концу месяца столбик термометра опустился ниже нуля и застыл. Переполненные поезда и автобусы еле ползли в Лондон и обратно по обледеневшим рельсам и дорогам. Запасы угля быстро таяли, в прессе и по телевидению людей вовсю призывали экономить топливо. В первую неделю декабря метели почти прекратились, и среди туч стало иногда проглядывать водянистое солнце; однако за день успевал подтаять только верхний слой снега, который тут же застывал с наступлением сумерек. Вскоре снегопады возобновились.

Пережив первый шок и привыкнув к неудобствам, люди примирились с новыми условиями существования. Со временем транспорт стал ходить получше; рано поутру в город въезжали грузовики, разбрасывавшие по асфальту мелкий песок, на железных дорогах постоянно трудились бригады, очищавшие рельсы, переезды и путевые знаки от наледи. На лондонской бирже резко поднялась стоимость акций нефтяных компаний, перегруженные танкеры везли на север все имеющиеся в мире излишки нефти. В обеденный перерыв чиновники катались на коньках на льду Серпантина* и других водоемов в королевских парках; смотрители, сперва пытавшиеся их усовестить, вынуждены были смириться. По мере приближения Нового года песенка «Белое Рождество», сперва настойчиво звучавшая на всех волнах, была предана забвению. В голове списка «Поп-парад» прочно утвердился перевод немецкой баллады, родившейся в темные дни Второй мировой войны:

Все наши беды уносятся прочь,
Мы замерзаем, но знаем:
Пусть в декабре воцаряется ночь —
Солнце согреет нас в мае.

От этой тоскливой мелодии некуда было укрыться.

Кэрол предстояло взять к себе мальчиков на Рождество, а Эндрю — на Новый год. До самого утра в сочельник он все еще питал надежду, что Кэрол пригласит и его — хотя бы на праздничный обед, однако так ничего и не дождался.

* Искусственное озеро в Гайд-парке.

Зато во второй половине дня случилось неожиданное: в телестудию позвонила Мадлен.

— Если у вас есть свои планы, так и скажите, Энди иначе — как насчет того, чтобы навестить завтра меня?

— Вы будете одна?

— Собственно, да.

— Очень мило с вашей стороны, Мадлен. Я тоже думаю, что нам стоит согреть друг друга рождественскими пожеланиями. Только не вздумайте утруждать себя стряпней. Лучше куда-нибудь сходим. Может, в «Дорчестер»*? Я слыхал, что там подают весьма приличный рождественский ужин.

— Нет, мы отлично пообедаем дома. Птица уже покрылась корочкой. Часиков в двенадцать?

— Договорились.

Немного поколебавшись, она добавила:

— Если передумаете или найдете более интересный вариант — просто позвоните.

— Не передумаю. До завтра.

Эндрю захватил с собой две бутылки шампанского. Дверь, как всегда, открылась просто от толчка плечом. Войдя, он услышал с кухни голос Мадлен:

— Кто там?

Она хлопотала над столом, облачившись в передник. Бледное лицо раскраснелось от жара.

— Простите, кажется, я заявился слишком рано. Просто подумал, что бутылкам надо охладиться.

Мадлен улыбнулась:

— Вот и чудесно. Поставьте их в холодильник и пойдите выпейте чего-нибудь. Мне потребуется еще полчаса.

— Лучше я принесу выпивку сюда, чтобы вам не было скучно.

— Тогда у меня найдется, чем вас занять, — пригрозила она.

— И все же рискну.

Вернувшись в кухню, он спросил:

— Вы знали вчера, что я не приглашен в Далидж?

Мадлен приняла протянутый ей бокал и слегка нахмурилась.

---

* Фешенебельная гостиница с рестораном на Парк-Лейн.

— Я разговаривала с Дэвидом. Он сказал, что Кэрол собирается побыть одна с детьми, а сам он может зайти ко мне, если здесь не окажется вас.

Эндрю поставил свой бокал.

— Вы вполне могли отменить нашу встречу. Я бы не обиделся.

— Это было еще до того, как я позвонила вам. Я сразу сказала ему, что собираюсь вас пригласить. — Она улыбнулась. — Разве не странно? Оказывается, я могу теперь его обманывать. Раньше у меня это никогда не получалось.

Мадлен вернулась к своим хлопотам.

— Это разумно, по-вашему? — спросил Эндрю.

— Что я сказала ему неправду?

— Что отказались его принять. Дэвид как-никак сделал шаг навстречу.

— Первый признак слабости. Думаете, он попытался бы затащить меня в постель? Я почти уверена в этом. Дэвид вполне мог бы не уйти отсюда. Кэрол приняла бы вас назад, и все бы вернулось на круги своя. — Она покачала головой. — У меня не осталось никаких иллюзий на свой и его счет. Просто он не любит одиночества на Рождество. Пикантно было бы соблазнить меня после развода. Но и тогда ничего бы не изменилось. Он все равно вернулся бы к Кэрол.

— Если бы она приняла его. Вы могли бы рассказать...

— Энди, дорогой, вы все еще не понимаете? Он сам бы ей все рассказал. Кажется, вы до сих пор в них не разобрались.

— Должно быть, — согласился он упавшим голосом.

— Если у меня и остался хоть малейший шанс вернуть Дэвида, то вовсе не через постель. Сейчас он испытывает хотя бы какие-то сомнения. Это не столь важно, но все-таки... — Мадлен ласково улыбнулась. — Кроме того, у меня есть вы. Это уже немало.

— Почему вы обманули его? Разве не правильнее было бы просто отказать Дэвиду, сообщив, что место занято мною?

— Ложь — всегда признак слабости, — тихонько сказала она. — Кстати, он предложил, чтобы я дала вам от ворот поворот.

— Этого следовало ожидать. А вы не согласились.

— У меня хватило на это сил. И я рада.

Стоя позади Мадлен, Эндрю ласково прикоснулся к ее руке.

— Я тоже рад.

Покончив с трапезой, они убрали тарелки в моечную машину и, перейдя пить кофе в гостиную, сели на длинный диван. В полтретьего на улице уже смеркалось. В окнах были видны белые контуры домов напротив, на них все ложился и ложился снег, извергаемый серыми небесами.

Поставив чашку, Эндрю поцеловал Мадлен. Им приходилось обмениваться невинными поцелуями и раньше. В этот раз все началось как будто так же, только теперь одиночество показалось обоим особенно невыносимым, а мир вокруг словно излучал покой и печаль.

— Нет, — сказала Мадлен, — нет, дорогой...

Ее голос прозвучал вяло, как-то жалобно. На ней было серое шерстяное платье с пуговицами спереди. Ее рука на мгновение задержала его руку, но потом упала.

— Прошу тебя, Энди...

Грудь была белоснежной, как улица за окном. Он прижался к ней губами. Мадлен лежала неподвижно; через некоторое время она коснулась его головы. Эндрю боялся, что Мадлен оттолкнет его, но она только сильнее прижала его к груди. Он почувствовал, как под губами трепещет ее сердце. Это был момент сладостного покоя, которому противопоказана спешка и нетерпение. Им было хорошо и удобно в объятиях друг друга; они не сразу обратили внимание на деликатное позвякивание телефона.

Прошло полминуты, а телефон все не умолкал. Мадлен напряглась и сказала:

— Лучше я подойду, милый.

— Пусть звонит.

Она высвободилась и встала с дивана, застегивая платье.

— Я ненадолго, — шепнула она.

Он прикоснулся к ее шее:

— Не застегивай хотя бы верхнюю пуговицу. Обещаешь?

Она улыбнулась и кивнула:

— Хорошо.

Эндрю прислушался к удаляющимся шагам и к голосу, раздававшемуся в холле так тихо, что он не смог различить

ни единого слова. Потом шаги зазвучали снова. Мадлен вернулась в гостиную, но уже не приближалась к нему, а предпочла местечко у дальнего края стола.

— Это Дэвид, — сообщила она. — Спрашивал, здесь ли ты.

— Чего он хочет?

— Спросил, можно ли ему прийти и попить с нами кофе.

Ее пальцы машинально скользнули к вороту платья и застегнули верхнюю пуговицу.

— Черт! — выругался Эндрю. — Черт бы его побрал! Зачем ты согласилась?

— Прости, — взмолилась она и развела руками. — Что же мне еще оставалось?

— Когда он явится?

— Уже через несколько минут. Он звонил со станции «Саут-Кен». Прошу тебя, Энди, будь умницей. Я не позволю ему остаться здесь надолго.

— Конечно. Но с определенной точки зрения теперь уже не имеет значения, как долго он останется — четверть часа или весь день.

— Мы вели себя глупо, — сказала Мадлен. — Оба.

— Просто тебе так удобнее.

— Разве? — выдохнула она. — Разве?

Она крепко обняла Эндрю, но в этом объятии чувствовалась не страсть, а отчаяние. Мадлен не отпускала его до того самого мига, когда открылась входная дверь и в холле раздался голос Дэвида. Она поспешно пригладила волосы; ее лицо стало еще бледнее обычного.

Дэвид вошел в комнату и жизнерадостно провозгласил:

— Надеюсь, вы смиритесь с моим присутствием, хотя бы ненадолго. Я держался на булочках с яйцами, однако на стадии растворимого кофе понял, что с меня довольно.

— Есть холодная индюшатина. Могу разогреть на гарнир что-нибудь из овощей.

— Пока достаточно кофе. Потом возьмусь за сандвичи с индюшкой.

Мадлен вышла и вернулась с кофейником, чашкой и блюдцем.

— У нас с Энди есть планы на остаток дня. Надеемся, ты не останешься надолго.

— Вежливое замечание, тончайший намек. Нет, я не собираюсь злоупотреблять вашей добротой.

Дэвид одарил ее учтивой улыбкой. Мадлен собралась было что-то сказать, но передумала. Эндрю не дал ей собраться с мыслями.

— Кажется, все понятно, Дэвид? Или ты намерен закатить сцену ревности?

— Если бы я умел ревновать, то знал бы и стыд. На самом деле у меня был еще один мотив, чтобы заглянуть сюда, — скрытый, но вовсе не низменный. Я хочу дать вам обоим добрый совет.

— Ты и впрямь считаешь, что нам могут пригодиться твои советы?

— Не знаю. Это будет зависеть от того, воспользуетесь ли вы ими.

— Что за совет, Дэвид? — вмешалась Мадлен.

— Эмигрировать. Куда-нибудь на юг. Предпочтительнее в тропики.

— Я думал, что с паникой покончено, — презрительно бросил Эндрю.

— Она еще не начиналась, — спокойно возразил Дэвид. — Лучше, наверное, кое о чем вас проинформировать. Существует один документ, который до вчерашнего дня предназначался только для членов Кабинета министров. Сегодня же он доведен до сведения высокопоставленных чиновников, которым предстоит заняться мерами предосторожности. В прошлом году я получил повышение по службе, так что теперь вхожу в их число.

— Ты готов доверить мне такую конфиденциальную информацию? — удивился Эндрю. — Несмотря на род моей деятельности и, так сказать, личные обстоятельства?

— Да, готов. Хочу, чтобы ты уговорил Мадди. Да и что я теряю, если произойдет утечка информации и станет ясно, что ее источник — я? — Он криво усмехнулся. — Пенсию?

— О чем же речь, Дэвид? — не вытерпела Мадлен.

Дэвид извлек бумажник и продемонстрировал записи на свернутом листке.

— Помнишь разговор о вашей программе, посвященной «Зиме Фрателлини»? — обратился он к Эндрю. — Ты сказал тогда, что поднял кое-какие материалы.

— Теперь я уже не припомню всего.

— Позволь освежить твою память. Получаемая Землей солнечная радиация более или менее постоянна. Внешние слои атмосферы получают в среднем 1,94 калории на квадратный метр. Колебания, — он сверился с бумажкой, — не должны превышать трех процентов.

— Я помню, — кивнул Эндрю.

— Снижение, предсказанное Фрателлини, находилось в пределах обычных флюктуаций.

— Ну.

— Десять дней назад американский метеорологический спутник передал последние данные. — Дэвид ткнул пальцем в бумажку. — Вот новая цифра: чуть выше 1,80 — примерно 1,805. Снижение равно примерно семи процентам. Максимальный параметр, который должен был вызвать нежелательные отклонения, высчитанный Фрателлини, не превышал шести.

— Лишний процент — уже повод для тревоги? — удивился Эндрю.

— Это было десять дней назад. Три дня назад получены свежие данные: 1,80 ровно.

— Мне все это не очень понятно, — призналась Мадлен. — Неужели из этого следует, что теперь будет все холоднее и холоднее и так до бесконечности?

— Возможно, падение скоро прекратится. Пока же оно продолжается. Фрателлини говорил о двух-трех процентах, но реальная цифра уже в четыре раза выше. Кажется, ученые подсчитали, что в ледниковый период средняя температура была всего на девять-десять градусов ниже, чем сейчас.

— Но, возможно, между падением солнечной активности и температурой воздуха не существует прямой зависимости — надо учитывать множество различных факторов: облачный слой и тому подобное. Средняя температура у нас равна всего пятидесяти градусам по Фаренгейту. Четыре процента от пятидесяти — это какие-то два градуса.

— Четыре процента — это если говорить о нормальных отклонениях. А тут — семь процентов от среднего значения. И процесс не останавливается. В этом все дело: снижение

продолжается. Расчеты Фрателлини можно отправлять на свалку. Открыт полный простор для догадок.

— Какова же твоя догадка? — спросила Мадлен.

— Ледниковый период, — ответил за него Эндрю. — Лондон скован вечными снегами. «Дейли мейл» организует новую гонку Лондон—Париж на лыжах и на коньках. Я прав?

— На этом острове проживают пятьдесят миллионов человек, — сказал Дэвид. — На восточном побережье Гренландии, которое по протяженности в два раза превосходит расстояние между Лендс-Энд и Джон-о'Гротс*, помещаются всего две деревушки. Однако для того, чтобы сделать жизнь невыносимой, не обязательно нужен ледниковый период. Сколько еды произведут фермеры, если зима продлится до мая и снова начнется уже в сентябре? Что станет с канадским зерновым поясом? Абсолютное большинство потребляемых нами продуктов поступает из районов с умеренным климатом. Что будет, когда они превратятся в приполярные?

— Послушать тебя, так уменьшение солнечной активности будет постоянным, — проговорил Эндрю.

— Нет никаких оснований для того, чтобы сомневаться в этом, — медленно произнес Дэвид. — Фрателлини предрекал шесть — девять месяцев, но он же говорил о максимальном уменьшении на три процента, а реальность ушла от его прогнозов на немалое расстояние. Теперь мы не знаем, что нас ждет.

— Тогда, наверное, было бы несколько преждевременным покидать страну?

— Позже это может стать уже не таким простым делом.

Мадлен взглянула на него:

— Об этом тоже написано в твоем конфиденциальном документе?

— Нет. Это разумное предчувствие — качество, которым полагается обладать всем высокопоставленным государственным служащим. Вы не подумали еще об одном: страны будущей иммиграции могут ввести ограничения.

— Какие же страны ты подразумеваешь? — поинтересовалась Мадлен.

---

* Крайняя юго-западная и крайняя северная точка острова Великобритания.

— Американцы потянутся в Южную Америку, пока у них будет оставаться такая возможность. Некоторые из них уже снимаются с места. За последний месяц цены на недвижимость в Рио и Монтевидео подскочили более чем на сто процентов. Думаю, лучше обратить взоры на Африку. Какая-нибудь из бывших наших колоний: Нигерия, Гана — что-нибудь в этом роде.

— Ты серьезно? — недоверчиво протянул Эндрю.

— Вполне.

— Ты тоже уедешь?

Прежде чем ответить, Дэвид выдержал паузу.

— Крыса, которой достался собственный спасательный круг, может повременить, прежде чем покинуть тонущий корабль. Помни, я — один из «них», а не один из «нас». Могу строить планы и не торопиться. Твое положение не столь надежно.

— А Кэрол? — спросила Мадлен.

— Пока я с ней об этом не говорил. Доклад попался мне на глаза только вчера вечером. Надеюсь, мне удастся убедить ее уехать. Не хотелось ошарашивать ее под Рождество, тем более когда с ней мальчишки.

— Кстати, что будет с моими сыновьями? — спокойно спросил Эндрю.

— Полагаю, Кэрол захватит детей с собой в Африку.

— Забрав их из школы? Ты подумал, что за школы в Нигерии или Гане?

— Она может попробовать обосноваться в Алжире или Египте, а то и в Южной Африке. Мне кажется, что чем ближе к экватору — тем лучше. Думаю, больше перспектив будет в черной стране. Хотя, конечно, сейчас трудно заниматься предсказаниями. Если сбудутся самые худшие прогнозы, то одному Богу известно, что произойдет.

— До сих пор я все время шел на уступки: согласился на развод, не предъявлял прав на сыновей. Но теперь я тебе скажу вот что: послезавтра утром я уже буду стоять у двери моего адвоката.

— Чтобы рассказать все ему?

— Не думаю, что это потребуется. Я просто попрошу запретить вывозить парней из страны без моего согласия. От меня не станут требовать объяснений, не так ли?

Дэвид допил холодный кофе и подлил себе еще.

— Ты добьешься своего. Никто не пытается отнять у тебя твоих мальчиков, Энди. Я думаю, что тебе следовало бы отправиться за ними следом. И Мадди.

— Ты все-таки увлекаешься, Дэвид, — сказала Мадлен. — Мы будем иметь довольно глупый вид, если все это окажется просто очередной холодной зимой.

— Я побывал вчера у Лондонской Заводи, — сказал Дэвид. — В воде плавают льдины. За Чисвиком можно перейти на другую сторону по льду.

— Холодные зимы случались и раньше.

— Эта будет хуже, — ответил Дэвид с пугающей обреченностью. — Гораздо хуже.

— Но время пока есть, правда?

— Следует учитывать финансовую сторону. Уезжая сейчас, можно реализовать капитал — продать оба дома и так далее. И перевести фунты стерлингов в любую валюту. Позже такой возможности может не представиться.

— Почему же?

— Потому что паника, которой я опасаюсь, способна всего за одну ночь лишить дом в Лондоне всякой цены, а фунт стерлингов превратить просто в бумажку.

— Можно мне воспользоваться твоим прогнозом? — спросил Эндрю. — В программе это пойдет на ура.

— Тебе не позволят этого сделать. Попробуй — убедишься сам. Мы стоим слишком близко к краю пропасти.

— Мадлен и Кэрол вольны решать свою судьбу самостоятельно. Не вижу причин, почему бы им не воспользоваться твоим советом. Я же не нахожу в нем ни малейшего смысла. И сделаю так, чтобы в случае отъезда Кэрол мальчики остались здесь. Я добьюсь запрета через суд.

Дэвид покачал головой:

— Ты совершаешь ошибку.

— Возможно. Но, думаю, было бы куда большей ошибкой хоть в чем-то довериться тебе.

7

В январе и феврале стояли трескучие морозы. Темза замерзла до самого Тауэрского моста; устье было забито ледяной кашей. Как-то раз вечерние газеты осмелились объявить Зимнюю ярмарку на реке, но затея провалилась. Ночью разгулялся ветер, и нестойкие сооружения, кое-как установленные на льду, не выдержали его напора. Да и вообще, любые призывы покинуть кров звучали бы злой насмешкой.

Март начался с более умеренных температур, но до оттепели дело так и не дошло. Цены на продовольствие, и прежде немалые, взмыли вверх, подобно ракете. По стране прокатилась волна забастовок, вылившаяся в конце концов во всеобщую стачку, продлившуюся три дня; за это время цены успели удвоиться, а потом утроиться. Правительство, объявившее чрезвычайное положение и присвоившее себе необходимые полномочия, не собиралось от них отказываться. Была введена строжайшая цензура, полицейским раздали оружие. Вернулось рационирование и контроль над ценами на широкий ассортимент товаров. К дверям продовольственных магазинов змеились по слежавшемуся снегу покорные очереди. Пресса и телевидение призывали народ к терпению, напоминая о традиционно присущем британцам хладнокровии. «Когда придет зима, то это значит, что не за горами и весна», — звучала у всех в ушах знаменитая поэтическая строка, которую без устали цитировал своим вкрадчивым голосом премьер-министр.

После Рождества Эндрю обратился к адвокатам, и они вызвали Кэрол. Договориться с ней не составило особого труда. Она согласилась на опекунство над детьми со стороны суда на время, предшествующее бракоразводному процессу, которому и предстояло решить вопрос о попечительстве. Слушание дела было назначено на начало апреля.

Тем временем близился конец марта, а вместе с ним и пасхальные каникулы. Эндрю предстояло встретить детей на вокзале Ватерлоо. Такси везло его на вокзал сквозь метель, громыхая цепями на колесах. Эндрю понял, что улицы

почти перестали посыпать песком, это теперь делалось скорее для проформы.

— Жуткая погода, — пожаловался водитель. — И ведь никак не улучшается!

Эндрю согласился и посмотрел на часы:

— Наверное, опоздаем.

— Не беспокойтесь. Все равно поезд задержится еще больше.

Подойдя к вокзальному табло, Эндрю удостоверился, что поезд опаздывает на полтора часа. Отправившись в поисках чего-нибудь съестного, он столкнулся с идущим ему навстречу Дэвидом.

— Хэлло, Энди, — приветствовал его Дэвид. — Я как раз тебя ищу.

Эндрю не появлялся на студии с самого утра и решил, что Кэрол понадобилось что-то ему сообщить. У него мелькнула мысль, что школа, находящаяся в пяти милях от ближайшей станции, могла быть отрезана последним снегопадом и что мальчикам не удастся попасть в Лондон.

— Насчет ребят?

— Да. — Дэвид взял его за руку. — Но сперва я хотел кое о чем с тобой побеседовать.

Он указал на вооруженного часового, охраняющего вход на платформу номер 9. Вокзал был забит солдатами.

— Что происходит? — не понял Эндрю.

— Армия занимает позиции, — объяснил Дэвид. — Не только здесь, а в стратегических пунктах по всей территории страны. В Англии объявлено военное положение.

— Что, ожидаются беспорядки?

— Во второй половине дня будет объявлено о сокращении продовольственного рационирования. Очень резком.

— Кстати, — спохватился Эндрю, — я ведь не завтракал! Как раз собирался съесть булочку с сосиской.

— Я пойду с тобой, — сказал Дэвид. — Ты сможешь съесть мою порцию.

В буфетах продавали по одной порции на покупателя. На двери красовалась знакомая надпись: «Извините, пива нет».

— Что с мальчиками? — спросил Эндрю. — Наверное, их задержали в школе?

— У меня для тебя письмо, — сказал Дэвид.

Конверт был чистым. Открыв его, Эндрю обнаружил внутри листок бумаги. Почерк принадлежал Кэрол.

Дорогой Энди,

к тому времени, когда ты получишь это письмо, мы с мальчиками уже будем в Африке. Мне очень жаль, что приходится снова тебя обманывать, но так лучше для всех. Дэвид совершенно прав: дальше будет только хуже. Если у тебя осталась хоть крупица здравого смысла, то и ты беги, пока не поздно. Должна признаться, что продала дом, подделав твою подпись в контракте. Ты не ожидал, что я так поступлю, правда? Дали всего 3200 фунтов, но я была рада и этому. Также закрыла и свой счет, взяв наличными все сбережения. В общей сложности получилось меньше четырех тысяч. По совету Дэвида я еду в Лагос. Как только у меня появится адрес, сообщу. Думаю, тебе тоже пора выбираться.

Твоя Кэрол.

— Видимо, ты прочел это, — сказал Эндрю. Дэвид покачал головой, и Эндрю протянул ему письмо. — Ведь это твоя идея?

— В основном да. Ну, поедешь?

— В Лагос? Чтобы узнать, что она увезла их в Каир, Солсбери или Йоханнесбург? Я был бы дураком, если бы поверил хоть единой строчке в ее письме.

— Они действительно улетели в Лагос, — успокоил его Дэвид. — Если бы ты отправился за ними следом, то только для того, чтобы привезти их назад?

— Для чего же еще?

— Там пока царит хаос. Тебе не сразу удастся получить распоряжение суда. А к тому времени, когда ты его все-таки добьешься, ты уже не захочешь пускать его в ход.

— Почему же?

Дэвид кивнул в сторону солдата с автоматической винтовкой, стоящего на часах в нескольких футах от них.

— Всего-навсего потому, что правительству взбрело в голову вывести на улицы солдат?

— Глазго находится в руках толпы уже на протяжении двух дней, — сказал Дэвид. — По одним сообщениям, это коммунисты, по другим — просто громилы. Думаю, суть не в этом.

Эндрю недоверчиво посмотрел на него:

— Я бы знал — через службу новостей...

— Меры безопасности теперь строжайшие. Но ты все равно скоро об этом узнаешь. И кое о чем еще тоже. Если в конце концов решишь оставить страну, то просто поразишься, насколько иначе все видится со стороны. Мне-то лучше знать — у меня есть доступ к иностранной прессе.

— Снова пропаганда эмиграции?

Эндрю был несколько озадачен собственным спокойствием; ему следовало быть вне себя от гнева — ведь Дэвид опять сыграл главную роль в очередном акте предательства. Вялость собственной реакции на отъезд сыновей помогла ему осознать, насколько все переменилось, насколько помимо его воли обострились опасения за развитие событий. Эндрю чувствовал не только негодование, но и облегчение. Он представил своих детей под ярким африканским солнцем, и эта картина не вызвала у него дурных чувств.

— Думаю, тебе следует уехать, — не унимался Дэвид. — Проклятый показатель, кстати, уже опустился до 1,74.

— Падение замедляется. В начале месяца он равнялся 1,75.

— Замедляется.

— Так что скоро крайняя точка. Худшее, возможно, уже позади.

Дэвид отрицательно помотал головой, нисколько не сомневаясь в своей правоте.

— Худшее не позади. Оно только впереди.

Лондонский бунт вспыхнул в пасхальный понедельник. Утро того дня выдалось ясным, и к полудню стал слышен звон капели, ибо лед на крышах начал потихоньку подтаивать, не выдержав ярких солнечных лучей. Эндрю и Мадлен отправились прогуляться по Найтсбриджу и Гайд-парку. Многие лондонцы последовали их примеру; улицы неожиданно заполнились людьми. На аллеях для верховой езды

дети обстреливали друг друга снежками. Под мостом «Серпантин» молодежь выписывала круги на коньках.

На подходе к Мраморной арке Эндрю сказал:

— Здесь еще больше народу. Может, повернем назад?

Мадлен указала на толпу впереди:

— Пойдем послушаем ораторов. Это должно быть забавно.

— Нам все равно к ним не пробраться, — возразил Эндрю. — Там несколько тысяч народу.

— Если ничего не расслышим, то уйдем.

— Ладно. — Эндрю указал на небо. — Видишь тучи?

Тучи тем временем закрыли солнце, и картина, представшая их взору, тут же изменилась, словно то был условленный сигнал. Толпа забурлила, будто по доселе неподвижному пруду прокатился жестокий шквал. Мадлен стиснула Эндрю руку.

— Что это? Куда они бегут?

— В нашу сторону. — Он оглянулся, проверяя, не находится ли за их спинами цель, к которой могли устремиться все эти люди. — Может быть, их разгоняет полиция?

Позднее он узнал, что произошло. Толпу, стекавшуюся от вокзала Паддингтон и из Северного Кенсингтона, раззадорили призывы самозваных главарей. Люди имеют право на пищу, и она есть в магазинах, но доступна только богачам, процветающим благодаря сделкам на черном рынке!

— Мой недельный рацион! — выкрикивал один из ораторов, размахивая тонким ломтем ветчины. — Тут неподалеку «Дорчестер»! Думаете, они в «Дорчестере» ограничиваются одним ломтем ветчины в неделю?

Власти в месте скопления людей были представлены полицией и войсками. Офицер, командовавший солдатами, собирался разогнать митинг в самом начале, но полицейский чин сумел его разубедить. Он предпочитал наступлению оборонительные действия. У Арки и вдоль Оксфорд-стрит и Парк-Лейн были расставлены вооруженные автоматами посты, и, по мнению полицейского чина, толпа еще не достигла такой степени отчаяния, чтобы пойти на них грудью и прорваться на оперативный простор. Первый вывод оказался совершенно справедливым, не слишком ошибочным было и второе умозаключение. Однако полицей-

скому не хватило воображения, чтобы предвидеть развитие событий. На открытом пространстве самого Гайд-парка у стражей порядка не оказалось застав. Именно этим и воспользовался временный главарь бунта.

— Они выставили полицейских, чтобы преградить нам дорогу! — вопил он. — Полицейских и проклятую солдатню! Если мы двинемся к «Дорчестеру», «Ритцу», «Фортнум-и-Мейсону»*, чтобы забрать то, что принадлежит нам по праву, нас встретят пули. Но к чему нам бросаться под пули, братцы? Может, прочешем парк? Как насчет «Харродз», где покупают себе жратву богатые? Там не берут наличных. Им подавай банковский чек — и к черту талоны! Так пойдемте предъявим им наши чеки! Выпишем их в Английском банке! Что вы на это скажете?

В первый момент, когда толпа качнулась и устремилась вперед, хватило бы всего нескольких выстрелов, чтобы рассеять ее, однако направление стремительного продвижения толпы оказалось совсем не тем, какое ожидалось. Одно дело — отдать приказ стрелять по безоружным согражданам, когда они вот-вот сметут вооруженные посты, и совсем другое — когда они, по всей видимости, просто разбегаются кто куда. Через несколько минут приказ все же прозвучал, и над головами бегущих просвистело несколько пуль, но это всего лишь ускорило их бег.

При звуке залпа Эндрю схватил Мадлен за руку.

— Беги с толпой! — крикнул он. — Что бы ни произошло, не бросайся им наперерез! Иначе в два счета затопчут!

Людская масса пронесла их на расстояние нескольких сот ярдов, пока им наконец не удалось протиснуться к краю бурлящего потока и выбраться на волю. Тяжело дыша, они наблюдали за устремившейся к Найтсбриджу толпой, оставляющей за собой тела упавших. Мальчуган лет семи сидел в сугробе и хныкал. Мадлен попробовала с ним заговорить, но он и не подумал утихомириться. Наконец, утерев нос, он помчался вдогонку за остальными.

— Может быть, его надо остановить? — спросила Мадлен.

---

* «Ритц» — шикарная гостиница на Пиккадилли, «Фортнум-и-Мейсон» — роскошный универмаг на той же улице.

— Не надо, — отозвался Эндрю, сознавая свою беспомощность. — Ничего не получится.

Они направились к дому, петляя по боковым улочкам. Издали доносились выстрелы и крики, а с одного из перекрестков их взгляду открылся «Харродз», осажденный толпой. Послышался звук разбиваемых стекол. Солнце все еще пряталось за облаками, вдоль улиц дул промозглый ветер. Кварталы, по которым пролегал их путь, были пустынны; лишь изредка из двери высовывался жилец, прислушивался и торопился скрыться. Стремясь побыстрее очутиться под крышей, Мадлен и Эндрю почти не разговаривали.

Когда они оказались в безопасности, он сказал:

— Я перееду к тебе, Мадлен. Так будет спокойнее.

Она кивнула:

— Да, сделай милость.

8

— Что-то я запамятовал — ты был с нами во дворце Александры*? — спросил Мак-Кей.

— Нет, — ответил Эндрю, — я тогда еще работал на радио.

— Все возвращается на круги своя, — сказал Мак-Кей. — Мы снова перебираемся туда, причем не мешкая.

— Почему?

— Там небольшое помещение, которое нетрудно защитить. Все под одной крышей; кроме того, нам будут приданы две роты солдат. Хотя что с нас возьмешь?

— А как будем ездить туда и обратно — на бронеавтомобиле? Или ночевать придется прямо на работе?

— Пока до этого не дошло. Нас будут возить под охраной от дворца до станции метро.

— Хорошо хоть так.

— Да. Тебя это удивляет?

---

* В этом дворце, построенном на окраине Лондона в 1873 г. в честь супруги короля Эдуарда VII, с 1936-го по 1960 г. находились телестудии Би-би-си.

— Необходимость эскорта? Отнюдь. Меня чуть не задавили при разгроме универмага «Харродз».

Мак-Кей устремил на него задумчивый взгляд:

— На твоем месте я бы задумался, сколько времени еще можно полагаться на метро!

— И сколько же?

— Мне не положено разглашать секреты, однако новость все равно прозвучит в вечерней сводке, поэтому было бы чудачеством продолжать темнить. Метро закроют сегодня вечером — целиком, кроме линии «Пиккадилли». Да и там поезд будет останавливаться всего на трех станциях: «Пиккадилли» в центре, «Вуд Грин» на севере — чтобы доехать до дворца Александры — и «Уэст Хаунслоу» на западе.

— «Уэст Хаунслоу»?..

— Ближайшая к аэропорту станция.

До Эндрю все еще не доходил смысл услышанного. Понимая, что демонстрирует глупость, он все-таки спросил:

— При чем тут подземка?

На столе Мак-Кея была разложена крупномасштабная карта центральной части Лондона. Он схватил толстый синий карандаш и прочертил линию от реки на север.

— От засыпанных снегом газонов Чейни-Уок* к Эрлз-Корт-Роуд**; затем по прямой — Холланд-парк-авеню, Бейсуотер-Роуд, Оксфорд-стрит и Хай-Холборн. Затем Кларкенуэлл и Олд-стрит, потом по Бишопсгейт, маленькое отклонение по Лиденхолл-стрит в сторону Монетного двора, Тауэр и несколько причалов в Заводи. Что же мы получим, приняв реку за южную границу? — Мак-Кей оторвался от карты и сверкнул глазами. — Лондонский Пейл***. Это неофициальное название, но оно вполне к месту. В этих границах сохраняется порядок, за их пределами — хаос и варварство. Ну, еще наш крохотный оазис во дворце Александры и аэропорт.

— Это серьезно?

---

* Фешенебельная улица в районе Челси.

** Эрлз-Корт — крупнейший выставочный комплекс Лондона.

*** Так называются в британской традиции долго удерживаемые плацдармы — например, территория Кале на севере Франции, которую англичане обороняли в XV — XVI вв.

— Очень.

— Ты хочешь сказать, что власти оставят на произвол судьбы весь Большой Лондон? Что же станет с людьми вне границ Пейла? Как насчет тех, кто приезжает в центр на работу?

— Основные предприятия уже втихую договорились с необходимым им персоналом. Остальным укажут на дверь. Отныне они будут предоставлены самим себе.

— А провинция?

— Аналогичный принцип: удержание ключевых позиций.

— Нельзя же бросить народ на произвол судьбы!

— Такой была и моя первая реакция. Но ведь и защитить его невозможно! Если попытаться рассредоточить вооруженные силы по всей территории, то от страны вообще ничего не останется. Так по крайней мере удастся сохранить порядок в центре.

— Надолго ли?

— Думаю, у этого плана есть и иная сторона, — сказал Мак-Кей. — Когда жизнь вернется в нормальную колею, будет нетрудно выйти из цитадели и восстановить порядок. Ряды противника за это время сильно поредеют.

— Бог мой!

— Действительно, следовало бы поблагодарить Его, попав в число счастливчиков. Ты, кажется, обретаешься в пределах Пейла?

— Саут-Кен, — кивнул Эндрю.

— Я перевожу своих из Хэмпстеда, — сообщил Мак-Кей. — Насколько я понимаю, нас расквартируют в «Савое». — Он улыбнулся, но улыбка вышла холодной и совсем не радостной. — Никогда бы не подумал, что все так обернется. Между прочим, держи язык за зубами, пока не передадут новости. Такие вести распространяются быстро, но давай хотя бы не подстегивать их.

— Хорошо.

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Мак-Кей.

Появился посыльный с красочной картинкой. Это была репродукция зимнего пейзажа Утрилло.

— Что за чертовщина? — удивился Мак-Кей.

— Пасха прошла, — сообщил рассыльный. — Вы всегда меняете пейзаж на Пасху.

— Только не в этом году, — промолвил Мак-Кей. Рассыльный нерешительно переминался у двери со своей картинкой. — Давай ее сюда, — сжалился Мак-Кей. — Клади на стол.

Он некоторое время молча взирал на белые обводы парижских домов.

— Разве кому-нибудь нужно теперь это вдохновенное воспевание зимы? — обратился он к Эндрю. — Полагаю, что нет. — Наклонившись над столом, Мак-Кей принялся с таким ожесточением черкать своим синим карандашом по репродукции, что в конце концов наделал в ней дыр, однако не удовлетворился этим и продолжал рвать ни в чем не повинную бумагу. Наконец он выбросил затупившийся карандаш в корзину и смахнул пейзаж со стола.

— Забери, сынок, — велел он рассыльному. — Это может гореть. Хотя бы погреешься холодным весенним вечерком.

Через три дня после создания Пейла Эндрю в сопровождении двух операторов выехал на патрулирование в северном направлении. Предлагая эту авантюру, Мак-Кей подчеркивал сугубую добровольность участия в ней.

— Не уверен, что мы сможем воспользоваться материалом, который вы привезете, — сказал он. — Полагаю, что бы вы ни сняли, пускай всего лишь безлюдные улицы, это только посеет в сердцах людей лишнюю тревогу и уныние. Разве пригодится как документальный материал на будущее... В общем, если не горишь желанием — то и не надо.

Патруль состоял из двух бронированных автомобилей. Эндрю с операторами залезли в первый. Командовал вылазкой капитан Чисхолм, высокий худой блондин двадцати с небольшим лет. Он был совершенно невозмутим и говорил с йоркширским акцентом. Эндрю поинтересовался маршрутом.

— Заранее не определено, — последовал ответ. — Прочесывание местности. Я бы направился к северу по Бейкер-стрит, затем к Риджентс-парку, в Кемден-Таун, на Кингз-Кросс — и обратно, по Пентонвилл и Олдерсгейт. Можно и

отклониться, если вас заинтересует какое-то другое место. Главное — оставаться на широких магистралях. На узких улицах легко угодить в ловушку.

— Пока ничего не приходит в голову, — сказал Эндрю. — В чем смысл патрулирования? На первый взгляд это неоправданный риск.

— Наверное, в том, чтобы просто помахать флагом, — ответил Чисхолм. — Видимо, начальство считает, что вынудит этим самые зловредные шайки убраться подальше, а не околачиваться поблизости в надежде просочиться в Пейл. Прошлой ночью нас атаковали из Фулхэма. Есть жертвы.

— Вот не повезло!

Чисхолм взглянул на него:

— Кому, нам или им?

— И тем и другим.

— Моя родня тоже в Пейле. Только в Лидсе, — сообщил Чисхолм. — По крайней мере надеюсь, что они там. Как вы думаете, скоро все утихомирится?

Эндрю пожал плечами:

— Через месяц-другой. Или больше.

— Если хотите знать, я рад, что это не мой родной город, — заявил Чисхолм. — Наверное, я выполнял бы свой долг и дома, но здесь все-таки спокойнее.

Бронированные машины громыхали по Бейкер-стрит со скоростью свыше тридцати миль в час. Кое-где продолжалась призрачная жизнь: в дверных проемах возникали неясные силуэты, пропадавшие при приближении патруля, из окон раздавались крики о помощи; какие-то люди пытались их догнать. Неожиданно на середину улицы вышел какой-то человек и, воздев руки, преградил им путь.

— Не сворачивать! — приказал Чисхолм водителю.

В последний момент человек не выдержал и отскочил в сторону. Оглянувшись, Эндрю увидел, как он выкарабкивается из снега. Вторая машина промчалась всего в двух футах от него, но он не обратил на нее ни малейшего внимания.

После пересечения с Мэрилбоун-Роуд Чисхолм показал на окно одного из домов. Там за стеклом сидела откормленная, довольная жизнью черная кошка.

— Кто-то проглядел неплохой обед, — прокомментировал он. — Сомневаюсь, что им еще долго станут брезговать. Киска доживает последние часы.

Справа показались заснеженные просторы Риджентс-парка.

— Что стало с животными из зоопарка? — поинтересовался Эндрю.

— Их забили накануне установления границы. Все съедобные туши были перевезены в Пейл.

— Кто же решал, что съедобно, а что нет?

Чисхолм рассмеялся:

— Тут вы правы. Но стандарты меняются довольно быстро. Думаю, сейчас кто-нибудь жует гремучую змею или дикобраза — может, жареных, а может, и в сыром виде.

Непробиваемой бесчувственности капитана оставалось позавидовать. В его деле это было ценным качеством. Эндрю заметил, как один из операторов навел камеру на тело, скорчившееся в канаве, и поддержал ему объектив, чтобы гарантировать надежную съемку. Приходилось завидовать тем, кто мог позволить себе роскошь иллюзий и самообольщения, — мясникам же не свойственны сантименты; кстати, кожаную обувь носят все, даже вегетарианцы. Хотя иллюзии и самообольщение остались в прошлом...

Теперь мимо проносились пустынные лужайки зоопарка. Между домами поднимался дым — слишком стремительно, чтобы его можно было принять за дымок от костра, на котором мирно разогревается пища. Где-то начался очередной пожар. Пожары пожирали Большой Лондон со времени учреждения Пейла; по ночам небо озарялось зловещими сполохами. Однако пока по городу еще не прокатывался огненный вал; то ли везение, то ли просто слишком много снега и льда, чтобы дать разгуляться огню.

Беда подстерегала их напротив станции метро «Кингз-Кросс». Стоило машине выехать на перекресток Каледониэн-Роуд и Пентонвилл, как один из солдат вскрикнул: вторая машина, отставшая ярдов на двадцать — тридцать, неожиданно остановилась. Головной автомобиль вернулся назад, затормозив совсем рядом.

— Что случилось? — окликнул Чисхолм.

— Заглохли, — прокричал в ответ сержант, командовавший вторым экипажем. — Бриггс пытается разобраться, в чем дело.

Водитель поднял капот и, не поднимая головы, буркнул что-то про свечи.

— Вылезай-ка и помоги ему, Сэнди, — приказал Чисхолм своему водителю.

Когда умолк второй двигатель, воцарилась тревожная тишина. Здесь, на пересечении пяти улиц, они были как на ладони. Эндрю поделился своими опасениями с Чисхолмом.

— Верно. Но все-таки открытое пространство предпочтительнее. Нас не смогут застать врасплох. — Капитан обвел взглядом безмолвные строения. — Идиллия, не правда ли?

Идиллия продолжалась до тех пор, пока не появились люди. Сперва их было немного и они невинно стояли в дверях и на углах улиц, откуда можно было незаметно улизнуть. Однако постепенно число зевак росло, они становились все смелее. В двадцати ярдах от замерших машин на мостовую вышел мужчина, потряс кулаком и принялся осыпать оскорблениями неподвижно наблюдающих за ним солдат. Эндрю чувствовал, что Чисхолм с трудом сдерживает гнев. Однако приказа стрелять не прозвучало.

Как ни странно, крикуна образумили его же товарищи. Вняв их призыву успокоиться, он умолк и неуклюже заковылял к тротуару. Однако тут же, словно по условному сигналу, к машинам устремились доселе молчавшие фигуры. Люди имели мирные намерения — более того, пока они демонстрировали дружелюбие.

Вперед выступил низкорослый человечек в драном пальто:

— Хотите помогу, командир? Я разбираюсь в двигателях — как-никак работал в гараже.

Пытаясь скрыть тревогу, Чисхолм ответил:

— Спасибо, мы справимся сами.

В толпе оказались по меньшей мере три женщины. Одна из них, здоровенная особа лет пятидесяти, радостно прокричала:

— Не подвезешь меня в город, паренек? С самого утра не могу дождаться автобуса.

Послышались смешки. Заулыбались и солдаты. Женщина приободрилась:

— Может, все-таки потеснитесь? Могу пристроиться у кого-нибудь на коленях. Цена автобусного билета — и я ваша со всеми потрохами. Смотрите не упустите такой возможности! Скоро меня уже не купишь!

Чисхолм смотрел прямо перед собой, не мигая. Остальные относились к этой болтовне всего лишь как к шутке — триумфу английского чувства юмора над нечеловеческими условиями существования. Однако атмосфера резко накалилась, когда крикунье стала вторить еще одна женщина — худая как смерть, седовласая, лет на пять — десять старше первой, с яростно горящими голубыми глазами:

— Возьмите меня с собой, мистер!

Ответа не последовало. Смех утих. Вторая женщина шагнула вперед и очутилась на расстоянии протянутой руки от машины.

— Потом я уйду, — не унималась она. — Я не прошу, чтобы меня там оставили. Там моя дочь. Она вот-вот родит. Просто посмотреть, все ли у нее в порядке. И тут же назад.

Чисхолм все так же хранил молчание.

— Обещаю, что уйду и не причиню вам хлопот, — умоляла женщина.

По толпе пронесся шумок. Раздался мужской голос:

— Разве вы не можете ее захватить?

Женщина подошла еще ближе, остальные двинулись за ней следом.

— Назад, все назад! — прикрикнул Чисхолм. — Это военный патруль. Назад!

Тот же мужской голос укоризненно произнес:

— Когда я служил в армии, мы сражались за свой народ, а не против него. Что же это за армия, если она обрекает женщин и ребятишек на голодную смерть? Вам бы следовало брать их под защиту, а вы только и знаете, что кричать «назад!».

— Мы обязаны подчиняться приказам, — выдавил Чисхолм.

Видимо, он просто не мог оставить свои действия без оправданий, подумал Эндрю; однако именно этого ему не

следовало делать. Толпа немедленно ответила яростным воплем и ринулась на машины. Чисхолм снова крикнул «назад!» — впустую. Стоило ему дать понять, что солдат — нечто большее, чем просто фигура в форме, как он уже вызывал меньше страха, меньше уважения. Толпа ожесточилась, в ней проснулась слепая надежда на победу.

Из задних рядов кто-то басовито выкрикнул:

— Отберите у них винтовки! Мы найдем им применение!

Если бы люди получили приказ открыть огонь, то на столь близком расстоянии это превратилось бы в форменный расстрел; кроме того, никто не мог бы поручиться, чем все кончится. На одного солдата пока приходилось по три горожанина, но из боковых улочек выходили все новые и новые люди. Если не открыть огонь, их судьба не вызывает сомнений... Замерев при этой мысли, Эндрю не расслышал новой команды, которую успел отдать Чисхолм:

— Маски надеть!

Слова эти были произнесены совсем другим тоном — тоном человека, уверенного в своих силах.

Лишь увидав, что солдаты поспешно натягивают противогазы, он завозился со своим, полученным перед отъездом из Пейла и болтавшимся у него на животе. Эндрю еще не успел толком разобраться, что с ним делать, когда раздалась следующая команда:

— Гранаты к бою!

Над белым снегом заклубился серый туман. Большинство людей, обступивших машины, бросились врассыпную, спотыкаясь и сбивая друг друга с ног. Некоторые замешкались, но очень скоро и они, отчаянно растирая кулаками глаза, вынуждены были отступить. Эндрю наконец совладал со своим противогазом, однако слезоточивый газ не пощадил и его. Сквозь слезы, застилающие глаза, он с трудом разглядел происходящее. Толпа рассеялась целиком; даже голубоглазая женщина, согнувшись в три погибели, торопилась покинуть поле боя.

Громким голосом, искаженным противогазом, Чисхолм спросил:

— Ну что, Сэнди, разобрался?

— Пока нет, сэр. Даже не знаю, что тут можно поделать.

Прошло еще минут десять, прежде чем мотор спасительно затарахтел. За это время никто и не подумал к ним приблизиться. Эндрю опасался, что в них станут швырять из окон всякую дрянь и оскорблять из-за угла, но страхи оказались напрасными. Он снял маску и поделился своими мыслями с Чисхолмом.

— Нам повезло, — бесстрастно отозвался капитан. — Повезло, что поломка случилась посреди широкой улицы, повезло, что в их числе не оказалось ни хитрецов, ни людей с инициативой. — Моторы обеих машин мирно заурчали, первый водитель начал разворачиваться. — Все равно, в следующий раз я угощу их газом побыстрее.

— Что теперь будет с этой женщиной? — задумчиво произнес Эндрю.

Прежде чем ответить, Чисхолм выдержал паузу.

— Мы знаем, что с ней будет. — Его голос звучал отстраненно, нарочито язвительно. — Вот только когда... Думаю, чем скорее, тем лучше.

После этого молчание не нарушалось до тех пор, пока машины не устремились в южном направлении. С каждой минутой они приближались к Пейлу. Проезжая мимо погасшего светофора, обросшего сосульками, Эндрю вспомнил, как ровно год назад застрял на этом перекрестке в фургоне Би-би-си: они тогда опаздывали в больницу, где им предстояло отснять ролик, и светофор долго держал их на одном месте.

Обращаясь скорее к самому себе, он пробормотал:

— Интересно, что творится в «Варфоломее»*?

— Насколько я знаю, ничего, — откликнулся Чисхолм.

— Они тоже эвакуировались в Пейл?

— Это было невозможно. Большинство врачей и медсестер остались в больнице.

— Может быть...

— Заехать туда? Пришлось бы отклониться от маршрута. — Размышлял он недолго. — Хорошо, раз вам этого хочется.

Из нескольких окон больницы свисали флаги Красного Креста; сами окна напоминали издали пустые глазницы; в

* Больница Св. Варфоломея — старейшая больница в Великобритании, основанная в 1132 г. при церкви св. Варфоломея Великого.

некоторых не осталось стекол. Однако при приближении патруля показались кое-какие признаки жизни: человеческие лица, поднятая в приветствии рука. Сквозь шум моторов до них доносились пронзительные крики, хотя слов было не разобрать. На месте входной двери зиял провал. На снегу валялись скорченные фигуры; некоторые из них определенно выпали — или были выброшены — из окон.

— Любопытно, скольким из них удалось вырваться на волю, — произнес Чисхолм. Его лицо побелело от ярости. — Проклятые болваны! Так и должно было произойти. И что хорошего?

Машины замерли. В наступившей тишине в уши прибывших ворвались крики — здесь были и глумливые приветствия, и мольбы о помощи. Общий гвалт перекрыл душераздирающий визг, в котором звучала агония. Он донесся не из здания больницы, а откуда-то с улицы.

Чисхолм обернулся к водителю:

— Давай туда! Кажется, это где-то слева. Только осторожно.

Стоило машине завернуть за угол, как все стало ясно: посередине улицы барахтались в снегу четыре фигуры. Завидя патруль, трое бросили свою жертву и неуклюже заковыляли прочь. Женщина осталась лежать, судорожно одергивая задранный до пояса халат медсестры.

— Срежь их! — приказал Чисхолм.

Вдоль улицы засвистели пули, и один из насильников повалился в снег. Остальным удалось уйти целыми и невредимыми. Чисхолм выскочил наружу и, подбежав к медсестре, помог ей подняться на ноги. Через минуту они стояли перед машиной. Капитан поддерживал девушку, не давая ей упасть. Рядом с ним она казалась настоящей пигалицей: в ней было не больше пяти футов росту. Над нежным личиком вздымалась шапка когда-то роскошных, но теперь перепутавшихся огненно-рыжих волос.

Девушку подсадили в машину и потеснились, чтобы она расположилась удобнее. Она то и дело тихонько всхлипывала и, не произнося ни слова, разглядывала свои руки, крепко сцепленные на коленях. Ее разодранный подол был пе-

репачкан грязным снегом. На левой ноге остался меховой сапожок, правая оказалась босой.

— Сейчас все будет хорошо, — приговаривал Чисхолм. — Вас уложат, напоят теплым...

Машины неслись по вымершим улицам к вырастающему над крышами куполу собора Святого Павла. Наконец показалась изгородь из колючей проволоки, которой был обнесен Пейл. Машины затормозили перед воротами, охраняемыми часовым. Водитель первой машины трижды надавил на гудок. Из будки вышел офицер в сопровождении двух солдат. Ворота чуть-чуть приоткрылись, пропуская их к машинам.

— Северный патруль. Возвращаемся с дежурства. Пропустите нас.

Лейтенант отдал честь.

— С вами гражданские лица, сэр?

— Телевизионная бригада. У них пропуска.

— А юная леди? — медленно произнес лейтенант.

— Мы подобрали ее рядом с «Варфоломеем». На нее напали. Ей требуется медицинская помощь.

Лейтенант выдержал паузу и отчеканил:

— Сегодня утром поступил новый приказ, сэр. Не пропускать людей в Пейл без особого разрешения Главного штаба. Мне очень жаль.

— Слушайте, — взмолился Чисхолм, — она же медсестра! Нам понадобятся такие люди. Она не станет отлынивать ни от какой работы!

Лейтенант был почти ровесником Чисхолму, только круглолицым, темноволосым, с меланхолическим выражением лица.

— У меня приказ, сэр, — сказал он. — Ничем не могу помочь.

Чисхолм посмотрел на него в упор.

— Она медицинская сестра, осталась в «Варфоломее», чтобы ухаживать за пациентами. На больницу напали мародеры. Мы нашли несчастную девушку на улице, когда ее пытались изнасиловать. Я возьму на себя всю ответственность за ее нахождение в Пейле.

Лейтенант покачал головой.

— Это невозможно, сэр. Здесь ответственный я. — Его печальное лицо исказила озлобленная гримаса. — Господи, какие еще сцены Ты нам уготовил?

Чисхолм вышел из машины, отвел лейтенанта в сторонку и повел с ним задушевный разговор. Однако лейтенант все так же качал головой.

Эндрю в первый раз услышал голос девушки.

— Пожалуйста, помогите мне выйти, — попросила она его с легким ирландским акцентом.

Эндрю решил, что она собирается прийти на помощь Чисхолму; он не сомневался, что, какими бы строгими ни были приказы, ни один человек на свете не сможет отказать ей. Эндрю выскочил из машины и подал руку. Медсестра побрела прочь от ворот.

— Нет, — крикнул он ей вдогонку, — сюда!

Не обращая внимания на его призыв, она продолжала ковылять по заросшему льдом тротуару.

— Сестра! — позвал Чисхолм. — Вернитесь! Мы сейчас обо всем договоримся!

Но она и не думала останавливаться. Эндрю бросился было за ней следом, и тут же замер, прикованный к месту решительностью удаляющейся фигурки. Прояви она хоть малейшее колебание, оглянись назад, он обязательно устремился бы за ней. Если бы девушка бросилась бежать, он догнал бы ее. Но она просто брела от них прочь будничным шагом, воплощающим собранность и спокойствие. Им оставалось только смотреть ей в спину, пока она не исчезла за углом.

— Я верну ее, — сказал Чисхолм.

— Нет, сэр, — сказал лейтенант и загородил ему путь.

Они уставились друг на друга, испытывая одновременно ярость и презрение к самим себе. Чисхолм обреченно пожал плечами:

— Ваша взяла. — Он нырнул обратно в машину. Эндрю последовал за ним. Чисхолм еще раз посмотрел в ту сторону, где только что брела рыженькая медсестра, и отвернулся. — Открывайте ворота! — приказал он лейтенанту.

9

Как ни странно, в выходной наступило лето — во всяком случае, по календарю. Вечера удлинились. Эндрю и Мадлен сидели закутанные, прихлебывали слабенький кофе и вели неспешную беседу. Перед самым исчезновением кофе из магазинов Мадлен закупила изрядный запас, но они все равно позволяли себе такое пиршество всего два-три раза в неделю. Прочитали вечернюю газету — листок бумаги с мелким текстом на обеих сторонах; дальше читать все равно было нельзя из-за сгустившихся сумерек. Включать же электричество в неслужебных помещениях разрешалось теперь только после девяти вечера.

Если не считать холода и легкого голодного подташнивания, превратившегося в постоянное ощущение, Эндрю испытывал чувство довольства и расслабленности. Здесь, в этой комнате, в обществе Мадлен, можно было забыть об агонии, в которой корчился город за пределами Пейла, и о неясном будущем, уготованном счастливчикам, оказавшимся по эту сторону его рубежей. Об этом нельзя было все время думать, иначе жизнь стала бы совершенно невыносимой.

Дэвид обещал заглянуть часов в девять. Они спокойно дожидались его в темноте. Он появился ближе к десяти.

— Хочешь, включу свет? — предложила Мадлен.

— Если он вам помешает, то лучше не надо, — сказал Дэвид.

— При свете лучше, — сказал Эндрю и поднялся с места.

Приход такого гостя был посягательством на их уединение, и ему хотелось это подчеркнуть. Дэвид заморгал от яркого света. Его лицо было изможденным; это заметила и Мадлен.

— Присядь, Дэвид, — предложила она, — я дам тебе чего-нибудь выпить.

— Как у вас с виски? — спросил он.

— Очень просто: никак. Могу предложить «кокберн». Не возражаешь?

Дэвид помотал головой.

— Вполне здравая идея. Я запас его после нашей свадьбы — когда мы вернулись из Брюсселя. Две дюжины, по

двадцать семь шиллингов шесть пенсов бутылка. Сколько же их осталось?

— Точно не знаю. Дюжины полторы.

— Тогда тащи пару. Время найдется.

— Ты выглядишь утомленным, — сказала Мадлен. — Слишком много хлопот?

— Терпимо. — Он зевнул и перевел взгляд на Эндрю. — Есть свежие письма от Кэрол?

— Последнее пришло сегодня утром.

— У нее все в порядке?

Мадлен аккуратно наполнила портвейном три рюмки и принесла их в комнату на подносе. Дэвид решил произнести тост:

— За лето! Сегодня в полдень термометр на крыше министерства показывал три градуса тепла.

— Это уже кое-что, — сказал Эндрю.

— Слишком мало и слишком поздно. Ты хоть представляешь себе, как быстро убывают наши иностранные капиталовложения? Знаешь, что предпринимались попытки договориться о продаже Ираку ближневосточного имущества «Бритиш Петролеум»? Концессий, оборудования, заводов — всего?

— Грустно. Но это поможет протянуть хотя бы еще немного.

— Переговоры сорвались. Ирак больше не признает британского правительства, ибо оно не в силах осуществлять суверенитет над собственной территорией. Так что имущество присвоено без всякой компенсации — видимо, в порядке самозащиты.

— Что же теперь будет? — спокойно спросила Мадлен.

— Здесь? — Он кивнул на Эндрю. — Во-первых, Энди уже через несколько дней лишится работы.

— Почему?

— Телевидение прикроют. Слишком расточительное средство связи для территории, площадь которой ограничена Пейлом.

— А потом?

— Есть идея продержаться. Запасы провианта имеются — более значительные, чем я себе представлял. Здесь уж мы по-

старались. Если дело пойдет на лад и станет пригревать солнышко, придется еще, конечно, пережить следующую зиму, но потом, если повезет, может и полегчать.

— А если не пойдет на лад?

Дэвид беспомощно развел руками:

— Тогда гибель. Есть все основания опасаться, что так произойдет при любых обстоятельствах. Ребята снаружи сильно оголодали и совсем отчаялись. Боюсь загадывать, как долго военным удастся сдерживать их напор.

Немного помолчав, он продолжил:

— Я могу раздобыть для вас два билета на самолет на следующую среду. Лиссабон — Тимбукту — Лагос.

Ответ Мадлен был негромким, но твердым:

— Нет. Во всяком случае, не для меня.

Дэвид сделал еще глоток и уставился на нее; во взгляде читались мольба, усталость и отчаяние.

— Мадди, — произнес он, — я не могу допустить, чтобы твоя участь оставалась на моей совести. Прошу тебя, улетай!

— Твоя совесть тут ни при чем, — сказала она. — Просто я хочу остаться.

Дэвид утомленно улыбнулся.

— Ты нечасто проявляешь упрямство. Но уж когда заартачишься, у меня никогда не хватало умения тебя уговорить, правда? Пока места есть, но я не смогу возобновить заказ.

— Знаю. Я не стану тебя обвинять.

— Если все рухнет, то произойдет это быстро. Существует план эвакуации важных персон. Я — важная персона, потому что участвую в планировании, и смогу удрать на последнем самолете. Но о том, чтобы прихватить кого-то с собой, речи уже не будет. Понимаешь?

— Конечно.

— Я не смогу улететь, оставив тебя здесь, Мадди! Разве это мыслимо? Не знаю, что здесь произойдет, но, отвергая мое предложение, ты обрекаешь на гибель нас троих. Если же ты согласишься, то мы проведем остаток жизни под африканским солнышком.

— Кэрол уже там.

— Знаю. Такое впечатление, что за тридевять земель. — Дэвид осушил рюмку и поставил ее на столик. — Я не улечу

без тебя, Мадди, можешь не сомневаться. А с тобой — не позволят. Я приношу им здесь пользу, так что уверен, что смогу вовремя смыться, когда случится непоправимое, но я также уверен и в том, что не сбегу раньше времени. — Он пожал плечами. — Тебе решать.

Твердо удерживая бутылку, Мадлен снова наполнила рюмки. Розовое вино мягко мерцало в хрустале. Она протянула мужчинам их рюмки и подняла свою. На ее лице читалось спокойствие и печаль от смирения перед неизбежностью.

— Хорошо, Дэвид, — сказала она, — мы уедем. Выпьем за наше африканское будущее!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Дэвид не только раздобыл для них билеты, но и уладил дело с валютой. При создавшихся условиях нечего было и надеяться на то, чтобы продать дом на Денхэм-Кресент или хотя бы сдать его; точно так же никакой ценности не представляло и все остальное имущество. Однако Дэвиду удалось продать за триста фунтов меховую шубу Мадлен. В итоге у нее оказалось на руках семьсот фунтов, к которым Дэвид добавил от себя еще пять сотен. Она запротестовала, уверяя, что деньги понадобятся ему в Лондоне, но он только усмехнулся:

— Только не в Пейле. У нас новая валюта — власть, а ее мне хватает. Можешь вложить эти деньги для меня во что-нибудь в Нигерии. Приехав, я заберу и деньги, и проценты.

Эндрю удалось наскрести всего двести шестьдесят фунтов. Остальное оказалось вложенным в акции, однако биржа прекратила операции на неопределенный срок.

— Я могу выписать банковский чек на Мадди как на свою жену, — сказал Дэвид, — но отдельный чек на Энди — нет, это слишком сложно. Если он доверяет тебе, я переведу все на твой счет в лагосский банк. Можете взять по десятке наличными для покрытия мелких расходов, пока не доберетесь до банка.

Они поселились в только что открывшемся отеле «Африка». Это тоже было делом рук Дэвида. Отель оказался переполненным, и им достались номера на разных этажах: Эндрю на пятом, окнами во двор, Мадлен — на третьем, с

видом на лагуну. Они добрались до отеля под вечер. На набережной горели огни, сама же лагуна казалась черной. Вдали вспыхивали неоновые рекламы.

Спустившись в ресторан, чтобы поужинать, они обнаружили, что за столами восседают в основном чернокожие, которым прислуживают белые официанты. Их столик обслуживал высокий седовласый человек родом из Франкфурта, еще не привыкший к ловкому обращению с посудой и извинявшийся за свою неловкость. Как оказалось, на родине у него был магазин.

— Ну и как во Франкфурте? — поинтересовался Эндрю.

Официант ответил с холодной улыбкой:

— Дома еще стоят, прочные дома, не так давно построенные американцами, дороги тоже никуда не делись, только ушли под лед. Я вернулся во Франкфурт в 1945 году и застал одни руины. Но тогда среди руин кипела жизнь. Теперь же город мертв.

— Вы давно здесь? — спросила Мадлен.

— Три недели, мадам.

— И не жалеете?

— Конечно, нет. Мы живем с семьей в довольно стесненных условиях. Зато у меня хорошая работа. И щедрый «деш».

— Это что еще такое?

Официант улыбнулся:

— «Чаевые» по-местному. Сама зарплата, конечно, невелика.

Вместе с кофе он принес адресованную Эндрю записку. Там говорилось:

Дорогой Эндрю,

по словам Дэвида, ты прибываешь сегодня и останавливаешься в «Африке». Если тебе захочется повидаться, я буду в «Айленд-клаб» начиная с половины десятого вечера. Приходи сам или оставь записку.

Твоя Кэрол.

— «Айленд-клаб» — это далеко от отеля? — спросил Эндрю у официанта.

— Недалеко, сэр.

Эндрю показал записку Мадлен:

— Сходим?

— Приглашен только один из нас.

— Это не важно.

— А по-моему, важно.

— Возможно, Дэвид не сообщил ей о твоем прибытии.

— Скорее всего она просто хочет обсудить что-то личное. Вам наверняка есть о чем поговорить.

— Ты — часть моей личной жизни, — заявил Эндрю. — Частной жизни, хотя и не интимной.

— С Кэрол дела обстоят иначе, — улыбнулась Мадлен. — В любом случае я хотела пораньше лечь спать. Иди один, Энди. Утром дашь мне подробный отчет.

Эндрю не терпелось скорее очутиться в клубе. Он не видел Кэрол уже несколько месяцев (последняя встреча состоялась по случаю возвращения мальчиков в школу после рождественских каникул), и было очень странно предвкушать свидание с нею здесь, на чужой земле, когда от прежней жизни остались одни осколки, впереди же маячило что-то новое — непонятное, сложное, заманчивое. Он назвал свое имя привратнику, произношение которого выдавало уроженца Франции, и тут же почувствовал вину перед Мадлен, которая в одиночестве разбирает постель в гостиничном номере и о существовании которой он ни разу не вспомнил за последние полчаса.

— Вы найдете мадам в баре, — сказал привратник. — Вот в эту дверь, а потом направо.

Эндрю оказался в круглом помещении и увидел стойку бара. Вокруг красовались заманчивые пейзажи во всю стену. Бар находился в обрамлении снега и льда, оживляемого домиками и башенками. Дальше начиналась водная гладь — сперва кишащая толстыми льдинами, затем чистая и, наконец, залитая лучами яркого солнца. Кульминация композиции помещалась напротив бара: это были золотые пески и украшенные пальмами берега теплого, беззаботного континента. Здесь и сидела Кэрол, одна за столиком. Направляясь к ней, Эндрю обратил внимание на многочисленных

белых женщин и всего двоих белых мужчин. Зато нигерийцев здесь было хоть отбавляй. Шум их болтовни и определял различие между этим баром и аналогичным заведением любой северной столицы.

— Хэлло, Эндрю! — приветствовала его Кэрол. — Рада тебя видеть. Что будешь пить?

— Можно взять самому?

— Нет, это только для членов клуба.

— Ты член?

Она кивнула:

— У них еще остались европейские напитки, но я предпочитаю не смешивать и пью южноафриканский бренди. Приличная вещь.

— Спасибо, — сказал он. — Его и возьмем.

Она подозвала белого официанта и сделала заказ. Глядя на нее, Эндрю оценивал свое душевное состояние. Дрожь нетерпения перед встречей унялась и, к его удивлению, сменилась спокойствием. Кэрол была все так же красива, а новые детали туалета делали ее еще более привлекательной — в былые времена она не стала бы украшать свое платье огромными розами и надевать разноцветные бусы, однако это уже не оказывало на Эндрю прежнего действия, и он наблюдал ее красоту как бы издалека. Эндрю вдруг почувствовал облегчение, и его охватила истома при воспоминании о Мадлен. Существовало два узла, не развязав которые он не мог пробиться к Мадлен: первый связывал ее с Дэвидом, второй крепил его к Кэрол. Теперь остался только один.

Кэрол кивнула на изображения на стенах:

— Как тебе это нравится?

— Немного жестоко. Во всяком случае, нечутко.

— Этой стране не свойственна чуткость. Кроме того, здесь имеется и практический смысл: здешний народ проявляет склонность облеплять стойку, а эти пейзажи влекут их к себе и заставляют рассредоточиться по залу. Заведение открылось всего неделю назад.

— И ты часто здесь бываешь?

— Время от времени. — Она не стала развивать эту тему. — За последние шесть месяцев клуб пережил как бы второе рождение.

— Довольно-таки безвкусно.

— К этому легко привыкаешь. Мне даже нравится. Теперь здесь делаются большие деньги. Учти, нужно немало денег, чтобы выжить в этой стране.

— Как дети? — спросил Эндрю.

— В школе, в Ибадане. Школа пользуется репутацией лучшей в стране. Белых ребят там раз-два и обчелся.

— Я думал, что это не так важно.

— Не так важно? — Кэрол уставилась на него и расхохоталась. — Боже мой, Энди...

— И как они там себя чувствуют?

— Надеюсь, прекрасно. — Она заглянула в сумочку и достала письмо. — Вот, взгляни.

Письмо было от Робина. Эндрю пробежал его глазами и вернул Кэрол. Обычное письмо от обычного мальчишки из частного интерната.

— Да, похоже, они счастливы.

— Еще бы! За такие-то деньги!

Он пригубил бренди. Кэрол налила себе ситро. На ее губах играла наполовину любопытная, наполовину оборонительная усмешка.

— Нас провожал Дэвид, — сказал Эндрю.

Она пробормотала что-то невнятное, а потом спросила:

— И как он?

— Ему нелегко. Иначе и быть не может. Но он держится молодцом.

— Бедняжка Дэвид!

— Когда ему потребуется уносить ноги, он нагрянет без предупреждения.

— Знаю. Он говорил мне об этом. Думаю, ему надо было выбраться пораньше. — Ее слова звучали как простая констатация. — Он вполне мог это сделать. С его-то связями!

— Возможно, теперь ты смогла бы его уговорить.

Ответ последовал не сразу.

— Европа — это очень далеко. Эмоционально, а не только географически. Воспоминания меркнут. Города, люди... Возможно, так происходит только со мной.

Он понял, о чем речь, и ему стало не по себе. Кэрол наклонилась над столом, сдавив локтями свою роскошную грудь.

— Я почти забыла, как ты выглядишь, Энди. Теперь я смотрю на тебя свежим взглядом.

Это вполне могло быть сознательной провокацией, хотя не исключалась и случайность. Он почувствовал смятение, внезапно вспомнив, что беседует с женщиной, все еще приходящейся ему по закону женой. Выходит, он несет за нее ответственность. Если ослепление Дэвидом прошло, то ей может взбрести в голову возобновить прежние отношения — ведь они были не так уж несчастливы вместе. Эта мысль вызвала у Эндрю беспокойство, но иного рода, нежели то, которого он ожидал.

— В конечном итоге Дэвид никуда не денется. А мне надо позаботиться о Мадлен, — неуклюже пробормотал он.

Кэрол усмехнулась:

— Нет, кое-что осталось прежним. Что ж, ладно. Кстати, как ты собираешься это сделать? У тебя есть хоть какие-то соображения?

— Постараюсь подыскать себе работу. Журналистика, телевидение...

— Об этом можешь забыть, — прервала она его. — Европейцев просят не беспокоиться. В самом начале кое-кто успел найти себе место, но только не в этих двух областях. По сути дела, нам закрыт доступ в любые престижные профессии. Здесь теперь избыток белых врачей. Швейцар в доме, где у меня квартира, имел практику в Вене.

— Я не подозревал, что дела так плохи.

— Остался всего один путь. Ты служил в танковых войсках. Теперь ты можешь помогать им готовиться к войне.

— К какой еще войне?

— Против Южной Африки. Насколько я понимаю, она начнется через два-три года. Ты мог бы получить звание. Они берут белых офицеров до звания капитана включительно. На краткосрочный контракт.

— Нет, — сказал Эндрю, — это не по мне.

— Сколько у тебя с собой денег?

— Двести пятьдесят фунтов. И еще больше тысячи у Мадлен.

— Сложите все вместе и заведите торговлишку, — посоветовала Кэрол. — Не важно какую. Черные все еще розо-

веют от удовольствия, когда товар им отпускают белые руки. Если ты правильно выберешь товар и место, то дела могут пойти неплохо. Я уже говорила, что здесь можно сколотить приличные денежки.

— Спасибо за совет.

— И не тяни, берись за дело сразу. Иначе деньги уплывут между пальцев, особенно в Лагосе. Ибадан ничуть не лучше. Возможно, на севере было бы полегче — скажем, в Кадуне. Примитивно, конечно, зато есть перспектива.

— Ты быстро набралась сведений об этой стране, — заметил Эндрю.

— У меня свои источники информации, — с улыбкой ответила Кэрол.

— А как ты сама? — спросил Эндрю. — Все в порядке?

— Стараюсь.

— Нашла себе работенку?

— Вот именно. — Она взглянула на часы. — Хочешь еще выпить?

Часы были новыми; камушки, усеивавшие циферблат, начинали переливаться, стоило ей пошевелить рукой. Он внезапно понял, что тяжелое ожерелье у нее на шее — не просто бижутерия: на цепочке из чистого золота поблескивали полудрагоценные и драгоценные камни.

— Значит, мне не следует за тебя беспокоиться, — заключил Эндрю. — Спасибо, я больше не буду пить. Мне пора. Денек выдался не из легких.

— Я дам свой адрес — на случай, если тебе захочется меня найти.

Они расстались в дверях бара, пожелав друг другу доброй ночи. Эндрю задержался, чтобы перебросить словечком с привратником; он уже чувствовал побуждение, которому предстояло стать потребностью, — поприветствовать собрата по расе, еще одного одинокого и несчастного человека.

— Вы из какой части Франции?

— Из Дижона. У меня было агентство по торговле недвижимостью.

Эндрю кивнул:

— Помнится, я проезжал через ваш город как-то вечером, зимой. Даже останавливался там, чтобы поесть. Не помню, как назывался ресторан, но еда была отличная.

— В Дижоне всегда была отличная еда.

— А потом прогулялся по улицам. Шел дождь, мостовые отражали свет фонарей. Я помню магазины — кондитерские, ювелирные, мясные лавки с головами оленей и диких кабанов над дверьми.

— И я помню, месье. Помню шум голосов в закусочных и еще многое другое...

В дверях появились двое рослых нигерийцев с дамами, и привратник занялся ими. На мужчинах были яркие одежды и тюрбаны на головах. Дамы были белыми. Уходя, Эндрю оглянулся и снова увидел Кэрол. Она шла назад в бар, сопровождаемая нигерийцем в вечернем костюме.

На следующее утро, спускаясь к завтраку, Эндрю запасся газетой «Таймс оф Найджириа» на случай, если ему придется долго ждать Мадлен. Однако она уже сидела за столом и встретила его улыбкой. Он сел с нею рядом и отложил газету, не раскрывая. Маленький столик предполагал интимное соседство.

— Мне стыдно, — сказала она. — Я заказала двойную порцию яичницы с беконом.

— Чувство стыда всегда полезно разделить на двоих. Я возьму то же самое.

— Как Кэрол?

— Она прекрасно устроилась. — Эндрю помолчал. — Кажется, у нее завелся богатый чернокожий друг.

Взглянув на него, Мадлен спокойно произнесла:

— Могла бы по крайней мере скрыть это от тебя.

— Она и не афишировала этого. Я увидел их вместе совершенно случайно. Мне все равно. Но Дэвиду будет не все равно. И тебе.

— Не уверена.

— Не уверена... в чувствах Дэвида или в своих собственных?

— Ни в его, ни в своих. А ты почувствовал облегчение?

— Когда знаешь, что она может сама о себе позаботиться, все становится на свои места.

— Как мальчики?

— Они учатся в безумно дорогом интернате в Ибадане. Кажется, у них все идет отлично. Она показала мне письмо от Робина.

— Ибадан?..

— Сто десять миль к северу. Столица Северной провинции, в два раза больше Лагоса.

— А я думала, это в Персидском заливе.

— Там Абадан. Нам предстоит многое узнать. И чем быстрее, тем лучше. В конце концов, мы ведь беженцы.

— Беженцы? Вообще-то да. Что еще сказала Кэрол?

— Дала мне хороший совет.

— А именно?

— Она считает, что я могу поступить на службу в нигерийскую армию, чтобы готовить солдат к войне с Южной Африкой, которую они собираются рано или поздно начать. Совместно с другими африканскими странами, надо думать. Трудно надеяться, чтобы в одиночку они могли рассчитывать на успех.

Мадлен улыбнулась:

— Полагаю, эта мысль пришлась тебе не очень-то по душе.

— Было и второе предложение — чтобы мы с тобой объединили средства и открыли магазин. Белые торговцы пользуются здесь популярностью. И в них пока еще ощущается нехватка.

— Военный инструктор или торговец. Видимо, дела пойдут непросто, да? Что же это будет — газетный киоск, табачная лавочка, горшки со сковородками? Наверное, чтобы открыть аптеку, понадобилась бы соответствующая квалификация?

— Вроде того. Вчера вечером я проходил мимо провала в стене, над которым болталась надпись: «Доверительный медицинский кабинет».

Она покачала головой:

— Где уж нам конкурировать...

— Покидая Англию, Кэрол прихватила четыре тысячи фунтов, — вспомнил Эндрю. — Наверное, я мог бы претендовать на какую-то часть. Но...

— Нет, не нужно, — скороговоркой выпалила Мадлен. — Пожалуйста! Мне бы не хотелось.

— Тогда я смогу вложить в дело в пять раз меньше, чем ты.

— Это так важно?

— Может стать важным. Когда здесь появится Дэвид.

— Что бы ни случилось, мы не станем ссориться из-за денег.

— Как и из-за чего-либо другого.

— Да, — сказала Мадлен и взяла его руку в свою. — Уверена в этом.

Их пальцы переплелись.

— Кажется, нам сейчас подадут яичницу с беконом, — умиротворенно произнес Эндрю.

Они с жадностью набросились на завтрак, наслаждаясь после долгих лишений обилием еды. Наливая себе третью чашку кофе, Эндрю вспомнил про газету, в которую так и не удосужился заглянуть. Он развернул ее и начал с первой страницы. Заголовки выглядели кричаще, бумага была самой дешевой, но и это впечатляло после лондонских листочков. Главная новость касалась Южной Африки: «ЗВЕРСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖЕНЩИНАМИ И ДЕТЬМИ». Ниже шло шрифтом помельче: «Сенсационное сообщение вождя банту» — леденящая душу история, которую Эндрю счел совершенно неправдоподобной. Он перевел взгляд на другой заголовок, помещавшийся на следующей странице: «ЕВРОПЕЙСКИЕ ВАЛЮТЫ: РЕШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА».

Текст был лаконичным. На заседании министров финансов африканских стран в Гане было принято единодушное решение об установлении моратория на все денежные операции с валютами стран, столицы которых расположены севернее сорокового градуса северной широты.

Эндрю передал газету Мадлен, указав на последнюю заметку.

— Кажется, мы успели как раз вовремя, — сказал он.

Она внимательно ознакомилась с текстом сообщения и подняла глаза:

— Только вот успели ли? Мораторий вступает в силу с сегодняшнего дня.

— Наш перевод уже состоялся.

— Однако мы еще не получили по нему денег. Это имеет какое-нибудь значение?

— Не думаю. Но лучше удостовериться.

За окошечком для иностранцев они увидели высокого негра с тонкими чертами лица. Он внимательно выслушал Эндрю и направил их в кабинет помощника управляющего. К кабинету пришлось идти по коридору. На столике в тесной приемной лежали газеты и журналы всех мастей — от последнего номера толстого местного «Барабана» до выпуска лондонского листка недельной давности. Шоколадная девушка в белом плиссированном платьице и очках в модной оправе пригласила их в кабинет.

Помощник управляющего оказался приземистым толстяком с курчавой седой шевелюрой. Он сложил руки на столе ладонями кверху. Ладони были удивительно светлыми, почти белыми.

— Так, — начал он, — и что же я могу сделать для вас, мадам? И для вас, босс?

Он иронически подчеркивал старомодные обращения. Белые ладони, казалось, подсвечивали снизу его физиономию.

— Нас послал к вам служащий. На имя миссис Картвелл сюда направлен денежный перевод из Лондона.

— Миссис Картвелл — это вы? — кивнул помощник управляющего в сторону Мадлен.

— Да, я — миссис Картвелл. У меня с собой паспорт.

— А вы — мистер Картвелл?

— Нет. Моя фамилия Лидон.

Негр медленно покачал головой.

— У белых свои порядки, — сказал он и взглянул на Мадлен. — Белая, но миловидная. Вам знакома «Песнь Соломона», миссис Картвелл? Добро пожаловать в Лагос! Здесь есть все, чтобы вы почувствовали себя счастливой.

— Спасибо на добром слове, — лаконично отозвался Эндрю. — Теперь, возможно, вы распорядитесь, чтобы миссис Картвелл выплатили причитающиеся ей деньги?

— Вы прибыли вчера? — поинтересовался помощник управляющего. — Как выглядит Лондон? Я слышал, что там сейчас прохладно. — Его лицо расплылось в зубастой улыбке. — Прямо-таки мороз!

— Мы пришли по делу, — не выдержал Эндрю. — Нам некогда терять время на болтовню.

— Времени у вас куда больше, чем вы думаете. Держу пари, что его у вас просто хоть отбавляй.

— Позвольте нам решить это самим.

После недолгой паузы негр произнес:

— Я скажу вам кое-что о себе, мистер Лидон. Я — банту. Я родился в трущобах Йоханнесбурга.

— Как-нибудь в другой раз. Не сейчас.

— Я сбежал оттуда. Уехал в Лондон, учился в университете. Но до диплома не дотянул — поэтому и сижу здесь простым клерком. Однако мне хватило ума не возвращаться в Южную Африку. Я осел здесь: живу в доме, в котором раньше обретался англичанин, совсем рядом с площадкой для гольфа. Я играю в гольф, босс.

— Неужели это так необходимо? — взмолился Эндрю. — Я все понял: вы не любите Южную Африку. Зато вы учились в Лондонском университете, а потом приехали в негритянскую страну, получившую от Англии независимость. Вы сами говорите, что у вас все в порядке.

На лице собеседника снова расцвела улыбка, еще шире прежней.

— Я рад этим вашим словам. Должен сознаться, что надеялся спровоцировать вас, чтобы вы указали мне на мое место, босс. Или хотя бы попытались это сделать.

— Я не собираюсь указывать вам ни на какое место. Мы пришли по той простой причине, что миссис Картвелл необходимо снять принадлежащую ей сумму.

— Когда я был малышом, то ходил в миссионерскую школу. Среди прочих вещей, которым меня там обучили, была простая мысль о том, что в этом мире не стоит надеяться на справедливость. Справедливость наступает позже, на небесах. Насчет небес я теперь уже не очень-то уверен, но вот насчет справедливости на земле они были совершенно правы. Может случиться так, что принадлежность к бе-

лой расе окажется для вас в Африке недостатком. Конечно, все должно быть совсем наоборот. Остается надеяться, что вы отнесетесь к этому философски, босс. То, что не по нраву, приходится сносить. Этот лозунг я выучил там же, в школе при миссии. Он способен здорово утешить, когда наступают тяжелые времена.

— Вы уж простите меня, — подала голос Мадлен, — но здесь жарко, особенно после Лондона... Нельзя ли...

На столе стоял электрический вентилятор. Негр протянул руку и щелкнул рычажком. Лопасти пришли в движение, и вентилятор стал медленно поворачиваться, как лишенное глаз лицо, тщетно всматривающееся в пустоту. В кабинете повис низкий гул.

— Все, что угодно, лишь бы вам было хорошо, мадам. Насколько я понимаю, вы более чувствительны, чем наш брат негр.

— В вашей стране мы всего лишь гости, — сказал Эндрю. — Нам бы не хотелось причинять лишние хлопоты. Но вам не кажется, что всему есть предел? Если вы не готовы немедленно заняться переводом миссис Картвелл, то мы вынуждены будем обратиться к вашему начальству. Управляющий свободен?

Негр спрятал ладони, демонстрируя черные костяшки пальцев, в которые он уперся подбородком.

— Свободен, босс. Он всегда к услугам богатых клиентов, независимо от цвета их кожи. Но я займусь переводом немедленно, если вам так хочется.

— Сделайте одолжение.

— Какое же тут одолжение? — Помощник раскрыл папку, вынул из нее лист бумаги и протянул его Эндрю. — Прошу вас, босс.

На листе было отпечатано: «Зачислить на счет миссис Мадлен Картвелл сумму в 1470 (тысячу четыреста семьдесят) фунтов стерлингов по предъявлении удостоверения личности». Сверху красовалась жирная черная надпечатка: «ОТМЕНЕНО». Рядом было приписано от руки: «Согласно постановлению правительства № 327».

— Деньги переведены еще до решения о европейских валютах, — сказал Эндрю.

— Верно, босс, — кивнул помощник управляющего.

— Значит, его следует оплатить.

— Наверное, вы не все поняли. Перечислены были фунты стерлингов. Однако на африканском континенте такой валюты больше не существует.

— Перевод полагалось оплатить нигерийскими деньгами.

— Здесь об этом ничего не сказано. Банк не вправе превышать свои полномочия, босс. Миссис Картвелл могла бы изъявить желание получить какую-нибудь другую валюту. Денежки буров или даже ракушки каури. — Он снова осклабился. — Увы, босс.

Эндрю поднялся:

— Видимо, придется обратиться в посольство.

Помощник управляющего приветствовал его слова сердечным кивком головы:

— Прямо туда и отправляйтесь. Как выйдете — сразу налево. Это всего в двух кварталах отсюда.

Стоило им выйти на улицу, как они чуть не задохнулись от ядовитого выхлопа древнего грузовичка, в кузове которого, перекрывая уличный гам, громко распевали песню женщины из племени йоруба в голубых сарафанах и цветастых тюрбанах. На борту перегруженного грузовичка было выведено огромными желтыми буквами: «ВЕРУЙТЕ В ГОСПОДА!» Несмотря на ранний час, воздух был жарким и влажным.

— Что теперь? — спросила Мадлен.

— Вдруг нам помогут в посольстве?

В фойе столпилось несколько десятков посетителей. Прошло некоторое время, прежде чем Мадлен и Эндрю протиснулись в кабинет младшего секретаря, худого рыжеволосого человечка с тоненькими усиками. Большую часть времени он избегал встречаться с посетителями глазами, но иногда вдруг начинал пялиться на них, словно этого требовал смысл документа, над которым он корпел в данную минуту. Выслушав рассказ Эндрю о происшествии в банке, секретарь в сердцах сломал карандаш.

— Да, — молвил он, — прямо беда! Такие уж времена. А это — новый удар. Мы понятия не имели, что они так поступят.

— Выходит, на получение денег нет никакой надежды? — спросила Мадлен.

— Денег больше не существует, миссис Картвелл, — удрученно ответил он. — Служащий не имел никакого права грубить вам, но с точки зрения законности все совершенно ясно: лондонский банк, совершивший перевод, уже получил уведомление, и сумма отправилась назад.

— Выходит, мы остались без гроша, — резюмировал Эндрю. — Я правильно понял?

— Если только вам нечего продать.

— Свою одежду. Это все.

— Неудача, что и говорить. Мы не одни такие. Хотя это, конечно, не сможет вас утешить.

— Посольство не в состоянии оказать нам помощь?

Его маленькие светло-серые глазки, обрамленные мягкими бесцветными ресницами, уставились на Эндрю.

— С радостью пришли бы вам на выручку! Но это удар и для нас. Откровенно говоря, нам придется теперь рассчитывать на благотворительность со стороны нигерийского правительства, чтобы хоть как-то продержаться.

— Тогда дайте хотя бы совет.

— Вы могли бы попытать счастья в армии, мистер Лидон, если вы в прошлом служили.

— Чтобы помогать им готовиться к войне против белых в Южной Африке?

— Приходится быть реалистами. Да и справедливость не помешает. С точки зрения черных африканцев, провокации трудно дальше выносить. Тут есть параллель с испанскими маврами. Да и сомнительно, чтобы от вас потребовали участия в военных операциях; ваша роль ограничится скорее всего инструктажем.

— Что позволит мне забыть об опасениях...

— Лояльность — не такое однозначное понятие. Вспомните хотя бы о том, что Нигерия состоит в Содружестве, а Южно-Африканский Союз — нет.

— Вы это серьезно?

— Почему бы и нет? — Секретарь принялся собирать остатки карандаша.

— А что-нибудь помимо нигерийской армии?

— Любая другая работа будет скорее лакейской.

— Где же нам жить? Пока мы остановились в отеле «Африка»...

— Полагаю, что прямо с сегодняшнего дня гостиницы станут требовать от европейских постояльцев оплаты наличными. Вам пока хватит денег, чтобы оплатить счет?

— В обрез.

— Хоть так. В противном случае они задержали бы ваш багаж.

— Значит, съезжаем. Но куда?

— С радостью помог бы вам советом. Однако боюсь, что в последнее время квартплата подскочила здесь до небес.

— Что-нибудь да найдется, — сказала Мадлен.

Младший секретарь со вздохом извлек из ящика стола визитную карточку.

— Попытайте счастья. Мне он не слишком нравится, да и репутация у него сомнительная, однако это весьма осведомленный малый. Думаю, вам будет невредно его повидать.

На карточке значилось: «Альф Бейтс, движимое и недвижимое имущество». Далее следовал адрес. Эндрю сунул карточку в карман.

— Спасибо, — проговорил он.

— Жаль, что не могу сделать для вас большего. — Немигающий взгляд снова уперся в Эндрю. — Будем надеяться, что все как-нибудь образуется.

2

Кэрол жила в районе старых колониальных вилл. Дом оказался низким кирпичным строением типа ранчо. Вокруг расстилались лужайки, бодро орошаемые дождевальными установками, благодаря чему розы, которыми была обсажена дорожка к дому, искрились от покрывающих их капелек. Подойдя к дому, Эндрю заметил на стене солнечные часы и вспомнил похожие часы в их саду в Далидже, обросшие толстым слоем льда.

Мадлен молча брела рядом. Сначала она вообще не одобряла идею встречи с Кэрол, затем стала советовать ему отправиться самостоятельно. Они пытались дозвониться до Кэрол, но линия оказалась поврежденной. В конце концов Мадлен уступила уговорам Эндрю. Сейчас она с убитым видом смотрела, как он нажимает на кнопку дверного звонка.

Дверь открыл высокий человек с очень светлой кожей в алом мундире, обшитом золотым кантом.

— Чем могу служить, сэр? — осведомился он со скандинавским акцентом.

— Я хотел бы повидать миссис Лидон, — сказал Эндрю.

Русая голова совершила вращательное движение.

— Сожалею, но миссис Лидон здесь нет, сэр.

— Когда же она появится?

— Сожалею, но этого я не знаю, сэр.

— Я могу оставить записку?

— Сомневаюсь, что... — Он не договорил, поскольку в доме зазвучал женский голос, имевший иной, более мягкий акцент.

— Карл, кто там?

Обернувшись на зов, дворецкий ответил:

— Господа спрашивают миссис Лидон, мадам.

— Попроси их войти.

Женщина встретила их в холле. Это была негритянка лет тридцати, среднего роста, одетая по европейской моде — в красном шелковом платье и домашних тапочках с золотым тиснением. Она не отличалась красотой, но производила впечатление очень важной особы.

— Мистер Лидон и миссис Картвелл! — провозгласил дворецкий.

— Не хотелось бы вас тревожить, — начал Эндрю. — Жена дала мне карточку с этим адресом. Я не предполагал, что здесь живут другие люди.

— Ничего страшного, мистер Лидон. Меня зовут Мария Арунава. Миссис Лидон — секретарь моего мужа. Она не сказала вам об этом?

— Нет, — покачал головой Эндрю, — не сказала.

— Проходите в гостиную, мы выпьем чаю. Или чего-нибудь похолоднее, если желаете.

Стены гостиной были выкрашены в светлые тона, на полу лежал изумрудный ковер на толстой пружинящей подкладке. Кресла и два дивана были покрыты белыми накидками с золотыми пуговицами. Благодаря жалюзи здесь царила приятная прохлада, поддерживаемая тихо жужжащими кондиционерами.

— Прошу вас, садитесь, — сказала хозяйка дома. — Чем я могу вам помочь?

— Я хотел повидаться с женой, — сказал Эндрю и после некоторого колебания добавил: — Она скоро вернется?

— Боюсь, что не скоро.

Хозяйка разглядывала их дружелюбно, даже с симпатией. Эндрю рассказал о приключении в банке. Она покачала головой:

— Вот ужас! На свете случается столько всего ужасного! Жаль, что с этим ничего нельзя поделать.

— Мы с женой собираемся развестись. Но я подумал, что она может нам помочь — скажем, позволить нам пожить у нее несколько дней, если у нее найдется свободная комната, пока мы не подыщем себе жилье...

— Я с радостью предложила бы вам остаться здесь, мистер Лидон. Но мой супруг придерживается строгих правил. Я не могу поселить в доме гостей без его разрешения.

— Я никогда и не осмелился бы просить вас об этом. Полагаю, моя жена находится сейчас вместе с мистером Арунавой в Лагосе?

— Вынуждена вас поправить, — с улыбкой молвила хозяйка. — Мой супруг — сэр Адекема Арунава. Он требует, чтобы люди сознавали, что он носит этот титул. Одно из его правил.

— Леди Арунава, — взмолился Эндрю, — прошу меня извинить!

Она покачала головой:

— Пожалуйста! Правила писаны не для меня. К несчастью, сэр Адекема сейчас не в Лагосе. Сегодня утром он улетел по делам в Момбасу. Миссис Лидон, разумеется, отбыла с ним.

— Надолго?

— Он не сказал. Речь шла об отпуске вслед за поездкой. Он не любит деловой жизни. Видимо, он поедет на водопад Виктория. Ему очень нравится это место, а миссис Лидон никогда там не бывала.

— Понятно. У вас есть какой-нибудь способ связаться с ним?

— Прямой связи нет. Однако у меня есть адрес его делового партнера в Момбасе. Вы могли бы написать супруге по этому адресу. Возможно, ваше письмо нашло бы ее.

— Спасибо. Я с удовольствием возьму адрес.

Светловолосая девушка неумело вкатила в гостиную тележку с серебряным чайным сервизом на верхней полочке и всевозможными пирожными на нижней.

— Спасибо, Молли, — сказала леди Арунава. — Можешь все это оставить.

Разлив чай в хрупкие чашечки, она передала их гостям. Затем указала на блюдо с пирожными. Мадлен бросила быстрый взгляд на Эндрю и ухватила самое большое. В целях экономии они ограничились в обед финиками и подозрительным апельсиновым напитком.

За чаем леди Арунава говорила общие слова о бедствии, постигшем Европу из-за «Зимы Фрателлини», и о своем сожалении по этому поводу. Ее печаль была неподдельной, но совершенно бесполезной. Эндрю вспомнил свою тетушку, супругу сельского викария, рассуждавшую за чаем об арабских беженцах под звонкие удары по мячу на соседней площадке. Интересно, какая ее постигла судьба...

Хозяйка ненадолго оставила их, чтобы принести обещанный адрес. Сидя в тихой, благородной гостиной, они не знали, куда девать руки.

— Посмотри хорошенько, как живут богачи, — сказал Эндрю. — Мы не скоро увидим это снова.

Мадлен поднялась, быстро подошла к нему, опустилась на ковер и подставила лицо для поцелуя.

— В чем дело? — спросил Эндрю.

— Ты совершенно прав — у нас не будет ничего подобного. Глупо притворяться, что это не имеет значения.

— Тогда поцелуй меня. Возможно, это действительно не важно.

Она покачала головой и встала с колен:

— Леди Арунава возвращается.

Записав адрес, они начали прощаться.

— Я тут подумала — вам придется очень нелегко, — сказала хозяйка. — В этом городе жизнь и так непроста, тем более для белых. У вас есть хоть какие-то деньги?

— Совсем чуть-чуть, — признался Эндрю, стесняясь побуждения заняться попрошайничеством и боясь поднять на негритянку глаза.

— Мне так хотелось бы вам помочь! Но сэр Адекема строго контролирует расходы на содержание дома. Он не позволяет мне касаться денег, ибо это ему очень не по душе.

— Спасибо вам за заботу, — произнес Эндрю. — Как-нибудь выкрутимся.

— Даже не знаю, как это лучше сказать, — пробормотала леди Арунава, — но как бы вы отнеслись к тому, чтобы перекусить на природе сегодня вечером? Рестораны сейчас страшно дороги, да и еда там дрянная. У нас в доме полно еды — холодное мясо и тому подобное. Вас не оскорбит, если я предложу вам пакет с едой? Я бы с радостью пригласила вас поужинать, но строгие инструкции сэра Адекемы не позволяют этого сделать. Мне нельзя приглашать в гости даже моих друзей.

Эндрю собрался было отказаться от ее предложения, но Мадлен опередила его.

— Будем вам очень благодарны, — выпалила она. — Спасибо.

Леди Арунава заулыбалась:

— Я надеялась именно на такой ответ. И уже распорядилась приготовить для вас пакет с пищей.

Они сошли с дороги и двинулись вдоль пляжа в южном направлении. Был ранний вечер, огромное багровое солнце грозило заполнить собою весь горизонт, но мелкий белый песок был все таким же раскаленным. Он проникал в обувь, поэтому они разулись, и Эндрю положил свои башмаки и туфельки Мадлен в сумку, где дожидалась своего часа еда. Было очень приятно брести по теплому песку босиком.

— Мы уже отошли достаточно далеко? — спросил Эндрю.

— Достаточно, — кивнула Мадлен.

До дороги было теперь примерно полмили. К кромке пляжа спускалась рощица каких-то хвойных деревьев, устлавших крохотными шишечками ложбину между двумя холмами из песка. Вокруг не было ни души, лишь слабо доносился шум набегающих на берег волн.

Мадлен принялась разбирать провизию. В сумке оказалась даже одноразовая бумажная скатерка и две картонные тарелочки. На свет появились ломтики холодной говядины, язык, холодный цыпленок, картофельный салат в пластмассовой коробочке, хитроумно нарезанные помидоры, маленькая бутылочка с маслинами и пузырек с кисло-сладкой фруктовой приправой к мясу. Кроме того, им предстояло осушить большую бутылку с лимонадом и две бутылочки пива, закусывая двумя персиками. Заботливые руки не забыли уложить в сумку хлеб, соль и перец.

— Не хватает только масла, — сказала Мадлен. — Но оно бы потекло. А хлеб выглядит аппетитно и без него. Хочешь пива, Энди?

Он кивнул:

— Мы неплохо понищенствовали для первого раза.

— Славная женщина. Надеюсь, у нее не будет неприятностей.

— Из-за того, что она поделилась с нами едой? Как же ее муж об этом узнает?

— Вдруг он заставляет слуг шпионить за ней? Мне не слишком понравился этот их Карл. Будем надеяться, что все обойдется, и наслаждаться трапезой, ведь ей хотелось именно этого.

Мадлен завершила приготовления и оглядела импровизированный стол.

— Ни вилок, ни ножей. Наверное, они у сэра считанные. — Она потрясла сумку, и на песок упал последний пакетик. — Пластмассовые ложечки. Это уже кое-что. А еще сигареты и коробок спичек.

После ужина Мадлен собрала оставшуюся еду. Эндрю зажег две сигареты и протянул одну ей.

— «Велосипед», — сказал он, разглядывая пачку. — Новая марка. Думаю, к этому можно привыкнуть. Если только нам позволительна такая роскошь, как курение.

— Сколько у нас денег?

— Один нигерийский фунт. Плюс несколько шиллингов и пенсов.

— Завтра придется заняться поисками. Нужна и работа, и жилье.

Эндрю откинулся на спину и стал смотреть в небо. Было уже достаточно темно, чтобы разглядеть звезды, но сполохи, только что мелькавшие в его глазах, тут же погасли, стоило ему сфокусировать зрение.

— Здесь можно увидеть Южный Крест? — спросил он. — Думаю, что да.

— А вот как быть сегодня? — задумалась Мадлен. — Мы не сможем вернуться в отель.

— Есть надежда, что нам позволят провести ночь на полу в посольстве...

— Здесь по крайней мере тепло, — сказала она и прикоснулась к его руке. — Мы можем спать здесь, на пляже.

— Не слишком-то комфортабельно.

— Зато чисто и спокойно. Мне не улыбается перспектива возвращения в город. — Она указала на сумку. — На завтрак еды хватит.

— Тогда решено.

— Тебе этого никогда не хотелось? — спросила она. — Ребенком, когда ты попадал на побережье? Мне — да.

— И мне, — ответил Эндрю. — Только я забыл.

Они проговорили еще с час, пока в остывшем небе не загорелись настоящие звезды. После этого они пожелали друг другу доброй ночи и устроились по негласному соглашению каждый в собственной выемке в песке. Некоторое время в отдалении тявкала собака, но потом угомонилась и она. Лишь волны продолжали мерно набегать на пляж.

Когда Эндрю проснулся, в небе горела половинка луны, только начавшая карабкаться вверх. Мадлен мирно спала. Он тихонько поднялся, стараясь не потревожить ее, и побрел в рощу. Здесь почему-то было еще более одиноко, чем

на бесконечном пустынном пляже. Он потянулся: от лежания на песке у него свело мышцы спины.

Эндрю вернулся на пляж, остановившись по другую сторону песчаного холма. Ночь была очень теплой, но его все равно пробирала дрожь. В безжалостном свете луны он вспомнил обо всех своих утратах. Прежняя работа, даже сама Англия казались сейчас чем-то совершенно нереальным. Он сожалел о сыновьях, которые, как он теперь ясно видел, отойдут от него, какая бы трудная жизнь ни ожидала их в ближайшем будущем. Утрата Кэрол не вызывала у Эндрю ни малейшего сожаления; он не чувствовал к ней даже отвращения. В этой прозрачной ночи все, что ему когда-либо принадлежало, что совсем недавно имело для него хоть малейшее значение, утратило всякий смысл. Он расставался с прежней жизнью без горечи.

Охватившее его сейчас чувство не было чувством потери. Это было нечто худшее: он ощущал себя нагим, на теплом ветерке ныли незащищенные кости. Пусть все то, с чем он сейчас расставался, было иллюзией — Эндрю не мог представить себе, как без нее существовать. Боль, пронзившая его, была хуже боли, причиняемой неразделенной любовью, ибо любовь всегда сулит надежду. Он встал на колени и повалился головой на песок. Это была молитвенная поза, только ему некого и не о чем было молить. И нечего предложить. Он сознавал лишь одно: и внутри, и вокруг расстилалась пустота.

Эндрю не слышал шагов Мадлен и вздрогнул, когда она прикоснулась к его плечу.

— Энди, — раздался ее голос, — с тобой все в порядке?

— Да, вполне, — сухо ответил он.

— Я так испугалась. Проснулась, а тебя и след простыл.

Эндрю молчал.

— Когда остаешься ночью одна, тут же превращаешься в ребенка. Со мной так всегда.

Он по-прежнему не нарушал молчания. Мадлен поднесла руку к его лицу и коснулась мокрых щек. Эндрю следовало отпрянуть, но его оставила всякая воля, и он мог всего лишь слепо взирать на песок и волны, освещаемые луной. Не со-

противлялся, когда Мадлен увлекла его на песок и прижала к себе.

— Милый, — шептала она, — все будет хорошо. Не плачь, Энди, милый, ну пожалуйста, не плачь...

Эндрю снова стала колотить дрожь, еще более сильная, чем прежде. Мадлен целовала его мокрое от слез лицо, согревала ладони. Через некоторое время она отпустила его. Послышался шорох одежды, и она снова прильнула к Эндрю, уже в расстегнутой блузке и без лифчика. Мадлен прижималась щекой к его волосам, как будто стала выше ростом. Он чувствовал нежное прикосновение ее груди к своей шее, тепло плоти, волной пульсирующей у его уха. Материнское побуждение, пронеслось у него в голове, это вполне естественно для женщины, никогда не дававшей грудь ребенку...

Но то было настоящее тепло, и пульсировало оно по-настоящему. Ее пальцы заскользили по его телу, ласково перебираясь от одного ребра к другому. Не в силах больше выносить этого, он обнял ее, стиснул ладонями ее лицо и стал целовать.

Эндрю помог Мадлен стянуть блузку, и его взору предстали плечи, руки, маленькие заостренные груди неземной красоты — в свете луны тело словно серебрилось.

Не в силах отвести глаз, Эндрю прошептал:

— Это от жалости?

Она покачала головой и тихо ответила:

— Наверное, от одиночества.

— В этом нет необходимости.

— Есть, — сказала она. — Есть, мой милый!

Потом они купались в темной воде и долго бродили по пляжу, пока не обсохли достаточно, чтобы натянуть одежду. Снова улеглись на песок, но уже бок о бок, и тут же уснули. Очнувшись, Эндрю зажмурился от светлеющего неба. Мадлен уже некоторое время теребила его за руку.

— Кто-то идет, — прошептала она.

Он рывком сел. К ним приближались трое в форме. Один из них с трудом удерживал на поводке овчарку.

— Сиди спокойно, — приказал Эндрю. — Не хватало только, чтобы они спустили на нас собаку.

— Полиция?

— Думаю, да.

Троица подошла ближе. Вышедший вперед человек крикнул:

— Вставайте, босс. И вы, леди.

Они встали. Взглянув на нашивки, Эндрю определил, что патрулем командует сержант — высокий, худой, остроносый, с аккуратным ртом и подстриженными усиками. Он наблюдал за ними, широко расставив ноги.

— Надеюсь, вы знаете, что нарушили закон, босс? — спросил сержант.

— Неужели существует закон, запрещающий людям спать на пляже? — удивился Эндрю.

— Нет, зато существует закон, запрещающий белым бродяжничать, босс. Можете спать, где вам вздумается, но только имея при себе десять фунтов. У вас есть такие деньги?

— Нет. С собой нет. Я не знал о подобном правиле.

— Вы недавно в Лагосе?

— Позавчера приехали. — Он помялся. — Вчера мы собирались получить наличными перевод, однако нас опередило ограничение на выдачу валюты.

Сержант кивнул:

— Слышал. Вы не первые, кого мы ловим.

— У нас есть кое-какие вещи в отеле «Африка» — одежда, чемоданы. Как раз на десять фунтов.

— Возможно. — Он саркастически усмехнулся. — Только сейчас не слишком расторгуешься, босс.

— Разве вы обязательно должны нас арестовывать, сержант? — спросила Мадлен. — Мы не знали, что нарушаем закон.

Прежде чем ответить, он некоторое время разглядывал ее. Эндрю уже готов был определить его взгляд как наглый, даже развратный, однако, к его удивлению, в голосе сержанта прозвучали ободряющие нотки.

— Понимаю, леди. Этот закон может показаться слишком суровым, но он принят не беспричинно. В эти дни вокруг Лагоса слоняется немало белых, и у многих из них нет

денег. Некоторые даже вламываются в дома, крадут, и все такое прочее. Им хватает и хитрости, и хладнокровия, им наплевать, что произойдет дальше. Прошлой ночью белый взломщик сильно поколотил одну даму. Отсюда и закон, и патрули. — Он указал на овчарку. — И собака. Ее тренировали ловить негров — она служила на алмазных копях в Сьерра-Леоне, однако теперь без труда переключилась на другой цвет. Славная собачка!

Эндрю и Мадлен помалкивали. Эндрю чувствовал, что чем меньше говоришь, тем меньше вероятности, что твои слова сочтут оскорбительными.

— Лучше не ночуйте больше под открытым небом, — посоветовал сержант. — Мы вынуждены следить за соблюдением закона. Надеюсь, вы понимаете.

— Да, — сказал Эндрю, — понимаем. Спасибо, сержант.

— Мы возвращаемся в участок, — сообщил сержант. — Тут миля, от силы миля с четвертью. Можем предложить вам по чашечке кофе, если вы согласны пройти такое расстояние пешком.

— Будем очень благодарны, — сказала Мадлен.

— Тогда пойдемте.

Их не только попотчевали кофе, но и довезли до города в полицейском грузовичке. А перед этим позволили умыться и привести себя в порядок. Эндрю, правда, не смог побриться, так как бритвенный прибор дожидался его в гостиничном номере. Надо было, не мешкая, заняться поисками жилья и работы, поэтому первым на их пути вполне мог стать человек, чье имя им назвали в посольстве.

Искомая контора располагалась в новом административном здании в районе Икои; однако они оказались у дверей уже в восемь часов, а в столь раннее время никто еще не думал приступать к работе.

Пришлось коротать время, прогуливаясь по улицам. Мадлен и Эндрю хотели было купить газету, но она стоила шесть пенсов, что было для них непомерной суммой, поэтому они ограничились изучением заголовков. Газеты главным образом интересовались скандалом, сотрясавшим одну из нигерийских политических партий, хотя не обошлось и без очередной истории о зверском обращении с народом банту.

В 9.15 они вернулись к конторе Бейтса. Контора представляла собой закуток на третьем этаже — всего одна комната, разделенная надвое фанерной перегородкой. В «приемной» тарахтела на машинке брюнетка с еврейской внешностью. Выслушав Эндрю, она сказала:

— Сейчас узнаю, сможет ли мистер Бейтс принять вас.

Она говорила по-английски с акцентом уроженки Центральной Европы, предположительно Вены. Постучав в дверь, девушка на некоторое время пропала из виду. Появилась она уже в сопровождении самого Альфа Бейтса — невысокого человека лет сорока, с глуповатым и одновременно хитрым выражением на красном лице. Его рука интимно возлежала на плече секретарши. Ласково отпихнув ее, он приветствовал посетителей:

— Прошу вас, входите! Рад, что вы пришли. Самое милое дело — начинать трудиться с утра пораньше. Здесь черным за нами не угнаться. Они много чему научились, но по-прежнему чертовски ленивы.

Он усадил их на стулья, сам же взгромоздился на вращающийся табурет у письменного стола. Стол был далеко не новым, с отколотым углом. Бейтс вооружился блокнотом и перьевой ручкой.

— Ваши фамилии? Начнем хотя бы с этого... Мистер Эндрю Лидон и миссис Мадлен Картвелл, — повторил он за Эндрю и впился в обоих своими серыми глазками. — Но вы хотя бы в одной упряжке? Вам не нужны разные квартиры?

— Нет, — успокоил его Эндрю, — одна на двоих.

— Не обращайте на меня внимания, — сказал Бейтс. — Живите как хотите. Только свободы с каждым днем остается все меньше. Вам нужно скромное местечко? Ничего шикарного?

— Мне нужна работа, — сообщил Эндрю. — Наши деньги пропали, когда заморозили фунты стерлингов.

— Целиком?

— Да.

— Так, — кивнул Бейтс, — выходит, вас надо относить к особой категории — самых невезучих. Правда, могло получиться и хуже, верно? Сидели бы сейчас все в пупырышках от мороза у себя на севере...

— У вас есть что нам предложить? — прервал его Эндрю.

Бейтс окинул его взглядом:

— С вами дело посложнее. Разве что армия — а так не больно-то разбежишься.

— Мне все равно, чем заниматься.

— Как и большинству белых, оказавшихся здесь, — а ведь они попали сюда раньше вас.

— Может ли подвернуться хоть что-нибудь на телестудии? Согласен на что угодно.

Бейтс засмеялся:

— Там сыновья вождей драят полы! Нет, телевидение — это полное табу. Забудьте об этом. — Его взгляд стал оценивающим. — Не думаю, чтобы ваше телосложение оказалось подходящим для ручного труда, особенно в здешнем климате. Считается, что сейчас стоят прохладные деньки, но вы этого ни за что не заметите.

— Не найдется ли что-нибудь для меня? — спросила Мадлен.

— Как раз об этом я и размышлял, — сказал Бейтс. — Я бы мог перебросить вас на ту сторону.

— На ту сторону?

— Ночные клубы расположены на противоположной стороне лагуны. На белых женщин есть спрос — при условии, что они молоды и... — тут он ухмыльнулся, — привлекательны.

— Чем бы я там занималась? Боюсь, что из меня не выйдет ни танцовщица, ни певица.

— Ходить туда-сюда вы по крайней мере можете! Потом вы присядете за столик и позволите кому-нибудь угостить вас.

— Негру?

Бейтс закатил глаза:

— Кто же еще может позволить себе тратить деньги на спиртное? Я тоже могу туда зайти раз в месяц, чтобы вас угостить, только мне потом придется поститься целую неделю.

— Сколько же за это платят?

— Пять фунтов в неделю.

— Судя по здешним ценам, на такие деньги все равно нельзя существовать.

— Это номинальная плата. Кроме нее, вам положены комиссионные за спиртное, чаевые — ну и так далее.

— Иными словами, — медленно проговорила Мадлен, — вы предлагаете мне заняться проституцией. Принять участие в удовлетворении спроса на тела белых женщин. Я не ошиблась?

— Миссис Картвелл, — возмутился Бейтс, — я вам ничего не предлагаю. Я даю вам ориентиры, чтобы вы смогли получить работу. А дальше — как знаете. Одним женщинам там приходится вполне по душе, другим — нет. Никто никого не заставляет: вам это может нравиться, а может и не нравиться. Никто не принуждает вас соглашаться на работу или работать через силу. Во всяком случае, меня это уже не касается.

Эндрю встал. Мадлен последовала его примеру.

— Как насчет утраты комиссионных, мистер Бейтс? Вас это не заботит? — осведомился Эндрю.

На лице Бейтса появилась безмятежная улыбка.

— Мне платят твердый процент за то, что я направляю кандидатов. Пусть они берут расчет в тот же день — мое дело маленькое.

— Сутенерство за твердый процент, — сказал Эндрю. — Не так прибыльно, зато никаких хлопот. Хотя, наверное, ваше ремесло приносит неплохой доход, если вам удается обеспечивать ускоренный оборот.

— Если бы на меня могли подействовать оскорбления, мистер Лидон, я вышел бы в отставку с язвой желудка еще десять лет назад. Значит, вам не подходит эта работа, миссис Картвелл?

— Нет, — ответил Эндрю за нее, — не подходит. Спасибо за предложение. До свидания.

— Сядьте! — раздался резкий окрик Бейтса. Эндрю замер у двери. — Вернитесь и сядьте. Вы попали в большой город, в большую страну, и у вас здесь нет ни единой близкой души. Ни работы, ни крыши над головой. Так что не стоит отвергать с порога услуги моей компании.

Мадлен первой одумалась и снова села.

— Дело не в уязвленной гордыне, мистер Бейтс. Просто я решила, что ваши возможности по части оказания нам помощи исчерпаны.

Бейтс вскрыл пачку сигарет «Велосипед» и протянул ее через стол:

— Закуривайте. Не сомневайтесь, куплено на честные деньги, а не на доходы от торговли белыми рабами.

Дождавшись, пока они закурят, Бейтс продолжил:

— Думаю, у меня найдется для вас работенка в больнице, миссис Картвелл.

Лицо Мадлен просияло.

— В свое время я училась на медсестру...

Не торопясь с ответом, он вынул сигарету изо рта и снял с губы крупинку табака.

— В былые времена я курил «Бенсон и Хеджез». Хорошая сигаретка — моя слабость... Вам не придется ухаживать за больными. В медсестрах недостатка нет. Вам предстоит прислуживать в палате или мыть полы.

Мадлен пристально посмотрела на него:

— Сколько?

— Примерно восемь фунтов в неделю. — Он пожал плечами. — Конечно, не бог весть какие деньги. И никаких «деш»: все забирают сестры. Говорят, раньше за то, чтобы принести ночной горшок, брали пенс. Теперь это стоит минимум шиллинг. Доходит до полукроны, если больной при деньгах и ему очень приспичило. А все инфляция! — Он посмотрел Мадлен в лицо. — Только вам это без разницы. Они сами приносят горшки и забирают «деш». Вам остается мыть горшки. А еще скрести полы и прочее в том же духе.

— И это все ваши предложения? — спросила она. — Может быть, кому-нибудь требуется домашняя прислуга?

— Нет. Белых держат только для похвальбы, да и то не всем это по сердцу. К тому же предложение сейчас превысило спрос. Богатых негров не так много, как может показаться.

— Хорошо, — решилась Мадлен. — Согласна на больницу.

Бейтс черкнул что-то на обороте визитной карточки.

— Отдадите это секретарю. До вашего появления я успею с ней переговорить. — Он усмехнулся. — Комиссионных не надо: у Альфа Бейтса сердце тоже не камень.

— Спасибо, — сказала Мадлен.

— Вот бы нашлось что-нибудь и для меня, — проговорил Эндрю. — Не важно, что именно.

Бейтс поцокал языком.

— Обязательно. Только это будет непросто. Потом, вам ведь надо где-то жить?

— Надо, — согласилась Мадлен.

— Надеюсь, с этим не будет проблем. Только районч бедноват. Очень бедный районч... Ведь вам не по карману даже конура в Сбуте-Метта или Ябе. Пока придется ограничиться Икко.

— Икко?

— Так зовется на местном наречии остров. Лагос — это собственно город. Жилье будет обходиться вам три фунта в неделю — а совсем недавно оно стоило тридцать шиллингов. Когда вы его увидите, то не поверите, что там можно жить. Но придется согласиться и на это, поскольку у вас все равно нет выбора. Вам может показаться, что лучше жить просто под открытым небом, но это невозможно: полиция бдительна.

— Испытали на собственном опыте, — сказал Эндрю.

— Вот и славно. Всегда лучше не питать иллюзий, на каком ты свете. Йоханнесбург — единственное место в Африке, где есть что-либо подобное. Вам предлагается ветхая хибара, грязная и вонючая. Рядом пролегают сточные канавы. Говорят, там все-таки есть одно преимущество по сравнению с Йоханнесбургом: отсутствие мух. Мухи просто не выживают.

— Симпатичная картинка, — заметил Эндрю.

— Я не люблю ходить вокруг да около, иначе разочарование будет слишком сильным. Вам предстоит поселиться в негритянских трущобах, поэтому я пытаюсь с самого начала приучить вас к этой мысли. Там живет теперь немало белых, так что кое-где наводится чистота. Ничто не препятствует вам навести порядок вокруг своего жилища, однако это не приведет к снижению квартплаты. Наоборот, она может даже возрасти. — Бейтс покачал головой, отметая возможные подозрения. — Нет, владелец — не я. Я только собираю квартплату.

— Это единственное, что вы беретесь порекомендовать? — спросил Эндрю.

— Не просто единственное, а самое лучшее, на что вы можете рассчитывать исходя из своих капиталов. Там хотя бы закрыто с обоих концов. Бывают хижины, через которые ходят, чтобы спрямлять путь.

— Как мы туда попадем?

— Я нарисую вам план. Если согласны, то направляйтесь прямо туда, не мешкая. В принципе положено брать плату вперед, но я вам доверяю и готов подождать до конца недели. — Он добродушно оглядел их. — Могу даже одолжить вам пару фунтов, если вы совсем на мели.

— Спасибо, — ответил Эндрю. — Как-нибудь перебьемся. Мы можем кое-что продать.

Бейтс кивнул:

— Возвращайтесь, если станет совсем невмоготу. Хотя я далеко не всесилен.

Они шли по кишащим толпами улицам под яростно голубеющим небом.

— Не будем унывать, — сказала Мадлен. — Что-нибудь да подвернется.

— Да, — согласился Эндрю.

Их глазам предстало обшарпанное белое строение с забранными тяжелыми решетками окнами первого этажа. Над дверью помещалась доска, заклеенная плакатами. На одном из них красовался чернокожий солдат с ангельской внешностью, выставивший вперед винтовку с примкнутым штыком. Надпись на плакате гласила: «ЗАЩИТИМ ЛЮБИМУЮ СТРАНУ!» На другом плакате был изображен поднимающий тучи пыли танк, перечеркнутый надписью: «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В ЗАЩИТУ АФРИКИ!» Над доской значилось красными буквами: «Вербовочный центр нигерийской армии».

— Неужели наше положение столь отчаянно? — удивилась Мадлен.

— Думаю, да.

— Ведь мы белые, — упрекнула она его. — Надо сохранить верность хоть чему-то в жизни!

— Я только сейчас начинаю понимать, насколько относительным оказалось это «надо» лично для меня. — Он сжал ее руку. — Подожди меня здесь. Постараюсь не задерживаться.

— Еще не время! — взмолилась Мадлен.

— Кажется, за вступление в ряды полагается вознаграждение. Вдруг удастся провести ночь в приличных условиях?

Чернокожий сержант в бюро справок направил его наверх. На двери комнаты под номером «17» висела табличка: «Бюро вербовки. Только для белых». За столом сидел еще один сержант, ничем не примечательный толстяк, во время разговора беспрерывно что-то жующий. У него были мясистые, неестественно красные губы.

— Чем могу вам помочь, босс?

— Я раздумываю, не вступить ли мне в нигерийскую армию. У меня есть кое-какой опыт службы в бронетанковых войсках.

Сержант некоторое время молча жевал свою жвачку, прежде чем спросить:

— Сколько вам лет, босс?

— Тридцать семь.

— Меньше вам и не дашь. А мы не принимаем никого старше тридцати. За исключением инструкторов.

— Именно это я и имел в виду.

— Тогда вам лучше обратиться к капитану Лашиду, босс. Двадцать второй кабинет — по коридору прямо.

— Спасибо.

— О'кей, босс.

В отличие от сержанта капитан оказался худощавым и подвижным, с прямыми бровями и высоким лбом. Он походил скорее на индуса, чем на негра. Эндрю подумал, что среди его предков затесалось несколько белых. У него был приятный, почти лишенный акцента голос.

— Ваше имя?

— Эндрю Лидон.

— Возраст?

— Тридцать семь.

— Откуда вы?

— Из Лондона. Родился в Кенте.

— Воинская служба?

— По призыву, в Королевском танковом полку.

Лашиду кивнул. Он занес ответы Эндрю в блокнот и отложил карандаш. Это был простой карандаш с изрядно обгрызенным кончиком. Видимо, за спокойствием капитана скрывалось предельное напряжение нервов.

— Вы желали бы принять участие в крестовом походе, мистер Лидон?

— Да, если это так называется. Я хотел бы вступить в нигерийскую армию в качестве инструктора.

— Зачем?

— Здесь не так уж много привлекательных возможностей для белого человека...

— Верно. Вас не огорчает то обстоятельство, что вы станете учить армию, которая пойдет войной на белых в Южной Африке?

— Разве война уже объявлена?

— Пока нет. Но такая возможность вас не огорчает? Возможность, перерастающая в неотвратимость?

— Меня огорчает только то, что у меня нет работы, что я вынужден жить в трущобах и не способен содержать... человека, за которого я несу ответственность. Вот что меня тревожит.

— Без подобных вопросов не обойтись, — пояснил Лашиду. — У вас верный подход, мистер Лидон. Эгоцентризм — естественное состояние любого человека, однако жизнь в одиночестве нестерпима. Мне легче принять Троицу, нежели чисто монотеистическую концепцию божества. Человеку свойственно распространять свое эго на жену, детей, друзей, родню. Правда, было бы ошибочно предоставлять этому процессу полную свободу, иначе окажутся захваченными деревни, провинции, целые страны... И конечно, расы.

— Возможно, вы правы, — сказал Эндрю. — Не стану спорить.

— Теперь насчет вашего опыта воинской службы. Видимо, вам нечем его подтвердить?

— Для этого пришлось бы запрашивать службу воинского учета в Англии.

Лашиду улыбнулся:

— Боюсь, что теперь их досье покрывает снег, а не пыль. Так что вряд ли имеет смысл к ним обращаться.

— Не знаю... Вдруг вы случайно уже завербовали кого-нибудь, кто служил со мной в одном полку? Правда, это маловероятно.

— Скорее, просто невероятно. Но я думаю, что мы сможем преодолеть это затруднение. Вам придется поклясться в том, что ваше воинское прошлое именно таково, как вы заявляете. Если в дальнейшем окажется, что вы ввели нас в заблуждение, вами займется военный трибунал. Понятно?

— Да.

— Тогда препятствие устранено. Все, что мы требуем, — это сто двадцать пять фунтов. — Лашиду улыбнулся. — Разумеется, наличными.

— С какой стати?

— «Деш».

— За добровольное вступление в армию?

— За то, что мы принимаем вас в качестве рекрута, перед которым открывается выгодная и многообещающая карьера. — Он взял в руки карандаш. — «Деш» — часть нашего образа жизни. Если вы еще не усвоили этого, то вам нельзя мешкать дальше, мистер Лидон. Попадая под опеку новой страны, вы обязаны принять ее образ жизни. Альтернативы не существует.

— С «дешем» все ясно. Но мне кажется, что покупка должности в армии — дело несколько иного сорта.

— Ну, тут прецедентов хоть отбавляй. В вашей английской армии в свое время продавались на корню не только должности, но и целые полки.

— Это было очень давно.

— Да, — согласился Лашиду, — в дни славы старой доброй Англии. Быть может, мир сделал шаг назад. Или даже не один. Думаете, это так уж плохо? Я слышал, что у американцев и у русских все еще сохранились ученые, пытающиеся, сидя в самых отдаленных уголках, придумать способы применения ядерной энергии для обогрева своих замерзших континентов. Во всяком случае, им теперь недосуг думать о том, как бы сбросить на голову противника водородную бомбу.

— Избавьте меня от философского вздора. В армии всегда можно обратиться к старшему по званию.

— И донести на меня за вымогательство? — Лашиду усмехнулся. — Думаете, ему не полагается доля? Слушайте, мистер Лидон. Предположим, я сплю и вижу, как бы отмахнуться от причитающейся мне доли. Однако вам все равно придется расстаться с семьюдесятью пятью фунтами, чтобы ваше заявление не затерялось. Тут уж исключений не бывает.

— А если я поделюсь этой информацией с оппозиционной прессой?

— Клевета на вооруженные силы — преступление, которое карается весьма сурово. Пожалуйста, можете попытаться. — Он помолчал. — Бросьте, мистер Лидон! Вы — разумный человек, к чему эти эмоции? «Деш» вполне скромный. Белому стоит раскошелиться, чтобы стать в Африке офицером и джентльменом.

— Я уже освоился с этой мыслью.

— Вот видите! Тогда к чему все эти увертки?

— У меня просто нет денег.

Лашиду поднял брови:

— Сколько у вас есть?

— Вообще ничего.

Лашиду выдержал паузу и ответил:

— Наверное, вы угодили под мораторий? Мне следовало уточнить это обстоятельство раньше. Сожалею, что отнял у вас столько времени, мистер Лидон.

Эндрю поднялся:

— А я — у вас.

— Это не так важно. Мое время оплачено правительством. Остается посочувствовать вашему горю. Бедняку у нас живется непросто.

— Это я уже успел понять, — кивнул Эндрю.

— Мне никогда не приходилось терпеть унижения от англичан, — признался Лашиду, — поэтому я не держу против них никакого зла. Сейчас они оказались в довольно интересной ситуации. Любопытно, как пойдет дело дальше.

— Спасибо, — сказал Лидон. — Всегда приятно, когда к тебе проявляют интерес. Обязательно пошлю вам открыточку.

— У англичан есть чувство юмора. — Лашиду проводил его улыбкой. — Это огромная поддержка в жизни.

Несмотря на откровенность, с которой Бейтс описал ожидающее их пристанище, вид хижины вызвал у Мадлен и Эндрю легкое потрясение. Старуха из племени йоруба в латаном голубом балахоне и новом шелковом платке на голове показала им помещение. Видимо, на нее были возложены функции смотрительницы. Она вручила им клочок бумаги под названием «Опись», на котором при некотором старании можно было разглядеть названия предметов меблировки. В частности, там значилась «кровать», однако это слово оказалось зачеркнутым. Внутренний вид жилья произвел на них настолько сильное впечатление, что они не стали спорить из-за такой мелочи.

Взору предстала одна-единственная комната, отделенная досками от следующей хибары аналогичного уровня комфорта, откуда проникали ничем не заглушаемые звуки голосов и джазовые ритмы. Слева от двери имелось незастекленное окошко. Дощатые стены когда-то были выкрашены желтой краской, облупившейся много лет назад. Комнату украшали приколотые к стене странички из старого швейцарского календаря — вряд ли можно было придумать что-либо более неуместное, чем до боли знакомые изображения заснеженных гор и альпийских лугов. К стене привалился древний шкаф с выломанным ящиком. Кроме того, к мебели относились два деревянных табурета, выкрашенных веселенькой голубой краской, и разломанное кресло-качалка. Пол был выстлан грубо оструганными досками, залапанными грязью. В углу валялась циновка, призванная, видимо, заменить отсутствующую кровать; поверх нее громоздилась стопка из четырех-пяти одеял казарменного образца. Был еще деревянный стол с кастрюлями, сковородками, щербатой глиняной посудой, керосиновой лампой и примусом. Из-под стола выглядывал большой металлический кувшин и красный пластмассовый таз со свернувшимся от нагревания краем. Старуха подвела Эндрю к канистре, залитой, по всей видимости, керосином, едкий запах которого

перекрывал все прочие ароматы, хотя и не полностью устранял их.

— Я налила ее для вас, босс, — прошамкала она. — Теперь у вас полно керосина. Двенадцать шиллингов.

Им удалось продать за смехотворную сумму кое-что из личного имущества. Эндрю отсчитал старухе деньги. Он не сомневался, что она запрашивает по крайней мере вдвое больше нормальной цены, но спорить не хотел. Ему не терпелось выставить ее вон и взглянуть в лицо новой действительности. Однако у старухи были иные намерения.

— Что за славный дом! — кудахтала она. — Отличное соседство! Рядом живет мой двоюродный брат со своим семейством. Когда вам что-нибудь понадобится, достаточно постучаться. Они за вами присмотрят.

— Да... — промямлил Эндрю. — Спасибо.

— Они даже могут одолжить радио, а то вам будет скучно на пару. Всего-то пять шиллингов в неделю. Или шесть. Хотите, я спрошу?

— Это нам не по карману, — покачал головой Эндрю.

— Или четыре. Даже три. Они только на прошлой неделе вставили новую батарейку.

Предложение было заманчивым: по крайней мере появлялся шанс прекратить доносящийся из-за стены грохот, который, судя по всему, вряд ли утихнет до конца передачи. Однако соседи скорее всего используют вырученные деньги, чтобы купить новое радио, возможно, еще более горластое.

— Мы вообще не можем себе позволить радио, — объяснил Эндрю.

На жирном черном лице расцвела улыбка.

— А-а, вы просто будете слушать их радио, правда, босс? Что ж, тогда вы сможете помочь, когда им потребуется новая батарейка. Ладно, договаривайтесь сами.

Впервые с тех пор, как они зашли в эту развалюху, Мадлен решилась подать голос.

— А где брать воду?

— Из крана в конце улицы, дитя мое, — всего-то ярдов пятьдесят, от силы семьдесят пять.

— Понятно, — кивнула она.

— Славный домик! — повторила старуха. — Подойдите-ка сюда.

Они подошли к столу, заменявшему собой кухню. Негритянка нагнулась и вытащила из пола доску.

— Вам не придется даже выносить помои, — провозгласила она. — Иногда это бывает очень кстати.

Эндрю присмотрелся. Несмотря на темень, он сумел разглядеть открытую сточную канаву, проходившую как раз под их комнатой. Ему показалось, что среди отбросов мелькнул крысиный хвост. Отвратительное зловоние проникло ему в горло и в нос, и его едва не стошнило. Он выхватил у старухи доску и закрыл дыру. Она наблюдала за его действиями с благожелательной улыбкой.

— Теперь вы поняли, о чем я говорю? Никаких хлопот!

Мадлен ушла в противоположный угол комнаты и стояла там, всматриваясь в темное окошко.

— Хорошо, — проговорил Эндрю. — Спасибо вам за то, что вы все нам показали. Теперь мы управимся сами.

— Леди захочется узнать про магазины. Некоторые здешние лавочники — отпетые жулики, но мой племянник...

— В другой раз! — не выдержал Эндрю. — Не сейчас!

Она усмехнулась:

— О'кей, босс. Тогда давайте «деш», и я оставлю вас в покое.

— «Деш»? Это за что же?

— За уборку, босс. Всего-то один фунт или шиллингов двадцать пять, если у вас доброе сердце, — и я исчезаю.

— За это вам платит владелец. Вы присматриваете за его собственностью.

— Видит Бог, босс...

В конце концов пришлось сунуть ей пять шиллингов, иначе они никогда бы не обрели покоя. Прежде чем удалиться, старуха успела напугать Мадлен обещанием свести ее со своим племянником. Из-за перегородки неутомимо громыхал джаз, беспрерывно раздавались голоса — там то ссорились, то пели, — и все-таки Мадлен с Эндрю наконец остались вдвоем. Эндрю подошел к Мадлен и прикоснулся губами к ее шее.

— Мы выкарабкаемся отсюда, — заверил он. — Сможешь немного потерпеть?

Мадлен повернулась и посмотрела на него.

— Ты — мое утешение, Энди, — прошептала она.

Голос был сухим и напряженным, и ему показалось сперва, что она смеется над ним: ведь это благодаря ему они оказались в клоаке. Однако ее лицо было мокрым не только от пота, выступающего от зловонной жары, но и от слез. Для нее наступил тот момент отчаяния, который Эндрю пережил раньше, на пляже. Он поцеловал Мадлен и почувствовал, что она едва держится на ногах. Обхватил ее за талию, подвел к матрасу и расстелил на нем одеяло. Она могла бы запротестовать, ужаснувшись окружающему убожеству, но все-таки послушно легла и уставилась в потолок. Это был покоробившийся, изъеденный ржавчиной лист железа, опирающийся на прогнувшиеся балки. Ближе к углу в крыше зияла дыра, через которую виднелось синее раскаленное небо.

Сжимая узенькую ладошку Мадлен, Эндрю сказал:

— Я напишу Кэрол. Бывают моменты, когда приходится забыть о гордости.

Она помолчала, потом прошептала:

— Да, бывают.

— Вдруг она сможет чем-нибудь нам помочь — или попросить о помощи сэра Адекему.

— Так и будет.

— В конце концов, разве не в этом состоит ее долг? Деньги за дом, весь банковский счет...

— Прекрати! — неожиданно крикнула Мадлен. — Зачем ты оправдываешься? Мы будем просто умолять ее, если возникнет такая необходимость. Разве ты не понимаешь? Несколько недель тут — и я поползу к Бейтсу на коленях, чтобы он пристроил меня в бар за лагуной!

Они примолкли, изнемогая от грохота соседского радио. С улицы раздался заливистый женский смех. Бинг Кросби и Фрэнк Синатра запели знаменитый дуэт из «Высшего общества». Где-то неподалеку заунывно выла собака. Нагретый воздух был переполнен зловонием.

Мадлен перевела взгляд на ближнюю стену. Эндрю посмотрел туда же. Ее внимание привлек старый швейцарский календарь. На картинке цвели великолепные альпийские цветы, за ними на фоне шелкового голубого воздуха тянулись вверх заснеженные склоны.

— Мы там бывали... — прошептала она.

Его рука застыла. Но Мадлен повернулась к нему и посмотрела в глаза. Почти касаясь губами его лица, она прошептала:

— Я рада, что у меня есть ты, Энди. Как я рада!

Он поцеловал ее, и она с готовностью ответила на поцелуй.

— Дверь, — спохватилась она. — Там есть замок или задвижка?

Эндрю встал и подошел к двери. В замке не было ключа. Задвижка держалась на одном гвозде и не устояла бы даже перед ребенком. Однако он запер дверь и вернулся к Мадлен. Она лежала на драном сером одеяле, в помятом платье, с растрепанными волосами и с залитым потом лицом, но Эндрю был счастлив, ибо это была его любовь.

3

Когда через неделю по крыше забарабанили первые капли дождя, Мадлен и Эндрю застыли на матрасе, боясь спугнуть нежданное счастье. Однако оно оказалось мимолетным. Очень скоро выяснилось, что крыша во многих местах протекает, на полу образовалась лужа, грозившая подмыть матрас. Пришлось встать, зажечь лампу и подставить под самые зловредные струи таз и кувшин. Уснуть было уже немыслимо.

Дождь хлестал всю ночь и большую часть следующего дня. Когда он прекратился, в комнате залило весь пол. Мадлен ушла в больницу, и Эндрю принялся ползать по полу с тряпкой, воспользовавшись стихийным бедствием, чтобы убраться в их убогом жилище. Они занялись этим уже на второй день после вселения, однако чистотой пока и не пах-

ло. К счастью, Эндрю ухитрился спасти от намокания матрас и одеяла, водрузив их на стол. Ко времени возвращения Мадлен ему удалось навести относительный порядок. Кроме того, он успел приготовить ужин: хлопья, фрукты, жиденький кофе, хлеб и сыр из козьего молока.

Мадлен падала с ног от усталости, как всегда под конец рабочего дня. Она предпочитала не распространяться о своих обязанностях, однако Эндрю и сам видел, что работа вытягивает из нее последние силы. Войдя, она обреченно сбросила туфли, облепленные грязью; грязными оказались и ее лодыжки.

— На улице настоящая трясина, — пожаловалась Мадлен. — Как долго продолжается здесь сезон дождей?

— Месяца три, кажется. Присядь, я вымою тебе ноги, полегчает.

Она показала Эндрю пакет:

— Кое-что с кухни.

В пакете оказался рис в пластмассовой коробочке. Эндрю положил его к остальным запасам провизии, висевшим в сетке под потолком. Мадлен со вздохом села.

— Так и не стало прохладнее? Я-то надеялась, что дождь принесет прохладу, но куда там!

Эндрю принес таз, опустился на колени и не спеша обмыл ее ноги.

— Тебе удалось заглянуть в офис? — спросил он, не поднимая головы.

Мадлен кивнула, не в силах вымолвить слова от усталости.

— Писем нет?

Бейтс позволил им пользоваться своим адресом.

— Есть, но не от Кэрол. От Дэвида.

Она расстегнула сумочку и протянула ему письмо. Эндрю показал Мадлен свои мокрые руки, и она взяла листок так, чтобы он мог прочесть текст. Письмо оказалось недлинным и не слишком содержательным. Дела шли не блестяще, но улучшение вот-вот должно было наступить. В Лондоне все было по-прежнему; в данный момент Дэвид ничем не мог им помочь: действовало строжайшее эмбарго на экспорт драгоценных камней и других заменителей валюты, которые, кстати, все равно невозможно было раздобыть. Все

ресурсы драгоценностей Пейла были упрятаны в сейфы на Чансери-Лейн*. Мадлен предлагалось сохранять оптимизм в ожидании лучших времен. Дэвид передавал также пламенный привет Энди.

— И ничего о своем переезде, — заметила Мадлен.

— Кажется, ситуация под контролем. Возможно, это нам придется возвращаться.

— Королевское семейство улетело на Ямайку, — сообщила она усталым голосом. — Об этом говорили в новостях.

— Навсегда?

— С длительным государственным визитом.

— Это еще не значит, что в Лондоне все рухнуло.

— Не значит. Но он все равно не может писать откровенно. Все письма подвергаются цензуре.

— Странно, что до сих пор нет вестей от Кэрол, — проговорил Эндрю.

— Вдруг что-нибудь будет завтра...

— У Бейтса никаких новостей насчет работы для меня?

— Нет. Пока. — Она погладила его по голове. — Не волнуйся, милый. Завтра мы получим письмо от Кэрол.

Однако шли дни, а вестей от Кэрол все не было. Через две недели они оставили всякую надежду, ибо надежда отвлекала от суровой повседневности. Эндрю удалось получить работу на сносе домов, но уже через несколько дней он ее потерял. Мадлен все так же трудилась в больнице и время от времени приносила кое-какую провизию с больничной кухни. Тратить они старались как можно меньше, чтобы создать резерв наличности. На третью неделю Эндрю слег с лихорадкой. Мадлен вызвала врача и нашла для Эндрю чернокожую сиделку, чтобы не пропускать работу. Через четыре дня он снова был на ногах, однако на лечение ушли все накопленные деньги.

Эндрю еще некоторое время чувствовал сильную слабость, так что не могло быть и речи о тяжелом физическом труде. Оставалось целыми днями бродить по улицам, надеясь, что каким-то чудом подвернется работенка. Он при-

* Улица в центре Лондона, на которой расположены судебные учреждения и адвокатские конторы.

помнил, что в юности приезжал в Лондон и с такой же настойчивостью искал романтических приключений. Разум и тело изнывали от беспомощности и безнадежности и жаждали хоть какого-то применения.

Как-то раз Эндрю очутился на набережной, и ему показалось, что он видит своих сыновей. У парапета, глядя на волны, стояли двое белокожих пареньков примерно их возраста и телосложения. Эндрю рванулся было к ним, но вовремя замедлил шаг, поняв, что обознался. Однако могло ведь случиться, что они учились в Ибадане и знали Робина и Джерими. Он стал переходить улицу, чуть не угодив под колеса «роллс-ройса». Белый шофер посмотрел на него с осуждением; нигерийские бизнесмены, занятые беседой, так и не подняли голов.

Мальчики тоже были погружены в какой-то важный разговор. Вслушиваясь в долетающие до него слова, Эндрю делал вид, что заинтересованно разглядывает горизонт.

— Итуно очень славный, — говорил младший. — И никакой не хвастун. А ведь он — сын вождя.

— И Акки такой же, — подхватил старший. — Он пригласил меня к себе на следующие каникулы. У них огромный домище рядом с Ифе. — Мальчик смущенно хихикнул. — Я даже сморозил глупость: думал, что они йоруба, потому что там живет это племя, а они — собо...

— Трудно во всем этом разобраться. Он действительно пригласил тебя погостить?

— Да, на неделю. Я сразу написал об этом папе. У них бассейн в сто футов длиной!

Даже не сами их слова, долетавшие до слуха Эндрю, а скорее их тон заставил его вспомнить детство, школу, площадку для игры в «пятерки» и разговор мальчиков-евреев, который ему однажды довелось подслушать, — в нем сквозила точно такая же неуверенность и хвастливая претензия на допуск в общество, которое все равно отвергнет их, и мальчики это знали. Эндрю было тогда тринадцать лет, и он уже умел смотреть в корень, не обращая внимания на внешние обстоятельства, однако тогда ему не хватило сострадания, чтобы не почувствовать презрения к этим изгоям.

Эндрю вспомнил про свой помятый костюм и стоптанные башмаки. Мальчики все еще не замечали его. Он побрел прочь.

Мадлен получила новое письмо от Дэвида, столь же краткое, ободряющее и бессодержательное, как и первое. Эндрю не знал, ответила ли она ему; она ничего не говорила об этом. Дэвид, как и Кэрол, был очень далеко от них — и географически, и во всех прочих смыслах. Эндрю никогда прежде не представлял себе, что между двумя людьми может существовать близость, подобная той, что возникла между ним и Мадлен. В былые времена он отнесся бы к подобной перспективе с сомнением, даже брезгливостью, однако действительность была такова, что каждый день проходил у него в предвкушении момента, когда она вернется в их лачугу и они снова будут вместе. Иногда он начинал раздумывать о том, что произойдет, когда к ним присоединится Дэвид, поскольку казалось весьма маловероятным, чтобы Кэрол поступилась ради него благами, которые ей удалось приобрести. Однако эти мысли не вызывали у него беспокойства: он завоевал Мадлен и не сомневался, что сможет сохранить ее. Даже в тяжелейших обстоятельствах, когда каждый день приносил дополнительные подтверждения его неспособности хоть как-то изменить положение, грозившее полным физическим истощением, это заставляло Эндрю с надеждой взирать в будущее. Иначе он давно бы уже поддался черному отчаянию.

Дождь лил почти без перерыва; им негде было искать убежища от всепроникающей духоты. Район превратился в топкое болото, испускающее невыносимое зловоние, которое усугублялось невыносимой влажностью. Эндрю почти все время проводил в хижине, выскребая пол и стены и стараясь придать комнатушке хотя бы отдаленное сходство с цивилизованным жилищем. В редкие моменты, когда сквозь обложные тучи проглядывало солнце, он выбирался наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, и слонялся среди напоминавших пещеры прилавков, уходивших в дурно пахнущие недра трущоб по обеим сторонам превратившихся в реки улиц.

Как-то раз Эндрю забрел на рынок Идумагбо. Он уже давно приобрел привычку бродить босиком, с закатанными до колен штанинами; это спасало обувь и облегчало чистку одежды после прогулки. Местные негры, у которых он перенял эту практику, не обращали на него ни малейшего внимания; более того, Эндрю замечал, что и другие белые, живущие неподалеку, поступают так же. Он шатался по рынку, разглядывая водопады белых и голубых тканей, разноцветные бусы, присыпки и пудру на многочисленных прилавках, сам не сознавая, зачем ему это нужно. Остановившись у очередного прилавка с амулетами и уставившись на аккуратную пирамиду обезьяньих черепов, он вдруг почувствовал, как кто-то тронул его за плечо.

Человек, проявивший к нему интерес, оказался нигерийцем в белоснежном одеянии; на вид ему можно было дать лет двадцать пять, он был высок, широк в плечах, его лицо лоснилось от здоровья и уверенности.

— Простите, сэр, — начал он, — нельзя ли с вами побеседовать?

Незнакомец говорил по-английски почти без акцента, но очень певуче. Эндрю почувствовал себя польщенным: его назвали «сэром» и проявили безупречную вежливость.

— Конечно. Можете располагать мною.

— Я представляю нигерийское телевидение. Мы делаем регулярную программу. Рубрика называется «Ежедневно». Вы наверняка ее смотрели.

— Нет, — сознался Эндрю, — не смотрел.

— Сегодня мы пришли с камерами на рынок. Нам хотелось бы снять что-нибудь интересное, чтобы привлечь внимание телезрителей. Вот как тут... Европеец — англичанин? — перед прилавком с амулетами — в этом что-то есть, понимаете?

— Да, — сказал Эндрю, — понимаю.

— Англичанин, — повторил телевизионщик, — тем более знавший... м-м... лучшие дни... Если бы вам захотелось нам помочь, просто позволить вас снять — как вы, к примеру, делаете покупку...

— Я не могу себе этого позволить, — покачал головой Эндрю.

— Разумеется, на наши деньги. И кое-что сверх того лично вам, как бы «деш». Обычно это стоит десять шиллингов, но для европейца фунт — вас устроит?

— Спасибо, — сказал Эндрю, — вполне устроит.

— Может быть, вы позволите задать вам несколько вопросов? Смею вас уверить, в них не будет ничего унизительного для вас.

Эндрю дождался камер. К первому африканцу присоединился его коллега, и завязался спор, что именно Эндрю станет покупать. Выбор был широк: тушки птиц, сушеные крысы, летучие мыши, надутые желудки и пузыри, кишки и лапки. Наконец они остановились на каком-то малопонятном зеленоватом предмете.

— Это наиболее подходящая вещь для англичанина при данных обстоятельствах, как вы понимаете, сэр. Говорят, она приносит счастье.

На их лицах появились льстивые улыбки, заставившие Эндрю заподозрить, что здесь не все чисто и что покупка, несмотря на все их заверения, выставит его в смешном свете. Однако они уже заплатили ему фунт плюс пять шиллингов за покупку, и этого было вполне достаточно. Он попозировал перед камерой и успел заметить, что оператор заснял его босые ноги. Затем наступил черед интервью.

Эндрю имел дело с профессионалами; у него было достаточно опыта, чтобы понимать, что к чему. К нему обращались с должным почтением, однако не обошлось без насмешек и подмигивания собравшейся публике, только и дожидавшейся сигнала, чтобы расхохотаться. Будучи режиссером, организовавшим в свое время сотни подобных интервью, он с иронией и удовлетворением отнесся к необходимости выступать в роли жертвы. Эндрю сделал все, что от него требовалось, и даже больше. Отвечая на вопрос о своей былой профессии, он не стал скрывать правду и порадовался, увидев, что телевизионщиков его ответ застал врасплох. Однако интервьюер быстро оправился и ограничился шуточками насчет смены общественного статуса, заставив Эндрю признать про себя, что даже он не смог бы выпутаться из затруднительного положения с большим достоинством.

По дороге домой он купил еды и приготовил ужин. Вернувшись с работы, Мадлен принюхалась и вопросительно посмотрела на него:

— Мясо?

— Будем праздновать мою новую карьеру на телевидении. — Он увидел, как расширились ее глаза, и заторопился с объяснением, пока у нее не успела зародиться надежда, чреватая разочарованием. — Меня поймали на рынке телевизионщики. Я заработал «деш» за сотрудничество с ними. Целый фунт!

— Я рада, — улыбнулась Мадлен. — Но не лучше ли было бы сэкономить? — Она подошла к нему за поцелуем. — Нет, не лучше. Тебя надо подкормить.

— И тебя.

— Вдруг Кэрол посмотрит эту передачу...

— Вот уж не знаю. Я старался не выглядеть слишком жалким.

Она подтолкнула его к столу.

— Зато теперь выглядишь. Я довершу начатое тобой.

— Еще я купил плитку шоколада. Для пудинга.

Она деланно рассмеялась:

— Безумие! Ладно, не важно. Хоть раз пошикуем в этой короткой жизни.

Спустя два дня, примерно через час после того, как Мадлен отправилась на работу, в дверь хижины постучали. Эндрю был занят починкой плетеного стула, зиявшего дырами.

— Открыто! — крикнул он. — Входите!

Он ожидал увидеть кого-нибудь из местных обитателей, хотя они обычно просто врывались в комнату и стучали только в случаях, если дверь удерживала задвижка. Однако в распахнувшейся двери стоял незнакомец — африканец в шелковой рубашке и ладно скроенных брюках. На его ногах были элегантные туфли из телячьей кожи, забрызганные местной грязью. Он был среднего роста, коренаст, на его носу красовались черные очки в дорогой толстой оправе. Он не сразу разглядел в полутьме мерзкой конуры ее хозяина.

— Это вы, Эндрю? — позвал он.

Стоило ему заговорить, как Эндрю все вспомнил: перед ним стоял негр из группы стажеров, в свое время заблудившийся в их лондонской студии, которого он угостил ужином в своем клубе. Припомнилось и благодарственное письмо откуда-то из Африки — в то время обратный адрес не сказал ему ровно ничего. Сперва у него было намерение ответить на письмо, но потом он решил, что это будет пустой тратой времени.

— Да, — подал голос Эндрю, — это я. Что же вы, входите! Боюсь, что не могу предложить вам ничего, кроме вот этого стула. Должен сознаться, что запамятовал ваше имя. У меня неважная память на имена.

— Абониту. Вы говорили, что станете называть меня Або. — Гость улыбнулся. — Я только потом узнал, что так кличут австралийских аборигенов.

— Теперь помню. Несколько рюмок виски и бутылка бургундского.

— Бордо, — уточнил Абониту. — «Латур».

— У вас отличная память, — восхищенно произнес Эндрю. — Просто я обычно пил бургундское.

— А в тот раз нам порекомендовали именно эту марку. Я хорошо помню этот вечер. Хотите выпить сейчас?

— В последнее время я как-то воздерживаюсь от спиртного.

— Прошу вас! Мне надо с вами поговорить. Разговор пойдет лучше, если у нас будет что выпить.

— Спасибо, — решился Эндрю. — Только чтобы место было не слишком шикарным. У меня неподходящий вид для порядочного бара.

— Я позабочусь об этом, — пообещал Абониту.

Выйдя на свет, они почти не разговаривали. Такси довезло их до бара на набережной. Это было новое заведение с окошками в форме иллюминаторов, интимным освещением и толстым ковром на полу. В холле молоденькая итальянка сняла с них обувь и предложила взамен расшитые золотой тесьмой небесно-голубые тапочки.

— У них осталось шотландское виски, — сообщил Абониту. — Составите мне компанию?

— С радостью, — ответил Эндрю.

Они уселись в алькове. Абониту поднял рюмку.

— За вас, Эндрю! — провозгласил он. — За ваши будущие успехи!

— Да. И за ваши!

— Вам они нужнее. — Нигериец улыбнулся. — Я видел ваше интервью на студийном просмотре.

— Я так и подумал, что ваш визит связан с моим появлением на телеэкране. — Эндрю пригубил виски, ощущая на языке знакомое, но основательно забытое пощипывание. — Весьма вам благодарен.

— Дружище, я не поверил своим глазам! — Абониту не смог сдержать смеха. — Чтобы Эндрю Лидон покупал обезьяний член у торговца амулетами!

— Так вот что это было? А они утверждали, что эта вещь приносит счастье...

— Наверное, так оно и есть — в каком-то смысле. — Лицо Абониту обрело свойственное ему выражение заинтересованности и одновременно важности. — Не беспокойтесь, Эндрю. На экран это не попадет. Я начисто вырезал эпизод с вами.

Эндрю пожал плечами:

— Я не стал бы возражать, чтобы он пошел. Теперь, видимо, придется вернуть фунт? Боюсь, он почти полностью растранжирен.

— Эндрю, я весьма опечален, что вы дошли до такого состояния. Поверьте, я говорю правду. Когда я увидел ваше лицо на экране монитора, мне очень захотелось разыскать вас, но одновременно я чувствовал смущение, ибо боялся, что приведу в смущение вас. С этим все ясно?

— Более или менее. Однако вам не следовало волноваться. Смущаться может только тот, кому еще удается держаться на поверхности.

— Я, к примеру? Думаю, вы совершенно правы. Тот вечер, когда вы угостили меня ужином, — для вас, возможно, малозначительный эпизод, для меня же это было необыкновенно важно. Чтобы так запросто отужинать в клубе на Пэлл-Мэлл... Раньше я только читал о такой жизни, вы понимаете меня... Это было чудесно, Эндрю! Я попытался

выразить это в своем письме из Африки, но, возможно, не добился цели.

— Я не ответил на ваше письмо. Извините.

— Вам помешали дела. Теперь насчет смущения. В каком-то смысле я был доволен, когда увидел, как низко вы пали. Я достаточно откровенен с вами?

— Даже очень.

— И одновременно мне было неудобно за вас — так оно и есть до сих пор. Мне хотелось бы оказать вам помощь. Вас это не оскорбит?

— Положите денежки на стол, — посоветовал Эндрю, — и отвернитесь. Я тихонько улизну.

Абониту поморщился:

— Мне не до шуток. Вам хотелось бы снова работать на телевидении уже здесь, в Лагосе?

— «Белых просят не обращаться». Где я только это не слышал! Но я все равно ходил на студию. Там мне это доходчиво растолковали.

— Мой дядя, — спокойно пояснил Абониту, — председатель Совета по телевещанию. Его зовут Оба Мекани Натела. Благодаря ему я стал продюсером. Мне нужен ассистент. Я могу выбрать любого, кто мне понравится.

— Не возникнет ли у вас затруднений, если ваш выбор падет на белого?

— Нигерийцы не имеют ничего против белых, пока их не слишком много и они знают свое место. Вам, наверное, приходилось слышать кое-что из этой оперы?

— Кое-что, — кивнул Эндрю.

— Простите меня. Не следовало так говорить.

— Лучше говорите, Або. Я и бровью не поведу. Вы делаете мне серьезное предложение?

— Совершенно серьезное.

— Принято. — Эндрю протянул через стол руку, и нигериец горячо пожал ее. — Я не стану усугублять ваше смущение, вдаваясь в детали испытываемой мной благодарности.

— Вот и не надо, — поспешно заверил Абониту. — Лучше выпьем еще по одной, чтобы отпраздновать наше будущее сотрудничество. — Он прищелкнул языком, и рядом вырос официант, ожидающий распоряжений. — Снова двойной скотч. В последний раз вы дали нам не «Хейг».

— Простите, сэр. «Хейга» больше не осталось.

Абониту пожал плечами:

— Тогда несите то, что есть. Потеряв Британию, вы лишились дома, — повернулся он к Эндрю, — я же остался без мечты, без мира, которым я не мог наслаждаться, но который радовал меня самим фактом своего существования. Как вы думаете, чья потеря горше?

— Может быть, еще не все потеряно. Кривая Фрателлини...

— Нет, это было бы детским оптимизмом. Я видел последние данные. Интенсивность солнечного излучения перестала снижаться, однако нет ни малейших признаков возврата к старому. Установился новый постоянный уровень, только очень низкий. Возврат ледникового периода. — Он криво усмехнулся. — Белую башню Тауэра и Мраморную арку укроют вечные снега.

Эндрю допил виски.

— Как скоро я и моя... невеста сможем выбраться из этой лачуги?

— Прямо сейчас. Пока не подыщете квартиру, поживете в отеле.

— Она работает уборщицей в больнице. Может быть?..

— Мы заедем за ней, как только выйдем отсюда. Потом вы сможете забрать из хижины все необходимое.

Эндрю помолчал и выговорил:

— Если я не поостерегусь, вам не миновать смущения. Прямо не знаю, как...

Абониту залпом осушил рюмку.

— Давайте возьмем такси, Эндрю, — предложил он.

4

Прожив неделю в гостинице, они переехали в роскошную квартиру в новом фешенебельном доме окнами на море. Приходилось только удивляться, до чего быстро забылись недавние лишения и как запросто человек способен привыкнуть к комфортабельной жизни. Эндрю многое напоми-

нало теперь былые времена: вокруг снова звучал прежний жаргон, он занимался знакомым делом, слышал все те же высказывания и шуточки. Он обнаружил, что в здешнем телевизионном мире публика делится на два класса: на одних, обладавших настоящими способностями, держалось буквально все — к ним принадлежал Абониту; другие же просто получали зарплату и делали вид, что в чем-то смыслят. Однако и в этом не было ничего нового.

Мадлен и он быстро оказались в знакомом кругу. Возможно, их приняли за своих слишком поспешно и нарочито, однако искренность чувств новых приятелей не вызывала сомнений. Кое-какие нюансы не могли не вызывать протеста, но без этого не обходится в любом обществе, так что со временем они перестали их замечать.

Зато сколько удовольствия доставляло им открывать для себя заново чудеса комфорта и маленькой роскоши! Зарплата Эндрю была очень высокой даже по прежним стандартам, а в суматошном лагосском обществе, изнанкой которого оставалась нищета и дремучее невежество, деньги значили буквально все. В городе постоянно открывались новые рестораны, где готовили лучшие европейские повара и где можно было поесть ничуть не хуже, чем когда-то в Лондоне; хотя опасность войны с Южно-Африканским Союзом была излюбленной темой газет и телепередач, перебоев с южноафриканскими винами не наблюдалось. Раньше Эндрю не знал их вкуса, но теперь начинал в них разбираться. Дождливый сезон остался позади, небо очистилось от туч; однако кондиционеры, мирно жужжавшие у них в квартире, на студии и повсюду, где им доводилось бывать, спасали от жары. К их услугам были бесконечные пляжи с мельчайшим белым песком и гольф с утра пораньше или под вечер, когда спадала жара. Но главное удовольствие состояло в том, что Эндрю снова занимался знакомым делом, а также во взаимопонимании с Абониту, который, считаясь его начальником, неизменно прислушивался к его мнению. О лучшей жизни трудно было мечтать.

Однажды на нее попробовала посягнуть Кэрол. Она позвонила в студию, и они договорились о встрече в том же баре, где состоялась знаменательная беседа Эндрю с Або-

ниту. Кэрол дожидалась его за столиком, теребя тонкую сетчатую перчатку. Она улыбнулась, увидев, что Эндрю протягивает ей руку.

— Как странно — выходит, мы с тобой здороваемся за руку?

— Странно? Пожалуй, отчасти. Что будешь пить, Кэрол?

— Ты можешь раскошелиться на «Дюбоннэ»? Настоящий! У них еще осталось несколько бутылок.

— Разумеется. С джином?

— Нет. Я теперь избегаю крепких напитков. Энди, я так рада, что у тебя снова все в порядке! Не могу выразить, какое это облегчение!

— Как ты об этом узнала?

— Видела твою фамилию в титрах. Я не слишком часто смотрю здешнее телевидение, но в тот вечер мне нечем было заняться. Программа «Ежедневно», ассистент режиссера — Эндрю Лидон... Боже, все как прежде!

— Выходит, что так. Ты знала, что раньше дела шли... несколько хуже?

Она помолчала и облизнула губы.

— Твое письмо? Нет, я не знала всего.

Он ничего не говорил, ожидая продолжения.

— Когда на экране появилось твое имя, я была с моим боссом и все ему рассказала. Тогда он и признался, что было это письмо. Он его читал.

— Оно было направлено в его офис, но адресовано-то тебе! Он вскрыл его — и утаил?

— Мой босс — странный человек, Энди. В чем-то приятный, в чем-то — не слишком. У него есть диктаторские наклонности. Кроме того, он ревнив.

— Я говорил с его женой, — сказал Эндрю. — Очень милая женщина. Я испытал к ней большую симпатию.

— Как и я. — Кэрол нетерпеливым жестом отложила дымящуюся сигарету. — Ты считаешь, что я наслаждаюсь всем этим?

— Так мне представлялось. Но я не слишком усердно размышлял на эту тему.

— Возможно, я бывала неразборчивой и все же никогда раньше не продавалась. Однако тут у меня не оказалось выбора. Мне приходилось заботиться о мальчиках.

— Ты могла бы открыть магазин; ты же предлагала поступить так Мадлен и мне. У тебя были кое-какие деньги.

— Ты не представляешь себе, что это такое — очутиться здесь совершенно одной. Первую неделю я просидела с мальчиками в гостинице, наблюдая, как тают мои денежки, и соображая, что значит быть белой в Африке. Мужчины все время делали мне откровенные намеки. Я была одинокой и напуганной. Не знала ни единой души. Я подумывала о магазине одежды и даже сходила на него взглянуть, но мне показалось, что человек, который водил меня по залу, — отпетый жулик. Мне было страшно принять хоть какое-то решение.

Эндрю молчал, отлично понимая, о чем она толкует. За нее всегда все делали мужчины — милые, ласковые мужчины в милом, ласковом мире. У нее было два старших брата и готовый для дочки на все папаша.

— Мы встретились случайно, — продолжала Кэрол, — и он был со мной очень добр. Это он умеет. Я испытывала к нему благодарность. Это он поместил мальчиков в школу. Заплатив за обучение вперед, между прочим.

— Щедро, — заметил Эндрю, — даже расточительно.

Она взглянула на него и примолкла; разговор оборвался. Эндрю не стал его возобновлять. Когда она полезла было в сумочку за новой сигаретой, он вынул собственную пачку и подал ей. Она быстро прикурила от протянутой им зажигалки и потянулась губами к огню, как будто собираясь его задуть. Это было началом старой, знакомой обоим игры, и Эндрю знал, что она делает это преднамеренно. Кэрол откинулась в кресле, и он убрал зажигалку.

— Ты все еще с Мадлен? — резко спросила она.

— Да.

— Когда мы встретились в последний раз, я подумала, уж не влюбился ли ты в нее. Что-то в этом роде...

— Да, — повторил Эндрю. — Что-то в этом роде.

— Что же будет, когда нагрянет Дэвид?

— Пускай решает Мадлен. Разве твои претензии на него не обоснованнее?

— Никаких претензий — с обеих сторон.

— У тебя есть новости от него?

— Нет. Адекема возражал. Я не стала отвечать на его письма.

— Думаю, Дэвид поймет. По натуре он — прагматик. Разве не это привлекло тебя в нем?

— Возможно, мои стандарты изменились, — тихо проговорила Кэрол и, заметив его улыбку, поправилась: — Ну, тогда мои потребности.

— Не думаю, что мы способны сильно меняться, — возразил Эндрю. — В нашем-то возрасте! Если только нас не ослепит свет по дороге в Дамаск. Помнишь?

— Я много думаю о Далидже, — сказала она. — Он даже снится мне по ночам. Представляешь, за последние три года я ни разу не побывала в картинной галерее! А так хотелось!

— Картины перевезли в Пейл. Не знаю, что стряслось с ними потом.

— Пуссен, который нравился тебе и которого не выносила я... Хотелось бы взглянуть на него снова.

— Ou sont les poussins d'antan?* Боюсь, все прибрала колючая зима.

Кэрол положила ладонь на его руку:

— Энди, взгляни на меня! Ты считаешь, что я все еще привлекательна?

— Очень.

— Ты не ненавидишь меня — за то, что произошло, за все?

— Нет, не ненавижу.

— Когда появится Дэвид, то, думаю, Мадлен уйдет к нему. Прости, если тебе больно это слышать, но, думаю, так уж получится. Если это случится, то не считаешь ли ты, что нам следовало бы...

— Перевернуть страницу, начать сначала и так далее?

— Не смейся надо мной! Мне кажется, я теперь другая, Энди. Я получила всего сполна — потайного секса в том числе.

— Дэвид может вообще не вернуться, — сказал Эндрю. — Кажется, им там удается контролировать положение.

— У меня другие сведения. — Она криво усмехнулась. — Из авторитетных источников. Думаю, совсем скоро там все рухнет. Он приедет, можешь не сомневаться. И тогда...

* Где картины Пуссена? (*фр.*)

— Я научился не торопить события. — Кэрол чуть заметно вздрогнула. — Вот придет время — тогда я и стану об этом тревожиться.

— Мы могли бы хоть иногда видеться, — предложила она. — Чтобы пропустить рюмочку...

— Думаю, не стоит. Сэр Адекема станет возражать. Я уверен, что получится именно так.

— Мне наплевать! — нетерпеливо бросила Кэрол.

— А вот это напрасно. — Она подняла на него глаза. Эндрю выдержал ее взгляд. — Очень напрасно.

В следующий раз Кэрол позвонила ему, чтобы спросить, не хочет ли он повидаться с мальчиками во время их школьных каникул. Эндрю согласился, предвкушая радость встречи. Однако сыновья не проявили бурной радости и особых чувств. Они были вежливы и ласковы, но всего лишь настолько, насколько это требуется от хорошо воспитанных детей в отношении чужих им взрослых. Мальчики больше молчали, когда же Эндрю задавал им какой-нибудь вопрос, ответ звучал почтительно, но кратко. Впечатлениями от встречи он поделился с Мадлен:

— Мне показалось, что они стесняются быть со мной на людях.

— Возможно, все мы тут стали чрезмерно чувствительными?

— Вот уж нет!

— В конце концов, они ведь тоже белые! Белый отец — не из тех секретов, которые можно скрыть.

— Со столь чуждым явлением просто нельзя смириться! Можно не смотреться в зеркало, но не станешь же воротить глаза от собственного отца...

— И матери...

— Кэрол ассимилируется. Ее дружок черен как уголь.

— Неужели они это понимают? Видимо, да. И не осуждают?

— Дети подобны любовникам — они не выносят моральных приговоров. Или находят явлениям рациональное объяснение, приспосабливая их к собственным потребнос-

тям. Робин не знал, куда деваться от смущения, когда я передал им привет от тебя.

— Думаешь, ты их потерял?

— Да.

— Ты сильно переживаешь?

— Я боялся худшего. Им хорошо, они вполне счастливы. Когда теряешь кого-то, то охватывающая тебя горечь отчасти связана с чувством вины: ты мог сделать то-то и то-то, а не сделал; со мной иначе. Да и им не очень-то легко. У подростка свои сложности, я же могу лишь усугубить их. Пожалуй, через несколько лет, когда они освоятся в этой жизни, мы снова сойдемся.

Она кивнула:

— Возможно, ты и прав. Но все равно это печально — что ты потерял их, хотя бы на время.

— Хорошо бы не окончательно.

— Пусть так... Ведь это твои дети. Хотя у меня нет своих детей, я все равно понимаю, что ты испытываешь.

— У меня могут родиться новые. Такая возможность существует?

Мадлен несколько секунд серьезно рассматривала его, прежде чем ответить:

— Еще как! Мы идем сегодня к Кутсисам?

— Как будто да.

— Тогда переоденься.

— У нас достаточно времени. Я бы лучше выпил. Принести тебе?

— Хорошо. Только немного. Чего хочешь.

Вернувшись с рюмками, он застал ее примостившейся на подоконнике. Широкое окно выходило на бескрайнее пурпурное пространство Атлантического океана; солнце скрылось за горизонтом полчаса назад. Повисшие в небе небольшие черные облачка казались стальными, их края резко выделялись на нежно-розовом фоне. Кое-где начали загораться звезды, чтобы хоть немного поискриться, прежде чем выкатится луна.

— Симпатично, — сказал Эндрю.

— Да.

Он сел и посмотрел на нее.

— У тебя есть новости от Дэвида?

— Неделю назад пришло письмо.

— Что-нибудь интересное?

— Так, не очень. Он вообще не горазд писать письма, а тут еще цензура. Он откровенен в речах и скован на бумаге.

— Естественная антитеза.

— Ты так считаешь? Возможно. Я знала одного человека, который мог быть откровенным только в письмах. — Она помолчала и продолжила: — Я последнее время не показывала тебе писем Дэвида — тебя это беспокоит?

— Нет. Но я задумывался об этом.

— Это началось, еще когда мы жили в той конуре. В одном письме было что-то вроде намека, который я поняла так, что Дэвид может совсем скоро приехать. Тогда все было так плохо... ты еще не оправился от лихорадки... Я решила, что письмо показывать не стоит.

— Чтобы я не понял, как тебе хочется, чтобы он приехал?

— Как я растеряна... Когда пришло следующее письмо, то одно стало цепляться за другое: было бы неправильно показывать тебе второе письмо, раз я утаила первое. Ты сам знаешь, как это бывает. Я ждала твоего вопроса.

— А я все не спрашивал. До сегодняшнего дня. — Она бросила на него быстрый взгляд, и он поспешил добавить: — Я больше ни о чем не спрашиваю, Мадлен. Пусть все образуется само собой.

— Так и будет. — В ее голосе звучала печаль. — Все всегда образовывается, если не торопиться.

— Да. — Эндрю залюбовался ее профилем на фоне быстро темнеющего неба. При всей недосказанности он чувствовал себя с ней спокойнее, чем с кем-либо другим за всю жизнь. — Пойду переоденусь. Самое время отправляться к Кутсисам.

Командир авиационного крыла Торбок звонил им, когда они были в гостях, и передал через горничную Антею, что прибыл в Лагос в командировку и хотел бы повидать их. Он обещал заглянуть утром.

На следующий день была суббота. Программа «День за днем» шла по будням, так что по выходным Эндрю бывал свободен. У них была запланирована автомобильная поездка в охотничий заказник, и Эндрю не очень-то обрадовался необходимости менять планы. С другой стороны, звонок незнакомого летчика заинтриговал их.

Антея впустила его в квартиру в начале двенадцатого. Раздался ее звонкий голосок, натренированный в гостиных Кенсингтона: «Командир крыла Торбок, мадам!» Мадлен неоднократно пыталась приучить ее к менее официальным манерам, однако без всякого успеха. Девушка умирала от голода, когда Мадлен предложила ей работу, и страх потерять место въелся ей в плоть и кровь.

Торбок оказался крупным краснолицым господином чуть старше сорока лет, с пышными, но непричесанными усами. По его виду было ясно, что он изнывает от жары.

— Входите, — пригласила его Мадлен. — Мы знаем о вашем звонке. Я Мадлен Картвелл, а это Энди Лидон.

— Благодарю вас, — сказал Торбок и отер платком пот со лба. — У вас тут прохладно. Не то что на улице.

— Предложить вам что-нибудь холодненькое? — осведомился Эндрю.

— В самый раз, — с облегчением откликнулся Торбок. — Спасибо. Что угодно, только со льдом.

— Мы обычно пьем южноафриканский бренди. Сейчас они стали делать и виски, но для настоя кладут в него что-то невообразимое. А так — неплохая вещь.

— В Пейле вообще хоть шаром покати.

— Значит, вы из Лондона, — сказала Мадлен. — Так я и думала.

Эндрю отметил, что в госте чувствуется что-то неуловимо знакомое, но явно старомодное. Усы? Или то, как он плюхнулся в кресло? Торбок улыбнулся, и Эндрю понял, в чем дело: бессознательная развязность англосакса, оказавшегося в чужой стране. Этим гость резко отличался от остальных белых, скопившихся в Лагосе. Даже если он и успел заметить здешние перемены, они не имеют к нему отношения. Он все еще связан с Англией.

— Да, — жизнерадостно ответил Торбок, — там мой приход. Пока по крайней мере.

— Вы знакомы с моим мужем?

— Да. Между прочим, меня зовут Питер. Я отлично знаю Дэйви. Мы с ним выпили на пару немало пивка, пока оно еще было в наличии. А сейчас он попросил меня проделать старый трюк — привезти вам письмецо, чтобы его не перехватила цензура.

Торбок извлек пухлый бумажник и, выудив из пачки бланков, квитанций и прочего конверт, протянул его Мадлен.

— Спасибо, — молвила она.

Она некоторое время разглядывала конверт, не решаясь его вскрыть. Желая развлечь Торбока, Эндрю спросил:

— Как вам нравится вид из нашего окна?

Торбок поднялся и подошел к окну.

— Чудесно! Особенно если вам по нраву море. Сам я — дитя гор. Склоны, пропасти, все в этом роде. Но у вас тут неплохой океан. Главное — ни кусочка льда.

— Взгляни-ка, Эндрю! — раздался голос Мадлен.

Она постаралась не выдать волнения, однако, принимая письмо, Эндрю заметил, каким напряженным стало ее лицо. Вот что он прочитал:

Дорогая Мадлен,

Питер Торбок любезно согласился провезти это письмо, чтобы его не испортила цензура. Наверное, Питера ожидает за это по меньшей мере смертная казнь. Однако теперь не стоит ничего бояться, потому что скоро в воздух взмоет последний воздушный шар, после чего строгостям наступит конец. Во всяком случае, мне захотелось воспользоваться случаем и передать тебе полновесное письмо.

Теперь к фактам, Мадди. Они таковы: я решил не участвовать во всеобщем исходе. Дело не в героизме; просто я хочу остаться здесь. Легкой жизни ждать не приходится, однако ничего невыносимого тоже не предвидится. За истекшие месяцы я узнал много такого, что позволит мне продержаться. А ты, наверное, помнишь, как я ленив и с каким трудом мне дается все новое. Еще долго после того, как я заделался школьным старостой, а

потом и вовсе окончил школу, мне снились кошмары, будто я опять превратился в первоклашку. Теперь они снова меня мучают.

Единственным утешением служит то, что все вы унесли отсюда ноги, как ни трудно это было поначалу. Энди — славный малый, лучшего опекуна для тебя не сыскать. Передай Кэрол привет, если случайно с ней увидишься; сейчас мне кажется, что все это было давным-давно...

Я, можно сказать, водил тебя за нос, когда утверждал, что сам тоже последую за тобой. Но я знаю: ты простишь мне это, как прощала в прошлом все обманы. Впрочем, все, кажется, обернулось к лучшему.

Передай от меня пожелания успеха Энди.

Целую, Дэвид.

Не дожидаясь, пока Эндрю прочтет письмо до конца, Мадлен спросила Торбока:

— Вы знаете, о чем здесь речь?

— В общих чертах. Кажется, он доводит до вашего сведения, что решил остаться в Лондоне.

— Он пишет, что скоро в воздух взмоет последний воздушный шар...

Торбок кивнул и обреченно стиснул зубы.

— Они собираются закрыть аэропорт. Правительство переезжает в Вест-Индию. Прочие шишки разбегаются кто куда — главным образом, в южном направлении.

— А остальные? — спросил Эндрю. — Те, кто останется?

— Им придется выкручиваться самостоятельно, — быстро ответил Торбок. — У головастых ребят, наподобие старины Дэвида, все будет в порядке.

— Как скоро это произойдет? — спросила Мадлен и пояснила, увидев вопросительный взгляд Торбока: — Как скоро закроется аэропорт?

— Я улетаю обратно уже завтра. Приходится рисковать. Я пилот, и то не могу ничего знать наверняка.

— Конечно, — произнесла она пресным тоном, — я понимаю, что вам надо соблюдать осторожность.

Торбок допил свою рюмку, и Эндрю подлил ему еще. Летчик не останавливал его, дожидаясь, чтобы рюмка наполнилась до краев.

— Совсем скоро, — объявил он, подняв рюмку, — я перестану посещать ваш оазис культуры.

— Неужели вы тоже собираетесь остаться в Англии?

Торбок покачал головой:

— Нет. Мне удалось зацепиться в Кейптауне. Там я и осяду.

— Что повлияло на ваш выбор?

— Я — белый, — пояснил Торбок. — Я видел, как белых пинают по всей Африке. Даже тем, кому удалось добраться до высших ступенек, приходится держать ухо востро. — Он усмехнулся. — Я не имею в виду присутствующих. Да и квалификация у меня подкачала. В нигерийской авиакомпании белым дают от ворот поворот. То же самое в Гане и вообще всюду. Возможно, в Южной Африке меня тоже ожидают трудности, но там я по крайней мере могу рассчитывать на нечто большее, нежели место привратника в общественной уборной.

Эндрю понял, что их гость не так прост, как могло показаться на первый взгляд.

— Скорее всего скоро начнется война, — сказал он. — Южноафриканские белые слишком малочисленны, даже в своей собственной стране.

— Я думал и об этом. Численность — еще не все. А хоть бы и так... — Торбок пожал плечами. — Моя жена умерла несколько лет назад. Детей у меня нет, заботиться не о ком. Так что если разразится война, лучше уж я буду драться за своих. А драться я горазд, будьте покойны! В Южной Африке такие, как я, нужны позарез, несмотря на возраст. Раз у них нехватка людей...

— Желаю вам попасть в десятку, — сказал Эндрю.

— Я постараюсь прицелиться поточнее, — веско произнес Торбок. — Иного выхода все равно нет.

— Выпьете еще?

Торбок покрутил головой:

— Не сейчас — дела. Рад был с вами познакомиться. Хотите что-нибудь передать? — осведомился он у Мадлен.

— А позже нельзя? Вы улетаете завтра?

— На заре. Вылет назначен на семь утра. Я остановился в «Шератоне».

— Попробую найти вас там, — сказала Мадлен. — Спасибо за все.

— Что вы, — отозвался Торбок. — Рад был вам помочь.

Эндрю проводил его до лестницы. Торбок восхищенно кивнул на автоматический лифт.

— Шикарно живете, — одобрил он. — Надеюсь, вы правильно поняли меня насчет Южной Африки. Я с радостью зацепился бы в Лагосе, если бы была хоть какая-то надежда.

— Что ж, все равно желаю вам удачи, — напутствовал его Эндрю. — Во всяком случае, как бы ни сложились дела, вас ждет страна виноделов.

— Тоже мне радость! Я — любитель пива! Помните чаррингтонское горькое? Случается, я вскакиваю ночью в холодном поту от мысли, что мне никогда больше не доведется его хлебнуть.

— Паршивый мир!.. Что ж, до свидания, Питер.

— Привет, Энди.

Вернувшись, он застал Мадлен за уборкой и заподозрил, что таким способом она препятствует возможным попыткам близости. Однако разговору это помешать не могло. Размышляя на эту тему, Эндрю наполнил свою рюмку. Наконец он сказал:

— У него все будет в порядке, ты сама это знаешь.

Прежде чем ответить, Мадлен поправила в вазе цветы — огромные тропические диковины, названия которых он не знал до сих пор.

— Просто ему незачем приезжать, — бросила она через плечо. — И не к кому. Кэрол теперь сама себе хозяйка. Я тоже в надежных руках...

Эндрю знал, что она имеет в виду: если бы в ее письмах к Дэвиду было больше тепла, если бы она намекнула, что ждет его, он, быть может, принял бы иное решение.

— Не думаю, что он руководствовался подобными соображениями, — возразил Эндрю.

— Тогда какими же?

— Не знаю. Как мы вообще принимаем свои решения? Чего только не намешано: гордость, неуверенность, страх перед неизвестностью.

— Как будто там все известно! Представляешь, что произойдет, когда рухнет всякое подобие законности?

— Это другое дело. Он ведь большой гордец, верно?

Мадлен уставилась на раскрывшиеся бутоны, беспомощно опустив руки.

— Да, верно.

— По крайней мере ты теперь знаешь, что к чему. Знаешь и о том, какой выбор он сделал. Это, безусловно, важнее всего. Когда человек перестает сомневаться в чем-то, ему легче жить.

Она повернулась к нему и слабо улыбнулась:

— Да, ты, как всегда, прав. Самое худшее — это неуверенность.

— Ты ему ответишь?

— Думаю, что отвечу. Только попозже, чтобы было время поразмыслить.

Он похлопал ладонью по дивану, и Мадлен примостилась с ним рядом, положив голову ему на плечо. Эндрю обнял ее:

— Знаешь, что я хочу тебе сказать?

— М-м?

— Мне нет нужды притворяться: жаль, что он не приедет, все равно жаль. Ты можешь в это поверить?

Мадлен чуть отстранилась, и Эндрю решил, что ее обидели прозвучавшие слова. Он посмотрел ей в лицо и заметил, что ее глаза серьезны, но в них не видно осуждения.

— Кажется, я никогда ни к кому не относилась так хорошо, как к тебе, Энди.

— Вот это дело, — сказал он и улыбнулся. — То есть это просто здорово! Теперь все уладится.

Она бросила на него непонятный взгляд, однако ничего не сказала. Слова заменил поцелуй.

Какой-то невнятный шум заставил Эндрю проснуться среди ночи. Он посмотрел на соседнюю кровать и увидел Мадлен стоящей на ногах — белую как снег фигурку в лунном свете, просачивающемся сквозь сетчатую занавеску.

— Что случилось? — пробормотал он.

— Ничего, — ответила она и подошла ближе. — Просто не спится.

— Ложись.

— Я лучше схожу на кухню и налью себе чего-нибудь. Спи!

— Я пойду с тобой.

Мадлен легонько толкнула его обратно на подушки.

— Что толку не спать вдвоем? — Ее губы коснулись его щеки. — Будь умницей, спи.

— Те же слова мне говорила моя мать.

— Я знаю. Ты мне рассказывал.

Засыпая, Эндрю видел, как она выходит из спальни. Когда он проснулся во второй раз, было уже утро. Кровать Мадлен была пуста. Он посмотрел на часы. Стрелки показывали половину восьмого; тут же, с ясностью, от которой у него сдавило сердце, он понял, что произошло. Было слишком поздно что-либо предпринимать.

На столике в гостиной его ждала записка, придавленная статуэткой гориллы из слоновой кости, которую они купили вместе на рынке Идумагбо. Почерк был четкий, уверенный, совершенно не выдававший чувств.

Милый,

я все время смотрела на тебя. Ты так мирно спал! Ты спишь до сих пор. Сейчас половина седьмого. Я напишу это письмо и уеду в аэропорт. Даже если ты проснешься раньше обычного и найдешь письмо, то, наверное, не успеешь меня остановить. Прошу, прошу тебя, не пытайся этого сделать! Я оставлю машину в аэропорту, ты сможешь забрать ее, когда захочешь.

Не думай дурно о Питере Торбоке. Он сопротивлялся, сколько было сил, и сдался лишь в самом конце. Боюсь, я давила на него недопустимо сильно, запугивала и прочее. Сюда он все равно не вернется. Он возьмет меня на борт в последнюю минуту как стюардессу.

Поймешь ли ты меня? Надеюсь, что поймешь. Я не могла бросить его там одного, пока оставался малейший шанс к нему вернуться.

Дорогой мой Энди, мне больно от мысли, что я не успела сказать, как я благодарна тебе за все, как я люблю

тебя, как буду по тебе скучать! Мне бы очень хотелось сказать все это самой, а не просто бросить записку и исчезнуть. Но тогда ты нашел бы способ меня остановить — ведь нашел бы, правда? — для моего же блага.

У меня не лежит душа к тому, как я это делаю, неприятно было и обманывать тебя, когда ты проснулся ночью. Мне так хотелось вернуться! Мне очень этого хотелось.

Прошу тебя, прости! Желаю счастья! Любящая тебя

Мадлен.

Он залпом прочел письмо, стреляя глазами по страничке и стремясь быстрее дочитать до конца, где его поджидал страшный итог. Потом он побрел на кухню. Стол был накрыт для завтрака: в вазе лежали фрукты, на краю возвышалась машина для варки кофе, в тостере румянился хлеб. На скатерти лежали приборы на одну персону.

Эндрю какое-то время молча созерцал все это, а потом направился назад в гостиную. Там он еще раз прочел письмо — теперь уже обстоятельно, не спеша.

5

Перед входом в недавно открывшееся кабаре «Молодая луна» мигающая неоновая вывеска бросала разноцветные блики на лес велосипедов и новеньких автомобилей, понаехавших сюда, несмотря на то что стрелки показывали уже два часа ночи. На другой стороне лагуны пылало зарево огней, заливающих набережную. Состоятельные люди предпочитали развлекаться там, на острове, или в загородных клубах, выросших как грибы вдоль дороги на Ибадан. Здесь же было попроще — более шумно и людно, чаще вспыхивали потасовки, не было прохода от проституток, а преступники чувствовали себя как дома. Оппозиционные газеты не прекращали кампанию за закрытие подобных заведений, однако публика смотрела на это сквозь пальцы, как на ритуальные упражнения в благочестии.

Эндрю, уже успевший принять немало горячительных напитков, с чрезмерной осторожностью припарковал машину у тротуара и дожидался теперь Абониту, чтобы попросить его открыть дверцу. Машина называлась «Нигра Мастер» — меньшая из двух моделей, производившихся нигерийскими заводами, и на удивление непрочная. Несколько дней назад Эндрю оторвал ручку дверцы со стороны салона и до сих пор не удосужился заехать в мастерскую. Можно было бы, конечно, опустить стекло и попытаться дотянуться до наружной ручки самостоятельно, но проще было дождаться Абониту.

Внутри грохотал традиционный диксиленд «Пылкая четверка». Вооружившись барабанами, двумя трубами и электрическим пианино, музыканты учинили такой шум, от которого в небольшом помещении у посетителей вполне могли бы лопнуть барабанные перепонки, даже не будь у исполнителей микрофонов. Однако микрофоны функционировали безупречно. Эндрю и Абониту устремились к самому дальнему столику, подальше от оркестра. Там их уже поджидал официант, голландец с перечеркнутым шрамом лицом.

— Два бренди, — сказал Эндрю. — Большие порции.

Стоило официанту удалиться, как к их столику ринулись две девицы. Блондинка нацелилась на Абониту, негритянка — на Эндрю. Эндрю знал, кто она такая. Она откликалась на кличку «Сьюзи» и была родом с Севера — мусульманка из племени хауса, из очень достойной семьи, изгнавшей ее за аморальное поведение. Девушка была сообразительна, и Эндрю ничего не имел против ее компании, хотя оставался безразличен к ее чарам. Однако сейчас ему было не до того.

— Угостите меня чем-нибудь, босс, — обратилась к нему Сьюзи.

Эндрю бросил на столик купюру:

— Пойди угостись сама. Мы сегодня здорово устали.

— Тогда вам тем более нужно женское внимание.

Он покачал головой:

— Может быть, завтра.

Сьюзи осклабилась и поплыла прочь, прихватив с собой блондинку. Официант не заставил себя долго ждать: обслуживание здесь было поставлено образцово. Эндрю набросал в свой бокал побольше льда.

— За Альберт-Холл, Або! — провозгласил он. — Плюс памятник Альберту*.

Абониту торжественно поднял бокал. Они уже успели выпить за здание парламента, Дом со львами на Тоттенхэм-Корт-Роуд, колонну Нельсона, Челсийскую цветочную выставку, читальный зал Британского музея, Кингз-Роуд, арку Адмиралтейства, Сэмюэла Уитбреда**, статую Питера Пэна, Императорский военный музей и «Селфриджез»***. Шутка явно затянулась, однако Эндрю все не унимался:

— Музыкальный фонтан с мелодиями Генделя превратился в лед! Пальцы принца-супруга примерзли к выставочному каталогу!

— Помнится, я как-то был на променад-концерте, — подхватил Абониту.

— В моем кругу это считалось дурным тоном.

— И потом брел по Гайд-парку как во сне. Музыка, воодушевление...

— Соучастие в искусстве, — объяснил Эндрю. — Плюс отсутствие расового барьера.

— Я тоже так думал, — улыбнулся Абониту. — Но не слишком обманывался.

— А вот это напрасно. Привыкай к самообману! Иначе тебе не видать счастья.

— «Врач, исцелился сам».

— У меня получается, — сказал Эндрю. — Бывают, конечно, провалы, но в целом получается.

— Просто потому, что ты слишком много пьешь. И мучишь друзей. Что же, мне надо заработать цирроз, чтобы помочь тебе справиться с твоими чувствами?

— Знаешь более доступное решение?

Немного помолчав, Абониту ответил с серьезным видом:

— Есть одно. In vino solvandum est.**** Как тебе моя латынь?

---

* Большой концертный зал в Лондоне и мемориал в честь супруга королевы Виктории принца Альберта.

** Основатель крупнейшей в Великобритании пивоваренной компании.

*** Крупнейший универсальный магазин Лондона на центральной улице Оксфорд-стрит.

**** Спасение в вине (*лат.*).

— Для меня — в самый раз. Давай свое решение. Мы выпустим его в прохладный воздух ночи.

Из-за грохота, издаваемого оркестром, им приходилось кричать. Музыканты сыграли кульминацию джазовой пьесы, после чего установилась относительная тишина. Голос Абониту прозвучал неприлично громко:

— Ты слыхал о...

Он осекся и смущенно огляделся.

— О чем? — спросил Эндрю.

— Об экспедиции, — закончил Абониту почти шепотом.

— Нет, — отозвался Эндрю и отхлебнул бренди. — Что-то не припоминаю.

— Мне известно о ней от Тессили. — Так звали дядю Абониту, министра финансов в теперешнем правительстве Нигерии. — Только это большой секрет.

— Как всегда.

— Этот особенно. Если кто-то пронюхает о наших планах, разразится скандал. — Он улыбнулся. — По крайней мере все члены нашего семейства лишатся работы. Их друзья — тоже.

— Своевременное замечание. Тогда тебе лучше держать тайну при себе.

— Нет. Должен же я объяснить тебе, в чем состоит решение. Мы рискуем одинаково, только твоя расплата будет тяжелее моей. Тебе известно, что в Европе к северу от Средиземного моря не существует никакой власти?

— Известно.

— Однако Совет африканских государств держит гарнизоны в двух портах.

— В Генуе и Сен-Назере. Мне еще понятно, зачем им понадобилась Генуя, но...

— Сен-Назер — самый северный порт, почти не замерзающий зимой. Единственный пункт, через который можно в любое время года попытаться проникнуть в Северную Европу.

Эндрю плохо соображал после выпитого и уже ощущал головную боль от спертого воздуха. Пианино зазвучало снова, но на этот раз вкрадчиво, без помощи электронного усилителя. Раздались аплодисменты и одобрительные выкрики. На

сцену вышло «Челтенхэмское трио» — три рыжеволосые европейские девушки, которым предстояло заняться томительно долгим раздеванием друг друга, прерываемым потасовками и приступами нежности. Несмотря на название трио, англичанкой была только одна из них; подлинный цвет волос тоже был только у одной исполнительницы — остальные красились.

— Почему Северная Европа? — не понял Эндрю. — Боже, ну зачем вам Северная Европа? Кому понадобилось забираться на кладбище?

— Кое-какие соображения имеются. База должна существовать. Может быть, потом, поднакопив силенок, мы что-нибудь предпримем.

— Первым делом — война. Не забывай о войне.

— Надо заглядывать и в будущее, — серьезно ответил Абониту. — Но вернемся к портам. Они контролируются Советом, и через них открывается путь в Европу. Отдельным странам будет трудно заявлять права на Европу в обход Совета. Все действия и вся ответственность делятся поровну, так будет и впредь.

— Пока вы не пойдете напролом.

— Не вы — мы, — поправил его Абониту. — Помни, что ты теперь африканец, Эндрю. Не думаю, чтобы мы набросились на Европу, даже когда будет решена проблема с Южной Африкой. Какой в этом смысл? Европа останется под совместным управлением. Но вот Британские острова — разве они часть Европы?

— Мы так и не разобрались с этим. Прошу прощения — они. Это казалось не таким уж важным делом. А теперь уже поздно.

— Нет, это важно, — не унимался Абониту. — Мы уже заявили претензии на континентальную Европу, закрепившись в ее портах, однако у нас нет опорных пунктов в Британии. С тех пор, как сбежало ее правительство, никто не посмел объявить о своем суверенитете над ней.

— Там все побережье обросло льдами — тянутся на пять миль в открытое море...

— Несомненно. Но я же говорю: надо заглядывать в будущее. Что и делается, причем во многих местах одновременно.

— То есть?

— Гана намечает послать экспедицию в Англию в будущем году. Они надеются обнаружить в конце апреля — начале мая свободный ото льдов порт на южном берегу. Скорее всего одновременно туда направит экспедицию и Египет. Ходят слухи даже о южноафриканской экспедиции, но в это не очень верится.

— Но вам не удастся держать там постоянную базу!

— Посмотрим. Мы почти не осведомлены о тамошних условиях. Можно найти способы, чтобы избежать трудностей.

— Заставить местных жителей убивать друг друга? Что ж, возможно, ты и прав. Насколько я понимаю, ты клонишь к тому, что Нигерия хочет принять участие в соревновании за первенство в водружении флага. Остается надеяться, что все эти экспедиции не передерутся между собой.

— Разница в том, — молвил Абониту, — что остальные готовятся отплыть в конце весны. Мы же отчаливаем сейчас, зимой.

— Невзирая на паковый лед? По воздуху, что ли? Вы не можете рассчитывать приземлиться на тамошние полосы на обычных самолетах. Значит, вертолеты?

— Воздушный путь накладывает слишком много ограничений. Нет. У нас есть иная возможность.

Самая низкорослая из рыженьких исполнительниц, вырываясь из объятий второй партнерши, зубами срывала с третьей предметы туалета. Африканцы, сгрудившиеся у сцены, подбадривали их громкими криками, в которых тонули аккорды пианино. Эндрю поморщился от головной боли.

— Британия располагала единственной в мире эскадрой «ховеркрафтов»*, — произнес Абониту.

Эндрю припомнил заголовки: эскадра была расквартирована на южном побережье, вне Пейла, и командующий вывел ее в открытое море, не дожидаясь полного краха государства. Они взяли курс на Гану, однако там было неспокойно, так что корабли свернули и оказались в Нигерии. Героический переход какое-то время был излюбленной темой газет, но потом забылся.

* Фирменное название судов на воздушной подушке.

— Ничего не получится, — бросил Эндрю. — Одному Богу известно, как им удалось дотянуть до ваших берегов. Это немыслимо — отправиться в поход протяженностью в пять тысяч миль на двенадцати «ховеркрафтах»...

— На одиннадцати, — поправил его Абониту. — Один так и не удалось восстановить. И не пять тысяч миль. Всего несколько сотен. Их доставят в Сен-Назер. Останется пройти только Бретань и Ла-Манш.

Эндрю начал усматривать в его словах проблески смысла.

— Сен-Назер находится под совместным контролем. Разве вы не столкнетесь с протестами представителей остальных государств?

— Протесты начнутся в случае, если они будут предупреждены заранее. Однако к тому времени, когда у них появится повод протестовать, экспедиция уже покинет зону совместного контроля. Пусть пререкаются сколько угодно — сделать что-либо будет уже не в их власти.

— А горючее? Еда? Сомневаюсь, чтобы можно было взять с собой столько запасов.

— Потребуется не так уж много горючего — только на путь до Саутгемптона. У нас имеется информация о том, что там остались большие склады горючего, до которых ни у кого не дошли руки — в тех краях все рухнуло молниеносно. «Ховеркрафты» могут взять на борт достаточно еды, чтобы протянуть месяца два. После этого попробуем пополнять запасы, посылая отряды к судам, которые смогут пройти по свободным ото льда водам как можно дальше к северу.

— Рискованно...

— Да, рискованно. Ты поплывешь, Эндрю?

— В каком качестве?

— Всякую экспедицию нужно запечатлевать на пленку. Я — неплохой оператор. Ты тоже сойдешь за оператора — я тебе в этом поспособствую. Мой дядя — министр финансов. Думаю, мы все уладим.

Эндрю примолк. Хмель сняло как рукой, и радостное возбуждение вступило у него в душе в борьбу с отчаянием: предложение, при всей фантастичности, было вполне осуществимым, однако результат мог оказаться совершенно нулевым. Он почувствовал резь в глазах. В центре круга, очерченного прожекторами, две девушки вели шуточное

сражение с третьей: одна из них распростерлась на полу, обхватив жертву за ноги, другая цеплялась за ее руки и одновременно срывала последние остатки одежды.

— Мы снимем документальный фильм, — говорил Абониту. — Ты только подумай! Черно-белые кадры обледеневших улиц, заваленных снегом. И в цвете — багровый закат на застывшей Темзе... Может быть, нам повезет с сюжетом. Вдруг тебе удастся обрести в стране вечной зимы утраченную любовь?

Эндрю уставился на него, часто мигая слезящимися глазами:

— Думаешь, получится?

— Получится, — кивнул Абониту.

— Тогда выпьем за успех. — Эндрю поднял бокал. — Правда, у нас кончилась выпивка.

— Можем помочь и этой беде, — утешил его Абониту.

Он поднял палец, и к ним со всех ног бросился бдительный официант.

На следующее утро Эндрю поднялся в состоянии сильного похмелья — не самого тяжелого на его памяти, но достаточно обременительного. Он проглотил четыре таблетки кодеина, сварил себе крепкий кофе и приготовился выпить его, когда зазвонил телефон. Это был Абониту.

— Помнишь мое ночное предложение? Что ты о нем скажешь на свежую голову?

— Начнем с того, — буркнул Эндрю, — что любые планы, предлагаемые нигерийцами, никогда не воплощаются в реальность. Если этот начнет претворяться в жизнь, я могу указать на добрую дюжину звеньев, в которых начнутся сбои, способные обречь на провал всю затею. Замысел подстерегает полное фиаско. Мы рискуем свернуть себе шею, не имея никакой четко обозначенной цели. Город твоей мечты мертв, пойми, Або! Возможно, такая же судьба постигла и Мадлен. Даже если она жива, разве можно надеяться отыскать ее посреди пустыни?

— Да, — отозвался Абониту, — я тоже размышлял обо всем этом. — Он помолчал. — А потом повидался с дядюшкой, и все быстро утряслось. Мы отбываем в Сен-Назер через две недели. Годится?

— Да, — устало ответил Эндрю. — Годится.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

«Диадема Йоруба» подошла к причалу в полдень. Уже через два часа все одиннадцать «ховеркрафтов» выстроились в ряд на берегу. Дикое завывание турбин, запущенных для проверки готовности, вспороло морозный воздух порта, заставив офицеров контрольной службы высыпать на улицу. Эндрю стоял в сторонке, наблюдая, как они спорят между собой и с генералом Муталли, командиром экспедиции. Судя по бурной жестикуляции и гневным крикам, страсти разгорелись не на шутку, хотя без крика все равно нельзя было обойтись, ибо от воя турбин в пору было оглохнуть. Египетские и алжирские офицеры настаивали на конфискации «ховеркрафтов», как того требовало решение Совета. Муталли отражал наскоки с вежливой улыбкой. По прошествии часа, невзирая на шумные протесты береговых служб, первый из «ховеркрафтов», вызвав на причале сильную вьюгу, двинулся к контрольно-пропускному пункту. Шлагбаум дрогнул и пополз вверх. К четырем часам по лагосскому времени эскадра в полном составе вышла из города и понеслась по заснеженным просторам Бретани в северном направлении.

В составе экспедиции было еще двое белых, не считая Эндрю, — инженеры-механики, с самого начала служившие в эскадре «ховеркрафтов». Их звали Карлоу и Прентис. Карлоу был худощавым молодым человеком с короткими усиками и застывшей на лице усмешкой. Прентис был ниже его ростом и помассивнее; ему можно было дать на вид лет тридцать, он выглядел глуповатым и больше помалкивал. Держались механики вместе и на Эндрю внимания почти

не обращали. Пока продолжался морской переход, они ни разу не были замечены трезвыми — видимо, им пришелся по вкусу нигерийский эрзац-джин. На суше Карлоу и Прентис были немедленно лишены этой радости, и Эндрю недоумевал, как они смогут мириться с подобным произволом. Инженеры-механики не вызывали у него ни симпатии, ни доверия.

Общее количество нигерийцев приближалось к сотне — по большей части офицеры и сержанты нигерийской армии. Все они были моложе Эндрю; самому Муталли, настоящему воину из племени ибо, широкоплечему гиганту, едва исполнилось тридцать пять лет. Экипаж не донимали строгой дисциплиной, и на судне царила непринужденная атмосфера оптимизма. Даже когда вокруг заклубился туман остывающих морей, люди не утратили жизнерадостности: они без устали хохотали, разглядывая друг друга в непривычной теплой одежде, и азартно выкрикивали свои предложения при обсуждении плана кампании, хотя окончательное решение оставалось за генералом Муталли.

По поводу маршрута, который должен был привести экспедицию в Англию, мнения разделились. Одна группа, в которую вошло, по подсчетам Эндрю, большинство экипажа, стремилась свести морской отрезок маршрута «ховеркрафтов» к минимуму и предлагала проследовать по суше до Кале, а уже оттуда пересечь Ла-Манш. Оппозиции не давали покоя опасения насчет банд оголодавших французов, державших в страхе всю округу и время от времени атаковавших укрепления Сен-Назера. Ее предложения сводились к тому, чтобы как можно скорее выйти в открытое море и устраивать ночевки на пустынных участках берега. Сформировалась и небольшая фракция экстремистов, предлагавших прорываться к Лондону по руслу Темзы. Муталли, убедившись, что споры заводят дискуссию в тупик, предложил компромиссный вариант: взять курс прямо на север, достигнуть моря в районе Сен-Брие и Динара, оттуда двигаться прямиком на Англию. Такой маршрут позволил бы им избежать стычек с местными бандами, которые, по всей видимости, не заходят на полуостров Бретань, и выйти к побережью Дорсета с минимальными людскими потерями.

Предложение выглядело разумным. Кроме того, это был кратчайший путь в Англию. Эндрю уже чувствовал, что, несмотря на улыбчивость, Муталли не было чуждо нетерпение. Оставалось надеяться, что, принимая ответственные решения, он станет руководствоваться чем-то более существенным.

Стояла отличная погода — морозная, но ясная, — и они быстро продвигались вперед. Прошел час, и головной «ховеркрафт», в котором находился Муталли, остановился у небольшого холма. Остальные машины подрулили к нему и тоже замерли, расположившись кругом. Эндрю и Абониту находились в замыкающей машине.

— Ночной привал, — объяснил Абониту. — Что-то рановато...

— Лучше не ждать темноты, — с облегчением отозвался Эндрю. — Уже сумерки.

— Можно было бы включить прожекторы.

— Да. Я боялся, что Муталли так и поступит.

— Муталли боится темноты, — ответил Абониту с холодным презрением. — Ибо — примитивный народец. Они подвергают обрезанию своих женщин и боятся заниматься любовью при свете дня или на свежевспаханной земле. Ночь — это время для того, чтобы любить женщин — а они у ибо уродливы и бесчувственны — и подстерегать врагов. Наверное, он опасается духов мертвых французов.

— Возможно, ты и прав, — сказал Эндрю. — Но я все равно выступаю за ранний привал. Нам некуда спешить, а на чужой территории особая осторожность не помешает.

На ночь были выставлены трое часовых, которых через два часа должна была сменить другая троица. Эндрю не попал в число часовых, однако Карлоу и Прентиса не обошла эта участь — да еще в разных сменах. Пока готовился ужин, до Эндрю донесся их разговор. Прентис издевался над неэффективностью нигерийских военных и отсутствием у них боевых навыков, Карлоу издавал звуки, свидетельствовавшие о полном согласии с приятелем.

Ночь прошла без происшествий. Следующее утро порадовало безоблачным небом. Сборы прошли не слишком организованно, в результате чего они двинулись в путь с некоторым опозданием. Вскоре им впервые попались на глаза

местные жители — группка из семи-восьми человек, бросившихся при приближении «ховеркрафтов» врассыпную. Эндрю показалось, что среди них нет женщин, хотя судить наверняка было трудно, ибо все люди были обмотаны пестрым тряпьем. Один из них, набравшись смелости, остановился ярдах в трехстах и проводил «ховеркрафты» долгим взглядом. Еще через несколько миль участники экспедиции приметили дымок, поднимающийся из трубы посреди деревни к западу от трассы. В остальном же пейзаж был совершенно пустынным. Иногда на снегу можно было заметить зверя — собаку или лисицу, а то и незнакомую крупную птицу, неуклюже трусящую прочь при их приближении. К середине дня с севера появилась стая чаек, которые стали с криками кружиться над рвущимися вперед машинами. Еще через полчаса экспедиция достигла моря.

Глядя на карту — старый буклет фирмы «Мишлен», — Эндрю заключил, что они находятся недалеко от мыса Фреэль. Пляж был так же пустынен, как и оставшаяся позади равнина. У берега громоздился лед, но чуть дальше сверкала чистая вода. Местность казалась совершенно вымершей. Единственным источником движения во всей округе была сама экспедиция, да еще растревоженные чайки.

Люди перекусили, и Эндрю ожидал, что суда немедля ринутся в море, однако не обошлось без новой задержки, связанной на этот раз с появлением среди нигерийцев фракции, отрицательно настроенной по отношению к морскому переходу. Эти люди требовали привала, с тем чтобы выйти в Ла-Манш только на следующее утро, имея впереди полный световой день. Противники уверяли их, что стемнеет не раньше чем через четыре часа и «ховеркрафты», крейсерская скорость которых на водном пространстве составляет примерно пятьдесят узлов в час, достигнут противоположного берега, имея в запасе как минимум час. Возражение состояло в том, что необходимо считаться с возможностью поломок. В ответ выдвигалось то соображение, что «ховеркрафты» могут оставаться на воде неограниченное время и что лучше провести ночь в открытом море, нежели на столь негостеприимной земле. А погода? Самая многообещающая,

не унимались оптимисты: барометр указывает на «ясно», такое же впечатление производит и безоблачное небо.

Определенность внес Абониту. Дав выговориться всем желающим, он произнес:

— Время уходит. Если мы продолжим болтовню, не останется никакого смысла выходить в море сегодня.

Муталли кивнул своей большой головой:

— Ты прав. Думаю, надо отправляться сейчас же. — Он поднял руку, заставив умолкнуть несогласных. — Выходим. Дискуссия окончена.

Карлоу и Прентис сидели рядом с Эндрю, и он заметил, как они переглянулись.

— Ну и банда, — прошипел Прентис.

— Надеюсь, ты умеешь плавать, — сказал Карлоу. — Если забыл, придется вспомнить.

— Черномазые... — проговорил Прентис без всякого выражения.

— Поосторожнее.

— Они слишком увлечены болтовней, чтобы услышать.

— Все равно поосторожнее.

Эндрю поймал недобрый взгляд, брошенный на него Карлоу, и заключил, что они относят его к числу своих недругов — возможно, из-за дружбы с Абониту. Он удивился, насколько мало его это покоробило. Он не забывал о белом цвете своей кожи, однако нисколько не сочувствовал этой парочке. Не исключено, что они сознавали это.

На протяжении примерно мили лед оставался прочным, однако дальше он стал лопаться под напором горячего воздуха, и за вереницей «ховеркрафтов» потянулась широкая трещина. Еще немного — и перед ними раскинулось свободное ото льда море, от яркой голубизны которого у всех заслезились глаза. Однако на горизонте клубилось туманное марево. Вскоре французский берег скрылся из виду. Одиннадцать судов, поднимающих радужные фонтаны, остались наедине с волнами. Голоса разом смолкли. Это было иное одиночество, иной простор, непривычный для африканцев.

На чистой воде «ховеркрафты» разогнались вовсю, и слабость двигателя у судна, на котором довелось быть Эндрю и

Абониту, почти незаметная на суше, тут же дала о себе знать. Их «ховеркрафт» постепенно отстал от остальных. Сперва они неслись в пятидесяти ярдах от предпоследнего судна, потом расстояние выросло до ста, двухсот ярдов.

— Как бы нам не потеряться, — молвил Эндрю.

Абониту кивнул:

— Наверное, они заметят, что мы отстаем, и снизят скорость.

— Нас видно только с судна Игминту. Если им не придет в голову оглянуться...

— Придет. Еще совсем светло.

— И никакой сигнализации, — вздохнул Эндрю. — Вот тебе недостаток планирования!

В прозрачной голубизне, которую бодро атаковал «ховеркрафт», внезапно сгустился туман. Сперва не произошло ничего, кроме изменения цвета воды: там, где встречались синь моря и голубизна воздуха, появилась и стала быстро расти серая прослойка. Вскоре она заслонила небо. Эндрю надеялся, что ушедшие вперед суда, сообразив, что обстановка быстро меняется, сбавят темп, а то и вообще остановятся, чтобы оглядеться и дождаться отставших. Но ничего подобного не произошло. Штурман отклонился немного к западу, чтобы выйти из кильватера группы и попасть на глаза остальным. Однако это всего лишь позволило созерцать, как десять «ховеркрафтов» один за другим исчезают в стене тумана.

— Надо бы повернуть назад, — сказал Эндрю. — Стоит попасть в туман, и...

— Глуши моторы! — крикнул Абониту штурману. — Подождем здесь, на виду. Они вернутся за нами.

— Мы сильно отстали.

— Ничего не поделаешь. Незачем лезть в туман.

Однако штурман и не думал сбавлять скорость. До завесы густого тумана осталось плыть каких-то сто ярдов.

— Останавливаемся! — закричал Абониту.

Штурман не повернул головы. Эндрю прочел на его лице страх — страх затеряться в этом чужом северном мире.

— Бери управление на себя, — шепнул Эндрю Абониту. — Другого выхода нет.

Абониту колебался. Тем временем туман совсем сгустился, его щупальца обвили судно со всех сторон, и небо посерело. Абониту наконец принял решение и заглушил моторы. Воцарилась гнетущая тишина. Прислушавшись, они различили удаляющийся шум турбин последнего, десятого судна.

— Что теперь делать? — беспомощно спросил Эндрю.

— Не знаю... Не знаю, что у Муталли на уме. Возможно, он считает, что туман закрыл не весь пролив и что он сумеет из него выбраться.

— Наверное, ты прав. Он не станет задерживаться, стремясь побыстрее достичь суши. И потом, он может и не знать, что мы отстали.

Пришедший в себя штурман подал голос:

— По какому праву вы вмешиваетесь? За двигатели отвечаю я.

— Что ж, валяй, — пожал плечами Абониту и повернулся к Эндрю. — Наверное, если взять прямиком на север, по компасу...

— Как видно, нам не остается ничего другого.

Турбины ожили, снова заглушив рокот ближнего судна. «Ховеркрафт» тронулся с места, но туман был настолько густым, что движение почти не ощущалось. В первый раз за все время Эндрю почувствовал беспокойство. Конечно, ни о каком судоходстве в этих водах не могло быть и речи, однако на их пути вполне мог оказаться айсберг, столкновение с которым на скорости более сорока узлов означало бы верную гибель. Кроме того, приходилось помнить о рифах. Курс был рассчитан таким образом, чтобы пройти в стороне от Нормандских островов, однако это не устраняло опасности напороться на скалы.

Впереди показался просвет. Еще минута — и все снова затянуло туманом. Потом перед ними открылся участок чистой воды протяженностью ярдов в двадцать. Туман действительно покрывал море клочками. Однако, как ни странно, видимость пугала незадачливых мореходов еще больше, чем серая пелена.

— Не нравится мне все это, — поделился Эндрю с Абониту.

Однако тому было некогда отвечать. Судно вырвалось на открытый участок, и они оказались в окружении очистившейся от тумана воды. Слева и справа на некотором отдалении клубились завитки влажной пыли, однако по какой-то причуде атмосферного давления судно оказалось как бы на середине озера, куда не смел заползать туман. Вой турбин утих. Эндрю догадался, что штурман помимо собственной воли сбавил ход, страшась покидать светлый участок и снова погружаться в темноту. «Ховеркрафт» стал медленно забирать восточнее первоначально взятого направления, скользя вдоль стены тумана.

— Чем дальше мы отклонимся от намеченного курса, тем труднее будет найти остальных, — предупредил его Абониту.

Впереди показалась льдина — небольшая и, как видно, довольно тонкая, однако с тех пор, как они отошли от французского берега, им еще ни разу не попадался на глаза лед. Льдина стала ломаться от напора выпускаемых турбинами горячих струй. Эндрю пригляделся. Чистое пространство как будто сужалось. Прошло несколько минут, и догадка превратилась в уверенность: клубы тумана неумолимо приближались. На этот раз штурман выключил турбины, не дожидаясь окрика. Установилась гнетущая тишина, точно у людей заложило уши. Эндрю прислушался, но на этот раз не смог различить никакого шума. Внизу тихонько плескалась вода.

— Ничего не слышу, — нервно бросил штурман. — А вы?

— Мне кажется, нам надо держаться севернее, — сказал Абониту. — Если мы не отыщем их до наступления темноты...

Молчание длилось недолго, его сменил горячий спор. Эндрю попытался унять раздражение, которое вызывало у него непостоянство африканцев, их склонность к паникерству. Он увидел, как Абониту неуверенно пожимает плечами. Однако в ту же секунду его внимание привлек вновь появившийся перед ними просвет. Впереди открывалась видимость ярдов на двести — триста. Он указал туда остальным.

— О'кей, двигаемся, — с облегчением решил штурман.

— Это уведет нас еще дальше к западу, — предупредил Абониту. — Так мы окончательно сойдем с курса.

Однако никто не обратил внимания на его слова. Турбины взревели снова, и «ховеркрафт» пришел в движение.

Туман становился все менее густым; через некоторое время появилась возможность взять право руля, так как просвет открылся и на востоке. Спустя четверть часа они выбрались из полосы тумана.

Плотная пелена закрывала море к северо-востоку и юго-западу, однако прямо по курсу море было чистым до самого горизонта, а там виднелась земля.

— Остров, — заключил Абониту. — Один из Нормандских островов. Который, Эндрю?

— Джерси или Гернси. Никак не Олдерни — слишком велик.

Комментарии и предложения снова полились рекой. Общее настроение проявилось незамедлительно: двух часов, проведенных на воде, и встречи с туманом оказалось достаточно, чтобы людей потянуло на твердую землю. Абониту настаивал, что было бы полезнее попытаться до сумерек снова соединиться с остальной экспедицией, однако никто не стал внимать его уговорам. Единственным способом вернуться на первоначальный курс было бы снова лезть в туман. В итоге Абониту уступил. «Ховеркрафт» бодро полетел к острову.

В миле-другой от берега их встретили льдины, однако сам берег был почти свободен ото льда, ибо высокие волны препятствовали замерзанию воды. Подойдя ближе, они увидели нечто напоминающее айсберги, которые при ближайшем рассмотрении оказались гранитными скалами, заросшими льдом. Однако к югу от них находился пологий берег. «Ховеркрафт» высадил экипаж на берег, причалив к волнолому. Волнолом был сложен человеческими руками из гранитных глыб. Вокруг не было никаких признаков жизни. В волноломе зияла брешь, проделанная морем. Все африканцы, включая штурмана, поспешили покинуть судно и пробраться через брешь на берег.

Абониту спрыгнул на гальку, перемешанную с кусочками льда.

— Вот мы и на английской земле, Эндрю! — провозгласил он.

— Не на английской. На британской — другое дело. У Нормандских островов было собственное управление.

— Какая разница? Пойдем за остальными.

Они вышли на дорогу, с трудом угадываемую под снегом. На снегу не было никаких следов. По другую сторону дороги простиралось поле, за которым виднелись дома. Судя по всему, в них никто не жил, причем довольно давно. Пустота кругом ничем не отличалась от безлюдья, встретившего их в Бретани. Эндрю почувствовал отчаяние: все будет таким же, зима уничтожила европейскую культуру. Он и раньше знал, что лучше не надеяться, однако теперь эта мысль была совершенно неоспоримой и оттого очень горькой.

Абониту прикоснулся к его руке:

— Смотри, там что-то вроде дота. Думаешь, жители строили защитные сооружения, опасаясь нападения с моря?

— Это не островитяне, а немцы. Ты не помнишь, что они оккупировали острова во время последней войны?

Экипаж единогласно высказался в пользу кофе; с судна принесли нечто вроде плиты, снегу же вокруг было хоть отбавляй. Один из африканцев остался дежурить на гребне волнолома. Эндрю тоже время от времени обращал взор в сторону моря, без особой, впрочем, надежды увидеть там остальные суда. Зато услыхать их можно будет издалека: для большей эффективности работы турбин с них были сняты глушители.

Он в очередной раз озирался на море, когда послышался крик:

— Люди!

С юга к ним приближалась группа людей. Их было десятка два, большинство с ружьями. Впереди остальных ехал всадник. Рядом с ним по снегу трусил ординарец — безоружный, но с коротеньким шестом, увенчанным белой тряпицей.

— Кажется, вполне мирный народ, — сказал Абониту. — Однако лучше держать оружие наготове.

Группа остановилась в десяти ярдах от нигерийцев. Эндрю заметил, что всадник восседает не на настоящем скакуне, а на лошадке, привыкшей ходить в упряжке, тем не менее выглядел он внушительно. Даже спешившись, этот человек казался бы гигантом; сидя на лошади, он возвышался над всеми, как вождь племени. На вид ему можно было дать

лет сорок; у него была густая вьющаяся борода с серебряными нитями. Меховая шуба, защищавшая его от холода, была, по всей видимости, сшита из двух женских шуб. Лишь его голос мог бы звучать посолиднее: это был отнюдь не бас, а срывающийся баритон, хотя в нем не слышалось никакого беспокойства.

— Так, полковник, — приказал он. — Приступайте к делу.

Человек с белым флагом был старше годами — ему можно было дать шестьдесят лет. Одет он был неважно и, очевидно, сильно мерз. До нигерийцев донесся его усталый голос, сохранивший все же звучность, с какой привыкли отдавать команды британские офицеры:

— Я представляю его превосходительство, губернатора и бейлифа* Гернси. Прошу вас сообщить причину, по которой вы, не имея разрешения, высадились на нашем берегу.

— Мы — часть нигерийской экспедиции, посланной в Британию. — Ударение на слове «часть», сделанное Абониту, не могло пройти незамеченным. — Мы временно оторвались от остальной эскадры и ищем пристанища. У нас мирные намерения, и мы не причиним вам вреда.

Человек, восседающий на лошади, не обратил на него никакого внимания. Его взгляд был прикован к Эндрю.

— Вы — белый, — произнес он. — Что вы делаете в таком окружении?

— То же, что и остальные, — ответил Эндрю. — Я член экспедиции.

— Когда собираетесь отплыть восвояси?

— Не позднее утра.

— Что это там у вас? «Ховеркрафт»?

Судно было скрыто волноломом. По всей видимости, отряд приметил его еще в море. В таком случае становилась понятной скорость, с какой он появился перед вновь прибывшими.

— Да, — подтвердил Эндрю, — «ховеркрафт». — Линия, избранная Абониту, сулила наибольший выигрыш. — Часть эскадры.

— Вы что же, заблудились? Что-нибудь с двигателем?

* Один из двух председателей законодательной ассамблеи на островах Джерси и Гернси.

— Мы угодили в туман.

— Новички в море. — Всадник присвистнул. — И не слишком-то внимательны.

Со стороны пляжа послышались новые звуки. Над волноломом показались человеческие головы, в проломе, через который недавно проникли на остров нигерийцы, выросли фигуры. Человек, вооруженный винтовкой, уже стоял рядом с растерянным часовым и нахально скалился. Эндрю сразу понял, что произошло. Пока основные силы двигались по дороге, размахивая белым флагом, отдельный отряд тихонько прокрался вдоль пляжа. Теперь экипаж был отрезан от «ховеркрафта». К нему пришлось бы прорываться с боем, без всякой надежды на успех.

Стараясь придать голосу властные нотки, Эндрю произнес:

— Мы — мирная научная экспедиция. Мы не военные.

— Но ведь у вас винтовки! Славные автоматические штуковины. И наверняка полно боеприпасов.

Эндрю посмотрел на Абониту. Остальные африканцы были явно застигнуты врасплох, один Абониту сохранил решительный вид.

— Наше оружие предназначено для самозащиты, — сказал он.

— Я беседую с белым человеком, Самбо, — вкрадчиво проговорил всадник и перевел взгляд на Эндрю. — Тут как будто пахло кофе. Мы уже много месяцев не нюхали этого запаха.

— Еды у нас в обрез, — ответил Эндрю. — Но мы с радостью поделимся с вами парой банок.

— Будем благодарны вам за такую любезность. Вот что, приглашаю вас к себе в гости. Все лучше, чем коротать ночь на снегу!

Посмотрев украдкой на Абониту, Эндрю заметил, как тот кивнул. Экипаж находился в безнадежном положении, и было предпочтительнее решить дело миром, а не затевать свалку. Его посетила новая мысль.

— Далеко ли отсюда до вашей резиденции, — он немного помялся, — ваше превосходительство?

— Она по другую сторону острова. Милях в трех.

— Тогда, может быть, мы отвезем вас туда на «ховеркрафте»?

На бородатой физиономии появилась улыбка.

— Удачная мысль. Только при условии, если вы возьмете на борт моих людей.

Эндрю рассчитывал, что на борту у экипажа появится шанс одолеть противника, однако африканцы были совершенно неподготовлены к решительным действиям, а люди губернатора, напротив, все время оставались начеку. Эндрю взял управление на себя, не встретив со стороны штурмана ни малейших возражений. Губернатор пристально наблюдал за его действиями. Он оставил своего скакуна и нескольких людей на берегу; остальные поднялись вместе с ним на борт и приглядывали теперь за африканцами, сильно уступавшими им в численности.

Отойдя от берега ярдов на сто, они взяли курс на северную оконечность острова. За бортом оставались участки, где судно вполне могло бы выбраться на берег, чтобы двинуться дальше посуху, однако Эндрю смотрел только вперед. Он чувствовал, что следует приложить максимум усилий, чтобы не продемонстрировать всех возможностей судна. Из тех же соображений он не включил турбины на полную мощность. Скорость движения не превышала десяти узлов, поэтому минул час, прежде чем они оказались в гавани Сент-Питер-Порта. К этому времени солнце почти село, и туман, успевший поглотить острова, лежащие к востоку, уже охватывал городок, клубясь между домов.

Важнее всего было то, что взору экипажа наконец-то предстал обитаемый город. На улицах угадывалось какое-то движение, из трубы неподалеку поднимался дымок. «Ховеркрафт» вошел во внутреннюю гавань. Было время отлива, дно гавани покрывал ил вперемешку с колотым льдом. Эндрю подвел судно к пологому гранитному причалу, ведущему в город, и заглушил турбины.

— Прошу на берег, — молвил губернатор. — Мы выставим охрану. Бдительную!

Наступил самый трудный момент.

— Я бы предпочел оставить людей на судне, — сказал Эндрю и, поймав недоверчивый взгляд губернатора, твердо

присовокупил: — Я возьму с собой старшего помощника, но мне будет спокойнее, если люди останутся на борту.

— Идет, капитан. Берите помощника и оставляйте остальных. — Согласие последовало без колебаний, что свидетельствовало о том, что губернатор не намеревался — по крайней мере на этом этапе — прибегать к насилию, раз его можно было избежать. — Но мы тоже выставим охрану. Она не помешает вашей шхуне, верно?

— Останетесь здесь, — обратился Абониту к остальным. — Утром мы вернемся. — Он быстро отлучился в трюм и вернулся с двумя фунтовыми банками кофе. — Надеюсь, вы примете это от нас, ваше превосходительство, — важно сказал он.

— Примите кофе у Самбо, полковник, — велел губернатор. — Сегодня после ужина мы отведаем кофейку. Прямо как в былые времена... — Он усмехнулся. — Можете зайти и понюхать мою чашку.

Они подошли к резиденции губернатора, которая оказалась маленькой скромной гостиницей. Над дверью сохранились призывы, адресованные островным автомобилистам.

— Сначала я жил в губернаторском доме, но это продолжалось недолго. Там слишком просторно для теперешних суровых зим — кругом сплошные сквозняки. Ни за что не согреться. Здесь — другое дело.

Он провел их в помещение, служившее раньше коктейль-баром, кивнув отсалютовавшему гостям часовому. В камине тлела разрубленная на куски мебель.

— Раздевайтесь и присаживайтесь. Чувствуйте себя как дома. Глоточек виски, капитан?

— С удовольствием. Большое спасибо.

— Полковник! Виски для меня и для капитана! Вам разрешается лизнуть пробку.

Полковник принес из-за стойки поднос с рюмками. Абониту остался ни с чем.

— Ну-ка, посмотрим на бутылочку! — сказал губернатор. Полковник подал ему бутылку и застыл в немом ожидании. — Приходится осуществлять контроль, — объяснил губернатор и ухмыльнулся. — Посягательство на мое виски карается смертью, но все равно нужен глаз да глаз. За ваше здоровье, капитан!

— И за ваше, ваше превосходительство!

Эндрю пригубил виски. Напиток напоминал едкий уксус.

— У вас его много?

— Хотите, чтобы я проболтался? — Гигант подмигнул. — Мне и моим близким друзьям хватит еще на годик-другой. Могу предложить вам на ужин бордо. Полковник в прошлом был большим любителем бордо, а, полковник? Он отлично разливает спиртное. Я позволяю ему забрать бутылку себе, когда доходит до осадка, — уж больно мастерски он льет! Как дела в Африке, капитан?

— Неплохо, — отозвался Эндрю.

— Вы бы приглядывали за ними. Столько черномазых! Не помешает, а? — Он залпом осушил свою рюмку. — Эй, полковник! Вы уже не видите пустую рюмку под самым вашим носом!

К тому времени, когда поспел ужин, губернатор ухитрился опрокинуть шесть больших рюмок виски (рюмка Эндрю наполнялась по его приказу дважды). Его речь стала громче и несвязнее. Когда ему понадобилось выйти в туалет, Эндрю дождался, пока стихнут нетвердые, но все равно тяжелые шаги, и спросил полковника:

— Ваше звание — вполне официальное?

— Да, сэр.

— Но у губернатора нет военного опыта? Во всяком случае, он не служил офицером?

Полковник помялся:

— По крайней мере до «Зимы Фрателлини».

— Чем же он занимался?

На этот раз полковник колебался дольше. Эндрю видел, что он был в свое время настоящим войсковым командиром, но теперь исхудал, сгорбился, а черепаховая оправа его очков местами облупилась. Наконец он выдавил:

— Служил у меня. Садовником, подручным. — Он в унынии посмотрел на Эндрю. — Как видите, знакомство принесло мне немалую пользу.

Молоденькая женщина, одетая как прислуга, объявила, что ужин готов. Эндрю был готов увидеть ливрейных лакеев, но ласковое обращение с женщиной, приблизившейся к креслу губернатора, рассеяло его удивление.

— Отведите Самбо на кухню и дайте ему заморить червячка, — велел губернатор полковнику. — Потом вернетесь и будете прислуживать нам.

Трапеза протекала в помещении, служившем в гостинице столовой; убранство было соответствующим, а на стене сохранилась взятая в рамку инструкция, когда подавать завтрак, когда ленч, когда ужин. Женщина принесла наваристый суп с кусками мяса.

— Мясо тюленя, — пояснил губернатор. — Теперь они заплывают в наши воды. Совсем неплохое, надо только уметь правильно приготовить. — Он шумно проглотил ложку супу. — Недурно, правда? А-а, вот и вы, полковник. Разобрались с Самбо?

— Да, ваше превосходительство.

— Тогда разливайте бордо.

Служанка вернулась с маленькими тарелочками, в которых была рыба под белым соусом. Губернатор махнул рукой.

— Налей-ка мне лучше еще супу. Должно быть, вы тоже устали от рыбы? — спросил он Эндрю. — Хотите еще супу?

— Нет, спасибо. Я возьму рыбу.

— Как хотите. — Полковник плеснул чуть-чуть бордо ему в рюмку. Губернатор попробовал вино. — Валяйте, полковник, — сказал он и объяснил Эндрю: — Я никогда раньше не жаловал вина, но стоит к нему привыкнуть, и вроде неплохо, а? Попробуйте, капитан.

— Славное вино, — подтвердил Эндрю.

— И про рыбу не забывайте. Хотя советую вам оставить местечко для следующего блюда. Это будет нечто особенное.

Особенным блюдом оказалось нарезанное кусочками жареное мясо. Однако по вкусу оно совсем не походило на говядину. Эндрю вопросительно посмотрел на губернатора, который с хмельным интересом наблюдал за его реакцией.

— Что-то не разберу, — признался Эндрю.

— Медвежатина! Белый медведь! Их уже несколько раз замечали в наших широтах, они приплывают на айсбергах, но это наш первый трофей. Неплохо, верно? Медведь — это целая гора мяса!

— Совсем не плохо, — подтвердил Эндрю, — но вот это изумляет меня еще больше. — Он потрогал вилкой жареный картофель и зелень у себя в тарелке. Овощи были свежими.

Губернатор расхохотался своим простоватым смехом и хитро улыбнулся:

— Ничего себе, да? Никогда не любил баночной еды.

— Как вам это удается?

— Потерпите. Полковник, моя рюмка снова пуста! Ловчите?

Следующим пунктом программы был бренди и кофе в так называемом губернаторском «кабинете», служившем раньше, по всей видимости, курительной комнатой. На стенах красовались книжные полки, уставленные дешевыми книжками в бумажных переплетах. В углу полыхал камин. Они уселись в кресла, и губернатор щедро добавил себе в кофе сливок.

— Ладно, полковник, — бросил он, — можете погулять. Если понадобитесь, я позвоню.

Дождавшись, когда закроется дверь, Эндрю сказал:

— Вы здесь удобно устроились, сэр.

— Бросьте вы этих «сэров»! Зовите меня Эмиль. Как ваше имя, капитан?

— Эндрю. Энди.

— Налейте-ка себе еще бренди, Энди. — Рифма вызвала у него смех. — И мне капельку. Отличная марка! У меня припасено несколько таких бутылочек. Знаете, здесь можно неплохо жить. Нам удалось организоваться. Пришлось немало поломать голову.

— Могу себе представить!

— Остров имеет треугольную форму. Семь на семь на десять миль. Не так уж много земли, верно? А ведь до «Зимы Фрателлини» здесь теснилось сорок пять тысяч душ! Ничего себе уравнение!

— Сколько осталось теперь?

— Могу сообщить вам последнюю цифру: пятьсот сорок пять. К лету родятся восемнадцать малышей — из них четверо моих.

— А как же с остальными сорока четырьмя тысячами пятьюстами? Тоже потребовалась «организация»?

— Да, но почти без крови. Разве что совсем чуть-чуть, сначала, когда пришлось сразиться. После победы все стало тихо.

Он умолк. Эндрю решил подождать, пока он снова заговорит. Губернатор устроился в кресле поудобнее и удовлетворенно уставился на огонь.

— Мы рассчитали, что остров способен прокормить примерно пятьсот человек. Значит, надо было избавляться от остальных. Нелегкая задача, верно? Даже если бы мы захотели всех их перебить, сомневаюсь, что достигли бы успеха.

— И что же?

— Для начала мы разбили их на партии. Во-первых, английские поселенцы, не считая полковника. Потом земледельцы, депутаты, лавочники. Потом все районы, кроме Сент-Сэмпсона и Вейла, — мы тогда базировались в Сент-Сэмпсоне. Дальше все пошло как по маслу.

— Что же вы с ними сделали, разбив на партии?

Губернатор ухмыльнулся:

— Депортировали! Вполне доступная вещь, когда живешь на острове. У нас не было достаточного количества лодок, но мы заставили их строить на западном берегу плоты. Потом поднимали на плотах паруса, дожидались крепкого северо-восточного ветра — и в путь-дорогу! Они вполне могли добраться до Франции — при определенном везении.

— Да уж, везение им было нужно позарез. Вы поступили так со всеми — включая детей?

В голосе губернатора зазвучали воинственные нотки.

— Что еще нам оставалось? Мы дали им шанс. У нас тоже были дети. Чем их дети лучше наших?

— Понимаю, — молвил Эндрю. — Они не сопротивлялись?

— Зародите в людях хоть небольшую надежду — и они устремятся в указанном вами направлении. — Его слова звучали так, словно он заучил их наизусть; Эндрю не удивился бы, если бы оказалось, что и это высказывание, и вся стратегия принадлежали кому-то другому. — Вы не забыли, что мы отправляли их партиями? Люди воображали, что очередная партия — последняя, остальные останутся жить на острове.

— Но даже пятистам людям, наверное, не так-то легко живется.

— Выкручиваемся. На самом деле все оказалось проще, чем мы ожидали. Теперь в наших водах полно рыбы — рань-

ше треска попадалась только изредка, сейчас же ходит косяками. Есть тюлени. Даже киты, хотя до них еще не дошли руки. И стекло.

— Стекло?

— На Гернси всегда было хоть отбавляй теплиц — ведь здесь выращивали томаты. Лето у нас теперь короткое, но кое-как справляемся. Конечно, мы не можем подолгу обогревать теплицы. Но и просто закрытый грунт — полезная штука. Мы поставили двойные стекла, вынув их отовсюду, где они оказались не нужны. Теперь выращиваем помидоры, зелень, корм для скота. Некоторые коровки обожают помидоры! Занимаемся и зерном, но мало — люди могут обходиться картофелем.

— Да у вас здоровая экономика!

— Недурно, Энди, правда? Люди не бедствуют, а мне с приятелями и вовсе доступна кое-какая роскошь. И никаких тревог! Вы первые, кто высадился здесь с оружием, но мы были готовы к встрече. Нам повезло, что я оказался на западном берегу, когда вас засекли, но вообще-то мы все время держим там вооруженных людей.

— Вы застигли нас врасплох, — признался Эндрю.

— Это было нетрудно. — Он ткнул пальцем в бутылку с бренди, и Эндрю подлил ему еще. — Хватит. У вас славная штуковина — «ховеркрафт». Помнится, их показывали в былые времена по телевизору. Как с горючим?

— Хватит, чтобы добраться до Англии. Там есть склады, которые, как мы надеемся, остались нетронутыми. Потом из Нигерии подойдет танкер.

— У нас имеется запас дизельного топлива. Его устроили здесь при первых же неладах.

— Нам хватит своего, чтобы добраться до Англии.

— Ничего вы там не найдете, — решительно заявил губернатор. — Ничего, кроме банд оголтелых психов. Они добирались до нас в утлых лодчонках. Там не осталось никакой цивилизации.

— Что с ними делали — с теми, кто добирался на лодчонках?

— Мы давали им три дня передышки и отправляли восвояси, — с улыбкой ответил губернатор. — Для того, чтобы

прийтись ко двору при нашей схеме, нужно быть по-настоящему полезным человеком. К примеру, таким, как вы, Энди.

— В чем же моя полезность — в «ховеркрафте»?

Губернатор наклонился и сплюнул в камин.

— Вам хорошо знакомы Нормандские острова? — спросил он.

— Гернси — нет. На Джерси я в свое время провел неделю.

— Настоящих островов всего четыре: Гернси, Джерси, Олдерни и Сарк. Сарк можно списать со счета — теперь это просто обледеневшая скала. Олдерни — примерно то же самое. Стекла там почти не осталось. На Джерси его тоже нет, зато это более теплый остров. На Гернси уклон против солнца, а на Джерси — наоборот, на юг. Готов поспорить, что в долинах там еще можно кое-что выращивать — во всяком случае, в необходимом нам количестве. С Джерси приходят лодки с рыбаками — значит они там тоже организовались.

— Вы не задавали им вопросов?

Губернатор только посмеялся.

— Во-первых, мы никогда не жаловали джерсийцев. Даже меньше, чем англичан, хотя они по крайней мере сидели у себя на острове. Наши суда избегают их, их суда — нас. Но в конце концов обязательно произойдут неприятности. Двадцать миль — не расстояние. Поэтому мы и держим ухо востро — не против французишек или англичан, а потому, что джерсийцы могут решиться на вылазку. Если мы не опередим их.

— И вы полагаете, что в этом вам может помочь «ховеркрафт»?

— Вот что я вам скажу, — ответил губернатор. — Когда дозор прибыл с донесением и я увидел в бинокль ваше судно, я не на шутку перепугался. Все равно как если бы это был ощетинившийся пушками фрегат. Только когда вы причалили и я разглядел этих ваших черномазых обезьян, я смог облегченно перевести дыхание. Можно придумать дюжину способов, как применить ваше судно против Джерси.

— Думаете, это превратит вас в губернатора сразу двух островов?

— Думаю, это принесет мне долгожданный покой. — Он усмехнулся. — Мне понадобится надежный заместитель на

одном из островов, ведь так? Разве это не лучше, чем жить бок о бок с этими предателями-черномазыми? Мы могли бы столковаться насчет условий. Девственниц обещать не могу, но пару отменных красоток — запросто.

В одном Энди был уверен: перечить такому собеседнику весьма опасно, а то и гибельно.

— Звучит заманчиво, — сказал он. — Можно мне поразмыслить?

— Само собой, Энди! Поговорим с утра пораньше.

— А как быть с экипажем?

— Еще раз повторяю: я против кровопролития. Дерева для плотов у нас не осталось, но мы выделили бы старую рыбачью шаланду. Кто знает — вдруг ребята смогут добраться на ней до Африки?

— Да, — усмехнулся Эндрю, — вдруг...

Губернатор сложил ладони и продемонстрировал чудовищный сдвоенный кулак.

— Вы мне нравитесь, Энди, — сказал он. — Вы из тех, с кем можно поговорить. Мне по душе, когда рядом находится человек, с которым можно поговорить.

— А как насчет полковника?

— Я держу его не для разговоров. Его задача — подливать мне виски. — Эмиль нетвердо встал на ноги и дернул шнурок над камином. — А также стягивать с меня сапоги после напряженного дня.

Полковник вежливо постучался и возник в дверях.

— Постель готова, полковник? — осведомился губернатор.

— Да, ваше превосходительство.

— Теплая грелка на месте?

— Да, ваше превосходительство.

— Вы не притрагивались к ней? — Он засмеялся собственной шутке. Полковник тоже выдавил смущенный смешок. — Приходится приглядывать за ним, Энди. Иначе как я стану смотреть полковничихе в глаза? Как чувствует себя сегодня старая корова, полковник?

— Немного лучше, ваше превосходительство.

— Она не стоит усилий, которые приходится на нее тратить. Ладно, об этом в другой раз. Проводите капитана в его комнату, полковник. Хотите грелку, Энди? Могу прислать.

— Спасибо, не сегодня, — отозвался Эндрю. — Я несколько утомлен.

— Самое лучшее средство от усталости! Ладно, вам виднее. Увидимся за завтраком.

Эндрю кивнул:

— Доброй ночи, Эмиль.

Тон был выбран верно. Губернатор довольно осклабился, пропел в ответ: «Спите крепко, Энди», после чего, шатаясь, удалился.

Полковник молчал, пока они преодолевали два лестничных пролета. Оказавшись у себя в комнате, Эндрю осведомился:

— Абониту — человек, который был со мной, — где он?

— Этажом выше. Комната триста два.

— Благодарю. — Он огляделся. Ночь предстояло провести в типичном гостиничном номере с красочным средиземноморским пейзажем на одной стене и картинкой с охотничьим сюжетом — на другой. Двуспальную кровать покрывала ситцевая накидка. — Как удобно!

Полковник замешкался в дверях.

— Вас бы не... Могу я зайти на пару минут?

— Да, разумеется, — кивнул Эндрю.

Полковник тщательно прикрыл за собой дверь.

— Позвольте задать вам вопрос.

— Задавайте.

— Губернатор решил, что вы командуете «ховеркрафтом», поскольку вы — единственный белый во всем экипаже. Он не ошибся?

— Что я — командир? Куда там! Официального командира у нас нет. Самый авторитетный в команде — Абониту.

— Так я и думал, — кивнул полковник. — В свое время я часто слушал африканские радиостанции по коротковолновому приемнику. Я представляю себе тамошние условия. Но даже если вы — не главный, они могут одобрить сделку, которую вы заключите, если она будет отвечать их интересам...

— Продолжайте.

— Он хочет заполучить «ховеркрафт». — Кто такой «он», было ясно без уточнений. — Он бы захватил его силой, однако тогда у него не осталось бы человека, который умеет управлять судном. Он не слишком умен, зато коварен.

— Откровенность за откровенность, — ответил Эндрю. — Мне предложен пост адъютанта с дальнейшей перспективой управления островом Джерси в качестве заместителя губернатора.

— Вы верите его обещаниям?

— Нет. А теперь скажите мне, почему я правильно делаю, что не верю.

— Единственный его талант — умение использовать людей. Добившись желаемого, он их выбрасывает. Вот пример: ему удается получать неплохие урожаи в теплицах благодаря двойному остеклению. Однако сама идея принадлежала местному овощеводу по имени Гриссон. Но он все равно посадил его вместе с семьей на плот и спихнул в море.

— Вы полагаете, что он выбросит и меня, вытянув все, что я знаю о «ховеркрафте»?

— Не сомневаюсь.

— Но я же почти ничего не знаю! — засмеялся Эндрю.

— Он считает по-другому.

— Вы говорите, что он коварен, но не умен. Он рассказывал мне о схеме депортации. Это блестящая идея. Тоже чужая?

— Да, — ответил полковник после некоторого колебания.

— Здесь чувствуется военный ум. Уж не ваш ли?

— Мой.

— Отправить в море на плотах больше сорока пяти тысяч человек, считая женщин и детей!..

— В противном случае нас ожидал хаос, кровопролитие и повальный голод. Бывают ситуации, когда приходится выбирать всего лишь одну из разных форм безжалостности.

— И вы сделали выбор! Вас не мучают кошмары?

— Я мыслю как военный, вы сами это сказали. Моя сильная сторона — планирование, слабая — воображение. Я не знал, что из всего этого выйдет. Просто не знал! А потом было уже поздно. Да, меня мучают кошмары. Зато он наверняка обходится без них.

— Несомненно. Вы сказали, что губернатор выбрасывает людей, когда они сослужат ему службу. Но вас он не посадил на плот...

— Эмиль слишком ненавидит меня, чтобы ограничиться этим. В былые времена... Он всегда был о себе высокого мне-

ния. Я говорил вам, что он работал у меня — неплохой работник, но слишком быстро расхолаживался. Кроме того, он и тогда злоупотреблял спиртным. Мне постоянно приходилось призывать его к порядку. В конце концов я указал ему на дверь — за пьянство и полную непригодность. Дело было зимой, и ему не оставалось ничего другого, кроме государственной дорожной службы. Эмиль умолял меня взять его назад, и я сжалился. Он не забудет этого и через двадцать лет. Мне не надо опасаться за свою безопасность. Как и за безопасность жены. Пока она жива, он не выкинет меня в море.

Они помолчали.

— Вы говорили о сделке, — напомнил Эндрю.

— Если я выведу вас отсюда, — произнес полковник, — и проведу к «ховеркрафту», сможете ли вы прорваться? Каковы шансы на успех?

— А какие он принял меры предосторожности?

— Четверо несут дежурство на «ховеркрафте», присматривая за вашими неграми. Еще один отряд рядом, на пирсе. Выход из гавани перегораживают три старые посудины.

— Хитро придумано!

— Во время отлива они лягут на дно, а то и перевернутся. Но для ваших машин голое дно — не преграда?

— Да, — кивнул Эндрю, — мы немного летаем.

— Теперь вот что: вы ведь можете развивать скорость до пятидесяти — шестидесяти узлов?

— Даже больше. Он не знает об этом?

— Нет. — Полковник через силу улыбнулся. — Я следил за технической прессой. Я заметил, что вы старались не развивать большую скорость, когда огибали остров. Если вы разгонитесь как следует, четверым на борту останется только разинуть от удивления рты. После этого вы вдесятером одолеете их. — Он запнулся. — А может, вас будет уже одиннадцать...

— Так что у нас за сделка?

— Я помогаю вам уйти, а вы прихватываете с собой меня и мою жену. Так будет справедливо?

— Насколько я понял, ваша жена больна. Что с ней?

— Ревматизм. Но я дотащу ее. Придется попотеть, однако ничего не поделаешь. Идет?

Эндрю покачал головой:

— Нет. Мне очень жаль. Я не мог бы ничего обещать, даже если бы речь шла только о вас. У нас экспедиция, и больная на борту — слишком большая ответственность. Разве вы сами не понимаете этого?

— Без меня у вас ничего не выйдет.

— Придется рискнуть. Надеюсь, вы не выдадите меня своему губернатору?

— Мог бы...

— А я так не думаю.

Их глаза встретились.

— Нет, — понуро выдавил полковник. — Я сумел запланировать медленную гибель для стольких тысяч людей, многих из которых знал лично, но выдать вас ему — это свыше моих сил. Странно, не правда ли?

— Бежать в любом случае было бы гиблой затеей, — сказал Эндрю. — Здесь ей лучше.

— Он унижает и ее. Если бы дело ограничивалось мной одним, я бы и не пикнул, но он унижает и ее, да еще перед своими женщинами.

— Но кто больше страдает от этого? Она? Или вы — поскольку страдает ваша гордость, когда вы оказываетесь не в силах защитить жену от оскорблений? Стали бы вы рисковать ее жизнью, чтобы потрафить своей гордыне?

Полковник некоторое время молчал.

— Я бы мог убить его — возможностей для этого сколько угодно. Но остальные прикончили бы меня — он пользуется среди них популярностью. Кто бы тогда за ней приглядел? Думаю, они расправились бы и с ней. Все давно забыли о морали.

— Мне очень жаль, — повторил Эндрю. — Но я ничем не могу вам помочь, верно? — Он протянул руку. — Желаю удачи!

— Ложитесь в постель, только не раздевайтесь, — велел полковник. — И не ходите к своему чернокожему другу. Я предупрежу его. Сейчас опасно разгуливать по дому. Часа в три я зайду за вами.

Эндрю посмотрел на него в упор:

— Что вами движет?

— Только не порядочность, — покачал головой полковник. — И даже не стремление помочь ближнему в борьбе с дикарями. Я теперь сам из их числа. Остановимся на вульгарной ненависти.

— Стоит ли так рисковать из-за ненависти? Вам ведь здесь жить.

— Стоит. До скорого.

Попытавшись улизнуть на собственный страх и риск, они смогли бы проскочить мимо часового у дверей; от отеля к морю вело несколько путей, и единственную опасность представляло пересечение узкой улочки. По извилистым тропинкам, протоптанным в снегу, они сумели бы добраться до обледенелых гранитных ступенек и спуститься к причалу. Однако этим бы все и кончилось. Стоя у окна бывшего магазина, полковник рассказывал об уготованной им судьбе. Ночное небо было затянуто облаками, однако они на минуту расступились, и почти полная луна осветила весь городок. Их взгляду предстала пустынная набережная, оголившееся дно гавани и силуэты часовых.

— Серьезные ребята, — сказал Эндрю.

— Да, — подтвердил полковник. — Ваше судно примерно там, за стеной. Дренажный тоннель, которым я вам предлагаю воспользоваться, выведен в гавань футах в тридцати слева от вашего судна. Оттуда футов десять до дна, так что прыгайте как можно бесшумнее. Я бы на вашем месте выбрал для прыжка момент, когда луна спрячется за тучу. Дальше вы сами себе хозяева.

— Вы уверены, что тоннель свободен? — спросил Абониту.

— С противоположной стороны его закрывала решетка, но ее сорвало прошлой зимой, во время штормов. Теперь препятствий нет.

Эндрю терзали сомнения насчет справедливости его последних слов, когда полковник, шепнув: «Желаю удачи!» — задвинул над ними тяжелую крышку. Тоннель имел круглое сечение диаметром фута три. Им пришлось ползти на коленках; под ногами трещал лед, голов касались сосульки. Полковник подарил им на прощание карманный фонарик с почти севшей батарейкой, который посылал вперед тощий

лучик света, способный оказать скорее психологическую, нежели реальную помощь; когда тоннель резко пошел под уклон, Эндрю оказался не готов к этому, и ему пришлось упереться руками в стенки, чтобы замедлить скольжение.

— Все в порядке, Эндрю? — прошипел ему в спину Абониту.

— Всего-навсего испуг. Я бы на твоем месте ехал здесь вперед ногами.

После этого они были вынуждены сбавить скорость. В одном месте потолок тоннеля обвалился, пришлось осторожно разбирать завал, опасаясь нового обвала. Чуть дальше показался ледяной нарост высотой в два фута, так что пробираться пришлось ползком по узкой щели длиной ярдов в тридцать. Как видно, полковник имел весьма приблизительное представление о состоянии тоннеля, хотя собирался заставить карабкаться по нему скрученную ревматизмом жену.

Впереди показался свет. Вскоре можно было выключить фонарик — последний отрезок пути освещала луна. Эндрю выглянул из дыры и посмотрел вниз. Там громоздился лед и замерзшая грязь. Справа угадывались очертания «ховеркрафта», слева — выход из гавани, перегороженный легшими на дно баркасами. Их обледеневшие борта поблескивали в лунном свете.

К Эндрю присоединился Абониту, и они принялись шептаться, опасаясь, что их услышат. Где-то над ними пару раз скрипнул под чьими-то шагами снег.

— Вижу человека, — шепнул Эндрю. — Видимо, часовой.

— Да, — ответил Абониту ему в самое ухо. — У него винтовка.

— Почему же остальные не попытались вырваться на волю?

— Они совсем растерялись. Чего еще ожидать от африканцев? — В его голосе звучала горечь.

— Во всяком случае, это наше счастье. Пробираясь вдоль стены, мы можем незаметно добраться до задней воздуховыпускной трубы. А там посмотрим.

— Можно и так: я проникаю внутрь через трубу и отвлекаю часового. Он может решить, что я — один из тех, кто на

борту. Ты тем временем забираешься на пирс и прыгаешь на борт как можно ближе к рубке...

— Да, так будет вернее. Если выйдет, стукни его посильнее, как только судно тронется с места, забери винтовку и займись остальными. Господи, только бы не подкачали двигатели!

Абониту посмотрел в сторону баркасов на выходе из гавани.

— А потом мы перелетаем через них на полной скорости. Как ты думаешь, получится?

— Кажется, лучше держаться правее. Конечно, у самого дна образуется воздушная яма, но нам поможет подушка. Надеюсь, что мы перескочим через них просто по инерции. — Он покачал головой. — Нет, не «просто». Но перескочим.

— Куда движутся облака?

— С моря на берег. Причем медленно. Вон славная тучка — видишь, над островом? Придется дожидаться ее минут десять.

Прошло больше десяти минут, прежде чем луна спряталась за облаками, и видимость почти исчезла. Эндрю прыгнул первым, стараясь приземлиться на островок замерзшего ила. Собственное падение показалось ему очень громким, и он прижался ко дну, глядя в сторону «ховеркрафта». Однако там все оставалось по-прежнему. Он махнул рукой, и Абониту прыгнул следом. Несколько минут они провели, не шевелясь и даже не перешептываясь, а потом устремились к судну. Двигались короткими перебежками, подолгу готовясь, прежде чем сорваться с места. Один раз сверху раздались голоса, и они замерли на несколько минут, пока голоса не смолкли в отдалении.

Причал, к которому притулился «ховеркрафт», зарос льдом. Эндрю пришлось ползти на коленках, чтобы не звякать стальными подковками башмаков. Один раз, задрав голову, он убедился, что луна вот-вот выкатится из-за спасительного облака; ее диск уже просматривался за клочковатой шторой. Он оглянулся и увидел, что Абониту готов проникнуть на судно. Совсем скоро достигнет намеченной позиции и он. Однако лучше будет дождаться, пока Абониту отвлечет часового; если он двинется сейчас вперед по

причалу, его наверняка заметят. Он махнул рукой. Абониту помахал ему в ответ и тут же повис на борту. Еще мгновение — и раздался негромкий металлический звук, свидетельствовавший о том, что Абониту проник внутрь. Последовали более отчетливые звуки. На борту начались хождения. Часовой что-то сказал. Эндрю с максимальной скоростью двинулся вперед по причалу, стараясь не шуметь, и, оказавшись над «ховеркрафтом», осторожно глянул вниз.

Расстояние между причалом и палубой составляло всего четыре фута; прыжок обещал быть нетрудным, хотя и не очень приятным. Главное было остаться незамеченным. Услыхав голоса — Эндрю узнал Абониту, пререкающегося с часовым, — он прыгнул, с трудом устоял на ногах, но сохранил равновесие. Теперь — быстрее к рубке! И наплевать на шум! Часовой крикнул что-то и получил ответ с берега. На пути Эндрю лежала куча одеял, из-под которой стал выбираться человек. Эндрю со всей силы лягнул его ногой и услышал стон; через секунду он уже стоял у руля.

Двигатели прокашлялись и быстро ожили. Судно поползло задним ходом. Оставалось надеяться, что никто не изменил положение рулей после того, как они вошли в гавань накануне, — тогда они повторят вчерашнюю траекторию, но уже в обратном направлении. Несмотря на шум, до его слуха донесся выстрел, потом еще один. «Ховеркрафт» отошел от причала и устремился в гавань. Через пятьдесят ярдов Эндрю замедлил ход, готовясь развернуться, и в это мгновение увидел двоих бегущих к нему гернсийцев. У одного из них была винтовка, однако он находился в слишком сильном замешательстве, чтобы пустить ее в ход. Оставалось надеяться на скорость. Судно рванулось с места, и гернсийцы рухнули на палубу. Со стороны берега прозвучали выстрелы. Выстрел хлопнул и ближе, где-то на корме.

Эндрю в смятении глядел на приближающиеся баркасы. Тот, через который он собирался перепрыгнуть, выглядел теперь совсем по-другому и слишком круто вздымался над оголившимся морским дном. Нет, тут ничего не выйдет... Между вторым и третьим баркасами открылся промежуток, в который можно было попытаться протиснуться. Тем временем один из упавших успел подняться. Видя это, Эндрю

решил не менять первоначального плана: по крайней мере произойдет сильнейший толчок, который снова свалит противника с ног. Он уставился на растущий с каждой секундой впереди стальной борт. Еще секунда...

Толчок оказался сильнее, чем ожидал Эндрю. Его бросило на приборную доску, и он выпустил из рук штурвал. «Ховеркрафт» резко накренился, словно готовясь перевернуться кверху дном. Однако вой турбин и шум сжатого воздуха, идущие снизу, говорили о том, что они переваливаются через баркас. Последовал еще один толчок, после чего судно словно обрело крылья. Эндрю понял, что они преодолели препятствие и на какое-то мгновение взмыли в воздух. Несмотря на полуобморочное состояние, он успел выключить двигатели. Судно вновь тряхнуло, на этот раз сильнее прежнего, так что он испугался за свои кости. «Ховеркрафт» вызволил их из плена. Его занесло в сторону, наклонило, подбросило и швырнуло о дно.

Уши разламывались от тишины. Эндрю снова ударился о приборную доску, как ни старался сохранить равновесие, и теперь морщился от боли. Важно было одно — не повредились ли при падении турбины. Он с замиранием сердца включил их, боясь, что сейчас произойдет катастрофа. Но из-под днища донесся знакомый мерный рокот, и «ховеркрафт» с привычной мелкой дрожью взгромоздился на свою воздушную подушку. Эндрю толкнул рычаг, и судно двинулось вперед. Все вокруг было залито лунным светом, но Эндрю все равно включил прожекторы. Еще минута — и по обеим сторонам судна высоко взметнулись фонтаны брызг: они достигли водной глади.

Абониту подошел к нему и положил руку на плечо.

— Здорово, Эндрю! — проговорил он. — Только мне не хотелось бы проделывать это во второй раз.

— Как противник?

— Разоружен. Один без сознания — ударился головой о палубу, когда мы совершали прыжок. Хочешь, чтобы тебя сменили?

— Да.

Он заглушил двигатели, и судно мерно закачалось на мелкой зыби. Абониту подозвал штурмана, и Эндрю покинул рубку.

— Пустимся вдогонку за остальными?

— Не уверен, — ответил Абониту, и Эндрю послышалась в его голосе властность, которой он раньше не замечал. — Надо держаться подальше от островов. Губернатор вполне может выслать в погоню за нами свой флот.

— Тебя это беспокоит?

— Отныне я буду избегать ненужного риска. Курс на север, пятнадцать узлов, если все в порядке, — распорядился он, обращаясь к штурману. Впереди лежал залитый лунным светом пролив между островами Гернси и Херм; из воды зловеще торчали обледенелые рифы. — Пять узлов, пока не пройдем пролив. — Он снова положил руку на плечо Эндрю. — Займемся-ка пленными.

Недавние часовые сгрудились на корме, ежась под дулами винтовок, наставленных на них пятью африканцами.

— Али и Кипуну остаются на местах, — решительно скомандовал Абониту, — остальные вышвыривают этих людей за борт.

Один из гернсийцев собирался что-то сказать, но Абониту не дал ему раскрыть рта.

— Это позволит сэкономить пули. Вам повезло. Отсюда совсем недалеко до берега. Возможно, губернатор поджидает вас там с бутылочкой виски.

Низкорослый смуглый пленник сказал:

— Не надо нас вышвыривать. Мы спрыгнем сами.

— Валяйте, — безразлично процедил Абониту.

Смуглый стянул башмаки и верхнюю одежду, забрался на фальшборт и, немного покачавшись, прыгнул. Через короткое время он вынырнул и быстро погреб к берегу. Его товарищи последовали его примеру. Третий гернсиец колебался дольше первых двух, и один из африканцев ткнул его дулом под ребра, отчего он полетел в воду. Среди невысоких волн торчали головы плывущих; один из них успел повернуться и выкрикнуть неразборчивое проклятие. На палубе остался лежать потерявший сознание гернсиец, ударившийся головой при прыжке корабля. Из его ноздрей с шумом вырывалось дыхание. Абониту тронул его носком сапога.

— Ему потребуется помощь.

— Ты собираешься прямо так взять и выкинуть его? — не вытерпел Эндрю.

— Почему бы и нет? — Абониту улыбнулся, и его белоснежные зубы сверкнули в лунном свете. — Если мы продержим его дольше, ему придется совершить более протяженный заплыв. Надеюсь, что вода достаточно прохладна, чтобы привести его в чувство.

Так и не пришедшего в себя человека перебросили через борт. Эндрю надеялся, что он выплывет, но этого не произошло.

— Можете расходиться, — обратился Абониту к африканцам. — Али и Кипуни будут нести караул. Остальным спать.

Эндрю и Абониту остались одни.

— Ты славно все провернул, Эндрю, — молвил Абониту. — И сейчас, и там, на острове. Я ничем не мог тебе помочь. Пришлось возложить всю ответственность на тебя.

Эндрю молчал, ожидая продолжения. Похвала прозвучала не слишком искренне, и он чувствовал, что ею одной дело не кончится. Абониту пошевелился, словно снова собираясь положить руку на плечо Эндрю; однако теперь он не сделал этого.

— Все эти, — он указал большим пальцем через плечо, — так и не сообразили, что к чему. Были слишком напуганы. Теперь радуются, что все обошлось. Думаю, они не уловили главного.

— Что же главное?

— Если совсем откровенно — что все зависело от тебя. Потому что ты белый и губернатор принял тебя за старшего.

— Полагаю, что не уловили, — кивнул Эндрю.

— Думаю, пусть лучше так и остается. Пусть пребывают в неведении. Как и все остальные в экспедиции, когда мы их догоним.

— Понятно, — улыбнулся Эндрю. — Иначе пострадает их боевой дух?

— Да, — серьезно ответил Абониту. — И ты. Они могут затаить обиду. Там была территория белого человека.

— Она таковой и остается. Хорошо. Какова же будет наша версия?

— Очень простая: бегство на «ховеркрафте» под покровом ночи.

— Действительно просто. Постараюсь запомнить. А разве мне не полагается медаль за то, что я спас тебя?

Абониту важно посмотрел на него через свои очки:

— Тебе самому не обидно?

— Нет. Просто получается глупо.

— Уверяю тебя, вовсе не глупо. Я знаю свой народ лучше, чем ты. — Эндрю собрался что-то возразить, но Абониту поспешил продолжить: — Ты считаешь, что они вели себя недостойно? И я того же мнения. Может быть, мне удастся что-то изменить. Тебе — нет. Они ничего не примут от тебя — ни совета, ни порицания, ни личного примера. Запомни это.

— Было бы интересно взглянуть, как тебе удастся изменить их. Пока что я не вижу особых шансов на спасение, если мы снова угодим в переплет.

— Кое-что может получиться. — Лицо Абониту стало неприступным. — Но сейчас я не могу об этом распространяться.

Всю ночь они двигались с небольшой скоростью, хотя туман больше не мешал. Примерно в шесть утра дозорный заметил по правому борту огни. «Ховеркрафт» устремился туда, и вскоре оказалось, что перед ними растянулись на несколько миль остальные суда эскадры. «Ховеркрафт» Эндрю и Абониту занял свое место в строю, и эскадра продолжила путь. На заре вдали показалось побережье Британии.

Эскадра сменила курс и устремилась вдоль побережья на восток. Склады горючего находились в Саутгемптоне, и Эндрю предположил, что Муталли, пользуясь штилем и хорошей видимостью, решил сначала завернуть туда, а уж потом высадиться на берег.

Его предположение подтвердилось. Но пролив Те-Солент оказался забит льдами, и эскадре пришлось огибать остров Уайт. На берегу не было заметно никаких признаков жизни. В районе Портсмута «ховеркрафты» смогли проникнуть на сушу: льды здесь заходили далеко в море, но приливные волны перекатывались через них, чем суда на воздушной подушке сумели воспользоваться.

Эндрю знал, что Карлоу и Прентис находятся вместе с Муталли, поскольку именно им было известно, где искать горючее. Несколько раз подряд эскадра терпела неудачу. Однако еще до полудня они нашли то, что искали: приземистое бетонное сооружение без окон, занесенное снегом. Все суда устремились к нему.

Внутрь вела бронированная дверь. Подойдя ближе, они увидели, что она висит на ржавых петлях, — видимо, ее взорвали динамитом, чтобы проникнуть в хранилище. По команде пробежал разочарованный ропот, поскольку смысл этого зрелища сразу стал понятен всем: с самого начала предполагалось, что пополнение запасов горючего станет ключом к успеху экспедиции.

Первым в дверь протиснулся Абониту. Он исчез в потемках, и люди замерли, ожидая его возвращения. Ожидание увенчалось успехом: появившийся в проеме Абониту сгибался под тяжестью полной канистры.

— Все в порядке! — крикнул он. — Скорее всего они искали что-то другое — скажем, еду. Во всяком случае, горючее на месте. К нему никто не прикасался.

Команда издала радостный вопль. Не успел Абониту сбросить на снег канистру, как Муталли ринулся вперед и заключил его в объятия. Потом генерал повернулся к команде.

— Чудесно! — торжествующе крикнул он. — А теперь — обедать!

2

Участники экспедиции собрались, как обычно, вокруг походных плит, на которых дымилась еда.

— Теперь выкладывай, что с вами стряслось, — обратился Муталли к Абониту.

— Во-первых, у нас слабая охрана, да и та недостаточно бдительна...

Вокруг лагеря были выставлены часовые, однако они больше интересовались действиями поваров, колдовавших

над котлами, нежели охраной. Муталли передернул плечами.

— Нам здесь ничего не угрожает.

— В этом и состоит наша ошибка. Надо бы удвоить охрану и заставить часовых глядеть в оба.

Его голос звучал спокойно, но непреклонно. Гигант посмотрел на него и согласно кивнул. По его сигналу к ним подбежал еще один африканец.

— Заки! Удвой охрану, и пускай не зевают!

Абониту умело повел свой рассказ. Начал он с того, что их отставание от эскадры было вызвано неспособностью экипажей остальных судов следить за арьергардом. События на Гернси получили то освещение, о котором Абониту договорился с Эндрю: он поведал слушателям, что их захватили в качестве заложников и что ночью им удалось бежать и пробраться на судно. Получалось, что львиная доля успеха объясняется его, Абониту, доблестью. Команда слушала, затаив дыхание, время от времени взрываясь одобрительными воплями. Эндрю подметил, что версия встречается с не меньшим энтузиазмом членами их собственного экипажа. Под конец рассказчика ждали воодушевленные аплодисменты.

— Славно! — одобрил Муталли. — Пока нам везет. Все идет отлично.

— Везло, — поправил его Абониту. — В следующий раз может и не повезти.

— Стоит стать везунчиком, как дальше все идет как по маслу.

— Кое-что все же надо предпринять. — Абониту слегка повысил голос, и шум голосов вокруг разом утих. Все прислушались. — Иначе удача отвернется от нас.

Муталли продолжал улыбаться, но веселость покинула его.

— Что же именно?

— Придется повысить дисциплину. И назначить командиров. На каждом судне должен быть свой командир, а у него — заместитель на случай, если командир будет ранен или исчезнет. Нам надо принимать суровые решения и неукоснительно им следовать. Нельзя постоянно изменять планы.

Экипаж отреагировал на его слова одобрительным гулом. Абониту удалось привлечь людей на свою сторону. Эндрю это хорошо понимал. Но это не скрылось и от Муталли.

— Я подумаю, — проговорил он.

— Тут не о чем думать, — не отступал Абониту. Он сверлил взглядом мощную фигуру Муталли. Речь шла о чем-то большем, нежели просто независимость суждений, обычная в дискуссии, — он бросал Муталли личный вызов. Эндрю увидел, как рука Муталли скользнула к поясу, на котором у каждого висел кинжал. Абониту оглядел людей. — Это придется сделать, — повторил он, — если мы хотим попасть домой.

Одобрение было не таким шумным, как прежде, теперь гул голосов больше напоминал ворчание. Однако в том, что команда одобряет его слова, сомнений не было. Муталли тоже пробежал глазами по лицам подчиненных и прочел в них растущее отчуждение. Он согласно кивнул:

— Ладно, Абониту. С этой минуты ты командуешь своим «ховеркрафтом». Скоро я назначу остальных капитанов. Ты же будешь нести ответственность за дисциплину: выставлять часовых, следить за их добросовестностью и так далее. Надеюсь, ты сможешь разобраться с неувязками сам, а не бегать всякий раз ко мне.

— Обязательно, — кивнул Абониту.

— Так будет у нас обед или нет? — взвился Муталли. — А, ребята? Как насчет мясца?

Генерал был доволен собой. Он пошел на минимальные уступки и в то же время взвалил на плечи Абониту обязанности, исполнение которых наверняка повлечет за собой утрату популярности. Эндрю чувствовал, что, дождавшись подходящего момента, Муталли нанесет ответный удар. Столкновение не поставило под вопрос главенствующее положение Муталли, наоборот, даже подкрепило его, хотя и сделало более расплывчатым. Однако с появлением оппозиции в лице конкретного человека Муталли мириться не собирался. Эндрю был уверен, что выяснение отношений не заставит себя ждать.

* * *

Однако открытая ссора произошла даже раньше, чем он рассчитывал. Во второй половине дня эскадра выступила на северо-восток, в направлении Лондона. Двигаясь по долине Итчен в сторону Уинчестера, они впервые со времени высадки в Англии заметили признаки жизни. На окраине города в снегу передвигались какие-то фигуры. Завидев эскадру, направившуюся по приказу Муталли в их сторону, люди отступили к домам. Эскадра продолжила путь. Ближе к закату на открытой местности к югу от Басингстока был устроен привал. Дождавшись, когда африканцы, по обыкновению, столпятся вокруг его судна, Муталли крикнул:

— Абониту! Выставляй-ка охрану, парень! Если в лагерь проникнет чужой, отвечать будешь ты.

— Мы разобьем здесь лагерь?

— А как ты думаешь?

— По-моему, рановато. До темноты еще далеко.

Муталли наклонил свою огромную голову к Абониту.

— Помалкивай! — Абониту молчал, сверля его глазами. — Ты хотел дисциплины, парень, так вот и соблюдай ее. Приказы здесь отдаю я.

— Да, — кивнул Абониту.

— Да, сэр! Помни о дисциплине.

— Да, сэр!

Абониту выглядел все таким же невозмутимым, его глаза за стеклами очков смотрели не мигая. Отвернувшись от Муталли, он отдал распоряжения по поводу охраны. В названный им список попал Прентис.

— Я уже караулил, — подал голос Прентис, — а твой приятель Лидон — еще нет.

— У Лидона была нелегкая ночь, — отрезал Абониту.

— Многие другие тоже еще ни разу не несли караул, — не унимался Прентис.

Муталли стоял неподалеку и с интересом внимал пререканиям.

— Прекрати спор, Прентис, — сказал Абониту. — Заступишь на пост, как приказано!

Прентис посмотрел на него, задыхаясь от ярости. Карлоу схватил приятеля за руку и потащил сквозь толпу. Отой-

дя подальше, они остановились. Карлоу что-то говорил, Прентис слушал. Абониту продолжал тем временем выкрикивать имена.

Общее количество караульных составило двенадцать человек. Им предстояло заступать на смену по четыре человека. Утром Абониту застал на посту всего троих; четвертый часовой, африканец из племени фулани, все еще спал, завернувшись в спальный мешок. В этом не было ничего удивительного: никто не разбудил этого человека, поскольку его предшественником в карауле должен был быть Прентис.

Ни Карлоу, ни Прентиса в лагере не оказалось. Абониту понял, что произошло: приятели ушли, захватив с собой оружие и солидный запас продуктов.

— Дураки! — бросил Абониту. — Неужели можно надеяться долго продержаться вдвоем?

— Они слышали твой рассказ о Гернси, — напомнил ему Эндрю. — Наверное, им взбрело в голову, что и они смогут образовать собственное королевство.

— То был остров, окруженный морем. Здесь же все иначе.

Эндрю пожал плечами:

— А может быть, они просто решили, что предпочтительнее любой риск, нежели такая жизнь.

— Какая же?

— В качестве нижних чинов. Они теперь в родной стране. Пусть замерзшей, но все равно своей.

Голос Абониту прозвучал печально, даже горько:

— Жизнь надо принимать такой, какая она есть. Я думал, ты понимаешь это, Эндрю. Ведь это именно тот урок, который вы преподали нам.

— Я-то понимаю. Но они могли и не понять. Надежда легко перерастает в фантазии.

Они стояли возле своего «ховеркрафта». Внезапно рядом вырос Муталли в сопровождении нескольких африканцев. Его голос был полон сарказма:

— Здорово ты организовал охрану этой ночью, парень! Отдаю тебе должное. Надеюсь, тебя не тяготит ответственность?

— Нет, не тяготит, — ответил Абониту. — Придется учредить наказание. Скажем, трехдневное лишение кофе и выход в караул вне очереди.

— Кому?

— Троим из предыдущей смены и троим из той, что была перед ней.

— Что они натворили?

— Проявили халатность, не заметив, что отсутствует четвертый. Поддержание связи с товарищем по караулу — элементарная обязанность часового.

— Что ж, неплохо, неплохо! А ты придумал, как нам вернуть этих мерзавцев?

— Мы их не вернем. — Абониту указал на деревья, виднеющиеся на юге. — Следы ведут в ту сторону. Беглецы достаточно сообразительны, чтобы не упустить из виду, что на равнине мы могли бы догнать их на «ховеркрафте». Однако в зарослях «ховеркрафту» делать нечего. Можно было бы устремиться за ними и пешком, но они ушли уже два, а то и четыре часа назад. Кстати, Карлоу — местный житель. Так что искать их — напрасная трата сил.

— Выходит, мы потеряли обоих механиков? Ты слишком легко к этому относишься!

— Я тоже встревожен. Но некоторые наши люди достаточно наловчились, чтобы производить мелкий ремонт. Что до крупных поломок, то их все равно пришлось бы устранять в мастерской, так что от Карлоу с Прентисом здесь было бы немного толку. Невелика потеря.

Разумность аргументов, выдвинутых Абониту, и его непробиваемое спокойствие вывели Муталли из себя. Он выпалил, едва не срываясь на крик:

— Белым нельзя доверять! Тебе следовало бы это знать, парень! Ты забыл, что им нельзя доверять?

— Не я выбрал эту парочку для экспедиции.

Обмену репликами не было видно конца, и к спорящим со всех сторон стали подтягиваться африканцы, привлекаемые громкими голосами. Эндрю заметил, что одни стараются держаться поближе к Муталли, другие льнут к Абониту. Первых набралось больше, но и меньшинство, избравшее своим лидером Абониту, оказалось весьма представительным. Среди их оппонентов тоже росли признаки того, что спокойная уверенность внушает им больше доверия,

нежели пустые угрозы. Муталли выдержал паузу и сказал негромким, но полным сарказма голосом:

— Ладно, оставим эту парочку. Но ты все-таки выбрал себе в друзья белого, ведь так? Может быть, ты полюбил белых, когда ездил в Англию, а? Ты предпочитаешь держать при себе белого и слушать его советы, как поступать, как добиваться дисциплины, как охранять лагерь. Разве не так?

Его слова не прошли даром. По толпе пробежал одобрительный ропот, два-три голоса прокричали слова поддержки.

— Лидон — техник, — возразил Абониту, — поэтому его и выбрали.

— Ну да, те двое — они ведь тоже техники. Что ты об этом думаешь?

— А что тут думать? — спокойно спросил Абониту.

— Я тебе скажу. Может быть, ты сообразишь тогда, что к чему. Я думаю, что хватит с нас белых в экспедиции. Я думаю, что нам надо обезопасить себя от нового предательства, иначе не избежать беды. Ты отвечаешь за свое судно, Абониту. Так что решать тебе.

— Я отвечаю за Лидона! — крикнул Абониту. — С ним все в порядке.

В ответ послышался смех и новые крики. Один африканец показал Лидону кулак.

— Что-то ты медленно соображаешь, — не отступал Муталли. — Я всего лишь велел тебе выбрать наилучший способ. Ты считаешь, что на него можно потратить пулю? Вообще-то нож ничуть не хуже. И экономнее.

Он отцепил с пояса кинжал, подбросил в воздух и поймал. Утреннее солнце сверкнуло на лезвии. Муталли не стал вешать его обратно, а остался стоять с кинжалом в огромной лапе.

— Бессмыслица, — проговорил Абониту, не повышая голоса.

Муталли покачал головой:

— Выходит, ты размазня. Я-то думал, что ты большой герой. Такого вчера наговорил!

— И варварство! — Теперь голос Абониту звучал тверже. — От ибо ничего иного и не дождешься.

В экспедиции были и другие ибо, однако они составляли незначительное меньшинство по сравнению с людьми из других племен, особенно йоруба. Эндрю понимал, в чем состоит замысел Абониту. Это был опасный ход, и он не принес успеха. Раздался яростный рев, ибо тесно встали вокруг Муталли, остальные примолкли.

Твердым голосом, в котором звучали нотки торжества, Муталли произнес:

— Вот тебе мой приказ, Абониту. Убей белого! Каким угодно способом, но убей! Тебе все ясно?

Абониту медленно покачал головой.

— Ты пытаешься меня унизить. Ладно, я унижен. Ты руководишь этой экспедицией. С этим все согласны. Ты доказал это. Теперь давай работать.

Муталли с улыбкой протянул Абониту кинжал рукояткой вперед:

— Я дал тебе поручение. Ты что, не слышал?

Абониту повел плечами и отвернулся. Муталли повысил голос:

— Считаю до десяти. Прежде чем я закончу счет, ты должен повиноваться.

Он начал считать. Эндрю охватил страх. Он видел, что Муталли решил принести его в жертву и пользуется поддержкой толпы. Теперь уже не важно, сможет ли Абониту выскользнуть из ловушки: он окончательно изолирован.

Муталли досчитал до десяти. Абониту так ничего и не сказал, даже не шелохнулся. Он просто глядел на гиганта с невозмутимым видом, слегка насупившись.

— Невыполнение приказа? Да это бунт! — крикнул Муталли, голова его резко дернулась. — Так. Прикончите их обоих!

Видя, что толпа надвигается на него, Абониту заговорил настолько твердо, что люди остановились как вкопанные:

— Подождите. — Он смотрел Муталли прямо в глаза. — Ты велишь мне убить его, Муталли?

— Почему убить? Казнить, а не убить. Ты вспомнил про дядюшку? Думаю, он не даст тебя в обиду, Абониту. Он повесит тебе на шею медаль. Так тебе спокойнее?

— Нет, — сказал Абониту. — Мне спокойнее оттого, что ты показал, какой ты трус. Когда тебе захотелось растерзать белого, ты приказал сделать это мне. Теперь тебе понадобилось расправиться со мной, и ты ждешь, что это сделают за тебя другие. Смелый мужчина сделал бы это сам — или по крайней мере попытался. Но ты — не смельчак, Муталли, верно? Зато у тебя есть голова на плечах. Ведь ты подошел ко мне сам, сам протянул кинжал, ты не ждешь ни от кого помощи. Думаешь, я не смогу убить тебя?

Муталли ничего не ответил, а только перебросил кинжал из правой руки в левую и обратно. Теперь он держал его за рукоятку, обратив лезвие в сторону Абониту. Он сделал шаг вперед, и люди расступились, образовав на снегу круг. Двое схватили Абониту за руки и оттащили назад. Ему не оставалось ничего другого, кроме как принять правила игры. Противники стали сходиться. Абониту напал первым: когда между ним и Муталли оставалось всего два ярда, он прыгнул вперед и схватил врага за руку, сжимавшую кинжал. Другой рукой он успел выхватить собственное оружие и размахнулся, целясь в шею. Муталли обхватил его руками, и они закружились, сопя от натуги и разбрасывая ногами мерзлый снег.

У Абониту не было шансов: его соперник был сильнее и тяжелее. Однако в последнюю минуту ему удалось вывернуться из гибельных объятий. Муталли занес нож. Эндрю увидел, как с носа Абониту слетели очки, сверкнув на солнце. Муталли поспешил раздавить их правым сапогом. Абониту отступил. Эндрю увидел у него на лице кровь, уже стекающую на снег. По толпе африканцев пробежал рокот возбуждения.

Абониту все отступал, Муталли медленно шел на него. Пару раз он попытался совершить бросок, но Абониту удавалось увернуться. Тогда Муталли насмешливо заговорил с ним:

— Давай, давай, парень! Ты не боишься, а? Покажи-ка нам, как умеют драться настоящие герои. Ну, быстрее! Ты совсем закоченеешь, если будешь так медлить. Докажи нам, что умеешь обращаться с кинжалом! Порадуй же нас!

Абониту метнулся к нему, как будто подстрекательство достигло цели. Муталли отскочил с неожиданной для тако-

го гиганта легкостью и проворством, успев пустить в ход кинжал. На этот раз лезвие располосовало Абониту рукав, на котором тоже выступила кровь. Толпа взревела.

— Придется тебя немного покромсать, — не унимался Муталли. — Ты такой полнокровный! Иди-ка сюда, я пущу тебе еще кровушки!

Они продолжали ходить по кругу, утаптывая снег: Муталли наступал, Абониту пятился.

— Давай! — дразнил его Муталли. — Ну, давай же, парень! Покажи нам, какой ты герой!

С этими словами он бросился на врага. Абониту только и оставалось, что уворачиваться. Схватка все больше напоминала игру в кошки-мышки. Как только Абониту отступал слишком далеко, руки из толпы выталкивали его в центр круга. Кровь на лице и на руке заставляла людей требовать продолжения. Эндрю с трудом сдерживался, чтобы не пуститься наутек. Как только они покончат с Абониту, наступит и его черед — в этом не было ни малейших сомнений.

— Раз ты не идешь ко мне, то мне придется самому до тебя добраться. Берегись!

Болельщики сжали Абониту со всех сторон, вынуждая прекратить отступление и принять бой. Теперь ему некуда было податься при виде надвигающегося, как гора, Муталли. Абониту отпрыгнул вправо, однако натолкнулся на стену рук. Видимо, он отчаянно пытался избежать решающей схватки, но теперь это было невозможно. Грозный враг изготовился к расправе.

Однако, сделав рывок, Муталли поскользнулся на утоптанном снегу. Ему удалось устоять на ногах, но, пока он восстанавливал утраченное на долю секунды равновесие, Абониту ринулся вперед и врезался головой ему в грудь, одновременно погрузив кулак ему в живот. Муталли рухнул на снег. Падая, он раскинул руки, чтобы поудобнее опереться о землю и побыстрее встать на ноги. Абониту ударил его сапогом по руке, сжимающей кинжал. Муталли остался безоружен. Другим сапогом Абониту нанес ему сильный удар прямо в лицо, а потом занес собственный кинжал, готовясь к смертельному удару.

Но в последнее мгновение Мутали удалось увернуться от удара и схватить Абониту за ноги. Колени Абониту подогнулись, и они вдвоем покатились по снегу. Однако Мутали не смог ничего больше предпринять: Абониту орудовал кинжалом как бешеный, нанося удары Мутали в лицо, в бок, в плечи, пока не всадил его с размаху глубоко в грудь. Мутали поперхнулся и замер. Из уголка его рта побежала на снег струйка крови.

Абониту медленно выпрямился и огляделся, всматриваясь в лица, чтобы понять их выражение. Эндрю видел, что на них нельзя что-либо прочесть. Люди были потрясены исходом битвы и не знали пока, как к нему отнестись. Вдруг они бросятся на Абониту? Достаточно было всего одной искры — а ею мог стать враждебный выкрик кого-нибудь из ибо, — чтобы начался разгул кровожадной ненависти и мести.

Словно зная, что именно с этой опасностью сейчас следует считаться больше всего, Абониту впился глазами в людей из племени ибо, как будто провоцируя их, и, простояв так какое-то время, презрительно пнул тело Мутали ногой.

— Уберите это, — произнес он и, помолчав, добавил: — И заройте. Мы не бросаем своих мертвых как мусор. Земля слишком тверда, чтобы рыть ее лопатой, придется прибегнуть к бурам.

Он отвернулся и побрел прочь. При его приближении люди расступились, и круг распался. Отойдя ярдов на двадцать, он остановился и указал на Эндрю:

— Отпустите его. И пускай повара займутся завтраком. Через час мы отправляемся в путь.

Попыток оспорить главенство Абониту не последовало. Когда экспедиция тронулась с места, его «ховеркрафт» встал во главе колонны, остальные вытянулись цепочкой позади. Во время дневного привала люди высыпали на снег и собрались вокруг судна Абониту, подобно тому как раньше центром притяжения служил корабль Мутали. Все утро Абониту не выпускал из рук бумагу и карандаш. Стоя как можно дальше от него, чтобы не навлекать лишних подозрений, Эндрю все же не мог не подметить его прямую осанку и важность, отличающую лидера.

— Вот имена командиров экипажей! — Абониту огласил список. — Они подчиняются только мне. Каждый назначает себе заместителя, который сможет заменить его в случае необходимости, и докладывает мне о своем выборе сегодня же вечером. Своим заместителем я назначаю полковника Зиггури. Если со мной что-нибудь случится, он займет мое место. Понятно?

По толпе пробежал гул одобрения. Зиггури, такой же йоруба, как Абониту и большинство участников экспедиции, имел наивысшее воинское звание после Муталли и был бы назначен заместителем даже им. Это был высокий худощавый человек с бородкой клинышком и спокойным, пристальным взглядом. Он коротко кивнул Абониту, соглашаясь с назначением и как бы обещая преданность. Абониту сделал самый лучший, даже единственно возможный выбор. Не забыл он и об ибо: двое из них были назначены командирами экипажей — как раз те, от которых следовало бы ожидать больше всего беспокойства, останься они вместе.

— Теперь порядок действий, — продолжил Абониту. — На время привала от каждого экипажа выделяется по одному караульному. Никто не покидает судна, пока не последует команда капитана, а тот дожидается моего распоряжения. Экипажи подчиняются своим капитанам без пререканий. Любая жалоба на капитана адресуется полковнику Зиггури. Однако главное требование — подчинение приказам непосредственного командира.

Он обвел свое войско пристальным взглядом.

— Пока все. Позднее я вызову капитанов.

Абониту махнул рукой, распуская людей, и спустился на снег. Африканцы расступились. Он оглянулся:

— Эндрю, пошли со мной!

Они протиснулись сквозь толпу и побрели в сторону от круга, образованного замершими «ховеркрафтами». У подножия холма, поднимающегося рядом не то с замерзшей рекой, не то с дорогой, они замедлили шаг. Вокруг высились заиндевелые скелеты деревьев; по тому, как они уходили вдаль, следуя прихотливой траектории, можно было заключить, что между ними вьется речное русло — дорожный комитет графств, окружающих Лондон, ни за что не

позволил бы строить такую извилистую дорогу. В отдалении тянулось нечто напоминающее железнодорожное полотно.

Абониту поправил очки; над его правым ухом красовался теперь глубокий шрам, и пластырь не давал правильно пристроить дужку.

— Эти очки надо беречь как зеницу ока, — пояснил он. — Единственная запасная пара.

— Ты считаешь, что это правильный ход — уйти и беседовать со мной наедине? Я старался держаться от тебя подальше.

— Спасибо, что ты обо мне позаботился, но в этом не было необходимости. Теперь я держу их в руках, и было бы ошибкой хоть в чем-то идти на компромисс. Они не поднимутся против меня, увидев, что я говорю с тобой наедине. Другое дело — если бы они решили, что я боюсь это делать.

— Возможно, ты и прав. Я молился за тебя все это утро. — Эндрю посмотрел на приятеля. — Я не думал, что ты добьешься успеха, Або.

— Я тоже в какой-то момент утратил надежду. Но моим родичам всегда везло в бою. Рассказывают, что один мой предок уже лежал простертый на земле, ожидая, когда в него вонзится копье, но в этот момент человека, стоявшего над ним, поразило молнией.

Он сопроводил свои слова улыбкой. Перед Эндрю стоял совершенно спокойный, учтивый человек. Было трудно поверить, что он еще сегодня утром пинал Муталли в лицо и, задыхаясь, всаживал в него раз за разом окровавленный кинжал.

— Что же ты сообщишь в Лагос?

Они поддерживали связь с Нигерией с помощью мощного коротковолнового передатчика, находившегося раньше на борту судна, которым командовал Муталли. Абониту уже успел пересадить оператора вместе с передатчиком в свой «ховеркрафт». Каждый вечер им полагалось передавать в Лагос закодированное послание.

— Скажу, что он погиб в результате несчастного случая и что члены экспедиции избрали меня его преемником. Это руководству понравится: они гордятся своей демократичностью.

— А что будет после возвращения?

Абониту пожал плечами:

— Если нам удастся вернуться невредимыми, это уже не будет иметь значения.

— Что ты за человек? — не удержался от вопроса Эндрю.

Абониту окинул его взглядом.

— Черный человек. Несколько лет назад один из ваших лидеров заявил в парламенте, что все африканцы — лгуны. — Он улыбнулся. — Пусть это звучит как парадокс Эпименида*, но я могу присоединиться к этому заявлению: африканец Абониту называет всех африканцев лгунами. На самом деле это, конечно, никакой не парадокс. Быть лгуном — не значит не говорить ни единого слова правды. Кроме того, мы убийцы, мошенники и тираны. Иногда. Именно этого ты, Эндрю, и не можешь в нас понять.

— Зачем ты меня спас?

— Я спасал не тебя, а себя. — Он оглядел белую пустыню. — Хотел бы я знать, где сейчас Карлоу и Прентис — если они еще живы.

— Должно быть, жалеют о содеянном. Им, наверное, сейчас очень одиноко.

— Значит, ты не последуешь их примеру, Эндрю?

— Разве ты не клялся в моей надежности еще сегодня утром? Не из-за этого ли возник весь сыр-бор?

— Частично. Ты не последуешь за ними?

— Нет. К чему подвергать себя опасности замерзнуть, умереть от голода или погибнуть от руки выжившего, но одичавшего соплеменника?

— Это не ответ.

— Тогда давай так: я сделал свой выбор. В отличие от них. И каждый мой поступок только подтверждает это. С каждым днем решение становится все более непоколебимым.

— Хорошо, — резко произнес Абониту. — Завтра мы будем в Лондоне. Ты понадобишься мне в качестве проводника. — Он усмехнулся. — Кстати, теперь будешь управляться с камерами самостоятельно. Лидеру это не к лицу.

— Жаль, что у меня не оказалось камеры сегодня утром.

---

* Легендарный древнегреческий «жрец искупления», душа которого якобы могла покидать тело. Послужил прообразом для «Пробуждения Эпименида» Гете.

— И мне жаль. Осталось бы хоть что-то для потомков — если мне суждено пасть от удара молнии.

— Лондон, — молвил Эндрю, — уже завтра... Как ты думаешь туда въезжать? По реке?

— Единственный разумный путь. И единственно возможный. Как по-твоему?

— Верно.

— Что ты скажешь о таком возвращении в свой город?

— Не знаю...

— Ты растроган? Возбужден?

— Нет. Скорее ошеломлен. Мне хотелось бы побыстрее покончить со всем этим.

— А я чувствую воодушевление, — признался Абониту. — И сам себе противен из-за этого. Принцессы и фараонши Древнего Египта требовали, чтобы их тела переодевали после смерти для бальзамирования только разложившимися. Они полагали, что в противном случае бальзамировщик не сможет удержаться и надругается над ними. Лондон — это мертвая фараонша...

— Но не разложившаяся. Она заморожена. Ты сможешь беспрепятственно предаваться некрофилии, Або. Но у египтян были более простые и куда более приятные возможности — например, оскопить бальзамировщиков.

— Дело в том, что страсть знакома даже евнухам. Кроме того, у них могли трудиться и полноценные мужчины. Бывают случаи, когда единственным выходом может служить только неприятное решение. Ты не согласен?

— Полностью согласен, — ответил Эндрю.

Абониту взял Эндрю за руку; это был прямой, откровенный жест. Стоя в стороне от остальных, они были видны как на ладони.

— Ты мне нужен, Эндрю, — сказал он. — Не как проводник и не как оператор. Нужен как друг. Если ты бросишь меня одного с моими соплеменниками, мне конец. Так ты остаешься?

— Да, — сказал Эндрю. — Остаюсь.

Шлюзы в верховьях Темзы заставили снизить скорость; кое-где приходилось делать крюк, чтобы преодолеть пре-

пятствие. В районе Теддингтона, совершая очередной объезд, они очутились на поле сражения или расправы. Повсюду возвышались снеговые курганы, из которых торчали замороженные руки и ноги, неестественно скрюченные в смертельной агонии.

— Видишь? — спросил Абониту у Эндрю, когда они медленно продвигались по этому жуткому полю. Ближайший курган был усеян следами недавней деятельности — скорее всего раскопок. Выдранные из мерзлоты трупы еще не успело замести снегом. У одного не хватало руки, у другого — ноги. Эндрю поймал себя на том, что представшее глазам зрелище не вызывает у него ничего, кроме легкого приступа тошноты.

— Да, — отозвался он. — Я этого и ожидал.

— Я тоже. Но видеть все самому — другое дело. Погляди-ка туда.

Эндрю повиновался.

— Что-то застигло его — или ее — врасплох.

На снегу валялась отрубленная от туловища рука. Она определенно принадлежала молодой, изнеженной женщине. На запястье оставались золотые часики.

— Должно быть, здорово перепугался, раз бросил добычу. Мы можем возвращаться к реке?

— Думаю, да. Сворачиваем на северо-восток — туда, между деревьев.

— Хорошо, — согласился Абониту. — Здесь слишком гадко.

В Чисвике их встретило некое подобие жизни. Сперва на берегу замерзшей реки мелькнули странные фигуры, некоторые из которых при приближении «ховеркрафтов» отступили к домам, другие — посмелее или полюбопытнее — остались поглазеть и даже размахивали руками. Рев турбин заглушал любые звуки, какие могли бы доноситься с их стороны, однако один мужчина определенно взывал о помощи. Видя, что «ховеркрафты», не останавливаясь, мчатся по льду, он побежал, стараясь не отстать от них. Команда наблюдала за ним с интересом и подбадривала криками, когда же он растянулся на снегу, окончательно выдохнувшись, осыпала его глумливыми насмешками.

В районе Чисвикского моста копошение людей имело более осмысленный характер. На левом берегу Темзы и на самом мосту собралась толпа. Эндрю насчитал примерно тридцать — сорок душ; в основном это были мужчины, но среди них затесалось несколько молодых женщин самого непреклонного вида. Их определенно собрала здесь новость о приближении «ховеркрафтов», однако в отличие от оставшейся позади группы эти люди были настроены враждебно: они потрясали кулаками и выкрикивали угрозы. Некоторые нагибались и, нащупав предметы потверже, швыряли их в сторону «ховеркрафтов».

— Местное население как будто настроено не слишком дружелюбно, — с улыбкой прокомментировал Абониту.

Над их головами пронесся свист.

— Кто-то из них вооружен, — сказал Эндрю.

Али, мусульманин из племени хауса, исполнявший обязанности капитана на судне Абониту, предложил:

— Надо бы притормозить, сэр, и произвести по ним пару залпов.

— Хочешь преподать им урок, Али? Чтобы бросились врассыпную, попрятались за деревьями, где их все равно отыщет пуля? Добрая старая традиция, только здесь она не сработает. У них есть где прятаться, и они быстро отступят. Лучше не рисковать. Будем надеяться, что нас минует шальная пуля. Не думаю, чтобы они открыли сплошной огонь. Патроны — слишком большая ценность, чтобы расходовать их просто так, сдуру.

Река сделалась шире; впереди взметнулись ввысь трубы Баттерсийской электростанции, однако над ними не вилось даже подобия дымка.

— Сбавь скорость до пяти узлов, — приказал Абониту штурману и посмотрел на Эндрю. — Гляди, вдоль реки идет заграждение. — Он поднял бинокль. — Явно не новое.

— Мы достигли оконечности Пейла, — объяснил Эндрю. — Однако ко времени моего отъезда никаких заграждений еще не построили. Наверное, они появились позже. Банды совершали налеты через реку и раньше; видимо, потом дело приняло совсем печальный оборот.

— Не вижу ни малейших признаков жизни.

— Я тоже, — подтвердил Эндрю.

Сказав это, он почувствовал, что у него защемило сердце, — совсем как раньше. Сколько еще раз ему доведется испытать это мучительное чувство безнадежности?

Они медленно продвигались между безмолвных белых возвышений по обеим сторонам Темзы. Позади полыхало вечернее небо с грозно нависшими тяжелыми облаками, подсвечиваемыми клонящимся к закату солнцем. Эндрю установил треногу с камерой и снял сперва панораму вмерзшего в лед города, а потом зловещий закат. Будет эффектно смотреться как в цвете, так и на черно-белом экране телевизора, подумал он, стараясь не поддаваться горечи.

Взору предстала галерея Тейт. Здание показалось бы такими же безликими руинами, покрытыми белым саваном, как и окружающие строения, если бы не следы сильного пожара; через разбитые окна было видно царившее внутри запустение. Самые ценные полотна исчезли из этих стен еще до окончательного краха, чтобы выплыть по смехотворным ценам на аукционах в южных странах и принести хоть какую-то иностранную валюту. Эндрю вспомнил бум вокруг картин из собрания Чантри*, пришедшихся по вкусу африканским ценителям живописи своей монументальностью; их собрали на чердаке, отряхнули от пыли и продали по ценам, пусть и не выдерживавшим сравнения с суммами, которые могли бы быть уплачены за них в благословенные времена королевы Виктории и короля Эдуарда, но все же оказавшимся достаточно высокими в сравнении с пренебрежительно встреченными Пикассо, Браком и Матиссом. Это были хоть и небольшие, но все-таки деньги; от абстракционистов же покупатели дружно воротили нос. Их пришлось вешать обратно на стены на обозрение оставшимся в живых, замерзающим обитателям Пейла. Видимо, после того, как все пошло вразнос, кто-то развел из них костер, который превратился в пожар. Эндрю попытался вспомнить, какая судьба постигла скульптуры. На аукционах пробовали выставлять маленькие бронзовые статуэтки, однако за них

* Франсис Чантри (1781—1841) — скульптор, основатель фонда своего имени, средства которого находятся в распоряжении Королевской академии искусств.

удавалось выручить так мало, что это не окупало даже их доставку по воздуху. Крупные изваяния, естественно, так и остались стоять. Скорее всего они высятся на прежних местах по сию пору, усыпанные пеплом пожарища и снегом, залетающим в разбитые окна, — все эти шедевры Хэпуорта, Эпштейна и Мура. Ожидает ли их новая жизнь? Даже если проект колонизации увенчается успехом, у африканцев имеется свой, более глубокий и не такой искусственный примитивизм, тем более что за его образцами не надо отправляться за тридевять земель.

Русло реки вильнуло в сторону, и их взглядам предстала новая линия горизонта, в которой безошибочно узнавались башни и ажурные детали крыш парламента.

— Биг-Бен, — сказал Абониту. — Ты должен усматривать в этом горчайшую иронию, Эндрю. «Под часами ровно в три...» Или около того...

— Только ночи, а не дня. И не летом, а зимой. Часы остановились в февральскую метель: от холода лопнул основной вал, и никто уже не смог запустить механизм.

— «Мед для чая не бери...» Да, дела обстоят еще хуже, чем я ожидал. — Абониту повернулся к штурману. — Причаливаем к левому берегу. У самого моста.

— Прямо здесь? Хочешь устроить привал? — поразился Эндрю.

— Где же еще?

— Есть места, где гораздо удобнее держать оборону. Тауэр, например.

— Здесь билось сердце Англии. Чему ты улыбаешься?

— Цитате из стихотворения. У тебя слишком живое воображение.

— Наоборот, недостаточно живое, — покачал головой Абониту. — Ведь это Лондон! Рим для нас — ничто по сравнению с ним, а даже крушение Рима не было таким стремительным, как гибель этого города.

Экспедиция по-прежнему страдала от отсутствия связи между отдельными «ховеркрафтами», но еще до выхода Абониту распорядился, чтобы два замыкающих судна прикрывали во время швартовки остальных. Суда встали под прикрытием Вестминстерского дворца, и группа, заранее при-

готовившаяся к высадке, устремилась к ступенькам. Люди, возглавляемые капитанами, двигались легко и целеустремленно.

— Ты на удивление быстро добился поразительных перемен, — сказал Эндрю. — Их теперь просто не узнать!

— Я здесь ни при чем, — ответил Абониту. — Во всяком случае, почти. Дело не в том, что с ними сделали, а кем они сами себя считают. Ты ведь слышал истории о шаманах, которым достаточно ткнуть косточкой в сторону больного и предречь ему смерть, чтобы больной вскоре скончался? Я сам был в детстве свидетелем этого. Британцы твердили нам, что мы просто простодушные, невежественные ниггеры, и мы на протяжении многих поколений верили им. Потом вы стали возить африканскую молодежь в Англию, где ваши либералы внушали молодым людям, что они ничем не хуже белых. Мы поверили и в это.

— Так ли всё просто? — Эндрю покачал головой и улыбнулся. — Что же происходит с твоими людьми?

— Мутали был высок ростом, но мягкотел: он боялся создать себе врагов, боялся соперничества. Беспорядок и анархия льстили его тщеславию, порядок и дисциплина сулили ему угрозу. Поэтому он не назначал ни заместителей, ни капитанов судов. Ему требовалось, чтобы его окружала толпа, вот люди и были просто толпой.

— И все-таки их внезапное перерождение напоминает чудо.

— Как любые наши перерождения.

— Но они краткосрочны.

— Не обязательно.

— Значит, все зависит от тебя, — заявил Эндрю.

— В каком-то смысле — да. — Абониту повернулся и в упор посмотрел на Эндрю через стекла очков. — Или от тебя.

— Каким же образом?

— Мутали боялся этой страны, льда, снега, безлюдья — всего, что ждало его здесь. Я знаю, что это за страх. Наш брат африканец тут не помощник. Человек испытывает здесь соблазн вновь превратиться в невежественного дикаря, содрогающегося при мысли о привидениях и белых дьяволах. — Он

улыбнулся. — Надеюсь с твоей помощью избежать этого соблазна; остальные тоже выстоят, если выстою я.

— Если бы сейчас с тобой что-нибудь стряслось, какой была бы судьба экспедиции?

— Кто знает? — В его голосе звучало доверие к собеседнику и безразличие к собственной участи.

Над парапетом набережной показалась голова. Зигури помахал им рукой.

— Все в порядке! — крикнул он.

— Хорошо! Мы поднимаемся! — прокричал Абониту в ответ.

3

Быстро сгустились зимние сумерки. Дозорные стали докладывать об увиденном. На другой стороне Парламентской площади был замечен человек; еще одного видели в отдалении, на набережной Виктории. Трое не спеша переходили реку в направлении Чаринг-Кросс. По крайней мере эта троица не могла не заметить «ховеркрафтов», стоящих полукругом, однако они ничем этого не выдали. Посмотрев в бинокль Абониту, Эндрю заметил, что один из них хромает. Двое были вооружены подобиями грубых деревянных дубинок; у третьего висел на спине лук, а на боку — колчан со стрелами.

В эту ночь Абониту выставил усиленную охрану — как у здания парламента, так и на «ховеркрафтах». Эндрю тоже пришлось заступить в караул. Он неотрывно глядел в восточном направлении, где серебрились в лунном свете городские крыши. Ему и раньше приходилось созерцать ту же картину, причем именно в эти ночные часы; разница казалась не слишком заметной: улицы и тогда были тихими и пустынными, а блики фонарей меркли во всепроникающем свете высоко вскарабкавшейся луны. Нет, разница была, и огромная: ничто не могло скрыть гибельного запустения. Искрящийся свет, отражаемый снегом и льдом, напоминал сияние прожектора на вышке лагеря смерти.

Утро выдалось мирным. Абониту затратил день на укрепление позиций, возведение там, где необходимо, баррикад, а также послал два «ховеркрафта» в разведку вниз по реке. Они сообщили о кое-каких признаках жизни в районе пристаней в Заводи, где в лед вмерзли три-четыре корабля, один из которых был сильно поврежден пожаром, а также о дыме, поднимающемся над крышами в разных местах, как к югу, так и к северу от реки. Время от времени в поле видимости наблюдателей, стоящих на часах в лагере, появлялись люди, однако их перемещения казались лишенными малейшего смысла. Хотя царила вполне мирная атмосфера, Абониту не стал отменять чрезвычайных мер безопасности и на следующую ночь выставил такую же усиленную охрану.

Первая неприятность произошла на третий день. Абониту выслал на улицы города пеший патруль, поручив ему пройти по основным магистралям до Оксфорд-стрит. Патруль состоял из шести человек под предводительством африканца из племени ибо. Примерно в час дня патруль исчез за домами, а уже в два часа в отдалении зазвучали выстрелы. После нескольких минут стрельбы наступила тишина.

Эндрю, не отходивший от Абониту ни на шаг, сказал:

— Что-то стряслось. Ты не собираешься выслать подкрепление?

Абониту взглянул в сторону угла Уайтхолла:

— Нет. Подкрепления не будет.

— Разве они не ждут от тебя этого?

— Ты имеешь в виду моих людей? Ждут. Но подкрепление может понадобиться и остальным. Что бы там ни произошло, теперь все кончено. Возможно, патруль натолкнулся на небольшую банду хулиганов и обратил их в бегство. В таком случае они скоро вернутся и сами расскажут нам обо всем. Однако итог, вполне вероятно, оказался не столь успешным; тогда противник может сидеть в засаде, готовясь разгромить ожидаемое подкрепление. — Он указал на оцепеневший город. — Устроить там засаду — простейшее дело.

Патрулю положено было вернуться в четыре часа; однако и после пяти никто не появился. Надежды на возвращение больше не было. В лагере возникло небольшое смятение. Абониту собрал всех людей, кроме стоявших в карауле,

и обратился к ним с речью. Говорил он просто и доверительно, однако в его тоне слышалось нешуточное предупреждение. Патруль должен был выяснить, насколько опасно выходить в город. Теперь известно, что опасность действительно велика. Во всяком случае, в ближайшее время новых вылазок не намечается, ибо это слишком рискованно. Их плацдарм достаточно защищен, здесь не грозит никакая опасность: несколько вооруженных головорезов способны уничтожить на улицах города малочисленный патруль, но не может быть никакого сравнения между такой стычкой и нападением на хорошо укрепленные и твердо обороняемые позиции. Однако случившееся со всей очевидностью указывает на необходимость повысить бдительность. Их и дальше могут подстерегать неожиданности; значит, надо быть к ним готовыми.

Он не ошибся: ночью на них напали. Часовой, заметивший фигуру, пробирающуюся в сторону лагеря в тени Вестминстерского аббатства, поднял тревогу; через несколько минут раздались выстрелы, и по направлению к лагерю беспорядочно побежали люди. К тому времени, когда Эндрю достиг передовой, атака была отбита. Продолжали звучать одиночные выстрелы; нападающие попрятались кто куда.

Абониту не утратил самообладания. Он приказал Зиггури обойти посты и удостовериться, что часовые остаются на местах, так как противник может атаковать их позиции и на других направлениях. Али было поручено собрать всех остальных в резервное подразделение, так как участвовавших в перестрелке африканцев было достаточно для отражения фронтального удара.

Они высунулись из-за баррикады и увидели, как одного из нападающих настигла пуля. Тот беззвучно растянулся на снегу и, полежав немного, пополз назад.

— Если бы нам удалось протянуть сюда от «ховеркрафтов» свет и установить прожектор, мы бы быстро с ними покончили, — сказал Абониту.

— В любом случае это не займет много времени, — отозвался Эндрю. — Они не произвели на меня сильного впечатления.

— Их прикрывают, — сказал Абониту. — Тебе видно, откуда ведется огонь?

— Нет.

— С аббатства. Прежде чем ринуться в атаку, они посадили там стрелков. Я от этого далеко не в восторге. Выходит, это не просто кучка дикарей.

От Эндрю не скрылась его ирония.

— Да, это не дикари.

— Что ж, — продолжал Абониту, — посмотрим, что из всего этого получится. Думаю, на первый раз с них достаточно. Гляди, вон еще один бежит в укрытие.

— Да, — согласился Эндрю, — достаточно. На первый раз.

На следующий день в лагере царило приподнятое настроение; ночная атака была отбита, и успех рассеял неуверенность, охватившую было людей после исчезновения патруля. За ситуацией на реке наблюдал всего один «ховеркрафт» — он курсировал от Стейнз на западе до устья Темзы на востоке, однако не сообщал ничего нового, кроме того, что в Чисуике беснуется все та же толпа, бросающаяся камнями; в других местах изредка появлялись небольшие группки и одиночные фигуры. День прошел мирно; ни ночью, ни на протяжении последующего дня защитников лагеря никто не беспокоил. Погода обещала стать более ясной, однако после полудня небо набухло тучами. Сумерки опустились раньше обычного; стоял трескучий мороз. Еще до наступления ночи начался снегопад, сопровождаемый сильным ветром. Ночью разыгралась настоящая вьюга.

Под завывание вьюги противник начал вторую атаку. Его целью оставались те же позиции, которые он стремился захватить в прошлый раз, однако появилось и нечто новенькое — попытка овладеть лагерем со стороны сада, где нападающим удалось на время закрепиться. Эндрю не видел, как развивались события на этом участке, однако, судя по последующим рассказам, Абониту сам повел своих людей в контратаку. В результате противник отступил, лишившись двоих человек. Один из них умер на месте, другой был ранен в грудь. Трое африканцев получили ранения, причем один — серьезное. Эндрю обнаружил труп и раненого анг-

личанина в гардеробной палаты лордов, превращенной в лазарет. Абониту как раз допрашивал раненого. Повернувшись к вошедшему Эндрю, он пожал плечами:

— Ничего не могу от него добиться. Может быть, теперь ты попробуешь?

Англичанину было на вид тридцать с небольшим лет, он был полноват, толстогуб, на щеках кудрявилась молодая борода. По его лицу разлилась синева, свидетельствующая о сильной потере крови. Сквозь только что наложенные бинты успела проступить кровь.

— Вам удобно? Что я могу для вас сделать? — спросил его Эндрю. — Может быть, хотите капельку бренди?

Раненый вздрогнул и враждебно промолчал.

— Мы — мирная экспедиция, — сказал Эндрю. — Мы не хотим никому причинять вреда. Скажите, почему на нас нападают? Атаки определенно кто-то планирует — но для чего? Продукты? Оружие? У нас есть и то, и другое, но ведь вполне очевидно, что мы станем все это защищать. Какая-то бессмыслица!

Ответа так и не последовало.

— Вам совсем нечего сказать?

— Проклятый изменник! — в первый раз разжал зубы раненый. Речь явно давалась ему с трудом. Лицо исказила гримаса боли. Он отвернулся и замер.

— Оставь его, — бесстрастно произнес Абониту. — Он умирает.

Раненый дернулся, но больше ничего не сказал. Абониту и Эндрю вышли из озаряемой свечами комнаты в кромешную тьму коридора. Абониту включил фонарь.

— Сегодня мы еле вывернулись, — сказал Эндрю.

— Да, еле-еле. Если бы им удалось закрепиться... Не знаю, сколько у них еще сил.

Они прошли мимо выбитого окна, в которое мело снегом.

— Если погода не улучшится, — продолжал Абониту, — будет трудно обороняться. Уже сегодня нельзя было ничего разглядеть в пяти ярдах.

— Я не стал бы утверждать, что это типичная для Англии зимняя погода. Однако более типичная, чем безоблач-

ное небо, которое нависало над нами в первые дни. Барометр чаще показывает «ненастье».

— Да, знаю. Есть новости из Лагоса. — Абониту примолк. Эндрю подождал, пока он заговорит снова. — Через неделю к нам выходит корабль с припасами.

— Это гораздо раньше, чем планировалось?

— Мы становимся значительными персонами. Кое-кто, как мне известно, вообще не верил, что мы доберемся до Англии. Тут была замешана политика: если бы экспедиция окончилась провалом, некоторые министры лишились бы постов. Подозреваю, что судно готово уже давно, но они не спешили его отпускать.

— А теперь?

— Теперь — другое дело. Нас здорово укрепляют: всевозможный инвентарь, генераторы, военный отряд. Здесь собираются основать надежную базу.

— Как быстро дойдет до нас это судно?

— При благоприятных условиях за двенадцать дней.

— Значит, предстоящие три недели обещают стать критическими?

— Да. — Абониту направил луч фонаря в распахнутую дверь, осветив массивные дубовые створки и тяжелый алый плюш. — У нас будет с полдюжины вертолетов «Вестланд», огнеметы, напалм...

— И атомные бомбы?

— Нет, — усмехнулся Абониту. — Хотя в Нигерии есть и они — ты знал об этом? Их продали нам перед самым крахом.

— Думаете применить их против Южной Африки?

— Как будто да. Естественно, лишь в качестве средства устрашения, — пояснил он саркастически.

— Существует ли такая вещь, как преданность?

— Между нациями? Нет, только собственный интерес. Отдельный человек может быть предан своей нации, хотя люди, обремененные предрассудками, описывают это состояние более возвышенными словами. Думаю, это вполне реальное дело, при условии, если известен объект преданности. Преданность рождается в дружбе и не зависит от прихоти.

— Не может быть преданности, если не существует возможности измены.

Абониту пожал плечами.

— Ничто хорошее не может существовать без своей противоположности. — Он бросил взгляд в высокое окно, выходившее на восток, в котором уцелело стекло. — Светает. Сегодня они уже не вернутся.

Попытки штурма прекратились. Вместо них противник повел снайперский огонь. Снайперов было, видимо, всего двое: один засел в аббатстве, другой — в одном из домов на Уайтхолле, хотя не исключалось, что метких стрелков было и больше, но винтовок — всего две. Стрельба начиналась ранним утром и не прекращалась до позднего вечера. Новая тактика не принесла большого успеха, однако за первые два дня один из осажденных был убит и два — ранены.

Следующее происшествие случилось на исходе дня. Метель неожиданно утихла, и предзакатное небо быстро очистилось, отчего река к западу окрасилась в багряные тона. Абониту и Эндрю стояли на галерее, когда прибыло донесение: есть еще один раненый — в руку, чуть ниже плеча.

— Люди встревожены, — сказал Эндрю.

— У них портится настроение, — согласился Абониту. — Ведь неизвестно, когда раздастся следующий выстрел. Поэтому они нервничают и теряют уверенность. Еще денек-другой, и при следующем штурме... Дела могут обернуться плохо.

— Да, — подхватил Эндрю, — могут. Но тут уж ничего не поделаешь. Противник, наверное, только и ждет, чтобы мы предприняли атаку на его позиции.

— Согласен. Я даже подумывал об этом. — Он улыбнулся. — Вот возможность показать, что я лучше Муталли как командир. Он никогда не смог бы отступить.

— Думаешь оставить Лондон?

— Нет, только городские улицы. Если мы расположимся лагерем посреди реки, поставив «ховеркрафты» кольцом, то нам не будет грозить буквально ничего — разве что снайперская винтовка с оптическим прицелом. Это даст и психологический выигрыш: наши люди не будут ощущать себя окруженными вездесущим врагом, как здесь.

— Выходит, ты готов отступить от того места, где раньше билось сердце Империи?

— Только до подхода судна с припасами и подкреплением. Не вижу смысла в бесцельном риске. Пройдет две недели — и мы станем неуязвимы.

Эндрю повел рукой, указывая на лежащий у их ног город.

— Какой же окажется, по-твоему, их реакция?

— Там будет видно. Возможно, они оставят нас в покое.

— Сомневаюсь.

— Во всяком случае, хуже, чем здесь, нам не будет.

— Вот тут ты, кажется, попал в точку.

Поутру они снялись с места и расположились на льду посреди реки, между Вестминстерским мостом и Чаринг-Кросс. «Ховеркрафты» встали тесным кружком, а промежутки между ними были заполнены баррикадами из хлама, собранного подле Вестминстерского дворца. Теперь ничто не закрывало обзора; силуэт города отодвинулся и не внушал больше страха. Эндрю заметил, что к африканцам снова вернулась свойственная им жизнерадостность, доверчивость и склонность к дружеским шуточкам. Эндрю относился к ним тепло: это были славные парни; к тому же они принимали Эндрю как своего — теперь он в этом не сомневался. Они буквально преклонялись перед Абониту, Эндрю же был его другом и соратником. Несмотря на враждебность к себе, которую они чувствовали в этой стране буквально во всем, цвет его кожи не имел для них никакого значения.

Прошел ничем не омраченный день, потом такая же ночь и еще один день; и тут, лишь только стемнело, штурм возобновился. Под аккомпанемент беспорядочной стрельбы в сторону лагеря устремились с набережной Виктории закутанные фигуры. Дождавшись, пока авангард нападающих окажется всего в пятидесяти ярдах от «ховеркрафтов», Абониту приказал включить прожекторы и открыть ответный огонь. Этим все и кончилось: люди попадали в снег и остались лежать: одни замертво, другие — стеная от боли. Некоторым удалось спастись бегством. Как только стало ясно, что противник отступил и не собирается лезть на рожон, Абониту дал команду прекратить стрельбу.

Прожекторы по-прежнему освещали своими безжалостными лучами ледяную пустыню. Один из упавших пошевелился, неуверенно поднялся на ноги и, прищурившись, уставился на прожекторы. По всей видимости, он был контужен; Эндрю не знал, что и подумать — то ли он просил пули, то ли просто перестал понимать, где находится и что с ним стряслось. Постояв немного, он все же повернулся и заковылял назад к набережной, прижимая к груди поврежденную руку. Прожекторы не высветили больше ни единого признака жизни. Однако прошло еще несколько минут, и из снега поднялся и устремился к берегу еще один человек. За ним последовали сразу трое — пара более или менее невредимых людей, придерживающих раненого. Спустя четверть часа на снегу осталось только два безжизненных тела. Абониту махнул рукой, и прожекторы потухли.

— Не думаю, чтобы они осмелились повторить атаку этой ночью, — удовлетворенно сказал Абониту.

— Я тоже сомневаюсь, — поддакнул Эндрю.

— Ты не считаешь, что это может послужить определенным сигналом — то, что мы прекратили огонь и позволили им убраться восвояси, забрав раненых?

— Каким же сигналом?

— Что мы — цивилизованные люди, а не варвары.

— Самое главное — это то, кто они такие.

— В конце концов им придется смириться с нашим присутствием. Мы не причиняем им никакого вреда.

— Должно быть, они боятся, как бы за нами не последовали торговцы и миссионеры.

— С джином, бусами и Библиями? Это же абсурд, Эндрю! Они знают, что ничего подобного не произойдет!

— Откуда нам знать, что они там воображают? — устало откликнулся Эндрю. — Мы не можем этого знать.

— Разве? — спросил Абониту, снял очки и вытер стекла подкладкой кожаной куртки. — Я так не думаю.

Спокойствие длилось целые сутки, после чего началось новое наступление. В этот раз главный удар наносился со стороны набережной Виктории, однако его дополняло наступление с южного берега. Противник, продвигавшийся с

юга, действовал спокойнее и искуснее, и двоим белым удалось подкрасться к «ховеркрафтам» на расстояние нескольких ярдов, прежде чем их заметили, осветили прожекторами и заставили зарыться в снег массированным залпом. Абониту и в эту ночь приказал прекратить огонь, как только началось отступление, и не выключал свет, пока со льда не убрали последнего раненого.

Однако противник вновь бросился на приступ еще до рассвета, причем применил при этом новую уловку: люди толкали со стороны набережной какую-то конструкцию; в лучах прожекторов удалось разглядеть, что это — обитая сталью стенка, водруженная на колесики.

— Надо же! — подивился Абониту. — Что ты об этом думаешь?

— Думаю, они воспользовались шасси грузовика для перевозки длинных труб. Под прикрытием этой штуковины они смогут подобраться к нам совсем близко.

— Ничего, — усмехнулся Абониту, — пускай. Посмотрим, что получится.

Он дождался, пока импровизированная баррикада пройдет половину пути от набережной до лагеря. После этого из рядов обороняющихся вынырнул один «ховеркрафт», описал по льду дугу и подобрался к нападающим сзади. Раздались выстрелы, заглушаемые ревом турбин. Потом «ховеркрафт» устремился к набережной, и перестрелка разгорелась снова — теперь уже между экипажем и засевшими на берегу. Спустя четверть часа «ховеркрафт» занял свое место на исходной позиции. Капитан, высокий голубоглазый африканец из племени фулани, доложил о выполнении задания. Как выяснилось, с обратной стороны баррикада не была защищена, и люди, толкавшие сооружение по льду, были застигнуты врасплох. Чтобы разделаться с ними, хватило нескольких залпов.

— Отлично! — одобрил Абониту. — Славно поработали. Теперь попробуйте поспать.

Фулани отдал честь и удалился. Эндрю зевнул и пробормотал:

— Я тоже не против соснуть, Або. Как и ты, наверное.

— Да, — согласился тот. — Они очень настырны, но теперь, надеюсь, мы на время гарантировали себе покой.

Эндрю заполз в спальный мешок и мгновенно забылся. Его разбудили новые выстрелы; посмотрев на небо, он увидел, что оно стало ненамного светлее, чем было, когда он ложился. Видимо, прошло не больше получаса. Эндрю нехотя поднялся. Он чувствовал себя смертельно усталым; голова раскалывалась от боли.

Новое наступление оказалось не более успешным, чем все предшествующие, однако на этот раз противник вытолкнул на лед нечто вроде бронированных саней. Для того, чтобы отразить новую опасность, не потребовалось даже высылать в тыл атакующим «ховеркрафт»: они сами бросили свои сани всего в двадцати ярдах от берега. Небо на востоке быстро светлело, и оба покинутых укрытия торчали в снегу как ненужный хлам. Экспедиционные повара занялись приготовлением завтрака, и Эндрю решил, что следует сперва перекусить, а уже потом снова отправляться на боковую. Мудрость этого решения стала ясна ему чуть позже, когда всего по прошествии пятнадцати минут с южного берега к лагерю снова устремились люди. Правда, им тоже пришлось бросить свое прикрытие в нескольких ярдах от берега.

Утром тактика противника стала понятной: несмотря на то, что атакующим не удавалось подойти к лагерю, они всякий раз оставляли на льду нечто, что сможет служить укрытием при следующей попытке. Атакующие ограничивались вызовом на себя огня и продвижением вперед импровизированных укрытий. При этом они несли потери, но не столь существенные, как раньше. Несмотря на наступление дня и тусклый свет скрывающегося за тяжелыми облаками солнца, атаки возобновлялись снова и снова. Абониту приказал экономить патроны и направил один из «ховеркрафтов» ближе к берегу, чтобы потрепать противника, однако в лагере воцарилась тревога. Люди пытались хотя бы ненадолго вздремнуть, однако их беспрерывно будил треск выстрелов; к вечеру появился дополнительный источник беспокойства: с берегов стали доноситься усиленные мегафонами ругательства.

Шум и сумятица продолжались всю следующую ночь, а потом и все утро. Попыток продвинуть ближе к лагерю ук-

рытия, которыми был уже буквально усеян лед вдоль берегов, больше не предпринималось — видимо, противник сообразил, что «ховеркрафты» неминуемо отрежут его от берега. Однако цель атак не вызывала сомнений: обороняющихся собирались взять измором, не давая им ни малейшей передышки.

Доедая свою порцию подслащенной и витаминизированной кукурузной каши, Абониту произнес:

— Так мы долго не продержимся.

— Они могут сменять друг друга, а мы — нет, — поддержал его Эндрю. — Что же делать? Опять в путь? Вверх по реке? Или вниз?

— В любой части города они не дадут нам покоя.

— Тогда прочь отсюда. — Абониту помалкивал. — Дождавшись подкрепления и пополнив запасы, мы сможем вернуться.

— Да, — согласился Абониту, — так будет разумнее всего. Сейчас мы отступим, но потом вернемся — с вертолетами, огнеметами и напалмом. Тогда наступление поведем уже мы. Затравим их на этих узких улочках, как крыс. Но я не хотел этого, Эндрю.

— Тебе не оставили иного выхода.

Абониту мрачно поднял глаза на негостеприимный город.

— Чего они хотят? — не выдержал он. — Ведь перед нами не дикари — как они могут быть дикарями? За их действиями стоит чей-то разум, который не может не внушать уважения. Если бы только можно было установить с ними контакт!

— Они как будто не стремятся к этому.

— Но разве они откажутся от контакта, если мы предложим его сами?

— Каким образом?

— Выслав парламентера с белым флагом.

— Может, и не откажутся. Но пока они не предлагали нам ничего похожего.

— Возможно, они считают, что первый шаг должны сделать мы. Ведь это их страна.

— Было бы куда проще убраться подобру-поздорову.

— И вернуться, вооружившись напалмом? Это Лондон, Эндрю! Я хочу согреть мою королеву, а на зажарить ее.

— Значит, парламентер. Зиггури? Думаешь, он справится?

— Нет, не Зиггури. И вообще никто из наших.

— Ты думаешь, что я сгожусь для этого? — медленно осведомился Эндрю.

— Убедить их удастся только тебе.

— Убедить?

— Да. Что у нас мирные намерения. Что мы хотим оказать им помощь. Но я не прошу тебя об этом, Эндрю. Разве что ты вызовешься сам. Я знаю, как это рискованно.

Эндрю улыбнулся. На его облике лежала печать нечеловеческой усталости, лицо горело от начавшейся лихорадки.

— От риска все равно никуда не денешься, — выговорил он. — Остается надеяться, что в этих местах все еще признают белый флаг.

4

Он в одиночестве подошел к берегу, высоко подняв обрезок узкой трубы с болтающимся на кончике белым лоскутом. До самой набережной он не видел ни души. Потом из-за парапета ему бросили веревочную лестницу.

— Лезь сюда, — велел голос с северным произношением.

Наверху его встретили человек шесть. В их глазах читалось любопытство, смешанное с неприязнью.

— Белый? — удивился главный в группе. — Там есть другие белые?

— Нет, только я.

— Черномазые ублюдки! — прошипел рыжеволосый коротышка. — Хотел бы я...

Человеку, говорившему с северным акцентом, было на вид лет пятьдесят — коренастый, седовласый и чисто выбритый, в то время как остальные заросли щетиной. Он повысил голос, и все разом умолкли.

— Кто послал тебя к нам? Чего ты хочешь?

— Меня направили для переговоров с вашим командованием.

Оглядев Эндрю с ног до головы, коренастый проговорил:

— Ладно. Пойдем.

Рыжеволосого послали доложить о появлении парламентера. Остальные двинулись вместе с Эндрю вдоль набережной по направлению к Чаринг-Кросс. Их ноги то и дело вязли в снегу и скользили на льду. Потом они свернули к Нортамберленд-авеню. Деревья вокруг были по-зимнему голы, но все же их вид отличался от того, что остался у Эндрю в памяти, — видимо, они погибли от холода. Некоторые были спилены. Вдали показалась Трафальгарская площадь.

— Осторожность не помешает, — сказал коренастый. — Завяжите-ка ему глаза.

Эндрю завязали глаза куском материи, пахнущим машинным маслом, и повели дальше под руки. Он пытался сообразить, куда именно. Сперва они пересекли Трафальгарскую площадь по диагонали; дальше Эндрю утратил ориентировку. Ясно было, что они перемещаются приблизительно в направлении Пиккадилли-Серкус. Их дважды окликали, и провожатые давали невидимым встречным объяснения насчет Эндрю. Человек с северным акцентом старался отделываться краткими ответами.

— Ступеньки! — раздалось по правую руку. — Осторожнее!

Сперва они преодолели короткий лестничный марш, потом еще один, уже подлиннее. Эндрю почувствовал под ногами мягкий ковер.

— Подождите здесь, — велел человек с северным акцентом. — Я посмотрю.

Пока он отсутствовал, Эндрю успел сообщить своим стражам, что у него в кармане имеется пачка сигарет.

— Боже! — откликнулся голос. — Давненько я не затягивался!

Эндрю уже хлопал себя по карманам, когда новый голос сурово одернул его:

— Опустите руки. Нам от вас ничего не нужно.

Дисциплина у них была на высоте — это Эндрю успел подметить сразу.

— Как угодно, — безразлично ответил он.

Заскрипела дверь, раздались шаги.

— Так, — молвил вернувшийся начальник, — введите.

Они прошли в дверь, спустились еще на несколько ступенек, оставили позади коридор. Эндрю провели в еще одну дверь и велели остановиться.

— Снимите тряпку, — скомандовал новый голос, показавшийся почему-то смутно знакомым. На затылке завозились чужые пальцы, развязывая узлы, и Эндрю зажмурился от света. Комнату освещали всего две керосиновые лампы, однако их тусклого мерцания хватило, чтобы он на какое-то время стал незрячим. Одна лампа свисала посреди комнаты с потолка, наподобие люстры, другая стояла напротив него на столе. За столом восседал человек. Он снова заговорил, и теперь Эндрю покинули всякие сомнения.

— Энди?! Боже мой, откуда ты взялся?

Комнатка оказалась совсем небольшой и лишенной окна; видимо, она служила когда-то кабинетом менеджеру ресторана. На полу лежал ворсистый ковер цвета электрик. Стол из красного дерева был покрыт алой кожей. Дэвид сидел в удобном вертящемся кресле. Комнату обогревал керосиновый камин, так что Дэвид был без пиджака и в рубашке с короткими рукавами. Он кивком отпустил приведших Эндрю людей.

— Оставьте нас. — Дверь захлопнулась. — Ну что, я жду объяснений, парень.

— Я здесь с экспедицией. Меня прислали для переговоров. Может быть...

— Значит, они из Нигерии?

— Да.

— А мы думали, из Ганы — эскадра ушла именно туда.

— Ей что-то помешало. Она осталась в Нигерии.

— Одного не пойму: как ты оказался среди них?

— Мы снимаем фильм. Я оператор. Но в последнее время нам было не до съемок.

— Ты сам вызвался участвовать?

— Когда Мадлен ушла... Это был единственный способ попасть сюда. Конечно, я не надеялся ее отыскать. Но все равно... А идея принадлежала Абониту.

— Абониту? Тому, кто устроил тебя на телевидение?

— Да. — Эндрю немного поколебался. — Сейчас он командует экспедицией.

— Вот это да!

— Мадлен... Как она?

Дэвид с любопытством посмотрел на него и ответил:

— С ней все в порядке.

— Она здесь, с тобой?

— Недалеко отсюда. Итак, наши чернокожие друзья прислали тебя для переговоров. О чем же?

— Они хотят понять, почему на них нападают и что они могут сделать, чтобы это прекратилось.

Дэвид улыбнулся все той же располагающей улыбкой, от которой с его лица исчезла недавняя напряженность.

— Нет ничего проще: пусть уберутся восвояси.

— Пойми, у них самые мирные намерения. Они просто изучают, что к чему, — вот и все. У них и в мыслях нет водружать флаг.

— Пока.

— Они хотели бы помочь вам.

— Мы пришли в Африку с такими же лицемерными словами на устах. Ты сам в это не веришь, Энди. Мы противимся колонизации.

— «Мы»? Кто это «мы»? Банда беспризорников, обитающая среди руин мертвого города. — Он указал на керосиновые лампы. — Надолго ли вам хватит керосина? Наверное, вы до сих пор сидите на консервах. Что произойдет, когда кончатся и они? Кто станет ремонтировать дома, когда начнут обваливаться стены?

— И ты считаешь, что нам следует приветствовать своих чернокожих освободителей?

Первое потрясение и замешательство, которое охватило Эндрю, когда он оказался лицом к лицу с Дэвидом и понял, что Мадлен, возможно, где-то совсем близко, прошли. Их место заняли прежние обиды — ведь именно Дэвид виноват в том, что Мадлен покинула Лагос. Эндрю знал, конечно, что несправедлив, так как по крайней мере непосредственно в ее уходе Дэвид совершенно не повинен, однако от этого становилось еще горше. С трудом подавив закипающий гнев, он произнес:

— Мне казалось, что ты гордишься практичностью своего отношения к жизни.

— Верно, Энди, — кивнул Дэвид.

— Выходит, сползать в дикость, а то и в каннибализм, размахивая при этом «Юнион Джеком», — практично?

— Нет, не совсем. Но иногда приходится полагаться на удачу.

— Наверное, все дело в ставке и ожидаемом выигрыше.

Дэвид взглянул на него, и его лицо исказила судорога.

— Да. Хотя в последнее время я не мог много размышлять на эту тему. Текучка засасывает, знаешь ли. Зато я немало думал об этом перед крахом. Как ты знаешь, я мог улететь на юг. Приземлился бы под теплым солнышком, но сразу попал бы в безвыходное положение.

— Мы помогли бы тебе.

— Знаю. Я никогда не любил полагаться на чужую помощь, но, думаю, там мне пришлось бы к этому привыкнуть. Возможно, я привык бы даже к роли представителя презренного меньшинства, хотя это было бы еще сложнее. Но мое положение было надежным всю жизнь, и я внезапно понял, что с меня хватит. Конечно, мне хотелось выжить, но только на моих собственных условиях. Вот я и решил, что у меня есть шанс этого добиться. И потом, впервые в жизни в моих руках оказалась власть, настоящая власть, с которой мне не захотелось расставаться.

— Выжить? Как кто? Городской эскимос? А власть — над чем?

— Никто не сомневался, что первые несколько лет придется весьма непросто. А потом — что ж, все будет зависеть от того, что нам удастся сделать. Пока еще ничего не ясно. Мы сохранили подобие организованности. — Дэвид осклабился. — Мы — самая многочисленная группа в этих местах и самая сильная. Удерживаем старый Пейл и кое-что вокруг него. — Он наслаждался собой. — Моя власть простирается до Брикстона на юге и Сент-Джон-Вуда на севере. Следующим летом мы собираемся пригласить оппозицию на крикетный матч на стадионе «Лордс».

— А как же Мадлен — неужели ей по нраву такая жизнь?

— Мадлен вернулась по собственной воле, — медленно проговорил Дэвид. — Я не просил ее об этом, даже не хотел этого. Я... очень ее люблю, но личные отношения в наши дни — роскошь, на которую не остается времени.

— На что же у тебя есть время? На игру в гангстеров среди обледенелых развалин Империи?

— Гангстеры — это сегодня. А завтра — правительство.

— А еда? Горючее?

— Пока не знаю. В настоящий момент, как ты догадался, мы зависим от прежних запасов. — Выражение его лица ненадолго посуровело. — Мы боролись за то, чтобы их сохранить. Можно было бы поделиться с другими, но мы на это не пошли. Мы обрекли тысячи людей на голод, а когда они не захотели спокойно голодать, нам пришлось их убивать. Зато мы сохранили достаточно пищи, чтобы протянуть до конца зимы.

— «Зимы Фрателлини»? Думаешь, вас снова начнет пригревать солнышко? В Лагосе я ознакомился с последними данными — солнечная активность стабилизировалась на теперешнем уровне. Англия навсегда осталась вне зоны умеренного климата.

— Да, климат у нас теперь холодный, — кивнул Дэвид. — Но мы пока не знаем, надолго ли.

— Достаточно холодный, чтобы нельзя было ни выращивать что-либо, ни разводить скот. Чтобы ваши гавани на протяжении восьми-девяти месяцев в году оставались забиты льдами. Конечно, может попасться парочка рыбешек или даже случайно заплывший куда не следует тюлень, но вас все равно ожидает упадок и скорая смерть. Датчане обосновались в Гренландии в двенадцатом веке. Кстати, в те годы там было теплее. Но потом холод нагрянул снова и убил их. Думаю, что каждую зиму они надеялись, что уж следующим-то летом наверняка полегчает...

— Да, нам попадается рыбешка, — подтвердил Дэвид. — Прямо в Темзе — можешь себе представить? Мы прорубаем во льду лунки и рыбачим. Не знаю, что это за рыба, однако вкус у нее приличный. Но я не об этом. Помнишь, ты мне однажды сказал, что в образовании полярных льдов осадки играют более важную роль, чем температура? А на осадки

влияет прежде всего температура всей планеты. Погода улучшается, Энди, даже если пока стоит все тот же холод. Разве ты не заметил этого? Вьюга, которая разыгралась на днях, была первой за целый месяц, да и та быстро улеглась.

— Страну все равно сковывает лед.

— Но чуть меньше, чем раньше. Даже сейчас, зимой, он каждый день подтаивает. И со временем...

— При условии, что погода не будет ухудшаться.

— Видишь ли, по-моему, это не исключено. В былые времена антициклоны, приходившие к нам с Атлантики, приносили с собой дожди. Но сами они являлись результатом взаимодействия самых различных факторов, включая температурный. Вполне резонно предположить, что охлаждение планеты могло поломать прежние закономерности. Возможно, что наши штормы достаются теперь Испании и Северной Африке. Какой была погодка, пока вы шли на север?

— Не без штормов, — нехотя согласился Эндрю.

Дэвид ответил ему радостной улыбкой выигравшего спор школьника:

— Вот видишь!

— Но раньше тоже случалось, что антициклоны отклонялись от обычных маршрутов к северу или к югу. Вряд ли можно основывать на столь незначительном обстоятельстве долгосрочные планы.

— Не планы: надежды, мечты — называй как хочешь. Единственный долговременный план на данный момент — выжить. Хотя у нас припасены семена — кукуруза и картофель. Как только земля достаточно оттает, мы начнем сеять.

— В Лондоне?

— Пошлем своих людей за город.

— Придется отсылать их довольно далеко. Разве город помельче не был бы для вас более удобным центром?

— Мы держимся за Лондон по той же причине, по которой сюда явились твои чернокожие друзья: легче удержать его, чем потом отвоевывать. А обладание Лондоном означает обладание Англией.

— Ничего не значащие слова, — утомленно отозвался Эндрю.

— Вот как? Возможно, они пустой звук для тебя, но никак не для черномазых. Если бы это было не так, если бы их вело одно любопытство — тогда зачем принимать бой? Почему бы не убраться туда, где поспокойнее?

Эндрю не видел причин скрывать правду.

— Учти, скоро подойдет подкрепление: люди, оружие. Но они не хотят пускать в ход силу, если их к этому не принудят. Они хотели бы решать проблемы мирно.

— Вот за это спасибо, — медленно проговорил Дэвид. — Ты нам помог. — Его взгляд сделался более пристальным. — Но ты мог бы помочь нам еще больше.

— Каким образом?

— Погасить свет. — Эндрю не сразу сообразил, о чем идет речь, и на его лице отразилось недоумение. — Прожекторы работают на аккумуляторах. Ты мог бы перерезать провода или устроить замыкание. Пять минут темноты — вот все, что нам требуется.

Эндрю задумался. Заданный им в итоге размышлений вопрос звучал вполне практично:

— Что будет со мной?

— Скройся с глаз, пока все не закончится. Ждать придется недолго, обещаю.

— А потом?

— Мы позаботимся о тебе.

— Сомневаюсь. Вы не можете позаботиться даже о самих себе. Ты сам говоришь, что личные отношения — непозволительная роскошь. Даже если бы я дал согласие, не могу себе представить, чем бы вы могли меня соблазнить. Кроме того, Абониту — мой друг. Друг, которому я могу доверять и который доверяет мне. Пусть тебе этого не понять, Дэвид, но согласиться придется.

— Думаешь? — На лице Дэвида появилась заговорщическая улыбка. — Ты уверен, что нам нечем тебя соблазнить? А Мадди?

— Мадлен вернулась к тебе. — У Эндрю разом пересохло в горле. — Так она сама решила. Мне оставалось только принять это к сведению.

— Она вернулась потому, что чувствовала себя виноватой передо мной. Как всегда... Тут уж с женщинами ничего

не сделаешь. Мадлен буквально создана для самопожертвования; она не могла жить с тобой там, когда знала, что мне в Англии приходится несладко. Но на самом деле ей хотелось быть с тобой.

— Нет. — Борьба с соблазном привела к нешуточной головной боли. — Это неправда!

Дэвид по-прежнему смотрел на него. Это был все тот же заговорщический, ободряющий взгляд, но одновременно в нем было и нечто иное — возможно, тоска.

— Как бы то ни было, ты не захочешь уйти, не взглянув на нее. Или я не прав?

Войдя в кабинет, она не стала снимать бесформенную меховую шубу. Эндрю как будто не видел Мадлен; он почти не смотрел на нее, пока Дэвид не оставил их одних. Потом их глаза встретились, но он остался стоять на месте.

— Я так рада, Энди! — пролепетала она. — Что тут скажешь? Сперва я не поверила. Ведь так не бывает, правда?

— Ты хорошо выглядишь, — выдавил он. — Никаких признаков голодания.

Она зарделась.

— У нас пайки. Но еды хватает.

Эндрю смотрел на Мадлен, не смея поверить, что она жива, что он отыскал ее. Ему очень о многом хотелось сказать, но оказалось, что в голове ничего нет, кроме самых банальных фраз. Мадлен нарушила молчание:

— Мне очень не хотелось уезжать от тебя, Энди. Поверь, очень!

— Дэвид мне все разъяснил: я был в безопасности и ни в чем не испытывал недостатка, тогда как он находился в беде. Ты никак не можешь справиться с навязчивым материнским инстинктом, да?

Она отвела глаза.

— Энди... — только и вымолвила она.

— Но теперь мы сравнялись, — продолжал он. — Дэвид хочет, чтобы я предал экспедицию и остался здесь. Тогда мы с ним будем как бы в одной лодке. Ты сможешь сделать выбор, забыв про жалость. Разве не так?

Она молча кивнула.

— Некоторым женщинам понадобилось бы в такой ситуации какое-то время, чтобы принять решение, — несколько дней, недель, а то и месяцев, однако к тебе это не относится. Сострадание состраданием, но ты сумеешь разобраться в своих чувствах. Верно?

— Энди, — прошептала она, — милый Энди...

— Я помню, как Абониту впервые заговорил со мной об экспедиции. Мы сидели с ним мертвецки пьяные в одном поганом кабаре. Он важно посмотрел на меня через свои очки и сказал: «Ты обретешь в стране вечной зимы утраченную любовь». Будто в сказке; он иногда ведет себя совсем как дитя. Наутро я понял, что это — ерунда, но мне было все равно, ехать или оставаться. — Эндрю улыбнулся. — После твоего бегства мне было на все наплевать.

Ее глаза блестели — возможно, от слез.

— И вдруг сказка обернулась былью, — заключил он. — В конце путешествия я нашел тебя. Ты права: так не бывает. Но мы — исключение. Нас разделяло расстояние, преграды, опасности, а в итоге поджидал обыкновенный хеппиэнд. Мы любим друг друга. — Он запнулся. — Ведь так? Ты любишь меня, а не Дэвида?

— Да.

— Ты не колеблешься ни единой минуты? Тебе не нужны дни, тем более недели на размышление? Значит, я не ошибся?

— Не ошибся.

— Я часто воображал, как это будет, — признался он, — но человеку не дано быть настоящим провидцем. Скажи еще раз...

— Я люблю тебя, Энди.

— Значит, все в полном порядке! Дэвид не станет возражать?

— Не думаю.

— Мне тоже так кажется. Он никогда не нуждался в тебе так, как я. Правда? Ему никогда не нужен был рядом другой человек.

— Да, — тихо согласилась Мадлен, — это правда.

— Я еще не поцеловал тебя.

Она кинулась к нему. Эндрю чувствовал, что сходит с ума, сжимая ее тело, закутанное в мех, и ощущая на своей шее ее дыхание. Теперь он понимал, что по сравнению с реальностью бледнеют любые мечты. Мечты не могли так жестоко насмеяться над ним.

— Скажи еще раз...

— Я люблю, люблю тебя, Энди!

Он легонько оттолкнул Мадлен и увидел, что у нее дрожат губы.

— Что случилось? — прошептала она. — Что-то не так?

— Все так. Ты была на высоте. Дэвид может гордиться тобой.

— Не понимаю...

Он с трудом поборол желание оскорбить ее. Раньше он не мог себе представить, что способен на грубость по отношению к Мадлен. Выходит, собственная натура еще может преподносить сюрпризы. Совладав с собой, Эндрю осторожно произнес, старательно подбирая слова:

— Дэвид поступил весьма разумно, предприняв такую попытку. Он использует людей в своих целях, и люди не держат на него зла. Я отказал ему, но стоит попросить тебе...

До нее дошел смысл его слов.

— Ты вообразил, что я обманываю тебя? Что Дэвид велел мне притвориться любящей, чтобы ты поступил так, как он хочет? И что я согласилась?

Эндрю глядел на нее во все глаза и молчал, ибо не доверял собственному языку.

— Разве я хоть раз обманывала тебя, Энди? — еле слышно спросила она.

— А разве он раньше просил тебя об этом?

Мадлен поймала его взгляд.

— Почему ты не доверяешь мне, Энди? Потому что я бросила тебя и вернулась сюда? Выходит, я потеряла тебя? Как я потом сожалела о своем поступке!..

— У поступков бывают последствия, — ответил он через силу. — Дело не столько в твоем бегстве, сколько в том, что было потом. Ты слишком поторопилась, Мадлен, ты оказалась слишком легкой на подъем. Ты не из тех женщин, которые могут запросто перепархивать из одной постели в

другую. Тебе надо было попросить отсрочки — глядишь, я бы поверил тебе.

— Да, — сказала она, — я не из таких. Только твоя догадка неверна: я не делила с Дэвидом ложе.

— Ага, значит, стоило тебе бросить меня, как ты осознала свою ошибку! — воскликнул он с горькой иронией. — Поэтому ты дала Дэвиду от ворот поворот и сидела, как Пенелопа, дожидаясь, пока явится твоя подлинная любовь? В этом ты пытаешься меня уверить?

— Нет. Я не надеялась снова тебя увидеть.

— Тогда в чем же? Ты терпела мою любовь от одиночества, хотя продолжала любить Дэвида. Что же изменилось теперь?

Ответ последовал не сразу. Жестом, в котором невероятным образом слились гордость и стыдливость, она распахнула полы шубы и тут же запахнулась снова. Он успел заметить, как раздалось ее тело, обтянутое синим шерстяным платьем.

— Вот что, — сказала она.

Эндрю остолбенел и вымолвил только:

— Он...

— Наш? Твой? Да, несомненно. Я поняла, что беременна, еще в самолете, когда летела сюда. Сперва я решила, что меня просто тошнит от воздушных ям... Очень скоро я разобралась в своих подлинных чувствах, но было уже поздно что-либо предпринимать: аэропорт закрылся, а Пейл доживал последние дни. Единственное, что мне оставалось, — попытаться выжить. Я не знала, хватит ли у меня сил, но меня поддерживал Дэвид. Он все время разглагольствует о ребенке. Он уверен, что родится мальчик. Мне кажется, он тоже лучше разобрался в себе. Ему бы хотелось иметь сына.

— Все будет совсем непросто, — произнес Эндрю. — Ни больниц, ни оборудования...

— Не бойся, все пройдет как полагается.

Ее спокойная уверенность рассеяла его страхи, но смятение не проходило. Он представил себе Дэвида, диктатора зарождающейся империи, которому нужен сын, преемник...

— Бедный Дэвид! — невольно вырвалось у него.

— Да, бедный Дэвид, — согласилась она.

Этот невинный заговор, скрепленный любовью, рассеял его сомнения. Он раскрыл объятия, и Мадлен бросилась к нему, тяжело повиснув у него на шее.

— Ты все спрашивал и спрашивал, — услыхал Эндрю ее щекочущий шепот у самого уха. — А сам ничего не хочешь сказать?

— Я люблю тебя. — Он сжал ее еще крепче. — Люблю вас обоих.

5

Абониту разбил палатку в центре кольца, образованного «ховеркрафтами». Поприветствовав Эндрю, он дождался, пока они останутся с глазу на глаз за шатким столиком, и только после этого спросил, как обстоят дела.

— Плохо.

— Они не хотят договариваться? — спросил Абониту и налил бренди в две алюминиевые кружки.

— Только на одном условии — чтобы вы оставили Лондон. Они предпочли бы, чтобы вы вообще оставили страну, но понимают, что не могут принудить вас сделать это.

— Они полагают, что смогут настоять на первом своем условии?

— Да. Во всяком случае, они попытаются.

— Почему?

— Разве это не очевидно?

— Им не приходит в голову, что наше отступление не будет препятствием для прихода других?

— Видимо, они намерены бороться со злом в порядке очередности. Они полагают, что с наступлением лета смогут начать возвращать страну под свой контроль.

— Звучит оптимистически.

— Верно.

Абониту указал на кружку с бренди:

— Почему ты не пьешь, Эндрю? Я полагал, тебе не мешает расслабиться.

— Спасибо.

Бренди согрел его, и он понял, до чего продрог. И напуган.

— Что у них там творится? — спросил Абониту.

— Холод, — отозвался он. — Безнадежность. Но они надеются — вопреки всему.

— Как с организацией? С дисциплиной?

— Неплохо — как того и следовало ожидать.

Абониту снова плеснул в кружки бренди и поднял свою к губам.

— Значит, я должен буду добиваться благосклонности моей королевы огнем и мечом. У меня нет другого выхода.

— Что ты собираешься предпринять?

— Наше намерение вполне разумно — дождаться судна с подкреплением. Наступили решающие дни: если им удастся одолеть нас до подхода подкрепления, то все погибнет. Если же нет... Я подумал, что неплохой базой мог бы стать Тауэр. Более древний оплот суверенитета, который к тому же легче оборонять. Как тебе нравится моя идея, Эндрю?

— Звучит убедительно, — одобрил Эндрю.

— Не слышу энтузиазма.

— Отличная идея!

— От Тауэра можно будет двинуться на запад, прокладывая себе путь огнем и гранатами. По Каннон-стрит, Ломбард-стрит, Чипсайду. Мы сможем даже занять собор Святого Павла! Вдруг мы отыщем священника, который согласится короновать меня в Вестминстерском аббатстве? Король Абониту Первый! Как тебе это нравится?

— Для шутки слабовато.

— Да, Лагосу это придется против шерсти. Но все остальное вполне серьезно.

В наступившем молчании рядом с палаткой послышались чьи-то шаги и посвистывание. В слабом свете работающей от аккумулятора лампочки Эндрю увидел, как пристально смотрит на него Абониту. Свет отражался от его черного лица и от виднеющихся между чуть раздвинутыми губами зубов, белизна которых только подчеркивала негроидность черт.

— Что случилось, Эндрю? — спокойно спросил Абониту.

— Разве что-то случилось? Не понимаю.

— Побывав там, ты преобразился.

— Возможно. — Он посмотрел на Абониту в упор. — Я нашел Мадлен.

— И что же?

Стараясь говорить только правду или хотя бы полуправду, он сказал, не выдавая своих чувств:

— Она с Дэвидом. У нее будет ребенок. Вот и все.

Абониту выдержал паузу и произнес:

— Значит, поиски завершены. С ненавистью покончено.

— С ненавистью?

— Значит, с любовью. Какая разница? Желание, стремление обладать — именно это привело нас сюда, в эту холодную страну.

— Да. И я нашел то, что искал. Но ты-то — нет.

— Нет. — Абониту допил бренди. — Дело в том, что ты, по-моему, всегда слишком сильно зависел от других людей. Почему ты улыбаешься?

— Потому, наверное, что это правда.

— Правда. Все мы время от времени зависим друг от друга. Я, к примеру, зависел от тебя, Эндрю, да еще как.

— Зависел? А теперь — нет? — Он махнул рукой, имея в виду лагерь. — Ты избавился от страха перед их страхом?

— Думаю, они изживают его. Сунь им в руки огонь — они и то не испугаются. Они принесут сюда свое солнце.

— Солнце сулит жизнь, — сказал Эндрю, — а не смерть.

Абониту резко поднял голову, отчего блеснули его очки.

— Я ждал этих слов. Что мне делать с тобой, Эндрю?

Рядом с Абониту стоял прислоненный к столу автоматический карабин. На столе не было ничего, кроме алюминиевых кружек и фляжки с бренди. В ящичке под походной койкой Абониту имелась еще одна такая фляжка. Эндрю с содроганием осушил свою кружку.

— Почему со мной надо что-то делать?

— Потому что я больше не могу тебе доверять. Существует возможность, что ты предашь нас. Риск слишком велик.

— Как же Абониту Первый разделается с первым своим изменником? — улыбнулся Эндрю. — Интересный вопрос!

— Можно отослать тебя назад к твоим соотечественникам.

— Неверно. Я могу принести им пользу.

— Действительно. Тогда что же?

— Есть более простое решение. — Абониту молча ждал продолжения. — Отправь меня обратно в Африку на судне, которое доставит подкрепление. Тебе не придется даже искать предлог: с камерой сможет обращаться кто-нибудь другой — например, юный Нуму. Я вернусь и сделаю первую программу об экспедиции в Лондон. У нас уже достаточно материала.

Абониту задумчиво кивнул:

— Да, так будет лучше.

— А сейчас, коль скоро я вышел из доверия, тебе следовало бы приставить ко мне часового. — Эндрю поежился. — Никак не согреюсь. Там осталось бренди? — Абониту вытряхнул в его кружку последние капли. — Негусто...

Абониту улыбнулся, поднялся со стула и направился к койке. Стоило ему повернуться спиной, как Эндрю схватил карабин. Абониту, наклонившийся к ящику, ничего не услышал. Когда он обернулся, карабин уже был нацелен ему в грудь.

— Не вздумай поднимать шум, — предупредил Эндрю. — Нервы у меня на пределе.

— Глупо! — На черном лице не отразилось никаких чувств. — Что толку?

— Посмотрим. — Эндрю встал. — Делай, как я скажу. Выходи из палатки. Я пойду сзади. Никаких криков, понял?

— Я понимаю только то, что ты занялся бессмысленным делом.

— Я сам разберусь. Давай!

Он посторонился, уступая Абониту дорогу. Оказавшись у него за спиной, он почувствовал смятение: ничего не выйдет, Абониту схватит его или по крайней мере успеет позвать на помощь... Эндрю еще крепче вцепился в карабин. Когда приклад опустился на голову Абониту, он ждал, что это не произведет ни малейшего эффекта. Однако от удара у него самого заломило руки, а Абониту рухнул как подкошенный, не издав ни звука.

— Прости, Або, — сказал Эндрю и потащил потерявшего сознание друга в угол палатки. Однако тело оказалось слишком тяжелым, поэтому он решил, что лучше просто

закрыть его койкой. Сделав это, он огляделся и остался доволен: вид палатки не вызывал подозрений.

Снаружи совсем стемнело. Пока он шел к ближайшему «ховеркрафту», никто даже не поднял головы. Неподалеку варился ужин, в воздухе висел вкусный запах. Кто-то напевал песенку — колыбельную племени фулани, как сумел определить Эндрю. Он поднялся на борт и оглядел панораму города.

В безоблачном небе уже загорелись звезды; сбоку к ним подбиралась луна. К западу и востоку виднелись силуэты мостов, по берегу тянулись знакомые очертания зданий. Эндрю посмотрел на светящийся циферблат; четверть часа — вот и все, что имеется в его распоряжении. Вполне достаточно, но и медлить не стоит. Он прошел, не вызвав ничьих подозрений, к носу судна. Часовой безразлично взглянул на Эндрю, когда тот склонился над проводкой, питающей прожекторы, — подумал, наверное, что намечается мелкий ремонт. Оторвать провода оказалось не так-то легко, но Эндрю упорно дергал их, пока не добился цели. Бросив концы проводов на металлическую обшивку, он двинулся к следующему судну.

Едва он успел вывести из строя все шесть прожекторов, как послышалась стрельба. Африканцы попробовали включить прожекторы, но не смогли этого сделать и в отчаянии заголосили. Последовала полнейшая неразбериха, однако длилась она совсем недолго: через десять минут все было кончено.

6

Наступившее утро было очень ясным — такого в Лондоне не случалось даже в былые времена. В солнечных лучах ослепительно белела скованная льдом Темза, сверкали крыши домов по обоим берегам, на которых еще лежал снег после последней метели. Даже нелепая кровля Фестивал-Холла обрела в это утро некое достоинство. В бодрящем воздухе угадывался крепнущий восточный ветер.

Дэвид, расположившийся в одном из «ховеркрафтов», велел привести Абониту.

— Как вы себя чувствуете сегодня утром, генерал? — поинтересовался он.

— Голова побаливает. — Абониту чуть улыбнулся. — У нас, чернокожих, как вам известно, крепкие головы.

— Я рад, что обошлось только этим, — усмехнулся Дэвид.

— Можно спросить, что вы собираетесь с нами делать?

— Я как раз раздумываю над этим. Когда Гарольд разбил норвежцев при Стамфорд-Бридже*, он выделил им двадцать четыре корабля, чтобы они могли добраться до дому и рассказать там о своей участи. Мы могли бы выделить вам один «ховеркрафт». Придется потесниться, но так как у вас не будет ни оружия, ни припасов, места должно хватить.

— Припоминаю, — сказал Абониту. — Несколькими днями позже они лежали мертвыми вблизи Гастингса, а Вильгельм-Завоеватель захватил Англию.

— Англичане умеют учиться на своих ошибках, даже если они были допущены тысячу лет назад. Если бы Гарольд, собирая свои силы, не покидал Лондона, все могло бы сложиться иначе.

— За нашей экспедицией последуют другие. Сколько времени вы будете собирать свои силы?

— Надеюсь, не слишком долго. Возможно, мы уже скоро сможем отбить у непрошеных гостей охоту совать к нам нос. Мы собираемся снять занятный фильм о конце нигерийской экспедиции — разоруженные остатки загружаются в корабль, доставивший было подкрепление. Думаю, это будут эффектные кадры.

— У вас не осталось телепередатчиков, — улыбнулся Абониту. — Но, даже если бы они были, в Африке все равно не приняли бы вашу программу.

— Верно. Но раз мы теперь имеем на вооружении эскадру «ховеркрафтов», то, думаю, настало время снова устанавливать цивилизованные контакты. Насколько я понимаю, у Совета африканских государств есть база в Сен-Назере. Думаю, что если фильм попадет туда, некоторым государствам захочется им воспользоваться, пусть даже не Нигерии.

---

* Имеется в виду победа англичан под водительством короля Гарольда II над войсками короля Норвегии Харальда Хардрада на севере Англии в 1066 г.

— Да, это так. — Абониту помолчал. — А все же жаль. Мы могли бы вам неплохо помочь.

— Вы можете сделать это и сейчас, — ответил Дэвид. — Мы не такие гордецы, чтобы отвергать помощь. Пожалуйста, присылайте к нам купцов, даже миссионеров, если захотите. Единственное, что мы требуем для начала, — это чтобы наша независимость была признана сразу, а не спустя много поколений борьбы. Так было бы легче и для вас самих.

— Вы предлагаете и нам учиться на ваших ошибках?

— Почему бы и нет? — Дэвид рассмеялся. — Статус доминиона — самое меньшее, на что мы можем согласиться. Так и скажите им в Лагосе.

— Мне могут не поверить.

— Поверят, если пораскинут мозгами.

— Наверное, вы правы, — кивнул Абониту. — Может, я еще вернусь — но уже с миссией доброй воли. Или в качестве посла.

— Посол — это то, что надо. С подарками, собранными на берегах процветающей Африки. По-моему, лучше всего остановиться на табаке и кофе.

— И бренди, — подсказал Эндрю.

— Да, — согласился Абониту, — и бренди.

Он обернулся к Эндрю, и их взгляды встретились в первый раз после событий прошедшей ночи.

— Я был прав, что не доверял тебе, не так ли? Но неосторожен.

— Прости меня, — произнес Эндрю. — Мне было нелегко на это решиться, с какого угла ни посмотреть.

— Ты тоже проявил неосторожность. Или чрезмерную щепетильность. Дал понять, что твоей преданности нам пришел конец. Это был благородный поступок. Не думаю, чтобы твой друг, с которым мне довелось познакомиться, поступил бы так же.

— Нет, — согласился Дэвид, — я бы так не поступил.

Абониту продолжал смотреть на Эндрю. На его лице появилась гримаса сожаления.

— Жаль, что ты не вернешься с нами, — сказал он.

— Ты обеспечил бы мне безопасность, если бы я согласился вернуться?

— Мы — цивилизованный народ, — улыбнулся Абониту. — Хотя, быть может, лучше действительно повременить. В конце концов, это твой дом.

— Да, — сказал Эндрю и перевел взгляд с Абониту на город, белеющий за окном. — Это мой дом.

У края бездны

1

Популярная газета назвала ту весну «содрогнувшейся».

Первой подверглась удару Новая Зеландия, где погибло более тридцати тысяч человек; в городе Крайстчерч произошли сильные разрушения, а от Данидина вообще не осталось почти ничего. Спустя две недели огромные волны накрыли Малакку и север Борнео, а из пучины Южно-Китайского моря поднялась цепь дымящихся вулканов. Затем разрушительное землетрясение прокатилось по боливийским Андам, а чуть позже добралось до Ямайки, наделав там, впрочем, меньше бед. Русские сообщили о землетрясении в Туркмении, а китайцы, если верить сейсмологам, скрыли страшный подземный толчок в Тибете.

Впрочем, Метью Коттер больше интересовался теми из капризов природы, которые происходили ближе к его дому, хоть они и были лишены заморской экстравагантности. С Атлантики одна за другой стали накатываться на остров волны холода, сопровождаемые шквальными ветрами и буквально ледяными ливнями. Дело происходило в самое ответственное время года, когда только начинали созревать ранние ломидоры, поэтому пришлось резко увеличить расход топлива, чтобы не выстудило теплицы. Дальше стало еще хуже: шквалы сменились настоящими ураганами, из-за которых побились все стекла. Под конец субботнего дня, целиком посвященного возне с новыми стеклами, Метью со смешанным чувством вспомнил, что приглашен на ужин

к Карвардинам. Ему не доставило бы ни малейшего удовольствия готовить ужин для самого себя, однако перспектива облачаться в костюм и растягивать губы в учтивой улыбке тоже была ему не слишком по душе.

Карвардины жили в двух милях от него, в Форесте. Джон Карвардин, которому только недавно стукнуло шестьдесят, уже пять лет назад ушел на пенсию, поскольку долго проработал геологом в нефтяной компании на Ближнем Востоке. Они с Метью отлично ладили и раза два в неделю встречались в клубе, чтобы сыграть партию на бильярде.

Карвардины были людьми радушными, однако не этим объяснялось неизменное гостеприимство, которое они оказывали своему одинокому соседу. Как Метью и предполагал, перед их домом уже стоял маленький голубой «остин». Значит, Мэг Эшвел уже здесь.

Мэг Эшвел и Сильвия Карвардин были давними подругами; именно под ее влиянием Карвардины решили переехать на остров Гернси. Они были одногодками — Сильвия была лет на двадцать моложе своего мужа — и походили друг на друга характером — легким и жизнерадостным. Зато внешне это были антиподы: Сильвия — маленькая пухленькая блондинка, Мэг — высокая брюнетка с пружинистой походкой. С двумя детьми — вдова адвоката, умершего три года назад, — привлекательная и неглупая женщина... Чем не партия для разведенного овощевода, взрослая дочь которого перебралась в Англию? Сильвия деликатно старалась избегать намеков, однако постоянно устраивала так, чтобы они почаще встречались и признали наконец очевидное. Метью казалось, что он иногда замечает в глазах Мэг насмешливое предложение сообщничества. Видимо, прояви он больше серьезности, она последовала бы его примеру, пока же происходящее Мэг только забавляло. Судя по всему, ее вполне устраивала заполнявшая все время забота о доме и о детях.

В гостиной вовсю полыхал огонь в камине. После Персидского залива Карвардины никак не могли привыкнуть к климату острова. Джон щедро плеснул Метью виски. Сильвия спросила его о Джейн; она уже не в первый раз заводила речь о том, как ему, должно быть, одиноко без дочери.

Метью согласился, однако добавил:

— Она не ленится писать мне письма и каждую неделю звонит. Да и вообще, отъезд пошел ей на пользу.

— Еще бы, — вмешалась Мэг. — Здесь прекрасное местечко для ребятишек, но, повзрослев, человек понимает, насколько здесь тесно. Уверена, что мои уедут в Англию, как только окончат школу, независимо от того, станут ли они поступать в университет.

У нее был шестнадцатилетний сын и двенадцатилетняя дочь — миловидные и учтивые дети.

— Но ты будешь горевать больше, чем Метью, — воспользовалась моментом Сильвия. — У него есть хотя бы его драгоценная теплица. Для женщины пустой дом — куда невыносимее, чем для мужчины.

— Я об этом не слишком тревожусь, — парировала Мэг. — Стоит только оглядеться, и занятие отыщется. Не могу себе представить, чтобы у меня нашлось время унывать.

По крайней мере честно, без расчета на эффект. Именно это и восхищало в ней Метью. Он лишний раз убедился, какая она замечательная женщина; планы Сильвии показались ему в высшей степени разумными. Другое дело, что он вряд ли найдет в себе решимость предпринять необходимые шаги. Жизнь и так хороша.

Сильвия — кстати, превосходная кухарка — подала наваристый суп из раков, а затем говядину с сельдереем, весенней зеленью из своего огорода и румяной картошкой. Выпили красного вина, которое Джон закупал бочками. Далее последовал пирог с начинкой из слив, законсервированных прошлым летом, и кофе, который они прихлебывали, уже сидя у камина. Все погрузились в безмятежное настроение.

Более подходящее время и место, чтобы обсудить постигшие мир катастрофы, трудно было представить. Разговор зашел о последнем землетрясении. До Запада доползли слухи, зародившиеся в Гонконге, что это было нечто невиданное, превзошедшее разрушительностью толчки, изуродовавшие остров Южный в Новой Зеландии.

— Никак не возьму в толк, почему китайцы об этом помалкивают, — пожала плечами Сильвия. — Какой смысл

стесняться землетрясения? Это вам не неурожай. Социалистическое планирование здесь определенно ни при чем.

— Наверное, дело в привычке, — предположил Метью. — И еще — в нежелании сознаваться в слабости какого бы то ни было свойства.

Мэг кивнула:

— Так бывает не только с правительствами, но и с людьми. Какой это ужас — почувствовать, что земля у вас под ногами утратила прочность! А сколько за последнее время произошло землетрясений! Может ли что-нибудь подобное случиться здесь? Думаю, что вполне.

Она взглянула на Джона.

— Вряд ли, — откликнулся тот.

— Почему? Разве то, что у нас не было подземных толчков в прошлом, может считаться достаточным объяснением?

— Представь себе, может. Чаще всего землетрясения происходят в двух поясах: по кругу, опоясывающему Тихий океан, и по оси Карибское море — Альпы — Гималаи. Нестабильность отмечается именно там.

— А все-таки лет десять назад небольшой толчок был и у нас, — не уступала Мэг. — Помню, я даже проснулась среди ночи. Элен еще лежала в колыбельке, и я подумала сперва, что она трясет прутья, а потом сообразила, что содрогается весь дом.

— Три-четыре балла по шкале Меркалли, — махнул рукой Джон. — Да, небольшие толчки случаются и у нас — в Шотландии даже есть местечко, которое трясет с удручающей регулярностью, — но до серьезных вещей дело не доходит.

— Что такое «шкала Меркалли»? — поинтересовался Метью. — То же самое, что шкала Бофорта?

— Да. Во всяком случае, она тоже двенадцатибалльная. Один балл означает толчок, который способны зафиксировать только приборы. Лучше взглянем на верхушку шкалы: «десять» значит «разрушительное», «одиннадцать» — «катастрофическое», а «двенадцать» — страшная катастрофа, когда все будет сровнено с землей. Землетрясение на острове Южный равнялось по силе одиннадцати баллам.

— Тридцать пять тысяч трупов, — молвила Мэг. — Я бы назвала это самой страшной катастрофой.

— Отчего происходят землетрясения? — спросила Сильвия. — Никогда не могла понять...

— Значит, и сейчас не поймешь, — ответил ей супруг. — Чаще всего их вызывают сдвиги вдоль разломов; разломы же возникают из-за напряжения, накапливающегося в течение тысячелетий. Два пояса, которые я назвал, подвержены землетрясениям именно потому, что представляют собой остатки последнего периода горообразования. Хотя период этот давным-давно завершился, земля никак не может после него успокоиться.

— Но почему за последнее время землетрясения следуют одно за другим? — не унималась Сильвия.

— Не думаю, что тут кроется какая-то опасность. Скорее всего просто совпадение.

— А что, если горообразование начинается снова? — предположила Мэг. — Жить в такое время не очень-то удобно, верно?

— Еще бы. Только я не вижу причин для беспокойства. В текущем году не случилось ничего такого, что вызывало бы обоснованные опасения. Да, для тех несчастных, кого толчки застигли врасплох, это стало катастрофой, однако при глобальном подходе... Пустяки! Подумаешь, еще пара морщинок на шкуре апельсина — апельсин вон какой здоровенный, а морщинки крохотные.

— Еще кофе? — предложила Сильвия. — Хорошо бы апельсин оставался гладким с нашей стороны. Было бы ужасно, если бы и по ней побежали морщины. Особенно для Метью.

— Для меня? — Метью улыбнулся. — Вы имеете в виду стекла в моих теплицах? Да уж, землетрясения мне совершенно ни к чему.

— А знаете, — выпалила Сильвия, — пожалуй, толчок-другой пошел бы Метью на пользу. Уж больно он самодоволен.

— Скорее, безразличен, — заметила Мэг. — И необщителен.

Женщины посмотрели на него, не скрывая улыбок.

— Ну, начинается обстрел, — вступился за Метью Джон. — Давай-ка я подолью тебе в кофе немного бренди.

* * *

Возвращаясь домой, Метью размышлял о том, что провел приятный вечер, но что возвращаться домой в одиночестве ему не менее приятно. Разумеется, куда лучше, если бы рядом с ним была Джейн, однако с ее отъездом он давно смирился и считал его неизбежным. Метью с самого начала приучил себя не препятствовать дочери: он любит ее и как раз поэтому отпускает — более того, побуждает уехать... И вовсе он не самодоволен, а просто умиротворен. Необщительность? Возможно. Он независим, ему есть о чем вспомнить. Многие позавидовали бы и этому.

Метью вильнул к разделительной линии, чтобы не раздавить неторопливого ежа, появившегося в свете фар. Бремя ли — его безразличие? Он знал, что более оторван от соплеменников, чем остальные люди. Виной тому — отчасти история его жизни. Счастливое детство, оборвавшееся в возрасте пяти лет, когда внезапно умерла мать. Ее похороны — первое его отчетливое воспоминание; сама же мать осталась для него всего лишь неясным силуэтом, любящим, смеющимся лицом. Зато Метью отлично помнил всхлипывающую родню и священника, торопливо бормочущего неразборчивые слова заупокойной молитвы. Далее последовала долгая, холодная зима; за домом присматривала миссис Моррис, отец же появлялся под родной крышей все реже. Весной с отцом произошла неожиданная перемена: он стал насвистывать перед завтраком, часто улыбаться и даже наведываться к Метью перед сном. Летом в дом начала приходить мисс Арандел — высокая особа с холодными холеными пальцами и сладким дыханием; она стала для мальчика тетей Элен, а вскоре ей предстояло назваться его мамой — он понял это раньше, чем его предупредили об этом.

После свадьбы семья переехала в Северный Уэльс, на родину Элен. С точки зрения Метью, местечко было красивое, но не такое дружелюбное, как родной Кент. Прошли годы, и он искренне полюбил Уэльс — но какой-то отстраненной, опасливой любовью. В семье были еще дети: Анжела, Родни, Мэри — она родилась, когда Метью исполнилось двенадцать. На следующий год его отдали в частную школу, а оттуда он угодил прямиком в армию, потому что

как раз подоспела война. С семьей он виделся лишь изредка, а потом, в 1944 году, умер отец — Метью уже был во Франции, — и встречи эти вовсе прекратились.

Демобилизовавшись, Метью перебрался в Лондон и стал пробовать себя в журналистике, хотя этот труд не слишком хорошо оплачивался. В первой же по счету редакции он повстречал Фелисити и женился на ней. Теперь, через столько лет, трудно было сказать, что толкнуло его и ее на этот шаг. Уже через несколько месяцев Метью пришел к заключению, что они не проживут вместе достаточно долго; однако они прожили целых двенадцать лет, по истечении которых она ушла от него к другому мужчине, более удачливому журналисту, прихватив с собой Патрика. Патрик с самого начала был сугубо ее, только ее ребенком. Метью не почувствовал тогда ничего, кроме облегчения: ведь ему позволили оставить себе Джейн.

Вскоре после расторжения брака подоспело дядюшкино наследство. Оно оказалось крупнее, чем он ожидал: вместо сотен в нем фигурировали тысячи. Метью повез Джейн на каникулы на Нормандские острова и, находясь там, понял, что им незачем возвращаться назад. На острове Гернси, в Сент-Эндрю, он нашел то, чего хотел: полторы тысячи квадратных футов теплиц и каменный дом у склона холма. Он купил имение и два дня спустя уволился из газеты.

Так на смену худым годам пришли добрые; их минуло уже девять. Джейн окончила на острове школу и поступила в Лондоне в университет. Метью без конца ошибался, осваивая ремесло овощевода, на первых порах жестоко; пережил и не зависящие от него бедствия — так, один урожай был полностью уничтожен фузариозом. Однако в целом его можно было отнести к преуспевающим островитянам. Он не завел настоящих друзей, но работа доставляла ему счастье; для отдыха вполне хватало чтения, бильярда и виски в клубе.

Нет, скорее, он просто доволен сложившимся укладом — но никак не самодоволен. Безразличие? Что ж, он познал обратную сторону счастья: понес наказание за привязанность к другому человеческому существу. Ставя машину в гараж, Метью поймал себя на том, что страшно скучает по дочери. Он благодарен жизни за все, что пережил до сих пор, и за то, с чем остался. Вряд ли стоит рисковать обретенным довольством.

* * *

На следующей неделе погода улучшилась. Дождь лил не переставая, однако ртутный столбик пополз вверх, и в перерывах между ливнями стало проглядывать солнышко, так что Метью смог отключить в теплицах отопление. Цены в Ковент-Гарден оставались высокими, поэтому новая почвенная добавка, которую его уговорила приобрести компания, оказалась как нельзя кстати. На растениях зрели тяжелые гроздья плодов, молодые помидорчики радовали глаз. Кроме того, создавалось впечатление, что голландцы переключились на немецкий рынок. Что ж, год сулил удачу.

В понедельник вечером позвонила Джейн. Телефонист спросил:

— Вы оплатите звонок мисс Джейн Коттер?

— Охотно! Соединяйте.

Ее голос звучал радостно, хотя Джейн немного задыхалась. Метью спросил, куда это она бежит.

— Собственно, никуда, папа. Просто тороплюсь. Я сейчас на Чаринг-Кросс. Направляюсь к тетушке Мэри.

Мэри, младшая из его единокровных сестер, была единственной в семье, с кем он поддерживал связь. В последние годы его супружеской жизни она обреталась в Лондоне, пытаясь стать актрисой, и наведывалась к ним в их мрачную квартиру с высоченными потолками вблизи Кромвель-Роуд. Мэри больше помалкивала, но Метью знал, что она недолюбливает Фелисити и симпатизирует ему. Кроме того, она любила Джейн и с тех пор, как та поступила в университет, несколько раз приглашала ее к себе. Сама Мэри уже шесть лет как была замужем за фермером из Восточного Суссекса, однако так и не родила собственного ребенка.

— Что ж, неплохо, — сказал Метью. — Все лучше, чем уик-энд в Лондоне.

— Вот именно! Один мой знакомый пишет роман — ну, знаешь, о здешней жизни. Ему никак не давалось название, и Майк предложил такое: «Мерзопакостное воскресенье». Кажется, неплохо. Всем понравилось.

Метью посмеялся.

— Как Майк? — спросил он.

Насколько ему было известно, Майк был студентом-химиком, который все чаще — впрочем, вполне невинно — фигурировал в рассказах дочери об университетской жизни.

— Превосходно. А как поживают твои томаты?

— Грех жаловаться.

— Значит, неплохо. Наверное, зимой у нас получится куда-нибудь съездить?

— Вот ты и съезди. Я тебя отправлю. А сам не поеду.

— Еще как поедешь! Пора сменить обстановку. А то совсем заскучаешь у себя на острове.

Метью нравилась ее настойчивость. Он насмешливо сказал:

— В тебе заговорила горожанка. Под старость можно и поскучать.

— Не позволю! Дядя Гарри встретит меня в Сент-Леонарде. На новом «ягуаре»! Как ты думаешь, он даст мне порулить?

— Нет. И не донимай его просьбами.

— Еще чего! Но разве нельзя сначала побыть очаровательной, а потом вдруг загрустить? Скажи, нельзя?

— Надо будет позвонить Гарри и предупредить его.

— Только попробуй!.. Черт, гудки!

— Я продлю разговор еще на три минуты.

— Папочка, никак не могу! Мой поезд отходит уже через две. Знаешь что, я перезвоню тебе утром.

— Договорились. Пока, девочка.

— Пока.

Метью разогрел свиную отбивную, которая весь вечер дожидалась его в духовке, примерно час посидел перед телевизором, а потом, наведавшись на сон грядущий в теплицу, решил пораньше лечь спать. Он немного почитал в постели и рано уснул.

Под утро его разбудил собачий лай. Метью сел и включил лампу.

Он держал пару десятков кур, чтобы всегда иметь свежие яйца, и какая-то собака уже несколько раз тревожила их по ночам. Кажется, просто собачонка, которая забирается в курятник и сгоняет птиц с насеста. Как-то раз Метью встал среди ночи и слышал, как она опрометью бросилась

вон при его приближении. С тех пор минула неделя; он теперь держал в спальне двуствольное ружье. Будет полезно всыпать ей перцу. Метью обулся и натянул поверх пижамы свитер. Зарядив двустволку и прихватив фонарь, он не спеша побрел в направлении курятника.

Ночь выдалась ясной и холодной; в безоблачном небе соревновались в сиянии месяц и широкая дуга Млечного Пути. Вновь раздалось тявканье; нет, не тявканье, а скорее вой. Куры тут явно ни при чем. Очевидно, подает голос полукровка-колли с фермы Марджи. Однако куры тоже вели себя неспокойно: они взбудораженно кудахтали, что среди ночи вселяло большую тревогу, чем гроза с громом. Метью вскинул ружье и шагнул к курятнику.

До его слуха донеслись новые шумы. Завыла еще одна собака, потом — третья, подальше. Послышалось коровье мычанье, а затем отвратительный, душераздирающий звук: то стал вторить общему гвалту осел с фермы мисс Люси, хотя до нее была добрая четверть мили. Эти звуки, при всей их обычности, сейчас вселяли страх: что потревожило сон животных в такую спокойную, безветренную ночь, в самый глухой ее час?

Раздался еще один звук — совсем тихий, но самый неожиданный и потому повергающий в трепет: чириканье птиц, тоже очнувшихся от сна. Сперва заволновалась одна, потом вторая... Не прошло и минуты, а Метью уже казалось, что все птицы острова, перепутав день и ночь, делятся друг с другом своим беспокойством. Встав в проходе среди бамбука, которым был обсажен кухонный дворик, он замер как вкопанный.

Внезапно, сперва легонько содрогнувшись, земля рывком ушла у него из-под ног, подбросила как мячик, а потом дала такого пинка, что он взмыл в воздух, беспомощно растопырив руки...

2

Бамбуковые стебли хлестнули Метью по лицу, и он судорожно вытянул руки, чтобы нащупать хоть какую-то опору. Земная твердь на мгновение утихомирилась, однако последовал новый толчок, от которого даже звезды на ночном

небе бросились врассыпную. На сей раз Метью прочно застрял в бамбуке; его левая нога и вся левая половина туловища оказались так плотно зажатыми упругими стволами, что он едва не взвыл от боли.

За первым толчком последовала ошеломленная тишина, от которой зазвенело в ушах. Зато второй сопровождался таким невыносимым гулом, что Метью мигом вспомнил бомбардировку Кана: как и тогда, у него душа ушла в пятки: казалось, что сама планета, сорвавшись с орбиты, беспомощно закувыркалась. Гул угас, но тут же возобновился — при третьем толчке, от которого спасительные бамбуковые стебли рванулись вверх, стараясь обмануть закон притяжения. После этого толчки стали повторяться с удручающей монотонностью: за содроганием земной тверди следовал безумный рев, и так без конца. Один раз в этом сводящем с ума гудении Метью почудился собачий вой, однако он сообразил, что столь ничтожная нота не сумела бы прорваться сквозь похоронный стон раздираемой земли.

Зато вскоре отчетливо донесся иной звук, в не меньшей степени угрожающий сохранности барабанных перепонок. Он возник при откате очередной ударной волны, и Метью понял, что слышит его уже некоторое время, не отдавая себе в этом отчета. То было завывание бури, смешанное с грохотом взбаламученной морской пучины. Новая напасть мигом ворвалась в его уши, наполнив их невыносимым визгом; потом визг стал понемногу ослабевать. Теперь он звучал по-другому — подобно свистку поезда, проскочившего станцию и мчащегося прочь. Стоило свистку умолкнуть, как земля вновь заколебалась; неуемная дрожь сопровождалась безумным ревом — это напоминало оркестровую пьесу, сочиненную дьяволами и исполняемую адским оркестром. Разъяренный ветер едва не выдрал Метью из случайного убежища среди гибких стеблей.

Сколько прошло времени, прежде чем наступило первое затишье? Ему казалось, что удары следовали один за другим на протяжении долгих часов, однако он понимал: полагаться на свои впечатления неразумно. Немыслимая пытка, которой подверглось его тело и слух, полностью вывела из строя способность чувствовать и соображать. Метью при-

помнил, что слышал, несмотря на грохот и вой, как разлетаются на тысячи мельчайших осколков стекла, однако не мог сообразить, когда это было — в начале или в конце. Ясно было лишь одно: земля перестает содрогаться, уродующая ее агония, сопровождаемая замирающими вдали стонами, подходит к концу. Наступила тишина — тяжелая, истощенная, как бывает после приступа нестерпимой боли. Барабанные перепонки Метью подверглись такому испытанию, что даже треск бамбука, сопровождавший его попытки выбраться на волю и обрести опору под ногами, казался оглушительным.

Однако и теперь, когда он стоял на твердой земле — вспотевший, дрожа от ночного холодка, — что-то вокруг было не так, как прежде. Может, катастрофа нарушила его чувство равновесия? Метью двинулся по тропинке к дому, но тут же споткнулся и едва удержался на ногах. Он в отчаянии задрал голову. Небо казалось безмятежным, его не коснулись перемены: по-прежнему сияли звезды, месяц висел на привычном месте. Метью снова попробовал сделать шаг и понял, в чем дело: ровное прежде место превратилось в подъем; чтобы попасть к теплице, ему нужно было теперь преодолеть склон.

Эта мысль вызвала у него оторопь. Он знал, что только что пережил землетрясение, серию толчков небывалой мощи, уже простился с теплицей и был готов к тому, что увидит свой дом сильно поврежденным. Но чтобы вздыбилась сама земля?..

В его руках не было теперь фонаря (Метью вспомнил, что выключил его, собираясь застать врасплох собачонку, надоедавшую курам) — выронил, схватившись за кусты. Он собрался было найти его, но где там! И, прекратив поиски, побрел назад к дому. Ночь была достаточно светлой, чтобы идти не спотыкаясь. С этого места уже должен быть виден его дом. Метью бросился бежать, но вскоре остановился. Лучше он пойдет медленно.

В свете луны и звезд его глазам предстала куча обломков. Она занимала довольно значительную площадь, зато была совсем низкой. Надо всем возвышалась дверь, почему-то оставшаяся стоять, и торчащая из груды битого кир-

пича телевизионная антенна. Метью ошарашенно смотрел на то, что осталось от его жилища, и тут произошел новый толчок, сбивший его с ног.

Однако эта судорога не шла в сравнение с предыдущими. За ней последовала другая, еще более слабая: на сей раз он даже выстоял, не упав. Зато теперь он ощутил гораздо более сильный страх, чем когда-либо за эту ночь. Видимо, его рассудок работал теперь лучше. Бамбуковая изгородь спасла ему жизнь; надеяться можно только на нее, иного укрытия у него нет.

Метью поспешил назад и снова залез в заросли. Наломав и погнув немало стеблей, он соорудил себе нечто вроде клетки или гнезда: конечно, не слишком удобно, однако лучше, чем ничего. При следующем подземном ударе гнездо только захрустело, но не поддалось. Метью решил провести здесь остаток ночи. Его часы, лежавшие на столе рядом с кроватью, остались под развалинами. Он не знал толком, который сейчас час, — наверное, где-то между полуночью и четырьмя утра. Земля еще несколько раз содрогнулась, однако толчки были от раза к разу слабее и следовали все реже.

Господи, хорошо, что Джейн далеко отсюда! Миль двести — это более чем достаточно, чтобы не сомневаться в ее безопасности... Чуть позже Метью призадумался и о собственном будущем. У него не было иного достояния, кроме теплицы и дома. Что там говорится в страховом полисе о землетрясениях?.. И все-таки ему повезло: по крайней мере жив. Он похолодел от мысли, что соседей наверняка постигла иная судьба.

Царила полная тишина. Не было слышно даже разбудившего его собачьего лая.

Небо на востоке порозовело, а свет звезд сделался менее ярким. Земля все больше успокаивалась; по ней время от времени пробегала дрожь, однако совсем несильная, можно даже сказать, ласковая. Метью слез со своего насеста и, ежась от холода, стал разминать затекшие суставы.

Дорожка, проходящая мимо теплицы, вела к ферме Марджи. Битое стекло напоминало замерзшее озерцо с плаваю-

щими бревнами — осколками от рассыпавшегося в прах дома. Там и сям, подобно плавнику, виднелись раздавленные стебли со следами растекшихся помидоров. Рядом высилась бесформенная куча досок — утром только собирался наполнить эти пятьдесят деревянных поддонов поспевшими помидорами... Метью поспешно отвернулся и заторопился прочь.

Вид того, что осталось от дома Марджи, почему-то произвел на него более сильное впечатление, чем зрелище собственных руин. Впрочем, тут все было так же: дурацкая груда кирпича и каменных блоков, поднимающаяся всего на пару футов над землей. Метью пошел дальше. Вдруг надо кому-то помочь, вытащить кого-нибудь из каменной ловушки? Однако открывшаяся взору картина заставила его забыть об этих надеждах. Ничто в этой куче мусора не напоминало ему былого жилья. Свалка да и только — занавески, черепки от посуды, разломанная мебель, абажур от лампы, распахнутая книга с лежащим на странице осколком черепицы. Еще из кучи торчала человеческая рука. Она тянулась кверху, словно в возмущении или последней мольбе. Рука была белая и принадлежала молодому существу. Наверное, это их дочь, Тесси, — на конец лета была назначена ее свадьба с пареньком из гаража... Метью снова отвернулся и побрел восвояси.

Вернувшись к развалинам собственного жилища и почувствовав страшную усталость и лютый голод, он впился глазами в груду камней и искореженных досок, силясь сообразить, где же кухня. Потом из последних сил вскарабкался на кучу и приметил среди камней верхний край холодильника. Разгреб камни, отбросил несколько досок и принялся расчищать завал перед дверцей. Сперва работа спорилась, но чем глубже Метью проникал, тем становилось труднее, потому что слои делались все более плотными. Дубовую балку стропил, которая застряла как мертвая у самой ручки дверцы, не удалось сдвинуть с места никакими потугами.

Метью выпрямился и утер со лба пот. Голод сделался совершенно нестерпимым — видимо, из-за постигшего его разочарования. Опустив взгляд, он заметил цветную эти-

кетку консервной банки. Извлечь ее из-под обломков было делом нескольких секунд. Консервированные сосиски, давно валявшиеся в доме, — они были по вкусу Джейн, но не ему. Впрочем, сейчас Метью был готов проглотить их сырыми. Он утомленно посмотрел на вожделенную банку. Дело за консервным ножом.

Консервный нож хранился как будто бы в ящике кухонного буфета. Под башмаком как раз хрустнуло зеленое буфетное стекло. Метью нагнулся и стал разрывать мусор, подобно норному псу. Ему попадалось что угодно — столовые ножи, мятая кастрюля, ручка кофейника, кофейная чашечка — целая, вот чудо! — но только не консервный нож. Он продолжал поиски и не успокоился, пока не выкопал еще нескольно банок с консервами: фасоль, спаржа, сардины... Фасоль и спаржа полетели в сторону. Зато на банке с сардинами оказалась открывалка.

У него в саду стояли два каменных гриба, когда-то служивших креслами гернсийским ведьмам. Один из них завалился, однако второй остался стоять, хоть и накренился. Метью сел на него и аккуратно вскрыл банку с сардинами. Вынимая рыбешки пальцами одну за другой, он полностью опорожнил банку и выпил все оставшееся в ней масло. Куда бы выбросить пустую жестянку?

Метью по привычке огляделся — он был приверженцем чистоты и всегда старался не привлекать мух. Потом вспомнил руку, торчащую из развалин соседнего дома, и сердито отбросил банку в сторону.

Тем временем совсем рассвело. Теперь можно было оглядеть окрестности. Перед глазами предстала безумная картина: дело было не только в том, что дом и теплица превратились в руины; сама земная поверхность изменила свой профиль: к западу рельеф понижался, к востоку же вздымался. Впервые за все время Метью оценил последствия происшедшего. Бог мой, подумал он, да весь остров, наверное, теперь искорежен! Он увидел стелющийся по земле провод и сообразил, что это линия телефонной связи. Джейн обещала позвонить сегодня утром... Удастся ли ему связаться с ней? Или связь нарушена по всему острову? Скорее всего...

Так или иначе, оставаться здесь не было ни малейшего смысла. Людям, погребенным под развалинами дома Марджи, ничем не помочь; но вдруг помощь понадобится где-то еще? Например, Карвардинам? Подкрепившись сардинами, Метью чувствовал готовность приняться за дело. Видимо, терзавший его голод имел скорее психологические, нежели физические причины; ему потребовалось подкрепить не только тело, но и волю.

Он снова перевел взгляд на руины. Не найдется ли там чего-нибудь, что можно было бы прихватить с собой, — если, конечно, руины согласятся уступить этот предмет? Тут в поле зрения Метью попал один такой свободно валяющийся предмет, и он не смог удержаться от улыбки. То был серебряный кубок, который он получил еще младшим офицером за победу в матче по боксу. Наверное, кубок приглянулся бы грабителям, если только они выжили и сохранили силы грабить; Метью не захотел ни брать его с собой, ни прятать.

Впрочем, прежде чем уйти, он все же поднял с земли нечто полезное — свою двустволку, по-прежнему заряженную. Зачем — он и сам не мог бы ответить, но все же с оружием в руках было спокойнее.

Метью зашагал на восток, туда, где вставало солнце. На склоне холма ему преградили путь вывороченные с корнем деревья. Он забрался на один ствол, потом на другой, и в конце концов оставил препятствие позади. Оголенные корни печально торчали кверху; под ними зияли ямы глубиной в несколько футов. Теперь Метью была видна дорога и развалины двух коттеджей: то же полное разрушение, та же тишина. Солнце уже встало, но птиц не было слышно. Что же с ними произошло? Неужели они все до одной попадали с веток и разбились о землю? А может быть, просто улетели, надеясь найти убежище где-нибудь подальше, на более безопасном берегу? Или умолкли с перепугу?

Дорога оказалась пустынной: землетрясение и не могло застать за рулем много автомобилистов. Когда Метью вышел на асфальт, до его ушей донесся знакомый звук, и он тут же испытал облегчение. Это кричал осел. Мисс Люси держала четырех ослов; у нее всегда были эти животные.

Торопясь в школу, Джейн неизменно задерживалась, чтобы покормить их хлебом, печеньем или подпорченными яблоками. Выходит, где-то еще сохранилась жизнь.

От дома Люси тоже не осталось ничего, кроме груды камня, пыли и разного мусора. Метью подошел к развалинам стойла. Рядом с рухнувшим забором валялся дохлый осел; пройдя еще несколько шагов, Метью увидел второй труп. Дальше, на краю поля, сохранилась рощица — терновник, бузина, ива. Протяжное «и-а-а» осла стало громче и жалобнее, стоило ему приметить человека. Несчастное животное лежало с вывернутой ногой; не было сомнений, что она сломана. Метью подошел к ослу и погладил его по голове. Осел уткнулся в него своей длинной мордой, глянул влажным глазом и снова издал хриплый крик. Метью приставил ружейное дуло к его теплой голове, снял предохранитель и спустил курок. В тишине прозвучал оглушительный выстрел.

Метью уже возвращался к дороге, когда снова раздалось пронзительное «и-а-а». Он резко обернулся, не веря собственным ушам. Однако крик доносился на сей раз не из поля, а со стороны рощицы. Приглядевшись, он увидел четвертого осла, беспомощно повисшего на ветвях терновника. Зрелище было настолько потешным, что Метью едва не расхохотался. Перебравшись через канаву, он сунулся в заросли.

Осел не мог шевельнуться, но был цел и невредим. Видимо, его забросило в кусты первым же толчком. Из-за судорожных попыток освободиться он лишь плотнее засел среди колючих сучьев, которые сохранили ему жизнь, подобно тому как стебли бамбука не дали погибнуть Метью. Оставалось всего лишь вытащить осла из колючей западни. Метью взялся было за ветки голыми руками, но только оцарапался, так ничего и не добившись. Тут требовался инструмент — скажем, топор. Наверняка что-нибудь подходящее попадется среди развалин. Метью попятился; осел испуганно вскрикнул. Метью успел узнать животное: это была ослица, та, что посветлее, по кличке Паутинка, — всех четырех ослов назвали именами фей.

— Не тревожься, старушка, — ободрил он ее. — Я сейчас.

Однако поиски не увенчались успехом. Сарай был типичным для Гернси сооружением, сложенным из тяжелых бревен и гранитных глыб; Метью только взмок, но так ничего и не смог обнаружить. Тем временем солнце поднималось все выше. Вскоре начались новые подземные толчки — довольно слабые, но все же заставившие его отбежать подальше от бревен и камней.

Здесь, в поле, он случайно наткнулся на лопату, как видно, не бесхозную — острие было недавно заточено. Метью атаковал крепкие ветви, пользуясь лопатой как топором и не жалея сил. Сперва ослица трепыхалась, но потом, сообразив, что человек желает ей добра, притихла. Работенка оказалась не из легких: ветви пружинили, и лезвие то и дело отскакивало в сторону. Прошло полчаса, а успехов не было никаких. Настало время утереть пот и передохнуть.

Наверное, он взялся не за самое главное. Ведь где-то рядом, возможно, в его помощи нуждаются люди. Разве не глупость — приложить все силы, чтобы освободить какую-то ослицу, всего лишь застрявшую в зарослях? Но тут раздалось отчаянное «и-а-а!», и Метью с удвоенной яростью принялся рубить проклятые ветки.

Он сам не знал, сколько прошло времени... Но вот ослица с его помощью высвободила последнюю ногу из переплетения ветвей и оказалась на свободе, вполне довольная жизнью. Метью потрепал ее по лохматой голове. Паутинка подошла к канаве и нагнула голову, чтобы утолить жажду.

Метью вдруг осознал, что и его мучит жажда. Он колебался; даже при обычных условиях нормальный человек не стал бы пить из канавы, теперь же к прежним источникам загрязнения вполне могли добавиться новые. Однако выхода не было. Он опустился на колени, сложил ладони ковшиком, зачерпнул воду и сделал глубокий глоток.

Пока Метью отдыхал, раздумывая, что предпринять дальше, Паутинка как ни в чем не бывало щипала травку в нескольких ярдах от застреленной подруги. Метью снова испытывал угрызения совести из-за того, что потратил столько времени и сил на глупое животное, в то время как его помощь может понадобиться людям — Карвардинам или Мэг Эшвел и ее детям. Оставалось одно — как можно быстрее

добраться до них. Конечно, с ослицей придется расстаться. Он припомнил, как, роясь в развалинах сарая, отбросил в сторону моток веревки; сходив за ним, он сделал петлю, надел ее Паутинке на шею, а противоположный конец привязал к ближайшей иве. Далеко она не уйдет, зато сможет пастись, сколько пожелает.

Вдоль дороги тянулись развалины домов. Метью всякий раз останавливался и кричал, надеясь на отклик. Однако сколько он ни ждал хоть какого-то звука, который стал бы признаком жизни, ответом ему была мертвая тишина. Но ведь при землетрясениях внутри домов иногда остаются живые люди? Впрочем, ему тут же вспомнились могучие удары, следовавшие один за другим всю ночь; не было сомнений, что человек, оказавшийся в ловушке после первого толчка, был обречен на гибель после второго или третьего. Метью посмотрел на небо, в котором вовсю светило солнце. Ему хотелось отыскать там что-то, хотя он сам сперва не осознавал, что именно. Самолеты! Предположим, остров получил смертельный удар, но ведь должна же подоспеть помощь с Большой земли! Он вспомнил телерепортажи о природных катаклизмах и кадры, заснятые с борта вертолета. Вертолетам по крайней мере пора уже появиться... Но их нет — что же это означает? Только одно: опустошение охватило куда большую территорию, чем он сперва предполагал, и судьба маленького островка не столь важна на фоне глобальной катастрофы.

Джейн!.. Могло ли несчастье затронуть Восточный Суссекс? Он покачал головой. Предположим, могло — но не в такой же степени! Здесь, видимо, произошло самое худшее. Дорога была усыпана обломками домов. Среди очередной груды хлама нелепо торчала старческая нога. Метью снова зычно крикнул, уже не надеясь, что ему ответят.

Теперь он понимал, почему посвятил столько усилий вызволению ослицы: видимо, уже тогда чувствовал, что на острове вряд ли найдется другой живой человек, кроме него. Он, конечно, продолжит поиски, однако наверняка никого не найдет. Погибли все!

В это мгновение в траве что-то шевельнулось, и Метью рывком повернул голову. Нет, тут выжили не только он и

ослица. Должны были остаться в живых почти все мелкие зверьки. Перед ним появилась жирная крыса. Передохнув немного, она не спеша побрела среди руин.

Его охватило непреодолимое отвращение. Подняв камень, он запустил им в сторону крысы, но промахнулся. Крыса замерла, почесывая брюшко. Метью усмотрел в ее позе вызов. Набрав горсть камней, он принялся обстреливать ее. Крыса юркнула в кучу досок и штукатурки.

В глаза Метью бросилось еще кое-что. Увиденное так же бесстрашно взирало на него, как только что крыса, однако на сей раз Метью почувствовал не раздражение, а ужас и тошноту: его взгляду предстала старческая голова. Глаза и рот старика были широко раскрыты. Позади головы валялось бревно, впереди — кусок штукатурки с пятнами крови. Метью согнулся; его вытошнило, звуки судорожной рвоты вспороли утреннюю тишину. Отмучившись, он поспешил прочь, отворачиваясь, чтобы не видеть больше страшное зрелище.

Лента дороги виднелась только в отдалении, здесь же она была полностью завалена обломками жилищ. Он брел среди битого стекла, обрывков материи, искореженного металла; вот детская игрушечная машинка, вот подставка для шляп, вот викторианский семейный портрет, вот развороченное пианино... От груды расколоченных бутылок несло знакомым духом; здесь, на углу, стоял паб. Метью угодил ногой в рваный картонный ящик, от которого исходил сильнейший запах виски. В ящике не осталось ни одной целой бутылки. Жаль... Он чувствовал, что предпочел бы умеренное опьянение состоянию невыносимой трезвости, в котором приходилось знакомиться с новым миром.

В отдалении показались рухнувшие стены старого монастыря. Метью спустился в канаву, вылез с другой стороны и заковылял по распаханному полю в сторону аэропорта.

Поле было усеяно ямами, а на посадочной полосе, превратившейся в склон холма, зияли уродливые трещины. К одному из ангаров притулился пассажирский «Вайкаунт» с треснувшим звездоносным крылом и расколотым на две половинки фюзеляжем. Метью замер. Для него, как и для большинства островитян, ниточка, связывавшая Гернси с

Англией, тянулась в последние годы не столько из гавани, сколько отсюда, из аэропорта. Он понимал, что теперь здесь не сумеет приземлиться ни один самолет. Предположим, ангары можно отстроить, полосу залатать, только к чему это все, если вздыбилась сама земля?

Стоя посреди открытого пространства, он крикнул:

— Есть тут кто-нибудь? Я здесь! Здесь! Есть кто-нибудь живой, кроме меня?

Тишина и безлюдье заставили его умолкнуть и продолжить путь поперек летного поля в сторону Фореста. Здесь тоже стояли дома — вернее, стояли раньше; Метью решил держаться от них в стороне. Ему надо к долине Гуфр, где обитают Карвардины. Обитали... У него не было ни малейшей надежды найти хоть кого-то в живых.

Приблизившись к остаткам дома, он снова был вынужден приняться за работу — растаскивать куски стен, штукатурки, досок, обломки мебели...

Они лежали, пригвожденные к своей развороченной кровати, сжимая друг друга в объятиях, — испуганные первым толчком, прильнули друг к другу и так встретили почти мгновенную смерть. Метью застыл над трупами. Предполагалось, что Карвардины навестят его в воскресенье, чтобы пропустить стаканчик-другой, — это должно было произойти завтра утром... Он не мог просто так бросить их. Наверное, следовало бы вырыть могилу и закопать тела, однако Метью чувствовал себя совершенно обессиленным, к тому же лопата осталась на ферме мисс Люси. И все равно нельзя оставлять их так... Он навалил поверх тел куски штукатурки, чтобы их не было видно.

Куда теперь? К морю? До него было рукой подать, да и необъятный простор, неизменный при любых катаклизмах, сейчас манил к себе с особой силой. Проходя мимо очередного рухнувшего дома, Метью заметил пчел: они беззаботно гудели на солнышке, добывая нектар из цветков на кустарнике, пустившем корни едва ли не на голом камне. Их сонное жужжание напомнило о чайках. В такой близости от моря обычно слышишь их крики. Неужели и они улетели, подобно прочим пернатым? Казалось бы, они-то могут пережить любую катастрофу, просто взмыв в свое родное небо...

Забравшись на последний прибрежный холм, значительно прибавивший в крутизне, и посмотрев в сторону моря, Метью сперва не поверил собственным глазам. Представший его взору пейзаж будто принадлежал другой планете: голое, совершенно дикое пространство, необъятные поля зеленых водорослей, обнажившиеся скалы, влажный песок... Там и сям поблескивали на солнце лужицы.

Где же голубизна моря, где вечные волны? Впереди, под лучами летнего солнца подсыхало оголившееся морское дно.

3

Метью спустился на скалы, которые еще вчера назывались прибрежными. Кое-где еще сохранились небольшие пространства воды (как их лучше назвать — озера или запруды?), однако дно морское, насколько хватало глаз, представлялось песчаной пустыней, раскинувшейся под голубым небом. На юго-востоке поднималась холмистая гряда — остров Джерси; вряд ли он пострадал меньше, чем Гернси. Метью вспомнил ужасный звук — тот самый небывалый вой, внезапно изменивший диапазон. Значит, это был шум отступающего моря, хлынувшего на запад! Еще вчера Гернси был островом — сегодня же дело обстоит иначе. Напрасно Метью напрягал зрение, стремясь разглядеть на севере спасительную кромку моря.

Наконец он отвернулся и побрел обратно. Ноги гудели, в голове стоял звон. Видимо, настала пора чем-нибудь подкрепиться — ведь был уже почти полдень, а рвота опорожнила его желудок, не дав переварить даже жалкие сардины. Однако голод, так терзавший его поутру, сейчас не чувствовался вовсе. Метью охватило чувство, смахивающее на опьянение; он был склонен сейчас рассматривать свое положение со смесью философской умудренности и жалости к себе. Последний оставшийся в живых человек? Робинзон Крузо на планете Земля? Возможно, так оно и есть. Вокруг царила абсолютная тишина, небо оставалось ослепительно голубым и совершенно пустым.

Метью пошел посреди поля, чтобы обогнуть руины, то и дело спотыкаясь, шагая по искореженной почве. Приходилось пользоваться ружьем как тростью, и стволы быстро забились землей. Впрочем, их можно прочистить веточкой... В голову опять полезли горестные мысли о Джейн. Если бы она осталась с ним на острове, то все равно погибла бы, но он по крайней мере сумел бы по-человечески придать ее земле.

Метью тупо уставился на двустволку. Один ствол был опорожнен: он выпустил из него заряд в голову охромевшему ослику, избавив того от дальнейших страданий. Другой был по-прежнему заряжен. Что может быть проще и разумнее? Разве есть хоть малейший смысл в жизни посреди кладбища? На дурацком холме, торчащем посреди пересохшего, безжизненного моря?.. «Хочу покоя», — подумал Метью, разворачивая ружье прикладом в другую сторону.

В это мгновение его слуха достиг слабый звук. Он долетел издалека — возможно, это развалился под собственной тяжестью один из подрубленных под корень домов. Впрочем, первая мысль была иной: снова кричит ослица. Метью вспомнил, что оставил ее привязанной. Освободившись от пут, она могла бы преспокойно пастись на острове все лето.

Зажав двустволку под мышкой, он зашагал в ту сторону, откуда донесся звук, опять пересек летное поле, только на этот раз забирая к западу от первоначального направления. Земля здесь была в таких рытвинах, словно ее месил, как податливую глину, праздный великан. В одном месте зиял огромный провал, в котором свободно мог бы поместиться целый самолет, даже не касаясь краев кончиками крыльев. Крутые склоны провала были усеяны валунами, на дне виднелась вода — наверное, вскрылся источник. Лет через сто, когда все вокруг зарастет травой, а на склонах пустят корни деревья, здесь получится премиленькое местечко.

Потом вдруг послышался плач. Звук был очень тихий, и Метью застыл на месте, прислушиваясь. Наконец плач повторился — слабый и трудноразличимый, зато на этот раз не было сомнений, что он доносится с западной стороны.

— Кто здесь? Крикните, если вам нужна помощь. Подайте голос!

Ответа не было. Метью уже готов был поверить, что стал жертвой галлюцинации. В полном одиночестве это немудрено. Подойдя к очередным руинам, он замедлил шаг. Здесь все было расколочено и переломано, как и повсюду. Неужели среди этой трухи еще может теплиться жизнь?

Однако плач раздался снова, на сей раз громче. Метью заторопился на звук: сначала дальше по дороге, потом за угол. Здесь прежде стояли стена к стене то ли три, то ли четыре дома; теперь от них осталась одна внушительная груда обломков.

Метью снова крикнул:

— Отзовитесь! Иначе я не пойму, где вы!

Голосок был приглушенный, как будто девичий, и доносился откуда-то с заднего двора. Метью двинулся на звук, но крайне осторожно, потому что боялся, что от малейшего его прикосновения все эти обломки рассыплются в прах.

— Мужайтесь! Скоро я вас вытащу!

Ответа не последовало. Уж не было ли это предсмертным криком, последним глотком воздуха перед гибелью? Поднатужившись, Метью отодвинул бревно — и увидел внизу человеческую фигуру. Молоденькая девушка в ночной рубашке в цветочек. Вот оно что, подумал он, — мертвая, как и следовало ожидать. Ночная рубашка была разорвана, в дыру высунулась грудь. Холодная, совершенно холодная плоть... Не может быть, чтобы он слышал только что голос вот этой несчастной. Метью снова принялся разгребать обломки руками, то и дело призывно крича.

Увидев маленькую ногу, он подумал, что снова откопал мертвеца. Однако, прикоснувшись к ноге, почувствовал, что она теплая. Ему даже показалось, что нога вздрогнула. Кусок крыши обрушился на кровать и послужил навесом. Ребенок попал в западню, зато остался жив. Метью принялся разбирать засыпавший его мусор.

— С тобой все в порядке, — бормотал он. — Беспокоиться больше не о чем. Сейчас мы тебя вызволим.

Перед ним был мальчик лет десяти, то и дело терявший сознание. Его волосы и лицо были покрыты густым слоем штукатурки; удивительно, как он умудрялся дышать, да еще звать на помощь. Метью ладонями и рукавом стер штука-

турку и наклонился над ребенком. Надо приподнять... Но мальчик вскрикнул от боли:

— Рука...

Его левая рука безжизненно висела. Метью осторожно ощупал ее.

— Все в порядке, дружище, — приободрил он мальчишку.

Боль заставила мальчика полностью очнуться. Он захлопал ресницами и громко застонал.

— Рука немного повреждена, но с этим мы сладим.

Со времен армейской службы Метью не приходилось оказывать медицинскую помощь, и, прежде чем взяться за дело, он немного поразмыслил. Предплечье под прямым углом к плечу, большой палец кверху, ладонь в кулак... Он дернул мальчика за руку; тот поморщился, но не разревелся.

— Вот и отлично! Потерпишь, пока я найду досочки для лубка?

Вокруг валялось полным-полно всевозможных планок. Метью отломал несколько штук необходимой длины и поскреб их о камень, чтобы сделать более гладкой зазубренную сторону. Оторвав несколько полосок от пододеяльника, он привязал планки к сломанной руке. Простыня пошла на перевязку; теперь рука была надежно перебинтована от плеча до кисти. Мальчик терпеливо перенес все эти манипуляции.

— Теперь порядок. Подвесим твою руку — и дело с концом. Как тебя зовут?

— Билли. Билли Таллис. Что случилось? Взрыв?

— Хуже. Землетрясение.

— Неужели? — Глаза мальчика расширились.

Метью подвесил руку Билли у него на груди на тряпке, напоминавшей формой платок. Следовало бы заколоть платок еще в одном месте, но у него не оказалось булавки. Пока сойдет и так.

— Ну, как? — спросил он. — Удобно?

— Да. Где мама и папа? Где Сильвия?

Сильвия — это, наверное, его сестра, мертвая девушка в ночной рубашке.

— Подожди-ка минутку. Я сейчас.

Метью отошел к трупу и, как мог, прикрыл его. Возвратившись к мальчику, он сказал:

— Ты храбро перенес операцию. Но придется проявить храбрость еще раз...

— Они погибли?

— Да.

— Так я и думал. — У него была смуглая мордашка и чуть раскосые карие глазенки. — Я звал их, долго звал, но они все не приходили, и я понял, что их больше нет. Сильное было землетрясение?

Метью взял мальчика на руки и перенес через развалины на открытое место.

— Еще какое сильное! Сильнее, наверное, и не бывало. — Он поставил мальчика на землю. — Можешь стоять? А ходить?

Мальчик кивнул и повернулся к руинам своего дома. Потом снова поднял глаза на Метью:

— Куда мы пойдем?

— Пока не знаю. Не было времени об этом поразмыслить. Ты — единственное живое существо, которое мне пока что удалось разыскать. Так что нас всего двое. Вернее, трое; но третий — это всего лишь ослик.

— С фермы мисс Люси? Который?

— Светло-серый. Паутинка.

— А-а, знаю.

— Я перед уходом привязал ее. Надо, наверное, сходить и посмотреть, как она там. — Метью взглянул на мальчика: тонкая пижама, босые ноги. — Не знаю, сумеем ли мы найти что-нибудь из твоей одежки.

— Мне не холодно.

— Еще успеешь намерзнуться. Посиди-ка здесь и постарайся прийти в себя, а я попробую что-нибудь отыскать.

Под остатками кровати, к которой Билли был пригвожден рухнувшей крышей, Метью нашел его домашние тапочки, а еще через минуту — один ботинок. Разыскивая для него пару, он приподнял край расщепленной двери и обнаружил мертвого мужчину с изуродованным лицом; все вокруг было забрызгано кровью. Рядом виднелся еще один труп.

Из-за спины донесся голос Билли:

— Может быть, помочь?

Торопливо опустив дверь, Метью крикнул:

— Нет, уже иду.

Он прихватил одеяла с кровати Билли, левую тапочку и правый ботинок. Мальчик обулся.

— Так все же лучше, чем босиком. Одно из одеял набросим на тебя, как плащ, а другие я понесу в руках. Еще пригодятся.

— Где мы проведем ночь?

— Пока не знаю. Где-нибудь на открытом месте. Во-первых, нам не найти ни одной сохранившейся крыши, а во-вторых, могут быть новые толчки. — Метью потрепал мальчика по голове. — Тебе предстоит провести несколько дней в суровой обстановке.

— Я не возражаю, — простодушно ответил Билли. — В августе меня хотели отправить в скаутский лагерь.

— Вот видишь, — подхватил Метью, — ты как раз угодил в похожую обстановку. Пошли!

Они направились к ферме мисс Люси. Метью время от времени призывно кричал, Билли вторил ему. Метью тревожился, какой будет его реакция на зрелище смерти, но когда их взору предстал труп мужчины, лишь немного засыпанный обломками рухнувшего дома, Билли отнесся к этому зрелищу достаточно спокойно. Тем не менее Метью позаботился, чтобы они обошли стороной то место, где из деревянной трухи торчала жуткая мертвая голова.

Завидя людей, Паутинка издала призывное «и-а-а». Билли подбежал к ней и обнял здоровой рукой за голову.

— Наверное, она думала, что я что-нибудь ей принесу. Раньше я часто так делал.

Метью невольно вспомнил о Джейн и заставил себя улыбнуться.

— Обязательно чем-нибудь ее угостим. Останься с ней, пригляди, чтобы она не отвязалась. Я ненадолго отлучусь за провизией — и для нас, и для нее.

— А мне нельзя с вами?

— Не сейчас. Ей будет веселее в твоем обществе.

Уходя, Метью слышал, как мальчик воркует с ослицей.

Предстояло поразмыслить о будущем. Они не могут оставаться в поле в обществе трех дохлых ослов, тратить же драгоценную энергию на предание их земле у Метью не

было ни малейшего желания. Их окружали одни трупы; пройдет совсем немного времени — и воздух вокруг наполнится запахом гниения. Ни у него, ни тем более у мальчонки со сломанной рукой не было иного способа бороться с этой бедой, кроме отступления. Придется им разбить лагерь где-нибудь в сторонке, но достаточно близко от источников еды. Еда — вот что необходимо прежде всего.

Магазинчик в конце улицы!.. Вздыбившаяся земная твердь образовала гребень высотой в пять-шесть футов, из которого торчал платан с оголенными корнями. Метью подошел к злополучному дереву; кучи битого кирпича и разнообразного мусора отмечали места, где вчера стояли мирные коттеджи. Где-то там, за ними, должен быть тот самый магазинчик.

Начатый им труд был тяжелым и сперва как будто бы неблагодарным; однако мало-помалу ему стала улыбаться удача. Он наткнулся на остатки посудной секции и нашарил пару целых кастрюль. Большие упаковки со спичками оказались безнадежно испорченными, однако примерно с дюжину маленьких коробков сохранилось в нормальном состоянии. Следующей добычей был кухонный нож и алюминиевый черпак. Дальше ожидала поистине блестящая находка: консервный нож, да не простой, а из тех, которые крепятся на стене кухни, где все продумано с целью экономить затраты труда хозяйки; Метью даже удивился, что миссис Триквемин приобрела столь современное приспособление. Так или иначе, с помощью этой штуковины можно в два счета вскрывать консервные банки. Теперь дело за малым — за собственно банками.

Еще до банок он нашел саму миссис Триквемин. На ее лице застыло удивленное выражение — впрочем, самое для нее привычное. Казалось, она вот-вот откроет рот и скажет: «О, мистер Коттер! Чем я могу вас побаловать сегодня утром?» Нижняя часть туловища пожилой женщины покоилась под тяжелыми каменными блоками. Метью закрыл ее лицо тряпками и продолжил поиски.

Нежданно-негаданно он наткнулся на настоящую сокровищницу: то было подлинное месторождение банок всех форм и размеров, погребенных под полкой, с которой они посыпались от первого толчка. Почти все были помяты, а

некоторые даже лопнули, забрызгав все вокруг томатной пастой, фруктовым сиропом, консервированными персиками, концентрированными супами и чем-то еще, не поддающимся определению. Однако многое сохранилось в относительной целости. Метью стал охапками таскать консервы к тому месту, где уже лежали первые его сокровища — кастрюли. Обнаруженные припасы могли обеспечить ему и мальчику сытое существование по крайней мере на несколько недель.

Скоро он наткнулся на большой прямоугольный предмет — искореженную морозилку. Взору предстала лужа, бывшая совсем недавно мороженым различных сортов. Мальчик был бы рад мороженому; когда теперь ему придется им полакомиться? Может статься, что уже никогда. Впервые за все время Метью задумался о долговременных аспектах выживания. Самолеты так и не появились. Жизнь сулила немалые трудности — о, еще какие!

Метью откопал мороженые мясные и овощные продукты в целлофане. Их можно съесть сразу, а консервы отложить на потом. Главная задача — откопать за ближайшие дни как можно больше банок, а потом убраться подальше от развалин и переждать, пока похороненные под руинами тела не смешаются с очистительной землей. Сколько времени это займет? Несколько недель? Несколько месяцев? Во всяком случае, после этого можно будет снова приступить к разработке месторождений.

Хорошо, но что будет через год, через несколько лет? В полях зреет урожай. Можно сажать картофель. Или разыскать кукурузу и заняться ее возделыванием. Возникнут трудности с белками... Метью мигом смекнул, что это будут не просто трудности, а колоссальные проблемы: ведь не осталось ни скота, ни рыбы — море-то отступило... Правда, могли выжить кролики — ведь выжили крысы... Он сморщился от брезгливости и постарался выкинуть малоприятные мысли из головы. Лучше сосредоточиться на настоящем — будущее позаботится о себе само.

Осколки стекла и раздавленные конфеты подсказали ему, что цель близка. Углубив раскопки, он набрел на шоколад и подобрал для Билли несколько плиток. Вскоре ему попался

ветхий мешок, в который можно было сложить все найденные сокровища. Метью облегченно вздохнул, но спустя секунду вспомнил, сколько всего для жизни им еще недостает. Он набил мешок и забросил его на спину.

В поле они с Билли сложили из кирпича подобие кухни, насобирали хворосту и развели огонь. В одной из кастрюль Метью сварил суп из мяса, гороха и сладкой кукурузы. Когда варево было готово, отлил немного в другую кастрюлю, отнес ненадолго в канаву, чтобы охладить, а потом подал Билли, вручив ему вместо ложки черпак.

— Ну и как на вкус? Съедобно?

— Очень даже.

— Рука не беспокоит?

— Побаливает, только чуть-чуть. — Мальчик указал на что-то пальцем. — Глядите!

По траве кралась в их сторону белая кошка, как видно, привлеченная запахом пищи. Подойдя к Метью, она выгнула спину и потерлась об его ногу. Домашняя, добродушная кошка, привыкшая, чтобы ее баловали и ублажали. Билли протянул ей кусочек мяса; она подбежала к нему, понюхала и аккуратно взяла мясо из его пальцев.

— Выходит, кое-кто все-таки выжил, — молвил Билли.

— Кое-кто. Не думаю, что очень многие.

— А люди?

— Маловероятно. Собаки и кошки еще могли оказаться вне построек, когда началось землетрясение. Кроме того, чем меньше животное размером, тем вероятнее, что оно не поплатилось переломанными костями.

Билли доел свою порцию.

— Боюсь, что не смогу предложить тебе на десерт пудинг, — вздохнул Метью. — Вот это сойдет?

Он извлек из кармана шоколадку и с удовольствием увидел, какой радостью осветилось мальчишеское лицо.

— Вот спасибо! Можно предложить немножко Паутинке?

— Если хочешь — предложи, только немного. Скорее всего ты теперь не скоро сможешь снова полакомиться сладостями.

Метью налил немного супу себе. Кушанье оказалось не таким уж скверным, хотя сладкая кукуруза разварилась не

до конца. В кастрюле осталось мясо, и он отложил его для кошки. Кошка, урча от наслаждения, принялась за угощение. Если выжила одна кошка, то найдутся и другие. Конечно, они одичают, зато размножатся. Кошка — не такой уж завидный источник протеина, но это все-таки лучше, чем омерзительные крысы. Кроме того, можно охотиться на ежей — цыгане, кажется, запекают их в глине.

Метью уже поднялся, собираясь идти к канаве мыть посуду, когда земля снова резко ушла у него из-под ног. Он услышал крик Билли и увидел его лежащим на земле. Пока он бежал к нему, последовал новый толчок, и Метью предпочел плюхнуться наземь рядом с мальчиком.

— Моя рука... — пожаловался Билли с искаженным болью лицом. — Кажется, с ней все в порядке, но я не уверен...

— Дай погляжу. — Метью осторожно пощупал руку. Лубок был на месте. — Возьми-ка еще шоколадку — глядишь, и полегчает.

Земная твердь утихомирилась. Метью помог мальчику подняться.

— Землетрясения теперь будут всегда? — спросил Билли.

— После главного некоторое время продолжаются слабые толчки — надо же земле успокоиться. Так что приготовься падать только на здоровую руку.

Разговоры с мальчиком помогали и самому Метью. Как только земля принималась дрожать заново, его охватывал безотчетный страх. Если бы не присутствие Билли, его бы вовсе парализовало от ужаса. В такие минуты оставалось одно желание — сжаться в комок, закрыть глаза и уши и все забыть.

Мальчик всхлипывал, всем хрупким тельцем содрогаясь от сдерживаемых рыданий.

Метью обнял его за плечи:

— Боль скоро утихнет. Почему ты не ешь шоколадку?

— Дело не в этом...

— А в чем же?

— Кошка...

Метью огляделся, но не увидел на траве ничего, кроме кусочков мяса из супа.

— Что — кошка? — не понял он.

Рыдания не прекращались. Метью никак не удавалось разобрать, что бормочет Билли.

— Ладно, не расстраивайся...

— Она убежала... Я думал, она останется с нами, а она убежала. Мне так хотелось, чтобы она осталась!

Дело было, конечно, не в кошке, а в его родителях и сестре; Билли оплакивал все те ужасные события, которые произошли с тех пор, как он мирно улегся спать вчера вечером.

— Еще вернется, — попытался успокоить его Метью. — Она просто струхнула, только и всего. Я тоже испугался. Не волнуйся. Пройдет немного времени, и она вернется.

Билли по-прежнему рыдал; Метью беспомощно застыл с ним рядом. У него внутри все сжалось — унизительное чувство, с которым нельзя было ничего поделать. То ли дело Билли — ему можно позавидовать.

Ближе к вечеру Метью занялся лагерем. Необходимость оставаться на открытом месте вступила в противоречие со страхом пространства. Выяснилось, что человеку во что бы то ни стало надо где-то приткнуться, забиться в угол, найти спасительную опору. Метью остановил выбор на участке с краю поля, на горке. От изгороди почти ничего не осталось, но поблизости возвышался внушительный валун, отмечавший угол поля, и он рождал иллюзию хоть какой-то надежности. Вдоль бывшей изгороди тянулась канава с водой. Метью отправился вдоль нее и выяснил, что неподалеку из-под земли бьет ключ — самый надежный источник питьевой воды.

Ему удалось вытащить из собственного гаража большой кусок непромокаемого брезента. Брезент оказался задубелым и покоробившимся, однако он по крайней мере сможет защитить от дождя. Впрочем, дождь им пока не грозил: денек выдался спокойным и солнечным, как и подобает в начале лета. Метью привязал края брезента к забитым в землю кольям, устроив навес, вместо стен же приспособил одеяла. Получилось неуклюжее подобие палатки, в которой им будет не так уж плохо на пару. Используя Паутинку как вьючное животное, он привез в лагерь два матраса, раскопанных на руинах дома, принадлежавшего мисс Люси. В процессе раскопок наткнулся на тело самой хозяйки и, на-

крыв его, отметил место вертикально поставленной доской. Придется и впредь поступать так же, чтобы не тревожить трупы, занимаясь дальнейшими раскопками.

Наступили сумерки. Небо оставалось по-прежнему безоблачным. Метью снова сварил густой суп из припасов, найденных в разбитом морозильнике, а на десерт вскрыл банку консервированных персиков. К тому времени в их распоряжении были и нормальные ложки; запас необходимых предметов постепенно разрастался. Метью с радостью выпил бы кофе, однако кофе среди их сокровищ пока не завелся. Еще бы покурить! Не то чтобы он заядлый курильщик, но сигаретка пришлась бы сейчас как нельзя кстати.

Палатка стояла выходом на юг. Когда лагерь был разбит, наступила кромешная тьма, и оставалось только любоваться на звездное небо. На горизонте пылало зарево. Где это, во Франции? Охваченный пожаром город или новый вулкан? Второе предположение представлялось более вероятным. На острове по крайней мере не возникло никаких пожаров — потому, наверное, что следовавшие один за другим толчки погасили все очаги возможного возгорания.

— Как ты себя чувствуешь, Билли? — осведомился Метью.

— Хорошо, мистер Коттер. — Мальчик запнулся. — Она так и не вернулась?

— Кошка? Дай ей еще немного времени. Мы ее найдем, вот увидишь. А теперь спи, Билли.

Самому Метью долго не удавалось уснуть. Воодушевление, охватившее его благодаря встрече с мальчиком и необходимости заботиться о нем, сейчас, в темноте, улетучилось. Ощущая полный упадок сил, он растерянно смотрел на зарево, охватившее горизонт на юге. Зарево то усиливалось, то ослабевало. Пламя, бушующее в жерле вулкана, отбрасывало бы схожий отблеск, подумал он, — как, впрочем, и объятый пожаром город. Метью попробовал отыскать в душе чувство сострадания ко всем остальным людям, к миллионам, которые уже погибли или все еще испытывали страдания, однако попытка не удалась. Он не мог представить себе реальных лиц... Впрочем, мог. Одно лицо.

Стоило ему провалиться в забытье, как начал сниться сон. Он снова пережил недавний ужас: и дрожь земли, и

зрелище рассыпающихся в пыль кирпичей, и оглушительный стон отступающего моря. Однако все прочие звуки перекрывал голос Джейн... Метью заворочался и заставил себя проснуться. По его телу тек пот, земля же и вправду колебалась, но несильно; к такой остаточной дрожи они уже успели привыкнуть. Билли спал.

Метью очень долго не мог уснуть: он лежал с открытыми глазами, вспоминая тщетный зов дочери.

4

Рано поутру произошел мощный толчок, разбудивший обоих. Земля ходила ходуном на протяжении секунд тридцати, и Паутинка уже отчаянно голосила в поле неподалеку от палатки. Метью схватил мальчика за руку:

— Ничего, ничего, сынок. Ерунда! Видишь, все кончилось.

Темнота только начала рассеиваться, но и в этом сумеречном свете было видно, как побелело детское личико.

— Я уже думал, что все начинается снова, — признался мальчик.

— Куда там! Все кончено. Видишь? Как твоя рука?

— Не двигается. А так — ничего.

— Вот и славно. — Метью выбрался из-под одеяла. — Так, раз будильник прозвенел, не грех размяться. Сперва я приготовлю завтрак, а потом отправлюсь за добычей. За ближайший день-два надо будет набрать как можно больше еды.

Билли рывком сел:

— И я с вами.

— Это ни к чему.

— Но мне очень хочется. — Он помялся. — Мне так не нравится оставаться одному!

— Тут ты прав. Кстати, сможешь умыться одной рукой?

На ночь Метью убрал растопку — хворост и обрывки бумаги — под навес; теперь он вытащил все это наружу и развел огонь. Луна в небе бледнела на глазах, звезды и вовсе пропали. С востока дул легкий ветерок. Ослица, придя в себя, спокойно щипала покрытую росой траву. Метью открыл банку свиных

сосисок и разогрел еду на костре. Поддевая сосиски веточками, они с грехом пополам позавтракали.

Метью припомнил последний званый ужин, на котором ему довелось побывать: крохотные колбаски на палочках размером с зубочистку, подаваемые гостям закуски на серебряном блюде, атмосферу язвительного зубоскальства и безвкусной роскоши. Неужели с тех пор минуло всего десять дней? Он был готов поклясться, что куда больше.

Они перегнали Паутинку на новый участок — здесь выросла высокая трава, совсем готовая под покос, — и отправились на промысел. Первой целью, которую избрал себе Метью, был Сент-Питер-Порт. Город наверняка лежал в руинах, однако тамошние магазины смогут обеспечить всем необходимым — стоит только до них добраться. Поразмыслив, по какой дороге было бы лучше всего подойти к городу, он остановился на южном направлении. Здесь можно передвигаться по открытому пространству, не перелезая через развалины, а потом попасть прямиком в центр. Главные объекты: аптека, инструменты, продовольствие, обувь. Набрать как можно больше всего и спрятать. А потом пригнать Паутинку и навьючить ее всем этим добром.

Проходя мимо разрушенного жилья, они, как и накануне, звали живых, уже ни на что не надеясь. Попались три собаки и две кошки, однако вчерашней они так и не встретили. Кое-где взору представали странные картины: то устоявшая стена высотой в восемь футов, то совершенно целый телевизор, почему-то оказавшийся на верхушке пирамиды из обломков жилья. Порой приходилось отворачиваться: в одном месте они увидели труп мужчины, который успел наполовину высунуться из окна, прежде чем его придавило рухнувшей рамой; в другом — попалась окровавленная рука, валяющаяся посреди дороги, подобно отломившемуся от ветки сучку. Потом они наткнулись на ребенка: сперва показалось, что тело его нетронуто, но, подойдя ближе, они увидели, что ночью здесь побывали крысы. Метью отвернулся, с трудом поборов тошноту, и заставил мальчика глядеть в другую сторону.

Они отклонились от маршрута, чтобы наведаться к Мэг Эшвел. Ее дом, окруженный пышным садом, стоял в не-

большом овраге. Теперь аккуратную лужайку перед фасадом прорезала трещина; дом развалился пополам. Разрушение было таким безжалостным, что искать под развалинами живых не имело никакого смысла. Постояв немного перед остатками дома, Метью раздумал кричать.

— Тут жили ваши знакомые, мистер Коттер? — не вытерпел Билли.

— Да. — Он попятился, не желая нарушать тишину. — Пойдем.

Они поднялись на холм. Улицу Форт-Роуд с обеих сторон обрамляли завалы битого кирпича. Отсюда открывался самый живописный вид: справа лежал Форт-Джордж, поросший лесом, а впереди — морская гладь, из которой поднимались острова помельче — Херм, Джету, Сарк; в хорошую погоду можно было увидеть и сверкающие на солнце скалы острова Олдерни. Внизу террасами спускался к морю город.

Первым делом Метью разглядел острова. Они остались на прежних местах, только теперь это были не острова: их окружала не вода, а камни, песок, водоросли. На середине пролива Расселла лежал на вздыбившейся отмели грузовой корабль с пробоиной в борту. Рядом с пристанью выделялся замок Корнет, от которого осталось лишь несколько кусочков стены, словно зубы, чудом сохранившиеся во рту черепа. Еще ближе...

Метью был готов к зрелищу полного разрушения, даже пустыни из кирпича и каменной пыли, однако реальность оказалась еще страшнее. От города вообще ничего не осталось. Там, где недавно стояли дома и магазины, теперь была только земля и камень, словно Метью и Билли перенеслись в доисторическую эпоху. Угадывалась лишь линия причала; неподалеку торчал остов портового крана. Приглядевшись, Метью увидел, что дно пролива густо усеяно всяческими обломками. Прежде он видел руины; теперь же ему довелось познакомиться с новой картиной: город был буквально стерт с лица земли.

Стоявший бок о бок с ним Билли спросил ровным голосом:

— Как это получилось?

— Это все море.

— Море?

— Оно обрушилось, как гигантская стена, — ответил Метью скорее самому себе. — Как таранящая стена, сметающая все на своем пути. Боже мой! А я-то думал, что тут могли заняться пожары!..

Они молча смотрели вниз. Отчетливо прослеживался путь приливной волны, слизнувшей город с прибрежных холмов и устремившейся дальше к северу. От Сент-Семпсона тоже наверняка ничего не осталось, как и вообще от всей северной оконечности острова.

— Вы собираетесь спускаться, мистер Коттер? — осведомился Билли.

Метью покачал головой:

— Во всяком случае, не сейчас.

Однако он никак не мог оторвать взгляд от страшной картины, пытаясь совместить то, что осталось в его памяти, с новой реальностью.

Билли оглянулся и неожиданно позвал:

— Мистер Коттер!

— Да, Билли?

— Человек!

Метью тотчас обернулся. До приближающейся фигуры оставалось не более пятидесяти футов. Это был мужчина лет шестидесяти, однако вид его был настолько плачевен, что о возрасте трудно было судить с какой-либо определенностью. Он был бос и грязен, на нем болталась всего лишь драная и покрытая пятнами красная пижама. Длинное худое лицо напоминало один сплошной синяк, волосы были густо припудрены пылью. Руки его были исцарапаны и все еще кровоточили. Но самое поразительное было в другом: человек приближался к ним, словно не замечая их присутствия.

Метью подумал было, что незнакомец ослеп, но потом заметил, что тот уверенно шагает по неровной дороге.

— Выходит, вы тоже выжили! — окликнул он. — Откуда вы?

Человек ничего не ответил. Оказалось, что он идет не к мужчине с мальчиком, а к обрыву над уничтоженным горо-

дом. Остановившись, незнакомец устремил взор на оголившиеся склоны.

— На них обратил взгляд Господь! — Вполне нормальный голос; говоривший был, несомненно, образованным человеком. — Святые и пророки обращались к ним с предостережениями, однако ими пренебрегли. Тогда посреди ночи Господь взглянул на несчастных и зарыдал от их неправедности. Слезы Его были подобны ударам молнии, вздохи же пронеслись как ураганы.

— Как видно, вам здорово досталось, — сказал Метью. — Вы хоть ели что-нибудь с тех пор? Пойдемте-ка с нами, мы вас накормим.

Он подошел к незнакомцу и прикоснулся к его руке. Однако тот по-прежнему изучал картину чудовищного опустошения.

— Вон там! — молвил он. — Там они и жили. Ели, пили, лгали, мошенничали, плясали, играли, развратничали. И в какую-то секунду, стоило Создателю только моргнуть, их смело с лика земли.

— Вам бы перекусить, — воззвал Метью к его благоразумию. — Пойдемте с нами.

Он взял несчастного за руку, собираясь повести за собой. Но тот вырвался и впервые взглянул на Метью:

— Почему же Он пощадил меня? Я тоже лгал и мошенничал. Я вожделел, обжирался, богохульствовал. Почему же страшная месть минула меня?

Отвратительнее всего было не безумие, а именно одержимость. Впрочем, возможно, это и есть истинное сумасшествие. Только зачем такая мелодраматичность, зачем дурное позерство, звенящее в голосе? «Я ничего не могу для него сделать, — подумал Метью. — А быть с ним рядом вредно для мальчишки».

— Пора возвращаться, Билли, — произнес он. — Нам здесь нечего делать.

Билли, который и так все это время испуганно пятился, согласно кивнул. Они зашагали было назад, но незнакомец окликнул их:

— Подождите!

Метью обернулся. Человек шагнул к ним:

— Я должен покаяться в своих грехах! Пока Господь снова не обратил на нас свой взор, я должен покаяться.

— Кайтесь перед самим Господом, — посоветовал Метью. — Я не священник.

Он тронул Билли за плечо, и они пошли дальше. За их спинами послышался шорох камней: человек преследовал их.

— Слушайте, — настаивал он. — Слушайте! Я богохульствовал. Я поминал Господа нашего всуе. Я мошенничал. Занимаясь в Англии бизнесом, я клал в собственный карман деньги, причитавшиеся компании, акционерам. Я пил, я вожделел женского тела...

Он брел шагах в десяти позади, упрямо взывая к ним. Метью остановился, безумец тоже.

— Замолчите, — сказал Метью. — Мы не желаем этого слушать. Идите прочь и ищите покоя наедине с самим собой.

Метью ускорил шаг, увлекая за собой Билли. Однако безумец не унимался.

— Нет, вы будете слушать! — Теперь голос звучал не только мелодраматически, но и раздраженно. — Вы обязаны выслушать меня, чтобы душа моя смогла обрести спасение. Ведь я был отъявленным грешником, таким же, как и все те, кто пал от божественного гнева. Я знал одну женщину... Сейчас она мертва, как и все прочие. Рот ее был что мед, и груди — что мягкие зрелые плоды. Она взглянула на меня, и я испытал соблазн...

Метью остановился и подобрал с дороги камень.

— Пойдите прочь! — прикрикнул он. — Уймитесь. Я не шучу!

Безумец бесстрашно воззрился на Метью и захохотал:

— Вам придется меня выслушать. Сперва я был единственным, кто спасся, но теперь появились вы с мальчишкой. Вы выслушаете исповедь о моих грехах, а мальчик донесет мое послание до грядущих поколений. О, как я вожделел эту женщину! И вот ночью...

Метью запустил в него камнем, но промахнулся. Одержимый снова захохотал. Тогда Метью набрал целую горсть камней и принялся швырять их один за другим, все больше свирепея и чувствуя потребность искалечить надоедливого безумца, а то и прикончить его. Камни ударялись о тулови-

ще мужчины, но он по-прежнему покатывался со смеху. Наконец камень попал ему в щеку, и смех прекратился. Незнакомец поднес руку к лицу; между его пальцами проступила кровь. Теперь он стоял как вкопанный, пялясь на неуступчивых смертных.

— Лучше оставьте нас в покое, — предупредил его Метью.

Сказав это, он устремился дальше, волоча за собой Билли. Шаги позади утихли. Забравшись на вершину холма, Метью оглянулся. Человек остался неподвижно стоять на прежнем месте.

— Он сумасшедший, да? — робко спросил Билли.

Метью уже успел проникнуться отвращением к самому себе. Он понятия не имел, как обуздывать безумцев в мире, уничтоженном до основания; с другой стороны, стоило им натолкнуться на человека — возможно, единственного, кто, помимо них, пережил катаклизм, — и он принялся метать в него камни. Самым постыдным было воспоминание о радости, охватившей его при виде чужой крови.

— Да, не в своем уме. Но, как ты понимаешь, нашей вины в этом нет. Думаю, несчастный оказался в ловушке и еле выбрался. Теперь он сам не свой.

— Здорово вы его отогнали, — удовлетворенно сказал Билли. — Последним камушком задели по-настоящему!

Метью захотелось ответить мальчику, объясниться, но он не сумел отыскать нужных слов. Впрочем, нужно ли объясняться? Разве не уподобился бы он тогда человеку, застывшему на краю обрыва? Не хватало только по примеру несчастного безумца изливать свои душевные муки на не желающую слушать и не стремящуюся понять аудиторию.

— Пойдем в Сент-Мартин, Билли. Там есть аптека. Я немного покопаюсь и посмотрю, чем можно поживиться. Еще там есть магазин инструментов и несколько продовольственных лавок. Вряд ли мы увидим такое же опустошение, как в Сент-Питер-Порте. Да и до нашего лагеря оттуда не так далеко.

— Значит, у нас лагерь, мистер Коттер? — Билли запнулся. — Может, сложить у палатки кучу камней — на случай, если он туда доберется?

— Нет, — ответил Метью. — Не думаю, что они понадобятся.

Вскоре они увидели издали кучку людей. Метью с Билли поднимались из долины Хабитс, а незнакомцы находились в Ла-Белльез. Их было примерно полдюжины: двое рылись в куче обломков, остальные неподвижно стояли поблизости. Один из них приметил Метью и его спутника и приветственно помахал им рукой.

Билли вцепился в руку Метью:

— Это не опасно?

— Опасно?..

— Они не могут оказаться сумасшедшими, как тот?

— Не думаю.

Как прореагировал на появление людей он сам? С того момента, как он нашел Билли, в его подсознании поселилось ощущение, что кое-кто все-таки выжил. В этом чувстве крылась надежда, защита от одинокого беспросветного будущего. После встречи с безумцем на краю обрыва надежда переросла в уверенность. Они — не единственные, кто пережил катастрофу, со временем неминуемы встречи с другими людьми; у него будет с кем жить бок о бок, работать, на чьи плечи переложить часть ответственности за мальчика. Теперь надежда, уверенность воплотились в реальность. Почему же он не радуется? Шагая вместе с Билли по направлению к соплеменникам, Метью чувствовал уколы беспокойства, еще не будучи в состоянии объяснить самому себе их причину.

Завидя новичков, двое производивших раскопки отвлеклись от своего занятия. Всего в группе оказалось семеро человек. Женщин было три: темноволосая особа лет шестидесяти с отталкивающей внешностью, пухлая дурашливая блондинка лет двадцати с небольшим и девочка на год-два младше Билли. Если не брать в расчет синяки и ссадины, все трое выглядели вполне здоровыми. Из четырех мужчин один был совсем стар, один — примерно в возрасте Метью, остальным на вид было лет по двадцать пять. Один из молодых людей, тощий кудрявый блондин, сидел пригорюнившись, вытянув вперед перевязанную ногу. Голова старика

была обмотана рваной тряпкой; его зубы выбивали лихорадочную дробь. Ровесник Метью как будто обошелся без серьезных ранений, однако он выглядел рассеянным, и его вроде бы подташнивало. Зато второй из молодых людей кипел энергией. Все остальные были наряжены в разноцветное тряпье, не всегда подходившее по размеру; на этом же был синий комбинезон, который, несмотря на пятна и пыль, придавал ему солидности, а обут он был в высокие кожаные сапоги. Смерив Метью и мальчика задумчивым взглядом, он протянул им руку. Метью ответил ему рукопожатием.

— Меня зовут Миллер, Джо Миллер, — представился молодой человек.

— Метью Коттер. Мальчика зовут Билли Таллис.

Миллер потрепал Билли по волосам:

— Привет, Билли! У тебя непорядок с рукой?

— Сломал при землетрясении. Мистер Коттер помог мне.

— Молодец мистер Коттер. — Миллер обернулся к Метью. — Нам очень кстати полезные люди. От этой шайки нет никакого проку.

У него были длинные, густые волосы; подбородок зарос синей щетиной. Он был крепок и красив, хотя ничем особенным не отличался; в его серых глазах Метью прочел спокойную уверенность.

— Я рад любому, кто способен оказать помощь.

У каждого времени — свои герои. Миллер был в этой кучке счастливчиков несомненным лидером. Он сам прекрасно сознавал это и стремился подкрепить свое положение: в его голосе звучала самоуверенность и вызов чужаку.

— Не знаете, остался ли еще кто-нибудь? — спросил Метью.

— Вы имеете в виду, в живых? Пока не видел. А вы?

— Всего одного, да и тот... ну, в общем, не в себе.

— Свихнулся? — Миллер перевел укоризненный взгляд на своих спутников. — Как и большинство здесь. Их мозги еще не пришли в порядок после встряски. Видели город?

— Только что, — кивнул Метью.

— Как только мне удалось выбраться, я направился прямиком туда. Ну и зрелище! И Сент-Семпсон не лучше. Тут —

единственный приличный торговый центр, от которого хоть что-то осталось.

— Именно поэтому мы сюда и пришли, — молвил Метью. — Меня особенно интересовала аптека.

— Да вы, я погляжу, сообразительный народ. — Миллер закусил толстую нижнюю губу. — Мне это и в голову не пришло: охотимся за едой и за одеждой. Но вы правы, надо подумать о лекарствах, о бинтах... Побыстрее бы откопать все это, пока не зарядил дождь. — Он посмотрел на Метью в упор. — Где вы провели ночь?

— Мы установили палатку прямо в поле, недалеко от моего дома. Это в Сент-Эндрю.

— А мы расположились неподалеку от Сент-Бей. — Он скорчил гримасу. — Тоже хорошенькое теперь местечко, можете себе представить... Но по крайней мере близко отсюда, да и вонь не должна туда долетать. Вам бы лучше перебраться к нам.

Молодой человек обладал природным умом или во всяком случае сообразительностью. Метью кивнул в знак согласия.

— Еще у нас есть ослик, — вставил Билли.

— Вот это да! — Миллер взглянул на Метью. — Живой и невредимый?

— Да. Правда, не первой молодости. Одна из ослиц мисс Люси.

— Главное, что на четырех ногах! Я углядел несколько живых коров, но все они увечные, долго не протянут. Мамаша Латрон, — он кивнул в сторону старухи, — утверждает, что видела одну корову спокойно пасущейся, но ей видятся к тому же и ангелы, а также Иисус Христос в силе и славе своей... Вот что я вам скажу: мы прямо сейчас пойдем за вашей животиной, прежде чем ее там пристукнут.

— Кто же ее пристукнет?

— Мало ли кто! А останется невредимой — так забредет куда-нибудь. Кстати, вы нагрузите на нее свое добро. — Миллер подозвал ровесника Метью. — Гарри, последи за остальными, пока мы не вернемся. Мне не терпится самому взглянуть, сколько всего им удалось добыть.

— Можешь остаться здесь, если хочешь, Билли, — предложил Метью.

— Лучше я пойду с вами, мистер Коттер.

Миллер дружески потрепал мальчика по подбородку:

— Оставайся, присмотришь здесь за малышкой Менди. Надо же ей хоть с кем-нибудь играть. — Мальчик все еще колебался. — Давай-давай, парень. Делай, как тебе говорят.

Билли вопросительно посмотрел на Метью; тот поощрительно кивнул. Миллер и Метью зашагали прочь. Дети застыли друг против друга в нерешительности.

— Юное поколение, — произнес Миллер. — Я люблю детей, особенно когда они послушные. Кроме того, они нам понадобятся.

— Значит, вам не чуждо долговременное планирование?

— Долговременное, кратковременное — не в этом суть. Просто надо во всем разобраться. Когда что-то делаешь, действуй осмысленно, только тогда добьешься толку. Скажем, есть один вопрос, с которым нам надо покончить, не откладывая его в долгий ящик. — Миллер пристально посмотрел на Метью из-под густых черных бровей.

— Какое?

— Ширли. — Метью недоуменно уставился на него. — Ну, блондиночка. Она моя. — Молодой человек помолчал. Метью тоже хранил молчание. — Как я погляжу, вы куда сообразительней, чем любой из этой моей шайки. Мы сможем с вами столковаться. Не вижу причин, почему бы нам не поладить, только я не хочу, чтобы вышла размолвка из-за девчонки.

— На этот счет у вас со мной не возникнет трудностей, — заверил его Метью.

— И прекрасно! — Миллеру хотелось придать своему голосу беспечности, но было ясно, что ответ Метью снял с его плеч немалую тяжесть. — Я просто хотел убедиться, что мы понимаем друг друга. Где там ваша ослица?

Они расположились на обед неподалеку от места раскопок. Женщины сварили то ли суп, то ли рагу в здоровенной кастрюле и разложили кушанье по разнокалиберным емкостям: в кастрюльки поменьше, в две пустые консервные бан-

ки и в упаковку из-под торта. Единственную целую суповую тарелку вручили Миллеру. Был подан даже десерт — месиво из размороженной смородины со сливками. Насытившись, мужчины уселись на солнышке, с наслаждением затянувшись сигаретами. Доставшаяся Метью сигарета была сильно помятой, но это не испортило вкуса табака.

К тому времени к ним присоединился еще один человек, абориген острова Гернси по имени Де-Порто: маленький, коренастый, круглолицый, с внушительным носом и слегка вытаращенными глазами. Этому фермерскому сыну оказалось тридцать с небольшим лет.

Миллер, сидевший вместе с Метью отдельно от остальных, кивнул в сторону нового спутника:

— С мужчинами у нас все в порядке. Достаточно людей для работы — если только я сумею заставить их вкалывать. Хотя потом наверняка возникнут трудности. Нам бы не помешали еще несколько женщин.

Метью сообразил, что произведен в ранг старшего советника при командующем. Он отнесся к такому развитию событий достаточно безразлично, разве что с вялым любопытством.

— Может, стоит заняться активным розыском выживших? Сперва я вообще думал, что остался один-одинешенек, но люди-то все появляются и появляются. Ведь даже такой страшный катаклизм не может без остатка угробить сорок пять тысяч душ.

— Откуда же мы начнем? — поинтересовался Миллер. — Верно, мы откопали девчонку, мамашу Латрон, Энди — ну, того парня со сломанной ногой... Но откуда вы узнаете, где копать дальше, когда не слышно криков? Пусть даже кто-то еще жив — все равно их рты забиты всякой дрянью.

— А если попробовать прочесывание? Растянуться в цепочку и аукать. Может, кто-то да откликнется. — Он задрал голову. С безоблачного неба безжалостно палило ничего не подозревающее солнце. — Если кто-то оказался в западне, то он долго не протянет. Надо спрятать в холодке продукты.

Миллер прикурил новую сигарету от окурка прежней и протянул пачку Метью, однако тот отрицательно покачал головой. Сигареты подлежали рационированию и выдава-

лись по одной, только у Миллера успел образоваться собственный запас.

— Кажется, вы правы, — согласился самозваный главарь. — Эти чучела могут по крайней мере ходить навостривуши, раз уж им не под силу нормальная работа. Хватит тут рыться. В конце концов, на несколько дней набрали.

— Между прочим, — напомнил Метью, — не надо оставлять еду из морозильника на завтра. Это рискованно.

— Она, кажется, обернута в полиэтилен.

— Все равно можно отравиться.

Миллер выдохнул облачко дыма.

— Наверное, вы и тут правы. Зато консервов у нас хоть отбавляй. — Он посмотрел на собеседника и ухмыльнулся. — А вы мне нравитесь, Метью. У вас есть голова на плечах. Что за облегчение, когда рядом появляется разумный человек! Вы уверены, что не хотите еще сигаретку?

— Уверен. Спасибо.

Миллер спланировал следующую операцию. Согласно его предложению, им предстояло направиться к Тортвелу через Форест и вернуться через Кингз-Миллз. Метью сомневался, что удастся охватить прочесыванием столь обширный район, однако предпочел оставить возражения при себе. Мамашу Латрон, Энди и обоих детей с собой не взяли; Билли пробовал протестовать, но Миллер тут же восстановил порядок. Метью признал его правоту: разыскивая выживших, они вполне могли наткнуться на трупы. Дети уже насмотрелись на ужасы, и нагромождать новые не имело никакого смысла.

Из руин большого дома позади аэропорта на их зов откликнулся женский голос, вернее, стон. Ушел целый час, чтобы добраться до нее. Все это время несчастная издавала душераздирающие стоны, но не могла дать связного ответа на ободряющие речи. Наконец с женщины — полной брюнетки примерно тридцати лет с длинными красивыми волосами — сняли весь хлам, кроме бревна, придавившего ей ноги выше колен. Даже освободившись полностью, она продолжала кричать от боли.

— Что же нам с ней делать? — растерянно спросил Миллер.

— Вряд ли мы сумеем ей помочь, — вздохнул Метью. — У нее наверняка сломан таз, а то и позвоночник, и бог еще знает, что повреждено из внутренних органов. Морфий мог бы облегчить ее страдания, но его-то у нас и нет.

— Значит, она умирает?

— Думаю, да.

— А я уверен в этом! Если бы мы захватили с собой вашу пушку... — Миллер с вызовом посмотрел на Метью. — Хотя нельзя попусту тратить последний заряд.

— Попробую заставить ее принять кодеин, — решил Метью. — Толку от него немного, но это все же лучше, чем ничего.

Кодеин они обнаружили среди прочих медикаментов в груде рухляди и осколков, оставшейся от аптеки. Метью высыпал в пустую консервную банку с полдюжины таблеток, залил их водой и размешал. Женщине приподняли голову, и тут крики несчастной сменились визгом. Впрочем, она предприняла героическую попытку проглотить предложенное питье. Видимо, сработал скорее инстинкт, нежели желание сотрудничать со спасителями: спустя тридцать шесть часов после катастрофы она наверняка страдала от мучительной жажды. После лекарства ей предложили простой воды; брюнетка жадно вылакала и ее. Крики прекратились, но их сменили глухие стоны.

Миллер все это время стоял чуть поодаль, наблюдая за усилиями подопечных.

— Все напрасно, — сказал он наконец. — Мы без толку теряем время. Эштон! — Так звали высокого седого старика, постоянно жаловавшегося на боль при ходьбе. — Оставайтесь с ней. Давайте ей время от времени вот это.

Он извлек из-за пазухи бутылку джина — единственную выпивку, которую им до сих пор удалось обнаружить. Миллер присвоил ее себе. Сейчас он протянул эту драгоценность Эштону.

— Надеюсь, поможет ей угомониться... Только не переборщите и, ради всего святого, не пролейте. Мне самому не обойтись без этого лекарства.

Под домом вблизи церкви Святого Петра нашли еще одного выжившего. Звали его Малливант; он был в шоке,

на руке чуть ниже плеча зияла рваная рана, однако других повреждений у него не оказалось. Впрочем, с ним пришлось повозиться из-за его семейства. Под руинами остались погребенными его жена и две дочери, и он отказывался уходить без них.

— Они погибли! — безжалостно втолковывал ему Миллер. — Вы не один такой: все мы лишились семей. Не будьте же глупцом, слышите? Вы уже ничем не сможете им помочь.

— Вдруг они живы?

— Мы уже битых два часа надрываемся, взывая к живым.

— А если они просто лежат без чувств?

— Они мертвы!

— Я вам не верю, — твердил бедняга в полном отчаянии. — Вы должны помочь мне откопать их.

Миллер молча посмотрел на него и поманил пальцем:

— Идите-ка сюда.

Добираясь до Малливанта, они наткнулись на два детских трупика и накрыли их одеялами с их же постелей. Миллер подвел безутешного отца к ближнему и сдернул покрывало. От лица ребенка осталось одно кровавое месиво; Метью не знал, чем руководствовался Миллер: то ли он забыл эту деталь, то ли жестокость была преднамеренной, преследующей цель вызвать шок.

— Ну что, хотите взглянуть на другую? — спросил Миллер у застывшего Малливанта.

Тот покачал головой и, скорчившись, закрыл исцарапанное лицо руками.

— Вот и все, — грубо бросил Миллер. — Теперь пойдемте с нами.

— Моя жена...

— Она тоже мертва.

— Разве вы нашли ее тело?

Миллер уставился на него в изнеможении, которое, казалось, вот-вот сменится взрывом ярости. Нетерпеливо махнув рукой, он сказал:

— Вас обязательно нужно ткнуть носом? Хорошо, найдем и ее.

Долго возиться не пришлось. Вскоре их взорам предстала молодая рыжеволосая женщина со спокойным, как будто спящим лицом, совершенно неповрежденным, если не считать тонкого слоя белой пыли, образовавшей посмертную маску. Глядя на нее, Малливант разрыдался, содрогаясь всем телом.

Миллер какое-то время не мешал ему. Наконец он промолвил:

— Накройте ее и пойдемте с нами. — Малливант не шелохнулся. Миллер потянул его за руку. — Вы почувствуете себя лучше, когда уйдете отсюда.

— Никуда я не пойду, — пробормотал Малливант.

— Какого черта, с какой стати вам тут торчать? Они мертвы, а вы выжили. Надо смотреть правде в глаза.

— Идите себе! — взмолился Малливант. Слезы прочертили борозды на его запорошенном пылью лице. Он смотрел на Миллера обезумевшим взглядом. — Спасибо, что вытащили меня. Дальше я справлюсь сам.

— А еда? — не унимался Миллер. — Вот увидите, стоит вам чего-нибудь проглотить — и вам полегчает. Не говоря уже о выпивке! На обратном пути мы предложим вам глоток. Это вас мигом излечит.

Однако несчастный, казалось, не слышал его. Немного постояв, он сказал рассудительным голосом:

— Со мной все в порядке. Прошу вас, оставьте меня.

Миллер взглянул на Метью. Тот пожал плечами.

— Ладно, — уступил Миллер. — Поступайте как знаете. Мы расположились вблизи Сент-Бей. Знаете, где это? — Малливант кивнул. — Придете туда сами. — Миллер обернулся к остальным: — Нам тоже пора возвращаться. Давайте возьмем немного севернее, чтобы пройти другой дорогой.

Они не нашли больше живых людей; правда, в одном месте наткнулись на труп мужчины, лежавший в стороне от груды камней, в которую превратился его дом. Метью решил было, что несчастного отбросило подземным толчком и он испустил дух, ударившись о землю, но Миллер привлек его внимание к наручным часам на запястье мертвеца. Это были золотые часы марки «Омега». Метью заметил, что

мужчина одет в шелковую пижаму. Секундная стрелка по-прежнему перемещалась по циферблату. Миллер снял часы с безжизненной руки и поднес их к уху Метью.

— Автоматические. Идут себе. Значит, не более суток назад их хозяин все еще двигался. Взгляните-ка на его руки, на ногти. Он выбрался наружу и только потом испустил дух. Крепкий был парень.

— Да уж, — согласился Метью. Мужчине было лет пятьдесят; видимо, у него не выдержало сердце. — Зароем его?

— Так ли это важно? — Миллер нацепил часы на собственное запястье и восхищенно вытянул руку. — Время дорого!

Они возвратились туда, где оставили Эштона караулить раненую. Старик понуро сидел на камне; заслышав их шаги, он проговорил, не поднимая головы:

— Умерла.

— Возблагодарим Господа, — молвил Миллер. — Значит, я могу забрать бутылку.

Он выжидательно протянул руку. Немного помявшись, Эштон отдал ему бутылку. Миллер открутил крышку и вытер горлышко рукавом. Потом оценивающе подбросил бутылку и потряс, прислушиваясь к плеску жидкости внутри.

— Да она почти пустая!.. Тут не стало половины прежнего количества. Что произошло?

— Девчонке было больно, она то и дело стонала. — Старик беспомощно поднял на Миллера глаза. — Только джин и мог ее успокоить. Я не в силах смотреть на такие страдания.

— Когда она скончалась?

— Недавно, — ответил Эштон. — Минут пятнадцать — двадцать назад.

— Ну-ка, встань, — приказал Миллер. — Стоять-то ты по крайней мере можешь? Я помогу. — Переложив бутылку в левую руку, он правой поставил старика на ноги. Они были примерно одинакового роста. Стоя с Эштоном лицом к лицу, Миллер повторил: — Так когда, говоришь, она скончалась?

— Наверное, полчаса назад.

— Наглый лжец! — Голос его звучал по-прежнему спокойно. — Она умерла вскоре после того, как мы оставили

тебя с ней, ведь так? Ты сам приложился к джину. Значит, посиживал здесь и тянул мой джин?

— Я отхлебнул всего-то капельку! Понял, что она умерла — и... Так меня разобрало...

— Заткнись! От тебя разит, как из бочки! Стоять прямо и то не можешь!

Без всякого предупреждения он нанес Эштону сокрушительный удар открытой ладонью по физиономии. Беднята взмыл в воздух и плюхнулся на кучу битого кирпича в двух футах от мертвой женщины. Миллер бросился к нему.

— Встать! — гаркнул он.

Эштон издал стон, но так и остался простертым. Миллер пнул его ногой раз, другой, третий. После этого, призывая в свидетели Метью, провозгласил:

— Полюбуйтесь, что за славная работенка! Мы нашли живого мужчину, отказавшегося покидать трупы, женщину, которая поспешила умереть, и лишились полбутылки джина. Ладно, пошли домой.

Отряд послушно поплелся следом за командиром. Пройдя ярдов сто, Метью оглянулся. Эштон уже поднялся и теперь угрюмо ковылял за ними.

Вечерняя трапеза была устроена уже в лагере. Пока готовилась еда, Метью отправился прогуляться. Подойдя к краю обрыва, он бросил взгляд вниз. Вместо моря перед ним простиралась песчаная равнина. Можно было подумать, что это всего лишь отлив, но взгляд не довольствовался малым и принимался искать волны, вместо них натыкаясь на безжизненные камни. Ландшафт был под стать лунному. Волны откатились далеко — возможно, даже в небытие.

У Метью не было настроения общаться с себе подобными, он искал одиночества и после ужина. Впрочем, до него все равно доносились голоса и обрывки фраз. Люди без устали обсуждали землетрясение, снова и снова делясь своими ощущениями и рассказывая, как они выбрались из-под развалин. Им никак не удавалось расстаться с этой темой; они, как завороженные, тормошили и тормошили ее, подобно тому как пациент зубоврачебного кабинета без устали трогает языком дупла, рассверленные дантистом... Метью

постарался побороть осуждение. Надо смотреть в лицо реальности, твердил он себе, и извлекать максимум из создавшейся ситуации. Какое-то время ему все равно придется пробыть среди этих людей. С болью в душе он вспомнил свою Джейн, ее свежесть, чудесную искренность. Это — тоже реальность, с которой надо смириться. Он попытался избавиться от горьких мыслей, однако попытки не принесли успеха: при всей болезненности воспоминания эти были для него совершенно необходимы.

Из мечтательного состояния Метью вывела новая вспышка насилия. Миллер ненадолго отлучился, и недавний новобранец, Де-Порто, подсел к Ширли. Спустя недолгое время ему удалось уговорить ее пойти прогуляться. Они уже удалялись от убогих палаток, из которых состоял лагерь, когда на их пути вырос Миллер. Он не стал тратить времени на разговоры, а тут же набросился на соперника с кулаками. Де-Порто увернулся от удара и попытался дать сдачи. Мужчины долго колотили и пинали друг друга, предмет же раздора наблюдал за потасовкой со смесью удовольствия и тревоги на глупом припухлом личике.

Миллер проявил себя более крепким и умелым драчуном. Де-Порто очутился на земле и уже не делал попыток встать. Тем схватка и завершилась. Миллер подскочил к девушке и отхлестал ее по щекам, заставив разреветься. Она бегом вернулась к их общей с Миллером палатке и с рыданиями скрылась внутри. Миллер проследил за ней взглядом и присел рядом с Метью на камне.

— Глупая хрюшка, — буркнул он. — Придется время от времени поступать так с каждым. Энди тоже не избежал бы трепки, если бы не его сломанная нога, — я видел, какими глазами он на нее глазеет. И ей поделом — это научит ее уму-разуму.

— Думаете, вам удастся долго продержаться?

— В каком смысле «продержаться», Метти?

— По-моему, она не из тех, кого можно надеяться бесконечно держать под чадрой.

Миллер некоторое время безмолвствовал. Метью испугался было, что его замечание могло вызвать обиду; неужели, несмотря на тон, в котором Миллер говорит с ней и о

ней, он испытывает к девушке искреннюю симпатию? Однако у Миллера уже был готов ответ:

— Не бесконечно, но достаточно долго.

— В каком смысле «достаточно долго»?

Собеседник ухмыльнулся:

— Чтобы удостовериться, что она забеременела, и именно от меня.

— После чего вы снимете все возражения?

— Там видно будет. Я реалист, Метти. В конце концов, шестеро мужчин и одна созревшая девица — пускай даже четверо, если не брать в расчет Эштона и вас... Только пускай сперва появится ребенок.

— Наверное, вы мечтаете о мальчике?

— Это уж точно!

— Сын короля Миллера Первого!..

Они снова примолкли. Миллер уставился на пустой горизонт, где темнело послезакатное небо. Солнце село в облака, и на юго-западе сгустились тучи, кое-где подведенные красным.

— Как, по-вашему, обстоят дела в других местах? — спросил Миллер.

— Не знаю. Вполне вероятно, что весьма печально.

— Вот и я рассуждаю так же. Иначе мы бы уже увидели самолеты, верно? Можно ручаться, что здоровенный пинок получила не только Европа, но и Америка.

Метью припомнил вечер у Карвардинов, неспешную дружескую беседу цивилизованных людей у камина...

— Не так давно я слышал разговор о землетрясениях: мол, Британские острова лежат в стороне от зоны, где могут разразиться крупные катаклизмы.

— Что ж, теперь тот, кто это говорил, полностью посрамлен.

— Он еще утверждал, что районы, подверженные сильным подземным толчкам, расположены там, где горообразование завершилось в последнюю очередь, — в Альпах, Гималаях, вокруг Тихого океана. Возможно, это самое горообразование опять началось... Вдруг в Норвегии или где-нибудь в Новой Англии вознесся новый Эверест? Я хочу сказать, что мы еще легко отделались.

— Полагаете, концерт может возобновиться? — Они уже привыкли к умеренным толчкам, которые повторялись с перерывами на протяжении всего дня. — Такой же кошмар, какой мы уже пережили?

— Кто знает? Во всяком случае, я еще несколько месяцев не рискнул бы устраиваться на ночлег под крышей.

— Вам и не предоставится подобной возможности. — Миллер вытащил сигарету и угостил Метью. — Берите, пока есть. Все теперь будет не так, как прежде, верно? Во всяком случае, на протяжении нашей жизни.

— Согласен.

Метью прикурил от сигареты Миллера. Человек одних с Метью лет по имени Гарри завистливо наблюдал за ними. Уж лучше бы отдать ему сигарету, чем превращаться в объект тоскливого созерцания. Впрочем, не стоит и пытаться — Миллер будет решительно против.

Выпустив колечко дыма в неподвижный воздух, Миллер сказал:

— Хорошо, что это произошло сейчас, а не зимой.

— Еще бы.

— Сейчас мы хотя бы можем что-то предпринять, организовать. Куда без этого денешься? Придется, конечно, попотеть, но игра стоит свеч. Пройдет лет двадцать, и нас сменят наши дети. — Миллер оглянулся на свою палатку, откуда все еще доносились нарочитые завывания. — Господи, лишь бы она народила парней! И первый пускай будет моим. Замолчи там, слышишь, дуреха? — прикрикнул он и поднялся. — Лучше пойти и унять ее по-настоящему. Пока, Метти.

Метью остался сидеть, докуривая сигарету. Из палатки донесся голос Миллера, звучная пощечина, истерический визг — и наступила тишина.

Стоило Метью докурить сигарету, как рядом с ним вырос Билли.

— Мистер Коттер! — окликнул он его.

— А, это ты, Билли! Ну, как твоя рука?

— Более или менее. Мистер Коттер!

— Да?

— Хорошо бы нам с вами разбить собственный лагерь.

— Ничего не получится. И потом, здесь у тебя есть Менди, ты можешь с ней играть.

Мальчик передернул плечами. Он все еще пребывал в однополом отроческом мире. Ничего, потом все изменится. Они вырастут вместе, и когда наступит срок... Нет, не так все просто. Времена детских сказочек миновали. Девушка достигнет брачного возраста, когда паренек будет еще слишком юн, чтобы заявить свои права, и достанется кому-нибудь другому — возможно, тому же Миллеру. В возрасте двенадцати — тринадцати лет она превратится в женщину, а через год станет матерью. Если тупица Ширли произведет на свет вереницу сыновей, как уже спланировал Миллер, Билли придется дожидаться, пока подрастут дочери самой Менди. Что ж, не такая уж мрачная перспектива, рассудил Метью. Однако ему не хотелось размышлять о будущем, оно вызывало у него только отвращение.

— Значит, мы не сможем вернуться? — не унимался Билли.

— Нет. А даже если бы могли, они бы не отпустили с нами Паутинку.

На детском личике отразилась попытка постигнуть сложности взрослого мира. Возможно, в будущем Билли сменит Метью на посту главного советника Миллера, станет опекуном его сыновей; впрочем, племя может превратиться в арену соперничества, оказаться под пятой тиранов, изнывая от их алчности и обоюдной ненависти. Нет уж, мелькнула у Метью мысль, как здесь ни обернется дело, он не желает быть этому свидетелем.

— Шел бы ты лучше спать, Билли. Завтра у нас много дел.

5

Следующий денек выдался на славу.

Начался он в серый предрассветный час с переполоха. Метью разбудили встревоженные голоса, а также новый, непонятный звук, который он принял спросонья за корабельный гудок. Метью выбрался из палатки, протирая глаза и чув-

ствуя, что что-то стряслось, но еще не представляя, что именно. Его ждало зрелище, напоминающее веселую комедию на открытом воздухе. Две палатки были сорваны, под одной из них барахтались люди, запутавшиеся в одеялах. Мамаша Латрон, облаченная в ночную рубашку и мохнатый свитер, а также в мужские носки из серой свалявшейся шерсти, что было сил звала на помощь. Причина ранней побудки стояла тут же, недоуменно рассматривая всполошившуюся даму и также подавая голос, только на несколько тональностей ниже. Это была корова.

Ясность наступила, когда люди опомнились от неожиданности. Мамаша Латрон прекратила истерику, а очутившиеся в брезентовой западне выбрались на волю. Миллер вышел к своему народу в брюках и рубашке, а нагую Ширли загнал назад в палатку. Увидав корову, он воспылал алчной радостью:

— Вот здорово! Правда, здорово, Метти? Я не поверил старой карге, когда она утверждала, что видела корову на всех четырех ногах, а она, оказывается, не врала. Гляди-ка, корова прибрела сюда, прямиком к ней! Уж не ведьма ли эта старуха? Эй, мамаша, вы, часом, не ведьма? Поберегитесь, не то мы отправим вас на костер.

Вождь соизволил пошутить, но слишком неуклюже, чтобы кто-нибудь рассмеялся. Метью подумал, что такие шуточки вполне могут здесь прижиться: остров традиционно считался логовом ведьм, и здешние жители боялись их пуще всего.

— По-моему, ясно, зачем она сюда явилась, — сказал он. — Взгляните на ее вымя.

— Бедная животина! — посочувствовал Миллер. — Собралась плеснуть нам молочка — только подставляй бутылку. Ну, кто у нас тут главный дояр? Как насчет вас, Метти?

Тот покачал головой:

— Я так и не освоил это мастерство.

В конце концов Де-Порто сознался, что в юные годы ходил за коровами. Дояру пришлось встать на колени; молоко ударило струей в большое пластмассовое ведро, найденное среди развалин и предназначавшееся для воды. Сперва у Де-Порто не очень-то получалось, но он быстро при-

норовился, и дело пошло на лад. Остальные сгрудились вокруг, подбадривая его.

— Теперь за это будешь отвечать ты, Хилари, — распорядился Миллер. — Дейзи — твоя забота. Берегись, если с ней что-нибудь произойдет. Кто знает, может, для нее отыщется бык.

После завтрака мужчины снова отправились на поиски выживших, на сей раз ограничившись участком между Сомарез-Роуд и прибрежными скалами. Они так никого и не нашли, зато в одном месте, где четыре дома обрушились на маленький дворик, на незаваленном участке скреблись куры, разбрасывая нагретую солнцем пыль. В одном углу была обнаружена кладка из трех яиц, в другом — из двух. Миллер велел Эштону присматривать за яйцами, пригрозив ему страшными карами, если хоть одно яичко расколется или потеряется. Кур они поймали и скрутили им лапы проволокой.

— Отнеси их в лагерь, Хилари, — распорядился Миллер. Однако, глядя, как Де-Порто зажимает кур под мышками, он изменил решение. — Нет, передумал. Берите-ка их вы, Гарри. Эштон пойдет с вами и отдаст яйца женщинам. Встретимся наверху, у форта Джордж.

Даже после взбучки, которая на первый взгляд должна была образумить обоих, Миллер не хотел допустить, чтобы Де-Порто оказался рядом с Ширли в его отсутствие. Миллер понимал, что целомудрия тут можно добиться только ценой неусыпного надзора. Ширли чисто инстинктивно опрокидывалась на спину при появлении рядом с ней любого мужчины, Де-Порто же, как он подозревал, прирожденный развратник.

Вскоре поисковой группе попался давешний сумасшедший. Как видно, он ограничил свои скитания небольшим пятачком, где ему случилось столкнуться с Метью и Билли. На сей раз он соблюдал дистанцию, довольствуясь апокалиптическими завываниями. Миллер ответил ему цветистым и энергичным ругательством, но тоже не пошел на сближение.

— Не заглянуть ли нам в Вард? Полагаю, там все столь же безнадежно, как и здесь, но приглядеться не помешает.

Каждый нес на спине мешок, в который складывалось все мало-мальски пригодное. Метью, не пренебрегая лю-

бым добром, особенно интересовался одеждой и обувью для себя и для Билли. Пока в их племени заведется собственный сапожник, пройдет немало времени. Он с радостью подобрал две пары обуви — одну в самый раз для Билли, другую ему же на вырост. Нашлись башмаки и для него самого. Кроме того, попался один тяжелый туристский ботинок, размера на два больше, чем нужно; немного поразмыслив, Метью прихватил и его. Несмотря на его тяжесть и полную непригодность в единственном числе, Метью надеялся отыскать для него пару. Что касается размера, то это и вовсе не беда: всегда можно надеть лишние носки.

Однако наиболее ценная находка ждала среди руин большого дома неподалеку от Варда. Метью отошел ярдов на двадцать — тридцать от остальных, шаря в россыпи книг в кожаных переплетах, расколоченного хрусталя, всевозможных щепок и кирпичной крошки. Внезапно ему на глаза попался уголок какой-то коробки. Он поспешил откопать ее и, еще не видя этикетки, понял, что попало ему в руки: эту темную маслянистую коробку трудно было с чем-то спутать. Восьмой калибр. Две дюжины патронов!

Метью опасливо оглянулся. Никто из его товарищей не наблюдал за ним; Миллер делал призывные жесты Де-Порто и Эштону. Надо было решаться. Миллер не претендовал на ружье: в стволе оставался всего один патрон, и он не считал разумным вступать из-за такой безделицы в конфликт с человеком, чью поддержку считал необходимой. Однако при появлении боеприпасов... С другой стороны, размышлял Метью, так ли это существенно? Ведь он и не помышляет бросать Миллеру вызов, будь то в роли лидера или любой другой. Раз так, можно без всякого риска передать двустволку вместе с амуницией... До его слуха донесся голос Миллера: «Пошевеливайтесь, лентяи! Целый день шляетесь без толку!» В небе уже появились облака, но солнце сияло по-прежнему. Было тепло, в воздухе разливался сладковатый запах гниения.

Метью запустил руку в мешок и вытянул оттуда подобранный раньше прорезиненный плащ. Потом тщательно завернул коробку в плащ, в два слоя для пущей сохранности, оглянувшись, чтобы удостовериться, что за ним не под-

сматривают, вырыл в мусоре ямку и положил в нее свою находку. Напоследок он постарался получше запомнить место, отметив его для верности разбитым графином.

В лагере их ждал обед. Насытившись, Миллер объявил, что поиски надо продолжить в верхней части Сент-Питер-Порта, куда не докатилась чудовищная волна. Эштон возмутился: его ноги не годятся для таких забегов, кроме того, ему пока не попалась обувь, в которой он мог бы не чувствовать себя калекой.

— Ты тем более не найдешь ничего подходящего, если будешь сидеть сиднем, — бросил Миллер. — Впрочем, можешь оставаться. Только не бездельничать: займешься птичьим двором. Вот тебе сетка из скобяной лавки. Вернусь — проверю.

Прежде чем отряд покинул лагерь, Эштон отозвал Метью в сторонку. Его физиономия, и так изможденная и вялая, выглядела еще хуже от покрывавшей ее двухдневной щетины. Впрочем, спохватился Метью, сам он, наверное, выглядит не лучше.

— Не присмотрите ли и для меня пару обуви, Метью? Размер десять с половиной, большая полнота.

Из-за его жалобного тона, а также из-за двух последних словечек Метью с трудом удержался, чтобы не уточнить: «Спортивные или замшевые?» Вместо этого он пообещал:

— Сделаю, что смогу. Хотя у вас не самый распространенный размер.

— Я вечно мучился с ногами, — мрачно пояснил Эштон. — Даже в детстве.

Чудовищная волна прокатилась и по руслу речки Шаротри. Ее подсыхающее дно было усеяно ставшим уже привычным хламом, а также раздувшимися трупами людей и домашних животных, быстро разлагающимися на жаре. С прибрежного холма тоже открывалась картина опустошения, но все же не такая удручающая. Идти было нелегко: мелкие обломки осыпались под ногами, как щебенка. Люди отчаянно потели и то и дело бранились, съезжая вниз. Наконец они достигли ровной поверхности и ускорили шаг. Солнце

палило теперь нещадно, и запах смерти заставлял зажимать нос.

Довершением испытаний стал новый подземный толчок. Он продолжался секунд десять. К их ужасу, россыпь кирпичей прямо перед ними рухнула куда-то вниз, оставив после себя зияющий провал, из которого, подобно дыму, повалила пыль. Колебание почвы прекратилось, однако отряд прирос к месту, боясь покидать более или менее безопасный участок. Метью не знал, сковал ли его собственный страх или ему передался ужас, охвативший остальных, однако он не мог заставить себя сделать и шага, словно его разбил паралич. Мускулы заныли от вынужденной неподвижности.

Миллер нарушил затянувшееся молчание.

— Кажется, все успокоилось, — проговорил он. — Можем идти дальше.

Однако Де-Порто и Гарри не согласились.

— Если я куда-то и пойду, то только назад! — выпалил первый. — Хватит поисков. В живых все равно больше никого не осталось. Мясорубка какая-то!.. Мы напрасно теряем время.

— Иди! — прикрикнул Миллер. — Раз я говорю, значит, надо идти.

Однако путники все еще переминались в нерешительности.

— Мы повернем назад, поднявшись к Гранж, — предложил Миллер, призывая в союзники Метью. — В Роэ есть хранилище, на которое нам надо взглянуть — вот где полно консервов! Потом дойдем до лагеря по руслу Фулон.

Метью кивнул:

— Разумное предложение. Такой маршрут вряд ли окажется длиннее прежнего.

С этими словами он зашагал вперед. Остальные тронулись за ним следом.

Миллер догнал его:

— Насколько это опасно, как вы полагаете?

— Вы имеете в виду последний толчок? Он был похуже остальных.

— Нет, трупы. — Миллер повел носом. — Уже гниют. Я о заразе.

— Да, риск нешуточный. Но мы скорее подхватим тиф с питьевой водой, чем из-за такой прогулки. Вот воду надо обязательно кипятить.

— Заставлю женщин позаботиться об этом. Но все равно мы, кажется, занимаемся ерундой. Надежды найти кого-то живым почти не осталось.

Здесь подземная стихия бушевала сильнее, чем где-либо прежде. Насколько хватало зрения, все было выровнено так гладко, словно проехался чудовищный каток. В отдалении возникла собака, похожая на овчарку; она некоторое время рассматривала людей, а потом степенно ретировалась.

— Придется уделить внимание и собакам, — сказал Метью. — Если мы ничего не предпримем, они одичают и станут опасными.

— Ненавижу собак, — признался Миллер. — Всегда ненавидел. Было бы у меня ружье — перестрелял бы всех до единой.

— Можете взять мое.

— С одним-то патроном? Лучше побережем его. На случай бунта...

Хранилища, упомянутого Миллером, поисковый отряд так и не обнаружил. На местности не осталось никаких ориентиров — одни развалины. Время от времени люди аукали, как делали прежде, однако их все больше охватывало чувство безнадежности, и крики превратились в глас вопиющего в пустыне.

Они уже собирались сворачивать к Сент-Эндрю, когда Де-Порто приложил палец к губам.

— Что это? Мне послышался какой-то звук.

Они прислушались — и согласились. Голос был слабым и приглушенным, но это, несомненно, был человеческий голос.

— Кто здесь? — раскатисто гаркнул Миллер.

Ему немедленно ответил девичий голосок. Повинуясь сигналу Миллера, отряд растянулся в цепочку и двинулся в направлении, откуда донесся голос. Метью шел справа. Он

ступал осторожно, ощупывая поверхность перед собой. Очутившемуся в западне человеку будет не слишком приятно, если на него в довершение всех бед еще и наступят.

Миллер указал на место, откуда начинать копать, и работа закипела. Она оказалась изматывающей: осколки покрывали все вокруг плотным, слежавшимся слоем. Метью недоумевал, как кто-то мог остаться здесь в живых. Наконец они наткнулись на сделанный на века подвал, навесом которому служил очень прочный деревянный пол, умудрившийся выдержать все толчки. Брусья кое-где прогнулись, но не обвалились. Ведущие вниз ступеньки были завалены хламом, который пришлось растаскивать, что тоже отняло немало времени. Солнце уже клонилось к закату, когда спасители достигли цели. Честь нанести последний штрих принадлежала Миллеру: он пробил решающую брешь. Только сейчас, услышав слова благодарности, перемежаемые плачем, Метью понял, почему доносившийся снизу голос все это время казался ему каким-то необычным: это был не один голос. В подвале сидели две девушки.

С помощью Миллера они выбрались на свет, щурясь и загораживая глаза от заходящего солнца. Они были грязными, взъерошенными и донельзя изможденными, зато целыми и невредимыми. Миллер дал первой девушке глотнуть воды из пластмассовой фляжки, висевшей на поясе у Гарри, и несчастная прильнула к ней так жадно, что ему пришлось отобрать фляжку, чтобы она не осушила ее одним глотком. Не в силах отдышаться, девушка наблюдала, как подруга довершает начатое ею.

Первую звали Ирен, вторую Хильдой. Их жилище имело странную и не слишком благоприятную для здоровья конструкцию — с подвальным нижним этажом, зато именно это их спасло. В ночь землетрясения они спали в подвале.

Хильда сжимала в руках разбитые очки и проливала безутешные слезы. Обеим было лет по двадцать пять. Метью отметил про себя, что Ирен довольно-таки хорошенькая, ей только надо помыться и почистить перышки.

Он снова подумал о Джейн — пусть бы она была заляпана грязью, лишь бы ее вызволили из западни, как этих дво-

их!.. Горло сдавило. Метью готов был возненавидеть девушек за то, что они выжили.

В лагере царил хаос. Недавний мощный толчок вновь поверг мамашу Латрон в состояние безутешного горя, проявляющегося в судорожных рыданиях. Она не сводила глаз с небес, где, судя по ее монотонным причитаниям, маршировали ангелы с огненными копьями и щитами, сверкающими ярче любых алмазов. Энди жаловался, что его бросило на землю, в результате чего лубок на ноге разошелся, и он снова испытывает сильную боль. Билли поддерживал огонь, но об ужине не было и речи.

— Почему ничего не готово? — набросился Миллер на бедного Эштона.

— Я строил загон для кур. Вы ведь велели мне заняться загоном!

Миллер сердито оглядел шаткое сооружение из палок и сетки и пнул ногой первый попавшийся шест. Шест рухнул.

— Здорово же ты потрудился! Ладно, а где Ширли?

— В палатке.

Миллер громовым голосом позвал ее, и девушка явилась на зов. Она размазывала по щекам слезы и выглядела еще большей дурнушкой, чем прежде.

— Как насчет ужина? — осведомился Миллер.

Ширли указала пальцем на мамашу Латрон:

— Она только охала и не хотела помогать. А я перепугалась из-за землетрясения.

Миллер отвесил ей оплеуху тыльной стороной ладони. Девушка расплакалась еще сильнее. Удар был несильным, но расчетливым, призванным произвести впечатление на вновь прибывших, которые молча наблюдали за этой сценой.

— Принимайся за дело! — отрезал Миллер. — А ты ей поможешь, никчемный болван. — Эти слова предназначались Эштону. — Мы сами доделаем куриный загон — тебе ничего нельзя поручить.

Пока мужчины возились с загоном, а Ширли с Эштоном готовили ужин, Ирен и Хильда подошли в сопровождении Менди к канаве. Обратно они вернулись прибранными и

отмытыми. Ирен оказалась весьма миловидной — с густыми темными волосами, в расчесанном виде и без пыли почти роскошными, большими карими глазами и правильными чертами лица. В прежней жизни на нее наверняка оглядывались мужчины, да и здесь она произвела на мужской пол, даже на Гарри и старика Эштона, подобающее впечатление. Хильде было до нее далеко — дело портили торчащие зубы и подслеповатый вид, как у всякой близорукой особы, лишившейся очков, — однако и она была крепкой и довольно-таки приятной девушкой. Ширли не выдерживала сравнения ни с одной, ни с другой: она тут же превратилась в обыкновенную невзрачную потаскушку; судя по ее удрученному виду и скулежу, она не питала на сей счет никаких иллюзий.

Де-Порто из сил выбивался, стараясь услужить девушкам за ужином. Миллер же, сперва проявив подобающую случаю учтивость, напустил на себя отрешенный вид. Казалось, он раздумывает над какой-то нелегкой задачей. Метью догадывался, что это была за задача; было любопытно понаблюдать, как он ее решит, — вернее, как он предложит найденное им решение остальным.

Под конец ужина Миллер неожиданно поднялся и отрывисто бросил, обращаясь к Ирен:

— Мне надо с вами поговорить.

Она посмотрела на него снизу вверх и кивнула.

— Давайте пройдемся, — предложил Миллер.

Она по-прежнему молча разглядывала его, не намереваясь вставать. Миллер нетерпеливо и одновременно ожесточенно ткнул пальцем в Метью и процедил сквозь зубы:

— Пойдемте с нами, Метти.

Предназначенная ему роль дуэньи развеселила Метью, однако девушка удовлетворилась диспозицией. Они побрели к скалам, в направлении Джербурга. Вечер был ясный, в прозрачном воздухе сновали мошки, оставшиеся равнодушными к всемирной катастрофе. Миллер пока помалкивал, однако молчание было хмурым, и это настроение передалось девушке — чтобы прогнать его, она быстро и нервно затараторила, рассказывая о землетрясении и о том, как они угодили в ловушку. Ни один из оставшихся в живых не удержался от пересказа собственных ощущений.

Миллер прервал ее на полуслове:

— Сейчас все будет устраиваться заново. Понимаете? От законов и всего остального ничего не осталось. Поэтому кто-то должен решать, как станут разворачиваться события.

Ее ответ прозвучал довольно вызывающе:

— Почему бы нам не решать все между собой — то есть совместно?

— Послушайте, — гнул свое Миллер. — Вы — девушка умная и все отлично понимаете. Если бы мы с Метти не занялись организацией, вы бы до сих пор куковали в своем подвале. Разве остальным было бы до вас дело?

Еще ни разу Метью не видел его таким нервным. Девушка сохранила куда больше самообладания. Как бы ни развивались события дальше, Метью подозревал, что Ирен приобретет в их группе особый статус.

— Мы очень благодарны вам за спасение, — ответила она с льдинками в голосе. — Но мне бы не хотелось, чтобы вы в связи с этим вообразили невесть что.

— Просто следует быстро расставить все по местам. Нельзя ничего оставлять на потом. Кто-то должен здесь распоряжаться, и сложилось так, что этот «кто-то» — я. Остальным нужно делать так, как я говорю, — иначе все будет валиться из рук.

— Уверена, что мы с Хильдой не станем для вас помехой, — сказала Ирен.

— Хильда — нет, а вот насчет вас у меня есть сомнения.

Она вопросительно взглянула на него.

— Ведь вы — девушка... — Миллер отвернулся, желая скрыть смущение. — К тому же очень хорошенькая. У вас неминуемо возникнут проблемы с Де-Порто, с Гарри, да и с Энди, когда у него заживет нога.

— Я сумею за себя постоять.

— Нет, не сумеете. Вы пока еще не понимаете, до чего все переменилось. Я не могу допустить риска сумятицы в нашем лагере. Поэтому, вернувшись, я объявлю, что вы — моя девушка.

Ирен холодно посмотрела на него.

— Мы с Хильдой разобьем собственную палатку, — заявила она.

Стремясь уладить щекотливый вопрос, Миллер возразил:

— Зачем? У вас будет достойное жилье. Я знаю, с кем имею дело. С решением не тороплю. Однако вам придется пользоваться моим покровительством — остальные должны будут это усвоить.

— А Хильда?

— Как ей будет угодно. Как угодно вам.

Немного помолчав, девушка спросила:

— А Ширли? Мне показалось, что она тоже пользуется вашим покровительством.

— Она всего лишь потаскушка. Можете о ней забыть.

Ирен остановилась:

— Я очень устала. Я хочу вернуться.

Они достигли временного молчаливого согласия, которое в действительности оставляло ей полную свободу, даже предпочтительное положение... Уж не ждет ли их матриархат? Метью показалось, что это решается прямо сейчас, у него на глазах.

На обратном пути Миллер много болтал и принужденно похохатывал. Он определенно испытывал облегчение, выйдя до поры до времени из щекотливой ситуации. Сам Метью сыграл роль не просто безгласного соглядатая, но и лица, наделенного на крайний случай правом голоса. Оставалось надеяться, что Миллер не попал в слишком сильную зависимость от него.

Пройдя полпути до лагеря, он неожиданно прошептал:

— Слышите?

Миллер умолк на полуслове; Ирен замерла. Из сгущающихся сумерек до их ушей доносился совсем слабый звук, и Метью недоумевал, как он умудрился его уловить. Как бы то ни было, одна птица по крайней мере осталась живой. Она еще чуть-чуть почирикала и умолкла.

6

Прошло пять дней после первого удара подземной стихии — и погода резко испортилась. С утра стало пасмурно, всю вторую половину дня и весь вечер хлестал ливень. Люди провели ночь в сырости: палатки отчаянно протекали и вско-

ре стали никуда не годной защитой от сил природы. С рассветом поднялся сильный ветер. К десяти утра люди были вынуждены оставить попытки починить прохудившиеся палатки и отступить на четверть мили, под защиту вывороченных стволов, чтобы схорониться от ветра и в меньшей степени — от дождя. Метью предложил было забраться в пещеры у подножия прибрежных скал, однако к предложению отнеслись скептически. Туда было бы очень тяжело спуститься — как, например, сделал бы это Энди со своей сломанной ногой? — не говоря уже об обратном пути. Разве можно разбивать лагерь в таком труднодоступном месте? Кроме того, там темно и смердят гниющие водоросли... Подлинный довод так и не был произнесен: выжившие просто-напросто боялись очутиться под каменным сводом и были согласны только на брезент палатки. Метью и сам чувствовал парализующий душу страх при одной мысли о массивной крыше над головой.

Остаток дня и следующую ночь они провели, сбившись в дрожащую, вымокшую кучку. Попытки развести костер ничего не дали, и необходимость утолять голод холодной, невкусной баночной едой только усилила уныние. Мамаша Латрон снова утратила рассудок и проводила большую часть времени под открытым небом, бормоча молитвы, которые перемежались проклятиями, посылаемыми прохудившимся небесам; впрочем, она не отходила далеко и то и дело возвращалась. Сперва у Ширли, а потом у Хильды начались приступы рыданий, которые то утихали, сменяясь глухими всхлипами, то возобновлялись с прежней силой. Малышка Менди тоже скулила, но не так отчаянно. Билли держался, но его губы подрагивали. Метью пытался развеселить детей, отвлекая их разговорами и придумывая игры, однако он, будучи находчивым папашей для Джейн, в остальных случаях не особенно умел занимать малолетних. Женщина бы справилась с этой задачей куда успешнее его, но наличные женщины пребывали в еще более тревожащем состоянии, чем дети. Даже Ирен сделалась похоронно-угрюмой и напоминала надгробное изваяние, вокруг которого без всяких шансов на успех отплясывал Миллер.

Темное время суток они провели в забытьи, однако и следующий день приветствовал их тем же холодом и ненастьем. Дождь на какое-то время перестал, но не вызывало сомнений, что он вот-вот возобновится.

Ближе к вечеру к ним притащился Малливант. Во время одного из завершающих походов спасательная партия видела его вблизи родных развалин — он стоял повесив голову над свежевырытыми могилами. Миллер крикнул ему, чтобы он не дурил и присоединялся к ним, однако Малливант лишь покачал головой и отвернулся. Теперь он стоял перед ними, исхудавший и вымокший до нитки; он был не расположен говорить, однако от пищи не отказался и перед наступлением третьей в череде безнадежно промозглых ночей покорно улегся вместе со всеми.

Утро люди встретили со сведенными конечностями, озябшие и удрученные; у Гарри и у Менди вдобавок подскочила температура. Зато ветер как будто начал униматься, среди облаков наметились просветы. Наконец-то удалось развести огонь и разогреть на нем консервированные сосиски и фасоль. Больные получили кодеин, здоровые принялись за дело, стремясь хоть как-то наладить быт. Теперь работа спорилась лучше, шла осмысленнее, чем сразу после землетрясения, словно ливень и прочие невзгоды смыли отметины, оставленные катастрофой.

Метью заметил, что приказы Миллера воспринимаются отныне с большей охотой. Сперва оставшиеся в живых прибились друг к другу, ища помощи и утешения, однако все затмевало чувство отчаяния. Теперь же брезжило нечто иное — возможно, в их душах зарождалась надежда.

Возобновив поиски скарба и снеди, они нашли склад, о котором говорил Миллер, и перевозили консервы в свой лагерь, навьючивая на Паутинку тяжелые корзины. Многое было безнадежно испорчено под обвалившимися стенами, однако и оставшегося хватило бы за глаза на всю зиму и на часть следующего года. Здесь же обнаружили несколько рулонов брезента в неплохом состоянии, размером двенадцать на восемь футов. Брезент пошел на две общие палатки: одна предназначалась для трапезы, вторая — для остальных нужд.

Теперь к установке палаток подошли с большей вдумчивостью, чем прежде, и позаботились о том, чтобы на новом месте они были защищены от северо-восточного ветра.

Метью чувствовал немалый соблазн предаться мечтам о том, как отсюда начнется отсчет новой истории, как здесь появится в свое время здание совета, дворец, возможно, капище неведомых богов; впрочем, вероятность подобного развития событий была невелика. Пусть они находились теперь не на острове, он все равно сомневался, что сюда завернут тропы мировой торговли. Да и отвлекаясь от мирового масштаба, приходилось признать, что города обыкновенно строятся в более удобных местах.

Рядом с общими палатками выросли шатры поменьше, отдельные, размещение по которым отражало сложившиеся или недавно переиначенные человеческие связи. Лидирующее положение Миллера никем не оспаривалось, и следствием этого стала недосягаемость Ирен для остальных мужчин. Она не позволяла Миллеру никаких вольностей и спала в одной палатке с Хильдой, однако свой особый статус воспринимала как само собой разумеющееся. На Хильду зарились одновременно Де-Порто, Гарри и Энди — первый проявлял наибольшее усердие, однако на успех, согласно наблюдениям Метью, мог скорее рассчитывать последний. Он все еще мучился с ногой, и Хильда посвящала большую часть времени уходу за ним. Кроме того, как Де-Порто, так и Гарри прибегали для удовлетворения мужского нетерпения к услугам Ширли. Де-Порто не делал из этого тайны, Гарри же был склонен к скрытности, однако занятия обоих ни для кого не были секретом. Для этих целей они, пренебрегая палаткой, которую Ширли делила с мамашей Латрон и Менди, уводили девушку на скалы. Она была как будто довольна такой участью, ибо ее натура не требовала большего.

Община тем временем разрасталась. На птичьем дворе прибавилось кур: теперь их набралось полтора десятка, кроме того — и это воспринималось как благословение свыше — среди них расхаживали двое петухов. Один петушок не вышел статью и отличался вялостью, зато второй обслуживал гарем с неуемной прытью. Две несушки, ко всеобщему восторгу, уже высиживали яйца. Гора консервов, служивших основной пи-

щей, могла лишь убывать, зато цыплята — пока еще крохотные эмбрионы, созревающие внутри нагретых яиц, — были залогом надежного будущего.

Они позволили себе даже пирушку, во время которой побаловались баночным пивом, щедро предоставленным Миллером. Им попалось несколько упаковок пива; банки были большей частью помятые, но почти ни одна не прохудилась, и, придя в благодушное расположение, владыка наделил ими своих подданных. (У него набралось также несколько целых бутылок кое с чем покрепче, но за них он держался цепко.) Посреди шума и радостной неразберихи, воцарившихся на пирушке, Хильда ненароком отвлеклась — и увидела незнакомца. Она оповестила об этом остальных, и все повернули головы туда, куда девушка указывала пальцем.

Сперва Метью показалось, что перед ними снова предстал все тот же безумец, которого они ни разу не видели после дождливых дней. Но нет, этот был молод, высок, рыжеволос. Ему, как видно, пришлось очень несладко — хуже, чем им. Он страшно исхудал, покрылся коростой грязи, одежда свисала с него клочьями. Новенькому дали место у костра и предложили рагу. Он жадно набросился на еду, но вскоре сумел удовлетворить не только свой голод, но и всеобщее любопытство.

Он был даже не с Гернси, а с острова Сарк. Звали его Ле-Перре. После катастрофы скитался, безуспешно пытаясь разыскать выживших, затем впал в состояние оцепенения, питая смутную надежду на помощь со стороны. Однако прошлым утром, проснувшись, он с небывалой ясностью осознал, что ничего подобного не произойдет. Кроме него, никто из нескольких сотен обитателей Сарка не выжил. Разум подсказывал, что на соседнем острове с несравненно большим населением шансы на успех лучше. Море пропало; ничто не мешало преодолеть девять миль, отделяющие Сарк от Гернси.

По пути Ле-Перре завернул на крохотные островки Джету и Херм. Оттуда он разглядел, пользуясь послеполуденным солнышком, опустошенный восточный берег Гернси, страшные шрамы, зияющие на месте Сент-Питер-Порта и Сент-Семпсона. Это зрелище, превзошедшее масштабами все, что

ему пришлось наблюдать на других островах, повергло его в уныние. Он переночевал на Херме и лишь сегодня, ближе к полудню, решился пересечь «пролив» шириной в три мили между Хермом и Гернси. Ле-Перре поднялся по зловонной россыпи дробленого камня, в которую превратилась местная столица, и выбрался на южное плато, уже ни на что не надеясь. И вот здесь, оплакивая свою участь единственного оставшегося в живых человека, он заслышал голоса и, отказываясь верить собственным ушам, заковылял на шум.

Рассказывая о своих злоключениях, он постепенно оттаял и не походил больше на продрогшее пугало. Метью сочувствовал этому словоохотливому человеку, столь долго обходившемуся без слушателей. С ним произошло то же самое, что и с остальными: несчастный полностью лишился не только прозорливости, но даже элементарной логики. Как многие жители Сарка, он владел экипажем для катания туристов, а недавно приобрел второй и теперь без устали сокрушался, что в этом сезоне не будет туристов.

— Как быть зимой? — горевал Ле-Перре. Зима традиционно была мертвым сезоном, когда островитяне жили за счет жирка, накопленного за лето. — Что прикажете делать зимой?

Когда новичок осмотрелся и передохнул, Метью принялся задавать вопросы, вертевшиеся у него на языке с той самой минуты, как он узнал, откуда Ле-Перре родом.

— Что значит идти по морскому дну? Насколько это трудно?

— По-разному. Хорошо, когда под ногами песочек, а рифы не слишком зазубренные. Кое-где попадаются топкие лужи с грязью, но они быстро подсыхают. А вот водоросли — боже, ну и вонь! Хуже, чем трупы, даю голову на отсечение!

— Сколько это заняло времени?

— Времени?..

— Ну чтобы перейти от острова к острову? Миля в час, меньше?

— Больше. До Джету я добрался часа за четыре. Во всяком случае, судя по солнцу. Я подобрал часы, но через день-другой выкинул их. Какой смысл знать, который теперь час?

— Но вода кое-где сохранилась? Отсюда видны целые озера.

Новичок пожал плечами:

— Лужи. Хотя те, что покрупнее, можно назвать и озерами.

— Насколько они велики?

— Одно было длиной в четверть мили. В нем даже плескалась скумбрия. Но я вам говорю, они подсыхают. Это даже видно — на берегах остаются полосы, так что заметно, откуда отступила вода.

— Выходит, переход не показался вам таким уж тяжелым?

— Нет, стоило только решиться. Труднее всего дался первый шаг: собраться с духом и ступить на это самое морское дно. А как я боялся, пока шел! Думал, море вот-вот вернется. То и дело озирался через плечо. Я был очень рад, когда добрался до Джету. Правда, там и вовсе ничего нет — смыло волной. Постройки в гавани Херма постигла та же участь...

Ле-Перре болтал без удержу. Метью не прерывал его и лишь время от времени кивал, когда ему казалось, что без этого не обойтись. Он снова думал о Джейн и ощущал в душе воспрявшую надежду. Ошеломленный вездесущностью смерти и разрушения, Метью до поры до времени не осмеливался и помыслить о внешнем мире, об оставшихся в живых там, на Большой земле. Даже при обнажившемся морском дне он продолжал числить себя островитянином. Покинуть остров до сих пор можно было лишь на почтовом катере или утренним авиарейсом. Ничего другого просто не приходило в голову. Потрясение от встречи с человеком, пришедшим издалека, было грандиозным: значит, могут выжить и другие общины... Какое там «могут» — должны! И до них можно добраться!

Освоившись с этой мыслью, Метью задумался о вытекающих из нее последствиях. Находись Джейн в Лондоне, наверняка превратившемся в одну огромную могилу, у него не было ни малейших шансов ее отыскать. Но у Мэри, в Суссексе... Дом Мэри, сложенный из толстенных бревен, стоял на возвышении, и дочь, наверное, спала в ту ночь, как водится, под стропильной балкой, поддерживающей

остроконечную крышу. Вдруг ей повезло?.. Вероятность такого исхода крайне незначительна, и все же... Она вновь предстала перед ним как живая, и печаль, до этой поры мешавшая ему думать и действовать, начала рассеиваться. Ее место заняло нетерпение пополам с беспокойством. Раз это осуществимо, то надо попробовать! Все остальное стало казаться несущественным. Метью попытался рассуждать здраво. Предстоит тщательная подготовка. Путешествие будет долгим, его ждет земля, ставшая после небывалого катаклизма воистину неизведанной. Тут не обойтись без продуманного плана действий.

Метью размышлял над этим всю ночь, лежа с широко раскрытыми глазами и рассматривая звезды через отверстие в палатке. Утром он завел разговор с Миллером. Сперва Миллер не мог сосредоточиться: Де-Порто возвратился с утренней дойки с вестью, что корова, по его мнению, ждет теленка, и он размечтался о будущих тучных стадах. Метью говорил и говорил, а Миллер все не откликался. Наконец он опомнился:

— Что за чушь! Идти на Большую землю? Одумайтесь, Метью! У вас ничего не выйдет! А если и выйдет, то какой в этом толк?

— Там моя дочь, — снова принялся за объяснение Метью. — Она могла выжить. Я знаю, что шансы невелики, однако хочу удостовериться в этом сам.

— Вы спятили, — только и вымолвил Миллер.

— Вероятно, — пожал плечами Метью.

— Я вовсе не хочу вас задеть. — Миллер положил руку ему на плечо. — Мы все чуть-чуть того после этой встряски, только не каждый бредит так открыто, как наша мамаша Латрон или тот болван в Вал-де-Терр. Я знаю, потому что сам такой. Но все равно, надо глядеть на вещи здраво. Из такого сумасшедшего предприятия не выйдет ничего путного. Ле-Перре... это же совсем другое дело: подумаешь, прогуляться от Сарка! Он там совсем заскучал, едва не тронулся рассудком, изголодался, должно быть, — а до нас каких-то девять миль! Понимаете, что я хочу сказать?

— Понимаю. Но для меня это не имеет значения.

— Господи, вы же идете на самоубийство!

— Смотря как посмотреть. Во всяком случае, это никого больше не касается.

— Еще как касается! Нас так мало, что дорога каждая пара рук. Разве мы можем кого-нибудь отпустить? Тем более вас. Вы — мой ближайший помощник, Метти. Без вас я не смогу устраивать здешнюю жизнь, правильно ее организовывать. Вы же знаете, как я от вас зависим.

— Теперь вам никто не нужен. Дело поставлено, все идет как по маслу.

— А все потому, что есть вы.

— Не могу с этим согласиться.

Метью не стал договаривать свои мысли до конца: что Миллер, при всем своем авторитете нуждающийся в человеке, на которого он мог бы опираться, вполне может заменить его, Метью, на Ирен. Миллер не видит этого, ибо, признавая за женщиной силу, не понимает, что только возвысится, если проявит к ней должное уважение.

— Мне наплевать, согласны вы или нет, Метти, — выпалил Миллер, закипая. — Я сказал, и дело с концом. Вы нужны мне здесь.

— Вы научитесь обходиться без меня, — с улыбкой парировал Метью. — Это совсем не трудно.

— Нет!

У него был такой же напряженный, взбудораженный, отчасти отчаянный вид, как и тогда, когда он наполовину упросил, наполовину заставил Ирен считать его своим покровителем. Все сложилось бы куда хуже, если бы девушка тогда стала ему перечить; так же может обернуться дело и сейчас. Стараясь, чтобы его слова не звучали серьезно, Метью спросил:

— Так, значит, вы не выдадите мне разрешения на уход?

— Вы никуда не уйдете, Метти, — веско сказал Миллер. — Для вашей же пользы, как и для нашей. Зарубите себе на носу — вы остаетесь, и точка. Иначе придется вас связать.

Последуют ли за Метью остальные? Возможно, да, а может, и нет. Во всяком случае, следует избегать конфликта, иначе он так и не добьется цели, а в лучшем случае оста-

вит Миллера посрамленным, а людей — в растерянности; громкий голос Миллера уже привлек внимание Де-Порто, Хильды и Силли. Метью покорно произнес:

— Вы — главный. Но, надеюсь, вы передумаете. Мы еще вернемся к этому разговору.

Миллер судорожно стиснул его руку и деланно рассмеялся:

— Поговорим, почему же нет. Главное, Метти, чтобы вы поняли: нам без вас не обойтись. Пойдемте, посмотрим на нашу коровку! Как определить, когда корова стельная? Вы что-нибудь в этом смыслите?

Дня два Метью ничего не предпринимал на случай, если Миллер наблюдает за ним, а затем начал секретные приготовления. Среди разного хлама отыскал рюкзак и отнес его в тайник — старый немецкий бункер за скалами. При землетрясении не устоял и он: бывший когда-то вертикальным спуск теперь отклонился градусов на семьдесят, однако стальная лесенка осталась на месте. Сюда вряд ли забрел бы кто-нибудь из лагеря, но, хотя внизу царила кромешная тьма, Метью приспособил еще и фанерный щит в качестве дополнительной маскировки. Теперь он перетаскивал в бункер все добро, которое могло понадобиться ему в путешествии.

В основном это было съестное в виде концентратов — говяжья тушенка и бобы с ветчиной. Главная трудность возникнет, конечно, с питьевой водой. Если преодолевать в день миль по пятнадцать, то на сто миль, отделявшие Гернси от острова Уайт, придется потратить не менее недели. В багажнике расплющенного автомобиля Метью нашел пластмассовую канистру емкостью в один галлон. Пинта воды в день — вполне приемлемая доза с учетом климата; кроме того, среди камней наверняка найдутся дождевые лужицы. Нельзя забывать также об острове Олдерни: там есть ключи, из которых можно пополнить запас. Значит, четверть расстояния долой. Оставшиеся семьдесят пять миль он без труда преодолеет за пять дней.

В дорогу надо надеть припасенные туристские башмаки. Пара свитеров и запасные носки — на ночь. Так удастся

обойтись без одеяла. Метью перенес в тайник плащ, припрятанный в Вал-де-Терр, и завернутую в него коробку с патронами. Ружье пока хранилось у Метью в палатке, чтобы отвести подозрения. Его, а также многое другое придется брать в последнюю минуту.

Приготовления, которые ни за что не должны были привлекать чужое внимание, заняли почти две недели. К концу этого срока погода снова ухудшилась, однако они благополучно переждали ненастье в больших палатках, которые выстояли даже при подземном толчке, случившемся в разгар бури. Правда, шесты, удерживавшие палатки, разъехались в стороны, а один даже треснул, но это произошло днем, и мужчинам удалось устранить поломку без особых усилий. Добившись успеха, они торжествовали, наслаждаясь чувством локтя; в лагере установилось совсем не то горестное настроение, что царило в первые дни.

Произошло еще одно событие: то ли из-за общего подъема, то ли из-за надоевшего за время непогоды проживания скопом, то ли еще по какой известной лишь ей одной причине, но после того, как небеса очистились и люди разошлись по собственным палаткам, Ирен предпочла палатку Миллера той, которую она до сих пор делила с Хильдой. Метью показалось, что это только усилило уважение, которое питали к Ирен все остальные. Она сумеет отлично распоряжаться событиями — с холодной эффективностью, хоть и без особого воображения. Было бы интересно дождаться и взглянуть, станет ли она благоволить своим сыновьям или дочерям, если они пожелают сменить ее в роли хозяйки. Так, видимо, и образуется более сложное общество — из поступков конкретных людей в кризисные периоды.

Однако Метью не позволил себе долго размышлять по этому поводу. Важнее было другое: привалившее счастье заставило Миллера расслабиться и на время утратить бдительность. Теперь Метью проводил вне лагеря еще больше времени, готовясь к путешествию.

Как-то ночью его разбудила сильная дрожь, пробежавшая по земле. Ничего необычного в этом не было; они так привыкли к слабым толчкам, что в подобных случаях пре-

спокойно поворачивались на другой бок и снова засыпали. Однако на сей раз Метью уже не смог сомкнуть глаз. Он понятия не имел, который час, но на востоке брезжили первые проблески зари. Он ждал довольно долго — минут десять, а потом как можно тише натянул одежду.

Желая проверить, не разбудил ли ненароком мальчишку, он прошептал: «Билли!» Ответа не последовало. Судя по очертаниям одеяла, мальчик мирно спал. Метью прихватил двустволку и выбрался в ночной холод, никого не потревожив.

Сперва он спотыкался, ощупью двигаясь в направлении бункера, затем мало-помалу его глаза привыкли к потемкам, которые к тому же постепенно рассеивались, уступая место серой предрассветной мгле. Небольшой карманный фонарик, дававший слишком мало света, чтобы им можно было пользоваться на открытом пространстве, оказался нелишним в кромешной тьме бункера. Рюкзак был уже собран, в канистре плескалась вода. Метью вынес то и другое наружу, привязал канистру и двустволку к рюкзаку и забросил ношу на спину. Несмотря на тяжесть, вес был распределен верно, да и сам Метью за последнее время окреп. Он не сомневался, что сможет без труда нести груз.

Прямая дорога к «морю», раз его путь лежал на север, вела бы через Джербург и Фермейн-Бей. Однако при этом ему пришлось бы миновать печально знакомые развалины Сент-Мартина, и он предпочел другой маршрут — мимо памятника павшим в боях. Памятник треснул примерно посередине и опасно кренился набок на фоне светлеющего неба. Цунами прокатилось и здесь: от рощи, пышно именовавшейся Сосновым лесом, не осталось даже сучка. На ее месте образовался склон, и Метью бодро зашагал по нему вниз. Добравшись до берега, он кинул взгляд через плечо и устремился прочь по долине, бывшей недавно дном пролива Расселла.

Как и предупреждал Ле-Перре, труднее всего было побороть отвратительный страх. Метью приходилось ступать на дно во время отливов, и ему был знаком этот нереальный, какой-то враждебный мир, залитый резким светом дня. Сейчас он растерялся гораздо больше. В предрассветной полутьме рифы и верхушки скал приобретали зловещие,

потусторонние очертания. Долгие столетия здесь плескалось море; об этом все еще напоминал гнилостный дух, лужицы среди камней, большие и малые раковины. Трудно было поверить, что море сюда уже не вернется. Метью поймал себя на том, что прислушивается, силясь различить отдаленный рокот, который вот-вот превратится в оглушительный рев мстительных, безжалостных морских волн.

Но свету все прибывало, и картина постепенно преображалась: груды камней утрачивали мрачную таинственность, на смену ей приходило богатство очертаний и особенно цветов — розоватого и желтого гранита, вкраплений благородного мрамора в серых валунах. Однако Метью было по-прежнему не по себе: он оказался на чужой земле и чувствовал себя нарушителем границы. Ему все чаще попадались знакомые предметы, затянутые в пучину при откате губительной волны: расколоченная посуда, обломки мебели, закрученный узлом велосипед, даже холст — возможно, он был прежде произведением искусства, однако теперь превратился в нечто аляповатое, к тому же прихваченное плесенью. Это зрелище не вселяло уверенности, а напротив, усугубило мрачное настроение. Вдали высились развалины Бреонской башни. Метью засмотрелся на нее и чуть не споткнулся о газовую плиту, совершенно целую, если не считать отсутствия соединительных трубок и скоб крепления, да еще стоящую на удивление прямо. Эта сюрреалистическая деталь напугала его больше всего остального.

Он находился в самом узком месте пролива Расселла, между Бордо и Ракушечным пляжем на Херме, когда до его ушей донесся человеческий крик. Солнце уже успело подняться, и ему стало жарко, пока он карабкался на ближайшую гряду, чтобы оглядеться: ничего, кроме нагромождения камней, песчаных отмелей, цепочек подсыхающих луж. Однако крик повторился; кричал ребенок, и голос казался знакомым...

Метью приложил ладони ко рту и зычно крикнул:

— Я здесь!

«Здесь! Здесь! Здесь!!!» — прокатилось эхо. Потом все стихло.

* * *

Билли нагнал его. Он совершенно запыхался, по запылившемуся лицу чертили борозды слезы. Его взгляд, устремленный на Метью, был полон сознания своей вины и безграничного доверия.

— Что ты тут делаешь, Билли? Зачем ты пошел за мной?

— Я хочу с вами...

Метью покачал головой:

— Слишком далеко, слишком трудно. Лучше возвращайся.

— Я знал, что вы уйдете, — ведь вы уже заговаривали об этом. Сегодня под утро вы вышли из палатки с ружьем, и я обо всем догадался. Я старался держаться от вас как можно дальше, не знал дороги и заплутался. Тогда я стал кричать. — Он снова чувствовал себя кругом виноватым. — Я не хотел этого делать, потому что меня мог услыхать Миллер и остальные, но ведь я потерялся...

Метью присел на камень и снял со спины рюкзак. Билли примостился с ним рядышком.

— Мне надо идти, Билли. Возвращайся назад в лагерь. Они смогут о тебе позаботиться, а я — нет. Ты сам понимаешь, что так лучше.

— Я не хочу, мистер Коттер!

— Кто же будет присматривать за Паутинкой, если ты уйдешь?

— Она так и так уже их. Они все время заставляют ее работать.

— Вот здесь мои припасы. — Метью ткнул пальцем в рюкзак. — Их хватит на одного, но не на двоих.

— Да разве я много съем? — Мальчик пошарил в карманах курточки и вытащил две шоколадки, помятые, но целые. — Вот чем я запасся!

Метью молча разглядывал его. Возражений можно было привести более чем достаточно, но он знал, что ни одно не прозвучит убедительно. Оставалось проявить суровость: сделать сердитое лицо и приказать ему убираться. Пока он доплетется до лагеря, Миллеру уже будет поздно что-либо предпринимать, и он ограничится тем, что поколотит мальчишку за то, что тот не поднял тревогу, увидев, что Метью соби-

рается улизнуть. Потеряться на обратном пути он не сможет: вот он, остров, — торчит, как спина кита.

Один довод разумнее другого. Впереди же лежали только опасности и лишения. Еды и питья вполне достаточно, кроме того, запасы, наверное, удастся пополнить на Олдерни; однако это не значит, что он вправе подвергать опасности юную жизнь. У мальчика нет запасной одежды и обуви, а его башмаки вконец изорвутся, не успеют они добраться и до середины Ла-Манша.

Впрочем, Метью знал, что у него не хватит духу отослать Билли назад, заставить вновь преодолевать в одиночку это пугающее, безжизненное пространство.

— Что ж, — вздохнул он, — посмотрим, что из этого выйдет. Если путь окажется слишком трудным, мы повернем назад.

7

К полудню небо затянуло облаками, но потом солнце появилось снова и пригрело сильнее прежнего. Все острова, кроме Олдерни, остались позади и постепенно исчезали в пыльном мареве, Олдерни же рос перед их глазами, как крепость, вознесшаяся над скалами. Метью был рад компании и болтовне мальчика, на которую он, в зависимости от настроения, то отзывался, то нет. Пока их продвижению вперед ничто не препятствовало: перед ними лежала ровная песчаная равнина. Только в одном месте им пришлось сделать круг, чтобы обогнуть вытянутую лужу, окруженную облепленными водорослями камнями. Вода здесь была голубая и прозрачная, в глубине сновали рыбешки. Лужа была глубокой — футов двадцать — тридцать, как прикинул Метью.

Торопиться им было некуда, и они время от времени устраивали привалы, а ближе к вечеру остановились у нагромождения камней, среди которых насчитали до десятка луж, шириной от нескольких футов до двух десятков ярдов. Билли стал штурмовать скалы, как любой ребенок, отдыха-

ющий на пляже. Испугавшись, как бы он не утомился, Метью велел ему сидеть спокойно.

— Я сейчас! — крикнул Билли. — Тут у меня...

— Что еще там?

Билли торжествующе продемонстрировал свою находку — омара длиной в добрых девять дюймов, в возмущении поджимающего и расправляющего хвост.

— Ишь какой! — восхитился Метью. — Лучше положи, где взял, не то у меня потекут слюнки.

Билли спрыгнул на песок, держа омара над головой, как знамя.

— Мне пришла та же мысль, мистер Коттер. Из него получится отличное блюдо на ужин.

— Что-то мне не улыбается грызть сырого омара. Да я и готовить его не умею!

— Здесь полно сухих дров.

Они все еще находились посреди хлама, смытого цунами с восточного берега острова. Тут был и дробленый кирпич, и здоровенный строительный блок, и шланг от пылесоса, и кусок кухонной раковины, и различная древесина: спинка стула, половинка оконной рамы, останки кровати. На некотором отдалении, укрытые, к счастью, нависающим камнем, валялись два нагих тела, которые, наверное, дотащило сюда вместе с кроватью. Метью предпочел не разглядывать их.

— Я не захватил спичек, — посетовал он. — Но даже и со спичками мы вряд ли сумели бы развести огонь. Да и готовить нам не в чем.

— А мое увеличительное стекло?

Неуклюже потянувшись здоровой рукой к противоположному карману — сломанная рука как будто срослась, и Билли уже обходился без лубка, но еще не полностью владел ею, — он извлек сей предмет роскоши, подобранный Метью на развалинах аптеки и преподнесенный Билли как игрушка.

— Я мог бы развести огонь с помощью увеличительного стекла, мистер Коттер. Разве нельзя испечь омара в золе? Кажется, так поступают в Южных морях.

Метью уважительно посмотрел на него:

— Знаешь, такая гениальная мысль не приходила в голову ни одному, даже самому опытному повару.

Комплимент пришелся Билли по душе. Он расплылся в улыбке:

— Как лучше его убить? Может, вы свернете ему шею?

Они собрали дров, и Метью, как мог, наломал их. Потом сложили полевой очаг: для этого сгодились два кирпича и обломок камня. Билли принялся колдовать над растопкой со своим волшебным стеклышком. Наконец на кончике щепы загорелся огонек; вскоре к нему прибавился дымок. Метью и Билли затаили дыхание. Дыму стало больше; внезапно огонь с жадностью охватил угол кладки.

Не дожидаясь, пока прогорит костер, омара сунули в огонь; он сморщился и полопался от жара. Когда от костра осталась одна зола, омар покрылся пеплом и приобрел совсем неаппетитный вид, хотя запах от него шел упоительный. Метью планировал захватить омара с собой и съесть его вечером на привале. Однако ждать так долго оказалось выше их сил. Он вскрыл омара, обжегшись о раскаленный панцирь, и разрезал на две половинки. Начался пир. Метью с трудом удержался, чтобы не проглотить вкуснейшее белое мясо в один присест. Доев мясо из панциря, они разбили о камень клешни и стали их сосать. Метью невольно вспомнился летний закат, распахнутое окно, выходящее на гавань, снующие по заливу яхты... Чудесные закуски, великолепное вино... Холодный омар под майонезом, бутылочка шабли... Все это в прошлом, и непонятно, было ли вообще. Зато сейчас все настоящее, и куда лучше, чем тогда.

Прежде чем расположиться на ночлег, они преодолели еще несколько миль. Страх, отступивший при свете дня, снова вполз в душу вместе с вечерними тенями, которые, сделав округлыми острые выступы скал, лишь подчеркивали враждебность мира. В сумерках Метью взглянул напоследок на далекие холмы — Херм, Джету, Гернси... Он не прочь был бы снова очутиться там, но к чему эти мысли?.. Путешественники улеглись на желтом песке, еще хранящем тепло дня, и Метью показалось, что он слышит вдалеке океанский гул, словно на его ухо легла раковина. Ему снова

стало страшно. Надо было отправить мальчишку восвояси. Вот наступит утро, и...

Они спали, тесно прижавшись друг к другу, однако сон был беспокойным. Ночью земля дважды принималась дрожать, а перед рассветом задул ветерок. Метью рассчитывал, что они возьмутся за приготовление завтрака, но одного взгляда на хмурый горизонт оказалось достаточно, чтобы расстаться с этим намерением. По небу стремительно проносились тучи, и на песок упало несколько дождевых капель.

Открывая банку с тушеной говядиной, Метью как бы невзначай бросил:

— Ну как? Поворачиваем назад?

— Почему, мистер Коттер?

— Кажется, мы поступаем не слишком разумно. Что случится, если зарядит дождь? Ведь у нас всего один плащ на двоих.

— Подумаешь, дождь! — махнул рукой Билли и добавил с рассудительностью взрослого: — Ведь сейчас лето!

— Мы ведь не знаем, куда идем. И зачем. Наверное, лучше было бы вернуться.

— Мы теперь ближе к Олдерни, чем к Гернси. — Билли указал на скалы, виднеющиеся на севере. — Уж туда-то мы можем добраться.

Метью посмотрел на мальчика и усмехнулся:

— Действительно можем. Ты когда-нибудь бывал на Олдерни?

— Нет.

— И я нет. Придется взглянуть, на что он похож. Может, там тоже остались люди... Выжил же один человек на острове Сарк... На Олдерни было куда больше жителей.

Лишь подойдя к острову на расстояние примерно одной мили, путешественники убедились в своей ошибке. Остров протянулся с юго-востока на северо-запад, и они не сразу сумели разглядеть, что с ним произошло. Потом заметили извилистую трещину, начинавшуюся еще в морском дне. Тот же разлом прошел и по острову, разделив его на две неравные части. Метью предполагал найти здесь оставших-

ся в живых, потому что Олдерни, как и Сарк, представлял собой довольно высокое плато, и город Сент-Энн не мог быть смыт волной, подобно Сент-Питер-Порту. Однако теперь, увидев разодранную надвое сушу, Метью расстался со всякой надеждой. Трудно было себе представить, чтобы кто-то выжил, когда вздымается и рвется на части сама земная твердь.

Однако, раз они зашли в такую даль, надо было удостовериться. Путешественники забрались на приподнятое дно гавани — его насыпали во времена викторианского могущества, чтобы здесь мог спокойно стоять огромный британский флот, — а потом на холм. Здесь все было перемолото еще сильнее, чем на Гернси, — возможно, впечатление усиливалось из-за зияющего к северу провала. Казалось, остров разрублен огромным мясницким топором; взор не желал на нем задерживаться, но возвращался туда снова и снова. Метью подумал, что зрелище не было бы таким страшным, останься морская гладь на прежнем месте: она бы по крайней мере скрыла нижний отрезок трещины.

Они прочесали большую половину расколовшегося острова, а потом подошли к трещине, чтобы оглядеть северную его часть. Увы, ничто не свидетельствовало о человеческом присутствии. В одном месте их облаяла рыжая дворняжка, быстро скрывшаяся из виду, попадалось довольно много кроликов; в целом же на острове властвовала смерть. Но не обошлось и без удачи: они набрели на россыпь консервов, которые даже не пришлось выкапывать из мусора. Подбор оказался отменно-изысканным: паштет с грибами, сердцевинки артишоков, копченая лососина в дольках, индейка и фазан в экзотических винных соусах.

Воспользовавшись ярким послеполуденным солнцем, Билли мастерски развел огонь. Дров набралось на огромный костер. Останься кто-нибудь на острове, пламя наверняка привлекло бы его внимание, однако Метью был уверен, что они здесь одни. И все равно было уютно полежать у потрескивающего огня, дым от которого относил в сторону неуемный ветер. Метью наделал дыр в крышке банки с индейкой и поместил ее у основания костра. Из дыр пузырями выходил сок и, стекая с крышки, испарялся от жара.

Аппетитный запах смешивался с запахом горящего дерева. Чтобы хоть чем-то заняться, Метью открыл еще одну баночку без этикетки. В ней тоже оказался деликатес: цыплята куропатки в соусе. Две маленькие тушки были какими-то голыми и жалкими. Метью почувствовал тошноту. К счастью, Билли был чем-то поглощен по другую сторону костра. Метью отбросил банку как можно дальше и услышал, как она покатилась по склону. Неужели смерть опять сбросит маску? Им овладела тоска.

Эту ночь они провели спокойнее, чем прежнюю, на морском дне. С утра ветер разгулялся вовсю, однако солнце то и дело выходило из-за облаков. Метью нашел ручей, и они помылись — Билли слегка, Метью же решил отскрести себя основательнее. Тем временем мальчишка куда-то запропастился. Метью не слишком беспокоился, поскольку на острове им вряд ли грозила опасность, потеряться же здесь было невозможно. Он слегка вытерся маленьким полотенцем, которое захватил с собой, и предоставил остальное солнцу. Затем оделся и поднялся туда, где находился их бивуак.

К нему спешил Билли, размахивая большой черной сумкой. Это был саквояж, устанавливаемый обычно на заднем седле велосипеда.

— Полюбуйтесь, что я нашел, мистер Коттер! Теперь и я смогу что-нибудь нести!

— На спине? Но для этого понадобятся ремни.

— Есть и они! — Билли продемонстрировал пару подтяжек. Изделие было дорогое: широкие полосы с шелковой подкладкой, небесно-голубые с малиновым узором; матовые пряжки хранили следы позолоты. — Я подумал, что они могут на что-нибудь сгодиться.

— Вряд ли, если мы пойдем назад. Я смогу донести более чем достаточно еды.

— Разве мы поворачиваем? — На лице мальчика отразилось разочарование. — Это правда?

— Ты бы предпочел идти дальше?

— О да!

Для его же пользы надо было отправляться назад. На юге, всего в двух днях пути, их ждал уют и безопасность.

Миллерово племя!.. К северу же лежал неизведанный маршрут: шестьдесят миль по песчаному дну, и это по прямой, а кто знает, какие могут встретиться препятствия. Может, поджидают новые трещины — такие же, как на Олдерни, или еще страшнее. Без компаса направление придется определять по солнцу. А что произойдет, если выдастся несколько дней, а то и целая неделя сплошной облачности?

Метью все больше понимал, в какое безрассудное предприятие пустился. Тащить с собой мальчишку было бы верхом безответственности. Его погнала через Ла-Манш забрезжившая надежда, но, увидев, какими немыслимыми могут быть разрушения, он решил, что надеяться не на что, и уже подумал, что готов возвратиться, чтобы коротать жизнь в окружении себе подобных, выживших, как и он, на Гернси. Однако оказалось, что надежда все еще жива, а раз так, ничто другое не имеет значения.

Метью искоса взглянул на мальчика: ничто и никто.

— Хорошо, — кивнул он. — Теперь подумаем, как подготовиться к переходу.

8

Ближе к полудню они снова тронулись в путь. Метью набрал воды из ручья в стороне от руин, грозящих заразой; подземные воды тоже могли быть заражены, но на Гернси они поступали так же, и пока беда обходила их стороной. Он приспособил для заплечной торбы Билли подобие сбруи, и теперь мальчик тоже нес консервы; свой рюкзак Метью доверху набил едой. Они постояли перед уходом в роскошной высокой траве, которую некому было косить, хотя наступило самое время.

Путники прошли какое-то расстояние вдоль южного края трещины. Она резко уходила в глубину футов на сорок — пятьдесят. Сейчас они брели вдоль французского побережья, милях в восьми от него. Спустя час путешественники достигли места, где глубина трещины значительно уменьшилась. Скользя и падая в грязь, они перебрались на про-

тивоположную сторону и повернули на север. Ветер дул по-прежнему, но теперь он пришелся кстати: в небе не осталось ни единого облачка, и при безветрии мучила бы жара.

Теперь они освоились с необычностью пейзажа, и Метью все больше надоедала его монотонность. Скалы, песок, полосы подсыхающей грязи, потом цепочка луж — и так без конца. В целом их путь лежал под уклон, хотя время от времени приходилось преодолевать небольшие подъемы. Некоторые рифы и отдельные камни вздымались довольно-таки высоко, а один оказался настолько громадным, что в былые времена торчал, как видно, из воды. Солнце начало клониться к западу, и Метью старался оставлять его по левую руку.

Встреча с первым же затонувшим кораблем повергла их в шок. Билли приметил его раньше Метью, и они устремились вправо от взятого направления, чтобы взглянуть на корабль. Перед ними лежал на боку корпус торгового судна, или часть корпуса. Нос судна, заросший водорослями и рачками, указывал на запад. Оно было невелико — не более тысячи тонн водоизмещением — и пролежало на дне лет десять, а то и больше. Метью вновь охватил прежний страх, смутное ощущение какой-то угрозы. Видимо, на сей раз это был ужас, знакомый мореходам: ведь где-то поблизости покоились останки утонувших моряков. Билли ничего подобного не испытывал. Он бегал вокруг корабля, заходя то с одного угла, то с другого, и даже собрался забраться наверх. Метью запретил ему это делать, и мальчик нехотя вернулся.

— Тут нет ничего, кроме ржавчины и гниющих водорослей, Билли. Кроме того, нам нельзя терять времени. Надо идти.

Путники шли вперед до тех пор, пока в небе не появились звезды, и только тогда встали на ночлег. Метью часто останавливался, давая мальчику передохнуть, но тот все равно совершенно изнемог. Они поужинали консервированной ветчиной из банки, однако Метью обуял страшный голод, и, несмотря на полный желудок, ему захотелось еще. Билли отломил несколько долек от своей плитки шоколада и предложил ему. Метью поколебался, но потом согласился взять одну, настаивая, чтобы мальчик съел остальное. Билли не

спеша расправлялся со своей порцией, и Метью отвернулся, чтобы не истечь слюной.

Вскоре после того, как они выступили в путь на следующий день, перед ними вырос новый затонувший корабль, помятый куда больше, чем первый; местами он сгнил окончательно. Корабль был военным: ниже фальшборта зияли отверстия, из которых когда-то высовывались пушечные жерла. Из одного до сих пор торчала насквозь проржавевшая, заросшая водорослями пушка... Наверное, именно из нее был произведен последний выстрел, после которого корабль захлестнуло волнами, и он опустился на дно. Сколько лет минуло с той поры? Четыреста? Может быть, корабль входил в состав Великой Армады, которая, спасаясь от холодов и преследования Дрейка, устремилась в холодные воды Ла-Манша? Или это был британский корабль, утраченный двумя веками позднее, при возвращении с Трафальгарской битвы? Теперь на эти вопросы уже нельзя было дать ответа. Да и нужно ли?

— Очень старый корабль, правда, мистер Коттер? — спросил Билли.

— Да, еще какой!

— Внутри могут лежать сокровища?

— Вполне. Только если и так, от них немного проку.

— Можно мне взглянуть?

Сокровища — вещь непростая. Пусть мировая торговля рухнула и на дублоны теперь ничего нельзя купить — ни яйца, ни бифштекса, ни корочки хлеба, однако дублоны остаются дублонами. С точки зрения ребенка, они извечно наделены колдовской загадкой. Метью присел на плоский камень и с облегчением снял рюкзак.

— Что ж, давай взглянем. Только осторожнее. Эти бревна теперь не выдержат и пушинки.

Корабль лежал на дне левым бортом. Сразу за форштевнем зияла пробоина, в которую, сгорбившись, сумел пролезть Метью. Внутри было темно, и он заставил Билли немного постоять, прежде чем глаза привыкли к темноте. Метью опасался, как бы у них под ногами не обвалились сгнившие доски, для которых даже веса мальчика могло

оказаться более чем достаточно; однако, стоило им сдвинуться с места, как он понял, что тревожился напрасно. Хотя снаружи их находка еще походила на корабль, внутри уже не осталось никакой начинки. Все переборки давным-давно обрушились и смешались с песком и тиной на дне, образовав неровную, но достаточно твердую поверхность. Они оказались внутри просторной сумеречной раковины, пахнувшей тленом.

Метью остановился, переживая, что Билли, должно быть, чувствует немалое разочарование. Внезапно дно заколебалось, и деревянные стены их темницы издали предупреждающий скрип. Метью инстинктивно схватил Билли в охапку и потащил назад к дыре. На солнце наступило облегчение, от которого подкашивались ноги.

— Не очень сильный толчок, правда? — спросил мальчик. Он тоже напугался и теперь что было силы старался не подать виду.

— Нет, не очень, — согласился Метью. Поразмыслив, он добавил: — Корабль выстоял и при более сильных колебаниях, значит, не развалился бы и сейчас. Древесина надежнее кирпича и камня — она не такая жесткая.

И верно, остов старого корабля не стал бы для них смертельной западней, в отличие от наземной постройки. Однако возвращаться туда, покидать надежное открытое пространство ему вовсе не хотелось.

— Там не на что смотреть, — буркнул он. — Ничего интересного.

— Вообще-то да, — понуро кивнул Билли.

— Тогда мы продолжим путь. Или ты хочешь передохнуть?

— Нет, лучше пойдемте, мистер Коттер.

На протяжении следующего часа по дну несколько раз пробегала дрожь, однако они привыкли закрывать глаза на подобные мелочи. Метью раздумывал о старом корабле и о том, как он отнесся к находке. Корабль пережил катаклизм — подъем морского дна, разрушительное отступление морской толщи, — и остался таким, каким был. Этого не должно было произойти, но все же произошло. Значит, если выстояла эта тысячу раз сгнившая древесина... Он снова задумался о Джейн,

о старом доме на возвышении. Деревянная крыша могла стать ей защитой, если она действительно спала наверху.

Метью оглянулся на истерзанный остов — возможно, знак, призывающий не терять надежду, — и, неожиданно для самого себя, стал что-то насвистывать. Билли удивленно взглянул на него и улыбнулся.

Следующее приметное место Билли окрестил «гигантскими ступенями». Оно представляло собой вереницу разломов на расстоянии от десяти до пятидесяти ярдов один от другого, с абсолютно плоскими промежутками. Каждый разлом выглядел как крутая ступенька высотой от нескольких дюймов до четырех футов. Все вместе походило на террасы, на которых разбивают сады в гористой местности. Казалось, перед путниками предстало незаконченное творение человеческих рук, и гигант-садовод вот-вот вернется, чтобы продолжить работу. Ступени протянулись на добрую милю и оборвались лишь там, где песок сменился камнем.

Зато дальше глаз радовали бесчисленные лужицы, в которых все еще плескалась рыба. В одной из луж, размером с домашнюю ванну, утомленно мокла скумбрия длиной в целый фут. Она не могла прожить здесь с тех самых пор, как отступила вода. Оглядевшись, Метью понял, что произошло. Лужа оказалась отгороженной завалом из камней от довольно обширной запруды. Рыбина, должно быть, перепрыгнула через эту естественную дамбу высотой в несколько дюймов, стремясь обрести вожделенную глубину. Теперь она доживала последние минуты, лишенная кислорода и еды.

Билли свесился с камня и погрузил руки в воду.

— Хотите поймаю, мистер Коттер? В два счета!

— Нам не из чего сложить костер.

— Тогда просто захватим ее с собой. Может быть, нам еще попадутся дрова.

Метью отрицательно покачал головой. Он сострадал несчастной рыбе, воле к жизни, заставившей ее взмыть в воздух.

— Если ты сумеешь ее поймать, я бы перебросил ее обратно, в большой пруд.

Запас сил у рыбины оказался больше, чем можно было предположить. Билли не справился бы с ней без помощи

Метью. Вместе они перебросили ее через завал. Она мигом ушла в глубину — здесь вода разлилась на ширину двадцати футов, и солнечные лучи не могли проникнуть на дно.

— Теперь она выживет? — спросил Билли.

— Надеюсь, да.

Так рыба проживет хоть какое-то время — несколько дней, недель, а то и месяцев. Однако все эти озерца постепенно сжимаются и усыхают. Спасенная ими рыба все равно обречена.

Теперь они продвигались не так быстро. Дно было усеяно валунами, зачастую зазубренными, через которые им приходилось перебираться. Во время очередного привала Метью взялся осмотреть башмаки Билли. Подошвы стали тоненькими и были испещрены трещинами и порезами, а на замену до Большой земли надеться не приходилось. Метью предупредил мальчика, чтобы тот старался ступать по мягкой поверхности, однако ни один ребенок не смог бы поступить согласно такому совету.

Валуны сменились грязевой топью. Сперва поверхность была достаточно твердой, но чем дальше они шли, тем больше вязли, пробивая верхнюю корку, — сначала всего на дюйм, потом глубже и глубже. Когда Метью почувствовал, что ему с усилием дается каждый шаг, он понял, что лучше обойти препятствие. Грязь тянулась вперед, насколько хватало глаз, зато к северо-востоку грунт казался твердым. Теперь путники брели спинами к солнцу, которое клонилось к горизонту, впервые за несколько дней затянутому облаками. Картина вокруг была самая безрадостная: справа громоздились серые валуны, слева чернело бескрайнее грязевое поле. Даже Билли погрустнел и примолк. Они шли теперь, не произнося ни слова. Метью спросил мальчика, не хочет ли он отдохнуть, но тот отрицательно покрутил головой. Действительно, устроив привал в таком унылом месте, они бы окончательно раскисли.

Однако после заката, когда сгустилась тьма, а пейзаж нисколько не изменился, волей-неволей пришлось сделать остановку. За предыдущий день одолели миль двенадцать — пятнадцать, а за сегодня — и того больше. Правда, последние пять миль увели к востоку от намеченного маршрута.

Если что и обнадеживало, так это погода; глядя на алый отблеск над тем местом, где скрылось за горизонтом солнце, Метью задумался, как долго еще продлится сушь. Ветер снова окреп и довольно-таки противно завывал среди камней.

Поужинали консервами. Костер сейчас не только помог бы сделать еду вкуснее, но и дал бы тепло и уют; однако даже если бы солнце задержалось в небе, им нечего бы было зажечь через лупу Билли. Метью закутал мальчика, как мог, и они улеглись в притоптанную грязь, согревая друг друга. Недавнее воодушевление прошло. Метью, как никогда, отчетливо сознавал сейчас, какие они жалкие и беззащитные.

Еще до рассвета их разбудил дождь, вернее, ливень. Метью достал плащ и укрыл им Билли, махнув на себя рукой. Ливень быстро кончился, зато они теперь дрожали от холода.

Солнце в этот день вставало нехотя. Дождь зарядил снова. Впрочем, путники так промокли, что новая напасть оставила их равнодушными. Метью открыл банку с супом, и они вылакали невкусное холодное месиво; оставалось уповать на его питательность. Подкрепившись, двинулись в путь. От дождя грязь еще более размякла; пришлось прыгать по камням. Это оказалось трудно и утомительно, особенно для Билли. Метью вынужден был то и дело устраивать остановки.

Прошел час, другой, третий. Солнце и не думало появляться из-за серых туч. Дождь иногда стихал, но не надолго. Уже на рассвете, отправляясь в дорогу, путники были мокрыми и измученными; прошедшие часы только усугубили их состояние. Наступила пора очередной банки — на этот раз предстояло лакомиться бобами с колбасой. У них была одна ложка на двоих, но банка оказалась выскоблена за минуту.

Наконец грунт стал иным: грязь сменилась плотным песком и галечником, усеянным валунами и выходами горной породы. Метью мог только гадать, насколько далеко на восток они забрались; оставалось одно — свернуть под более или менее прямым углом по отношению к маршруту, которым путники следовали до этой минуты. Не видя солн-

ца, нельзя было верно определить направление. Если погода останется пасмурной, они могут запросто начать описывать круги. Облака настолько сгустились, что казалось, не рассеются никогда. Дождь, впрочем, не возобновлялся уже целый час, хотя мог, судя по небу, снова хлынуть с минуты на минуту.

Метью не поверил собственным глазам, когда увидел новый корабль. «Уж не мираж ли?» — мелькнула мысль. Впрочем, миражи как будто появляются только в сухом горячем воздухе... Тогда — галлюцинация. Сперва был виден лишь форштевень и еще футов двадцать — тридцать борта; остальное скрывал выступ скалы. Метью был склонен считать это зрелище игрой воображения по одной простой причине: корабль казался совершенно целым. На его белоснежных бортах не было заметно ни единой царапины, хотя они выглядели слишком низкими. При этом корабль соприкасался с песком только килем, и было непонятно, за счет чего поддерживается равновесие.

— Глядите! — воскликнул Билли, цепляясь за его руку. — Что это за корабль, мистер Коттер?

— Пока не знаю. Придется подойти поближе.

Обойдя загораживавшую обозрение скалу, они поняли, как судну удается почти что парить в воздухе и чем объясняется смехотворная высота его бортов. С одного бока его подпирал риф, благодаря чему корпус корабля стоял совершенно прямо. Что касается высоты, то она казалась небольшой лишь по сравнению с длиной борта: перед ними лежал танкер, один из новейших океанских гигантов, должно быть, восьмисот футов длиной и ста тысяч тонн водоизмещением.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул Билли. — Как вы думаете, мы сможем на него подняться?

Танкер, шедевр мастерства, достигнутого исчезнувшим миром, стоял перед ними на диво прямо, словно плыл по песчаному морю, олицетворяя грацию, мощь и совершенство очертаний. Волны лишили его своей поддержки, и он спланировал сюда, как усталая птица.

— Попробуем, — ответил Метью.

9

Снова пошел дождь — на сей раз не ливень, а противная морось. Пришлось прятаться под днищем корабля; с белого борта, оказавшегося вблизи не таким уж низким, стекали потоки воды. Метью понял, что подняться на корабль будет не так-то легко. Команду, очевидно, смыло в море, или она погибла при первых же толчках. Метью не мог себе представить, как они с мальчиком преодолеют эту гладкую отвесную поверхность, раз некому было им подсобить.

В их силах было лишь осмотреть танкер со всех сторон, хотя осмотр исчерпывался в основном созерцанием красного днища морского левиафана. Находясь под ним, как под бесконечным стальным навесом, Метью снова почувствовал боязнь замкнутого пространства. Боязнь эта, разумеется, была совершенно беспочвенной: раз самым сильным толчкам не удалось перевернуть чудовищное сооружение вверх тормашками, то смешно даже предположить, что это свершат теперешние, уже совсем слабенькие. Однако, вопреки логике, Метью поспешил прочь, под дождь, и Билли, не говоря ни слова, последовал за ним.

Они направились к громоздящейся над кормой надстройке. На призывное ауканье, долго метавшееся по палубе протяжным эхом, так никто и не отозвался. Лишь завывал ветер да громко стучали дождевые капли.

Внезапно Метью послышался крик. Спустя мгновение он разобрался, кто ввел его в заблуждение: по песку ковыляла перепачканная чайка. Если не считать червей и рыб, она была первым живым существом, попавшимся им после того, как они простились с собакой и кроликами, населявшими Олдерни. Билли взмахнул руками, и чайка тяжело поднялась в воздух. Пролетев не больше десятка ярдов, она снова опустилась и зашлепала по песку дальше. Эта встреча навела Метью на размышления. Что привело ее к кораблю — воспоминания о былых пиршествах или возможность подкормиться в изменившихся условиях? Он вторично издал призывный крик, но отклика не последовало и на этот раз.

Однако еще через секунду они увидели лестницу.

* * *

Нейлоновая лестница со стальными кольцами свисала недалеко от кормы с правого борта. Она не просто доставала до дна, но и волочилась дальше. Метью подергал ее — сначала неуверенно, потом со всей силы. Лестница было намертво закреплена на палубе.

Вопросительно взглянув на Билли, он произнес:

— Ну как? Полезем? Ты сможешь подняться по веревочной лестнице? Тут высоко.

— Конечно, смогу! Честное слово!

— Тогда лезь первым.

Мальчик как ни в чем не бывало начал восхождение. Дав ему подняться на несколько ярдов, Метью последовал за ним. Лестница раскачивалась и провисала под их тяжестью, и Метью едва не затошнило. Он замер, цепляясь за лестницу и стараясь преодолеть двойной ужас: перед высотой и перед возможным землетрясением. При сильном толчке эта железная стена может рухнуть прямо на них... Он уговаривал себя, что такое предположение — воплощение абсурда, однако разум уже поддался панике. Дрожа с головы до ног, он услышал голос Билли, хотел ответить ему, но получилось какое-то бессмысленное карканье. Прокашлявшись, он через силу выдавил:

— Что такое?

— Я говорю, я уже почти наверху. Но чем выше лезешь, тем труднее. Лестница бьется о борт.

— Передохни, — предложил Метью.

— Нет, я не устал.

Мало-помалу унизительный страх уступил место чему-то другому, тоже неприятному, вдобавок непонятному; названия этому чувству он не знал, но оно по крайней мере поддавалось обузданию. Метью перенес ногу и потянулся к следующему кольцу. Дальше он полез увереннее, заставив себя сосредоточиться на собственных усилиях, на движениях рук и ног. До него донесся торжествующий крик, свидетельствовавший о том, что Билли добрался до цели. Наступил самый ответственный момент: от неосторожных движений Метью теперь сильно ударялся о борт. Он уже почти

преодолел высоту, но старался не смотреть вверх. Неожиданно он увидел перила и ноги Билли.

Как ни странно, стоило ему перевалиться на палубу, как страх — и высоты, и возможного землетрясения — мигом его покинул. Путники находились на мостике под самой надстройкой; внизу тянулись один за другим отсеки, смыкавшиеся в неописуемой дали — у носа. Зрелище было величественное. Теперь казалось само собой разумеющимся, что корабль не погиб во время катастрофы, а отделался пустяком. Впрочем, левое ограждение было частично сломано, а где-то дальше могла красоваться вмятина; отсюда по крайней мере трудно было разобрать, как велико повреждение.

Через некоторое время до сознания Метью дошло, что он то ли слышит, то ли чувствует что-то. Так продолжалось довольно долго, прежде чем он спохватился. Ну конечно, какие могут быть сомнения! Металл палубы чуть заметно вздрагивал, и откуда-то из чрева гигантского корабля доносился неясный гул. Метью недоверчиво воззрился на приземистую надстройку. Глаз не мог различить ни единого признака жизни, однако где-то там определенно работал генератор.

— Эй! — крикнул Метью. — Тут есть кто-нибудь? Э-эй!

Билли стал вторить ему. Тем временем дождь усилился. На палубе был плавательный бассейн, и дождь отчаянно барабанил по поверхности воды. На дальнем краю бассейна, рядом с прыгательной доской, стояли два шезлонга из полых стальных трубок с яркими пластмассовыми сиденьями. Создавалось впечатление, что тут только что резвились люди, пока их не загнал в укрытие усилившийся дождь.

— Никого, — сказал Билли. — Или нас просто не слышно изнутри.

— Вполне возможно. Пойдем-ка посмотрим.

Они заторопились к надстройке. Метью повернул ручку какой-то двери. Там его ждал еще один сюрприз: он думал, что очутится в сумрачном тоннеле, а оказался в залитом электрическим светом коридоре. Билли, не отстававший от него ни на шаг, удивленно ахнул.

— На борту наверняка есть люди. Им удалось запустить генераторы — они, наверное, работают на нефти.

— Может, снова покричать?

— Думаю, не надо. Лучше попробуем найти их сами.

В переплетении проходов немудрено было заплутаться. Метью наугад отворял двери и оказывался в каютах, ванных комнатах; побывали они и в штурманской рубке. Постепенно у него складывалось впечатление какой-то несообразности, которое он не мог толком сформулировать, пока не оказался в каюте с двумя привинченными к стене койками. Койки были тщательно застелены свежими простынями и одеялами; царил образцовый порядок. Метью заметил, что подобная же чистота встречает их повсеместно. Во время катастрофы на корабле не могло не возникнуть первозданного хаоса, однако с тех пор здесь с фанатичным рвением восстановили порядок.

Что же из этого следовало? Экипаж, очутившийся на морском дне и охваченный массовым психозом, нашел утешение в наведении уставного порядка? Или примерно выполняются распоряжения капитана, спятившего при виде рушащегося мира? И то и другое трудно было себе представить; кроме того, экипаж, столь тщательно наводящий повсюду порядок, должен подавать признаки жизни. Однако пока они никого не встретили. Их шаги гулко отдавались в коридорах, и, распахивая двери, они врывались в неизменно пустые каюты.

За очередной дверью располагался камбуз. На хирургически чистых столах было пусто, вся кухонная утварь стояла на полках. В углу мирно кряхтел большой холодильник. Метью открыл дверцу и замер при виде двух зажаренных цыплят, шматка ветчины, бруска масла и дюжины баночек с пивом. Его желудок свела судорога. Однако он тут же вспомнил, что они здесь чужие и что где-то поблизости должны находиться члены команды.

Билли, предпринявший самостоятельный обход кубрика, неожиданно позвал его:

— Смотрите-ка, мистер Коттер!

Мальчик переминался перед буфетом. Внутри буфета помещались полки. На второй полке красовались сразу три

неказистые, но все равно прекрасные и способные вызвать избыточное слюноотделение буханки хрустящего пшеничного хлеба.

Полкой ниже стояла масленка, банки с вареньями и маринадами и большая сырница под прозрачной крышкой. Здесь был представлен сыр голландский, голубоватая горгонзола и чеддер.

Метью увидел выражение лица Билли и пожалел его. Схватив одну из буханок, он потребовал нож.

— Разве можно? — усомнился Билли.

Однако сам уже спешил в тот угол, где Метью высмотрел нож. Метью поборол безумное желание вцепиться в хрустящую корку зубами и дождался, пока мальчик принесет нож. Щедро кромсая буханку, он приговаривал:

— Понадеемся на их щедрость. Если бы они ответили нам отказом, я бы, наверное, вцепился им в глотку. Бери! Намажь маслом и положи сверху чего хочешь.

Билли выбрал клубничное варенье, а Метью заколебался, разглядывая сыры: голландского вроде больше всего. Он отрезал себе ровно половину, оставив на куске в месте отреза след масла; тогда он отрезал еще, чтобы замести следы. И торопливо впился зубами в хлеб, набивая рот еще и сыром. Зубы заработали сами собой; Метью поймал себя на том, что глотает пищу раньше, чем следовало бы; голод победил желание продлить этот восхитительный вкус во рту.

Он дернулся, почувствовав, как открывается сзади входная дверь, и, словно нашкодивший мальчишка, спрятал руку с надкусанным ломтем за спиной.

Мужчина, вошедший в кубрик, не смог побороть улыбку:

— Все в порядке. Не стесняйтесь. Наверное, вы здорово проголодались?

Незнакомец говорил по-английски одновременно с американским и со средиземноморским акцентом. «Не итальянец», — подумал Метью. Грек? Пузатый, низкорослый, смуглый. На нем был тщательно отглаженный, без единого пятнышка форменный костюм и фуражка с золотым околышем. Мужчина недавно брился: его синий подбородок был противоестественно гладким и источал аромат хорошего лосьона.

— Проголодались! — кивнул Метью. — Еще как! А хлеба вообще не видели с той поры.

Новый знакомый сделал широкий жест, прощающий им все грехи:

— Не волнуйтесь! У меня хватает еды и питья. Может, хотите пива? — Он подошел к холодильнику и вытащил оттуда баночку. — А тебе, мальчик? Кока-колы? — Мужчина улыбнулся, демонстрируя белоснежные зубы и пару золотых коронок. — Наверное, ты не откажешься от коки?

Они принялись благодарить его, но он только покачал головой:

— У меня всего достаточно... Скиопос, капитан Скиопос. Можете называть меня просто Ник.

Метью представился сам и представил капитану Билли.

— Так ты ему не сын? — Он снова благодушно улыбнулся. — Просто путешествуете на пару?

Метью в двух словах пересказал ему их историю. Скиопос выслушал рассказ без особого внимания.

— На суше дело совсем плохо? — спросил он под конец.

— По крайней мере на Нормандских островах. — Метью доел хлеб и сыр, но не мог отвести взгляд от буханки.

— Оставьте стеснение, — поощрительно молвил Скиопос. — Отрезайте еще. В этот раз я выпек слишком много хлеба. Надо же его съесть!

Орудуя ножом, Метью осведомился:

— Значит, вы все это время провели здесь? В одиночку?

— Все остальные разбежались, — вздохнул Скиопос. — Я твердил им, что они безумцы, но куда там... Убеждал, что по обеим сторонам Ла-Манша все рухнуло, что там вовсе не ждут молочные реки с кисельными берегами. Но они были не в себе, понимаете? О, что это была за ночь! Нашу гигантскую посудину швыряло, как жалкую щепку! Кто-то, наверное, вытащил из ванны затычку. Зато под конец мы мягко легли на дно. Я и говорю им — глядите, как нам повезло! Но они не хотели меня слушать: запаслись провизией и ушли на север.

— Давно?

Скиопос пожал плечами:

— Откуда я знаю? На следующий день после того, как мы прикорнули на дне. Я перестал вести счет дням. Какой от этого прок?

С каждой минутой хлеб и сыр становились все вкуснее — оказалось, что возможно и такое. Горло защипало от пива, и Метью почувствовал себя на седьмом небе.

— Повезло — не то слово! Вы, кажется, находитесь на совершенно невредимом корабле.

— Увы, повреждение достаточно для того, чтобы, если вернется море, уже не всплыть. Но мне сдается, что вода ушла навеки. Может быть, вы и паренек хотите принять ванну?

— Горячая вода?!

— А как же, горячее не бывает! Разве я стал бы вам предлагать холодную? Мыла и полотенец здесь вдоволь. Если желаете, могу побаловать пеной для ванны.

Скиопос провел их по коридору, через кают-компанию. Они оказались в противоположной части корабля. Открыв одну из дверей, капитан показал Метью великолепную ванную:

— Это вам. Рядом — ванная для мальчика. Я тоже отлучусь, приведу себя в порядок — ведь у меня сегодня гости! Когда закончите, позвоните в звонок — я зайду за вами. Без меня вы в два счета заблудитесь.

Метью пустил воду, залез в ванну и, с трудом переводя дух от пара, улегся на спину. Он слышал, как неподалеку плещется Билли. Он был как в полусне, его интересовали сейчас только самые простые удовольствия.

Скиопос вернулся еще до того, как они вылезли из ванн.

— Хорошо помылись, Метью? — подал он голос. — Я принес кое-какой одежды, которая вам, наверное, подойдет. Можно войти?

Капитан выглядел еще более безукоризненным, чем час назад. Он с трудом удерживал в руках кипу одежды, которую с облегчением положил на полку.

— Кажется, придется вам впору. Тут трусы, майка, носки, рубашка, брюки. Обуви нет, но вам и не нужна обувь на борту. Нашлось кое-что и для мальчугана. Великовато, на-

верное, однако у меня есть ножницы — в крайнем случае обрежем.

Метью вылез из ванны и замотался в полотенце. Он хотел было поблагодарить Скиопоса, но тот прервал его на полуслове:

— Пойду отнесу обновки мальчику. После ванны, в чистой одежде вы почувствуете себя гораздо лучше. Когда будете готовы, я вас кое-куда провожу.

Что за радость — не влезать в прежнюю опостылевшую одежду! Она валялась грязной кучей на полу. Чистое белье приятно пахло и было невероятно мягким. Одевшись, Метью пошел посмотреть, как справляется Билли.

Скиопос был занят его туалетом, вернее, отступив на два шага, с интересом наблюдал за ним.

— Славный паренек, — сообщил он Метью, — вот только ростом не вышел. — Билли при этих словах растерянно улыбнулся. — Вы, я полагаю, не портной, Метью? Ну-ка, попробуем еще разок.

Когда Скиопос отложил ножницы, Билли выглядел комично, но был по крайней мере облачен во все чистое. Рубаха и штаны ему были длинны — последние поддерживались роскошными подтяжками с золотыми зажимами. Скиопос потрепал мальчика по плечу и пригладил толстой рукой его мокрые вихры.

— Во всяком случае, ты выглядишь теперь лучше, чем раньше. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

В помещении, в которое их пригласили, стояли рядами удобные кресла. Капитан подошел к стене и нажал какую-то кнопку. Сверху опустился экран, и Метью смекнул, что они попали в корабельный кинотеатр. Позади кресел в стене виднелось отверстие.

— Садитесь, — предложил Скиопос. — Устраивайтесь поудобнее. Я все сделаю сам.

С самой первой минуты, как путники попали на корабль, происходили совершенно невероятные события, так что можно было подумать, что они бредят; однако сейчас творилось что-то и вовсе невообразимое. Прошла минута, и из отверстия в стене до них снова донесся голос Скиопоса:

— Готовы? Ну, держитесь!

Свет погас. В наступившей темноте Метью обуял было знакомый страх, но тут экран ожил, и страх испарился. Хозяин решил побаловать их мультфильмом «Том и Джерри». Искоса взглянув на Билли, Метью увидел на его лице самую обыкновенную ребячью радость.

Скиопос прокрутил еще два мультфильма, после чего выключил проектор, снова зажег свет и обратился к ним через отверстие:

— Теперь устроим антракт. Оставайтесь на местах, друзья. Я сейчас вернусь.

Скоро он появился, на этот раз с подносом.

— Раз у нас перерыв, то, прошу вас, угощайтесь мороженым и сладостями. Не возражаешь, Билли? Хотите сигарету, Метью? Или, может быть, сигару?

Он наделил Билли мороженым и шоколадкой, дал Метью прикурить сигарету, сам же закурил сигару. После этого уселся с ними рядышком и повел неспешную беседу. Слушая его, Метью никак не мог определить, в своем ли уме собеседник. Никаких признаков безумия не обнаруживалось: капитан был чрезвычайно любезен и действовал вполне разумно. Однако вся ситуация была далека от нормальной, а Скиопос отнесся к их появлению слишком спокойно. Ему надо было выразить больше радости при встрече с людьми или же расстроиться, поскольку те набросились на его драгоценные припасы — ведь они когда-нибудь закончатся, что же тогда делать?

Из рассказа капитана стало более или менее ясно, как развивались события. Он и не помышлял уговаривать свою команду остаться и не реагировал на их уговоры уйти вместе с ними. Очутившись в одиночестве, Скиопос принялся за генератор и в конце концов сумел его запустить. Танкер шел из Лондона с водой в качестве балласта в трюмах, а не с нефтью, и ему удалось закачать ее в охлаждающую систему, — если он и безумец, то человек исключительно способный. Затем Скиопос принялся наводить на своем корабле порядок и весьма преуспел в этом занятии. Капитан готовил себе на большой электрической плите, работающей от генератора, заводил пластинки и постоянно крутил одну и ту же дюжину кинофильмов.

— Я уже подумывал, не будет ли мне тут скучновато, — признался он. — Но когда слышишь человеческие голоса, видишь лица... Тут у меня есть картина с Синатрой и Авой Гарднер. Они теперь мне самые близкие друзья. Смотрели?

Метью блаженно покуривал сигарету, наслаждаясь полузабытым вкусом.

— Как насчет радио? — поинтересовался он.

— Радио? Молчит.

— Сломано?

— Я не очень-то разбираюсь в радио, — пожал плечами Скиопос.

— Если бы удалось его починить, можно было бы услышать передачи — вдруг где-нибудь еще работают радиостанции.

Однако во взгляде Скиопоса не появилось ни малейшего интереса.

— Мы знаем, что Западная Европа получила здоровенный пинок. Полагаю, что примерно то же самое произошло и с Америкой. А может, в других местах все не так плохо — в России, Китае, Новой Зеландии?

— Я не разбираюсь в радио, — повторил Скиопос.

Метью смекнул, что их хозяин не жаждет связи с внешним миром. Его удовлетворяла роль центра собственного мирка. Но почему тогда он так радушно принял их? Может быть, дело тут в том, что они — его гости и он может продемонстрировать им свое могущество и всякие чудеса?

— Как насчет горючего? — продолжил Метью.

— Горючее? Этого добра у меня много.

— Насколько много?

Во взгляде Скиопоса мелькнуло беспокойство. Он отвернулся, определенно не желая развивать эту тему:

— Говорю вам: его у меня много.

— Но в конце концов оно все выйдет, и генератор встанет. Что вы предпримете тогда?

— Повторяю: тут совершенно не о чем тревожиться. Совершенно!.. А теперь, Метью, прошу меня извинить: дела. Прогуляйтесь и развлекитесь самостоятельно. Я вас провожу.

* * *

Следующая встреча со Скиопосом произошла в кубрике, где он занимался кулинарией. Капитан приветствовал их с не меньшей жизнерадостностью, чем прежде:

— Когда у меня нет гостей, я обхожусь на обед холодным бифштексом. Но вы наверняка захотите чего-нибудь горяченького.

— Не надо о нас заботиться! — взмолился Метью. — Хлеб с сыром — и мы блаженствуем.

В этот миг до него донесся восхитительный запах толстого куска окорока, поджариваемого в масле неутомимым коком.

— Да ничего особенного, — махнул рукой Скиопос. — Ветчина, помидоры, чуть-чуть жареной картошки. Еще десять минут — и все будет на столе. Договорились?

Пока они ели, он потчевал их рассказом о своих привычках. Будильник будит его в половине седьмого утра. Он встает, принимает ванну, бреется и спешит в кубрик, где готовит себе завтрак: кофе, тосты с вареньем. Затем обходит корабль, делает необходимую уборку и спускается на дно для ежедневной прогулки. Он поступает так в любую погоду. Именно этим он и был занят, когда Метью нашел его лестницу и поднялся вместе с Билли на борт. Вторую половину дня он проводит возле бассейна, а если не позволяет погода, то коротает время с проигрывателем или кинопроектором. На корабле имелась библиотека, но, как понял Метью, капитан не относился к истовым почитателям книг.

После обеда Скиопос повел Метью и Билли на прогулку по кораблю. Он был безупречно любезен, жизнерадостен и очень скрупулезен в описаниях. Они чувствовали себя особо важными персонами, которых водят по танкеру, отдыхающему в промежутке между дальними плаваниями в лондонском порту. Капитан упомянул о повреждении, полученном судном, но не стал о нем распространяться, словно ремонтом вот-вот займется специальная бригада. Они поднялись на мостик, походивший на крылышки по обеим сторонам надстройки. Отсюда до дна было футов сто; над головами высилась сигнальная мачта с радаром. Дождь утих, видимость улучшилась: их взору предстали бесконечные гря-

зевые поля, россыпи галечника, нагромождения камней. От такого безрадостного зрелища немудрено тронуться, подумал Метью.

Скиопос устремил взгляд вдаль, словно перед ним попрежнему простирались серые, затянутые туманом воды Ла-Манша.

— Красивое судно, правда? — тихо спросил он.

— Действительно впечатляет, — согласился Метью.

— Я впервые вышел в море как капитан.

— Неужели?..

— Мне тридцать восемь лет. Если моряк не становится капитаном к тридцати пяти, можете считать, что он уже вообще никогда не дослужится до капитана. Я знал одного типа, который был моложе меня на пять лет, а уже водил танкер. А потом появился вот этот красавец. Всего полтора года как он спущен на воду. У моего предшественника что-то стряслось с почками — не знаю, что именно, но что-то скверное, потому что он загремел в больницу на много месяцев. Мне как раз полагался отпуск. У нас отличные отпуска — по четыре, пять месяцев. Меня спросили: хочешь заступить сюда или предпочитаешь воспользоваться отпуском? Ну разве не глупость? Я крикнул в телефон «да!» и примчался прямиком в контору, чтобы удостовериться, что меня правильно поняли. Спустя два дня я повел танкер в Персидский залив. Я нес свою первую вахту, когда налетела эта волна.

— Невезение...

Скиопос бросил на него лишенный мысли, отстраненный взгляд и снова принялся глядеть вдаль, куда уходили очертания его корабля.

— Красавец! — повторил он. — В компании нет лучше танкера, чем этот. Пойдемте, я покажу вам рулевую рубку.

Билли здорово притомился. Давали о себе знать долгий путь и сырость предыдущей ночи. Метью сообщил об этом Скиопосу, и, накормив ужином, состоявшим из консервированных фруктов и горячего шоколада с печеньем, мальчика отвели спать. Билли тут же забылся счастливым сном на хрустящих простынях и мягчайшем поролоновом матрасе.

Отдых пойдет ему на пользу. Как и еда, которой потчует их Скиопос. Метью понимал, что здесь для них нет будущего, однако это не значило, что они не могут пробыть на корабле какое-то время, чтобы, так сказать, подзарядить аккумуляторы.

Скиопос изъявил желание приготовить для себя и Метью что-нибудь необычное. Сперва он подал закуски: салями, сардины, яйца под маринадом, оливки, картофельный салат. Затем наступил черед главного блюда — цыпленка под благоухающим соусом с шафрановым рисом в качестве гарнира. Лакомства сопровождала бутылочка итальянского вина, извлеченная из холодильника. Потом они пили кофе с бренди и смаковали сигары в офицерской кают-компании. Метью расхваливал кулинарные способности хозяина, разглагольствовал о прошлом и о возможном будущем, однако Скиопос сидел с отсутствующим видом и почти не обращал на него внимания. Внезапно, перебив Метью на полуслове, он брякнул:

— Может быть, запустить вам кино?

— Поздновато для кино, — ответил Метью. — Вы, наверное, притомились. Я, например, страшно устал.

— А я привык по вечерам, — упорствовал Скиопос. Он уже поднялся со стула. — У нас есть фильм с молодой английской актрисой Кэти Керби. Она вам нравится, Метью? Пойдемте, я вам его поставлю. Если хотите, захватите бокал.

Это был скорее приказ, чем приглашение. Метью плеснул себе еще бренди и после недолгого колебания прихватил также и бутылку. Скиопос ушел вперед, не дожидаясь его, и Метью пришлось брести за ним следом в кинозал. На сей раз предварительных любезностей и учтивого усаживания не последовало. Скиопос, не говоря ни слова, устремился в комнатушку с проектором, запустил кино и погасил свет. Затем вернулся и сел в темноте.

Им предстояло смотреть английскую музыкальную комедию, которая оказалась лучше, чем ожидал Метью, — впрочем, он не был завсегдатаем кинотеатров, а в последние годы и вовсе расстался с этим развлечением. Однако реакция Скиопоса на экранные события оказалась даже интереснее, чем сюжет. Он без умолку комментировал дей-

ствие, однако обращался не к гостю, а к себе самому. Да это и не был комментарий: Метью понял, что Скиопос разговаривает с персонажами картины. Капитан отпускал шуточки и покатывался со смеху, причем создавалось впечатление, что он шутил так и смеялся далеко не в первый раз, что все это — какой-то ритуал.

Скиопос отлучился, чтобы поменять бобины, и поспешно вернулся. Метью совсем устал, от сочетания бренди и кино его клонило ко сну, однако он мужественно досидел до конца картины. Чувствуя, что без одобрительного восклицания не обойтись, он заметил:

— Очень недурно. А теперь я, пожалуй, отправлюсь на боковую.

Однако Скиопос, не удостоив его ответом, снова устремился к проектору. Метью думал, что он выключит его и вернется. В проекционной ненадолго зажегся свет, но зал так и остался погруженным в темноту. Проектор снова заработал, и на экране появилась надпись: «Как сумасшедшие». Скиопос возвратился в зал. Он еще не успел плюхнуться на место, а уже смеялся.

Метью прождал еще минут пять и снова объявил, что идет спать. Ответа не последовало. Чтобы выбраться на волю, ему пришлось пробраться мимо Скиопоса. Тот раздраженно подвинулся, однако мгновение спустя вернулся к общению с комиком на экране. Капитан даже не повернулся, чтобы проводить Метью хотя бы взглядом.

Метью заглянул к Билли, который мирно спал, и зашел в соседнюю каюту. Интересно, сколько еще времени будет хихикать Скиопос в своем частном кинозале? Впрочем, какая разница? Метью смертельно устал; единственное, о чем он сейчас мог думать, — это мягкая, чистая постель.

Утром его разбудил Билли. Глядя на мальчика, стоящего в двери каюты, среди полированного дерева и сияющего металла, залитого искусственным светом, Метью на мгновение забыл, что случилось с миром, и вообразил себя в прежней жизни. Непонятно только, где он находится... Однако продолжалось это недолго; вернуться в реальное измерение ему помогла мысль о Джейн, пронзившая его, как всегда, нестерпимой болью.

Стараясь не показывать своего страдания, он приветливо улыбнулся Билли:

— Доброе утро! Который сейчас час?

— Сам не знаю. Я только что проснулся.

Метью посмотрел в иллюминатор:

— Солнце уже встало. Наверное, надо заняться завтраком. Как тебе это понравится?

Билли кивнул:

— Я уже видел капитана.

— Неужели?

— Я сказал ему: «Доброе утро», но он ничего не ответил.

— Наверное, думал о чем-нибудь другом. Брось-ка мне рубашку.

Метью умылся, оделся, и они вместе направились в кубрик. Оттуда доносились какие-то звуки. Распахнув дверь, они увидели, что Скиопос, опустившись на колени, яростно драит пол. Он даже не обернулся на их приветствие и продолжал свой тяжкий труд, как будто рядом никого нет. Белые форменные брюки успели помяться; торс капитана был обтянут тельняшкой, под которой явственно проступали складки жира. Метью заметил у него на макушке лысину.

Как он уже догадался, приютивший их человек был психопатом, возможно, даже предрасположенным к припадкам безумия, чья болезнь разгулялась вовсю из-за шока, вызванного землетрясением и цунами. Вот почему он остался на борту, распрощавшись со своей командой, вот почему посвящал столько времени заботе о чистоте. Что касается первоначального радушного приема, то, возможно, вчера он был расположен благодушествовать, сегодня же на него напала депрессия. Не исключался и иной ответ: капитан был готов приветствовать пришельцев извне, однако замыкался, когда они угрожали фантазиям, составлявшим теперь смысл его жизни. Он щедро делился своими сокровищами, но боялся и помыслить о том, что им в конце концов придет конец.

Скиопос безумен, но, очевидно, вполне безвреден. Раз он не обратил внимание на их приветствие, то, возможно, и остальные их действия останутся незамеченными?

Билли выглядел озадаченным и немного напуганным. Метью потрепал его по плечу и сказал:

— Давай-ка приготовим себе завтрак. Не мастер ли ты по части поджаривания бекона?

Они достали из холодильника бекон и поджарили его с ломтиками хлеба. Скиопос не обращал на их присутствие ни малейшего внимания. Пока они уплетали завтрак, он доскреб пол, отнес ведро и швабру к раковине, вымыл это добро, убрал в чулан и удалился.

Как только дверь за ним затворилась, Билли спросил:

— С капитаном что-то не так, мистер Коттер?

— У него повредился рассудок.

— Как у мамаши Латрон?

— Вроде того.

— Он даже не увидел нас, — не унимался Билли. — Словно нас тут нет.

Открытие никак не влияло на ситуацию — они и не собирались оставаться здесь надолго. Однако Метью рассчитывал отдохнуть несколько дней и немного отъесться. Теперь эта перспектива утратила былую привлекательность. Ему снова сделалось не по себе: он понял, что вопреки прежнему твердому намерению, очутился в замкнутом пространстве.

Скиопос, надо полагать, приступил к утреннему променаду. Что произойдет, когда и в этом автономном, уютном мирке ему придется считаться с реальностью? Генератор рано или поздно замрет, свет потухнет. Возможно, Скиопос все равно останется здесь, таращась в темном зале на пустой экран и населяя его призраками. Потом иссякнет еда, и ему придется голодать. Метью сомневался, что он и тогда решится покинуть корабль. Сохранить фантазии значило для него, наверное, больше, чем сохранить жизнь.

Они с Билли навели порядок в кубрике. Пусть для Скиопоса их больше не существует, они обязаны хоть чем-то отплатить ему за гостеприимство.

— Мы уходим? — спросил Билли. Ему уже не терпелось побыстрее убраться отсюда.

— Вот соберемся — и вперед, — ответил Метью. — Я подумал, что неплохо было бы что-нибудь прихватить в дорогу. Скажем, хлеба, масла...

— А капитан не будет возражать?

— Вряд ли. Ведь он не возражает, чтобы мы уничтожали это здесь. Дать нам продуктов в дорогу — дешевле, чем держать нас здесь в качестве нахлебников.

— Как вы думаете, он не будет против, если я съем еще немного мороженого? Прежде чем мы уйдем?

Метью усмехнулся:

— Да уж, тебе придется покончить с этим до отхода. Мороженое с собой не прихватишь — во всяком случае, оно долго не продержится.

Скиопос уже замесил тесто для новых караваев; наверное, вернувшись, он займется выпечкой. В буфете еще оставалось полторы буханки, и Метью, поразмыслив, взял целую. Кроме того, он отрезал несколько шматков ветчины и запасся куском сыра, несколькими шоколадными печеньями и баночкой клубничного джема. Денька два это будет скрашивать опостылевшую консервную диету.

Затем они прибрались в каютах, где провели ночь, хотя Скиопос наверняка все переделает. Метью принес свой рюкзак и заплечную торбу Билли в кубрик. Оказалось, что даже с новыми запасами остается много свободного места. Метью снова открыл холодильник. Два жареных цыпленка лежали на прежнем месте; видимо, у Скиопоса в морозильнике был их немалый запас. Разрезав одного цыпленка пополам кухонным ножом, Метью спрятал одну половинку в рюкзак, а другую вернул на место.

— О'кей, Билли, — вздохнул он. — Теперь мы готовы.

Дождь давно прекратился. Небо оставалось жемчужно-серым, однако там, где полагалось находиться солнцу, облака налились золотом. Воздух сохранил влажность, но ветер совсем утих. Вода в бассейне была теперь неподвижной и темной. Наверное, именно в такие деньки Скиопос выбирался на палубу и принимал солнечные ванны, время от времени ныряя в неподвижную воду, чтобы охладиться. Можно предположить, что рядышком он ставит баночку пива. Бездумное существование — как долго оно может продлиться? Еще месяц?

Метью очень хотелось побыстрее пуститься в путь, раз уж они собрались. Ему казалось, что и Билли хочет того же:

мальчик был смирнее обычного и как будто нервничал. Их шаги разнеслись над кораблем, и чайка — вероятно, та же, с которой они познакомились накануне, — взмыла в воздух, тяжело замахав крыльями. Метью подошел к ограждению и глянул вниз. От высоты у него закружилась голова. Нет, лучше не смотреть. Он уже готовился перебросить ногу через борт, как вдруг заметил среди камней какое-то движение. К лестнице, шагая как автомат и не глядя по сторонам, направлялся Скиопос.

Ему оставалось пройти еще двадцать — тридцать ярдов, и Метью мог бы воспользоваться лестницей раньше его. Однако он решил уступить хозяину дорогу: если их все еще не существовало для капитана, внизу лестницы могла возникнуть довольно-таки неловкая ситуация. Он подозвал Билли, и они застыли рядом, наблюдая за Скиопосом. Тот уверенно поднимался по лестнице, тяжело дыша и утирая пот. Он так и не взглянул на Метью и Билли, хотя прошествовал на расстоянии вытянутой руки.

— Мы уходим, капитан, — окликнул его Метью. — Благодарим за гостеприимство. Мы оставили все в прежнем порядке.

Скиопос, не оборачиваясь, шел через палубу в направлении надстройки. Наверное, он даже не расслышал этих слов. Метью повысил голос:

— Мы кое-что прихватили с собой — надеюсь, вы не обидитесь.

Скиопос остановился как вкопанный и обернулся; его движения были сейчас резкими, как у механической куклы, чей завод на исходе. Он уставился на Метью, напрягая зрение, словно пытаясь разглядеть что-то находящееся за горизонтом.

— Так, самую малость, — пояснил Метью. — Буханку хлеба, немного сыру, ветчины и так далее. Еще половинку цыпленка.

Скиопос шагнул к ним и остановился.

— Вы должны все это вернуть, — сказал он. — Все! Понятно? Все!

— Где же логика? — взмолился Метью. — Если бы мы остались, мы съели бы несравненно больше.

Скиопос закипал — то ли от ярости, то ли от разочарования, то ли от того и другого вместе.

— Корабельные припасы... — выдавил он. — Их нельзя забирать, вы понимаете? Верните! Вы — бессовестный вор! Немедленно верните!

Ружье было привязано у Метью поверх рюкзака, и воспользоваться им не составило бы никакого труда. Независимо от того, имелось ли на судне оружие, в данный момент его у Скиопоса не было. Метью завел руку за голову и прикоснулся к ружью, но не стал его брать. Даже если капитан отступит при виде оружия, перспектива их ждала невеселая: предстояло спускаться по пятидесятифутовой веревочной лестнице, надеясь на уступчивость сумасшедшего. Даже если заставить Скиопоса спуститься первым, риск полностью не устранялся. Достигнув дна, тот может подобрать камень; нельзя же держать его на мушке и одновременно спускаться по чертовой лестнице!

Кроме того, Метью не исключал, что Скиопос окажется настолько безумен, что не попятится и при виде ружейного дула. Вдруг капитан бросится на них и вынудит Метью спустить курок?.. Он представил себе, на что будет похожа рана от выстрела в упор. Если бы его и Билли мучил голод, дело обстояло бы по-другому; однако с такими набитыми животами... Да еще с запасами еды за спиной... Нет, он не видел резона упираться.

Метью снял рюкзак. Наблюдавший за ним Скиопос попрежнему дрожал, однако оставался на своем месте и помалкивал. Метью развязал рюкзак и вынул свертки. Стоило ему выложить припасы на палубу, как Скиопос подскочил, опустился на корточки и принялся изучать содержимое. Удовлетворившись осмотром, он собрал свертки в охапку и потащил их к надстройке. Один сверток выскользнул из рук, и он нагнулся, чтобы подобрать его. Капитан так и не оглянулся и спустя несколько секунд исчез во чреве своего танкера.

Метью снова завязал рюкзак и закинул его за спину.

— Я полезу первым, — предупредил он Билли, — а ты — следом. Хорошо?

Спуск оказался не легче, чем подъем. Дело было не только в ставшем привычном страхе, но и во внезапно посетившей

мысли, что теперь ничто не помешает Скиопосу вернуться и открыть по ним стрельбу или забросать чем-нибудь тяжелым. Ведь корабельным припасам положено оставаться на борту, а они уносили кое-что из них в желудках. Плюс одежда... Прикосновение ногами к земле дало немалое облегчение. Мальчик проворно спустился следом.

Они быстро зашагали прочь. Гигантский ковчег становился все меньше. Однако путь их лежал под уклон, и даже по прошествии двух часов танкер все еще выделялся на горизонте, не утратив внушительности.

— Пора сделать привал, — решил Метью.

Сперва Билли хранил молчание, но постепенно пришел в себя и снова расчирикался. Однако он тщательно избегал заговаривать о Скиопосе или корабле.

— Хочешь перекусить? — спросил его Метью.

Билли покачал головой:

— Я не голоден.

Метью порылся у себя в рюкзаке и вынул шоколадное печенье — оно лежало отдельно от остального. Лицо Билли расплылось от удовольствия. Чтобы увидеть его радость, стоило покачаться, дрожа от страха, на проклятой лестнице.

10

После полудня солнце уже жарило вовсю. Путники шли на север, то ступая по песку, то прыгая по камням. Ночь застала их на круглом песчаном пятачке, окруженном камнями. После роскошных коек на танкере спать на песке было особенно неудобно, и они проснулись изрядно помятыми. Правда, ночь выдалась не слишком прохладная, и взошедшее солнце быстро их согрело. Открывая банку с говядиной, Метью старался не вспоминать о хлебе из кубрика.

Днем стало жарко. К полудню снова начались грязевые поля; первое время их можно было преодолевать по языкам галечника, однако дальше тянулась одна буро-серая грязь, ничем не перемежаясь до самого горизонта. Зато в отличие от топи, с которой путники познакомились раньше, здешняя грязь

хорошо подсохла, и хотя кое-где попадались вязкие участки, их глубина не превышала нескольких дюймов. Идти было нетрудно, даже легко — так легко, как нигде с тех пор, как они покинули настоящую сушу. Удручало другое — бесконечность пути. Более разнообразные участки с песком, галечником и скалами остались далеко позади; впереди и по сторонам расстилалась теперь безрадостная плоская равнина, которой, казалось, не будет ни конца, ни края. Каждый шаг поднимал бурую пыль, которая долго не оседала. Метью обливался потом. Билли вконец вымотался и попил воды из пластмассовой канистры, наполненной на танкере. Эта вода была прозрачнее и слаще, чем та, которую они хлебали после Олдерни. Метью тоже припал к канистре. Узнай Скиопос о воде, он, наверное, заставил бы вернуть и ее.

Идти становилось все мучительнее. Теперь они чаще останавливались, но привалы были недолгими. Как ни тоскливо было брести по этой пустыне, сидение или лежание на спекшейся грязи тоже не придавало сил. Скоро путниками овладело беспокойное чувство, которое заставляло их ускорять шаг, хотя торопиться было некуда.

Любой предмет, нарушавший монотонность пейзажа, еще издали бросался в глаза и приковывал к себе внимание. Предметов этих было, впрочем, совсем немного: затонувшее бревно, залепленный грязью скелет небольшого суденышка, какие-то ржавые фермы непонятного происхождения. Под конец дня они увидели подводную лодку. Хвост ее покоился в толще дна, а нос торчал кверху. Она показалась к западу от их маршрута, и солнце заходило как раз позади нее, делая ржавый корпус золотым. Субмарина была слишком неуклюжей и маленькой — наверное, пролежала на дне со времен Первой мировой войны. Они прошли от нее в сотне ярдов, не ощутив желания заняться осмотром. Оба валились с ног от усталости, однако испытывали необходимость пройти засветло как можно большее расстояние.

На этот раз путники выспались лучше, чем в предыдущую ночь. В безоблачном ночном небе ярко горели звезды, позже к ним добавилась четвертушка луны. Среди ночи Метью почему-то проснулся и примерно полчаса лежал с открытыми глазами, изучая небосвод. В былые времена ноч-

ное небо представлялось ему скопищем источников бессмысленного света, бесконечностью, которую ему, пигмею, не дано постигнуть. Теперь же ему виделся в этом зрелище какой-то смысл — по крайней мере оно было теперь хорошо знакомо и больше не страшило. Весь мир встал с ног на голову — и только созвездия остались прежними. Метью уснул и продолжал созерцать их во сне.

Еще полтора дня они плелись по безрадостной равнине. С юга наползли тучи, затмившие солнце, однако до дождя дело не дошло. Как-то раз над головами пролетела стая диких уток. Оставалось развести руками: птицы должны были завершить перелет задолго до катастрофы. Наверное, перемены так разительны, что нарушились даже тысячелетние инстинкты. А может, времена года тоже сместились? Глупости, упрекнул себя Метью. Стоит нормальное лето, типичное, разве что чуть более теплое, чем обычно бывает на Британских островах. Вот только они больше не острова...

Дойдя до края грязевого пространства, путники радостно перевели дух. Дальше раскинулись галечники, камни, выходы меловой породы. Перед ними предстала также туша дохлого кита, судя по вони, изрядно разложившаяся. Гниению способствовали птицы: две-три чайки и ворона. Увидав ворону, Метью понял, что до Большой земли уже недалеко.

И верно. На четвертый день после того, как они покинули танкер, Билли указал на горизонт:

— Мистер Коттер! Кажется, это не облако. Как вы думаете, это земля?

Солнце выглянуло в тот день только с утра, а за последние часы все небо заволокло облаками. Впрочем, теперь почти не приходилось огибать препятствий, и Метью не сомневался в правильности курса. Впереди по-прежнему простирались поля галечника, из которого там и сям торчали камни. Пятно на горизонте, привлекшее внимание Билли, находилось слева — к западу от них.

Он внимательно посмотрел на пятно. Будь у него бинокль, сомнения были бы преодолены в один миг. Хотя с тем же успехом можно мечтать о шоссе и о быстроходном «ягуаре»... Метью ничего толком не разглядел, но молодые глаза Билли видели лучше.

— Ты думаешь, это земля?

— Думаю. Но пока не уверен.

— Что ж, пойдем в том направлении.

Они немного изменили маршрут и вскоре наткнулись на две стенки от пляжного киоска, которые каким-то чудом держались вертикально, отброшенные сюда при откате волны. На одной стенке сохранилась надпись: «Чай, корзины для пикника, морож.». Метью снова посмотрел на облако и понял, что сомневался напрасно: они действительно шли в направлении земли, теперь достаточно отчетливо вырисовывавшейся на горизонте.

Подойдя ближе, Метью сообразил, почему им пришлось свернуть. Более того, он узнал это место. В последний раз ему довелось разглядывать этот берег через полосу прибоя, слушая, как хлопает над головой парус, и принюхиваясь к аппетитному запаху, доносящемуся из кухоньки. Он и Фелисити проводили здесь уик-энд с приятелем на его яхте. С тех пор все, конечно, изменилось до полной неузнаваемости, но Метью знал, что смотрит на гавань Пула. Первоначально они шли правильным курсом, и если бы не свернули, то оказались бы сейчас перед Борнмутом. Вернее, перед тем местом, где раньше находился этот город.

Было уже поздно, быстро темнело. Настала пора позаботиться о ночлеге. Впрочем, ускорив шаг и больше не сворачивая, путники уже сегодня могли бы покинуть опостылевшее морское дно. Перспектива была соблазнительной. На берегу они скорее найдут какое-нибудь укрытие, а с утра, если выглянет солнышко, наберут дров и разведут огонь.

Однако идти дальше на запад значило удаляться от Джейн, и Метью не мог себе этого позволить. Он объяснил Билли, что взятое направление неверно, и они вновь зашагали на север. Земля маячила и там, однако темень сгущалась, и вскоре им пришлось остановиться. Они провели еще одну ночь на песочке. Ночью пошел дождь — хоть и несильный, но вымочивший их до нитки. Казалось, что утро не наступит никогда.

Они вышли на берег как раз в том месте, где прежде находился Борнмут. От города не осталось даже следа: гигантская волна опустошила этот берег с не меньшей жесто-

костью, чем Нормандские острова, стерев мельчайшие следы человеческой деятельности и оставив после себя только голые очертания суши. Неужели здесь, на оголившихся холмах, еще недавно толпились отели, пансионы, магазины? На рассвете места эти все же казались Метью смутно знакомыми. Однако здесь не было заметно никакого движения, ни малейшего признака жизни.

Дождь перестал, но облака все еще висели слишком низко. Впрочем, теперь определять стороны света помогала береговая линия. Путники двинулись на северо-запад, желая добраться до возвышенности, на которой расстилался Нью-Форест. Их одежда все еще была влажной; утро не принесло желанного тепла. Даже движение не помогало согреться, а остановившись на отдых, они и вовсе принялись дрожать. Метью удивлялся, что они до сих пор держатся и не заболевают; однако утомление не лучше болезни. Он с жалостью взглянул на Билли: мальчик скитался с ним по этому искореженному, бессмысленному миру даже без всякой цели.

Они поднялись на холм, на склоне которого заметен был уровень, достигнутый разрушительной волной. Выше начиналась трава, кусты, росли деревья. После долгих дней, за которые взор смертельно устал от пустоты пейзажа, это было упоительное зрелище. Путники, не сговариваясь, сели в траву, трогая ее руками и умиляясь ее шелковистости. Метью размял несколько травинок и стал их нюхать. Наконец-то Англия! От летних ароматов голова шла кругом. Поодаль росли маргаритки на толстых стеблях, вверху кружились две краснокрылые бабочки. Откуда-то доносилось пение дрозда.

Метью протянул Билли предпоследнее шоколадное печенье, и они снова устремились вверх по холму. С его вершины открылся ландшафт, изборожденный шрамами, но почти не изменившийся: некоторые деревья повалились, кое-где зияли рубцы, но в целом это был обычный сельский пейзаж. Единственное, что свидетельствовало о непоправимых изменениях, это отсутствие жилья. Поля и изгороди оставались на месте, однако поля успели зарасти. Внизу колосилась пшеница; чуть справа Метью обнаружил нечто, достойное большего внимания, — картофель.

На картофельном поле они наткнулись на первые следы человеческого присутствия. Угол поля был раскопан, в бороздах сохла ботва. Метью вытащил из земли один куст. Картофелины еще мелкие, зато клубней полным-полно. Путники как можно тщательнее очистили их от земли и полакомились сырой картошкой.

Прежде чем уйти, они вытащили еще несколько кустов и набили рюкзаки картофелем. В рощице неподалеку обнаружился хворост, как будто специально наломанный для костра, однако солнце было закрыто облаками, поэтому воспользоваться лупой не было возможности. Метью поражался собственной недальновидности: что ему стоило прихватить спички со склада Миллера или поискать их на танкере? Но нет, он слишком сосредоточился на путешествии по морскому дну и совершенно упустил из виду, что оно станет лишь преддверием основных событий.

Неподалеку от картофельного поля они заметили человеческое жилище, по крайней мере остатки такового. Это было нагромождение кирпича и бревен, недавно служившее домом фермерской семье, — в пользу такого вывода говорили очертания руин. Здесь, как водится, пахло смертью, хотя уже не так сильно. Время шло, и мертвая плоть все больше смешивалась со всеочищающей землей.

После землетрясения здесь произошло еще кое-что. В развалинах уже рылись люди — в этом не могло быть никакого сомнения. Кто — спасатели или такие же жертвы стихии? Скорее всего второе — следы были совсем свежими. Наверное, тут прошел кочевой отряд, не гнушающийся всем, что только может сгодиться, — и картофелем, и парой консервных банок из чулана. Думать так о людях было неприятно, даже страшно. У Метью не было ни малейшего представления об участи людей, оставшихся в живых на просторах Англии, однако он почему-то полагал, что их организованность не будет уступать по крайней мере гернсийской. Сейчас встретилось свидетельство того, что он угодил пальцем в небо. Оказалось, что на ограниченном пространстве дисциплина соблюдается строже, соответственно, сохраняется подобие порядка. Это можно сравнить со струнным квартетом или, скажем, с сонетом елизаветинской эпохи. Здесь же может невообразимо долго царить полнейший хаос.

Однако день сулил им еще одну встречу со следами человеческой деятельности, которая не могла их не порадовать. Оставив позади обработанные земли, путники очутились на поросшей лесом местности, собственно в Нью-Форесте, через который шла лента шоссе; поскольку в распоряжении Метью не было сейчас не только компаса, но и солнца, он мог только догадываться, что это за трасса — А-31 или А-35, и тем более не знал, насколько они уклонились от избранного направления. В конце концов Метью решил, что лучше двигаться по дороге: пусть она утратила былую прямизну, местами перегорожена поваленными деревьями и уже начала зарастать травой, по ней все равно можно было шагать куда быстрее, чем по целине. Вот только знать бы, куда она ведет...

Свернув по А-31 направо, путники вышли бы к Саутгемптону, зато небольшой маневр по А-35 — и они окажутся там, где уже побывали. День клонился к вечеру, а небо так ни разу и не прояснилось; облака были настолько плотными, что ни за что нельзя было определить, где запад. Правильнее всего было устроить привал, не дожидаясь темноты, и уповать на то, что утром небо окажется чище. Сам Метью натопался досыта, Билли и вовсе с трудом держался на ногах.

Однако мальчик, к удивлению Метью, стал канючить, чтобы они прошли еще немного.

— Зачем? — не понял Метью. — Разве ты не устал? Кроме того, я не уверен, правильно ли мы идем.

— Мне показалось, что я видел...

— Что?

— Дымок.

— Где?

Билли указал вдаль — в западном направлении, если они шли по шоссе А-31.

— Вон за теми деревьями.

Метью напряг зрение, но так и не смог ничего разглядеть. Впрочем, на счету у мальчика уже было раннее обнаружение земли, поэтому игра стоила свеч.

— Ладно. Дойдем до поворота дороги.

За поворотом показались развалины домов, в которых тоже недавно рылись. Метью стал озираться, надеясь приметить людей, но безрезультатно. Зато здесь отчетливо тя-

нуло дымком. На обочине дороги лежало несколько камней, между которых вился вверх столбик дыма. На земле тлели обуглившиеся палки, среди них теплились угольки.

Метью сложил ладони рупором и крикнул: «Э-ге-гей!» Ответа не было. Он крикнул еще два раза, но с тем же результатом. Костер бесхозно догорал уже несколько часов. Люди не позаботились его потушить — не исключено, что они ушли, оставив его вовсю полыхающим.

Важно было другое: из угольков еще можно было развести огонь. В нескольких ярдах от стоянки валялись досочки, собранные на развалинах. Метью и Билли подобрали их и, аккуратно расположив вокруг тлеющих углей, стали осторожно раздувать пламя. Это заняло немало времени, но в конце концов по дровам заплясали робкие язычки огня. Билли принес еще планок. Теперь у них был настоящий костер.

В этот вечер они наконец-то смогли побаловаться приличным ужином: нагрели сардины в масле и, подзакусив, принялись за кабанятину с грибами и оливками — один из деликатесов, которыми разжились на Олдерни. На третье было самое лакомое блюдо — картошка, испеченная в золе прогоревшего костра. Наевшись до отвала, путники улеглись спать. Прежде чем лечь, Метью натаскал к костру толстых сучьев и прикрыл его комьями земли.

Можно считать, что у них все в порядке: они возлежат на древней земле Англии, желудки полны; если повезет, с утра снова разведут огонь. Жаль лишь, что им пока не встретилось ни души, однако встреча теперь не заставит себя ждать.

Билли растолкал его и, вцепившись в руку, прошептал:

— Смотрите!

Метью пошевелил затекшими членами и посмотрел туда, куда указывал мальчик. В этот предрассветный час можно было видеть ярдов на пятьдесят, не больше. Существа стояли как раз в пятидесяти ярдах, напоминая привидения, готовые растаять, как бесплотные тени. Впрочем, было нетрудно разобраться, кто это. Сперва их было двое, потом один чуть сместился, и показался третий, тоже щиплющий травку. Одичавшие пони Нью-Фореста — бурый, мышастый и маленький гнедой! Они пережили автомобилистов,

постоянно сбивавших их летом на не обнесенных изгородями дорогах Нью-Фореста; теперь этих автомобилистов нет в живых, а пони по-прежнему мирно пасутся, как во времена Уильяма Руфуса. Что за сказочная картина!

На смену сентиментальному восторгу пришла мысль более практического свойства: конечно, пони — не настоящие вьючные животные в отличие от мулов и ослов, однако и они могут нести на спине кое-какой груз — например, мальчика. Метью жестом приказал Билли не шуметь, тихонько встал с земли и двинулся в сторону пони. На ходу он обращался к ним с разными ласковыми словами. Одна из лошадок подняла было голову, но не углядела ничего опасного и снова занялась травой. Все же, подпустив его на несколько футов, они поскакали прочь. Стук их копыт постепенно делался все глуше, пока не утих вовсе.

— Не повезло, мистер Коттер, — сказал Билли. — Я вообще-то так и думал, что они совсем дикие.

— А я об этом позабыл, — вздохнул Метью. — Они, наверное, необъезженные, так что с ними пришлось бы повозиться. Даже если бы я поймал одного, от него было бы мало толку.

— Все равно было здорово на них посмотреть.

— Да, — согласился Метью, — действительно здорово.

Ему посчастливилось вернуть костер к жизни, и утро началось с подогретой говядины и остатков вчерашней картошки. Их запасы подходили к концу и требовали восполнения. Все зависит от того, насколько много людей бродит вдоль дорог, обшаривая руины. В сельской местности, естественно, выжило больше людей, поэтому тамошние запасы консервированной снеди наверняка истощались быстрее. Города разной величины были в этом смысле куда перспективнее. Если бы удалось добраться до Саутгемптона!.. Эстуарий реки Тест наверняка не позволил волне вдоволь разгуляться.

Метью поднял глаза к небу. Несмотря на облачность, сейчас уже можно было разглядеть пятно света. Значит, там восток. Выходит, они все-таки пошли по шоссе А-31. Теперь, определившись, пора выступать.

Прошагав по дороге примерно час, путники наконец увидали людей — две фигуры в лохмотьях, маячившие в сто-

роне от трассы. Судя по отсутствию бород, это были женщины — одна лет двадцати, другая гораздо старше. Метью их окликнул.

Женщины отреагировали немедленно: сперва уставились на Метью с Билли, а потом бросились бежать. Та, что постарше, споткнулась, и младшая остановилась, помогая ей подняться. Метью снова окликнул их, стараясь, чтобы его голос звучал подружелюбнее, однако женщины предпочли скрыться в рощице ярдах в ста от дороги.

— Они что же, испугались нас? — удивился Билли.

— Похоже, что да.

— Но почему, мистер Коттер?

Страх женщин передался и мальчику. Видимо, так здесь все и происходило: разбившись по двое-трое, люди добывали себе пропитание в полях и среди развалин, избегая соплеменников. Неужели не нашлось никого, кто установил бы, подобно Миллеру, подобие порядка?

— Не знаю, Билли, — ответил Метью и зашагал дальше. — Люди в наше время совершают странные поступки.

Новая встреча состоялась во второй половине дня. Она протекала уже по-другому.

Солнце вышло из-за облаков, и в полдень путники сумели развести костер. Теперь они шли все быстрее. Метью радовало появление птиц: им уже попадались каменные дрозды, королек, малиновка и даже две сороки — такие же шумные, как в прежнюю эпоху. У развалин деревни Метью повернул голову, привлеченный каким-то движением, и увидел наблюдающую за ними женщину.

Она стояла под высоким деревом у подножия холма ярдах в двадцати от дороги. Ее коричневая одежда — брюки и свитер — сливалась с местностью. Незнакомка уже знала, что Метью ее заметил, но даже не пошевельнулась. Почуяв грядущее развлечение, Билли поднял глаза от дороги и тоже увидел ее.

— Глядите-ка, мистер Коттер, не убегает! — удивился он.

— Нет, — сказал Метью. — Во всяком случае, пока.

Подходя к женщине, он смог хорошо ее разглядеть. За тридцать, среднего роста, стройная; по теперешним стан-

дартам ее можно было назвать довольно-таки упитанной. Коротко стриженные каштановые волосы были зачесаны назад, и лицо ее сперва показалось Метью умным и бесстрашным, но не слишком красивым. У рта и глаз залегли морщины. Было видно, что ей пришлось немало пережить.

Метью остановился, не дойдя всего нескольких футов.

— Добрый день! — мирно сказал он. — Билли удивился, что вы не убегаете.

Незнакомка улыбнулась. Теплая улыбка преобразила лицо женщины, и Метью мгновенно понял, что ошибался в оценке ее миловидности.

— Вы не показались мне опасными, — ответила она. — Откуда вы?

— С Гернси.

Незнакомка сперва не поняла.

— С Нормандских островов, — пояснил он.

— Я имею в виду, где вы находились на момент катастрофы?

— Вот и я имею в виду то же самое.

— Как же вы сюда попали?

— Пришли пешком.

— Значит, моря больше не существует вообще?

Метью утвердительно кивнул.

— Как обстоят дела там у вас?

— Насколько я понял, примерно так же, как и здесь.

— Кто-нибудь выжил?

— Немногие. Человек одиннадцать — двенадцать, не считая нас.

— Все приличные люди?

— Более или менее.

— Тогда зачем?! — В ее вопросе прозвучала неожиданная ярость. — Зачем вы пришли сюда? Что рассчитывали здесь найти?

— Не знаю, — тихо отозвался Метью. — Здесь жила моя дочь. Не совсем здесь — в Суссексе. Я решил, что попытаюсь ее отыскать.

Она встретила эти его слова смешком:

— Господи, ну и алчность!

— Алчность?..

— У меня было трое детей. Еще любимый муж. Если бы выжил хоть кто-то из них, я бы считала себя счастливой. Я бы не стала втравливать дитя в такое рискованное предприятие.

— Мальчик сам пожелал идти со мной, — попробовал объясниться Метью. — Я уже шел по дну, когда он нагнал меня. Я заколебался, стоит ли отсылать его восвояси.

— Заколебались?..

Он не сразу понял, что она имеет в виду.

— Билли мне не сын. Я откопал его в развалинах. У меня никого не было, кроме Джейн.

Метью смутился, поймав себя на употреблении прошедшего времени. Наверное, женщина тоже заметила это. После некоторой паузы она сказала:

— Понимаю. Простите. Меня зовут Эйприл. Когда-то была и фамилия, но теперь...

— Метью, — представился он. — Метью Коттер — хотя я согласен, что фамилию сейчас можно опустить. А это — Билли.

Теплое выражение, недавно мелькнувшее на лице женщины, вернулось.

— Пойдемте. Познакомитесь с остальными.

— Значит, вы не одна?

— Кто же может себе позволить оставаться в одиночестве?

— Что вы здесь высматривали?

— Беду, — просто ответила она. — Что же еще?

За развалинами до Метью донеслись голоса и звуки работы. Наконец перед ними появилась кучка людей, разрывавших руины. Их было всего пятеро. Завидя Эйприл и ее новых спутников, они прервали работу.

— Всего двое, — сообщила Эйприл, — и, кажется, приличные люди. — Она уже не в первый раз использовала это слово, и Метью догадался, что за ним стоит классификация оставшейся в живых публики. — Сибил, заступи, пожалуйста, на мой пост.

Сибил, глуповатой и с виду не очень привлекательной, было лет двадцать восемь; ее худобу не могли скрыть даже мужская рубаха и широкие синие штаны от комбинезона. Она молча кивнула и побрела к дороге.

— Удалось что-нибудь найти? — спросила Эйприл.

Мужчин оказалось трое. Одному, настолько светлому блондину, что его шевелюра и борода выглядели на солнце совсем белыми, было лет двадцать с небольшим; другому, низкорослому и рыжеватому, можно было дать лет сорок. Третий был еще старше — лет пятидесяти, как определил Метью. Этот отличался коренастостью и, наверное, страдал прежде от избыточного веса, однако теперь лишения и тяжелый труд сделали его стройнее. Подобно Эйприл, он, как видно, старался следить за собой: волосы его были причесаны, а черная с проседью борода не так запущена, как у остальных двоих.

Он заговорил, и стало ясно, что он, как и Эйприл, — человек образованный.

— Пока немного. В основном съестное. — Коренастый указал на горку банок на траве. — Кроме того, мы наткнулись на платяной шкаф, который стоило бы аккуратно разобрать. — Он перевел взгляд на Метью и Билли. — Путешественники?

— Вы догадливы, — улыбнулась Эйприл. — Они пришли издалека — с самого Гернси.

Сообщение вызвало всеобщее удивление. Пятая в группе, девочка немногим старше Билли, радостно воскликнула:

— Мы ездили в прошлом году на Гернси во время каникул! И собирались туда вернуться.

— Думаю, можно попить чаю, — сказала Эйприл. — Чайник как раз закипает.

Метью заметил, что за пирамидой банок, различных сумок и кучей одежды горит костерок, обложенный кирпичами, на которых подрагивал помятый металлический чайник.

— Так у вас есть чай? — не поверил он своим ушам.

— Есть, — ответил старший в группе, преодолевая завал. — А еще — запас сахара, целый мешок, выдержавший буйство стихии. Есть также консервированное молоко — но вот его нам бы хотелось откопать побольше. Кстати, меня зовут Лоренс.

Он протянул руку. Метью заметил, что Лоренс следит даже за ногтями. Это были незаурядные руки, с длинными чувствительными пальцами. Неужели музыкант? Впрочем, какое это имеет значение?

Эйприл и девочка пошли за чайником. Лоренс взялся знакомить новичков с остальными. Молодого звали Джордж, рыжеволосого — Арчи.

— С Эйприл вы уже знакомы, — закончил Лоренс. — Девочку зовут Кэти. Еще у нас есть Чарли — он караулит с другой стороны.

— Эти дозоры... — поймал его на слове Метью. — Для чего они?

— Мы — первые, кого вы встретили, перейдя пролив?

— Мы видели еще двух женщин, они убежали, прежде чем я смог с ними заговорить.

— Вопрос был риторическим, — пояснил Лоренс. — Иначе у вас не осталось бы поклажи, тем более полной. Кроме того, у вас есть ружье. Имеются и патроны?

— Пара дюжин.

— Приличное вооружение. Все дело в том, дорогой Метью, что одни занимаются раскопками, а другие обходятся без этого. Некоторые предпочитают, чтобы за них копали другие. Отсюда и дозоры. Что может быть печальнее: роешься в отбросах, в пыли, натыкаешься на трупы — а плоды твоего труда достаются посторонним. Причем происходит это вопреки цивилизованным правилам.

— Их больше?

— Гораздо. Есть тут одна шайка — голов тридцать, причем две трети — мужчины в расцвете сил.

— Они по крайней мере не убийцы?

— Нет. Зачем им убивать? Во всяком случае, пока. Они обходятся малым: заставляют других обслуживать себя.

Метью взглянул на курган из обломков, возле которого они примостились.

— Я бы сказал, что здесь уже пошарили. Ведь деревня стояла прямо на дороге.

— Верно, пошарили. Однако весьма поверхностно и в большой спешке. И так на всех руинах — из боязни нападения. По этой же причине мы тоже стараемся не задерживаться на одном месте. Привычка сейчас — вредная вещь.

— Наверное, вы правы.

— Кажется, я вас не убедил. В молодости я жил в Африке. Антилопы ходили там к источнику, львы — за антилопа-

ми, а мы — за львами. Так вот, эти руины — наш водопой. У этого места есть еще одно преимущество — хороший обзор в двух наиболее опасных направлениях, в одну и другую сторону дороги. А вот и чай!

Во время чаепития Метью получил дополнительные сведения об оперативной обстановке. Большие пластмассовые чашки, в которых остывал чай, были раскопаны вместе с корзинами для пикника. В этой группе вожаком был Лоренс, а Эйприл — самой влиятельной персоной. Метью вспомнил Миллера и Ирен; впрочем, это были совершенно разные личности. Лоренс превосходил Миллера умом и культурностью, но ему недоставало его силы; сила же, которая чувствовалась в Эйприл, отличалась от холодности Ирен: в ней было больше положительных черт, больше чувства.

Метью пока не разобрался, существует ли между Эйприл и Лоренсом интимная связь. Глядя на женщину — а он бросал на нее откровенно любопытные взгляды, — понять этого было нельзя. Принадлежность к среднему сословию неминуемо сближала их. Остальные, за исключением Чарли, с которым Метью еще не познакомился (малолетняя Кэти пошла к нему с чашкой чая), принадлежали к рабочим. Конечно, делить людей на подобные категории было сейчас верхом абсурда, однако в отчаянных ситуациях человек склонен к абсурдным умозаключениям.

Эйприл хранила молчание, но остальные засыпали новичков вопросами, касавшимися в основном путешествия по морскому дну. Сама эта мысль казалась им экстравагантной и в то же время привлекательной, хотя этим интерес не исчерпывался; выяснилось, что их привлекало именно то, от чего бежал Метью, — оторванность от остального человечества. Эти люди ощущали себя потенциальными жертвами; Метью же еще не испытывал такого чувства.

— Как насчет воды? — поинтересовался Лоренс.

— Нам хватило. — Он указал на канистру, привязанную к рюкзаку.

— По пути пресной воды не находили?

— Были два ключа. Но оба солоноватые.

— Остаточные соли, надо полагать. Во всяком случае, жить там невозможно. Даже ваш приятель-капитан не протя-

нет долго. Можно взять с собой еды от силы на неделю, а потом — голод.

— У вас уже есть запас пищи?

— Да. Мы стараемся его пополнять.

Какое-то время запасы будут расти, но потом, когда придется снова и снова возвращаться к одним и тем же руинам, положение ухудшится. Придется охотиться за консервами, которых будет все меньше и меньше, а потом голодать. А ведь впереди зима...

— Вы не пытались организоваться?

— Организоваться? — удивился Лоренс.

— Для долговременного выживания.

— Как-то раз мы нашли гусыню. Живую, бившую крыльями. Подрезали ей крылья, посадили в загон. Вдруг нам бы попался гусак? Или удалось бы сговориться с теми, у кого он уже есть. — Лоренс обреченно вздохнул. — Но ее забрали мародеры. В ту ночь они полакомились жареным гусем — вот уж наелись до отвала!

— Неужели они не понимают, насколько это недальновидно?

Тут Эйприл не вытерпела. Ее разобрало раздражение.

— Как вы не понимаете, что произошло? Кто, по-вашему, остался в живых? Учителя, банковские клерки, местные правительственные чиновники, парочка любезных и честнейших полицейских, констебль графства, который возложит на себя обязанности президента? Если бы! Однако так не бывает. Чего вы хотите, ради бога? Дисциплинированные люди, умеющие планировать на много дней вперед, всегда составляли меньшинство.

— Разве меньшинство не может ничего предпринять?

— Может, — отрезала женщина. — Оно может найти применение своим мозгам и придумать, как не попадаться под руку дикарям.

— Все равно, где-то же остались цивилизованные люди! — не унимался Метью. — Другие группы, подобные вашей. Почему бы не действовать с ними заодно?

Эйприл окинула его прежним свирепым взглядом, но ничего не ответила.

— Какой от этого прок? — пришел ей на помощь Лоренс. — Тогда было бы труднее скрываться: ведь мы стали бы более заметной мишенью.

— А вдруг вас набралось бы больше, чем «их»?

— Один крупный отряд можно было бы сколотить, но ведь и они могут объединиться. И так и поступят, если в этом будет смысл. Объединившись, пусть ненадолго, они успеют обобрать нас как липку.

— У вас слишком мрачный взгляд на вещи, — заключил Метью.

Помолчав, Лоренс сказал:

— Не стану спорить. Можете предложить конкретный выход?

Неужели Джейн ведет такое же мерзкое существование? Нет, думать об этом совершенно невыносимо.

— Кажется, вы не слишком расположены составить нам компанию? Мы могли бы взять вас с мальчиком к себе.

Эйприл не пересказала их первого разговора. Она взглянула на Метью и безразлично отвела глаза.

— Если Билли хочет, — начал было Метью, — и если вы его примете...

— Нет, не хочу! — поспешно сказал Билли.

— Я пойду дальше, — сообщил Метью.

— Прямо так и пойдете? — Лоренс посмотрел на мальчика. — Я бы рекомендовал ему несколько дней отдыха. После такого-то тяжкого перехода!..

Посмотрев на Билли, Метью был вынужден согласиться, что Лоренс прав. Личико мальчика осунулось, он выглядел страшно изможденным. Метью с радостью оставил бы его здесь, чтобы продолжить путь в одиночку, но понимал, что это невозможно. Он был единственным залогом постоянства для Билли в этой нелегкой, пугающей жизни. Кроме того, он невольно нес за него ответственность...

Стараясь не выказывать огорчения, Метью проговорил:

— Отдохнуть денек — неплохая идея, если только мы вам не помешаем.

— Оставайтесь, сколько хотите.

— У нас есть своя еда. Мы не станем посягать на ваши запасы.

— Это не столь важно. Если нам суждено сидеть впроголодь, то не потому, что мужчина с мальчиком съедят у нас за день-другой самое последнее.

Уже сожалея о задержке, Метью с надеждой спросил:

— Кстати, где находится ваш лагерь? Вряд ли нам есть смысл возвращаться назад.

— Недалеко отсюда. Несколькими милями севернее.

— Я надеялся уже завтра добраться до Саутгемптона. Там, наверное, много чего можно найти.

— Что верно, то верно, — отозвался Лоренс. — Только там полным-полно мародеров, которые так и ждут, чтобы отнять у вас добытое.

Чай, сперва слишком горячий, теперь остыл. Стальной сладковатый привкус напомнил Метью армейские дни: тогда, как и сейчас, он думал, что мир окончательно сошел с ума. Прихлебывая чай, он вспоминал, до чего спокойным и невообразимо безопасным сделался мир немного погодя.

11

Метью присоединился к раскопкам. Они взломали платяной шкаф и распотрошили его: два мужских костюма, тяжелое пальто, невзрачный джемпер, жакет и три пары обуви в приличном состоянии. Неподалеку им попалась тумбочка с одеялами. Те, что лежали сверху, отсырели, покрылись плесенью и издавали зловоние, однако нижний слой оказался вполне приличным. Все это добавилось к горе прежних находок. Под конец рабочего дня нашли еще одну консервную жилу: две банки с кофе и чудом не расколовшийся огромный стеклянный сосуд, набитый черносливом.

Лоренс пришел от кофе в восторг.

— Это удача, — сообщил он Метью. — В первые дни мы откопали много упаковок с чаем. Лучше, конечно, чем ничего, но кофе всегда был моим излюбленным напитком. Рядом с кроватью у меня стояла автоматическая кофеварка. Что за прелесть! Как только среди ночи раздавался звонок, я тут же включал ее и, одевшись, выпивал чашку горячего

кофе. Кажется, именно этого мне теперь не хватает больше всего на свете. Из материальных предметов, конечно.

— Звонок среди ночи?..

— Я был врачом. — Лоренс уставился на банки с кофе. — Надолго ли их хватит? Раз на двенадцать или немногим больше, если не все окажутся любителями. Вообще-то даже тот, кто раньше не любил кофе, теперь станет его пить. Наступили деньки, когда трудно отказать себе в чем-то неизведанном. На прошлой неделе я поймал себя на том, что уплетаю сардины. Да еще с каким рвением!

— Врач... — уважительно протянул Метью. — Наверное, и сейчас за вами бы признали определенный вес.

— Это кто же? Мародеры? Вы все еще их переоцениваете.

— Чем примитивнее люди, тем проще произвести на них впечатление и тем больше на них действует могущество, окруженное таинственностью.

Лоренс печально покачал головой.

— Тут все дело в масштабе. Незадолго до этого в еженедельнике «Ланцет» опубликовали статью о психологическом воздействии на людей землетрясения на острове Южный в сравнении с данными по предыдущим катастрофам сходной разрушительности — землетрясению в Скопье, бомбардировкам Дрездена и Хиросимы. Результаты почти те же. Примерно у трех четвертей выжившего населения фиксируются умственные нарушения различной степени, каждый десятый обнаруживает более серьезные симптомы, но настоящие психические отклонения проявляются у немногих — только у тех, кто был предрасположен к этому и раньше. Теперь же картина несколько иная. Я бы смог сейчас написать доказательную статейку. Прошлой ночью мне даже приснился сон, что я написал ее и опубликовал в «Британском медицинском журнале». Самое забавное, что я помню названия статей, которые шли до и после моей: одна касалась новшеств в операциях на почках, в другой повествовалось об ущемленном геморрое. Свою я назвал «Синдром муравейника». Симпатичное название, правда?

— Почему муравейник?

— Потому что я где-то читал о поведении муравьев, когда их муравейник разворошат пинком ноги. Если поврежде-

ние не превосходит определенного уровня, все совпадает с описанием в «Ланцете»: сначала царит беспокойство и замешательство, однако вскоре устанавливается порядок, поскольку выжившие — или самые деятельные среди них — в конце концов преодолевают шок и берутся за дело. Но стоит разрушению превысить этот уровень — и картина полностью меняется. Выжившие уже не могут оправиться. Их поведение становится все более бессмысленным, беспорядочным и в конце концов приводит к полному коллапсу.

— Потому, наверное, что гибнет королева?

— Подозреваю, что это условие в эксперимент не закладывалось, хотя не могу сказать наверняка. Но разве наша не мертва? Я ничего не знаю о ее личной судьбе, однако есть ли теперь надежда на нее как на руководящую силу нашего общества, источник целенаправленности и национальной идентичности? Кстати, на эту тему было бы интересно порассуждать. Словом, суть в том, что мы ведем себя как муравьи при разрушении высшей категории. Нами овладел массовый психоз, повлиять на который совершенно невозможно. Не исключено, что среди муравьев остались и вполне здравомыслящие. Какая разница? Им суждена гибель в общей куче.

— Вам не кажется, что вы занимаетесь обобщениями, опираясь на чисто местный материал? Скажем, на острове Гернси дело обстоит иначе. Кто-то и впрямь спятил, однако остальные собрались вместе и принялись за дело.

— Дорогой мой, — улыбнулся Лоренс, — вам бы тоже неплохо накропать статейку! В маленькой, изолированной общине все действительно может сложиться по-своему. Кстати, этого даже следует ожидать. Несколько человек, выживших на маленьком клочке суши, окруженном морем — или морским дном, пока что это не важно, — могут восстановить былой человеческий облик. Надеюсь, их ждет процветание. Может быть, наше спасение и впрямь придет с островов и с гор. Говоря «наше», я имею в виду все человечество. Но произойдет это через одно-два поколения, не раньше.

Отряд устремился на север, отягощенный добытым за день добром. Солнце клонилось к закату. Люди навьючили

на себя многочисленные сумы и заплечные мешки, удерживаемые хитроумными переплетениями ремней и веревок. Местность, по которой они брели, была отчасти лесистой, отчасти открытой. Развалин вокруг было немного. Билли, успевший передохнуть, радовался жизни и без устали болтал, не отставая от Метью. Отряд разбился на пары: впереди шли Чарли с Кэти, за ними Джордж с Сибил — эти двое определенно успели превратиться в любовников. Замыкали шествие Лоренс и Эйприл, а рыжеволосый Арчи трусил сбоку. В одной руке он тащил мешок с консервными банками, а другой поддерживал заброшенную за спину сетку с одеялами. Несмотря на тяжесть и неумелое распределение веса, он ни разу не пожаловался.

Метью ожидал увидеть лагерь, напоминающий гернсийский. Однако Чарли и Кэти неожиданно для него остановились посреди сада — несмотря на неухоженность, это был именно сад; два садовника довольно быстро сумели бы привести его в надлежащее состояние. Перед ними высились руины дома, однако никакого жилья тут заметно не было. Видя, что новые знакомые снимают с плеч груз, Метью последовал их примеру.

— Это что же, привал? — обратился он к Лоренсу.

— Нет, мы уже пришли. Как я сказал, мы вынуждены соблюдать осторожность. Сейчас все увидите.

Мужчины принялись растаскивать среди руин какие-то бревна. Работа отлично спорилась, словно они занимались этим далеко не впервые. Прошло все же минут десять, прежде чем взору открылся большой дубовый стол, опрокинутый кверху исцарапанными ножками, но с нетронутой как будто поверхностью. Мужчины дружно ухватились за него. Стол был тяжелый, но они поднатужились и сдвинули его с места. Открылись деревянные ступени, ведущие, как видно, в подвал.

Метью охватил знакомый страх замкнутого пространства. Нет, это не для него. Он будет спать на открытом воздухе. Однако Эйприл проворно спустилась вниз. Остальные последовали за ней, волоча принесенный скарб.

Лоренс тронул его за руку:

— Хотите заглянуть в пещеру Али-Бабы? Ведь он тоже только нашел пещеру, названную потом его именем. Знае-

те, прошлой зимой я хотел сводить внуков на пантомиму по этому сюжету. Но не получилось — слишком много больных. Думал, что уж в следующую зиму... Осторожно, не ударьтесь головой.

Не желая показывать страха, Метью последовал за ним. Внизу уже горели две свечи. Эйприл зажгла от второй свечи третью. Подвал оказался просторным — около двадцати квадратных футов площадью, но один угол был завален мусором: в этом месте обвалилась крыша. Пол был каменным, неровным. Свечи горели на двух столах типа козел; на эти столы и свалили принесенную снедь и одежду. На неоштукатуренных кирпичных стенах висели полки — судя по неуклюжему виду, их изготовили местные начинающие мастера. На одних полках красовались одеяла, на других — одежда, на третьих — консервы. Метью приметил также всевозможный инвентарь: мотки веревок, пилы, молотки, гвозди, мощный аккумуляторный фонарь, листы нержавейки, рулон строительного картона, различные ножницы и секаторы, стальную лесенку и еще много всякой всячины. Все это было разложено с завидной аккуратностью. Метью удивился, заметив явно ненужную штуковину — заднюю ось от небольшого автомобиля, да еще с колесами.

Лоренс, поймав его взгляд, объяснил:

— Я подумал, что эта вещица может пригодиться для изготовления ручной повозки. Однако тут у нас никто не смыслит в механике. Кроме того, ее было бы трудно спрятать. В общем, слишком амбициозный проект, учитывая наши возможности.

Люди занялись сортировкой нового имущества. Подчиняясь коротким, исчерпывающим указаниям Эйприл, они разносили предметы по местам. Метью понял, что царящие здесь порядок и послушание — ее заслуга.

Указав на дверь в левой стене подвала, он спросил:

— Вы тут спите?

— Спать? Господи, конечно, нет! Разве теперь станешь спать под землей? Там просто чулан — в бывшем винном погребе. Мы выгребли оттуда горы битого стекла, но, к немалому удивлению, наткнулись на несколько целых бутылок: божоле, розовый «мате», «мюзини», «шато Леовиль-

Пуаферре» тридцать четвертого года... Увы, белого вина не осталось, хотя я предпочитаю именно его. Впрочем, нам все равно негде его охлаждать. Пока мы придерживаем вино на случай праздника — до сих пор таковой не подвернулся. Да, забыл — еще бутылка бренди, «бисквит гранд шампань». Эту микстуру я держу для медицинских целей — сами видите, до какой преступной низости способен пасть человек. В чулане хранятся и все остальные атрибуты моей профессии.

— Внушительная коллекция, — признал Метью. — Вы не совершили ошибки, посвятив меня в курс дела?

— Думаете, стоило бы соблюдать осторожность и с вами? Что ж, наверное. Меня подкупила ваша речь — ведь мы говорим с вами на одном языке. Но сыграла роль и беспечность. Помните «синдром муравейника»? Впрочем, не могу себе представить, чтобы вы выдали наш секрет саутгемптонским головорезам и привели их сюда поживиться. — Метью разглядел при свете свечей радушное выражение на слабохарактерном лице хозяина. — Дальнейший путь окажется для вас не слишком легким. Может, все-таки удастся уговорить вас поселиться с нами?

Остальные были поглощены разбором барахла. Метью в двух словах поведал Лоренсу о Джейн.

— Надеюсь, вы сознаете, насколько малы шансы, — вздохнул Лоренс. — Во-первых, что она выжила; во-вторых, что вы отыщете ее... Сознаете, я знаю. Вы разумный человек.

— В этом я не руководствуюсь здравым смыслом, — ответил Метью.

— Разумеется. Но и все мы забыли про рационализм — как вы сами только что справедливо указали. — Лоренс улыбнулся. — Все мы уповаем на чудо. Просто ваше чудо еще невероятнее нашего.

Рядом с автомобильной осью стоял рулон брезента. Наведя порядок, Джордж и рыжий Арчи поволокли рулон наверх. Остальные сняли с одежных полок какие-то свертки и тоже стали подниматься с ними по лестнице.

— Вы с Билли можете выбрать себе одеяла, — сказала Эйприл. — Справа — хорошие, остальные еще надо выстирать и просушить. А вот лишних подстилок у нас нет.

— Мы привыкли спать на голой земле, — заверил ее Метью. — Сгодятся и одеяла. Вы тоже ночуете под открытым небом?

— Можно сказать и так.

Эйприл велела поднять наружу также кое-какие продукты и большой котел. После этого перевернутый стол и бревна легли на прежнее место. Сверху набросали камней и штукатурки, чтобы восстановить картину хаоса.

— И так каждый день? — посочувствовал Метью.

— А то и дважды на дню. И всякий раз боимся, что какая-нибудь банда, роясь в мусоре, по чистому наитию отодвинет наш стол и найдет подвал. Не очень-то спокойная жизнь, не правда ли?

Они отошли в глубь сада, в густой кустарник, над которым нависала скала. Метью понял, что здесь был декоративный грот; в нишах еще стояли изрядно потрепанные статуи — то ли святые, то ли демоны. Джордж с Арчи развернули свой рулон. Внутри оказались шесты. Получился навес, примыкающий к скале, на которой оставались с прошлых времен куски арматуры; с противоположной стороны края брезента крепились к шестам. Навес закрывал весь грот, все двадцать футов; оставался еще восьмифутовый козырек. Высота укрытия составляла тоже примерно восемь футов.

— Ну, вот, — сказал Лоренс. — Непревзойденное местечко. Опасность промокнуть возникает только при южном ветре.

— А зимой? — спросил Метью.

— В свой черед подумаем и об этом. Обязательно! Завтра, или на следующей неделе, или через месяц.

— Конечно, это не мое дело, — пожал плечами Метью, — но я думал, что вы уже присматриваете себе жилье на зиму. — Во всяком случае, подобной беспечности трудно ожидать от Эйприл. Впрочем, почему она не организовала их жизнь более подобающим образом? — Как вам пришло в голову обосноваться здесь? Наверное, по чистой случайности?

— Случайность? Можно сказать и так. До того Эйприл жила здесь. За домом похоронены ее дети и муж. Она сама их раскопала и похоронила.

Эйприл тем временем наблюдала, как Сибил и Кэти разводят костер. От нее веяло женственностью и одновременно силой.

— Странно, что она захотела здесь остаться, — заметил Метью.

— Странно. Но ведь и ей позволительна небольшая иррациональность.

— Вы правы. С этим спорить трудно.

На ужин было предложено густое варево, приготовленное в котле. Кроме мяса из банок, в нем плавали картофелины и еще какие-то более или менее свежие овощи. Еда оказалась вкусной и наверняка была достаточно питательной. Есть пришлось по очереди, потому что на всех не хватало посуды. Билли был среди первых, а Метью подождал и приступил к трапезе вместе с Эйприл и Лоренсом. Потом они курили и болтали. Несмотря на наступивший вечер, было свежо, но отнюдь не холодно.

Метью узнал, что Лоренс практиковал в этом округе: милях в десяти отсюда у него был дом и кабинет. Они с Эйприл водили знакомство и в прежние времена, изредка встречаясь в гостях у общих знакомых. Кэти тоже была из местных — единственный ребенок в семье полицейского. Джордж и Сибил были родом из Рингвуда; он работал подручным в маленькой типографии, она — продавщицей в универмаге «Вулворт». Они присоединились к группе вместе, хотя не были знакомы до Землетрясения. Чарли проживал в Кеднеме, а трудился в саутгемптонских доках. Последним к ним примкнул Арчи — просто набрел на них и рассказывал небылицы о разных местах, где ему приходилось работать.

— Сперва я решил, что это — следствие Землетрясения. Мы все сначала были как помешанные, но мне показалось, что Арчи останется таким надолго. Теперь же я склонен думать, что он всегда был немного отсталым в умственном смысле. Зато он неворчливый и усердный малый.

— В округе больше нет людей? — спросил Метью.

— Если кто и выжил, то все равно ушел, — ответила Эйприл.

— Еще у нас была одна старуха, но она умерла на следующий же день, — сказал Лоренс. — Был мужчина, умерший через неделю... Ни в том, ни в другом случае я ничего не смог поделать. Да, забыл еще двоих: одного мы сами откопали, другой к нам прибился. В один прекрасный день они сбежали, прихватив почти все наше добро. Тогда мы еще держали вещи под открытым небом; после этого Эйприл посетила идея воспользоваться подвалом.

Метью оглянулся на навес, под которым сидели остальные. Билли разговаривал с Кэти. Она была очаровательной девочкой, и он как будто лучше находил с ней общий язык, чем с Менди, оставшейся на Гернси.

Проследив его взгляд, Эйприл сказала:

— Было бы гораздо хуже, если бы подобное повторилось теперь. Но не думаю, что нам это грозит.

— Вряд ли, — согласился Метью. — Теперь у вас смирный народ. Кто защитит их, если не вы? — Говоря это, он смотрел на нее, а не на Лоренса.

— Да, с ними все в порядке, — проговорила она неожиданно утомленным голосом.

— Увы, мы далеко не скауты, играющие в индейцев, — пожаловался Лоренс. — Нам не хватает отваги и находчивости. Нам даже не удалось поймать бычка.

— Бычка?..

— Во всяком случае, кто-то — вылитый бычок — пасся примерно в миле отсюда. Мы решили, что свеженькое мясцо не помешает, и начали охоту. Честно говоря, мы выходили на охоту несколько раз. Однако животное одичало и держало уши востро, поэтому никто из нас не сумел подойти к нему близко. Тогда мы решили вырыть яму и загнать его туда. Вместо этого бычок устремился прямиком на нас, и мы кинулись врассыпную. Так что наша говядина все еще перебирает копытами, и ей, судя по всему, суждена долгая жизнь.

Метью не слишком прислушивался к рассказу Лоренса, но когда речь зашла о том, как бычок обратил охотников в бегство, Метью уставился на свою поклажу, лежавшую в сторонке. Ружье было на месте. Ему в голову пришла мысль, сперва показавшаяся смехотворной, но потом обретшая

смысл и даже привлекательность. Свежее мясо! Можно будет захватить некоторое количество с собой, да еще отплатить сполна за гостеприимство. Пусть будущее общины вызывает сомнение, но люди они очень даже неплохие.

— Что, если попробовать еще раз поохотиться, прямо с утра? — предложил Метью. Собеседники уставились на него, заподозрив шутку. — Как вы думаете, сумеем мы подкрасться к нему достаточно близко, чтобы воспользоваться ружьем?

— А что, можно, — повеселел Лоренс. — Господи, еще как можно! Представляешь, Эйприл? Бифштекс с жареной картошечкой!

— Вы хороший стрелок? — спросила она Метью.

— Скорее средний. Я стрелял уток и бекасов, но четвероногих — никогда.

— Мы смогли бы наделать солонины... — размечталась Эйприл. — Соли у нас предостаточно.

— А главное, мы могли бы ее есть, — подхватил Лоренс. — Жевать, грызть косточки... Вы когда-нибудь пробовали тосты с костным мозгом, Метью? Отличная штука! У нас одна проблема — где раздобыть тосты.

— Давайте сперва добудем мясо, — вернул их на землю Метью.

Наступила кромешная тьма, но в отдалении, среди кустарника, то и дело появлялись зеленоватые отблески.

— Что это?

— Светлячки, — пояснила Эйприл и, немного помолчав, добавила: — Они всегда появляются в это время года, как раз в такие ночи.

Они уставились на светлячков. Каждый думал о своем. Наконец Лоренс встал и широко зевнул.

— Давайте-ка спать, — предложил он. — Завтра рано вставать.

Однако встали они довольно поздно. Проснувшись, Метью обнаружил, что солнце успело подняться над деревьями. Оглядев спящие фигуры, он приметил, что кого-то не хватает. С краю, где рядом с Лоренсом улеглась вечером Эйприл, валялись скомканные одеяла. Метью тоже встал и вышел из-под навеса. Навес был влажным, трава поникла под тяжестью росы.

Он побрел по саду, слушая пение редких пташек, затеявших утреннюю перекличку. Накануне ему показали ручей: здесь они брали воду и мылись. Найдя русло, Метью пошел вдоль него. Ручей весело звенел по камушкам, среди листвы посвистывали птицы. Он словно вернулся в начавшее забываться прошлое и был почти счастлив.

Выйдя из-за зарослей рододендронов, он замер как вкопанный. До Эйприл оставалось ярдов двадцать пять. В этом месте русло ручья было шире и глубже; она стояла на коленях на противоположной стороне. Женщина не подала виду, что заметила приближение или услыхала шаги. Она разделась по пояс и начала тщательно мылить шею и торс. У нее были тяжелые груди с широкими коричневыми кругами сосков. Эйприл выгнулась, стараясь дотянуться рукой до лопаток, и груди приподнялись, упруго заколебавшись.

Он почувствовал желание, тем более острое, что успел отвыкнуть от подобных ощущений; однако еще острее было преклонение перед красотой. Обнаженное женское тело, ручей в саду, утреннее пение птиц... Метью не мог себе представить, что такое еще возможно. Он наслаждался этим зрелищем, чувствуя скорее духовное, нежели телесное вожделение. Ему вовсе не хотелось воспользоваться наготой женщины, однако не опасение предстать смущенным или смутить ее заставило его прирасти к месту. Просто он боялся расстаться со столь прекрасным зрелищем — в душе оживало прошлое, а новая жизнь превращалась в дурной сон, кошмар, после которого просыпаешься с легким сердцем.

Эйприл нагнулась еще ниже и стала плескать на себя водой. Внезапно она подняла глаза, не меняя позы. Метью знал, что, как только она заметит его, все кончится. Реальность и сон поменяются местами.

— Метью!.. — произнесла она тихонько, но он отчетливо расслышал ее голос. — Я не...

Эйприл осеклась. Улыбка на ее устах опередила осознание наготы. Немного смешавшись, она тем не менее не испытала ни стыда, ни неловкости. Да, она женщина и потому уязвима, но чувство покоя так и не было нарушено.

Эйприл подобрала большое полотенце, лежащее рядом, и неспешным движением набросила его на плечи.

— Я сейчас, — сказала она. Метью кивнул и отвернулся.

Заслышав ее шаги по траве, он снова повернулся. На ней опять был бурый джемпер, в котором она встретила их накануне, и на губах вновь играла улыбка.

— Ну, здравствуйте.

— Извините за вторжение, — пробормотал он.

— Ничего страшного. Я всегда вскакиваю на добрых полчаса раньше остальных. Они — любители поспать, даже Лоренс.

Ее простота и непосредственность нашли в душе Метью благодарный отклик; они вдохновляли и одновременно успокаивали друг друга. Теперь идиллия утратила черты безумной фантазии и поддавалась осмыслению. Недавний эпизод оказался для обоих неожиданным, однако и он, и она — возможно, по разным причинам — испытывали радость. Возможно, это было бегством от действительности — что же с того? Они взглянули друг на друга, улыбнулись, одновременно заговорили, одновременно умолкли — и рассмеялись.

— Я хотела сказать, что сейчас займусь завтраком, — сообщила Эйприл.

— А я — что пойду умоюсь.

— У вас есть мыло и полотенце?

— Есть. — Метью продемонстрировал полотенце. — Правда, довольно-таки замусоленное.

Она отняла у него эту тряпку.

— И мокрое к тому же. Возьмите лучше мое. Оно все же почище и посуше. Пока вы будете охотиться на своего бычка, я постираю.

— Вот спасибо!

Они еще какое-то время безмятежно смотрели друг другу в глаза, а потом Метью, перекинув через плечо полотенце, зашагал к ручью. Мягкая ткань приятно щекотала его щеку.

После завтрака утварь опять пришлось прятать в подвал. Скоро образовали охотничий отряд: кроме Метью и Билли, в него вошли Лоренс, Джордж и Чарли. Арчи предпочел остаться с женщинами.

— Он быстро расстраивается, стоит ему услышать громкие звуки или увидеть кровь, — объяснил Лоренс. — Но нас и так достаточно.

Сперва Метью полагал, что Билли тоже останется в лагере, однако мальчик взмолился, чтобы его взяли на охоту. Пришлось уступить. В конце концов, ему вот-вот стукнет одиннадцать, а в этой новой жизни подросток — уже мужчина. Чрезмерная опека младших возможна только в развитом обществе.

Утро выдалось солнечное, и на полянах пекло вовсю. Охотники были в отличном настроении. Предстояла игра, и ее предвкушение смешивалось с разыгравшимся аппетитом. Они шагали по лесистой местности, иногда проходя краем луга.

— Это его территория, — сообщил Лоренс. — Если он и забредает в сторону, то недалеко.

Слова прервал хруст: впереди через кустарник продиралось какое-то крупное животное. Оба ствола ружья были заряжены. Метью взял его на изготовку и снял предохранитель.

Хруст усилился, и он вскинул двустволку. Ярдах в пятнадцати — двадцати перед ними появилось существо — огромный лохматый пес. Судя по черному окрасу и другим признакам, это была помесь ньюфаундленда; кто еще фигурировал среди его предков, разобрать отсюда было трудно. Во всяком случае, ростом пес превосходил всех ньюфаундлендов, которых Метью когда-либо видел. Он замер, разглядывая людей и словно о чем-то вспоминая.

— Пойди сюда! — позвал Лоренс. — Ко мне!

Пес не двинулся с места, хотя слегка завилял хвостом. Потом он бросился бежать, пересек поле и исчез в лесу с другой стороны.

— Собака здешнего фермера, — вздохнул Лоренс. — Сколько раз я видел ее на прогулке! — Он печально покачал головой, вдруг постарев и утратив недавнее веселье. — Кажется, она отлично управляется в одиночку.

Бычок пасся на четвертом по счету поле. Он забрел в угол, окруженный с трех сторон металлической оградой. Метью оценил шансы охотников как высокие.

Прежде чем ступить на поле, он обратился к спутникам:

— Я возьму на себя центр. Джордж и Чарли пойдут слева от меня, Лоренс и Билли — справа. Мы медленно при-

близимся к нему; я буду держаться ярдах в пяти впереди вас. Куда бы он ни рванулся, я выпалю ему в бок, когда он будет пробегать мимо меня. Буду, конечно, метить в шею. Если я промахнусь или только раню его, расступитесь и дайте ему уйти. Ты меня понял, Билли?

Они растянулись в цепь и зашагали по полю. Трава была высокая — бычок мог бы пастись здесь, сколько ему заблагорассудится; глаз радовали желтые лютики и розовато-лиловые головки клевера. Метью вспомнил, что клевер как будто вреден для скота. Впрочем, их бычок выглядел молодцом. Один раз он поднял голову, заметил людей, но тут же снова занялся травой.

Посередине поля росла коровья петрушка. Метью помнил это растение с детства — тогда они называли его «мамина смерть»: считалось, что стоит сорвать его и принести домой — и ты лишишься матери. В те времена иррационального тоже было в жизни хоть отбавляй, зато каждый день под вечер тебя ждал родной дом, ужин, теплая постель.

Метью находился ярдах в десяти от животного, когда оно во второй раз подняло голову, и увидел пристальный взгляд маленьких глазок на узкой и грозной морде. Морда опустилась раз, другой — так кивает старикашка, соглашающийся с собеседником в споре. Сразу после этого бычок приподнял правое копыто и рванулся с места. Он мчался не влево и не вправо, а прямиком на Метью.

Тот рывком вскинул ружье и спустил курок, однако не успел толком упереть приклад в плечо и полетел с ног от отдачи. Удар приклада и грохот выстрела ошеломили его; топот копыт приближался... Бычок, ревя от боли, пронесся мимо буквально на расстоянии вытянутой руки. Вскочив, Метью увидел, что охотники расступились, как и было условлено, позволив бычку вырваться на оперативный простор. Он снова вскинул ружье, собираясь опорожнить второй ствол, однако в эту секунду на линии огня оказался Джордж; мгновение спустя до бычка было уже слишком далеко.

Подбежавший к нему Лоренс крикнул:

— Вы попали в него, Метью!

— Но это его не остановило.

— Он истекает кровью. Пойдем за ним следом.

— Да. — Метью взглянул на Билли. — Держись сзади, понял? — Билли кивнул. — Он и так достаточно дикий, а сейчас и вовсе озвереет.

Бычок проскочил на следующее поле. От изгороди его не было видно. Но идти за ним было легко: трава оказалась обильно обагрена кровью. Не сомневаясь в успехе, охотники поспешили по следу.

Однако время шло, а бычка все не было видно, и ими стала овладевать неуверенность. След привел в рощицу, где можно было ориентироваться не только по пятнам крови, но и по поломанным веткам, которые сокрушало несчастное животное на бегу. Дальше открылась поляна, а за ней — заросшее горохом поле. Дважды след терялся из виду, и охотникам приходилось рыскать вокруг, чтобы снова его отыскать. Забредя в очередную рощу, они искали бычка минут десять. Когда наконец Чарли издал торжествующий крик и указал пальцем вдаль, Метью поразился, что снова видит своего соперника, — он уже приготовился к поражению.

Взгляду открылось крохотное поле — скорее, загон — с развалинами большого дома. Тут и находился бычок — стоял на коленях. Услыхав крик Чарли, он рывком поднялся на ноги и мужественно повернулся в сторону противника. Под его правым глазом зияла рана, из которой капала кровь; оголившаяся челюстная кость сверкала на солнце. Бычок протяжно замычал и ударил копытом по земле. Метью поспешно приложил приклад к плечу, готовясь отразить нападение. Но по телу жертвы пробежала крупная дрожь, и она снова рухнула на колени. Охотники осторожно двинулись к бычку, бессильно опрокинувшемуся на бок.

Они молча подошли к нему, все еще страшась его агонии. Однако бычок был мертв, в этом не оставалось сомнений. Его глаза безжизненно отражали солнечный свет.

— Поздравляю, — сказал Лоренс. — Вы угодили ему в челюсть, а оттуда заряд прошел в шею. Странно еще, что он так долго продержался.

Охотники столпились вокруг поверженного зверя, пропустив вперед Билли. Метью, наоборот, отошел подальше. Он насмотрелся на смерть в любых ее видах, но сейчас ему

было не по себе: ведь причиной этой смерти был он сам, а не Божий промысел. Метью отвернулся и проверил стволы. Оба были заряжены: он перезарядил их, прежде чем пуститься в погоню.

— До чего здоровенный! — присвистнул Джордж. — Как же быть? Мы ни за что не дотащим его.

Но Лоренса ничто уже не могло привести в уныние. Оказалось, что у него в заплечном мешке лежат принадлежности его профессии: ланцет и пила для перепиливания костей. Джордж, Чарли и Билли помогли ему уложить тушу поудобнее, и доктор полоснул шкуру на брюхе. Изнутри повалил пар, по загону распространился запах крови и густой аромат внутренностей. Метью уже успел прийти в себя, однако он не собирался принимать участие в этих манипуляциях. Впрочем, этого от него и не требовалось. Удачливому охотнику, видимо, не полагалось превращаться еще и в мясника. Он сидел в траве неподалеку от них, слушал голоса и скрип пилы по кости.

— Теперь понятно, почему на ветеринара приходится учиться дольше, чем на простого врача, — приговаривал Лоренс. — Я наверняка режу неправильно. Ладно, главное, чтобы мы смогли забрать мясо.

Тошнота сменилась у Метью спокойствием, спокойствие же — чувством удовлетворенности. Сделать это было необходимо, вот он и сделал это. Он гордился своим достижением и чувствовал благодарность к спутникам за то, что они предоставили ему возможность показать себя. Эйприл права — они действительно достойные люди. Успехи, пришедшие на смену неудачам и лишениям, сулили значительные перемены в их жизни. Вот он, первый успех: свежее мясо.

На солнце сделалось слишком жарко. День начался многообещающе, славным оказалось и продолжение. Метью вспомнил коленопреклоненную фигуру у ручья. Интересно, в каких все-таки отношениях Лоренс и Эйприл?.. Ему на ногу забрался муравей, и он какое-то время наблюдал, как тот ползет; потом сорвал травинку и протянул ее муравью. Насекомое сперва не понимало, зачем она ему, но затем залезло на травинку. Метью аккуратно перенес муравьишку на цветок чертополоха. На него накатила волна безмятеж-

ного довольства жизнью. Неистребимая мысль о Джейн еще вчера заставила бы его помрачнеть, но сегодня, при всей любви и горечи, которые он испытал, вспомнив дочь, ее образ впервые показался каким-то далеким, не имеющим отношения к действительности.

— Вот здорово! — раздался голос Джорджа.

— Надо же, как прочно соединены суставы! — вторил ему возбужденный голосок Билли. — Неужели и у человека так же, Лоренс?

«Лоренс»! Его, Метью, мальчик по-прежнему называет «мистер Коттер». Билли счастлив с этими людьми... Лоренс что-то объяснял ему. Солнце припекало все сильнее. Метью откинулся на спину и закрыл глаза.

Лоренсу удалось распилить тушу на куски, которые можно было взвалить на спину. Конечно, их оказалось больше, чем они могли унести в один присест, тем более что, судя по подсчетам Лоренса, им предстояло идти мили три, а то и четыре, поэтому взяли куски только самые лучшие. Остальное Метью предложил пристроить на ветвях дерева.

Он нес в одной руке свое ружье, а другой придерживал бычью ногу, взваленную на плечо. Мясо липло к ладони, по руке струилась кровь, заливая рубашку. Процессия с жизнерадостным гомоном шествовала по полям и залитым солнцем прогалинам. Мясник с подручными на прогулке, подумал Метью. Нет, что-то еще более простое, даже первобытное — охотники, возвращающиеся к родному племени! Конечно, целостность впечатления портила одежда: при всей случайности подбора и прочих несуразностях, одежда делала их все же выходцами из времен холодильников и завернутых в целлофан бифштексов. Доисторические охотники должны ограничиваться набедренными повязками летом и обматываться шкурами зимой.

Дорога была неблизкой, а ноша тяжелой, но охватившая людей радость не давала унывать. Они без умолку болтали и то и дело покатывались со смеху.

Слушатели как раз смеялись над очередной шуткой Лоренса, когда Чарли спросил:

— Что это?

Метью тоже услыхал какой-то звук. Сперва он подумал, что это вскрикнул зверек, например, кролик, застигнутый врасплох горностаем. Однако звук повторился, и на этот раз сомнения рассеялись: кричал человек. Они замерли.

— Ведь мы уже почти пришли, — проговорил Метью. — Неужели?..

— Да, — тихо ответил Лоренс, — вполне вероятно. — Он поднял руку, призывая спутников к спокойствию. — Не станем торопить события. Скоро увидим, что там стряслось.

Совет был разумным. Метью кивнул.

— Вам виднее, как туда подойти.

Они засунули окровавленные куски туши в терновник, и Лоренс, мягко ступая, повел отряд к саду. До ушей донесся новый крик — Метью был уверен, что кричал мужчина. Голосов женщин и девочки не было слышно. Однако, подойдя ближе, они различили другие мужские голоса: один смеялся, другие кричали что-то неразборчивое. Метью в третий, а то и в четвертый раз проверил, заряжена ли двустволка.

Оставив позади кустарник, они спрятались за изгородью из гортензии. Лоренс первый раздвинул ветви и тут же отпрянул с перекошенным лицом. Метью тоже пригляделся сквозь листву. Перед ним, ярдах в двадцати, виднелся грот.

Сначала ему показалось, что там толпится полным-полно людей, но их было всего пятеро, и все мужчины. Шестым был Арчи, со связанными руками и ногами брошенный спиной на землю. На нем осталась рубашка, но с него уже стянули штаны. Его тело казалось маленьким, жалким и совершенно белым по сравнению с загорелыми ручищами окруживших его людей. Один держал что-то вроде клещей, другой — горящий факел. К горлу Метью подкатила тошнота. И садисты-школьники, и дикари всех времен всегда тянутся либо к глазам, либо к половым органам. Особенно к последнему.

Он пригляделся, надеясь разглядеть женщин и Кэти. Они сидели у скалы, охраняемые еще двумя типами. Пятый стоял посередине: здоровенный мускулистый блондин с длинными лохмами и соломенной бородищей. На нем были сандалии и фланелевые брюки, обрезанные у колен. Обнаженный торс, заросший густым светлым волосом, покрывал темный загар. Громким голосом, выдающим простолюдина, белобрысый прикрикнул:

— Хватит вешать мне лапшу на уши! У вас тут полно припасов. Сами знаете! Даже если вас всего четверо, то у вас все равно что-то да есть. А если где-то тут бродят ваши дружки, как вы только что сказали, то у вас и подавно много всякого. Не принимайте меня за дурачка! Вы тут прожили несколько недель. Тропа у вас с доброе шоссе шириной, да еще следы от дюжины костров. Значит, вы народ не бедный. Нам всего-то и нужно, что узнать, где вы прячете свое добро.

Он умолк, ожидая ответа. Кэти всхлипывала, Арчи тихо стонал, однако никто ничего не говорил.

— Ладно, — бросил главарь. — Ну-ка, поджарь его, Стэнни! Посмотрим, сколько нужно времени, чтобы поджечь такого рыжего болвана.

Рука с факелом пришла в движение. Арчи вскрикнул. До ушей Метью донесся гневный крик Эйприл. Слов ее он не разобрал. Его обуяла слепая ярость, и он не видел уже ничего, кроме корчащегося тела на земле и толпящихся вокруг фигур. Лоренс что-то прошептал и коснулся его плеча, однако Метью отбросил его руку и выскочил из укрытия, сжимая двустволку. Враги отвлеклись от своей жертвы, пока больше в удивлении, чем в испуге. Человек с факелом начал выпрямляться, и Метью спустил один курок. Один из чужаков дернулся, другой грохнулся наземь. Метью кинулся на белобрысого главаря, тот — ему навстречу. Однако на бегу Метью подвернул лодыжку и шлепнулся. Противник уж почти настиг его. Тогда Метью, почти не целясь, спустил второй курок. Белобрысого отшвырнуло в сторону. Сам Метью лежал теперь, судорожно, как рыба, разевая рот и глядя на истекающее кровью тело в нескольких футах от него.

12

Оставшихся двоих как ветром сдуло. Один из тех, кого задел первый выстрел, сидел на земле, прижимая ладонью рану повыше локтя, второй лежал лицом вниз, с рваной дырой в области лопатки. Метью попробовал подняться и почти преуспел в этом, пока не перенес тяжесть на правую

ногу. Тут все его тело пронзила боль. Он заковылял к Арчи, волоча подвернутую ногу.

— Я им ничего не сказал, — твердил Арчи. — Я не сказал им, где наше добро...

По его смертельно бледному лицу катились слезы вперемежку с каплями пота.

— Я знаю, — отозвался Метью. — Все будет хорошо.

Он нашарил нож и стал перерезать веревки. Тем временем подбежали остальные, и Лоренс — впереди всех. Арчи был покрыт ожогами и синяками.

— Кажется, с ним все обойдется, — сказал Метью Лоренсу.

Тот кивнул, достал из своего чемоданчика дезинфицирующую мазь, набрал немного на палец и протянул Арчи:

— От этого вам полегчает. Сами вотрите туда, где больнее.

Арчи стал лихорадочно втирать мазь. Потом он спохватился и натянул штаны. К ним подошла Эйприл, сопровождаемая Кэти. Сибил тем временем бросилась к Джорджу, и они замерли, сжимая друг друга в объятиях.

— Его сильно поранили? — обеспокоенно спросила Эйприл.

— Болезненно, — ответил Лоренс, — но не слишком опасно.

Лицо Эйприл приобрело землистый оттенок, однако она держала себя в руках. Метью заметил, что ее джемпер разодран на ключице.

Она мотнула головой, указывая на двоих оставшихся в живых чужаков:

— Что будем с ними делать?

Раненный в руку успел подняться. Он сжимал локоть здоровой рукой, но кровь проступала между пальцев и капала в пыль. Чарли стоял рядом с ним — он подобрал ружье и держал раненого на мушке. Раненый здорово перетрухнул. Ни он, ни его сообщник не сообразили, что стволы теперь пусты — запасные патроны остались у Метью в кармане.

— Дайте-ка я на них взгляну, — проговорил Лоренс.

Кэти цеплялась за джемпер Эйприл, но у Метью создалось впечатление, что их никто не слышит. Эйприл устремила на него прямой, серьезный взгляд.

— Вы — молодец, Метью, — произнесла она.

— Я поступил как болван, — покачал головой Метью. — Чистое везение, что я попал в него из второго ствола. Промахнись я — и он отнял бы у меня ружье. Тогда они оказались бы втроем против Лоренса, Джорджа и Чарли. Да, еще Билли. Не знаю, что на меня нашло.

— Нет, у вас все отлично вышло. — Она улыбнулась. — Я горжусь вами.

Джемпер был разодран, однако ее брюки были доверху застегнуты, все пуговицы оставались на месте.

— Во всяком случае, вы отделались испугом — вы и Сибил.

— Да, — сухо ответила Эйприл. — Легким испугом. Как прошла охота? Вы не нашли бычка?

— Нашли, застрелили и притащили большую часть. Мы бросили мясо, услыхав крики Арчи.

— Бедный Арчи!

Лоренс вернулся.

— Тот, что получил от вас заряд в упор, уже мертв. С остальными двумя — проблема.

— Проблема?

— Во всяком случае, для меня. Когда-то я давал клятву — давно, правда. Впрочем, вряд ли это имеет теперь значение. Раненный в руку выживет, если не начнется заражение. Третий же умрет, поскольку у нас нет возможности оказать ему необходимую помощь.

— Я думала, что единственная наша проблема — можем ли мы позволить себе израсходовать еще пару патронов, — с горечью произнесла Эйприл и взглянула на Метью. — Как, Метью?

Ее непримиримость удивила его, однако он признал, что она права. Они не могли оставить здесь этих двоих, даже если нашлось бы, чем их прокормить.

— Те двое, что сбежали... Как вы считаете, они еще могут вернуться?

— Не думаю, — покачал головой Лоренс. — А ты, Эйприл?

— Если бы они представляли собой осколок большой банды, то еще могли бы возвратиться. Но, как я поняла из их разговоров, их было как раз пятеро. Лидер вот этот, бе-

лобрысый. — Она посмотрела на труп. Из дыры в груди еще вытекала кровь, но все медленнее. Вокруг уже кружились мухи. — Надеюсь, те двое не остановятся, пока не добегут до берега моря.

Лоренс оглянулся на пленников, которых стерег Чарли, вооруженный разряженной двустволкой. Раненный в локоть полуприсел и громче прежнего застонал от боли.

— Как же мы поступим? — спросил Лоренс и беспомощно посмотрел на Эйприл. — Твое мнение?

Ничего не ответив, она подошла к Чарли и протянула руку. Он отдал ей ружье. Раненный в локоть хотел было что-то сказать, однако Эйприл не позволила ему и рта открыть.

— Я не собираюсь в тебя стрелять, — бросила она. — У нас хватает патронов, но тратить на тебя даже один было бы неразумно. Пошевеливайся! Если тебе повезет, ты еще догонишь своих дружков.

Раненый беззвучно открыл рот. Эйприл ткнула его стволом в больную руку. Он взвыл от боли, вскочил и заковылял прочь; пройдя несколько ярдов, остановился и оглянулся. Она вскинула ружье. Он неуклюже побежал в сторону зарослей.

Эйприл подошла ко второму раненому. Этот стонал гораздо громче и истекал кровью.

— Ты тоже, — велела она, — прочь отсюда!

Он посмотрел на нее с перекошенным от боли лицом:

— Я тяжело ранен! Я не могу двигаться.

— Ты все равно умрешь, — отчеканила Эйприл. — Только не здесь. Довольно с нас возни с одним трупом.

Он завопил от отчаяния, но не пошевельнулся. Она пнула его ногой почти в самую рану:

— Давай-давай. Или ты предпочитаешь, чтобы мы сами оттащили тебя подальше?

Раненый оперся о землю и сумел встать. С его лица катился пот. Метью заметил, что на сандалии Эйприл осталась кровь.

— Счастливого пути! — крикнула Эйприл вдогонку. — Только отойди подальше, прежде чем сдохнуть.

Лоренс осмотрел и тщательно ощупал лодыжку Метью.

— Обошлось растяжением. Но вам все равно придется пару дней отдохнуть.

— Холодный компресс? — предложила Эйприл.

— Не помешает.

— Сейчас сделаю. — С этими словами она заторопилась к ручью.

— Придется вам пробыть у нас в гостях еще некоторое время, — заключил Лоренс, а потом улыбнулся и после некоторой паузы сказал: — Мы теперь ваши должники, Метью.

— Ружье полезно до тех пор, пока к нему есть патроны, — отозвался Метью.

— Дело не только в ружье. — Казалось, Лоренс собирался присовокупить еще что-то, но передумал. — Эйприл сделает перевязку, и вам полегчает. Я займусь уборкой. Пока просто оттащим труп в сторонку, закопаем позже. Главное — принести мясо.

Джордж и Чарли взяли тело за руки и уволокли в кусты, подчиняясь указаниям Лоренса. Метью предпочел остаться в траве. Подвернутая лодыжка не давала о себе забыть. Кэти все еще плакала, несмотря на попытки Сибил, шепчущей ей что-то на ушко, успокоить ее. Арчи проводил мертвое тело безразличным взглядом.

Билли подсел к Метью и спросил:

— Вы не сломали ногу, мистер Коттер?

— Нет, всего лишь растянул. Однако еще день-два мне будет трудно ходить.

— Мы остаемся здесь?

— Пока не заживет моя нога. — Билли кивнул. — Тебе бы хотелось остаться подольше?

— Я бы не возражал. Только с вами, — поспешно добавил мальчик.

Возвращение Эйприл избавило Метью от необходимости продолжать этот рискованный разговор. Она принесла в кастрюльке воды и намочила в ней повязку, прежде чем обмотать Метью сустав. Ее движения были уверенными. Метью разглядывал слегка вьющиеся каштановые волосы, мягкие и блестящие, но с несколькими седыми нитями. Он представил себе, какой была бы жизнь Эйприл, если бы не катастрофа: дом, семья, приятели... Она туго затянула повязку, и он невольно поморщился.

— Простите, — сказала она, взглянув на него. — Чем туже, тем лучше.

— Я знаю. Так хорошо.

— Вам легче?

— Гораздо. Вы учились на медицинскую сестру?

— Так уж на сестру! Только оказанию первой помощи. — Эйприл оглядела дело своих рук. — Я овладела этим навыком, когда развернулась кампания за ядерное разоружение. Нет, я не против — насчет бомбы, но мне хотелось деятельности. Поэтому я освоила первую помощь и научилась разогревать еду на перевернутом цветочном горшке с горящей под ним свечой. Цель состояла в том, чтобы научиться выживанию в замкнутом пространстве, когда внешний мир заражен радиоактивностью...

— Жизнь иногда распоряжается нами весьма иронично, — согласился Метью.

— Вы тоже так считаете? — Она взглянула на него с любопытством. — А чем занимались вы, Метью, до этого?

— Овощеводством. Помидорами.

— Ну да, гернсийские томаты! Вы всегда делали только это?

— Не всегда.

Эйприл немного подождала, и Метью коротко поведал ей обо всем: о рухнувшей семейной жизни и о том, как он перебрался из Лондона на остров.

Выслушав рассказ, она задумчиво сказала:

— Вы — счастливец...

— Счастливец?

— Вы всегда отступали под напором событий. Вы еще раньше отказались от всей былой жизни, кроме Джейн. И не хотите смириться с ее гибелью. Значит, для вас ничего не изменилось. — Увидев, что он улыбается, Эйприл продолжала: — Конечно, об окружающей обстановке такого не скажешь. Но вот о вас самом? Вам не пришлось перестраиваться.

Метью задумался над ее словами:

— Возможно, в этом смысле и нет. И вы думаете, что я нахожу в этом счастье?

Поколебавшись, она с горечью ответила:

— На беду, все меняется к худшему. Окружающая мерзость — уже плохо, но мерзость у человека внутри — вот что по-настоящему вызывает отвращение.

Метью решил, что она имеет в виду собственную непримиримость к двум раненым.

— Человек подвергается теперь куда более мощным стрессам и оказывается способным на дикие, жестокие поступки. Но это не значит, что мы на самом деле стали хуже. А об этих двоих и вовсе не стоит горевать.

Эйприл покачала головой:

— Нет, дело в другом. Хотя я согласна, что горевать действительно не стоит. — Завидя приближающегося Лоренса, она спросила: — Куда же ты его подевал?

— Оставил в лавровом кустарнике. — Лоренс взял Эйприл за обе руки. — С тобой все нормально?

— Да. Лучше некуда.

— Как долго они здесь пробыли?

— Точно не знаю. Примерно с полчаса. — Дальше она заговорила быстрее: — Я сейчас подумала — мы совершили ошибку, непростительную, детскую ошибку!

— Какую?

— Ведь мы храним буквально все — кроме того немногого, что понадобится нам в течение одного дня, — в подвале. Поэтому они и смекнули, что у нас есть тайник.

— Ты предлагаешь держать часть запасов на виду? Мы вполне можем лишиться их, уйдя на промысел.

— Это лучше, чем лишиться всего сразу. Так бы и вышло, если бы не Метью. Надо устроить второй тайник — его мы сможем выдать, подвергшись нажиму.

— У тебя есть конкретные предложения?

Она пожала плечами:

— Нет. Но надо будет поискать.

— Вы считаете, что подобное может повториться? — спросил Метью.

— Конечно! Не говоря уже о том, что кто-то из оставшихся в живых может присоединиться к большой банде и привести ее сюда.

— Можно перейти на другое место.

Эйприл бросила на него ледяной взгляд:

— Какой смысл? Теперь повсюду небезопасно.

Метью мог бы перечислить немало доводов в защиту своего предложения. В частности, они совершенно не подготовлены к предстоящей зиме.

Лоренс опустился рядом с ним на колени и осмотрел повязку.

— Сделано грамотно, — похвалил он. — Можете отдохнуть здесь, Метью, пока мы с ребятами сходим за мясом. Свежее мясо, Эйприл! Разве это не повод для радости?

Она через силу улыбнулась:

— Да. Настала пора повеселиться.

В этот день они не пошли на промысел. Все куски бычьей туши были принесены в лагерь, и женщины взялись разделывать их и засаливать то, что нельзя было съесть немедленно. Лоренс же отправился в сопровождении мужчин предавать земле труп, валяющийся в кустах. Вернувшись, он застал Метью и Билли растянувшимися на солнышке.

— Вот и дело с концом, — доложил он. — Не так глубоко, как полагается, но достаточно, чтобы его не смогли раскопать собаки. Компромисс между затратами усилий и требованиями гигиены.

— Вы, человек медицины, не удивлены, что пока не разразилась эпидемия? Скажем, чума? — поинтересовался Метью.

— Из-за того, что миллионы мертвецов остались незахороненными? Не знаю... Болезни, косящие людей в военное время, вызываются не обилием трупов, а условиями жизни. Скажем, дизентерию на Галлипольском полуострове разносили живые, а не мертвые. Кроме того, вспышки уже могли происходить, просто нам о них ничего не известно. Люди продолжают жить коллективно, но очень маленькими группами. Мы избегаем остальных, остальные избегают нас.

— А одиночек много, как вы думаете?

— Вероятно, много. Но опять-таки нам остается только догадываться... Как ваша нога?

— Хорошо.

— Повязку придется время от времени менять. Если хотите, я сделаю это сам, пока Эйприл занята.

— Я могу подождать, — сказал Метью.

Лоренс устремил взгляд туда, где Эйприл хлопотала по хозяйству вместе с Сибил и Кэти.

— Прямо не знаю, как бы мы без нее обходились, — признался он. — У нее огромная сила воли.

— Да.

— Причем не только в кризисных ситуациях, но и при обыкновенном течении жизни. У человека могут случаться приступы отчаяния, и в такие моменты Эйприл — неоценимая помощница. Она не поддается ударам судьбы; находясь с ней рядом, начинаешь стыдиться своей слабости. Помню нашу первую встречу после этого...

Он умолк. Метью не стал его понукать. Скоро Лоренс заговорил снова:

— К вечеру первого дня я выбрался из-под развалин. Я смертельно устал, лег на открытом месте и забылся. Только на следующий день я начал понимать, что за катастрофа нас постигла. Я копался среди руин собственного жилища и соседних домов, но не обнаружил ни одного живого человека. Тогда я вырыл ход в свой кабинет и нашел много нембутала. Я знал, сколько таблеток надо проглотить, чтобы уснуть и не проснуться; мне казалось, что это единственное разумное решение. Но тут я услышал чей-то голос и откликнулся на зов. Это была Эйприя. — Он еще помолчал. — Я вел себя как безумец: твердил, что все потеряло смысл и что я собираюсь покончить счеты с жизнью. Выслушав меня, она сказала, что я волен поступать, как мне вздумается, но лучше сперва перекусить. Эйприл сделала мне бутербродов — хлеб был немного черствым, но я все равно сжевал его. Я ничего не ел с тех пор, как это случилось. Поев, я почувствовал себя лучше. Моменты отчаяния случались у меня и потом, но она всегда была рядом, всегда протягивала руку помощи.

— Даже зная ее всего два дня, я заметил, что Эйприл — человек необыкновенный.

Лоренс бросил на него проницательный взгляд.

— Дело здесь не в личных отношениях — вы понимаете? Мы принадлежим к разным поколениям, между нами двадцать годков разницы. Рядом с ней должен быть мужчина ее лет, сильный, на которого она могла бы опереться в трудную минуту.

— У меня сложилось впечатление, что такой опорой ей служит прошлое, — сказал Метью. — Дом, воспоминания о семье...

— Этого недостаточно. Когда человек растрачивает себя так, как она, ему требуется что-то другое. Пока она расходует внутренние резервы, но всему есть предел.

— Да, скорее всего вы правы.

В двадцати ярдах от них Эйприл резала мясо. Ей изо всех сил помогали Сибил и Кэти. Оба мужчины сидели, устремив на нее задумчивый взгляд.

За обедом пришлось довольствоваться внутренностями — жареным сердцем, печенью и почками, зато на ужин был подан бифштекс. Мясо жарилось на открытом огне, а потом уплеталось, как водится, по очереди. Эйприл снова ела последней, вместе с Лоренсом и Метью.

В качестве гарнира предлагалась жареная картошка и свежая зелень.

— Вот это кстати, — одобрил Метью. — Где вы берете?

— В огороде при бывшей кухне. Там еще кое-что растет. — Она улыбнулась. — В том числе несколько помидорных кустов — проросли сквозь развалины.

— Где это?

— Прямо за живой изгородью.

— С утра схожу посмотрю. На небольшое расстояние я еще способен перемещаться.

— Чем больше вы дадите покоя своей лодыжке, тем скорее сможете нормально ходить, — предупредила его Эйприл.

Лоренс перелил остаток вина из бутылки в покрытую эмалью чашку и заглянул в нее.

— Тут всего по глоточку для каждого, — пригорюнился он. — Придется задерживать во рту и наслаждаться. Главное — вкус... Но я рад, что открыл только божоле. Приятно сознавать, что «Леовиль-Пуаферре» все еще лежит нетронутым.

— Для какого такого торжественного случая ты хочешь его сохранить? — поинтересовалась Эйприл.

— Для какого-нибудь сугубо личного — чтобы совсем не упасть духом. Или, — тут он взглянул на Эйприл и улыбнулся, — для шумного праздника — например, для свадьбы.

— Как быстро забывается приятное! — сказал Метью. — Вкус настоящего свежего бифштекса!

— Постарайтесь надолго сохранить этот вкус, — посоветовала Эйприл. — Одному Богу известно, когда мы снова сможем попробовать что-то похожее. Может быть, никогда.

— На Гернси выжили двое крупных животных, — вспомнил Метью. — Как минимум двое: ослица и корова, причем последняя, по счастью, оказалась стельной. Один шанс из двух, что она произведет на свет бычка, а если так, то порода может сохраниться. Раз такое возможно на маленьком острове, то тем более вероятно здесь.

— Вы забываете о «синдроме муравейника», — покачал головой Лоренс. — Мы с чистой совестью погнались за этим животным, потому что убедили себя, что бычок кастрированный. Однако даже если бы это было не так, мы бы все равно испытали соблазн забить его. В конце концов, откуда нам знать, отыщется ли для него пара; а даже если и отыщется, будет ли от этого толк? А ведь мы — относительно цивилизованная публика. У нас сохранились остатки совести — во всяком случае, мы тешимся такой надеждой. Остальные и подавно вряд ли захотят заниматься скотоводством.

— Животные могут выжить сами по себе, — возразила Эйприл. — Выжил же, к примеру, вот этот, пока не появился Метью со своим ружьем.

— Могут — пока, — согласился Лоренс. — Этим летом им угрожает только наше безделье и разгоревшийся аппетит. Одни сами выкапывают из руин консервы, другие пользуются плодами чужих усилий; одни довольствуются банками, а другим подавай чего-нибудь свеженького... Как видите, пока все вполне невинно. Но потом находить банки станет все труднее. Что случится тогда? К середине зимы люди растерзали бы этого бычка голыми руками и сожрали сырым. Вполне возможно, что где-то пасутся способные к размножению экземпляры. Особи противоположных полов могут даже отыскать друг друга. Но готов держать пари, что через год на Британских островах не останется ни единого быка или коровы.

— Ты недооцениваешь Природу, Лоренс, — сказала Эйприл.

— Я тоже могу упрекнуть тебя в этом, — усмехнулся тот.

— Здесь животным негде укрыться, — продолжала она. — Но в горных долинах все сложится по-другому. Там они выживут.

— Возможно, тут ты права, — признал Лоренс.

— Не сомневаюсь.

— В горах и мы чувствовали бы себя в большей безопасности.

Ему никто не ответил. Эйприл равнодушно отвернулась. Но Лоренса понесло. В горах, напирал он, им было бы лучше во всех отношениях: там больше еды, там безопаснее, там даже можно будет заняться растениеводством. Они бы смогли зажить там если не припеваючи, то, во всяком случае, с надеждой на будущее и имея перед собой какую-то цель. Там вырастут дети, которые забудут о прошлом и примут свое настоящее, ибо оно будет терпимым, позволяющим взирать на грядущее с надеждой... Лоренс говорил напористо, веря в свою правоту, однако Эйприл никак не отреагировала на его слова. В конце концов он отчаялся убедить ее и повернулся к Метью:

— О чем вы размышляете? Вы сидите тихо как мышь.

Метью не чувствовал себя мишенью критики, которая подспудно содержалась в речах Лоренса, — она была направлена против Эйприл. Он не сомневался в справедливости доводов старого доктора, однако понимал, что, действуя в лоб, тот ничего не достигнет.

— В основном о том, какое чудесное мясо.

— Спасибо повару, — откликнулся Лоренс. Теперь он говорил примирительным тоном и улыбался Эйприл. — С этим я согласен.

— А еще о чем? — с вызовом спросила Эйприл Метью.

— О том, что говорил Лоренс, — как люди убивают животных голыми руками. У меня есть двадцать два заряда для двустволки. Дальше остается только уповать на счастливую случайность. Если же нам больше не попадутся патроны, ружье станет бесполезной игрушкой. Я вспомнил легкие стальные стержни, которые валяются в вашем подвале. Для чего они вам, Лоренс?

— Сам не знаю. Мы подобрали их в каких-то развалинах — я решил, что они могут сгодиться. Пока я не надумал, как их использовать.

— Если бы можно было сделать на концах зарубки и натянуть что-то вроде струны, то получились бы отменные луки.

— Я знаю одно место, где валяется разбитое пианино. Там как раз полно струн. А как насчет стрел?

— Их можно нарезать. Потом придумаем, как приделать к ним стальные наконечники.

— Да, — молвил Лоренс, — неплохая идея. Видите, что значит практический ум! Согласна, Эйприл? Пока мы разглагольствуем о теории выживания, Метью занимается делом.

— Мы обсуждали выживание видов, а не свое собственное, — заметила Эйприл. — Во что, интересно, полетят ваши стрелы, если одичавшие люди разорвут бедную скотину голыми руками и вылакают всю ее кровь?

Метью пожал плечами:

— Вообще-то речь идет не только об охоте, но и о самообороне.

— О, конечно! — проронила Эйприл. — Самооборона! — В ее голосе слышался надрыв. — Луки со стрелами... Поделились бы с нами остальными вашими замыслами, Метью, прежде чем нас покинуть...

Метью так и подмывало ответить: «А вдруг я вас не покину?..» Однако выражение их лиц заставило его промолчать. Над каждым довлел собственный жизненный опыт, каждый кого-то и что-то оплакивал.

Он доел свою порцию, и Эйприл сказала:

— Передайте вашу тарелку. Тут есть еще.

— Кажется, я сыт.

— Глупости. — Она отобрала у него тарелку. — Сейчас не грех и объесться.

— И напиться, — подхватил Лоренс и в очередной раз заглянул в чашку. — Тут как раз хватит для ритуального возлияния, если только вас не покинула вера. Ну-ка, допейте, Метью!

13

Под ложный склад решено было приспособить шахту старого колодца. Кирпичная постройка на поверхности рассыпалась при землетрясении, и внутрь попало немало всякого сора, однако на глубине двух футов осталась невреди-

мой стальная клеть, которую удалось обвязать веревками; затем она послужила опорой для узла с различным скарбом, отобранным на складе. Горловина колодца была завалена досками и всяческим мусором, чтобы скрыть следы человеческого вмешательства. Одинокий бродяга, которому случилось бы здесь очутиться, пока отряд находится на промысле, не должен был обнаружить и этого тайника.

Впрочем, еще два дня после успешной охоты Метью так и так не отлучался из лагеря. Он благодушно наблюдал за Билли и Кэти, которые беззаботно играли в гроте и в саду, как и подобает вполне счастливым ребятишкам. Однако под вечер второго дня по земле пробежала судорога, и дети, прервав игру, поспешили к старшему с искаженными ужасным воспоминанием лицами. Судорога оказалась довольно слабой и кратковременной, но это было первое колебание земной тверди с тех пор, как Метью с Билли повстречали в Англии людей. Дети еще какое-то время неподвижно сидели рядом с ним, переговариваясь только шепотом.

Дождавшись возвращения взрослых, Метью попробовал пройтись и обнаружил, что это у него вполне получается. Видимо, растяжение оказалось несильным; он все еще ощущал некоторое неудобство, однако мог довольно резво ковылять по лагерю. Метью допрыгал до кухонного огорода, о котором заикнулась Эйприл, и внимательно осмотрел его. Границей ему служила узкая полоса щебня — здесь раньше тянулась каменная изгородь; из-под развалин торчали ветви шпалерных яблонь и груш. На некоторых еще сохранились зеленые листочки, а с одной ветки даже свисало яблочко.

Сам огород представлял собой печальное зрелище. В него наведывались только по необходимости, и сорняков было здесь теперь куда больше, чем овощей. Метью обнаружил помидорные кусты и убрал осколки стекла, которые препятствовали их росту. Здесь придется возиться несколько недель, чтобы навести хотя бы относительный порядок, — только нужно ли?..

Метью вернулся в грот и стал наблюдать за детской игрой. Однако теперь ему не сиделось на месте. Спустя некоторое время он снова отправился на прогулку. На этот раз он более тщательно исследовал территорию и поразился, на

какой большой площади валяются обломки дома. Трудно было даже сказать, где пролегает граница фундамента, — складывалось впечатление, что площадь дома достигала нескольких акров. Кем же был муж Эйприл по профессии? Имелись все основания предположить, что они не испытывали недостатка в средствах. Метью как раз размышлял на эту тему, когда ноги принесли его в розарий, где было полным-полно цветущих кустов, под которыми, несмотря на заполонившую все траву, еще можно было прочесть надписи на металлических табличках. За цветником он разглядел крест, потом — еще... Он подошел ближе и насчитал четыре креста. На них не было имен. Всего один человек мог теперь сказать, кто где похоронен...

Метью услыхал издали голос Эйприл и поспешил прочь от могил. Когда они сошлись, могилы остались далеко позади.

Она слегка раскраснелась, на ее губах играла улыбка.

— Ваша нога уже почти совсем выздоровела?

Метью кивнул:

— Наверное, я уже завтра смогу составить вам компанию. Как успехи сегодня?

— Средне. Утром нам показалось, что мы набрели на неплохое местечко: Чарли наткнулся на две банки, а потом на остатки магазинного прилавка. Только там кто-то уже постарался до нас. Весь улов — две банки сардин, одна с горошком, один соус и пять рисовых пудингов.

— Да, негусто.

— Вот именно. Позднее мы нашли еще кое-что, но ничего примечательного.

Эйприл положила свою руку на его. Метью словно током пронзило от ощущения физического контакта, ее близости.

— Вы уверены, что у вас больше не болит нога?

— Конечно. Я немного прогулялся. Думаю, упражнение пойдет мне на пользу.

— Здесь прекрасные места для прогулок. Раньше я очень любила гулять. Однако теперь чувствуешь себя виноватой, когда не занимаешься чем-нибудь полезным, вроде стряпни или розысков съестного.

Метью на минутку накрыл ее руку свободной ладонью.

— Выбросьте ненадолго пользу из головы. Лучше покажите мне ваши излюбленные места.

— Я оставила остальных — они разбирают принесенный хлам... — с сомнением пробормотала Эйприл.

— Обойдутся и без вас. Подумаешь, рисовый пудинг угодит на одну полку с маринадами...

— Да, вы правы. Нельзя слишком серьезно относиться ко всем этим мелочам.

Они неспешно побрели по лесу, наслаждаясь обществом друг друга и благословенным вечерним покоем. Позднее солнце, просвечивая сквозь ветви, окрашивало траву в бледно-лимонный цвет. В неподвижном воздухе разливались тревожащие душу ароматы, будящие воспоминания о былых временах. Вокруг стрекотали насекомые и заливались птицы — Метью поймал себя на мысли, что ни разу за все время после этого не слышал такого птичьего гвалта. Дело было, разумеется, не в том, что птицы успели размножиться. Может, они сперва улетели подальше от эпицентра, а теперь возвращаются в родные места? Похоже, небольшой толчок, случившийся этим днем, не смог их всполошить. Метью поведал о своей догадке Эйприл.

— Куда это «подальше»? — усмехнулась она. — Уж не думаете ли вы, что нас тряхнуло сильнее остальных? Разве прочие страны не поспешили бы нам на помощь, если бы они отделались легче, чем мы?

— Да, — повесил он голову, — от этого довода никуда не денешься. Возможно, мы, наоборот, должны считать себя счастливчиками.

— Все зависит от того, что вкладывать в понятие «счастье». — В ее голосе неожиданно прозвучали резкие нотки, но она тут же взяла себя в руки. — Вскоре после этого Лоренс нашел большой радиоприемник — транзисторный, на батарейках, с тремя коротковолновыми диапазонами. Почти целый. Лоренс поспешил включить его, и раздался нормальный шум — шипение, всяческие помехи. Но ни одного осмысленного сигнала. Он долго шарил по разным волнам, надеясь наткнуться на передающую станцию. Все без толку.

— Приемник сохранился? — затаив дыхание, спросил Метью.

— Нет. Оставили там, где нашли. — Видя его удивление, она добавила: — Мы не причислили его к категории насущно необходимых предметов.

— Даже если тогда эфир был пуст, вдруг потом станции начали трансляцию?

— Приемник смог бы проработать ровно столько, насколько хватило бы батареек.

— Даже за это время вы могли бы что-нибудь услышать. Сигнал из другой части планеты, где землетрясение было слабее...

— Не исключено. — Перед ними выросла живая изгородь, покрытая красными цветами собачьего шиповника и белыми вьюнками. Эйприл остановилась, любуясь цветами. — Только разве это принесло бы хоть какую-то пользу?

— По крайней мере вы бы знали о существовании где-то мало-мальски организованного общества.

Она без предупреждения ушла вперед, и ему пришлось прибавить шагу.

— Нам на помощь никто не явится. Вот что мы должны зарубить себе на носу. В небе не раздастся гул самолетов, которые стали бы засыпать нас всякой всячиной, а в море не покажутся дымящие трубами корабли, груженные мясом, зерном и бананами с авокадо. — Эйприл повернулась к нему с горькой улыбкой. — Кстати, вы и сами как будто догадываетесь об этом. Как же они приплывут, раз исчезло море? Мы отрезаны здесь, и нам никто не поможет, кроме нас самих.

— Да, знаю, — уныло кивнул Метью.

Некоторое время они брели молча — через заросший высокой травой луг к небольшой рощице. На поляне перед рощей рос могучий дуб, высоченный и неохватный, простоявший здесь не одну сотню лет. В гиганте все еще теплилась жизнь, но он сильно накренился, и с противоположной стороны корни безжизненно торчали из земли.

— Зимние заморозки совсем его прикончат, — сказал Метью.

— Да...

Эйприл подошла к дубу и ненадолго прижалась к его коре. Любуясь ею, Метью снова, как и утром, восхитился ее красотой и незаурядностью.

— Дети любили этот дуб. На него ничего не стоило залезть, даже малышам, а наверху был целый лес веток, так что можно было отлично прятаться в листве. Мы часто приходили сюда: они карабкались все выше и выше, а я следила за ними, задрав голову, то и дело теряя их из виду и слыша только голоса. У меня, разумеется, сердце выскакивало от страха, что они сорвутся, но я знала, что нельзя звать их вниз.

— У вас были только мальчики?

Эйприл кивнула. Она пристально смотрела ему прямо в глаза.

— Пяти, семи и десяти лет. Десятилетнего звали Энди. Ден хотел отправить его в частную школу, но я была против. Единственный раз, насколько я помню, у нас вышла размолвка. Но и тут мы пришли к компромиссу. Мальчик должен был оставаться дома до тринадцати лет.

Метью был уверен, что, слушая подобный рассказ, будет чувствовать себя не в своей тарелке, однако ничего похожего не происходило. Она выкладывала ему все как на духу, с полным доверием, и он понимал, что Эйприл не только исповедуется в любви к тем, кого лишилась, но и прощается с ними.

— Я видел их могилы, — вымолвил он.

— Да. Жизнь разбита на стадии. Иногда еще наваливается тоска, но все реже и реже. Ведь ничего худшего, чем те нескончаемые минуты, когда я засыпала их землей, просто уже не может произойти.

Они зашагали обратно в направлении грота. Рука Эйприл была рядом, и Метью взял ее в свою. Их пальцы переплелись, делясь теплом и состраданием. Она рассказывала о поисках скарба и снеди: теперь им придется отойти подальше, чтобы найти что-то стоящее. Эйприл не выразила этого словами, но у Метью создалось впечатление, что она готова, или почти готова, признать, что цепляться за это место и дальше не имеет смысла.

Стараясь обойтись общими выражениями, он сказал:

— Пока мы собираем мусор, оставшийся от прошлого. Иными словами, там, где было больше людей, легче что-то найти. Однако при этом растет и риск столкновения с ма-

родерами. Мы располагаемся как бы на ничейной земле: она достаточно изолирована, поэтому здесь не очень часты удачные находки, но лежит не слишком далеко от торных путей, чтобы исключить встречи с непрошеными гостями.

— Они не в счет, — откликнулась Эйприл.

— Сомневаюсь, что Арчи согласился бы с вами.

— Мы поступали глупо, храня все яйца в одной корзине. Тут я с вами одного мнения. Но ведь мы уже разобрались с этим. Если нечто похожее случится снова, нам не придется проявлять героизм. Арчи просто отведет их к колодцу.

— Дело ведь не только в этом.

— А в чем же еще?

— Стоило нам опоздать, и...

— Ну же!

Его удивила ее непонятливость.

— Две женщины, — нехотя выдавил он, — из которых одна в высшей степени привлекательная, если не сказать больше... Тут опасность уже не только в утрате припасов...

Эйприл остановилась и уставилась на него. Метью увидел на ее лице выражение недоверчивости и еще чего-то, что он пока не сумел распознать.

— Уж не думаете ли вы, что прибыли как раз вовремя, чтобы помешать им нас изнасиловать?

— Во всяком случае, подобный исход нельзя исключить.

Она усмехнулась — или всхлипнула?

— Только этого не случилось? Что же заставило вас в это уверовать — то, что мы ничего не рассказали? А-а, наверное, все дело в том, что они заставили нас снова натянуть брюки! Очень заботливо с их стороны! Впрочем, они к тому времени просто решили поразвлечься с Арчи.

Каждое слово звучало резче предыдущего, и Метью знал, что отчасти ее горечь вызвана его отношением к тому, что ему довелось услышать, — потрясением и даже отвращением, хотя он и старался что было силы прогнать это последнее чувство. Его ужасало не только само событие, но и то, как небрежно и безжалостно Эйприл его описывала.

Стараясь не смотреть на нее, он пробормотал:

— Я не знал... Простите.

— Вы никогда ничего не знаете... Как, по-вашему, должна поступить в наши дни банда мужчин, захватившая беспомощных женщин?

Сам стыдясь своего вопроса, но не в силах с собой справиться, он спросил:

— Это случалось и раньше?

— Смотрите на меня! — крикнула она. Ее лицо сделалось злым. — Хотите, расскажу, как это было в первый раз? Это случилось на следующий день после того, как я встретила Лоренса, и через два дня после того, как я зарыла могилы. Я первой увидела их и окликнула, потому что мне тогда казалось, что важнее всего, чтобы выжившие нашли друг друга. Дура: тешила себя иллюзией, что если люди и изменились, то к лучшему, в сторону большей гуманности, а не к худшему. Я не могла поверить собственным глазам, когда они бросились на меня. Я, конечно, сопротивлялась. Я еще не поняла тогда, как это глупо — сопротивляться. Тогда мне было больно, потом — нет.

— А Лоренс?

— Мы разошлись, потому что хотели захватить при поисках площадь побольше. Он мог бы услышать крик, но я, борясь с ними, не кричала. Их было двое, оба силачи, моложе тридцати лет. Если бы он прибежал, досталось бы и ему — только и всего. Когда меня оставили в покое, я уползла и нашла его. Это, знаете ли, связывает — когда мужчина утешает женщину, которую поколотили и изнасиловали двое здоровяков.

— Я уже сказал, что очень сожалею. Вы вовсе не обязаны об этом распространяться.

— Не обязана? Вы уверены? А ведь Лоренс меня не только утешил: в его кабинете были внутриматочные контрацептивы; мы откопали их, и он оснастил меня этой штучкой. Знаете, такой стальной завиток со смешными нейлоновыми усиками. Очень хитроумное приспособление. Лоренс и Сибил с Кэти ими одарил, когда они к нам прибились.

Метью старался скрыть охватившую его панику, но Эйприл не сводила с него взгляда.

— Да, Кэти! Это оказалось очень своевременно, потому что дня два спустя то же самое случилось и с ней. Тогда

наших мужчин заставили смотреть на происходящее. Те, с которыми вам довелось иметь дело, оказались хороши хотя бы тем, что не тронули Кэти. Трое занимались мной, а остальные двое — Сибил. Я вообще пользуюсь популярностью. Один насильник заставил меня сопровождать его до самого Саутгемптона — ему, видите ли, понравился мой акцент, когда я сдуру с ним заговорила. Ночью я сбежала и вернулась сюда.

— Если вам от этого легче... — пролепетал Метью.

— Но все это — еще цветочки, — не унималась она. — Я еще не рассказала вам самого интересного. Помните того, которого я пнула — с тяжелым ранением? Помните?

Метью растерянно кивнул.

— В самый ответственный момент он плюнул мне в лицо. Вы имеете хотя бы отдаленное представление, каково это и как после этого я должна относиться к самой себе и к мужчинам?

— Ни малейшего.

— Я сбилась со счета, сколько мужчин перебывало со мной — порой один и тот же терзал меня по два раза. Тут вся штука в том, чтобы помогать насильнику — тогда получается быстрее и не так... отвратительно. В качестве дополнительной страховки вдобавок к тем штуковинам у нас есть тампоны. В целом немногим хуже, чем визит к дантисту. Главное — соответствующий настрой; зачатие же почти исключено. Хотя «почти» — не то же самое, что «совсем». Вы только вообразите, Метью, что значит забеременеть в этих условиях от двуногого зверя, который попользовался тобой, подобно кобелю, залезшему на суку. Еще одна неприятность — опасность венерических заболеваний. Тут мы застрахованы не так надежно. Правда, пока везло. По крайней мере надеюсь. После последнего эпизода прошло слишком мало времени, чтобы утверждать наверняка.

Метью почувствовал, что настало время прервать горестный и безжалостный поток, хлещущий из ее уст. Он крепко схватил Эйприл за руку, так что хрустнули суставы.

— Я не знал! — в который раз повторил он. — Хотя должен был знать. Очень глупо с моей стороны.

— Не это глупо, — прошептала она, отвернувшись. — Глупым был ваш вид, когда до вас наконец дошло.

— Что было, то было. Всему дурному наступает конец, как и хорошему. Придет время, и вы обо всем забудете. В счет идет только то, что делаете вы сами, а не то, что делают с вами.

Она не спускала с него взгляд, полный муки.

— Вы все еще ничего не знаете. У меня был единственный мужчина — мой муж. Я гордилась своим телом, потому что он любил его. А теперь... Лоренс возжелал меня, и я отдалась ему. Это значило вовсе не так много, как изнасилование, — скорее, столь же мало. Я испытывала к нему жалость и презрение.

— Очень великодушно с вашей стороны, — молвил Метью.

— Великодушие... Господи! А Чарли? Он всего на два года старше моего сына. Я знаю, что, наблюдая меня с другими мужчинами, он возбуждается. Презрение для вас то же самое, что великодушие?

Метью молчал. Он все еще не отпускал ее руку, и Эйприл, спохватившись, вырвалась. Тихим охрипшим голосом она произнесла:

— Секс и материнство — главное в существовании женщины. Теперь то и другое для меня — только лишь омерзение и страх. Малыш Арчи... Этот мной еще не овладел, но только потому, что не попросил. — Она взглянула на него и отвела взгляд. — Я научилась опасаться большинства мужчин и презирать их всех до одного. Я мылась в ручье, подняла глаза и заметила, как вы разглядываете меня... Меня посетила безумная мысль, что между мужчиной и женщиной все еще может существовать доброта и настоящая привязанность. Это всего лишь моя иллюзия, тут нет вашей вины.

— По-моему, это не иллюзия.

Она пропустила его слова мимо ушей.

— Простите мне мою несдержанность. Вы — очень внимательный слушатель, Метью.

Ярость и горечь прошли, однако он готов был сожалеть об этом: теперь Эйприл удалилась от него бесконечно далеко.

— Послушайте! Меня-то вы по крайней мере не боитесь?

— Нет. — В ее голосе звучала усталость. — Не боюсь. Но презираю. Презираю как мужчину. Зато я завидую вам как человеку. Помните, что я сказала, когда перевязывала вам ногу? В тот момент я не сообразила, насколько это верно. Для вас ничего не переменилось — кроме декораций. Для всех остальных Землетрясение — божественная десница, растеревшая мир в порошок, — а для вас? Широкоформатный фильм со стереозвуком, только и всего. Джейн жива, и вы прокладываете к ней путь среди разрухи. Знаете, что я вам скажу? Мне кажется, вы ее действительно найдете. На ней будет белое шелковое платьице с оранжевыми цветочками, и вы как раз поспеете к ее венчанию с чистеньким юношей с безупречными манерами; им только и будет недоставать, что вашего отцовского благословения.

— Я хочу остаться здесь, — сказал он.

Эйприл помотала головой:

— Ничего не получится. Других я еще могу выносить, но не вас.

— Со временем сможете.

— Нет. Вы напоминаете мне обо всем, что исчезло навечно. Если вы останетесь, то придется уйти мне. Надеюсь, вы не толкнете меня на такой шаг.

Наверное, можно было найти ответ, который сумел бы разрушить бессмысленную тиранию слов и вернуть радость утренней встречи. Однако если бы он даже нашел его, еще неизвестно, оказалась бы ему по карману цена.

Эйприл оставила его и побрела к саду и гроту. Немного постояв, Метью пошел за ней следом, не пытаясь, впрочем, ее нагнать.

14

Метью решил, что будет разумнее не рисковать встречей с саутгемптонскими ордами. Сперва он подумывал, не отправиться ли ему на север, однако потом набрел на более удачную мысль — двинуться на юго-восток, к побережью.

Держась за береговую линию, можно ориентироваться даже в самую облачную погоду.

Лоренс настаивал, чтобы он запасся едой с их склада, однако Метью отказался. Он в свою очередь предлагал им свое ружье, но тоже натолкнулся на отказ. Обстановка была не больно дружеской: поняв, что он всерьез вознамерился покинуть их, новые знакомые огорчились и нахмурились — все, за исключением Эйприл: к ее обычному благоразумию в это утро добавилось разве что безразличие.

Когда Лоренс попытался затеять с Метью спор, она мигом поставила его на место:

— Он все равно принял решение.

— Но ведь это чистое сумасшествие!

— Пусть поступает по-своему.

Немного помолчав, Лоренс выложил последний козырь:

— А Билли?

— Думаю, ему лучше будет остаться с вами, — ответил Метью. — Если, конечно, у вас не будет возражений.

— Никаких возражений! — отрезала Эйприл.

— Нет! — всполошился Билли. — Я хочу идти с вами, мистер Коттер!

— Тебе надо остаться, Билли, — сказал Метью.

Но мальчик упрямо тряс головой:

— Не хочу!

— Я-то думал, что стану учить тебя врачебным премудростям, — пригорюнился Лоренс. — По крайней мере тому, что я еще сам помню.

Мальчик вконец растерялся и расстроился. Он хотел было что-то сказать, но не нашел слов и прикусил губу.

— С Метью он будет в такой же безопасности, как и с нами, — устало сказала Эйприл. — А то и в большей. Если он не хочет оставаться, то нет смысла его принуждать.

На этом спор кончился. Они сложили поклажу и ушли. Сперва Билли по привычке щебетал, изображая радостное настроение, однако Метью почти не реагировал на его речи, и мальчик скоро умолк. Они дошли до места, где впервые повстречали Эйприл, — сейчас здесь тоже мелькнула чья-то фигура, поспешившая прочь при их приближении, — перешли дорогу и зашагали по полям.

Метью чурался мыслей об Эйприл. Было невозможно думать о ней, не вспоминая о вчерашнем вечере; ее горечь и презрение казались теперь еще острее. Он понимал, что дело не только в ее резкости. Перед уходом Метью поймал себя на том, что не может без гадливости смотреть на Чарли. Однако размышлять о собственном отношении к услышанному было столь же неприятно и унизительно, как созерцать, облизываясь, все то, что творилось с ней и что впоследствии вытворяла она сама.

Вместо этого он стал думать о Джейн. Он снова загорелся при мысли, что дочь могла выжить. Метью представлял себе одинокий дом и толстенные бревна стен. Она наверняка ждет его там, ибо знает, что он обязательно до нее доберется. Вспомнилось, как пятилетняя Джейн потерялась на ярмарке в Хемпстед-Хит. Он целый час продирался сквозь толпу, разыскивая ее, и наконец нашел — испуганную, но вовсе не заплаканную — на ступеньках карусели. Она сказала, что нисколечко не сомневалась, что он за ней придет, и поэтому была не прочь побыть немного одной.

Метью попытался подкрепить свою веру в счастливый исход другими воспоминаниями. В доме был большой подвал, в котором Мери всегда хранила внушительные запасы провизии, — видимо, памятуя о детстве, пришедшемся на военные годы, когда мать только и делала, что припрятывала еду, а также из опасения, что снегопады отрежут их от остального мира. Это случалось уже дважды, причем в последний раз длилось добрую неделю. Скорее всего дочь останется в доме, который вряд ли станет приманкой для мародеров.

Билли уже давно теребил его за рукав, но Метью отвлекся и не расслышал его слов.

— Что такое, Билли? — опомнился он.

— Тут была чья-то стоянка. Вон там!

Здесь действительно побывали люди, более того, разводили огонь. Если бы рядом нашлись дрова, которые удалось бы разжечь, можно было бы сделать привал и пообедать. Путники подошли ближе к брошенной стоянке. Костер давным-давно прогорел. Рядом с пепелищем валялись остатки трапезы: куриные кости, перья. В траве чуть поодаль что-то

поблескивало. Метью нагнулся. Это был фотоаппарат «Пентакс», судя по всему, целый. Он повертел его в руках, не зная, что делать с находкой. Непонятно, кому и зачем понадобился фотоаппарат?

Вскоре они подошли к границе опустошения, оставленной гигантской волной. Впереди серела высохшая донная грязь пролива Те-Солент, за ней простиралось затянутое туманной дымкой плато острова Уайт. Приглядевшись, Метью различил внизу несколько двигающихся фигур — примерно человек десять. Они шли в сторону острова. Наверное, очередная банда, рыскающая в округе в поисках поживы.

Под вечер путники пересекли саутгемптонский эстуарий. По пути им попался на глаза корабль, наполовину затянутый тиной. Здесь наверняка побывали мародеры: вокруг валялись пустые банки и прочие ненужные предметы. Метью задумался, не стоит ли провести ночь именно тут. Отсюда открывался неплохой обзор; вокруг было пустынно. Недавно прошел дождь, выглядевший как предвестник более обильных осадков. Корпус корабля мог бы послужить укрытием на случай ливня.

Однако стремление продолжить путь пересилило. Неприятное чувство, не дававшее ему покоя в начале путешествия по Ла-Маншу, вернулось. Избавиться от него казалось важнее, чем обрести крышу над головой.

— Еще миля-другая не убьет нас, а, Билли?

— Конечно.

Они стали карабкаться по бесконечному склону, нацелясь на голую линию горизонта на востоке. Там, где недавно громоздились портовые краны и заводские трубы Портсмута, простиралась все та же безрадостная пустыня. Кое-где взору представали следы разрушения — кирпичи, доски, случайный хлам, а также останки людей. Впрочем, последние, благодаря целительному времени, а также усилиям выживших, утративших человеческий облик, превратились в безликие скелеты, почти полностью лишенные плоти. В сумерках они казались таким же малозначительным мусором — холодным и лишенным запаха.

В конце концов путники нашли, где провести ночь: к границе полного разрушения снесло с чьих-то задворок до-

мик, по неведомой причине оставшийся почти целым. Дверь домика была оторвана, в стенах недоставало досок, но в остальном он был хоть куда. На полу лежал песок, а само сооружение, как вскоре выяснилось, успели заселить песчаные блохи. Толком выспаться не удалось: Билли всю ночь вертелся, словно его мучили кошмары. Под утро стал моросить дождь, после рассвета превратившийся в ливень. Позавтракав холодными консервами, они высунулись было под дождь, но тут же залезли обратно.

По прошествии часа дождь ослаб, однако полностью не перестал. Было по-прежнему пасмурно. Оба продрогли и поскучнели, и Метью решил, что лучше продолжить путь.

Они держались страшной границы, и это в конце концов привело их к очередным руинам. Метью решил, что перед ними расстилаются скорбные остатки Хаванта. Глядя на юг, он увидел нечто вроде холма с деревьями наверху — наверное, остров Хайлинг. Иногда путникам удавалось выбраться на мощеную дорогу и на протяжении ярдов двадцати — тридцати наслаждаться ровной поверхностью, пока асфальт снова не сменялся песком и щебнем. В одном месте они наткнулись на телеграфный столб, оставшийся стоять почти вертикально посреди пустыни. Вскоре до ушей Метью донесся голос; он огляделся и заметил мужчину, который махал рукой, стараясь привлечь их внимание.

Мужчина был высок и крепок сложением. На нем была мохнатая шкура, которая в сочетании с пышной огненно-рыжей бородой делала его похожим на настоящего дикаря. Метью взял в руки ружье и проверил, заряжено ли оно.

Незнакомец заторопился к ним по завалам из мусора, двигаясь на диво легко для своих габаритов.

— Куда это вы идете? — осведомился он, настигнув их.

— На восток, — лаконично ответил Метью.

Вблизи бородач выглядел не таким страшным, а в его повадках и вовсе не сквозило ничего пугающего. Он указал на ружье:

— Заряжено?

— Оба ствола.

— «Все, взявшие меч, мечом погибнут». Матфей, 26:52. Хотите перекусить и чего-нибудь выпить, прежде чем продолжите свой путь на восток?

Метью опустил ружье, не снимая палец с курка.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Я люблю компанию. Нельзя почитать Господа, не радуясь Его творениям, а ведь человек — венец творения Господнего. Бог создал человека по подобию Своему, по образу Божьему создал Он его. Тем более мальчишка совсем замерз. Ему бы не помешало присесть к огню и погреть ручонки.

— Да, — согласился Метью, — нам обоим это бы не помешало.

— Тогда пошли. За мной!

Незнакомец тут же набрал большую скорость и был вынужден то и дело останавливаться и подгонять их, пока они ковыляли по битому кирпичу и известке. Штурм препятствий продолжался минут десять, пока перед ними не предстала площадка, где царствовал уже не хаос, а какое-то подобие порядка. Площадка имела в поперечнике примерно двадцать пять ярдов. Она была замощена кирпичами и плитами; посередине стоял дом, сколоченный из досок. У дома была слегка покатая крыша, в углу которой высилась башенка с деревянным крестом высотой в несколько футов. Сверху башенка была обложена кусочками стекла. Из торчавшей на крыше трубы вился дымок. Рыжебородый подошел к двери и приветливо распахнул ее:

— Добро пожаловать, друзья. Входите.

Внутри оказалось не так темно, как ожидал Метью: одна стена дома была сплошной, зато в противоположной было прорублено окно, забранное не стеклом, а какой-то полупрозрачной пластмассой. В данный момент окно было закрыто, но, судя по петлям, его можно было и распахнуть. На полу лежал теплый ковер, от которого сразу делалось уютно; в комнате пахло горьковатым дымом. Дым шел от пиленых дров, лежавших в очаге, однако Метью подметил, что главным топливом служит уголь, лежавший горкой в углу комнаты, рядом с поленницей. Основным элементом очага была тяжелая клеть из стальных прутьев — в таких сжигают листья, — которую, несмотря на вмятины, нельзя было ни с чем спутать; угольки, прогорев, падали на металлический поддон. Над очагом было устроено подобие металлического

зонта, от которого тянулась к потолку труба. Сама труба была сделана из консервных банок без крышек и донышек; хозяину пришлось, наверное, немало потрудиться, чтобы скрепить их. В трубу валила большая часть дыма, но немного все же расплывалось по помещению.

Стена напротив окна была увешана полками; на одной лежали инструменты, без которых нельзя было бы изготовить зонт и трубу: клещи, плоскогубцы, два молотка, гвозди, проволока и прочее. Инструменты пригодились для изготовления не только трубы, но и мебели: низкой кровати, шаткого столика, двух табуреток, ступенек к алтарю и самого алтаря, размещавшегося в том месте, где был приподнят потолок. Кровать представляла собой деревянную раму с мелкой сеткой, поставленную на деревянные чурбачки; поверх сетки аккуратно, как в казарме, были расстелены одеяла. Алтарь был сам по себе весьма простеньким, но его покрывала малиновая напрестольная пелена с золотым шитьем. Над алтарем свисал на цепи самодельный светильник-лампада с горящим свечным огарком, загороженным красными стеклышками.

— Садитесь, — последовало приглашение. — Я поставлю на огонь котелок, и мы с вами перекусим.

Рыжебородый снял с большого закопченного котла доску и поставил котел в огонь. С сомнением заглянув в котел, он взял с полки несколько банок — рагу с овощами, быстро вскрыл их и вывалил содержимое в котел. Затем добавил туда воды из пластмассовой лейки.

— Откуда вы берете еду? — спросил Метью.

— Тут неподалеку раньше была оптовая лавка. Мне всего хватает.

— Как насчет конкуренции?

— Конкуренции?..

— Со стороны прочих желающих поживиться.

Собеседник тряхнул рыжими прядями; несмотря на длину, его волосы были чисты и причесаны.

— Здесь безлюдно. У меня не очень много посетителей. Те, кто приходит, довольствуются тем, что есть. Я хожу за едой, когда в этом возникает необходимость. И за углем. Я знаю местечко, где его полным-полно, — старые склады.

Туда как раз пришло несколько составов — и тут Всевышний ударил в колокол.

— А вода?

— И с этим все в порядке. Господь позаботился о Своем верном слуге. Всего в пяти минутах хода отсюда, примерно там, где раньше был универмаг «Вулворт», я нашел бьющий из земли источник. Напор отличный и до сих пор не ослабевает.

— Она пригодна для питья?

— Это вы насчет трупов? Я тоже сперва тревожился, но всякое беспокойство происходит от недостатка веры. «Сеется в тлении, восстает в нетлении». Первое Послание Коринфянам, 15:42. Если Господь наш сохраняет жизнь человеку в день коня бледного, то зачем этому человеку страшиться беды? Так я думал поначалу. Теперь я, конечно, кипячу воду, прежде чем ее пить. Бог делает то, что зависит от Него, ожидая, что мы не станем пренебрегать своей частью обязанностей.

— Значит, вы жили здесь и прежде? — спросил Метью.

— Да, — благодушно ответил бородач. — Именно здесь: немного работал, немного грешил. У меня была жена — ушла год назад. Я вернулся домой, обливаясь потом от жары, но дом был холоден и пуст. Она забрала с собой детей. Они уехали к ее матери в Мейдстоун, где Господь, наверное, прибрал их всех. Да будут благословенны те, кто умирает с именем Господа на устах.

— Вам известно, как обстоят дела восточнее?

— Нет, брат мой. Я не хочу этого знать. Если только Он появится с той стороны — тогда другое дело.

— Кто? — устало полюбопытствовал Метью.

— Воскресший Господь. Ведь Он явится с востока, подобно дню, сменяющему ночь. Его я жду. Однажды я уже совсем собрался отправиться Ему навстречу, однако перед уходом мне привиделся сон, и я услышал слова Господа: «Благословенны ждущие». Он собирает стада Свои, и агнцы должны терпеливо дожидаться прихода Пастыря.

Подойдя к очагу, бородач заглянул в котел и помешал в нем ложкой.

— Еще чуть-чуть, друзья мои. Ведь суп должен кипеть всякий раз, когда вы ставите его на огонь. В противном случае вам не миновать отравления. Верите ли вы, брат?

— Нет, — ответил Метью. — Кажется, нет.

— Время истекает. Пастырь соберет агнцев Своих — и дело Его будет завершено. — Он подошел к Билли, уселся с ним рядом на краешке кровати и ласково взял мальчика за руку. — Как тебя зовут, дитя мое?

— Билли. — Мальчик был озадачен, но уже начинал осваиваться. В этом человеке было что-то такое, что он с готовностью принимал и к чему уже испытывал доверие.

— А ты, Билли, веришь в Бога?

Билли взглянул на него и медленно кивнул.

— Вот это славно! — обрадовался рыжеволосый. — Не для Бога, конечно, а для тебя. Придет время, когда ты побредешь нескончаемыми райскими лугами, видя в отдалении хрустальную гору, на вершине которой будет сверкать золотой дворец, усыпанный рубинами, изумрудами и бриллиантами. В том дворце восседает на серебряном троне Великий Властелин. При нем соберутся все твои старые приятели; ангелы будут тешить их соловьиным пением; у трона будет стоять самая прекрасная дама, которая когда-либо ступала по земле. — Бородач добродушно потрепал мальчика по щеке. — Это время обязательно придет, и скоро. Путешествуя, гляди в оба; когда ты наконец узришь Его, подбеги к Нему и скажи: «Господи, вот я!» Когда же Он поднимет тебя над землей, скажи Ему: «А вот мой друг, не имеющий веры в сердце своем. Но он пришел мне на помощь в день коня бледного, имя которому было Смерть».

Рыжебородый встал и вернулся к очагу.

— Почти готово. Еще немного перчику... — Он схватил с полки перечницу и щедро посыпал варево. — В такой сырой день остренькое придется в самый раз.

Он разлил свою стряпню по двум пластмассовым тарелкам — одна была ярко-красной, другая — ярко-желтой — и сел, наблюдая с улыбкой, как гости уплетают угощение.

— Еще бы хлебца... — молвил бородач. — Толстый ломоть белого хлебца, чтобы промокнуть соус. Ничего, вы его просто выпейте. Особенно ты, дружище Билли. Судя по твоему виду, тебе необходимо как следует подкрепиться. — Он резко повернулся к Метью. — Значит, вы ищете не Господа. Что же вы тогда ищете?

— Я ищу свою дочь, — ответил Метью. — Когда это случилось, она находилась в Суссексе.

Рыжебородый покачал головой:

— Если бы вы попросили Его и запаслись терпением, Он бы вернул ее вам.

Радушный хозяин заставил их съесть добавку, а потом принес тарелочку с ирисками. Метью уже много лет не прикасался к конфетам, но сейчас не удержался. Бородач набил карманы Билли ирисками. Он также настоял, чтобы они взяли с собой еды, хотя из-за этого его полки совсем опустели. Когда Метью скромно отклонил предложение, он сказал:

— Земля принадлежит Господу, как и блага, остающиеся на ней. Мне ничего не стоит набрать еще, друг мой. Всех-то трудов — накопать и принести, к тому же мне нечем заниматься, кроме работы, созерцания и молитвы. Если вы отдохнули, согрелись и наелись, то, полагаю, вам хочется продолжить путь. Я провожу вас до того места, где мы встретились.

Пока они шли назад, он рассуждал о самых обыкновенных вещах. Только когда они достигли границы сплошного опустошения, бородач замер и, помолчав, произнес:

— Я буду молиться за вас, друг мой.

— Спасибо, — сказал Метью. — Благодарю вас за еду.

— Не хлебом единым сыт человек. — Он неожиданно усмехнулся. — И не консервированным мясом, вырытым из земли. Желаю вам счастья.

— А я — вам.

— Да услышит вас Бог. — Он бросил удрученный взгляд на унылое, пустое морское дно. — Ибо земля, бывшая с начала времен, исчезла. И моря не стало.

15

Эту ночь путники провели под открытым небом, однако дождь уже перестал, и одежда высохла прямо на них. Они плотно закутались в одеяло, и Билли свернулся калачиком, тесно прижавшись к Метью. Мальчика колотило еще накануне вечером; ночью, неожиданно очнувшись, Метью об-

наружил, что его снова трясет, только еще сильнее. Хотя ночь обошлась без дождя, воздух был довольно прохладным. Метью тихонько обратился к мальчику, но не получил ответа и заключил, что Билли дрожит во сне. Только бы найти Джейн — потом все будет проще. Он попробует построить что-то вроде постоянного обиталища, подобно жилью давешнего рыжеволосого отшельника. Уж Джейн-то сумеет как следует присмотреть за Билли — она всегда отлично управлялась с детьми. Конечно, и у них не обойдется без проблем, но в этот темный предутренний час, когда людей обычно охватывает неуверенность, а то и отчаяние, Метью почему-то чувствовал надежду на будущее и оптимизм. Они разыщут Джейн, а после этого все пойдет как по маслу. Он вспомнил Эйприл, и у него похолодело внутри; стремясь избавиться от неприятного чувства, Метью постарался выбросить ее из головы. Он найдет Джейн, и все будет в порядке. Успокоившись на этой мысли, он снова забылся.

Когда поутру Метью предложил Билли позавтракать, тот отказался, сославшись на отсутствие голода. Блюдо и впрямь было не больно аппетитным — холодное мясо из банки, поэтому Метью не стал настаивать, решив, что позднее им, быть может, удастся развести огонь. Облака поднялись выше, и над головой то и дело появлялись просветы чистого неба; были все основания надеяться, что еще до полудня небо совсем очистится.

— Но если ты не поешь, мы не сможем идти! — спохватился Метью.

— Что ж, попытаюсь, — сказал Билли.

К полудню солнце действительно вышло из облаков и надолго воцарилось в небе, быстро согрев землю. Метью нашел плавника, разложил костер и сварил мясную похлебку и кофе. Билли все так же не испытывал голода, однако уступил настояниям Метью и кое-что проглотил. Он не отходил от огня, хотя солнце уже сияло изо всех сил, и все тянул руки к пламени, пытаясь согреться. Метью решил, что мальчик переохладился и теперь ему необходимо тепло и покой. Он задумался, не лучше бы было вернуться в лачугу к отшельнику, но отклонил эту мысль. Теперь их отделяло от Бэттла не более сорока миль. Завтра вечером, самое позднее послезавтра, они уже будут там.

Однако через сутки продвижение замедлилось. Сперва мешали только ставшие привычными разломы и трещины; однако их становилось чем дальше, тем больше, они увеличивались в размерах. Там и тут вздымались свежие холмы — свидетельство титанического напора, которому подверглась земная твердь. Как-то раз им попалась спортивная машина с воздетым к небу капотом и зарывшимся в грунт багажником. К приборной доске навеки приросли останки двух автомобилистов: на одном скелете был заплесневевший смокинг, череп другого, украшенный остатками русых волос, красовался над красным тряпьем, в котором еще можно было узнать шелковое вечернее платье. Автомобиль вместе с пассажирами определенно побывал под водой: сперва их зажало в трещине во время землетрясения, а потом здесь прокатилась волна цунами.

В землю вросло еще много разных предметов, которые оказалось не под силу унести волне: доски, стальной рельс, гаражная дверь, завязанная узлом телевизионная антенна, а также табличка с надписью: «Шекспировская дорога». Метью сообразил, что здесь лежал раньше прибрежный городок Литлгемптон. Или Уэртинг?.. Билли тащился сзади и помалкивал. Видя, до чего он изнемог, Метью устраивал теперь привалы все чаще.

Вскоре перед ними открылись следы невиданной доселе катастрофы. Внутрь суши и вдаль по морскому дну тянулся зазубренный гребень, которому не было видно конца. Не в состоянии обойти новую преграду, путники были вынуждены вскарабкаться на нее. Штурм оказался нелегким даже для Метью, Билли же и подавно то и дело спотыкался и съезжал вниз. Посмотрев вдаль с вершины гребня, путники поняли, что преодолели футов сто; их глазам предстала плоская равнина, по которой они плелись до этого. Далее, до самого горизонта простиралось дно Ла-Манша, завершаемое какими-то холмами. Метью смекнул, что это, должно быть, наконец-то закончившие навигацию пассажирские лайнеры серии «Квинз», и указал на них Билли. Тот молча кивнул, и Метью впервые заметил, как потускнели его глаза.

— У тебя еще остались ириски? — спросил Метью.

Билли снова кивнул.

— Так возьми, авось повеселеешь.

— Что-то не хочется. — Мальчик поднял на него глаза. — Может быть, вы сами хотите ириску, мистер Коттер?

— Нет, спасибо. Ну, как, идем дальше?

— Я готов.

Билли нагнулся было, чтобы взвалить на плечи свою торбу, но Метью остановил его:

— Отдохни от тяжести. Я сам понесу твой груз.

— Я вполне справляюсь!

— Ничего, я тоже справлюсь. — Метью потрогал лоб мальчика и почувствовал, какой он горячий. — Надеюсь, не позднее завтрашнего дня мы найдем место для остановки и нормального отдыха. — Оглядев окружающую их унылую пустыню, он вздохнул: — Не можем же мы оставаться здесь...

После гряды им пришлось подниматься дальше вверх. Склон был совсем пологим, однако это все-таки был подъем, под конец окончательно их измучивший. К тому же землю под ногами покрывали бесчисленные трещины, рытвины и булыжники самых разных размеров — от камушка до валуна в человеческий рост. Даже выше линии сплошного разрушения, оставленной цунами, не было ни единого неперевернутого камня; в одном месте им попалась целая роща выкорчеванных деревьев.

Путникам не удалось пройти того расстояния, о котором мечтал Метью: пришлось устроить ранний привал, поскольку мальчик буквально валился с ног. Солнце клонилось к закату. Метью попытался развести огонь, но потерпел неудачу. Он вскрыл банку сардин, но Билли отказался есть. Метью накрыл его одеялом и присел рядом, болтая обо всем, что придет в голову, лишь бы развлечь малолетнего спутника. Через некоторое время по размеренному дыханию Билли Метью понял, что он уснул.

Среди ночи Билли вскрикнул, и Метью проснулся. Мальчик снова трясся, только гораздо сильнее, чем раньше.

— Что с тобой, Билли? — всполошился Метью.

— Я хочу домой... — Билли громко всхлипывал и задыхался. Его горе напоминало скорее тоску взрослого, чем детский каприз. — Мне не нравятся деревья.

Да он бредит!

— Здесь нет никаких деревьев, Билли, — успокаивал его Метью. — Все будет хорошо.

— Деревья поломаны... Мне холодно... У меня замерзли ноги.

— Завтра мы найдем для тебя теплое местечко, теплое и удобное, — приговаривал Метью, прижимая к себе тщедушное тельце мальчика. — Постарайся уснуть, Билли!

В конце концов мальчик забылся. Метью еще некоторое время лежал без сна, думая об опустошении, которое окружало их. Участки, подвергшиеся более сильному разрушению, располагались поясами. Предыдущим примером такого чередования был остров Олдерни. Завтра эти гиблые места останутся позади. Дальше будет легче. К вечеру, а то и раньше, они доберутся до Бэттла. А потом... Тут дело не только в том, чтобы успокоить мальчика: потом действительно все будет куда лучше.

Наутро Билли вроде бы немного полегчало: он снова защебетал и поел ветчины. Однако Метью все еще не позволял ему навьючивать на себя груз. Трещин и осыпей попадалось теперь меньше, а один раз им встретилась роща, все деревья в которой выстояли в землетрясении. Вскоре путники набрели на развалины — должно быть, окрестности Брайтона — и теперь шагали по долине, окруженной с обеих сторон холмами. Как-то раз Метью углядел на склоне движущееся белое пятнышко — видимо, паслась овца. В нем снова ожила надежда. Вдруг после опустошенных земель начнутся более тучные?

Билли шел неуверенно, приходилось развлекать его рассказами о том, что ждет их впереди. Ландшафт становился все более оживленным; значит, выше, среди холмов, они набредут на местечко, окруженное деревьями, — не поломанными, а такими, на которые можно залезть. Они построят избушку, наподобие лачуги отшельника, но только попросторнее. Там с ними заживет Джейн, которая будет выхаживать Билли, пока ему не полегчает; потом она станет заботиться о них обоих, а они займутся заготовлением дров на зиму, когда так приятно отдохнуть у огня... Билли что-то ответил, но Метью не сразу разобрал его слова.

— Что ты сказал, Билли?

— Нам еще долго идти?

— Скоро уже. Потерпи, старина. Вот доберемся туда, и ты сможешь отдыхать, сколько захочешь. А сейчас тебе не хотелось бы передохнуть?

— Нет, — покачал головой мальчик. — Лучше не медлить, мистер Коттер.

Подъем должен был вот-вот завершиться. Спуск будет не в пример легче, и их взору предстанут те самые холмы, к которым они держат путь. Когда видишь цель, идти становится гораздо веселее.

— Передохнем на вершине, — решил Метью. — Я покажу тебе оттуда, куда мы идем.

Солнце вышло из-за облаков, и последние двести — триста ярдов путники поднимались, наслаждаясь его лучами. Когда Метью впервые увидел, что ждет их по ту сторону, то его сперва ослепило серебряное мерцание, и он замер, не веря собственным глазам. Мало-помалу он понял, куда забрел.

Это было море — то самое, которое, казалось, исчезло с лика земли. Небесно-голубое, обласканное солнцем море тянулось до самого горизонта, без единого признака суши.

Метью стоял в замешательстве, стараясь понять, что же произошло. И вспоминая.

В такой же летний день они впервые очутились на своем острове; перед ними простирался такой же голубой, с серебром, простор, и они были вдали от всех, они были одни; рядом с ним стояло маленькое существо в малиновой куртке с голубой подкладкой; существо восхищенно ахало, и он знал, что наконец-то обрел то, что искал, что все невзгоды и провалы остались позади. Однако знал он и другое: счастью рано или поздно наступит конец.

В его ушах раздался голос Эйприл: «Я презираю вас как мужчину. Однако я почти завидую вам как человеку. Для вас ведь ничего не изменилось, кроме декораций».

Сейчас он спорил с ней так, как не мог поспорить тогда: «Она стоит того, чтобы ее искать, чтобы бросить ради нее все остальное».

«Вы уже ее потеряли, — возражал голос Эйприл. — Это случилось тогда, когда она уехала, когда она, повзрослев, зажила собственной жизнью. Вы искали всего лишь свои фантазии».

«Нет, не фантазии, а живое существо. Она могла бы выжить. Какой-то шанс существовал».

«Никакого шанса — вы знали это с самого начала. Вы избрали фантазии, потому что не могли взглянуть в лицо реальной жизни. Вы никогда не были на это способны».

«У вас все сложилось иначе: вы сами похоронили своих мертвецов».

«Да. — Он расслышал теплоту, силу и одновременно горечь в ее голосе. — Да, я похоронила своих мертвецов».

Метью отвернулся от нее, от ее обвинений, от ее болезненного, уродливого опыта и воззрился на море прошлого. Ночью прошел дождь — он слышал, как струи хлестали по окну его гостиницы, — и утро выдалось свежее, чистенькое, необыкновенно ясное; золотые бутоны утесника слепили глаза. Джейн убежала вперед по тропинке, срывая цветы, и он поспешил за ней. Они заживут здесь, думалось ему; этого счастья хватит на несколько лет, а потом он станет вспоминать былое...

И снова — голос Эйприл: «Вы выбрали фантазии. Уже тогда, много лет назад».

«Реальность, а не фантазии! Я знал, что в конце концов ее лишусь. Я был к этому готов».

«А потом?»

«Потом? Потом ничего не было. Ничего значительного».

«Вот именно. Поэтому я вас и презираю».

Море, подумал он. Целительная красота, покой... Застыть, глядя на эту бесконечность, когда рядом с тобой затаил дыхание маленький человек... Ее тело покоится теперь где-то там, далеко, под неподвижной толщей воды, однако она только что была с ним рядом, в этом не может быть никаких сомнений. Он поспешно оглянулся...

Оглядываясь, Метью уже готов был принять то, что его ожидало. Рядом с ним стояла вовсе не Джейн — тут был Билли, недоверчиво разглядывающий море и все еще лихорадочно дрожащий, несмотря на пригревавшее солнышко.

Метью довел свои фантазии до горького завершения и похоронил их в морской пучине. Теперь это не так важно. Важно другое: мальчик болен.

16

Склон вел их вниз, и солнце грело им лица, однако в этот день путники, отправившись назад, ушли недалеко. Билли внезапно совсем занемог и стал жаловаться на боль в ногах. Теперь они то и дело устраивали привалы; сразу после заката Метью решил, что мальчику пора на боковую. Они остановились поблизости от бесконечной полосы руин. Устроив Билли как можно удобнее, он отправился чем-нибудь разжиться. Здесь все было истерто в мелкую пыль, но Метью показалось, что до него сюда никто не приходил.

Впрочем, день ото дня находки становились все менее ценными — время делало свое дело. На этот раз удалось раскопать одеяла с этикетками фирмы «Хэрродс», однако мокрые и заплесневевшие, даже с какими-то грибами в складках. Потом попалась россыпь консервных банок, но по большей части вздутых и проржавевших; из-за сырости стало совершенно невозможно прочесть, что на них написано. Прежний запах смерти сменился теперь вездесущим духом тления. Метью по-прежнему натыкался на трупы, но уже не на жуткую разлагающуюся плоть, а на чистые, начинающие белеть кости. Сейчас ему попался скелет в грязной, рваной пижаме, сквозь который торчали обломки кровати, ставшей человеку смертным ложем. Он уже хотел отвернуться, когда приметил сияющий кусочек стали: пальцы трупа, вернее, голые кости сжимали зажигалку.

Первым побуждением Метью было не трогать ее: горючее наверняка давно улетучилось, а шансы найти хоть немного для новой заправки были смехотворно малы. Однако рука потревоженного мертвеца упала, и зажигалка выпала. Метью поднял ее и обнаружил, что она заправляется бутаном. Он крутанул колесико и, увидев красный язычок, поспешно затушил его: расходовать газ попусту было чистейшим безумием.

Метью отказался от дальнейших поисков и принялся собирать древесину для костра, который он разложил неподалеку от того места, где дремал мальчик. От треска огня Билли проснулся и уставился на пляшущие языки пламени. Метью порылся в своем рюкзаке и нашел банку фазаньего мяса в винном соусе, подобранную на Олдерни. Это по крайней мере разожжет у мальчика аппетит. Он начал разогревать банку, в ожидании трапезы стараясь занять Билли разговором: они, мол, скоро доберутся до лачуги отшельника, и уж там-то он сможет отдохнуть по-настоящему. А когда он выздоровеет, пойдут обратно к гроту, к Лоренсу и остальным, и останутся с ними навсегда. Как это ему понравится?

Мальчик довольно кивнул. Уже опустились сумерки, и его лицо белело в отсвете костра.

— Джейн погибла, мистер Коттер?

— Да.

— Мне ее жалко.

Метью стало стыдно. Он рассердился на самого себя.

— Брось, — выдавил он. — Ужин почти готов. Посмотрим, сколько ты сможешь навернуть сегодня.

Билли и на этот раз съел совсем немножечко, и то уступая настойчивым призывам Метью. Потом он задремал, а позже очнулся. Ему привиделся кошмар: земля снова пришла в движение, дом, в котором он прятался, обвалился. Он оказался в ловушке и не мог пошевелиться. Напрасно он звал маму... Метью обнял его, чтобы успокоить.

— Папа, — забормотал мальчик, — все обошлось, папа?

— Обошлось. Спи. Тебе совершенно не о чем тревожиться.

Метью набрал много дров, этого количества должно было хватить, чтобы костер горел всю ночь. Сперва Билли спал беспокойно, потом погрузился в тяжкое, глубокое забытье. Метью прикорнул с ним рядом. Лишь только забрезжили первые проблески зари, он очнулся и снова засуетился вокруг костра. Билли все не просыпался. Когда он наконец разлепил глаза, солнце стояло уже высоко.

Метью видел, что ему все еще нельзя двигаться. С другой стороны, здесь не было никакой возможности обеспе-

чить мальчика надлежащим уходом, не говоря уже о крыше над головой. Погода стояла пока благоприятная, однако надежды на то, что так будет продолжаться долго, было маловато. От жилища отшельника их отделял какой-то день пути. Билли можно было бы оставить там, а самому добраться до грота. Лоренс располагает не только врачебным опытом, но и кое-какими медикаментами. Это казалось самым разумным выходом.

Билли был вял и отказывался двигаться, однако Метью удалось его растормошить. Как только они двинулись в путь, ему как будто полегчало, однако мальчик был по-прежнему очень слаб, и Метью то и дело устраивал остановки. В середине дня он позволил ему отдыхать столько, сколько он пожелает; сам Метью тем временем развел огонь и разогрел суп. Пока кушанье поспевало, Билли твердил, что ему нравится аромат, однако, сделав несколько глотков, он отвернулся. У него снова поднялась температура.

Они не слишком продвинулись вперед за день, зато вечерняя стоянка оказалась сопряжена с сюрпризом. Путники брели вдоль границы приливной волны, и Метью приметил на противоположной стороне поля развалины и какие-то желтые блоки, которые привлекли его внимание. Проведя разведку, он подозвал Билли. Здесь раньше стояла ферма; блоки оказались тюками соломы, вывалившимися из рухнувшего сарая. Некоторые тюки были по-прежнему перехвачены проволокой, а некоторые рассыпались. Метью мигом устроил для Билли лежанку; солома пригодилась и на растопку. Разбив лагерь, Метью прошелся по округе и нашел картошки. Он рыскал здесь не первым, но предшественники оказались верхоглядами, поэтому на земле осталось валяться много картофелин.

Возвратившись, он объявил Билли:

— Мы их испечем. Хочешь?

— Пожалуй.

— Как ты теперь себя чувствуешь?

Мальчик кашлянул. Он начал кашлять еще днем — глубоким, раздирающим внутренности кашлем, наверняка причинявшим ему боль, но еще ни разу не пожаловался.

— Ничего.

Билли поел немного печеной картошки с мясом, и у Метью появилась надежда, что дело пойдет на поправку. Он сгреб для себя соломы и тотчас провалился в сон. Однако его разбудил кашель Билли. Мальчик горел и беспокойно метался. Метью долго сидел подле него, прежде чем тот снова забылся. Тогда опять уснул и он.

Утро было облачным, но хотя бы не пасмурным. С рассвета прошел примерно час. Метью еще вчера приметил рядом с картофельным полем ручей и теперь решил сходить к нему, чтобы ополоснуться и заодно наполнить пластмассовую канистру. Он прихватил с собой также заплечный мешок Билли и наполнил его картошкой. Несмотря на то что болезнь мальчика замедлила их продвижение, еще засветло можно добраться до жилища отшельника. Картошка послужит компенсацией за гостеприимство. Метью не торопился, стараясь отбирать самые крупные клубни. Потом, насвистывая, зашагал назад к Билли. Однако, обогнув угол разрушенной фермы, он перестал свистеть. Билли лежал на прежнем месте, но над ним стояли две перепачканные грязью женщины и полудюжина мужчин.

Один из мужчин держал в руках двустволку.

Это был косматый брюнет, высоченный — шести футов и еще пары дюймов роста, в черной кожаной куртке. Создавалось впечатление, что он тут главный: кроме того, что именно он держал ружье, с его шеи свисал полевой бинокль. Одну его щеку уродовал глубокий шрам, который не могла закрыть даже кудлатая борода. Шрам выглядел свежим — наверное, бородатый заработал его во время землетрясения или в последующей схватке.

— Вот ты и вернулся, — проговорил он низким голосом, выдающим выходца из Северной Англии. — Тут есть кто-то еще или только вы с мальчишкой?

Врать не имело смысла.

— Только мы, — ответил Метью.

— Ладно. — Верзила поднял ружье и прицелился в пространство. — Полезная штуковина. Откуда она у тебя?

— Подобрал.

— Да еще коробка с патронами! Очень кстати. Только одна коробка? Больше нигде ничего не припрятано?

— Нет, — ответил Метью. — Вы же видите, мы путешествуем.

— Да, похоже на то. — Бородач опустил ружье и уставился на простертого на соломе Билли. — Хороший мальчуган! — Он потрепал его по щеке грязной ручищей. — Ну и как же тебя зовут?

— Билли.

— Отлично! Хочешь пойти с нами, Билли?

— Он болен! — не вытерпел Метью. — Я веду его к людям, которые могут за ним приглядеть, — к врачу.

Верзила выпрямился и, не глядя, отвесил Метью оплеуху тыльной стороной ладони.

— Я скажу тебе, когда можно будет говорить! Я спрашиваю мальчишку, а не тебя. Проваливай куда хочешь, ты мне не по нраву. — Он снова посмотрел на Билли. — Как насчет того, чтобы присоединиться к нам?

Билли закашлялся.

— Нет, благодарю вас. Я предпочитаю остаться с мистером Коттером.

Улыбка на физиономии главаря потухла.

— А ну-ка, делай, как тебе велено, а не то попробуешь моего ремня! Вставай!

— Он болен! — повторил Метью.

Верзила медленно повернулся и шагнул к нему.

— Разве я тебя не предупредил? — процедил он сквозь зубы. — Ты, должно быть, еще глупее, чем кажется на первый взгляд.

— Я не знаю, как это называется, — бесстрашно продолжал Метью, — но остальные двое от этого умерли. Нас сперва было четверо. Сначала только кашель, а потом нарывы по всему телу. — Он отчаянно пытался вспомнить симптомы чумы. — Еще припухлость в паху.

При первых же его словах остальные отшатнулись. Главарь проявил больше мужества. Глядя на Метью, он взвесил в руке ружье.

— Болезнь не передается через ружья. Даже если это не так, я готов рискнуть. Через консервные банки — тоже. — Он подозвал своих подручных. — Выверните мешок и заберите консервы. Живее!

Но остальные стояли в нерешительности, не проявляя рвения исполнять приказание. Главарь окинул их тяжелым взглядом, потом переломил ружье и снова взял его на изготовку.

— Оба ствола заряжены, — сообщил он. — Придется пожертвовать одним зарядом, а то и двумя, раз нельзя иначе. Так что собирайте жратву, и вперед.

На этот раз бродяги подчинились. Метью понял, что главарь уже не раз демонстрировал им действенность своих угроз. Кроме того, он был определенно могучим человеком: у двоих мужчин и у обеих женщин красовались на лицах следы побоев. Метью догадывался, что ружье станет причиной углубления раскола: конечно, главарь счел его дополнительным символом власти; однако стоит кому-то другому завладеть им, и... Кроме того, даже такой верзила должен хоть иногда спать.

Один из бродяг взял коробку с патронами, и главарь прикрикнул:

— Это мне! — Он вытащил из коробки половину патронов и сунул их в карман своей щегольской куртки. Потом дал коробку одной из женщин и велел: — Чтобы глядела в оба!

Рюкзак был выпотрошен.

— Пошли!

Отряд двинулся прочь. Взглянув напоследок на Метью, бородатый верзила медленно покачал головой:

— Возможно, ты и наврал. Но зачем рисковать? К тому же мальчишка и впрямь болен. Но если ты наврал...

Без всякого предупреждения он нанес Метью сокрушительный удар в челюсть, достойный профессионала. Метью взмыл в воздух и плюхнулся наземь, едва не переломав кости. Лежа в полуобмороке, он успел подумать, что его обидчик был, наверное, в свое время неплохим боксером. Впрочем, времени додумать интересную мысль не хватило: кованый носок башмака врезался ему в бок, заставив вскрикнуть от боли. Послышались удаляющиеся шаги. Метью открыл глаза. На него испуганно таращился один Билли.

— Все в порядке, — с трудом выдавил Метью. — Мне не очень-то и больно. — Он попытался улыбнуться. — Нам помогла твоя болезнь. А теперь пора убираться подобру-поздорову.

* * *

У них оставались теперь рюкзак Метью и мешок Билли, одно одеяло, сменная одежда, нож и кружка. Кроме того, в кармане Метью лежала зажигалка. Он сложил все добро в рюкзак и понес его за лямки, чтобы иметь возможность время от времени тащить на спине усталого Билли. Метью не оставлял намерения достичь еще сегодня хижины отшельника. Передав Билли в надежные руки, он поднажмет и доберется до своих. Лоренс пойдет с ним к мальчику и вылечит его. Пройдет денька два — и Билли снова будет на ногах. Метью, разумеется, огорчала утрата ружья, однако это было не так уж важно: польза от него была скорее воображаемой. Сделают из стальных штырей луки и нарежут для них стрел. Да, грубая сила может противостоять хаосу, но лишь какое-то время; потом все чаще станет одерживать победу тот, кто проявит больше разума и изобретательности.

Оптимизм и надежда помогали идти вперед и подбадривать Билли. Вместе с Лоренсом и всеми остальными они поднимутся на холмы, где меньше людей, зато больше животных, и найдут уютное спокойное местечко. Метью объяснил мальчику свою мысль насчет луков и стрел: они смогут пользоваться ими для самозащиты и для охоты на дичь. Наверняка осталось немало свиней, потому что коротконогим животным не так угрожает участь покалечиться при подземных толчках; в диком состоянии они очень быстро размножатся, поскольку у них не будет естественных врагов. Если, конечно, не считать таковым человека...

Билли слушал его, но почти не отвечал. Метью показалось вдруг, что его теперешние речи как две капли воды похожи на те, что он произносил во время их путешествия на восток, — о Джейн, домике в лесу, спокойной жизни... Нет, тут есть большая разница, успокоил он себя: то была ни на чем не основанная фантазия, зиждущаяся на его нежелании принять очевидное — гибель Джейн. Теперь же он говорил о другом — о практической перспективе, о живых людях, а не призраках. Конечно, на их пути могут вставать препятствия, но сама идея вполне здравая.

С утра казалось, что вот-вот проглянет солнце, так как облака не затягивали всего неба. Однако вместо того, чтобы

рассеяться, тучи сгустились, и с юго-запада повеяло ветерком. Надо было готовиться к дождю. В полдень Метью остановился и развел огонь. Грабители оставили им картошку — то ли потому, что побоялись заразиться, то ли потому, что пренебрегли такой безделицей. Метью не мог потратить достаточно времени, чтобы испечь клубни как следует, и в серединке картошка осталась жесткой. Впрочем, Билли все равно отказывался есть. Метью проглотил чуть-чуть, чтобы утолить голод и восстановить силы, и они снова устремились в путь. Через полчаса Билли стал спотыкаться, и Метью пришлось взвалить мальчика себе на спину.

Несмотря ни на что, он не унывал: к ночи они дойдут до хижины — если, конечно, не случится что-то неожиданное. Уже встречались знакомые предметы: моток ржавой проволоки, бочка из-под нефти, полуприсыпанная песком, раздвоенная скала в ста ярдах от бывшего берега. До хижины — от силы час. Солнце к тому времени сядет, однако света будет еще достаточно, чтобы дойти до места. Билли, снова шедший самостоятельно, отстал. Метью подставил ему плечи.

— Ну-ка залезай! — скомандовал он. — Осталось совсем немного.

Последний отрезок пути лежал через развалины. Идти здесь было очень трудно, потому что почти совсем стемнело, и Метью не видел, куда ступать. Он испугался было заблудиться и уже хотел позвать отшельника на выручку, но тут увидел впереди ровную площадку. Пришли!.. Потом Метью увидел лачугу и замер. Когда некоторое время назад ему преградило путь мерцающее море, он тоже встал как вкопанный, понимая, что его иллюзиям пришел конец. Однако то было одновременно пробуждение, начало другой, более обоснованной надежды.

Теперь же он словно получил удар в солнечное сплетение. Лачуга сгорела. От нее оставался лишь обугленный остов, лишенный крыши.

17

Пожар случился не сегодня; обгоревшая древесина успела совсем остыть. Внутри остались следы бессмысленного разрушения, предшествовавшего пожару. Первым делом был уничтожен алтарь; на полу валялись осколки лампады. Зонт над очагом был сорван, клеть перевернута; видимо, это и послужило причиной пожара. Однако огонь не смог разделаться со всей постройкой: стена с окном уцелела, как и кусок стены позади алтаря; там сохранился также обломок крыши. Пожар утих, не успев пожрать всего; возможно, ему не дал вовсю разойтись начавшийся ливень.

Метью думал найти тело гостеприимного бородача, однако ни среди пожарища, ни во дворе его не оказалось. Уж не поджег ли он свою обитель сам, в припадке религиозного экстаза, прежде чем отправиться в какое-нибудь паломничество — только куда, Господи, куда?.. Нет, тогда уцелел бы алтарь. А вдруг отшельник восстал против своего Бога, прозрев и поняв, что побежден? Нет, не похоже. Все напоминало скорее следы обыкновенного человеческого буйства, а не вдохновения, вылившегося в разрушение святыни.

Под чудом устоявшей стеной сохранилась кровать. Ее тоже опалило жаром, из-за которого поролоновый матрас превратился в отвратительное месиво, однако это все-таки была именно кровать. Метью расстелил одеяла — они тоже уцелели, если не обращать внимания на запах гари. Билли стоял рядом, в ужасе прикусив губу.

— Как бы то ни было, вот постель, — сказал Метью. — Я помогу тебе раздеться.

— Наверное, это сделали те же люди, которые забрали наше ружье, — предположил Билли.

— Возможно. А вообще-то не знаю. Одно ясно: теперь их здесь нет. А завтра мы найдем Лоренса. Сон — вот что тебе сейчас требуется прежде всего.

Он опустился перед мальчиком на колени и разул его; подошвы башмаков совсем протерлись — в одном месте их толщина не превышала толщины листа бумаги. Добравшись до грота, надо будет позаботиться и об обуви.

Метью укрыл Билли одеялами и заботливо подоткнул их со всех сторон.

— Ну, как ты?

— Прямо как на койке, на том корабле... А где будете спать вы, мистер Коттер?

— Уж я-то найду себе местечко.

Он валился с ног от усталости, но первым делом следовало разжечь огонь. На пепелище не осталось ничего съедобного; огромный котел, в котором отшельник варил еду, валялся вверх дном во дворе. У Метью была лишь картошка, которую он нес сюда в качестве подарка. Предстояло развести огонь или сжевать клубни сырыми. К счастью, мародеры не позарились на инструменты: у пилы обгорела ручка, но само полотнище не пострадало. Метью набрал обгоревших дощечек и кое-как распилил их, затем настрогал ножом щепок. Это оказалось еще труднее, чем пилить, однако в конце концов он справился и с этой задачей. Сложив древесину, долго щелкал зажигалкой: пламя то вспыхивало, то снова гасло, и только когда он вконец отчаялся, охватило дрова. «Когда у нас появится постоянное жилье, надо будет все время поддерживать огонь, — дал себе зарок Метью. — И зимой, и летом». Трудно было представить себе более прекрасное, вселяющее надежду зрелище, чем пляшущее пламя.

Он сидел, глядя на огонь и наслаждаясь теплом, пока голова его не упала; он встрепенулся. Не хватало только свалиться в огонь! Ему опалило лоб, и сон сняло как рукой. Метью взял помятую воронку и еще больше согнул ее, чтобы получилось подобие очага. Наложив внутрь картошки, он поместил свое изделие в огонь. Потом собрал оставшиеся дощечки и сложил из них ложе. Спать, конечно, будет жестко, но это все же лучше, чем голые кирпичи.

Когда картошка испеклась, Метью насыпал в воронку новую порцию. Билли крепко спал; он так утомился, что лучше было его не будить. Метью съел несколько картофелин, а остальные отложил про запас. Потыкал ножом еще не готовые; минут десять — и можно вынимать. Он лег на свои дощечки и уставился на огонь. Потрескивание дров и тихое дыхание Билли — вот и все звуки, нарушавшие мертвую тишину. В темноте, озаряемой огнем, Метью, чувствуя

себя бесконечно одиноким, повел беседу с Эйприл: «Вы были правы; но это просто глупость и невежество, то есть порок, с которым можно бороться. Я уже переменился, а потом, учась у вас, изменюсь еще больше. Вам ведом более изощренный язык, но стоит мне послушать вас дольше, и я тоже ему обучусь. А пока я буду общаться с вами знаками — знаками, говорящими о любви...»

Он почувствовал на лице влагу и проснулся. Дождь лил вовсю; в очаге шипели почти угасшие угли. Царила кромешная тьма. Метью добрался до постели Билли. Она частично осталась сухой, ибо над ней нависал кусок крыши, однако нижняя часть успела отсыреть. Он достал плащи и тщательно закрыл ими одеяла. У изголовья было местечко, где можно было присесть и спрятаться от дождя. Метью скорчился там, дожидаясь, когда кончится ночь. Через некоторое время Билли начал кричать в бреду. Метью стал успокаивать его, но мальчик вряд ли разбирал слова. Он твердил про Капитана — видимо, так звали его собачонку. Капитан потерялся, и он никак не может его отыскать... Метью уверял его, что Капитан вернется, но Билли не реагировал на уговоры.

В конце концов дождь ослабел. Вскоре небо стало медленно светлеть, предвещая зарю.

Все картофелины — и отложенные про запас, и те, что остались в костре, — намокли и разбухли, причем последние предварительно сгорели. Разжечь сырые дрова было немыслимо. Билли утих, и Метью отправился на разведку. Отшельник говорил, что источник еды находится где-то неподалеку. Что ж, не грех попытать счастья.

Искать долго не пришлось: тело самого отшельника послужило указателем. Сперва Метью почудилось, что отшельник лежит тут один, но, подойдя поближе, он увидел второе тело: на горле трупа тесно сомкнулись пальцы отшельника. На последнем было множество ран, в том числе страшная дыра на голове, нанесенная, как видно, топором. Можно было в общих чертах понять, как разворачивались события, хотя детали было уже не восстановить. Вероятнее всего, его

нашли в лачуге и заставили вести к тайнику; возможно, вышло и по-другому: мародеры застали бородача у тайника, а жилище сожгли уже потом. Одно не вызывало сомнений: он решил не даваться им живым и задушил одного из бандитов, пока другие наносили ему смертельные удары. Он был, наверное, недюжинным силачом.

Мародеры уволокли то, что смогли. Метью не пришлось долго возиться, чтобы обнаружить остальное; он забрал четыре банки тушеной говядины — более чем достаточно на один день. Билли был очень слаб, и теперь важнее всего путешествовать налегке.

Метью снова оглянулся на трупы. Запаха почти не было: видимо, роковые события произошли не больше двух дней назад. Под телом задушенного оказалась скомканная материя. Метью узнал напрестольную пелену с алтаря. Видимо, за нее грабитель и поплатился жизнью: ведь он совершил святотатство.

Метью потянул за край и вытащил накидку. На ней было три сюжета из жития святых мучеников: Стефан, побиваемый камнями, колесуемая Екатерина, Себастьян, утыканный стрелами. Метью накрыл пеленой голову отшельника и побрел прочь.

Билли бодрствовал, но метался в горячке. Метью понял, что мальчика нельзя оставлять здесь, что главное — как можно быстрее доставить его к Лоренсу; с другой стороны, он не сможет ни идти, ни цепляться за спину Метью. В конце концов Метью разодрал одно из одеял на полосы и связал из них сбрую, чтобы укрепить Билли у себя на спине. Ни одному, ни другому это не сулило удобства; оставалось надеяться, что сбруя докажет хотя бы свою практичность. Мальчик в который раз отказался от еды. Метью опорожнил одну из банок с мясом, заедая более или менее сухой картошкой, и, пристроив Билли у себя на спине, устремился дальше на запад.

Мальчик оказался весьма тяжел. Он то стонал, то плакал, то в забытьи тыкался Метью в правое плечо, так безжизненно притягивая Метью к земле, что тот пугался, не умер ли он; однако, повернувшись, он слышал его тихое дыхание. Метью

пробовал шагать, как автомат, стараясь выкинуть из головы все, кроме необходимости переставлять ноги, однако, поверив было, что это ему удается, он внезапно почувствовал неимоверную боль и усталость. Выход один — отдохнуть: найти как можно более мягкий пятачок, лишенный камней, опуститься на колени, раскинуть руки и так замереть, будучи придавленным к земле весом Билли. Не хотелось и думать о том, чтобы развязывать ремни, нарезанные из одеяла, и снимать со спины ношу: такое было не под силу ни ему, ни Билли.

Однако после полудня это все же пришлось сделать. Они снова пересекали саутгемптонский эстуарий, покрытый засохшей грязью. Метью почувствовал, что окончательно ослабел, и решил, несмотря на отсутствие голода, подкрепиться. Вскрыв одну из банок, он попытался накормить и Билли, однако тот уже вообще не откликался. Устроив мальчика как можно удобнее, Метью съел мясо сам. Пока он ел, солнце выкатилось из-за облаков; насытившись, он позволил себе растянуться на солнцепеке, думая, что уже через несколько минут поднимется. Однако организм снова подвел его: проснувшись, он обнаружил, что солнце переместилось в западную часть небосвода. Впрочем, Метью все равно не знал толком, сколько времени провел в забытьи. Мальчик не спал, а смотрел на него тяжелым, пустым взглядом. Потом он закашлялся, и все его тельце заходило ходуном.

Метью снова устроил Билли у себя на спине и зашагал дальше, стыдясь своей лени и стремясь наверстать упущенное. Торопливость всего лишь лишила его сил; вскоре он был вынужден передохнуть; дальше он пошел уже не с такой скоростью. Теперь и время, и расстояние превратились в отвлеченные понятия: противоположный берег эстуария не приближался, зато солнце валилось с небес буквально на глазах. С неожиданной ясностью, пронзившей его, как физическая боль, Метью понял, что им не суждено сегодня добраться до вожделенного грота.

Теперь ему было все труднее бороться с усталостью, которая переносилась кровью по всему телу. Каждый шаг давался невероятным усилием воли. Каким-то чудом удалось вскарабкаться на противоположный берег; немного передохнув, он заковылял дальше. Под ногами росла высокая, шел-

ковистая трава, в которой порхали две бабочки. Ему хотелось лечь, утонуть в этой свежести, но он знал, что этого ни в коем случае нельзя делать. Метью решил остановиться у группы деревьев, высящихся в отдалении. Там он снова собрался с силами. Вон та изгородь... Тот кустарник... Та куча обломков... Он шел от точки к точке, от одной промежуточной цели к другой.

Когда солнце скрылось, его покинули последние силы. Метью рухнул на колени у пересохшей канавы, заросшей терновым кустарником. Опустив мальчика на землю, он склонился над ним. Лицо Билли было покрыто потом, запекшиеся губы приоткрылись. Метью отвязал от рюкзака канистру и приложил ее к губам Билли. Тот стал жадно глотать. Напившись сам, Метью опрокинулся на землю, крепко обнимая Билли. Оба тотчас уснули.

Метью разбудили плач и беспокойное ворочанье мальчика. В ночном небе сияла почти полная луна. Воздух был теплым и свежим, искрились бесчисленные звезды. Он снова дал Билли попить и заговорил с ним, убеждая, что они почти пришли, что уже завтра наверняка доберутся до места. Спустя некоторое время мальчик снова уснул, и Метью застыл, глядя на его лицо, озаренное лунным светом. Поблизости кто-то громко хрюкал и сопел — видимо, у ежей наступил брачный период.

Метью почувствовал сосущий голод и, открыв предпоследнюю банку с мясными консервами, съел половину, надеясь, что утром Билли захочет перекусить. Он запил мясо водой и понял, что канистра почти совсем пуста. У первого же проточного водоема нужно будет снова ее наполнить.

Метью вспомнил ручей вблизи грота и как стояла рядом с ним на коленях Эйприл. Он осознал свое одиночество, понял, что потерпел неудачу. Ему предлагалось нечто такое, на что он не был вправе даже надеяться, — но он отверг предложение. Он знал, что, поступая так, наносит ей рану, однако только сейчас до него дошло, насколько глубокую. И все же ей хватило сил и здравомыслия, чтобы смириться с этим и исцелить не только саму себя, но и его. Он был совершенно уверен в этом — уверен так твердо, как ни в чем и никогда в предшествовавшей жизни.

Билли спал мирным сном. Метью прилег с ним рядом и перестал сопротивляться усталости. Их ждал последний рывок, в преддверии которого он снова обрел надежду на спасение.

На следующее утро, едва снявшись с места, путники столкнулись с группой людей: тремя мужчинами и двумя женщинами. Все они были молодые и довольно чистенькие. Метью увидел их не сразу, они же приметили его с Билли издалека; путешественники отдыхали рядом с развалинами, в которых, судя по всему, недавно рылись. Группу охраняла собака, овчарка, не отходившая от одного из мужчин, так что было сразу понятно, что это ее хозяин. Метью подумал, что ему не стоит менять направление; кроме того, тяжесть тела Билли заставляла его придерживаться как можно более прямого маршрута.

Когда до людей оставалось несколько ярдов, человек с собакой крикнул:

— Что случилось с мальчиком? Ногу сломал?

Метью остановился. Его раскачивало, мускулы свело судорогой. Собака ощетинилась и негромко зарычала.

— Болен, — пробормотал Метью.

Они какое-то время разглядывали его, а потом безразлично отвернулись. Полная девушка с еврейской внешностью шепнула что-то подруге; обе засмеялись. Теперь Метью с Билли интересовали только овчарку: не сводя с них глаз, собака тихонько рычала. Среди сложенных на траве банок Метью заметил порошковое молоко.

— Не могли бы вы поделиться с нами баночкой молока? — спросил он. — Или немного отсыпать? У меня есть только мясо, а мальчик не может его есть. Возможно, от молока он не откажется.

Полная девушка сказала:

— Джо, может, действительно...

Но человек с собакой оборвал ее:

— Замолчи! — Повернувшись к Метью, он приказал: — Идите своей дорогой. Нам хватает невзгод и без больных детей.

Собака, распознавшая в голосе хозяина раздражение, зарычала отчетливее. Метью побрел дальше. Еще некоторое время до его слуха доносились голоса и смех.

— Я и не хотел молока, мистер Коттер, — слабым голосом произнес Билли.

— Мы скоро придем, — заверил его Метью. — Вот доберемся до грота — а там Лоренс с Эйприл тебя выходят.

— Я бы мог попробовать идти сам.

— Не брыкайся. Осталось уже недолго, Билли.

В одном месте Метью потерял было направление, но потом сумел сориентироваться по солнцу и в конце концов вышел на шоссе А-31. Правда, неясно — к западу или к востоку от места, где впервые повстречался с Эйприл и остальными. Он мучительно раздумывал, куда же свернуть — налево или направо; Метью до того устал, что от одной мысли, что можно пойти не туда, у него темнело в глазах. Он прилег на траву на обочине, уложив позади себя спеленутого Билли. Мышцы ломило от напряжения. Организм требовал длительного отдыха, однако Метью знал, что этому требованию уступать нельзя. До грота оставалось не больше трех-четырех миль. Он с трудом поднялся на ноги и с фатализмом игрока избрал западное направление.

Спустя примерно полчаса он достиг кургана, в который превратилась стоявшая тут раньше деревня. Его охватило торжество: пусть до грота оставалось еще примерно две мили пути на север — ему уже казалось, что вот-вот выйдет кто-нибудь из друзей. Где-то близко Эйприл — вот за этим полем, за этими деревьями... Она наверняка там, он окликнет ее и увидит ее знакомый взгляд и улыбку.

— Я помню этот пруд, — сказал Билли.

— И я. Тебе не лучше, Билли?

— Немного лучше.

— Мы уже почти у цели.

Обращаясь к Эйприл, которая наверняка ждала их за ближней рощицей, Метью проговорил:

— Я был глупцом. Я не постиг мудрости, но я постиг хотя бы то, что я — глупец. Думаю, это неплохое начало. Помоги мне. Помоги!..

Ручей бормотал по-прежнему; на другой стороне отражали солнце глянцевые листья рододендронов. Метью про-

шел еще несколько шагов и увидел грот. Он был пуст. Расстраиваться было глупо: здешние жители, как обычно, отправились на дневной промысел. Ближе к закату они наверняка объявятся.

Метью освободил Билли и осторожно опустил мальчика в траву. Его охватила небывалая усталость, но он хотя бы не чувствовал больше боли. Цель достигнута. Теперь оставалось одно — ждать.

18

На протяжении дня становилось все жарче. Билли почти все время спал. Метью, отчасти восстановив силы, спустился к ручью, разделся и тщательно вымылся. Ему было нечем вытереться, и он сидел на солнце до тех пор, пока не высох. Одежду тоже не мешало выстирать, но с этим можно было и повременить. Той порой в небе собрались белые облака. Солнце скрылось, но было по-прежнему тепло; в отдалении прокатывался гром. Оставалось надеяться, что гроза, уж если она разразится, начнется уже после возвращения Эйприл и всех остальных.

Под конец дня Билли очнулся. По его осунувшемуся личику катился пот, голосок звучал жалобно.

— Где же они? — простонал он. — Где Лоренс?

— Они скоро вернутся.

— Как скоро?

— Скоро.

— Мне жарко, — в изнеможении выдавил Билли.

— Сейчас я тебя охлажу.

Метью оторвал от рубахи мальчика полосу ткани, тщательно выстирал ее в ручье и принес мокрой назад. После того как он протер ею лицо и шею Билли, тому вроде бы полегчало. Однако вскоре все вернулось на круги своя: у мальчика снова подскочила температура. Быстрее бы приходил Лоренс... Метью напрягал зрение, стараясь разглядеть движение среди кустов и виднеющихся вдали деревьев. Опускалась ночь. Метью понял, что сегодня они уже не вернутся.

Легко понять, чем объясняется задержка: промысел становится все более трудным, поэтому надо забираться все дальше от грота. Видимо, они зашли так далеко, что не смогли вернуться засветло. Ничего, завтра объявятся. Метью поделился своей догадкой с Билли и встретил его апатичный взгляд.

— Разве мы не продержимся вдвоем еще одну ночь, Билли?

Ответом был слабый кивок.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

Однако это было сказано безжизненным голосом, переходящим в шепот. Метью ощутил гнев: почему Лоренс не торопится? Впрочем, он тут же понял, насколько это несправедливо, и унял свои эмоции. Лучше подумать о чем-нибудь другом: скажем, о запасе еды в старом колодце. Он велел Билли полежать спокойно и заверил его, что скоро вернется. При виде досок, маскирующих колодец, Метью почувствовал непонятное томление, смахивающее на страх. Он поспешил отбросить доски в сторону. В черном провале колодца ничего не было видно. Метью запустил туда руку и нащупал веревку. Он потянул за нее и облегченно вздохнул: внизу лежал тяжелый груз.

Он вытянул сеть с припасами, выбрал пару банок, остальное же опустил обратно в колодец. Теперь скорее к Билли! Тот уже сидел, беспокойно ожидая его возвращения.

— Нашел молоко, — сообщил Метью. — Выпьешь немного?

— Я уже думал, что вы совсем ушли.

— Ушел — только ненадолго. Я же тебя предупредил. Держи! Я проделал в крышке дырок.

— Вы не уйдете, правда, мистер Коттер?

— Не уйду, — заверил его Метью.

Гроза разразилась еще до полуночи. Хлынул ливень, загрохотал гром, небо одна за другой озаряли ослепительные молнии. Метью делал все возможное, чтобы уберечь Билли от сырости: он спрятал мальчика подальше в грот и накрыл его своим плащом. Сам он промок до нитки, как только пошел дождь, но почти не замечал этого, поглощенный заботами о пациенте. Жар, мучивший тщедушный организм,

был под стать буйству природы: Билли метался и беспрестанно звал родителей, собаку Капитана... Метью сидел рядом, разговаривал с ним, старался успокоить. Его все больше охватывало отчаяние от неспособности помочь ребенку по-настоящему. Мальчик тяжело болен; возможно, он вообще при смерти. Что за горчайшая ирония судьбы, если после всех мучений, которых стоил им обратный путь, он умрет, не дождавшись Лоренса!

Метью взял Билли за руку.

— Держись, Билли! — пробормотал он. Пальцы мальчика были сухими и горячими по сравнению с его влажной, холодной ладонью. — Ты должен продержаться.

К утру гроза отошла к западу, откуда еще некоторое время доносились раскаты грома. Воздух замер. Мальчику не становилось лучше, движения его, как заметил Метью, делались вялыми. Голосок тоже ослаб. Теперь Билли обращался в бреду не только к родителям, но и к Метью, однако слова его звучали так, словно и Метью, подобно родителям, рядом с ним не было. Впрочем, стоило Метью выпустить его ладошку — и он жалостно заверещал и не унимался, пока тот снова не взял его за руку.

Метью сидел у его изголовья — замерзший, промокший, с затекшими ногами — и наблюдал, как светлеет небо. Они пережили обыкновенную летнюю грозу — неистовую, но скоротечную; теперь небо над гротом все больше голубело. К тому времени, когда Билли все-таки уснул и Метью смог от него отойти, уже поднялось солнце. Спит, подумал Метью. Но болезнь его не отпускает. Теперь тем более неясно, когда возвратятся остальные: кроме всего прочего, их могла задержать гроза. Билли нуждается в умелом уходе Лоренса, но среди медикаментов может найтись что-то, что поможет ему продержаться.

Направляясь к подвалу, Метью прошел мимо розария. Вот четыре могилы под деревянными крестами; на каждой могиле лежало по розе, уже увядшей и побитой дождем. Метью остановился и некоторое время неподвижно смотрел в ту сторону. Потом он подошел к развалинам дома.

Сперва все шло гладко: он играючи разобрал набросанный сверху мусор. Отсюда не видно грота, но зов Билли

был бы слышен. Теперь очередь перевернутого стола. Подсунув пальцы под крышку, Метью попробовал его приподнять, но не тут-то было. Он снова поднапрягся, вспоминая, что этим обыкновенно занимались сразу трое — Джордж, Чарли и Арчи. Пригодился бы какой-нибудь рычаг, но в поле зрения не попадало ничего подходящего. Он нагнулся, налег и почувствовал, что стол приподнимается, но еще недостаточно, чтобы под крышку что-нибудь подложить. Метью выпрямился и утер со лба пот. Видимо, придется оставить попытки, пока не вернутся остальные.

Или еще один рывок? Надо все-таки попытаться сдвинуть стол с места!.. Он расчистил один угол, перешел к противоположному. Теперь упереться спиной в груду камней, каблуками — в край стола и толкать. Сначала результата не было. Однако при второй попытке стол сдвинулся примерно на дюйм. Метью приспособился поудобнее и налег снова. На сей раз стол сдвинулся на целых шесть дюймов, и взгляду открылся краешек лестницы. Скромный, но все же успех.

Ему пришлось спихивать мусор с противоположного края стола, однако теперь удалось примоститься на верхней ступеньке и орудовать палкой. Работа пошла шустрее. Метью и не помышлял полностью освободить люк: достаточно будет щели, в которую можно протиснуться, распластавшись на спине.

В подвале царила темень, которую не могла рассеять полоска света, пробивающегося из узкой щелки. Метью пришлось то и дело пользоваться зажигалкой, чтобы хоть что-то разглядеть.

Сперва он решил, что здесь ничего не изменилось. Сортировочные столы стояли на месте, на полках — банки и одежда, в углу — стальная лестница и рулон металлического листа. Правда, на столах не оказалось свечей, но Метью не придал этому значения. Его больше удивил некоторый беспорядок на полках. Видимо, Эйприл последнее время ослабила контроль. Но его интересовало главным образом следующее помещение — там медикаменты и бренди. Он добрался до двери и распахнул ее.

И тотчас понял, что маленький чулан пуст. На полках, где раньше лежали медицинские принадлежности Лоренса,

осталась одна пыль. Не оказалось на месте и драгоценных бутылок с вином, как и бренди. Ничего, кроме едкой пыли.

Сперва Метью ухватился за безумную мысль, что они по какой-то причине перенесли все в главное помещение. Он поспешил назад и обошел полки с зажженной зажигалкой. Бренди не нашел, зато бросилось в глаза еще кое-что: дело не ограничивалось просто беспорядком. Недоставало очень многого. Неужели они устроили новый тайник для самого ценного имущества? Не исключено, но как-то непонятно. Кроме того, такого тайника ему ни за что не найти. Да и не могло существовать в округе столь же надежного местечка, как это.

А вдруг... Метью припомнил, как выглядят могилы. Мысль о них посетила его случайно, но уже через минуту он осознал все ее значение. Раньше Эйприл не возлагала на них цветов — видимо, она просто не видела в этом смысла, раз рядом цветет столько роз. Теперь же на каждой могиле лежит по цветку. Знак привязанности — или прощания?..

Лоренс давно твердил, что им надо перебраться на холмы, где легче обороняться, где есть живность, где можно что-то выращивать. Вполне разумное, даже очевидное стремление. Они держались этого места потому, что Эйприл не хотела расставаться со своими могилами; остальные же не смогли бы существовать без нее. Но если она в конце концов передумала... Перед мысленным взором Метью отчетливо предстала логика событий: она презирала его за навязчивые фантазии, за то, что он отказывается признать реальности жизни; впоследствии она могла подойти с теми же мерками и к самой себе. Ее связь с прошлым, потребность находиться рядом с родными могилами становилась все тоньше, превращалась в препятствие для выживания остальных. В один прекрасный день Эйприл могла ясно понять это и одуматься. Для этого нужна была только отвага — вот уж чего ей не занимать.

Метью снова осмотрел склад, силясь припомнить, как тут все выглядело прежде. Спички со свечами исчезли, пропал топор, легкая пила, ножницы — словом, все необходимые предметы, которые к тому же не тяжело нести. Что касается консервов, то исчезли те из них, которые богаты протеином. Видимо, они забрали все, в чем чувствовали

необходимость и могли унести. Остальное оставили здесь, как следует замаскировав, на случай, если в будущем появится возможность вернуться за своими сокровищами.

Следует ли из этого, что они ушли далеко? Возродившаяся было надежда тотчас умерла. Скорее всего они ищут не определенное место, а удобное жилище, и будут идти вперед, пока не найдут искомое. Найдя же, поселятся там надолго.

Теперь Метью бесцельно шарахался по подвалу, силясь освоиться со страшной реальностью, пока вторично не очутился в чулане. Просачивающийся тщедушный свет упал на какой-то предмет в углу полки, у самой стены. Он потянулся за ним. То был крохотный пузырек с аспирином. Видимо, они забыли его, собирая остальной скарб. Что ж, спасибо и на этом. Пузырек с аспирином — лекарство для умирающего мальчугана...

Тут Метью сообразил, что отсюда, из-под земли, не расслышит зова Билли. Он быстро вернулся к лестнице, снова распластавшись на спине, протиснулся наружу и поспешил к гроту.

Чуть позже Билли очнулся, охваченный горячкой. Мальчик хотел встать, а когда Метью попытался его усмирить, вступил с ним в схватку. При этом он израсходовал последние силенки. Лишь спустя полчаса он угомонился и так тяжело и беспомощно рухнул на свою постель, что Метью пришлось припасть ухом к его груди, чтобы удостовериться, что сердце бьется по-прежнему. Он бросил в молоко две таблетки аспирина и решил заставить мальчика выпить лекарство с ложечки. Сперва было трудно пропихнуть ложку ему в рот, потом Билли никак не хотел глотать. Метью сомневался, прошло ли молоко вниз по пищеводу. Хорошо еще, что оно не вылилось наружу.

Остаток дня и следующую ночь мальчик то метался, то впадал в бессознательное состояние. Метью пользовался периодами затишья, чтобы переносить из подвала различные полезные вещи: одеяла, чистую одежду, шесты и полотнище для навеса. Один раз, вернувшись, он застал Билли бодрствующим: мальчик стоял на коленях и рыдал. Он заставил его лечь и выпить растворенный в воде аспирин.

Это случилось под вечер; сам Метью за все это время съел всего лишь банку мясных консервов, заедая холодными консервированными помидорами. Огня было не развести, поскольку все дрова вымокли.

До наступления сумерек удалось установить навес, однако ночью обошлось без дождя. Было тепло, звезды ярко сияли в неописуемой вышине. Когда выдавалась свободная минутка — Метью то кутал Билли, то занимал его разговором, — он задирал голову и наблюдал за звездами. Дважды он забывался тяжелым сном; во второй раз его разбудили безотчетные попытки вконец ослабевшего Билли перелезть через него и уйти в ночь. Метью казалось, что его тело налито свинцом, голова раскалывалась, глаза не хотели открываться. Что произойдет с Билли, если и Метью подцепит эту болезнь — как бы она ни называлась? Он помотал головой для прояснения мыслей, презрев боль. Нет, болезни поддаваться нельзя.

Наступил рассвет; мальчику было по-прежнему худо, он еще больше ослабел. Казалось, силы покидают его прямо на глазах, и когда он вскрикивал, голос его больше походил на шепот. Теперь и сам Метью чувствовал себя обессиленным, даже не пытался есть. Хотелось одного — спать, однако он не мог спать, когда был нужен мальчику.

Утро превратилось в сплошной кошмар. Метью пошел умыться и, оказавшись рядом с ручьем, вообразил, что снова видит у воды коленопреклоненную Эйприл. Воздух был тяжелым, с трудом дышалось, а тут еще кукушка — ее крик прозвучал как горькая насмешка. Он вымылся, плохо соображая, что делает, и не стал выжимать одежду, решив охладить с ее помощью горящего Билли.

К середине дня лихорадка вспыхнула с новой силой. Тело мальчика выгибалось у Метью в руках; пульс колотился как бешеный. Билли судорожно разевал рот и шарил распухшим, обложенным языком по потрескавшимся губам; одновременно он обливался потом. Метью умудрился влить в него еще немного воды с аспирином. Больше ему ничего не оставалось — разве что то и дело вытирать Билли лицо. У него не было сомнений, что мальчик умирает. Он вспомнил то утро, когда впервые услышал его голос, зовущий из-под

развалин, и почувствовал бессильный гнев. Бедняжка погибает — значит все прожитое вместе, все лишения оказались бессмысленными.

Мальчик сам увязался, уверял себя Метью, а уж он присматривал за ним так ответственно, как только мог. Лучше бы Билли предпочел остаться с Миллером или потом — с Лоренсом и Эйприл; он же, Метью, был бессилен на него повлиять.

Впрочем, кое-что он все же мог сделать, но не сделал: он мог бы отказаться от собственных фантазий. Метью уставился на лицо Билли, превратившееся в череп, обтянутый кожей. Самое страшное обвинение, которое ему будет брошено, состоит именно в том, что он даже не предпринял такой попытки. Да, он заботился о мальчике. Но речь не шла о любви.

Он взял Билли за руку. Пульс в запястье все еще колотился, но уже неровно. Все напрасно! И в этом никто не виноват, кроме его самого... Метью лег рядом с Билли и крепко обнял его.

Он метался по Гайд-парку холодным, вселяющим отчаяние днем, бессмысленно разыскивая что-то. Нет, не что-то, а кого-то — человека, который ему небезразличен, которого он любил, но предал. Трава высохла за долгое засушливое лето, осенний ветер пригибал ветви деревьев к земле и швырял в лицо обертки бумаги. Хуже всего было то, что он не знал, где искать; куда бы он ни бросился, он тут же спохватывался, что оставил позади необозримые пространства; может, именно там затерялась столь необходимая ему сейчас фигурка? Внезапно Метью сообразил, куда бежать: к Серпантину, чья серая гладь уже виднелась в отдалении. Он устремился туда сломя голову. Однако, как он ни торопился, озеро не приближалось. Тревога и полная разбитость не помешали осознать смехотворность происходящего — точь-в-точь «Алиса в Стране чудес»! Появившаяся рядом Эйприл молвила: «Ты ошибся направлением. Я презираю тебя за это, Метью». Он вцепился в ее руку. «Вы можете помочь мне найти ее. Можете, если захотите!» — «Все дело в том, — отвечала она, — чтобы посмотреть в лицо действительности. Глядите!» Они оказались у самого озера. В отдалении, под самым мостом, виднелась лодка с одним-един-

ственным гребцом. Лодка уплывала все дальше, и с этим ничего нельзя было поделать. Метью закричал, борясь с ветром: «Джейн! Я здесь! Возвращайся! Не покидай меня, Джейн!» Однако лодка с Билли заплыла под арку моста и скрылась из виду. Он повернулся к Эйприл, стремясь излить свое страдание, — но рядом никого не было.

Очнувшись, Метью увидел рядом с собой неподвижное тело Билли и решил, что все кончено. Он прикоснулся к лицу мальчика, ожидая, что оно успело похолодеть, однако, к его удивлению, лицо оказалось живым и теплым; это было обыкновенное, уже не горячечное тепло. Жар прошел, Билли мирно спал. Метью захлестнула волна благодарной радости, сперва ласковая, а потом такая мощная, что закружилась голова. Он положил руку на детский лоб, но легонько, чтобы не разбудить. Жар совсем прошел.

Был предзакатный час, между деревьев висели золотые пылинки, высвеченные прямыми солнечными лучами. Метью собрал хворосту и развел огонь. Неожиданно он увидел, что Билли проснулся и наблюдает за ним.

— Как ты теперь себя чувствуешь, малыш?

— Со мной все в порядке, мистер Коттер. — Голосок был все еще слабенький, но уже отчетливый. — Я выспался.

— Да. Как насчет того, чтобы перекусить?

Билли помялся:

— Было бы неплохо. Кажется, я голоден.

Большой котел остался в подвале: он оказался слишком тяжел, чтобы тащить его с собой. Метью все же приготовил мясную похлебку, найдя в огороде кое-каких овощей, накормил Билли, а потом поел сам. После этого они просто сидели бок о бок, глядя на огонь.

— Как мы сюда добрались, мистер Коттер? Я ничего не помню.

— Часть пути я нес тебя на себе.

— Кажется, помню какую-то собаку... — Он посмотрел вверх, на навес. — А как же Лоренс и остальные? Когда они вернутся?

— Они не вернутся, Билли. Они ушли на поиски более подходящего места. Такого, где безопаснее.

— Значит, мы их больше не увидим?

— Почему же? Думаю, они ушли в сторону холмов. Вот отдохнешь, поднакопишь силенок — и мы пойдем им навстречу.

— Думаете, мы сумеем их отыскать?

— Почему бы и нет?

— Было бы здорово, если бы нам это удалось.

— Рано или поздно мы их обязательно отыщем. В живых осталось не так уж много людей. Возможно, это займет немало времени, но в конце концов мы на них набредем.

— Лоренс обещал обучить меня на врача. Конечно, не на настоящего врача, но все-таки...

— Да. А теперь тебе лучше прилечь. Если ты хочешь восстановить силы, то надо как можно больше отдыхать. Отдых и еда — вот все, что нужно, чтобы побыстрее поправиться.

Собственная головная боль и тяжесть оставили Метью. Он решил, что все дело было в беспокойстве и усталости, а главное, в чувстве бесполезности любых, самых самоотверженных усилий. Однако теперь все позади. У них снова появилась цель, и ему не терпелось приблизить ее осуществление.

Пока мальчик выздоравливал, Метью занимался необходимыми приготовлениями. Среди вещей, оставшихся в подвале, не нашлось обуви для Билли — только больше размером; зато обнаружились молоток и сапожные гвозди. Воспользовавшись подошвами от больших ботинок, он, как мог, залатал обувь Билли, надевая ее на камни как на колодки и попутно осваивая новое для себя сапожное ремесло. В конце концов из-под его рук вышло нечто, в чем Билли будет удобно и что продержится несколько недель, пока они не найдут что-нибудь более подходящее. Заодно Метью починил и собственную обувь, постирал и зашил одежду Билли и себе.

После этого он взялся за изготовление лука, о котором говорил раньше Лоренсу. В подвале остались стальные стержни, нашелся и синтетический шпагат, который мог пойти на тетиву. Вооружившись стальным обрезком, Метью попытался сделать зарубки на концах одного стержня, однако стержень оказался тверже, чем он предполагал, и, прово-

зившись несколько часов, он мало чего достиг. Забросив эту затею, пришлось удовлетвориться прямой веткой от ясеня. Она как две капли воды походила на лук. Метью нарезал стрел и закалил их кончики в огне. Настал черед тренироваться в стрельбе; Билли болел за него и встречал каждое попадание аплодисментами.

Последнее, что предстояло сделать, — это собрать все необходимое для нового путешествия. За те два страшных дня, когда ему пришлось волочить Билли на себе, Метью неоднократно возвращался к мысли избавиться от рюкзака, в котором лежал к тому же мешок Билли, но все-таки удержался от такого опрометчивого поступка. Теперь он стал снова собирать оба заплечных мешка, понимая, что запасается имуществом надолго: возможно, пройдут месяцы, а то и годы, прежде чем они встретятся со своими друзьями. Приходилось готовиться к худшему.

Погода снова испортилась: стало холодно и дождливо. Два дня подряд дождь барабанил по брезентовому навесу и стекал по ветвям. К утру третьего дня ветер утих, небо очистилось от туч. Билли наскучило безделье, и теперь он носился по саду, восторгаясь вновь обретенной свободой. Глядя на него, Метью решил, что мальчик уже достаточно поправился, чтобы двинуться в путь. Что ж, следующим утром они покинут грот: нет никакого смысла в оттягивании ухода.

Вечером он поручил Билли заняться ужином, а сам отправился на прогулку. Ветер сдул с могил все розы, кроме одной, да и от той не осталось ничего, кроме стебля и пары лепестков. Метью нарвал еще цветов и разложил их по могилам. Продолжив путь, он поймал себя на том, что идет той же тропой, по которой прогуливался с Эйприл. Ветра, разметавшего розы, оказалось недостаточно, чтобы повалить могучий дуб. Дерево все так же неуклюже кренилось над лугом, заросшим высокой травой. Среди его ветвей Метью приметил какое-то движение: это была белка. Кажется, белка — съедобный зверь. Вот бы...

Ему почудился голос Эйприл: «Вот бы вы захватили с собой лук со стрелами!»

«А что, почему бы и нет? Возможно, я бы промахнулся, но попытка — не пытка».

«Это из лука-то, сделанного из непросушенной древесины, неоперенными стрелами?»

«Знаю, знаю! За неимением лучшего сойдет и такой. Все, чем мы пользуемся, — временное. Будет иначе, когда...»

«Когда?..»

«Когда я найду вас».

Теперь ее смех прозвучал жестоко, а под конец в нем послышалась горечь.

«Значит, вы по-прежнему желаете принести Билли в жертву собственным иллюзиям?»

«При чем тут иллюзии? Кроме того, ему хочется того же. Он хочет найти вас и Лоренса».

«Какая разница, если вы наполовину уговорили мальчика хотеть того же, чего хочется вам? Это такая же иллюзия, Метью. Поэтому я презирала вас тогда и презираю сейчас».

«Ваш голос у меня в сознании — вот это иллюзия! Пока я вас не найду, для меня не будет существовать реальности».

«Сколько же времени уйдет у вас на поиски? Год? Два? Будете искать до самой смерти? А как же мальчик? Хорошенькое вы готовите ему наследство! Конечно, надо еще, чтобы он выжил после многих лет скитаний и нечеловеческих лишений...»

Белка спрыгнула на нижнюю ветку и теперь совсем рядом терла лапками мордочку.

«Значит, вы предлагаете мне отказаться от вас?»

«Не от меня. От меня вы отреклись еще в тот вечер. От ваших фантазий. Однако это значило бы замахнуться на слишком многое, ведь так, Метью?»

Он провел беспокойную ночь и рано проснулся. Пока Билли досматривал последний сон, сложил последние мелочи и разжег костер для завтрака. Запах еды разбудил мальчика. Он сел и, позевывая, сбросил одеяла.

— Мы уходим уже сегодня, мистер Коттер?

— Вот позавтракаем, уберем за собой — и вперед.

— На север, к холмам?

— Нет, на юг.

Мальчик уставился на него, не веря собственным ушам.

— Назад по дну Ла-Манша. На острова.

19

Билли указал на восток, где милях в двух от них виднелось какое-то возвышение. Даже отсюда оно казалось громадным; поддерживающие его скалы выглядели карликами.

— Дядя Метью, это танкер?

— Да.

— Как вы думаете, капитан все еще там?

— Думаю, там.

В бледно-голубое небо не тянулось ни единой струйки дыма. Метью попытался вспомнить, шел ли дым раньше. Тогда стояла ненастная погода, и они могли не обратить внимания на легкий дымок.

Интересно, что случилось, если у Скиопоса вышло все горючее? Правит ли он до сих пор в своем обреченном королевстве — наводит порядок, драит, полирует? Чем занимается долгими вечерами, раз нельзя запустить кинопроектор? Может быть, простаивает на капитанском мостике, силясь разглядеть море, предательски сбежавшее от него и от его команды?

Метью снова, как уже вошло у него в привычку, подумал об Эйприл, и его сердце в который раз сжалось — не только от горя, но и от неясных ожиданий; мысли не позволяли угольками надежды совсем угаснуть. Он отведет Билли на остров, передаст Миллеру и остальным — и тогда ничто не помешает ему снова отправиться на север, уже в одиночку. Главное сейчас — обеспечить безопасность и надежное будущее для мальчика.

— Мы сейчас находимся к западу от него — правильно, дядя Метью? Ведь когда мы шли здесь в прошлый раз, мы сбились с курса, потому что огибали первое грязевое озеро, — тараторил Билли.

В голове Метью раздался смех Эйприл, и он спохватился: конечно, он не предпримет подобной авантюры. Пускай его рассудок привык к фантазиям, но он уже кое-что понял, с чем-то смирился, и фантазии сделались теперь бессильными. Лишившись постоянной подпитки, они со временем забудутся. Кроме того, было кое-что поважнее, чем безопасность Билли; после болезни мальчик был дорог Метью сам по себе.

Он украдкой заглянул в мальчишеское лицо, посерьезневшее после всех невзгод, но еще, по счастью, детское, хотя в нем и угадывались приметы взросления. Впервые после этого он был готов поблагодарить Господа за то, что имеет.

— Да, — отозвался Метью, — берем западнее. Вряд ли есть смысл останавливаться на Олдерни. Мы выиграем несколько миль, если зашагаем прямиком на Гернси.

— Вот будет здорово снова там очутиться!

— Во всяком случае, безопасно, — сказал Метью. — Никаких тебе мародеров.

— А они не могут забрести из Франции?

— Оттуда тоже не грозит опасность. Никто не отважится бродить по морскому дну, зарясь на то немногое, что могут предложить острова.

Метью огляделся. Вокруг расстилались пространства высохшей грязи, песка, безжизненных скал. Солнце отражалось от окаменевшей соли. Теперь это суша — но до чего неприветливая! Ему пришло в голову, что она послужит островам даже лучшей защитой, чем прежде — море.

Луж попадалось куда меньше, чем в первом путешествии; видимо, многие за это время успели высохнуть. В одной луже они обнаружили рыбу, но дохлую, плавающую кверху брюхом в теплой застоявшейся воде. Потом набрели на ручей и не поленились пройти до его источника, где из-под камней с шумом вырывались пузыри. Вода оказалась пресной и прохладной, даже холодной. Путники сполоснули свои истомленные жарой тела, вылили из канистры протухшую воду и наполнили ее свежей.

Следующей находкой стал очередной корабль — грузовое судно водоизмещением не больше тысячи тонн, лежащее на боку. Метью подумал, что оно затянуто сюда откатывавшейся волной: походило на то, что оно не побывало под водой. Они залезли внутрь и обнаружили скелет в драном синем свитере и брюках. Оголившиеся кости были очищены от плоти чем-то более острым и действенным, чем гниение. Метью встревоженно оглянулся и заметил бурое тельце, метнувшееся в тень. Неизвестно, выжил ли кто-нибудь из команды этого корабля, подобно экипажу злополуч-

ного танкера, чтобы покинуть его. Во всяком случае, крысы здесь остались и прижились. Им не грозила никакая опасность, еды же было, видимо, предостаточно: тяжелый дух, заполнявший трюм, свидетельствовал о том, что судно везло в последнем рейсе что-то съедобное.

— Глядите! — крикнул Билли.

Метью обернулся на крик:

— В чем дело?

— Котенок!

В следующее мгновение он сам приметил его — полосатенького, появившегося на свет всего несколько недель назад; котенок неуверенно крался по накренившейся палубе. За ним появился второй, потом — третий... Крысы питаются содержимым трюма, а кошки — крысами. Экологическое равновесие, но установившееся ненадолго — пока хватит груза, а он не вечен.

— Может быть, захватим одного с собой?

Метью улыбнулся:

— Пожалуй, если только тебе удастся его поймать.

Он наблюдал за тем, как мальчик охотится за котенком. Сценка получилась чудесная и забавная: о том, чтобы поймать зверька, не могло быть и речи, а если бы Билли это все же удалось, то он очень скоро пожалел бы о своем подвиге. За несколько тысяч лет кошка так и не смирилась с ролью домашнего животного, и возвращение к первобытному состоянию было стремительным и необратимым. Здешние кошки одичали так, словно попали в джунгли.

На следующее утро путники, проснувшись, обнаружили, что все вокруг затянуто туманом. Поднявшееся солнце несколько рассеяло мглу, и Метью уже думал, что скоро совсем прояснится, но его ждало разочарование. Бледный диск солнца лишь время от времени проглядывал сквозь серую пелену, хотя и этого оказалось достаточно, чтобы подтвердить направление. Они бойко продвигались вперед, шагая по высохшей грязи. Здесь тоже попадались места, где верхняя корка не выдерживала человеческого веса, однако случалось это нечасто. Солнце недаром неделями трудилось на просторах.

Ночь застала путников посреди грязевого поля. Им пришлось заночевать, крепко обнявшись, чтобы совсем не продрогнуть. Метью утешался тем, что переход близится к за-

вершению. Если он не ошибся в подсчетах (и если рассеется туман), то уже завтра покажется Олдерни.

А за Олдерни — Гернси... Метью надеялся, что Миллер останется доволен как их возвращением, так и сведениями о варварстве и опустошении, с которыми они столкнулись, покинув его мирное королевство. Сам Метью чувствовал не нетерпение, а всего лишь смирение. В его ушах еще звучал голос Эйприл — тихий, как бы доносящийся издалека, зато полный доброты, а не былой горечи. Теперь она одобряла его действия: там Билли сможет нормально возмужать, там он обретет какой-никакой, а дом. Голос, воспоминания постепенно оставят его, однако Метью знал, что Эйприл навечно пребудет с ним, подобно оселку для проверки любых помыслов. Конечно, он будет горевать об утрате, но сможет ее перенести.

Мальчик снова заснул в его объятиях.

Наконец-то пропитанная влагой мгла рассеялась — это произошло только к полудню. Море придавало скалам самые причудливые очертания; в одном месте путники углубились в извилистый проход, присыпанный ярко-желтым песком, где эхо надолго подхватывало голоса. Билли забавлялся, издавая гортанные возгласы и слушая, во что превращают их источенные водой стены. Тем временем туман поднимался все выше, пока сквозь него не проглянул солнечный диск — сперва белесый, потом бледно-желтый. Уступы и зазубренные вершины постепенно окрасились в яркие тона.

— Заберись-ка вот на этот риф, — предложил Метью. — Вдруг что-нибудь разглядишь.

Билли уверенно вскарабкался по щербатой стенке и, достигнув вершины, сообщил:

— Кажется... Кажется, это Олдерни.

— Сейчас я сам погляжу.

Пока Метью лез, Билли сказал что-то еще, только Метью не разобрал его слов. Ему послышалось слово «вода». Он продолжил восхождение. На высоте двадцати футов туман заметно поредел, а после тридцати пелена спала вовсе. В вышине царило раскаленное солнце, небо слепило глаза голубизной. Метью вгляделся в горизонт. Милях в пяти к югу над белым простором поднимались скалы, левее и чуть дальше лежал ос-

тров Олдерни. Скалы были рифами Каскет, где покоился знаменитый Белый Корабль и много других судов.

— Все ясно. Мы пойдем к рифам, а потом свернем на юго-запад и так достигнем Гернси. Завтра будем на месте.

— Мне показалось, что я видел воду, — произнес Билли. — В том месте туман слегка рассеялся, а сейчас он снова сгустился.

— Наверное, очередная лужа.

— Больно много воды для лужи.

Метью уже спускался вниз.

— Поторопись, Билли. Остался пустяк.

Однако, пройдя милю, путники неожиданно наткнулись на целое озеро. Оно расстилалось перед ними, переливаясь оттенками зеленого и голубого, кое-где еще затянутое туманом. Ширина преграды составляла примерно три четверти мили, зато длину было невозможно определить — вода тянулась до самого горизонта в обоих направлениях.

— Это море, дядя Метью? — спросил Билли.

— Нет, не море. Это впадина Херд — дыра в дне Ла-Манша. Наверное, вода задержалась здесь, когда все море отхлынуло.

— Неужели нам придется ее обходить?

— Лучше обойти, чем пускаться вплавь.

Билли уставился на воду.

— Тогда в какую сторону идти?

Метью лихорадочно вспоминал виденную когда-то карту. Впадина начиналась к северу от Олдерни и была очень длинной — не меньше семидесяти миль. Не оставалось ничего другого, как взять курс на Олдерни. Там они переночуют, а потом — прямиком на Гернси.

— На восток, — решил он. — Идем на восток, Билли.

Путь в обход занял больше времени, чем он предполагал. Метью размышлял на ходу о размерах водоема. Такой большой объем воды, сравнимый, скажем, с Женевским озером, будет испаряться еще годы, а то и десятилетия, а может быть, останется навеки — вдруг его начнут подпитывать ключи? Тут наверняка водится рыба. Интересно, набрел ли на озеро Миллер? Хорошо бы построить баркас, сплести сети...

Его заставили опомниться неожиданные голоса. Метью не сомневался, что в окружности тридцати миль нет никого, кроме них, но, оказывается...

— Мистер Коттер! Билли!

Он не мог поверить собственным глазам: из-за скалы справа выбежал огненно-рыжий человечек.

— Арчи! — завопил Билли и устремился ему навстречу. Они заключили друг друга в объятия.

Тиская Билли, Арчи приговаривал:

— Я услышал голоса, но не знал, кто это, поэтому предпочел спрятаться. Я и подумать не мог, что это вы, мистер Коттер! Как же так?..

Метью уставился на него, ничего не соображая. Наверное, это сон... Однако кудлатая морковная бороденка и морщинистая обезьянья физиономия — самая что ни на есть реальность...

— Господи, Арчи! — услыхал он собственный голос. — Как вы тут оказались?

— Я ловил рыбу. — Он приподнял свою котомку и продемонстрировал ее содержимое. — Смотрите, какие красавцы! Целых четыре штуки!

— А я-то думал, что раз вы ушли из грота, то только на холмы...

— Они подумывали об этом — Эйприл и Лоренс. Но потом решили, что лучше повернуть сюда — вас наслушались. Здесь, мол, спокойнее. Что ж, они оказались правы. — Арчи махнул рукой в сторону громоздящегося на горизонте острова. — Там — куры, здесь — рыбка. До чего я люблю порыбачить, мистер Коттер! Лоренс сам посылает меня сюда — иди, мол, порыбачь. Славное местечко!

Метью не мог припомнить, когда еще его охватывала радость, сравнимая с теперешней. Он понял, что улыбается во весь рот, как полный идиот.

— Выходит, остальные там, на острове? Все?!

— Конечно! — заверил его Арчи и тоже осклабился, не скрывая удовольствия. — Готов побиться об заклад, они здорово обрадуются, когда вас увидят!

Солнце уже клонилось к закату, однако его отделяло еще немалое расстояние от скалистых зубцов, за которыми ему предстояло провести ночь. Был безоблачный летний день, предвещающий славную погоду и в предстоящие дни.

— Да, — повторил Метью, — местечко здесь и впрямь славное.

КОЛОКОЛ ПО ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Когда мы говорим о британской научной фантастике середины XX века, то первыми приходят на ум имена Джона Уиндэма, Артура Кларка, Эрика Фрэнка Расселла — и Джона Кристофера. Однако в отличие от первых трех написать полновесный биографический очерк о Кристофере очень трудно, практически невозможно. И виной тому сам писатель.

Дело в том, что в мире англоязычной science fiction он заслужил примерно такую же репутацию, что Джером Сэлинджер или Томас Пинчон — в американском литературном мейнстриме. Если кто не в курсе, то автор «Над пропастью во ржи» последние несколько десятилетий не только не дал ни одного интервью, но даже ни разу не показался на людях, удалившись в добровольное отшельничество, весьма смахивающее на безумие. А второй категорически запретил публиковать свои фото, и как выглядит в жизни Томас Пинчон, не знают даже его издатели и агенты.

Джон Кристофер до подобных крайностей еще не дошел, но все равно его нежелание предоставлять даже минимальные биографические сведения о себе стали притчей во языцех. Чтобы не плодить лишние кривотолки по поводу своей нелюдимости — особенно странной в мире западной масс-культуры, к которой за редчайшими исключениями относится современная science fiction, — писатель сформулировал некое «идеологическое обоснование». Вот как звучит «на том стою» Кристофера:

«Думаю, я должен по крайней мере объясниться, почему обычно отказываюсь отвечать на вопросы личного характера. Многие мои друзья-писатели, даже большинство, получают невинное удовлетворение от подобной саморекламы. Ничего не имею против — но разделять это всеобщее увлечение не намерен. Да, писатель тоже относится к категории public figures (люди, вызывающие общественный интерес. — В.Г.), но все же в меньшей мере, чем актеры, спортсмены и деятели шоубизнеса. Именно в знак протеста против безудержной саморекламы последних я не даю интервью, отказываю своим издателям в фотографиях собственной персоны и даже минимальных биографических сведениях о себе. Мне кажется, писатель должен писать книги — и писать так, чтобы читатель покупал их, не зная ничего о человеке, их написавшем».

Этому кредо Джон Кристофер следовал всю свою полувековую писательскую жизнь. Хотя до нее была еще одна — обыкновенная, человеческая. Жизнь англичанина Кристофера Сэмюэла Йоуда, позже взявшего себе псевдоним, в котором первое имя стало фамилией.

Из скудных, разбросанных по разным источникам сведений о его первой — долитературной — жизни в сухом остатке можно выделить следующее.

Кристофер Сэмюэл Йоуд родился 16 апреля 1922 года в небольшом городке Ноусли, расположенном в графстве Ланкашир. Будущий писатель едва успел окончить частную школу в соседнем графстве — Винчестер, как его призвали в армию: началась Вторая мировая война. Военные годы Йоуд провел радистом в Средиземноморье: он служил в Гибралтаре, Северной Африке, Италии. А после демобилизации проработал несколько лет клерком в различных конторах и агентствах.

Получив в конце 1940-х годов грант от Фонда Рокфеллера («которому останусь благодарен до конца своих дней», — отметил писатель в одном из интервью, однако на какие такие самостоятельные исследования он получил грант, мне выяснить не удалось), Йоуд начал писать прозу. Первые произведения, в том числе научно-фантастические, он публиковал под своим именем. И с 1958 года числил себя профессиональным писателем, обзаведясь сразу несколькими псевдонимами, сре-

ди которых читатели научной фантастики запомнили один: Джон Кристофер.

Еще известно, что он был дважды женат, и от первого брака у него остались четверо дочерей и один сын. И что, прожив долгие годы на крошечном островке Гернси в проливе Ла-Манш, Сэмюэл Йоуд в конце концов осел в приморском же графстве Суссекс.

Вот и все. Дальнейшее относится уже всецело к творчеству писателя Джона Кристофера.

Первой его научно-фантастической публикацией стал подписанный своим именем рассказ «Рождественское дерево» (1949), напечатанный в кэмпбелловском журнале Astounding Science Fiction. Все дальнейшее творчество писателя можно естественным образом разделить на три периода: ранние рассказы (в частности, составившие цикл об «управленцах» близкого будущего, в котором роль национальных правительств играют транснациональные корпорации); затем — «романы-катастрофы» и, наконец, научно-фантастическая проза для детей и юношества.

Первый период прошел для писателя под знаком его собственной «истории будущего» — правда, уступающей по масштабам аналогичным построениям Айзека Азимова, Роберта Хайнлайна, Кордвайнера Смита, Ларри Нивена и других американских коллег Кристофера. Рассказы цикла, составившие сборник «Двадцать второе столетие» (1954), объединены главным героем — Максом Ларкином, директором одной из могущественных корпораций. В XXII веке они почти полностью подмяли под себя нации с их правительствами, так как те явно не справились с глобальными катастрофами, обрушившимися на человечество.

Да и другие рассказы того же периода, не вошедшие в цикл, вполне могут восприниматься как своеобразное оглавление к книжной полке, на которой собраны более поздние романы Кристофера, за которыми прочно закрепился ярлычок «романы-катастрофы».

Под словом «катастрофа», как легко догадаться, понимается не их якобы ужасающий провал на рынке, а описываемые автором катастрофы глобальные: экологическая, демографическая, природная и прочие. К прочим относят-

ся полная стерилизация обоих полов в результате пандемии («Новое вино»), скатывание цивилизации к новому средневековью («Оружие») и даже поголовная безграмотность в результате запрета всех книг («Время мира»).

Впрочем, не менее успешно Джон Кристофер использовал и более традиционные сюжеты научной фантастики, при этом стараясь перевернуть много раз повторенную коллегами идею как-то по-новому, по-своему. Уж если это привычная история очередного вундеркинда с врожденными сверхспособностями, то пусть маленький «сверхчеловечек» родится от союза марсианки и мужчины с Земли (рассказ «Пары не нашлось»)! А если в будущем преступника-убийцу и сошлют в места не столь отдаленные, то пусть это будет отдаленность во времени — например, Германия 1933 года, спустя день после назначения Гитлера рейхсканцлером («Приговор»)...

Но все же не рассказы принесли славу Кристоферу-писателю, а его «романы-катастрофы», продолжившие знаменитую британскую традицию. У истоков ее стояли еще Герберт Уэллс и Артур Конан Дойл, а их дело продолжили, вместе с Кристофером, Джон Уиндэм и Джеймс Стюарт. И даже Нобелевский лауреат Уильям Голдинг, знаменитый роман которого «Повелитель мух» можно условно считать произведением о катастрофе (в данном случае локальной, но наводящей на глобальные обобщения), в результате которой люди скатываются из цивилизации в первобытное варварство...

Впрочем, роман-дебют Кристофера — «Зимний лебедь» (1949), вышедший также под его именем, — ни к каким напастям, природным и рукотворным, отношения не имел. Это была самая настоящая фэнтези для детей — жанр, в котором писателя также ждал успех, но позже. Зато первый научно-фантастический роман — «Год кометы» (1955), и в особенности следующий, «Смерть травы» (1956) принесли Кристоферу славу далеко за пределами Англии. Славу мастера как раз «романа-катастрофы».

Что же это за субжанр такой?

Для авторов коммерческих — всего лишь повод расписать в красках ужасы как самой катастрофы (наводнение, землетрясение, эпидемия, столкновение Земли с каким-то косми-

ческим телом и тому подобное), так и плачевную участь тех немногих, кому «повезло» спастись. Кавычки в данном случае необходимы: обычно в таких произведениях выживание немногих достигается страшной ценой — вынужденным отказом от цивилизации, культуры и их производного — человечности. Горстка выживших необратимо дичает — есть чем пощекотать нервы читателей.

Для других авторов, которых не в пример меньше, произошедшая «по их вине» глобальная катастрофа — это прежде всего жестокий урок. Точнее, расплата за не выученные человеческой цивилизацией другие уроки. Это возможность задуматься. Последнее относится к читателям: несчастным персонажам романов-катастроф в резко изменившихся условиях думать уже недосуг...

Кристофер, как и другие британские авторы-катастрофисты, сохраняет сдержанный пессимизм в отношении популярной идеи о том, что цивилизация будто бы окончательно и бесповоротно вывела человечество из стадии варварства. Что возвращение в него невозможно. Еще как возможно, доказывает английский писатель своими романами: достаточно всего лишь рокового и во вселенском масштабе незначительного толчка, чтобы слой цивилизованности, толщину которого мы склонны порой преувеличивать, сполз с современного человека, как нестойкий весенний загар после нескольких соприкосновений с мылом и мочалкой. Как только человек лишится своих технологических игрушек, начнется самая настоящая дарвиновская борьба за существование, в которой выживут, разумеется, сильнейшие. Сильнейшие — в смысле близости к животному началу.

Я назвал этот пессимизм сдержанным, потому что он разительно отличается, с одной стороны, от глуповатого оптимизма американских голливудских блокбастеров (в которых творится черт знает что, но в конце все о'кей, и цивилизация — все та же, американская, не вынесшая никаких уроков, — отстраивается поистине ударными темпами). А с другой — от беспробудного пессимизма той названной выше группы авторов коммерческих «ужастиков». Для них-то — чем жутче нарисованная картина, тем лучше.

Во всяком случае, намек на будущее возрождение цивилизации в романах Кристофера присутствует — только уж

очень не похоже это угадываемое возрождение на фирменный американский happy end. Когда-то, убежден писатель, даже новым лидерам «озверевшего» человечества, озабоченного собственным выживанием, придется вспоминать и такие качества рода Homo sapiens, как кооперация с другими членами сообщества, взаимовыручка, альтруизм и эмпатия. Придется заново утверждать общие для всех законы и по ростку выращивать дерево культуры. Словом, восстанавливать шаг за шагом весь тот набор признаков, который отличает человеческое общество от звериной стаи.

Но займет этот процесс не одно столетие — тут обольщаться не стоит...

Самый знаменитый, как уже говорилось, роман Кристофера — «Смерть травы». В книге нарисован один из самых ранних и самых ярких и художественно убедительных сценариев глобальной экологической катастрофы, вызванной гибелью (от мутировавшего вируса) всей травы и злаков на планете. Как заметил американский критик Джон Пфайффер, «Кристофер впечатляюще напомнил нам, что кукуруза, пшеница и рис — тоже трава, если не относиться к этому термину слишком узко. Та самая трава, которая упоминается в Библии рядом с «плотью»* и без которой невозможна жизнь всякой другой плоти на Земле». Результатом биокатастрофы, как легко догадаться, становится катастрофа социальная: в обстановке наступившего всепланетного голода начинается борьба за выживание, разрушение цивилизации и неизбежное сползание в анархию и варварство.

Роман был успешно экранизирован («Ни листика») в 1970 году режиссером Корнелом Уайлдом и стал своего рода эталоном для десятков последующих книг, написанных на ту же тему.

Сам писатель продолжил ее разработку в романах «Мир зимой» (1962) и «Мороз по коже» (1965). В этих книгах всадниками Апокалипсиса становятся, соответственно, необратимые климатические изменения, вызвавшие наступление

* Критик намекает на библейскую цитату «Вся плоть — трава» (All flesh is grass). Именно так, кстати, называется в оригинале хорошо известный нашему читателю роман Клиффорда Саймака «Все живое...». — *Здесь и далее примеч. автора.*

нового ледникового периода, и лавинообразная серия разрушительных землетрясений в Европе.

Можно условно отнести к той же серии и роман «Маятник» (1968), в котором описана катастрофа уже чисто социальная, демографическая. Оказывается, мир легко может превратиться в ад, в образцовую антиутопию, и для этого не нужны даже тираны-властолюбцы, тоталитарные партии или неудержимые в своей жадности олигархи. Достаточно просто уступить власть... молодым. В романе Кристофера это обычные подростки-тинейджеры, настоятельно попросившие «стариков» дать порулить. Дата выхода романа не случайна: английский писатель буквально на несколько месяцев предугадал ту реальность, которая взорвет мирное западное общество в мае 69-го во Франции. Если кто забыл: в Сорбонне бунтовавшие студенты тоже вывешивали плакаты «Власть — молодым!»...

Менее удачными получились другие «взрослые» романы Кристофера: «Облако серебра» (1964; выходил также под названием «Остров Суини») и «Пещеры ночи» (1968).

Наконец, особняком в его творчестве стоят еще две книги — «Обладатели» (1965) и «Малый народец» (1967), представляющие собой редкие для британского писателя экскурсии на территорию сопредельного жанра — «научно-фантастической готики». В первом романе группа отдыхающих на горнолыжном курорте в Швейцарии захвачена пришельцами, способными вселяться в тела своих жертв и полностью подчинять собственной воле тела-доноры. Во втором другая группа туристов — на сей раз поселившихся в старинном замке, — выдерживает нападение карликов, созданных злонамеренными генетиками еще во времена нацистского рейха.

Зато третий период творчества Кристофера принес ему новый успех. Во всяком случае, когда англоязычные критики обращаются к такому субжанру фантастической литературы, как young adult science fiction (условно это можно перевести знакомым у нас «научная фантастика для детей старшего школьного возраста»), то одним из первых называется имя Джона Кристофера. Премий «Хьюго» и «Небьюла» английскому писателю не досталось, зато он является лауреатом сразу нескольких престижных премий (английских,

американских и одной западногерманской) в области детской литературы.

Большинство произведений Кристофера, рассчитанных на молодого читателя, также вписываются в генеральную тему его творчества: глобальную катастрофу. Единственное, быть может, отличие этих книжек от «взрослых» романов — это отсутствие слишком уж откровенных сексуальных сцен и эпизодов, связанных с насилием. Саму же глобальную катастрофу — тему, немыслимую, скажем, в отечественной фантастике для детей, — писатель описывает без сюсюканья и «лакировки». Достаточно сказать, что знаменитая трилогия, о которой речь пойдет ниже, написанная Кристофером для молодого английского читателя, была переведена у нас и была воспринята читателями как фантастика обычная — «взрослая»!

Речь идет о едва ли не самом успешном в коммерческом плане произведении Кристофера — трилогии о пришельцах-«треножниках» (триподах): «Белые горы» (1967), «Город золота и свинца» (1967) и «Огненный бассейн» (1969)*.

Герой трилогии — обыкновенный английский мальчишка Уилл Паркер, живущий в английской сельской глуши. Родина Паркера, как, впрочем, и вся планета, оккупирована инопланетными захватчиками, передвигающимися в боевых машинах на треножниках (ясный кивок в сторону классика — Герберта Уэллса). Наиболее физически сильных представителей рода Homo sapiens пришельцы изолируют и обучают ремеслу личных охранников; всем другим разумным обитателям Земли уготована участь домашнего скота. А когда пришельцы окончательно перестроят атмосферу планеты и силу тяжести на ее поверхности «под себя», коренное население мгновенно превратится для них во вредных насекомых, участь которых не вызывает сомнений... Однако роман все-таки написан для детей, поэтому троим подросткам во главе с Уиллом в конце концов удастся победить бесчеловечных и безликих «треножников».

---

* Романы объединены в один том — «Трилогия о треножниках» (1980); спустя восемь лет Кристофер написан роман-пролог «Когда появились треножники». Трилогия была экранизирована телекомпанией Би-би-си в виде 13-серийного телефильма.

Успешными оказались и две другие «детские» трилогии Кристофера. Действие первой, «Шаровая молния», развертывается в «параллельной» Британии времен римского владычества; кроме одноименного романа, вышедшего в 1981 году, серию продолжили романы «Вновь обретенная земля» (1983) и «Танцующий дракон» (1986). Герой второй, состоящей из романов «Принц в ожидании» (1970), «За пылающими землями» (1971) и «Меч духов» (1972), — молодой наследник трона в Англии будущего, серией катастрофических землетрясений отброшенной в новое средневековье.

Из одиночных романов Кристофера в жанре young adult science fiction выделяются «Долгое путешествие» (1960), «Пещеры лотоса» (1969), «Стражи» (1970) и «Пустой мир» (1977). Всего же, если не ограничиваться только научной фантастикой, писатель опубликовал (под псевдонимами Хилари Форд, Уильям Годфри, Питер Грааф, Энтони Рай и Питер Николс*) более тридцати книг для детей.

Во всех своих произведениях, как научно-фантастических, так и не относящихся к жанру science fiction, Джон Кристофер оставался приверженцем традиции. Как истинный британец, сформировавшийся еще до революционных шестидесятых, он не желал экспериментировать со стилем или затрагивать какие-то особо взрывоопасные темы. Вместо этого он всегда гарантировал читателю надежность, качество, ясность мысли и благоразумие, которые не отменяли ни интриги, ни крепко закрученного сюжета, ни даже отдельных бивших по нервам сцен.

Как писал коллега и соотечественник писателя Брайн Олдисс в своей истории научной фантастики, «Шабаш на триллион лет» (1986): «Интеллигентный и мудрый человек, Джон Кристофер одно время рассматривался как самая вероятная кандидатура на роль ведущего британского писателя-фантаста... Однако время играло против него (и против Уиндэма). Потому что в романах-катастрофах автор и читатель изначально предполагают наличие некоего социально-

* Последний не имеет ничего общего с английским критиком Питером Николлсом, живущим в Австралии и известным как один из соавторов — наряду с Джоном Клютом — фундаментальной и лучшей на сегодняшний день Энциклопедии научной фантастики.

го порядка, который затем дает фатальный сбой. В середине же шестидесятых общественное мнение решительно склонялось к тому, что само понятие «социального порядка» давно утратило всякий смысл, оставшись в далеком прошлом».

Признать существование мира безо всякого социального порядка, тем более живописать его Джон Кристофер, как истинный британец старшего поколения, не мог. Поэтому в новой фантастике ему места не было. Но кто при этом больше проиграл — Кристофер или новая фантастика, — для меня лично остается вопросом.

Вл. Гаков

БИБЛИОГРАФИЯ ДЖОНА КРИСТОФЕРА

(Книжные издания)

1. «Белый лебедь» (The White Swan, 1949 — под своим именем).

2. Сб. «Двадцать второе столетие» (The Twenty-Second Century, 1954).

3. «Год кометы» (The Year of the Comet, 1955). Выходил также под названием «Планета в опасности» (Planet in Peril).

4. «Смерть травы» (The Death of Grass, 1956). Выходил также под названием «Ни травинки» (No Blade of Grass).

5. «Долгое путешествие» (The Long Voyage, 1960). Выходил также под названием «Белое путешествие» (The White Voyage).

6. «Мир зимой» (The World in Winter, 1962). Выходил также под названием «Долгая зима» (The Long Winter).

7. «Облако серебра» (Cloud of Silver, 1964). Выходил также под названием «Остров Суини» (Sweeney's Island).

8. «Мороз по коже» (A Wrinkle in the Skin, 1965). Выходил также под названием «Зазубренный конец» (The Ragged Edge).

9. «Обладатели» (The Possessors, 1965).

10. «Малый народец» (The Little People, 1967).

11. «Белые горы» (The White Mountains, 1967). См. также № 24.

12. «Город золота и свинца» (The City of Gold and Lead, 1967). См. также № 24.

13. «Маятник» (Pendulum, 1968).

14. «Пещеры ночи» (The Caves of Night, 1968).

15. «Огненный бассейн» (The Pool of Fire, 1969). См. также № 24.

16. «Пещеры лотоса» (The Lotus Caves, 1969).

17. «Стражи» (The Guardians, 1970).

18. «Принц в ожидании» (The Prince in Waiting, 1970). См. также № 25.

19. «За пылающими землями» (Beyond the Burning Lands, 1971). См. также № 25.

20. «Меч духов» (The Sword of the Spirits, 1972). См. также № 25.

21. «В начале» (In the Beginning, 1972). Выходил также под названием «Дом и Ва» (Dom and Va).

22. «Дикий Джек» (Wild Jack, 1974).

23. «Пустой мир» (Empty World, 1977).

24. Сб. «Трилогия о треножниках» (The Tripods Trilogy, 1980). Объединение №№ 11, 12 и 15.

25. Сб. «Трилогия о мечах духов» (The Swords of the Spirits Trilogy, 1980). Выходил также под названием «Трилогия о принце в ожидании» (The Prince in Waiting Trilogy). Объединение №№ 18, 19 и 20.

26. «Шаровая молния» (Fireball, 1981).

27. «Вновь обретенная земля» (New Found Land, 1983).

28. «Танцующий дракон» (Dragon Dance, 1986).

29. «Когда появились треножники» (When the Tripods Came, 1988).

Содержание

Смерть травы 5
Долгая зима 175
У края бездны 405
Колокол по человечеству 626
Библиография Джона Кристофера 636

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

Кристофер Джон

Смерть травы
Долгая зима
У края бездны

Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Технический редактор *О.В. Панкрашина*
Младший редактор *А.С. Рычкова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Джон Кристофер — признанный классик английской научной фантастики, дебютировавш
еще в 50-е годы XX века и впоследствии по праву занявший высокое место в мировой ф
тастике.

Отечественному читателю творчество Кристофера знакомо в основном по переведенным е
в 60-е — 70-е годы рассказам, однако истинную славу ему принесли РОМАНЫ. Романы,
стойно продолжающие традиции классической британской «фантастики катастрофы», и
щие еще от Герберта Уэллса. Романы, сравнимые по силе воздействия только с произве
ниями Джона Уиндэма...

ISBN 5-17-014115-7